

МИНИСТЕРСТВО НАУКИ И ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

ГУМАНИТАРНЫЕ И ЮРИДИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

Научно-теоретический журнал

ISSN 2409-1030

2025. Том 12. № 3

Выходит 4 раза в год

Ставрополь
2025

Журнал «Гуманитарные и юридические исследования» (Gumanitarnye i yuridicheskie issledovaniya) – рецензируемый научный журнал открытого доступа, публикующий работы, изучающие различные проявления многообразия восточной и западной цивилизаций.

Миссия журнала «Гуманитарные и юридические исследования» – способствование развитию исследований, посвященных цивилизациям Запада и Востока, специфике их взаимоотношений; публикация оригинальных статей, обзоров по истории цивилизаций, филологии и юриспруденции России и зарубежных государств, рецензий монографий, сборников статей, материалов международных и всероссийских конференций. Важное место в деятельности журнала отводится расширению международного сотрудничества с научным сообществом государств дальнего и ближнего зарубежья в рамках актуальных проблем истории цивилизаций Востока и Запада, филологии и юриспруденции России и зарубежных стран.

Цель журнала заключается в выявлении и публикации научных исследований высокого уровня по истории цивилизаций Востока и Запада, филологии России и зарубежных стран, опирающихся на современные теоретико-методологические подходы, максимально широкий круг источников и соблюдающих этику издания научных публикаций. Значительное внимание в редакционной политике уделяется анализу сложных и дискуссионных тем истории, филологии, юриспруденции России и зарубежных государств, цивилизационного взаимодействия и межкультурного диалога, специфики развития различных цивилизаций и их культурных кодов, интеллектуального наследия западных и восточных цивилизаций.

Редакционная коллегия поддерживает междисциплинарные исследования и академическую полемику, рассматривая его как основу для представления различных точек зрения научных школ, мировоззренческих концепций, методологических подходов в современной гуманитаристике.

В журнале «Гуманитарные и юридические исследования» публикуются научные работы по истории цивилизаций Востока и Запада, филологии и юриспруденции России и зарубежных государств. Журнал вводит в научный оборот архивные и другого рода документы; публикует информацию о новых изданиях, научных конгрессах, конференциях, семинарах, юбилеях известных российских и зарубежных ученых.

Журнал публикует статьи на русском и английском языках.

Разделы журнала: Исторические науки (всеобщая история, отечественная история, источниковедение); юридические науки (теория и история права и государства; история учений о праве и государстве; конституционное право; конституционный судебный процесс; муниципальное право; гражданское право; предпринимательское право; семейное право; международное частное право; финансовое право; налоговое право; бюджетное право; земельное право; природоресурсное право; экологическое право; аграрное право, уголовное право и криминология; уголовно-исполнительное право; административное право; административный процесс); филологические науки (теория языка).

ISSN 2409-1030

<https://doi.org/10.37493/2409-1030>

Научный журнал зарегистрирован в Федеральной службе по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор).

Свидетельство о регистрации средства массовой информации ПИ № ФС 77-59452 от 22 сентября 2014 г.

Выходит 4 раза в год

Дата выхода первого номера: 16.05.2014.

Сведения о переименовании: журнал «Юридические исследования» (свидетельство ПИ № ФС7751091 от 4 сентября 2012 года) в 2014 году был переименован и ныне выходит под названием «Гуманитарные и юридические исследования»

Тираж 500 экз.

Свободная цена. Дата выхода в свет текущего номера: 31.10.2025.

Индекс 94078 «Объединенный каталог. ПРЕССА РОССИИ. Газеты и журналы»
Входит в Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук

Адрес редакции и издателя: 355017, г. Ставрополь, ул. Пушкина, 1. Телефон: (8652) 75-28-64.
E-mail: gujournal@ncfu.ru; сайт: <https://humanitieslaw.elpub.ru/jour>

Адрес издательства Научной библиотеки ФГАОУ ВО «СКФУ»:
355017, г. Ставрополь, ул. Пушкина, 1.

Материалы журнала открытого доступа в соответствии с условиями лицензии Creative Commons Attribution 4.0 License, которая разрешает их использование, распространение и воспроизведение на любом носителе при условии правильного цитирования оригинальной работы.

Авторское право на оригинал-макет и оформление принадлежит журналу, авторское право на статьи – авторам.

© Северо-Кавказский федеральный университет, оригинал-макет, оформление, 2025

MINISTRY OF SCIENCE AND HIGHER EDUCATION
OF THE RUSSIAN FEDERATION

HUMANITIES AND LAW RESEARCH

Scientific bulletin

ISSN 2409-1030

2025. Volume 12. No. 3

Published four times a year

Stavropol
2025

“Humanities and law research” journal

“Humanities and law research” journal is a peer-reviewed open access academic journal that publishes papers analyzing various manifestations of the diversity of Eastern and Western civilizations.

The mission of “Humanities and law research” journal is to contribute to the development of research on the civilizations of the West and the East, the specifics of their relationships; publication of research articles, reviews on the history of civilizations, philology and jurisprudence of Russia and foreign countries, reviews of monographs, collections of articles, works of international and All-Russia conferences. An important area in the journal’s activities is the development of international cooperation with the scientific communities in foreign countries in the framework of topical issues of the history of civilizations of the East and the West, philology and jurisprudence of Russia and foreign countries.

The purpose of the journal is to identify and publish top-level research works on the history of civilizations of the East and West, philology of Russia and foreign countries which are based on modern theoretical and methodological approaches as well as a wide range of sources and follow the academic publication ethics.

Considerable attention in the editorial policy is paid to the analysis of complex and controversial topics of history, philology, jurisprudence of Russia and foreign countries, civilizational interaction and intercultural dialogue, the specifics of the development of various civilizations and their cultural codes, the intellectual heritage of Western and Eastern civilizations. The Editorial Board supports interdisciplinary research and academic discussions, considering it as a basis for presenting various points of view of scientific schools, concepts, methodological approaches in modern humanities.

“Humanities and law research” journal publishes academic papers on the history of civilizations of the East and West, philology and jurisprudence of Russia and foreign countries. The journal introduces archival and other documents into academic circulation; provides information about new publications, scientific congresses, conferences, seminars, jubilees of prominent Russian and foreign scholars.

The journal publishes papers in Russian and English.

Sections of the journal:

Historical sciences (World History, National History, Source Studies); Legal sciences (theory and history of law and the state; constitutional law; constitutional litigation; municipal law; civil law; business law; family law; international law; financial law; tax law; budget law; land law; natural resource law; environmental law; agrarian law, criminal law and criminology; penal law; administrative law; administrative process); Philological sciences (theory of language).

The scientific journal is registered in the Federal Service for Supervision of Communications, Information Technology, And Mass Media (Roskomnadzor).

Certificate of mass medium registration PI № FS 77-59452 of September 22, 2014.

ISSN 2409-1030

<https://doi.org/10.37493/2409-1030>

Published four times a year

Release date of the first issue: 05.16.2014.

Information about the renaming: the journal “Legal Research” (certificate PI No. FS77-51091 dated September 4, 2012) was renamed in 2014 and is now published under the name “Humanitarian and Law Research”

Circulation: 500 copies

Free price. Publication date of the current issue: 10.31.2025.

Postal code 94078 “Unified catalog. PRESS OF RUSSIA. Newspapers and magazines”.
The journal is on the List of leading peer-reviewed scientific journals recommended for candidate and doctoral thesis publications.

The address of the editorial office and publisher: 1, Pushkin Street, Stavropol 355017.

Telephone: +7 (8652) 75-28-64

E-mail: gujournal@ncfu.ru; website: <https://humanitieslaw.elpub.ru/jour>

The address of the publishing house of the Scientific Library of the NCFU:

1, Pushkina Street, Stavropol 355017.

Journal content is an open access under the terms of the Creative Commons Attribution 4.0 License, which permits use, distribution and reproduction in any medium, provided the original work is properly cited.

Copyright for the original layout and design belongs to the journal,
copyright for the articles belongs to the authors

© North-Caucasus Federal University, original layout, design, 2025

ГУМАНИТАРНЫЕ И ЮРИДИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ
Научно-теоретический журнал

Учредитель

Федеральное государственное автономное образовательное учреждение
высшего образования «Северо-Кавказский федеральный университет»

Главный редактор

Крючков И. В. – доктор исторических наук, профессор, профессор, заведующий кафедрой всеобщей истории Северо-Кавказского федерального университета (г. Ставрополь, Россия)

Заместитель главного редактора

Смирнов Д. А. – доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой административного и финансового права, директор юридического института Северо-Кавказского федерального университета (г. Ставрополь, Россия)

Ответственный секретарь

Амбарцумян К. Р. – кандидат исторических наук, доцент, доцент департамента мировой политики и зарубежной регионоведения Северо-Кавказского федерального университета (г. Ставрополь, Россия)

Редакционный совет

Исмаил Тогрул – д-р ист. наук, д-р экон. наук, профессор, профессор, заведующий отделом политологии и международных отношений Университета Кахраманмараса Сутчу Имама (г. Мерсин, Турция);

Мамонов В. В. – д-р юрид. наук, профессор, заведующий кафедрой государственного права Ленинградского государственного университета имени А. С. Пушкина (г. Пушкин, Россия);

Мелконян А. А. – д-р ист. наук, академик НАН Республики Армения, директор Института истории НАН Армении (г. Ереван, Армения);

Мюллер В. – д-р ист. наук, профессор, профессор института восточно-европейской истории Венского университета (г. Вена, Австрия);

Репина Л. П. – д-р ист. наук, член-корреспондент РАН, заместитель директора Института всеобщей истории РАН (г. Москва, Россия);

Саваи Ф. – д-р ист. наук, профессор, профессор института истории Реформатского университета Кароли Гаспара (г. Будапешт, Венгрия);

Фролов Д. Д. – д-р социально-политических наук, научный сотрудник Национального Архива Финляндии (г. Хельсинки, Финляндия).

Редакционная коллегия

Апрыщенко В. Ю. – д-р ист. наук, профессор, Бард-колледж (Аннандейл-он-Гудзон, США);

Анисимов А. П. – д-р юрид. наук, профессор, профессор кафедры конституционного и административного права Волгоградского филиала Российской академии народного хозяйства и государственной службы (г. Волгоград, Россия);

Артамонова Е.А. – д-р юрид. наук, доцент, профессор кафедры уголовного права и процесса, Северо-Кавказский федеральный университет, профессор (г. Ставрополь, Россия);

Бакаева О. Ю. – д-р юрид. наук, профессор, профессор кафедры финансового, банковского и таможенного права Саратовской государственной юридической академии (г. Саратов, Россия);

Беликов А. П. – д-р ист. наук, доцент, профессор всеобщей истории Северо-Кавказского федерального университета (г. Ставрополь, Россия);

Блинов А. Г. – д-р юрид. наук, профессор, заведующий кафедрой уголовного и уголовно-исполнительного права Саратовской государственной юридической академии (г. Саратов, Россия);

Борисова Т.Г. – д-р. филол. наук, доцент, заведующая кафедрой родных языков и лингводидактики Ставропольского государственного педагогического института (г. Ставрополь, Россия);

Бредихин С. Н. – д-р филол. наук, профессор, профессор департамента лингвистики Северо-Кавказского федерального университета (г. Ставрополь, Россия);

Булыгина Т. А. – д-р ист. наук, профессор, профессор кафедры истории России Северо-Кавказского федерального университета (г. Ставрополь, Россия);

Гладышев А. В. – д-р ист. наук, профессор, профессор кафедры истории нового и новейшего времени Саратовский государственный университет им. Н.Г. Чернышевского (г. Саратов, Россия);

Грязнова В. М. – д-р. филол. наук, профессор, профессор кафедры русского языка Северо-Кавказского федерального университета (г. Ставрополь, Россия);

Гусаренко С. В. – д-р филол. наук, профессор, профессор департамента лингвистики Северо-Кавказского федерального университета (г. Ставрополь, Россия);

Демченко Т. И. – д-р юрид. наук, доцент, профессор кафедры теории и истории государства и права Северо-Кавказского федерального университета (г. Ставрополь, Россия);

Дроздова А. М. – д-р юрид. наук, профессор, профессор кафедры правовой культуры и защиты прав человека Северо-Кавказского федерального университета (г. Ставрополь, Россия);

Ежова Е. Н. – д-р. филол. наук, профессор, профессор департамента медиакommunikаций Северо-Кавказского федерального университета (г. Ставрополь, Россия);

Каменский М. В. – д-р филол. наук, доцент, профессор департамента лингвистики Северо-Кавказского федерального университета (г. Ставрополь, Россия);

Каширина Т. В. – д-р. ист. наук, профессор, заведующая кафедрой международных отношений и внешней политики России Московского государственного лингвистического университета (г. Москва, Россия);

Клюковская И. Н. – д-р юрид. наук, профессор, заведующая кафедрой теории и истории государства и права Северо-Кавказского федерального университета (г. Ставрополь, Россия);

Клычников Ю. Ю. – д-р. ист. наук, профессор, профессор кафедры исторических и социально-философских дисциплин, востоковедения и теологии Пятигорского государственного университета (Пятигорск, Россия);

Колесникова М. Е. – д-р ист. наук, профессор, заведующая кафедрой истории России, директор гуманитарного института Северо-Кавказского федерального университета (г. Ставрополь, Россия);

Краснова И. А. – д-р ист. наук, профессор, профессор кафедры всеобщей истории Северо-Кавказского федерального университета (г. Ставрополь, Россия);

Кузьминов П. А. – д-р ист. наук, профессор, профессор кафедры истории России Кабардино-Балкарского Государственного Университета им. Х.М. Бербекова (г. Нальчик, Россия);

Ласкова М. В. – д-р филол. наук, профессор, заведующая кафедрой перевода и информационных технологий в лингвистике Южного федерального университета (г. Ростов-на-Дону, Россия);

Мехди Хоссейни Тагибад – профессор, директор Института Кавказских исследований Тегеранского университета (г. Тегеран, Иран);

Мирошниченко Н. В. – д-р юрид. наук, профессор, заведующая кафедрой государственного и муниципального управления и права Ставропольского государственного аграрного университета (г. Ставрополь, Россия);

Мухачёв И. В. – д-р юрид. наук, профессор, заведующий кафедрой конституционного и международного права Северо-Кавказского федерального университета (г. Ставрополь, Россия);

Навасардова Э. С. – д-р юрид. наук, профессор, заведующая кафедрой экологического, земельного и трудового права Юридического института Северо-Кавказского федерального университета (г. Ставрополь, Россия);

Позднышов А. Н. – д-р юрид. наук, профессор, декан юридического факультета Ростовского государственного экономического университета (РИНХ) (г. Ростов-на-Дону, Россия);

Попов В. В. – д-р юрид. наук, профессор, профессор кафедры финансового, банковского и таможенного права Саратовской государственной юридической академии (г. Саратов, Россия);

Радбиль Т. Б. – д-р филол. наук, профессор, заведующий кафедрой теоретической и прикладной лингвистики Национального исследовательского Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского (г. Нижний Новгород, Россия);

Рыженков А. Я. – д-р юрид. наук, профессор, профессор кафедры гражданского и международного частного права Волгоградского государственного университета (г. Волгоград, Россия);

Савина В. С. – д-р юрид. наук, доцент, профессор кафедры гражданско-правовых дисциплин Российского экономического университета имени Г.В. Плеханова (г. Москва, Россия);

Серебрякова С. В. – д-р филол. наук, профессор, профессор департамента лингвистики Северо-Кавказского федерального университета (г. Ставрополь, Россия);

Стариков Ю. Н. – д-р юрид. наук, профессор, декан юридического факультета, заведующий кафедрой административного и административного процессуального права Воронежского государственного университета (г. Воронеж, Россия);

Цихорацкий П. – д-р. ист. наук, профессор, профессор Вроцлавского университета (г. Вроцлав, Польша);

Чаннов С. Е. – д-р юрид. наук, профессор, Заведующий кафедрой информационного права и цифровых технологий, Саратовская государственная юридическая академия (г. Саратов, Россия);

Чичман Л. – д-р полит. наук, Университета Иштвана Сечени (Дьер, Венгрия);

Шварц И. – д-р филос. наук, профессор Венского университета (г. Вена, Австрия);

Шебзухова Т. А. – д-р ист. наук, профессор, и.о. ректора Северо-Кавказского федерального университета (г. Ставрополь, Россия);

Щербакова Л. М. – д-р юрид. наук, профессор, профессор кафедры уголовного права и процесса юридического института Северо-Кавказского федерального университета (г. Ставрополь, Россия);

Шибкова О. С. – д-р филол. наук, профессор, профессор департамента лингвистики Северо-Кавказского федерального университета (г. Ставрополь, Россия);

Ширяева Т. А. – д-р филол. наук, профессор, заведующая кафедрой английского языка и профессиональной коммуникации Пятигорского государственного университета (г. Пятигорск, Россия).

Переводчик-редактор

Марченко Т. В. – кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры департамента лингвистики Северо-Кавказского федерального университета (г. Ставрополь, Россия).

HUMANITIES AND LAW RESEARCH Scientific bulletin

Founder

Federal State Autonomous Educational Institution
for Higher Education “North-Caucasus Federal University”

Editor-in-Chief

Igor V. Kryuchkov – Doctor of History, Professor, Professor, Head, Department of World History, North-Caucasus Federal University (Stavropol, Russia)

Vice Editor-in-Chief

Dmitrii A. Smirnov – Doctor of Law, Professor, Director of the Law Institute, Head of Administrative and Financial Law Department, North-Caucasus Federal University (Stavropol, Russia)

Executive editor

Karine R. Ambartsumyan – PhD in History, Associate Professor, Associate Professor, World Politics and Foreign Regional Studies Department, North-Caucasus Federal University (Stavropol, Russia)

Editorial Council

Togrul Ismail – Doctor of History, Doctor of Economics, Professor, Professor, Head of the Department of Political Science and International Relations at Kahramanmaraş Sutcu Imam University (Mersin, Turkey);

Vadim V. Mamonov – Doctor of Law, Professor, Head of State Law Department, Pushkin Leningrad State University (Pushkin, Russia);

Ashot A. Melkonyan – Doctor of History, academician of National Academy of Sciences of Armenia, Director of Institute of History, National Academy of Sciences of the Republic of Armenia (Yerevan, Armenia);

Wolfgang Müller – Doctor of History, Professor, East European History Department, University of Vienna (Vienna, Austria);

Lorina P. Repina – Doctor of History, corresponding member of the Russian Academy of Sciences, Deputy Director of the Institute of World History of the Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia);

Ferenc Szávai – Doctor of History, Professor, Professor, Institute of History, Károlyi Gaspar Reformed University (Budapest, Hungary);

Dmitrii D. Frolov – Doctor of Social and political Sciences, scientific officer of the National Archives of Finland (Helsinki, Finland).

Editorial Board

Viktor Yu. Apryschenko – Doctor of History, Professor, Bard College (Annandale-on-Hudson, USA);

Alexey P. Anisimov – Doctor of Law, Professor, Professor of Constitutional and Administrative Law Department, Russian Academy of National Economy and Public Service (Volgograd branch, Russia);

Elena A. Artamonova – Doctor of Law, Associate Professor, Professor of Criminal Law and Procedure Department, North-Caucasus Federal University (Stavropol, Russia);

Olga Yu. Bakaeva – Doctor of Law, Professor, Professor of Financial, Banking and Customs Law Department, Saratov State Law Academy (Saratov, Russia);

Alexandr P. Belikov – Doctor of History, Associate Professor, Professor of Department of World History, North-Caucasus Federal University (Stavropol, Russia);

Alexandr G. Blinov – Doctor of Law, Professor, Head of Criminal and Criminal Executive Law Department, Saratov State Law Academy (Saratov, Russia);

Tatiana G. Borisova – Doctor of Philology, Associate Professor, Head of Native Languages and Linguistics Department Stavropol State Pedagogical Institute (Stavropol, Russia);

Sergey N. Bredikhin – Doctor of Philology, Professor, Professor of Linguistics Department, North-Caucasus Federal University (Stavropol, Russia);

Tamara A. Bulygina – Doctor of History, Professor, Professor of History of Russia Department, Humanities Institute, North-Caucasus Federal University (Stavropol, Russia);

Andrey V. Gladyshev – Doctor of History, Professor, Professor of Modern and Contemporary History Department, Saratov State University named after N.G. Chernyshevsky (Saratov, Russia);

Violetta M. Gryaznova – Doctor of Philology, Professor, Professor of Russian Language Department, North-Caucasus Federal University (Stavropol, Russia);

Sergey V. Gusarenko – Doctor of Philology, Professor, Professor of Linguistics Department, North-Caucasus Federal University (Stavropol, Russia);

Tamila I. Demchenko – Doctor of Law, Associate Professor, Professor of Theory, State and Legal History Department, North-Caucasus Federal University (Stavropol, Russia);

Alexandra M. Drozdova – Doctor of Law, Professor, Professor of Legal Culture and Protection of Human Rights Department, North-Caucasus Federal University (Stavropol, Russia);

Elena N. Ezhova – Doctor of Philology, Professor, Professor of Media Communications Department, North-Caucasus Federal University (Stavropol, Russia);

Mikhail V. Kamenskii – Doctor of Philology, Associate Professor, Professor of Linguistics Department, North-Caucasus Federal University (Stavropol, Russia);

Tatiana V. Kashirina – Doctor of History, Professor, Head of International Relations and Foreign Policy of Russia Department, Moscow State Linguistic University (Moscow, Russia);

Irina N. Klyukovskaya – Doctor of Law, Professor, Head of Theory, State and Legal History Department, North-Caucasus Federal University (Stavropol, Russia);

Yurii Yu. Klychnikov – Doctor of History, Professor, Professor of Historical and Socio-Philosophical Disciplines, Oriental Studies and Theology Department, Pyatigorsk State University (Pyatigorsk, Russia);

Marina E. Kolesnikova – Doctor of History, Professor, Head of Russian History Department, Director of the Humanitarian Institute, North-Caucasus Federal University (Stavropol, Russia);

Irina A. Krasnova – Doctor of History, Professor, Professor of Department of World History, North-Caucasus Federal University (Stavropol, Russia);

Petr A. Kuzminov – Doctor of History, Professor, Professor of Russian History Department, Kabardino-Balkarian State University named after H.M. Berbekov (Nalchik, Russia);

Marina V. Laskova – Doctor of Philology, Professor, Head of Translation and Information Technology in Linguistics Department, Southern Federal University (Rostov-on-Don, Russia);

Nadezhda V. Miroshnichenko – Doctor of Law, Professor, Head of Chair of State and Municipal management of Stavropol State Agricultural University (Stavropol, Russia);

Igor V. Mukhachev – Doctor of Law, Professor, Head of Constitutional and International Law Department, North-Caucasus Federal University (Stavropol, Russia);

Mehdi Hosseini – Professor, Head of Caucasus Studies Institute, Tehran University, (Tehran, Iran);

Eleonora S. Navasardova – Doctor of Law, Professor, Head of Environmental Law, Land and Law of Employment Department, North-Caucasus Federal University (Stavropol, Russia);

Alexey N. Pozdnyshov – Doctor of Law, Professor, Head of Faculty of Law, Rostov State Economic University (RINKH) (Rostov-on-Don, Russia);

Vasilii V. Popov – Doctor of Law, Professor, Professor of Financial, Banking and Customs Law Department, Saratov State Law Academy (Saratov, Russia);

Timur B. Rudbil – Doctor of Philology, Professor, Head of theoretical and applied linguistics Department, Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod (Nizhny Novgorod, Russia);

Anatolii Ya. Ryzhenkov – Doctor of Law, Professor, Professor of Civil and International Private Law, Volgograd State University (Volgograd, Russia);

Victoriya S. Savina – Doctor of Law, Associate Professor, Professor of Civil Law Disciplines Department, Plekhanov Russian University of Economics (Moscow, Russia);

Svetlana V. Serebriakova – Doctor of Philology, Professor, Professor of Linguistics Department, North-Caucasus Federal University (Saratov, Russia);

Yurii N. Starilov – Doctor of Law, Professor, Dean of the Law Faculty, Head of the Administrative and Administrative Procedural Law Department, Voronezh State University (Voronezh, Russia);

Piotr Cichoracki – Doctor of History, Professor of Wrocław University (Wrocław, Poland);

Sergey E. Channov – Doctor of Law, Professor, Head of the Department of Information Law and Digital Technologies, Saratov State Law Academy (Saratov, Russia);

László Csicsmann – Doctor of Political Sciences, Professor, István Széchenyi University (Győr, Hungary);

Iskra Schwarcz – Doctor of History, Professor, Professor of Vienna University (Vienna, Austria);

Tatiana A. Shebzuхова – Doctor of History, Professor, Director of Pyatigorsk Institute (branch) of the North Caucasus Federal University (Pyatigorsk, Russia);

Ludmila M. Shcherbakova – Doctor of Law, Professor; Professor of Criminal Law and Procedure Department, North-Caucasus Federal University (Stavropol, Russia)

Oksana S. Shibkova – Doctor of Philology, Professor, Professor of Linguistics Department, North-Caucasus Federal University (Stavropol, Russia);

Tatiana A. Shiryaeva – Doctor of Philology, Professor, Head of English Language and Professional Communication, Pyatigorsk State University (Pyatigorsk, Russia).

Translator-editor

Tatiana V. Marchenko – PhD in Philology, Associate Professor, Associate Professor of Linguistics Department, North-Caucasus Federal University (Stavropol, Russia).

СОДЕРЖАНИЕ**ИСТОРИЧЕСКИЕ НАУКИ**

Аверьянов А. В., Камынин Е. В. Образы будущего в СССР: к вопросу об историографии проблемы	353
Амбарцумян К. Р. Становление и развитие истории повседневности. Зарубежная и российская историография: опыт сравнения	362
Барави М. В. Курдские анклав и их положение на территории стран Ближнего Востока	371
Булыгина Т. А., Романова Н. В. Беспризорность в городском пространстве повседневности в 1920-е гг.: Детский городок в повседневной жизни Ставрополя 1920-х годов	379
Гаунова Л. Р. Отражение в периодической печати развития женского образования в Нальчикском округе (вторая половина XIX – начало XX века) как фактор социокультурного сближения народов региона	391
Кирчанов М. В. Государственные и общественные участники политики исторической памяти в современной Испании	401
Колосовская Т. А., Сурай С. А. Репрезентация горских народов Северного Кавказа в творческом наследии Д.А. Милютин	409
Кудрявцев А. А., Шебзухова Т. А. Военно-политическая роль Дербента в истории Кавказа накануне монгольской экспансии в регионе	420
Лазарян С. С., Клычников Ю. Ю. Южнороссийский (кавказский) сюжет в истории пребывания иезуитов в Российской империи (1772-1918 гг.)	429
Пахлян Н. М. Организация трудоустройства пенсионеров и инвалидов в Краснодарском крае в середине 1950-х – середине 1980-х гг.	437
Пикалова В. С., Пикалов Д. В. Ядерный фактор в советско-американских отношениях на завершающей стадии Второй мировой войны: к 80-летию бомбардировок Хиросимы и Нагасаки	444
Семиков М. О. Развитие программы ядерных исследований ЮАР с 1940-х по 1972 гг.	455
Феклин А. М. Исторические основы миграционной политики российского государства	462
Хубулова С. А., Хубулова Э. В. Повседневная жизнь горожан Терека в начале XX века и воздействие на нее коммерческой рекламы (на материалах газет Терской области).....	468

ЮРИДИЧЕСКИЕ НАУКИ

Демидова И. А. Правовая культура современного белорусского общества: критерии оценки в проекции теоретического юридического знания	476
Королев С. Ю. Земельный участок как правовая категория	483
Лавринов В. В. Контрабанда в уголовном законодательстве Российской Федерации и Республики Армения: вопросы унификации	489
Навасардова Э. С., Свидлова К. В. Правовой режим обращения с отходами на территории курортов Кавказских Минеральных Вод	496
Суюнова З. М., Габрилян Р. Р. Проблемы взаимодействия национального и международного права в современных реалиях	506

ФИЛОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

Гусаренко С. В., Гусаренко М. К. Интерпретация художественного приёма в тексте лингвистическими нейросетями Алиса YandexGPT 5 Pro, GPT-4o DUM-E, DeepSeek Рико и GigaChat	513
Мазукабзова М. Х., Каменский М. В. Вербальные и невербальные языковые средства коммуникации в формировании пользовательского выбора в интерактивном кино Detroit: Besome Human	524
Манаева И. В. Прагма-аксиологическая специфика трансляции «коллективного блага» в мотивационном профсоюзном дискурсе	532
Оборская С. А. О лексическом составе кхмерского языка	539
Романова С. А., Горожанов А. И. Публикационная активность ученого – доктора филологических наук: критерии интенсификации и снижения цитируемости (ретроспектива специальности 10.02.04 – Германские языки)	547

РЕЦЕНЗИИ

- Володькова Е. Н., Шебзухова Т. А., Покотилова Т. Е.** К вопросу образования Кавказской епархии: Рецензия на монографию П. Г. Немашкалова «Особенности развития церковно-приходской жизни Кавказской епархии (1843-1846 гг.)». Ставрополь: Типография «Идея+», 2024. 317 с. 555

НАУЧНЫЕ МЕРОПРИЯТИЯ

- Баранов А. В., Ратушняк О. В.** Актуальный научный форум по исследованию роли Черноморско-Средиземноморского региона в системе национальной безопасности России 558

CONTENTS**HISTORICAL SCIENCES**

Averyanov AV, Kamynin EV. Images of the future in the USSR: on the historiography of the problem	353
Ambartsumyan KR. The formation and development of everyday life history. Foreign and Russian historiography: experience of comparing	362
Baravi MV. Kurdish enclaves and the state of their affairs in the Middle East	371
Bulygina TA, Romanova NV. Homelessness in the urban space of everyday life in the 1920s: Children's playground in the everyday life of Stavropol in the 1920s	379
Gaunova LR. The reflection of the development of women's education in Nalchik district in periodicals (the second half of the 19th – early 20th century) as a factor of socio-cultural rapprochement of peoples .	391
Kyrchanoff MW. State and activist participants in the policy of historical memory in modern Spain	401
Kolosovskaya TA, Suray SA. Representation of the mountain peoples of the North Caucasus	409
Kudryavtsev AA, Shebzukhova TA. The military and political role of Derbent in the history of the Caucasus on the eve of Mongol expansion in the region	420
Lazarian SS, Klichnikov YuYu. The South Russian (Caucasian) Plot in the History of the Jesuits' Stay in the Russian Empire (1772-1918)	429
Pakhlian NM. Organization of employment of pensioners and disabled people in the Krasnodar Krai in the mid-1950s – mid-1980s	437
Pikalova VS, Pikalov DV. The nuclear factor in Soviet-American relations at the final stage of World War II: to the 80th anniversary of the bombings of Hiroshima and Nagasaki	444
Semikov MO. The development of nuclear research programs in the Republic of South Africa from the 1940s to 1972	455
Feklin AM. Historical foundations of the migration policy of the Russian state	462
Khubulova SA, Khubulova EV. Everyday life of Terek residents at the beginning of the 20th century and the impact of commercial advertising on it (based on materials from Terek region newspapers)	468

LEGAL SCIENCES

Demidova IA. Legal culture of modern Belarusian society: evaluation criteria in the projection of theoretical legal knowledge	476
Korolev SYu. The land plot as a legal category	483
Lavrinov VV. Smuggling in the criminal legislation of the Russian Federation and the Republic of Armenia: issues of unification	489
Navasardova ES, Svidlova KV. Legal regime for waste management in the territory of the Caucasian Mineral Waters resorts	496
Suyunova ZM, Gabriilyan RR. Problems of interaction between national and international law in modern conditions	506

PHILOLOGICAL SCIENCES

Gusarenko SV, Gusarenko MK. Interpretation of figurative language in text by linguistic neural networks Alice YandexGPT 5 Pro, GPT-4o DUM-E, DeepSeek Rico and GigaChat	513
Mazukabzova MH, Kamensky MV. Verbal and non-verbal linguistic means of communication in shaping user choice in interactive film Detroit: Become Human	524
Manaeva IV. Pragmatic-axiological features of conveying the “collective good” in motivational trade union discourse	532
Oborskaia SA. On the lexical composition of the Khmer language	539
Romanova SA, Gorozhanov AI. Publication Activity of a Scientist – Dr. habil. in Philology: Criteria for the Intensification and Reduction of Citations (retrospective of the specialty 10.02.04 – Germanic languages)	547

REVIEW

Volodkova EN, Shebzukhova TA, Pokotilova TE. On the formation of the Caucasian diocese: a review of the monograph by P. G. Nemashkalov «Features of the development of the parish life of the Caucasian diocese (1843-1846) ». Stavropol: Printing house «Idea+», 2024. 317 p.	555
--	-----

SCIENTIFIC EVENTS

Baranov AV, Ratushnyak OV. An actual scientific forum on the study of the Black Sea-Mediterranean region's role in the national security system of Russia 558

ИСТОРИЧЕСКИЕ НАУКИ / HISTORICAL SCIENCES

Научная статья

УДК 930(47)

<https://doi.org/10.37493/2409-1030.2025.3.1>

ОБРАЗЫ БУДУЩЕГО В СССР: К ВОПРОСУ ОБ ИСТОРИОГРАФИИ ПРОБЛЕМЫ

Антон Викторович Аверьянов¹, Евгений Вячеславович Камынин^{2*}^{1,2} Южный федеральный университет (д. 105/42, ул. Большая Садовая, Ростов-на-Дону, 344006, Российская Федерация)¹ Доктор исторических наук, доцент
avaveryanov@sfnedu.ru <https://orcid.org/0000-0001-7140-5601>.² Ассистент Научно-образовательного центра «Перспективные решения в образовании» (НОЦ ПРО)
ekamynin@sfnedu.ru <https://orcid.org/0009-0002-3947-2032>

* Автор, ответственный за переписку

Аннотация. Введение. Статья посвящена анализу историографии по тематике образов будущего в СССР. Данная проблематика является актуальной как для современного российского общества, нуждающегося в собственном образе будущего, так и для исторической науки, поскольку изучение представлений о будущем осуществляется в рамках актуальных научных направлений (история идей, историческая психология, историческая прогностика) и имеет большой потенциал для исследователей вследствие того, что многие ее аспекты не были проанализированы ранее. **Материалы и методы.** Исследование построено на основе обзора работ, посвященных проблеме представлений о будущем в Советском Союзе, с применением общенаучных (анализ и синтез), а также исторических (сравнительный) методов. **Анализ.** Авторы анализируют основные работы, посвященные данной тематике, различные подходы и методы, с помощью которых изучаются образы будущего в СССР. Исследования советских представлений о будущем прошли в своем развитии несколько этапов. В советский период данная тема рассматривалась в контексте истории литературы и культуры. В 1990–2000-х гг. представления о будущем стали воспринимать шире, однако по-прежнему в качестве одного аспекта более крупных объектов исследований. И лишь в начале 2010-х гг. изучение образов будущего выделилось как отдельное направление в рамках исследования советской истории. Основными проблемами здесь являются условия формирования и изменения образов будущего в различные периоды, отражение представлений о будущем в советской

культуре, у советских партийных и государственных деятелей, и у обычных советских граждан. **Результаты.** В конце статьи делается вывод о том, какие аспекты в рамках данного направления остаются малоизученными, какие вопросы необходимо ставить исследователям, какие подходы к теме можно считать актуальными на сегодняшний день. Востребованным можно считать изучение образов будущего в различные временные периоды существования советской власти (так как за редким исключением на предмет представлений о будущем они исследованы не слишком глубоко), исследование воплощения будущего в советской фантастике на разных этапах ее развития.

Ключевые слова: СССР, образы будущего, коммунизм, историография, советская власть, утопия, научная фантастика

Для цитирования: Аверьянов А. В., Камынин Е. В. Образы будущего в СССР: к вопросу об историографии проблемы // Гуманитарные и юридические исследования. 2025. Т. 12. № 3. С. 353–361. <https://doi.org/10.37493/2409-1030.2025.3.1>

Конфликт интересов: авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Вклад авторов: все авторы внесли равный вклад в подготовку публикации.

Статья поступила в редакцию: 15.11.2024.

Статья одобрена после рецензирования: 18.02.2025.

Статья принята к публикации: 25.03.2025.

Research article

IMAGES OF THE FUTURE IN THE USSR: ON THE HISTORIOGRAPHY OF THE PROBLEM

Anton V. Averyanov¹, Evgeniy V. Kamynin^{2*}^{1,2} Southern Federal University (105/42, Bolshaya Sadovaya St., Rostov-on-Don, 344006, Russian Federation)¹ Dr. Sc. (History), Associate Professor
avaveryanov@sfnedu.ru <https://orcid.org/0000-0001-7140-5601>² Assistant at the Scientific and Educational Center "Advanced Solutions in Education" (SEC PRO)
ekamynin@sfnedu.ru <https://orcid.org/0009-0002-3947-2032>

* Corresponding author

Abstract. Introduction. The article is devoted to the analysis of historiography on the subject of images of the future in the USSR. The topic is relevant both for modern Russian society, which needs its own image of the future, and for historical science, since the study of perceptions of the future is carried out within the framework of current scientific trends (history of ideas, historical psychology, historical prognostication). It has a significant potential for researchers for many of its aspects have not been analyzed. **Materials and methods.** The study is based on the review of the main works devoted to the problem of percep-

tions of the future in the Soviet Union, using general scientific methods (analysis and synthesis), as well as historical methods (comparative method). **Analysis.** The authors analyze the main works devoted to this topic, various approaches and methods used to study images of the future in the USSR. The studies of Soviet representations of the future have passed through several stages in their development. In the Soviet period, this topic was considered in the context of literary and cultural history. In the 1990s-2000s, representations of the future began to be perceived more broadly, but still as one aspect of larger objects of research.

Only in the early 2010s did the study of images of the future stand out in a separate direction within the study of Soviet history. The main problems here are the conditions of formation and changes in the images of the future in different periods, the reflection of perceptions of the future in Soviet culture, among Soviet party and state leaders, and among ordinary Soviet citizens. **Results.** The conclusion is made about what aspects within the framework of this direction remain understudied, what questions need to be posed to researchers, and what approaches to the topic can be considered relevant today. The study of images of the future in different time periods of the Soviet regime can be considered in demand (since with few exceptions they have not been investigated too deeply in terms of representations of the future), the study of the embodiment of the future in Soviet fiction at different stages of its development.

Введение. Прошлое, настоящее и будущее – весьма взаимосвязанные состояния времени. Настоящее основано на прошлом, и через настоящее пролегает тернистая дорога к будущему. Так или иначе, людям свойственно планировать свои дальнейшие действия, начиная от мелочей и заканчивая глобальным вопросом: какое будущее мы оставим нашим детям? Чтобы куда-то двигаться, лучше иметь конкретную цель или хотя бы образ, к которому хочется приблизиться. Он должен основываться на определенных тенденциях, событиях, которые существуют в настоящем времени и ведут свое начало из прошлого: «Вероятность предсказанного будущего происходит прежде всего из предзаданности прошлого» [16], как отмечал Р. Козеллек. В то же время сами представления о будущем могут определять поведение людей в настоящем. «Знание» черт и качеств образа грядущего «дает людям веру в эту будущую «реальность» [35]. Соответственно, формирование представлений о будущем, актуальных для современного российского общества, является необходимой и важной задачей как для власти, так и для представителей интеллигенции.

Обращение к советскому опыту, как нам кажется, может быть здесь весьма ценным. Ведь СССР можно назвать уникальным государством в этом плане – здесь у общества и власти была конкретная, обозначенная одним словом цель – коммунизм. Само понимание, что такое «коммунизм» весьма и весьма разнилось, и нельзя утверждать, что на протяжении существования Советского Союза все его граждане были согласны с данным целеполаганием. Однако в официальном дискурсе этот термин сохранял свой положительный смысл до последних лет существования советского государства. Коммунистические образы будущего постоянно вели за собой советских людей – сначала через невзгоды Гражданской войны к мировой революции, затем, когда оказалось, что революция охватит весь мир нескоро, – к внутренним завоеваниям, к построению социализма в отдельно взятой стране. Н. С. Хрущев вновь поднял образ коммунистического будущего на знамена, обещая наступление коммунизма через двадцать лет. При Л. И. Брежневе понятие «период разверну-

Keywords: USSR, images of the future, communism, historiography, Soviet power, utopia, science fiction

For citation: Averyanov AV, Kamynin EV. Images of the future in the USSR: on the historiography of the problem. *Humanities and law research.* 2025;12(3):353-361. (In Russ). <https://doi.org/10.37493/2409-1030.2025.3.1>

Conflict of interest: the authors declare no conflicts of interests.

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article.

The article was submitted: 15.11.2024.

The article was approved after reviewing: 18.02.2025.

The article was accepted for publication: 25.03.2025.

того строительства коммунизма» было заменено концепцией «развитого социализма». Наступление коммунизма было отложено до необозначенного срока. В перестроечное время будущее поначалу еще оставалось прекрасным, но с каждым годом реальность показывала, что чего-то замечательного (и коммунистического) в нем остается все меньше и меньше – пока 1991 г. не поставил крест на идее восхождения к коммунизму (по крайней мере, в государственном плане). Тем не менее долгое время советский народ трудился, боролся, жил, творил и созидал во имя коммунистического будущего. И рассмотрение того, как формировались представления об этом грядущем (и кто их конструировал), как и по каким причинам они менялись, может быть весьма полезным для создания своего образа будущего в современном российском обществе.

Так как представления о грядущем в СССР стали изучаться как отдельное направление исследований относительно недавно, считаем важным рассмотреть данную проблему именно в историографии. Во-первых, это позволит отметить, какие проблемы уже затрагивались исследователями, когда и при каких условиях проявился интерес к данной теме, как менялись подходы к изучению образов будущего. А исходя из этого мы также сможем определить, какие направления в рамках данной темы являются актуальными и малоизученными либо нуждаются в новом прочтении, новых подходах в исследованиях.

Материалы и методы. Относительно образов будущего как объектов историко-культурного анализа следует отметить следующее: начиная с середины XX в. традиционную событийную историю начинают дополнять работы, посвященные изучению идей, ценностей, мысленных представлений людей, «потаенных мыслительных структур» [10, с. 63]. Представления о будущем также попадали в данную категорию, при этом они связывались с настоящим, а также с прошлым, с историческим сознанием. Так, например, советский историк М. А. Барг предложил трактовать историческое сознание как «форму общественного сознания, в которой совмещены все три модуса исторического времени – прошлое, настоящее и будущее» [2]. Р. Козеллек отмечал, что «опыт и ожи-

дания – две категории, которые пригодны для обсуждения исторического времени, потому что они скрещивают прошлое и будущее» [16]. Следовательно, связь исторического прошлого и грядущего позволяет изучать образы будущего как исторические явления. Данные исследования осуществляются в рамках исторической прогностики – междисциплинарной отрасли социогуманитарного знания, расположенного на стыке истории, культуры, социологии, психологии и футурологии. Как отмечает И. В. Желтикова, образы будущего с позиции разных наук можно рассматривать как проекты, требующие реализации (футурология), цель для самореализации (психология), представления о будущем различных социальных групп и в прошлом (история), и в настоящем (социология). Что касается исторической науки, то, по мнению В. И. Пантина и В. В. Лапкина, «историческое прогнозирование состоит в выявлении и анализе наиболее существенных тенденций общественного развития, которые действуют не только в прошлом, но и в настоящем и, скорее всего, будут действовать в тот период будущего, к которому относится данный прогноз» [21, с. 126]. Следовательно, изучение образов будущего отвечает задачам современной исторической науки, соответствует новейшим тенденциям в ней, основанным на антропологическом повороте и междисциплинарном подходе. Изучение представлений о грядущем может осуществляться в рамках направлений истории идей, культурной истории или исторической психологии.

При анализе образов будущего исследователи используют различные подходы. Так, например, Н. Н. Глухарев в качестве методологической основы изучения образов грядущего берет постулаты Э. Блоха (видение будущего зависит от тех ценностей и нравственных ориентиров, которые обозначаются как наиболее высокие идеалы) и Ф. Полака (образ будущего – синтез восприятия реальности и воображения, а конкретную форму ему придают творчески одаренные люди, способные жить одновременно в мире воображения и реальном мире) [8]. А. В. Демкина также рассматривает представления о грядущем через постулаты Э. Блоха [11]. А. А. Фокин при анализе образов будущего опирается на суждение о совмещении трех времен в едином социальном конструкте, которое базируется на трактовке идей М. А. Барга [33, с. 20]. И. В. Желтикова определяет образ будущего как «целостную картину будущего, отражающую социальные ожидания больших групп людей. Это представления о том, что ожидает или может ожидать общество, мир в целом в ближайшем или несколько удаленном, или очень удаленном будущем, всё том, что мысленно мы определяем как „позже, чем теперь“. Образ будущего включает в себя представления не о какой-то одной стороне жизни общества, а координированное видение социальной, полити-

ческой, экономической, культурной сфер социальной реальности» [13, с. 18].

Следовательно, цель данной статьи – проанализировать историографию темы образов будущего в СССР, определить, какие проблемы и периоды затрагивались исследователями на различных этапах изучения советских представлений о грядущем, и выделить те аспекты, которые нуждаются в дальнейшем рассмотрении.

Относительно периодизации историографии образов будущего в СССР отметим, что отдельно данную тему стали изучать начиная с 2010-х гг. До этого же представления о грядущем рассматривались в основном как составная часть какой-то более крупной проблемы. В советский период это касалось в основном истории культуры, анализировались представления о будущем в художественных произведениях, но не в рамках прочих сфер жизни. В конце XX – начале XXI вв., с появлением новых проблем в рамках изучения советской истории, образам грядущего также стали уделять больше внимания, однако по-прежнему они изучались в рамках более общих вопросов, например истории советской пропаганды. Однако с развитием исторической науки, в результате осуществления антропологического, культурологического и других «поворотов», возникновение интереса к анализу ментальностей и детализации отдельных тем, проблематика образов будущего стала вполне самостоятельной. Существующая на данный момент зарубежная историография претерпела схожие трансформации в ходе своего развития – от отдельного аспекта в рамках обширных исследований тема представлений о грядущем стала отдельным направлением изучения советской истории. Необходимо отметить тот комплекс проблем, которые рассматриваются исследователями в ее рамках. Важным компонентом в исследованиях образов будущего является выявление характера их формирования и изменения в разные исторические периоды. Отечественные и зарубежные ученые изучали различные этапы советской истории с точки зрения того, какие представления о будущем появлялись на свет в ту или иную эпоху. Особое внимание уделялось 1920-м гг. и рубежу 1950–1960-х гг., так как в эти периоды ожидания наступления коммунистического будущего чрезмерно усиливались. Представления о грядущем в другие этапы советской истории исследованы не столь подробно. Среди образов будущего 1930-х гг. исследователями особенно выделяется образ «будущей войны», возможно, потому, что это время предшествует Великой Отечественной войне – одному из самых важных событий в российской истории как в общественном, так и в научном плане, а представления о «будущей войне» так или иначе с Великой Отечественной войной связаны. Прочие же периоды советской истории в плане образов грядущего исследованы еще более фрагментарно.

но. Отдельной проблемой является отражение представлений о будущем в советской культуре. В рамках данной проблемы в основном анализируется художественная литература и кинематограф.

Анализ. Говоря о советском периоде в историографии образов будущего в СССР, стоит выделить работы, посвященные истории научной фантастики, так как прогностическая функция данного жанра отвечала задачам проектирования образов коммунистического будущего. В первую очередь, это монография [4] А. Ф. Бритикова «Русский советский научно-фантастический роман» (1970), где автор исследует историю советской фантастики от ее зарождения до конца 1960-х гг. Это исследование во многом не утратило своей важности, так как подобной работы в науке до сих пор не создано. Автор исследовал огромный пласт советской фантастической литературы и сумел оформить всю информацию в цельное, историческое повествование. Из достоинств монографии также можно назвать большой библиографический список изданной в СССР фантастики. Однако есть у этой работы и недостатки – например, присущая советскому периоду идеологизированность (и рассмотрение значения художественных произведений с этой точки зрения), относительная доля субъективности: так, автор иногда делит жанры на более и менее «полезные», дает субъективные оценки различным периодам в истории советской фантастики. Тем не менее данная монография значима и актуальна по сей день. Изучение образов будущего в советской фантастике продолжилось и в 1990-е гг. Еще одна работа на данную тему – «Перекресток утопий: Судьбы фантастики на фоне судеб страны» (1998) В. А. Ревича [26], в которой автор также пытается выстроить связь между историей советской научной фантастики и историей Советского Союза. Из достоинств монографии можно выделить большее, чем у А. Ф. Бритикова, выявление связей между советской реальностью и фантастикой. К тому же свое повествование В. А. Ревич довел до распада СССР. Однако в духе многих исторических произведений 1990-х годов работа слишком субъективна, во многом носит публицистический характер. Автор делит героев повествования на своих любимцев и тех, чьи произведения ему не нравятся, отбрасывая феномены, приходящиеся ему не по душе, и акцентируя внимание на том, что ему интересно. Из-за этого общая картина образов будущего в советской фантастике предстает искаженной. Пожалуй, лишь в современное время, когда эмоции относительно советского периода хотя бы немного поутихли, стало возможным говорить об истории советской фантастики менее субъективно и более разносторонне. Так, в сборнике статей, выпущенных журналом «Мир фантастики» [20] объективно изложены основ-

ные этапы развития научной фантастики в СССР, отражены различные аспекты и периоды – от первых утопий 1920-х гг. [34] до истории редакции отдела фантастики издательства «Молодая гвардия» [22] и перехода советской фантастической литературы в постсоветскую.

Так или иначе, но образы грядущего были важнейшей составляющей советского проекта, поэтому весьма неудивительно затрагивание данной темы в различных исследованиях как рубежа XX–XXI вв., так и современных, посвященных советскому времени, а не конкретно представлениям о будущем. Например, начало пятой главы монографии О. В. Великановой «Разочарованные мечтатели: Советское общество 1920-х гг.» [7] посвящено ожиданиям наступления социализма в 1920-е годы, а также анализу образов социализма у власти и у граждан. Или, например, тема восприятия будущего затронута в монографии В. П. Булдакова «Утопия, агрессия, власть. Психосоциальная динамика постреволюционного времени. Россия, 1920–1930 гг.» [5]. Однако в подобных исследованиях проблематика представлений о будущем рассматривается недостаточно глубоко (такая задача исследователями и не ставилась), но само наличие информации и рассуждений на данную тему свидетельствует о важности изучения советских образов будущего как составной части советской эпохи, того, без чего советскую эпоху нам до конца не понять.

Начиная с 2010-х гг. образы будущего начинают рассматриваться как отдельный объект исследований. В статье И. В. Желтиковой «Образы будущего протяженностью в 200 лет: возможное и действительное российского будущего. Часть 2» [14] анализируются основные представления о грядущем в России за последние 100 лет. Данная статья полезна и интересна в том плане, что дает масштабное представление о том, как менялись образы будущего в Российской империи / СССР начиная с 1890 г. Автор приводит периодизацию смены представлений о будущем и основные характеристики, присущие им в данные периоды. Такая работа позволяет исследователю оттолкнуться от данной И. В. Желтиковой схемы в поисках интересующего его периода и аспекта представлений о грядущем. В статье И. Ю. Кондратьева «СССР как процесс реализации образа будущего» [17] весь советский период истории России рассматривается как формирование и реализация меняющегося комплекса представлений о будущем – и именно отказ от него стал причиной распада СССР, по мнению автора. Интерес также представляет то, какие проекты грядущего создавались представителями эмиграции, так как многие из них, так или иначе противопоставляя себя советскому обществу, во многом отталкивались от него. Данной теме посвящена статья М. А. Пономаревой [23].

Формирование образов будущего в СССР в 1920-е гг. исследуется в статье Н. Н. Глухарева [8]. Автор отмечает, какие существуют подходы к изучению представлений о грядущем, и довольно подробно анализирует представления о грядущем, сформированные советскими лидерами: В. И. Лениным, Н. Бухариным, Л. Троцким, – представления о будущем, содержащиеся в партийных документах. Отдельно автор разбирает, какими чертами образы грядущего наделялись деятелями советской культуры. Продолжая исследование данного периода, можно раскрыть его специфику, проанализировать представления о будущем у других советских лидеров того времени, более детально изучить общее и особенности восприятия будущего у деятелей культуры. Этому же периоду посвящена также статья А. А. Сальниковой [28], где анализируются представления о будущем глазами советских детей. А. Д. Савлучинская в статье «Градостроительные утопии русского авангарда» [27] рассматривает различные проекты «городов будущего», создававшиеся в СССР начиная с 1920-х гг.

В статье К. А. Артамонова «К вопросу о генезисе образов технического будущего СССР в мировоззрении советского общества» [1] исследуется формирование представлений о будущем в СССР в 1940–1950-е гг. Автор выделяет и специфику данного периода в истории формирования советского образа будущего, и особенности этого образа в целом, его отличия от зарубежных, западных послевоенных моделей. Основными источниками здесь выступают тексты, созданных партийными лидерами, но, впрочем, отмечается и то, что на формирование представлений о грядущем влиял и народ. Статья М. А. Симонова [29] посвящена плану построения коммунизма в СССР, разрабатываемому Госпланом после Великой Отечественной войны. Автор анализирует историю создания документа и конструируемый этим планом официальный образ коммунистического будущего. В отношении данного периода представляется интересным также расширить источниковую базу на основе других официальных партийных документов, а также раскрыть отображение предполагаемого будущего в послевоенной советской культуре.

Важно отметить монографию А. А. Фокина «Коммунизм не за горами. Образы будущего у власти и населения СССР на рубеже 1950–1960-х годов» [32], основанную на кандидатской диссертации автора, так как это одно из немногих крупных исследований, посвященное представлениям о будущем в СССР. Ученый уделяет внимание образам грядущего на рубеже 1950–1960-х гг. – это было время, когда появилась знаменитая III программа КПСС, обещавшая, что «нынешнее поколение советских людей будет жить при коммунизме!» [25]. Автор подробно описывает, как и на основе чего создавалась

данная программа, ее отдельные положения, тем самым показывая, какой образ будущего на тот момент был в головах у представителей советской власти. Отдельно также анализируются его медиаторы – средства пропаганды, а также художественные тексты, которые также влияли на формирование этого образа грядущего. Интересным и уникальным материалом является анализ коммунистических ожиданий у населения СССР, которые автор воссоздал и структурировал на основе архивных материалов. Таким образом, А. А. Фокин показывает, что представления о будущем у власти, у населения, у деятелей культуры были разными, не сводимыми к какому-то общему показателю. Ценным также является и то, что в начале работы автор делает краткий обзор формирования и развития коммунистического дискурса в СССР. Данный период также рассматривается в статье О. Д. Поповой «Образ коммунистического будущего глазами советских людей (по материалам «писем во власть» в 50–60-е годы XX века)» [24], где анализируются взгляды населения СССР на разные стороны общественной жизни в грядущем коммунистическом обществе. В статье С. Н. Еланской «„Будущее светло и прекрасно“: логика надежды в советском кино» [12] исследуется механизм конструирования образа светлого будущего в советском постсталинском кинематографе. Советская анимация как часть культуры, приближающей коммунистическое будущее в начале 1960-х гг., и дискуссии об ее основных задачах рассмотрены в статье В. П. Васильевой [6].

Образам будущего в советской культуре посвящена часть монографии И. М. Каспэ «В союзе с утопией. Смысловые рубежи позднесоветской культуры» [15]. Автор, применяя методы современного междисциплинарного направления *utopian studies*, анализирует различные пласты позднесоветской культуры, в том числе и представления о грядущем, создававшиеся в советской научной фантастике. Будущее при таком рассмотрении оказывается несбыточным и чрезвычайно далеким, и с этим отчасти можно согласиться. Однако, на наш взгляд, спорен, хотя и интересен, взгляд на «Туманность Андромеды» И. А. Ефремова как на замкнутую модель утопического будущего: по нашему мнению, большой промежуток между временем написания романа и временем его действия (через 2000 лет в будущем) скорее аргумент к большей «достоверности» описываемых событий. Например, многие даты, обозначенные в «мире Полудня» братьев Стругацких, уже прошли и мало соответствовали описанному ими миру, и в целом приближенная к нам хронология заставляет усомниться в подобном облике грядущего, нежели в отдаленном образе будущего И. А. Ефремова.

Представлениям о будущем в позднесоветский период посвящена статья А. В. Демкиной

[11], в которой на основе понятийного аппарата философа Э. Блоха анализируется изменение смысла термина «коммунизм», существование различных образов грядущего в перестроечную эпоху, как находящихся в рамках коммунистического дискурса, так и отличных от него. Здесь представления о будущем в большей степени рассматриваются как в качестве части утопических взглядов советского общества. Этот же период рассматривается в статье Д. В. Маслова «Образ будущего в представлениях отечественных либералов в период крушения СССР» [19].

Исследователи не обошли вниманием и «будущую войну» как часть образа будущего. Так, в статье А. С. Косковой и А. А. Хлевова «Образ „будущей войны“ как элемент национально-государственной идентичности в СССР 1920–30-х гг.» [18] анализируется специфика представлений об ожидаемой в Советском Союзе войны с капиталистическими странами в 1920–1930-е гг. и значение их в становлении национально-государственной идентичности в СССР. Авторы обозначают различные варианты отображения образа будущего среди разных социальных слоев населения СССР, намечают основные векторы дальнейших исследований по данной тематике. Представления о «будущей войне» анализируются также в монографии А. В. Голубева «„Если мир обрушится на нашу республику“: Советское общество и внешняя угроза в 1922–1941 годах» [9]. На основе архивных материалов автор исследует, каким был образ «будущей войны» у населения СССР, какие разные формы принимали размышления о характере грядущего противостояния социалистического и капиталистического миров. Перспективным в изучении данной темы нам видится рассмотрение того, как «будущая война» отражалась в художественной культуре предвоенной эпохи.

Как мы уже отмечали, тема образов будущего в Советском Союзе затрагивалась и зарубежными исследователями. Приведем несколько примеров. Интересной проблеме развития научного прогнозирования в СССР посвящена статья литовской исследовательницы Эгле Риндзевичюте [36]. Создание «нового человека» в 1920–1930-е гг., синтез политики и культуры в это время является предметом исследования Тийаны Вуйошевич [38]. Визуальному отображению коммунизма в творениях культуры, созданных для детей в 1920–1930-е гг., посвящена коллективная монография «The Pedagogy of Images: Depicting Communism for Children» [37]. Шейла Фицпатрик посвятила ожиданию светлого будущего и социальному оптимизму отдельную главу в своей работе «Повседневный сталинизм. Социальная история Советской России в 30-е годы: город» [30].

Среди методологических проблем, касающихся изучения образов будущего в СССР,

можно отметить вопрос о поиске новых методов исследования, отличных от типичного утопического подхода к представлениям о будущем как к чему-то несбыточному, кажущемуся нереальным с самого начала возникновения. Как отмечал А. А. Фокин, подобный подход «приводит к нарушению исследовательской этики, поскольку происходит трансляция знания из современности в прошлое» [31], происходит нарушение принципа историзма. Люди прошлого явно не знали того, что ждет их в будущем, какой из сценариев, представлений о грядущем в итоге окажется верным и сбудется хотя бы в какой-то мере. Следовательно, было бы неправильным с позиций нашего *послезнания* обозначать все образы будущего советского периода априори как утопии. Стоит также упомянуть особенности изучения художественной литературы с точки зрения представленных в ней образов грядущего, так как здесь мы вступаем на пограничную территорию между историей и литературоведением. Поэтому не будем забывать о том, что нас интересуют не столько художественные особенности различных произведений (но и о них забывать нельзя!), сколько существование этих произведений и их авторов в окружающей их исторической обстановке, динамика изменений представлений о будущем в советской научной фантастике.

Результаты. Итак, мы можем отметить, что проблематика образов будущего в СССР является актуальной и привлекательной для современных исследований. Сформировавшись в советское время как отдельный аспект в рамках изучения истории советской культуры, на рубеже XX–XXI вв. тема образов будущего стала рассматриваться в более широких рамках – и все же как часть предмета тех или иных работ. И лишь начиная с 2010-х гг. данный вопрос развился как отдельное направление в рамках изучения советской истории. В отечественной и в зарубежной историографии указанные процессы в целом совпадают между собой. На современном этапе особое внимание исследователи уделяют 1920-м и 1960-м гг. как периодам, когда ожидания коммунистического будущего были наиболее сильными. В 1920-е гг. самым популярным образом будущего был комплекс представлений о мировой революции и новом мире, который возникнет после нее. Отечественные и зарубежные исследователи уделяют внимание различным аспектам при изучении данного периода: представления о будущем у вождей революции, у детей, образы грядущего коммунизма в различных жанрах литературы. 1960-е гг. также вызывают интерес из-за ожиданий наступления коммунистического будущего вследствие обещаний, данных Н. С. Хрущевым и закрепленных в партийных документах. Имеющиеся архивные данные позволяют воссоздать представления о будущем у простых советских

граждан, что на современном этапе развития исторической науки представляет особый интерес. Популярной является и тема «будущей войны» в 1930-е гг., видимо из-за ее сопоставления с темой Великой Отечественной войны. Продолжается изучение образов будущего в советской культуре. Однако многие аспекты данной темы еще требует тщательного анализа и привлечения большего количества различных источников. Мало изучено восприятие будущего глазами обычных людей в советский период. Тема формирования образа будущего советскими лидерами также представляет интерес для исследователей: круг анализируемых персон можно и нужно расширять. Тематику образов будущего можно применять в рамках анализа различных исторических событий: интересно было бы, например, рассмотреть внутрипартийную борьбу 1920-х гг. в СССР с точки зрения столкновения разных образов будущего. Подобный подход можно при обоснованности применять и к другим событиям. Более подробного рассмотрения, на наш взгляд, требуют пред-

ставления о грядущем в период позднего сталинизма, а также в брежневскую эпоху. Тема образов будущего в советской культуре также остается недостаточно изученной. Огромный пласт для исследований, на наш взгляд, представляет советская научная фантастика, имеющиеся в ней представления о будущем, – «Золушка» литературы, как ее обозначал еще А. Р. Беляев [3], в наши дни достойна внимания исследователей. Перспективным здесь видится отход от рассмотрения в таких произведениях обликов грядущего как априори утопических, несбыточных. На наш взгляд, анализ текстов фантастики, с точки зрения рассмотрения представлений о будущем в них, подразумевает и анализ внешних факторов, личности автора, влиявших на сюжет и представления о грядущем. Однако, повторим, данный аспект в тематике образов грядущего далеко не единственный. И задача будущих исследователей – раскрыть потенциал этого относительно молодого направления в изучении истории Советского Союза.

Литература

1. Артамонов К. А. К вопросу о генезисе образов технического будущего СССР в мировоззрении советского общества // Каспийский регион: политика, экономика, культура. 2018. № 1(54). С. 122–127.
2. Барг М. А. Историческое сознание как проблема историографии // Вопросы истории. 1982. № 12. С. 49.
3. Беляев А. Р. Золушка: о научной фантастике в нашей литературе // Литературная газета. 1938. № 27. С. 3.
4. Бритиков А. Ф. Русский советский научно-фантастический роман. Ленинград: Наука, 1970. 448 с.
5. Булдаков В. П. Утопия, агрессия, власть. Психосоциальная динамика постреволюционного времени. Россия, 1920–1930 гг. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2012. 759 с.
6. Васильева В. П. Профессиональные дискуссии начала 1960-х годов об основных задачах советской анимации на пути к коммунистическому будущему (по материалам журнала «Искусство кино») // Актуальные проблемы исторических исследований: взгляд молодых учёных: сборник материалов Всероссийской молодежной научной школы-конференции, Москва, 25–27 августа 2016 года. М.: Апельсин; ФГБУН Институт истории Сибирского отделения Российской академии наук, 2016. С. 229–237.
7. Великанова О. В. Разочарованные мечтатели: Советское общество 1920-х гг. М.: Политическая энциклопедия, 2017. 295 с.
8. Глухарев Н. Н. Формирование образов будущего в СССР в 1920-е гг. // Genesis: исторические исследования. 2024. № 1. С. 28–43.
9. Голубев А. В. «Если мир обрушится на нашу республику»: Советское общество и внешняя угроза в 1922–1941 годах. Москва; Берлин: ООО «Директ-Медиа», 2019. 290 с.
10. Гуревич А. Я. Исторический синтез и школа «Анналов». М.; СПб.: Центр гуманитарных инициатив, Университетская книга, 2014. 432 с.
11. Демкина А. В. Образы будущего в СССР 1980-х гг.: устойчивые формулы и интеллектуальные поиски «еще не-бытия» // Гуманитарные ведомости ТГПУ им. Л. Н. Толстого. 2022. № 1(41). С. 126–147.
12. Еланская С. Н. «Будущее светло и прекрасно»: логика надежды в советском кино // Будущее как сюжет: материалы Международной научной конференции, Тверь, 10–12 апреля 2014 года. Выпуск 3. Тверь: Марины Батасовой, 2014. С. 170–178.
13. Желтикова И. В. Образ будущего. Орёл: Изд-во «Картуш», 2021. 164 с.
14. Желтикова И. В. Образы будущего протяженностью в 200 лет: возможное и действительное российского будущего. Часть 2 // Ученые записки Орловского государственного университета. 2020. № 2(87). С. 12–18.
15. Каспэ И. М. В союзе с утопией. Смысловые рубежи позднесоветской культуры. М.: Новое литературное обозрение, 2018. 432 с.
16. Козеллек Р. «Пространство опыта» и «горизонт ожиданий» – две исторические категории // Социология власти. 2016. Т. 28. № 2. С. 149–173.
17. Кондратьев И. Ю. СССР как процесс реализации образа будущего // СССР как попытка построения новой коммунистической цивилизации: материалы Международной научно-практической конференции, Москва, 22 декабря 2022 года. М.: Университет мировых цивилизаций им. В. В. Жириновского, 2023. С. 129–139.
18. Коскова А. С., Хлезов А. А. Образ «будущей войны» как элемент национально-государственной идентичности в СССР 1920–30-х гг. // Эпоха социалистической реконструкции: идеи, мифы и программы социальных преобразований: сборник научных трудов. Екатеринбург: Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б. Н. Ельцина, 2017. С. 693–701.

19. Маслов Д. В. Образ будущего в представлениях отечественных либералов в период крушения СССР // Прошлое и будущее либерализма в России – итоги и перспективы изучения. Муромцевские чтения вчера, сегодня, завтра: материалы Международной научной конференции, Орёл, 01–02 октября 2021 года. Орел: Издатель Александр Воробьев; Изд. дом «ОРЛИК», 2021. С. 270–276.
20. Мир фантастики. Спецвыпуск № 7. Советская фантастика. Киров: Первая образцовая типография, 2022. 160 с.
21. Пантин В. И., Лапкин В. В. Философия исторического прогнозирования: ритмы истории и перспективы мирового развития в первой половине XXI в. Дубна: Феникс+, 2006. 448 с.
22. Первушин А. И. Меж плюсом и минусом. Краткая история главной фантастической редакции страны // Мир фантастики. Спецвыпуск № 7. Советская фантастика. Киров: Первая образцовая типография, 2022. С. 102–108.
23. Пономарева М. А. Проекты будущего советской России в представлениях эмигрантов XX века: опыт сравнительного анализа // Новое прошлое. 2024. № 2. С. 8–22.
24. Попова О. Д. Образ коммунистического будущего глазами советских людей (по материалам «писем во власть» в 50–60-е годы XX века) // Государственное управление Российской Федерации: вызовы и перспективы: материалы 15-й Международной конференции, Москва, 25 мая 2017 года. М.: КДУ; Университетская книга, 2018. С. 842–846.
25. Программа Коммунистической партии Советского Союза 1961 г. // Музей истории российских реформ имени П. А. Столыпина. URL: <http://музейреформ.рф/node/13891> (дата обращения: 01.12.2024).
26. Ревич В. А. Перекресток утопий: Судьбы фантастики на фоне судеб страны. М.: ИВ РАН, 1998. 350 с.
27. Савлущинская А. Д. Градостроительные утопии русского авангарда // Утопические проекты в истории культуры: материалы V Всероссийской (с международным участием) научной конференции «Утопические проекты в истории культуры» на тему «Социализм между утопией и антиутопией»; Южный федеральный университет. Ростов-на-Дону; Таганрог: Изд-во ЮФУ, 2024. С. 297–301.
28. Сальникова А. А. Конструирование будущего в детских нарративах первого советского десятилетия // Ученчество. История, теория, практика образования. 2022. Вып. 1. С. 37–45.
29. Симонов М. А. Проект построения коммунистического общества в СССР по Генеральному хозяйственному плану 1951–1970 гг // Вестник Вятского государственного университета. 2017. № 2. С. 27–35.
30. Фицпатрик Ш. Повседневный сталинизм. Социальная история Советской России в 30-е годы: город. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН); Фонд первого Президента России Б. Н. Ельцина, 2008. 336 с.
31. Фокин А. А. «Будущее два»: опыты теоретического подхода к истории будущего // Пути России. Будущее как культура: прогнозы, репрезентации, сценарии: доклады участников XVII Международного симпозиума, Москва, 29–30 января 2010 года. М.: Новое литературное обозрение, 2011. С. 514–521.
32. Фокин А. А. «Коммунизм не за горами». Образы будущего у власти и населения СССР на рубеже 1950–1960-х годов. М.: Политическая энциклопедия, 2017. 223 с.
33. Фокин А. А. Образы коммунистического будущего у власти и населения СССР на рубеже 50–60-х гг. XX века: дис. ... канд. ист. наук. специальность 07.00.02 Отечественная история. Челябинск, 2007. 218 с.
34. Харитонов Е. Инженеры нового мира. Ранние советские утопии // Мир фантастики. Спецвыпуск № 7. Советская фантастика. Киров: Первая образцовая типография, 2022. С. 30–37.
35. Щербинин А. И., Щербинина Н. Г. Политическое конструирование образа будущего // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2020. № 56. С. 285–299.
36. Egle Rindzeviciute. A Struggle for the Soviet Future: The Birth of Scientific Forecasting in the Soviet Union // Slavic Review. 2016. No. 75(1). P. 52–76.
37. Marina Balina Serguei Alex. Oushakine. The Pedagogy of Images: Depicting Communism for Children. Toronto Buffalo London: University of Toronto Press, 2021. 568 p.
38. Tijana Vujošević. Modernism and the Making of the Soviet New Man. Manchester: Manchester University Press, 2017. 193 p.

References

1. Artamonov KA. To the question of the genesis of images of the technical future of the USSR in the worldview of the Soviet society. *Kaspijskij region: politika, ekonomika, kul'tura*. 2018;1(54):122-127. (In Russ.).
2. Barg MA. Historical consciousness as a problem of historiography. *Voprosy istorii*. 1982;(12):49. (In Russ.).
3. Belyaev AR. Cinderella: about science fiction in our literature. *Literaturnaya gazeta*. 1938;(27):3. (In Russ.).
4. Britikov AF. Russian Soviet science fiction novel. Leningrad: Nauka; 1970. 448 p. (In Russ.).
5. Buldakov VP. Utopia, aggression, power. Psychosocial dynamics of post-revolutionary time. Russia, 1920-1930. Moscow: Russian Political Encyclopaedia (ROSSPEN); 2012. 759 p. (In Russ.).
6. Vasilieva VP. Professional discussions of the early 1960s about the main tasks of Soviet animation on the way to the communist future (on the materials of the journal 'Art of Cinema») in Actual problems of historical research: the view of young scientists. Collection of materials of the All-Russian youth scientific school-conference, Moscow, 25-27 August 2016. Moscow: Apelsin Publishing House; Federal State Budgetary Institution of Science Institute of History of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences; 2016. P. 229-237. (In Russ.).
7. Velikanova OV. Disappointed dreamers: Soviet society in the 1920s. Moscow: Political Encyclopaedia; 2017. 295 p. (In Russ.).
8. Glukharev NN. Formation of images of the future in the USSR in the 1920s. *Genesis: istoricheskie issledovaniya*. 2024;(1):28-43. (In Russ.).
9. Golubev AV. «If the world collapses on our republic»: Soviet society and the external threat in 1922-1941. Moscow-Berlin: LLC «Direkt-Media»; 2019. 290 p. (In Russ.).
10. Gurevich AY. Historical synthesis and the School of «Annals». Moscow; St. Petersburg: Centre for Humanitarian Initiatives, University Book; 2014. 432 p.

11. Demkina AV. Images of the future in the USSR of the 1980s: stable formulas and intellectual searches for «still-not-being». *Gumanitarnye vedomosti TGPU im. L. N. Tolstogo*. 2022;1(41):126-147. (In Russ.).
12. Elanskaya SN. «The future is bright and beautiful»: the logic of hope in the Soviet cinema. In *The future as a story. Proceedings of the International Scientific Conference, Tver, 10-12 April 2014. Issue 3*. Tver: Marina Batasova; 2014. P. 170-178. (In Russ.).
13. Zheltikova IV. Image of the future. Oryol: Kartush Publishing House; 2021. 164 p. (In Russ.).
14. Zheltikova IV. Images of the future for 200 years: possible and actual Russian future. Part 2. *Uchenye zapiski Orlovskogo gosudarstvennogo universiteta*. 2020;2(87):12-18. (In Russ.).
15. Kasje IM. In union with utopia. Semantic boundaries late-Soviet culture. *Moscow: New Literary Review*; 2018. 432 p. (In Russ.).
16. Kozellek R. «Space of experience» and «horizon of expectations» – two historical categories. *Sociologija vlasti*. 2016;(2):149-173. (In Russ.).
17. Kondratyev IYu. USSR as a process of implementation of the image of the future in USSR as an attempt to build a new communist civilisation. Materials of the International Scientific and Practical Conference, Moscow, 22 December 2022. Moscow: Autonomous non-profit organisation of higher education «V. V. Zhirinovskiy University of World Civilizations»; 2023. p. 129-139. (In Russ.).
18. Koskova AS, Khlevov AA. Image of the «future war» as an element of national-state identity in the USSR 1920-30-ies in *The Era of Socialist Reconstruction: Ideas, Myths and Programmes of Social Transformation. Collection of scientific papers*. Ekaterinburg: Ural Federal University named after the First President of Russia BN. Yeltsin; 2017. P. 693-701. (In Russ.).
19. Maslov DV. The image of the future in the perceptions of domestic liberals during the collapse of the USSR in Past and future of liberalism in Russia – results and prospects of study. Muromtsev readings yesterday, today, tomorrow. Materials of the International Scientific Conference, Oryol, 01-02 October 2021. Orel: Publisher Alexander Vorobyov, Publishing House «ORLIK»; 2021. P. 270-276. (In Russ.).
20. Mir Fantastiki. Special Issue No. 7. Soviet fiction. Kirov: First exemplary printing house; 2022. 160 p. (In Russ.).
21. Pantin VI, Lapkin VV. Philosophy of Historical Forecasting: Rhythms of History and Prospects of World Development in the First Half of the XXI Century. Dubna: Phoenix+; 2006. 448 p. (In Russ.).
22. Pervushin AI. Between Plus and Minus. A brief history of the main fantastic editorial office of the country in *Mir Fantastiki. Special Issue No. 7. Soviet science fiction*. Kirov: First exemplary printing house; 2022. P. 102-108. (In Russ.).
23. Ponomareva MA. Projects of the future of Soviet Russia in the representations of emigrants of the XX century: the experience of comparative analysis. *Novoe proshloe*. 2024;(2):8-22. (In Russ.).
24. Popova OD. The image of the communist future through the eyes of Soviet people (based on the materials of «letters to the authorities» in 50-60 years of the twentieth century) in *Public Administration of the Russian Federation: challenges and prospects. Proceedings of the 15th International Conference, Moscow, 25 May 2017*. Moscow: KDU, Universitetskaya kniga; 2018. P. 842-846. (In Russ.).
25. Programme of the Communist Party of the Soviet Union 1961 in P.A. Stolypin Museum of the History of Russian Reforms. Available from: <http://музейреформ.рф/node/13891> [Accessed 01 Desember 2024]. (In Russ.).
26. Revich VA. The crossroads of utopias: Fates of fiction on the background of the country's destinies. Moscow: IV RAS; 1998. 350 p. (In Russ.).
27. Savluchinskaya AD. Urban utopias of the Russian avant-garde in Utopian projects in the history of culture. Materials of the V All-Russian (with international participation) scientific conference «Utopian projects in the history of culture» on the theme «Socialism between utopia and anti-utopia»; Southern Federal University. Rostov-on-Don; Taganrog: Southern Federal University Publishing House; 2024. P. 297-301. (In Russ.).
28. Salnikova AA. Constructing the future in children's narratives of the first Soviet decade. *Uchenichestvo. Istorija, teorija, praktika obrazovanija*. 2022;(1):37-45. (In Russ.).
29. Simonov MA. The project of building a communist society in the USSR according to the General Economic Plan 1951-1970. *Vestnik Vjatskogo gosudarstvennogo universiteta*. 2017;(2):27-35. (In Russ.).
30. Fitzpatrick S. Everyday Stalinism. Social history of Soviet Russia in the 30s: the city. Moscow: Russian Political Encyclopaedia (ROSSPEN); Fund of the First President of Russia B. N. Yeltsin; 2008. 336 p. (In Russ.).
31. Fokin AA. «Future Two»: experiments of theoretical approach to the history of the future in *Ways of Russia. The Future as Culture: Forecasts, Representations, Scenarios. Reports of the participants of the XVII International Symposium, Moscow, 29-30 January 2010*. Moscow: New Literary Review; 2011. P. 514-521. (In Russ.).
32. Fokin AA. «Communism is not far off». Images of the future in the authorities and the population of the USSR at the turn of the 1950s-1960s. Moscow: Political Encyclopaedia; 2017. 223 p. (In Russ.).
33. Fokin AA. Images of the communist future in the authorities and the population of the USSR at the turn of the 50-60s of the XX century: dissertation of the Candidate of Historical Sciences. Specialty 07.00.02 Russian history. Chelyabinsk; 2007. 218 p. (In Russ.).
34. Kharitonov E. Engineers of the New World. Early Soviet Utopias. In *Mir Fantastiki. Special Issue No. 7. Soviet fiction*. Kirov: First exemplary printing house; 2022. P. 30-37. (In Russ.).
35. Shcherbinin AI, Shcherbinina NG. Political construction of the image of the future. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofija. Sociologija. Politologija*. 2020;(56):285-299. (In Russ.).
36. Egle Rindzeviciute. A Struggle for the Soviet Future: The Birth of Scientific Forecasting in the Soviet Union. *Slavic Review*. 2016;75(1):52-76.
37. Marina Balina Serguei Alex. Oushakine. The Pedagogy of Images: Depicting Communism for Children. Toronto Buffalo London: University of Toronto Press; 2021. 568 p.
38. Tijana Vujošević. Modernism and the Making of the Soviet New Man. Manchester: Manchester University Press; 2017. 193 p.

Научная статья

УДК 94(47/54)

<https://doi.org/10.37493/2409-1030.2025.3.2>

СТАНОВЛЕНИЕ И РАЗВИТИЕ ИСТОРИИ ПОВСЕДНЕВНОСТИ. ЗАРУБЕЖНАЯ И РОССИЙСКАЯ ИСТОРИОГРАФИЯ: ОПЫТ СРАВНЕНИЯ

Каринэ Размиковна Амбарцумян

Северо-Кавказский федеральный университет (д.1, ул. Пушкина, Ставрополь, 355017, Российская Федерация)
Кандидат исторических наук, доцент
karina-best21@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-9397-6197>

Аннотация. Введение. История повседневности развивается как полноценное научное направление, имеющее академическое признание и вызывающее большой интерес у читателей, увлекающихся историей, и не может рассматриваться как модный тренд. В этой связи актуальность предлагаемой статьи определяется постоянной рефлексией научного сообщества о том, что такое повседневность для историка и насколько продуктивным является ее изучение. **Материалы и методы.** Исследование основывается на анализе историографических источников, представленных трудами историков разных стран и различных поколений. Методологический инструментарий сочетает в себе традиционные методы исторического исследования и подход новой интеллектуальной истории. **Анализ.** К теме повседневности побуждал обращаться антропологический поворот в историческом знании, начало которому было положено французской школой «Анналов», пытавшейся ликвидировать крен в сторону политической истории. Общим местом в трактовке истории представителями разных поколений данной школы стало внимание к «истории снизу». В развитие этого подхода внесли большой вклад историки, проповедовавшие продуктивность микроистории. Наиболее выдающимся представителем микроистории стал итальянский ученый Дж. Леви. Значительный импульс в своем развитии история повседневности получила в 1980-е гг. в Германии. А. Людке считал название «история повседневности» не совсем удачным, но наиболее приемлемым, так как через этот подход формируется «просопография масс». Междисциплинарная природа изучаемых историками повседневности явлений побуждает обратиться к опыту социологов. Так, А. Лефевр призывает разделить повседневное и обыденное. В советской исторической науке все то, что касается повседневности, было отнесено к области этнографии. Одной из первых против тако-

го опыта в постсоветский период высказалась Н. Л. Пушкарёва, которая отмечала влияние на отечественный опыт изучения повседневности как традиции российского бытописания, так и достижений западной гуманитаристики. **Результаты.** Изучение процесса развития отрасли истории повседневности за рубежом и в России позволяет говорить о влиянии национальных традиций историописания и конкретного исторического контекста, который порождал определенные запросы в области исторической тематики, а также о стремлении историков разных поколений сделать обычного человека полноправным участником больших исторических событий.

Ключевые слова: история повседневности, историография, интеллектуальная история, историческая антропология, микроистория, «история снизу»

Для цитирования: Амбарцумян К. Р. Становление и развитие истории повседневности. Зарубежная и российская историография: опыт сравнения // Гуманитарные и юридические исследования. 2025. Т. 12. № 3. С. 362–370. <https://doi.org/10.37493/2409-1030.2025.3.2>

Конфликт интересов: кандидат исторических наук, доцент К. Р. Амбарцумян является ответственным секретарем журнала «Гуманитарные и юридические исследования». Авторам неизвестно о каком-либо другом потенциальном конфликте интересов, связанном с этой рукописью.

Благодарности: исследование выполнено за счёт гранта Российского научного фонда № 24-18-20073 «Городская повседневность южной провинции. Эволюция массового сознания и повседневные практики горожан Ставрополя и Кавказских Минеральных Вод в 1920–1930-е гг.», <https://rscf.ru/project/24-18-20073/>
Статья поступила в редакцию: 15.03.2025.

Статья одобрена после рецензирования: 18.05.2025.

Статья принята к публикации: 25.07.2025.

Research article

THE FORMATION AND DEVELOPMENT OF EVERYDAY LIFE HISTORY. FOREIGN AND RUSSIAN HISTORIOGRAPHY: EXPERIENCE OF COMPARING

Karine R. Ambartsumyan

North-Caucasus Federal University (1, Pushkin str., Stavropol, 355017, Russian Federation)
Cand. Sc. (History), Associate Professor
karina-best21@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-9397-6197>

Abstract. Introduction. The history of everyday life is no longer a sign of scientific fashion. Enjoying academic recognition and arousing great interest among readers interested in history, it has developed into a full-fledged scientific field. In this regard, the topicality of the article is determined by the ongoing scientific reflection on what everyday life is for a historian and how productive its study is. **Materials and methods.** The study is based on the analysis of historiographic sources presented by the papers of historians from different countries and different generations. The methodology combines traditional methods of historical research and the approach of new intellectual history. **Analysis.** The anthropological approach of historical study, which was de-

veloped by French school “Annales”, attempted to eliminate the bias towards political history, prompted the turn to the topic of everyday life. A common ground in the interpretation of history by representatives of different generations of this school has become attention to “history from below”. Historians who advocated the productivity of microhistory made a significant contribution to the development of this approach. The Italian scientist, Giovanni Levi, is the most outstanding representative of microhistory. The development of everyday life history got a significant impetus in the 1980s in Germany. Alf Lüdtke considered the definition “history of everyday life” to be not entirely suitable, but the most acceptable as since through this approach a “prosopography of the

© Амбарцумян К. Р., 2025

masses" is formed. The interdisciplinary matter of the everyday phenomena studied by historians encourages us to turn to the experience of sociologists. Thus, A. Lefebvre called for separating the everyday and the mundane. In Soviet historical science, everything that concerns everyday life was considered as a subject of ethnography. Natalia Pushkareva was one of the first to speak out against such an approach in the post-Soviet period. She emphasizes the influence of both the tradition of Russian chronicling and the achievements of Western humanities on the Russian experience of studying everyday life history. **Results.** The study of the development of the field of everyday history abroad and in Russia allows making conclusion about the influence of national traditions of historical research and the specific historical context that gave rise to certain requests in the field of historical topics. Moreover, the intention of historians of different generations to make the ordinary person a full-fledged participant in great historical events is also remarkable.

Keywords: everyday history, historiography, intellectual history, historical anthropology, microhistory, "history from below"

Введение. История повседневности в российской исторической науке давно пережила свой бум, спровоцированный в постсоветский период открывшимися для гуманитариев возможностями применения различных подходов и методов в исследовании. Вообще для отечественной исторической науки интерес к бытовым деталям и образу жизни изначально был не чужд. Еще в дореволюционной российской историографии был популярен жанр описания быта и нравов (например, И. Е. Забелин, Н. И. Костомаров). В советской историографии в связи с институциональным пониманием истории, разные стороны повседневности не стали предметом самостоятельного изучения и определялись на академическом уровне как «мелкотемье» [4, с. 7]. Исследования разных сторон быта и образа жизни сосредоточивались в основном в этнографии.

Научность и полезность истории повседневности время от времени подвергалась сомнению, и не только в России. Непросто произошло становление отрасли в 1980-е гг. в Германии. В Великобритании история повседневности процветала даже в образовательном пространстве с 1918 г., но в 1970-х гг. была раскритикована как не уделяющая внимания национальной идентичности [23]. Однако, несмотря на сохраняющийся некоторый скепсис в отношении истории повседневности, она стала одним из значимых трендов развития современных социальной и гуманитарных наук. Более того, среди историков стало модным в свое исследование на любую другую тему добавить какой-то сюжет из повседневной жизни [28, р. 377].

Материалы и методы. Особенностью предлагаемой читателям статьи является характер источниковой базы проведенного исследования. Автором были проанализированы историографические источники, т. е. работы историков повседневности, российских и зарубежных. Наряду с традиционными методами исторического исследования, которые позволили проследить генезис исторической субдисциплины – истории повседневности – был использован под-

For citation: Ambartsumyan KR. The formation and development of everyday life history. Foreign and Russian historiography: experience of comparing. Humanities and law research. 2025;12(3):362-370. (In Russ). <https://doi.org/10.37493/2409-1030.2025.3.2>

Conflict of interest: KR Ambartsumyan, Cand. Sc. (History), Associate Professor, is the executive secretary of journal "Humanities and law research". The authors are unaware of any other potential conflict of interest related to this manuscript of interests.

Acknowledgments: the study was supported by the grant of the Russian Science Foundation No. 24-18-20073 "Urban Everyday Life of the Southern Province. Evolution of Mass Consciousness and Everyday Practices of the City Residents of Stavropol and the Caucasian Mineral Waters in the 1920–1930s", <https://rscf.ru/project/24-18-20073/>

The article was submitted: 15.03.2025.

The article was approved after reviewing: 18.05.2025.

The article was accepted for publication: 25.07.2025.

ход интеллектуальной истории. Новая интеллектуальная история изучает не только историю тех или иных идей, но и обстоятельства и формы их рождения, а также коммуникативные связи.

Анализ. В сравнении с периодом 1990-х гг., когда российские историки делали первые шаги в этом направлении, тема повседневности воспринималась отдельными исследователями как дань мимолетной моде, что порождало настороженность и даже критику. На сегодняшний день ситуация изменилась настолько, что в паспорте научной специальности 5.6.1. Отечественная история есть пункт «История повседневной жизни различных слоев населения страны на соответствующем этапе ее развития». Сейчас мы имеем дело с состоявшейся академической отраслью. О том, что история повседневности в России заняла прочные позиции, свидетельствуют отдельные результаты этого развития. Темы истории повседневной жизни востребованы не только для исследовательских трудов, но и для научно-популярных работ, ориентированных на широкий круг читателей. Большой интерес у российской читающей аудитории вызвала серия «Живая история: Повседневная жизнь человечества», которая представлена книгами отечественных и зарубежных авторов. Повседневность в данном конкретном случае наполнена бытописанием, то есть тем, что в первую очередь увлекает людей, интересующихся историей повседневности. Как справедливо заметил М. М. Кром, популярность такого рода коммерческих проектов связана с обещаниями издателей и авторов приобщить читателя к некоей тайне и закрытому миру [7]. Следует подчеркнуть, что в научном смысле история повседневности не является набором сенсаций. Повседневность – это не только яркие бытовые детали, но и рутина, которая тоже маркирует историческую эпоху, и, конечно, повседневность – это глубинное бытование людей с их индивидуальным, групповым и массовым сознанием. Другая серия «Культура повседневности» публикуется издательством «Новое литературное обозрение». Здесь задача

ставится масштабнее – вписать повседневную жизнь в контекст глубоких цивилизационных изменений, которые проживало то или иное сообщество в прошлом.

Эти взлеты и падения в становлении истории повседневности европейской исторической наукой были пережиты еще раньше. Уже в рамках исследований знаменитой школы «Анналов» стала возникать в связи со смещением акцента с государства на общество тематика повседневной жизни. Начиная с отцов-основателей Л. Февра и М. Блока, историкам данной школы был присущ интерес к социальной и экономической сферам. Так они пытались ликвидировать крен в сторону политической истории, преобладающей в позитивистской историографии [11]. Л. Февр предупреждал о бесплодности пустого коллекционирования и складывания исторических картин из архивных документов [19, с. 70]. Познание истории и понимание того, что такое история для французского ученого было результатом переноса исследовательского фокуса на человека: «История – наука о человеке, о прошлом человечества, а не о вещах и явлениях» [19, с. 19]. Антропологизация исторического знания побудила обратиться к теме повседневности, в которой человек проявляется самыми разными сторонами и с самыми разными свойствами и которая обуславливается исторической эпохой. Повседневность позволяет не терять из вида человека и одновременно не утратить связь с большим событийным контекстом, увлекшись складыванием мозаик из разрозненных событий. Речь идет о том, что те шаги, которые были сделаны основателями школы «Анналов», позволили постепенно уйти от плоского, одномерного и линейного видения исторического прошлого.

М. Блок и Л. Февр поставили под сомнение центральное место политической составляющей истории, снизили объяснительное значение и даже влияние тех действующих лиц и событий, которым в предшествующий период придавалось определяющее значение. Объект историка больше не сводился к кризисным периодам или моментам принятия сложных исторических решений, теперь можно было обратить внимание на более глубокие трансформации, затрагивающие не только власть и властные институты, но и социальную структуру, рыночные отношения и географию человека.

Так была подготовлена почва для антропологически осмысленного и статистически обоснованного анализа повседневной жизни, который Ф. Бродель предпринял на рубеже 1950-х годов [26, с. 26]. Знаковой работой в этом направлении стал один из томов его большого исследования «Материальная цивилизация, экономика и капитализм, XV–XVIII вв.» – «Структуры повседневности: возможное и невозможное» [1]. Символично то, что данной теме Ф. Бродель отвел именно первый том, понимая

важность повседневных структур в цивилизационном контексте. Сводя воедино демографию, питание, костюм, жилище, техники, монеты и города, он исследовал рост и пределы доиндустриальных экономик, «грань между возможным и невозможным» [1, с. 37]. Ф. Бродель повседневную жизнь видел состоящей из мелочей, которые едва заметны во времени и пространстве. Чем больше историк сужает фокус зрения, тем больше вероятность, что он окажется в среде материальной жизни. Это изменение масштаба оживляет объекты, ранее не допускавшиеся в мастерскую историка, такие как продукты питания, напитки, манеры, жильё и одежда. Образ жизни и материальная культура неизбежно возникают перед взором ученого, как только он пытается выявить уникальность цивилизации, страны, отдельного сообщества. Из повседневных материальных мелочей складываются далеко не поверхностные различия отдельных обществ, которые, по мнению Ф. Броделя, может и должен реконструировать историк [1, с. 40]. Его научные выводы вышли за пределы домашней и частной сфер и достигли уровня проблем от источников энергии и валютных систем до развития способов транспортировки [26, р. 27].

Ученик Ф. Броделя Э. Ле Руа Ладюри продолжил работать в направлении, намеченном предшественниками, на этот счет он писал: «Что же касается истории строго событийной или злободневной, вроде ура-патриотической или революционной, то мне кажется, что она приносит в жертву себя хотя и законному, но зачастую тривиальному требованию. Неудивительно, что в эпоху, когда масс-медиа иногда путают, по выражению Мак-Люэна, «le message» и «le massage» («послание» и «массаж»), разрушая тем самым логику книги и мысли, злободневная история смогла быстро обрести манеру недистанцированного повествования в духе наших старых средневековых хроник, предшествующих вселенной Гуттенберга» [8, с.154–155]. Главный двигатель истории, в отличие от марксизма, он видел не в классовой борьбе, а в экономике, социальных отношениях и даже естественных природных и биологических явлениях. Последний фактор не просто декларировался историком, он издал труд «История климата». Российскому читателю Ле Руа Ладюри больше известен благодаря своей книге «Монтайо, окситанская деревня». Во Франции она вышла в 1975 г. и только в 2001 г. была переведена в России. История небольшой деревушки стала примером микроисторического исследования, написанного на материалах допросов местных жителей, проводимых инквизицией с целью выявления приверженцев ереси катаров. Здесь он соединил социально-демографический анализ с изучением мировосприятия средневековых крестьян [5, с. 14].

Общим для понимания истории представителями разных поколений школы «Анналов» стала трактовка прошлого как «истории снизу»,

что позволило выйти из тени «маленькому человеку». Такое же отношение к историческому прошлому декларировали представители микроистории. Один из основателей микроистории итальянский ученый Дж. Леви в 1990 г. выдвинул тезис: «Микроистория означает не разглядывание мелочей, а рассмотрение в подробностях» [10, с. 193]. К этому моменту микроистория избавилась от ироничной коннотации, в которой этот термин впервые употребил Ф. Бродель. Микроистория стала новым способом познания, открывающим возможность для проникновения в неисследованные области социальной истории [10, с. 194–195]. Например, на материалах небольшой пьемонтской деревни XVII в. Леви реконструировал биографии всех жителей, которые оставили документальный след и составил небольшой социальный портрет. Отрывая исследование от макроуровня не происходит за счет широкого спектра аспектов новой истории Европы, освещаемых Дж. Леви и имевших преломление в истории пьемонтской деревни. Изученная в книге реальность выявила особую поведенческую модель жителей на фоне укрепления абсолютистского государства и расширения рыночных отношений [9, с. 10]. Через микроисторию Леви развеял миф о том, что в новое время диктат государства преодолел слабое и несуществующее государство. С этой целью изучались и повседневность, и массовое сознание, и социальное поведение жителей деревни.

В конце 1960-х гг. начался историко-антропологический поворот в гуманитарном знании, и он деактуализировал универсализм, линейность и абсолютизацию в историческом познании. Значительное развитие история повседневности получила в последней четверти XX в. В 1980-х гг. в Германии на любительском уровне вспыхнул массовый интерес к изучению прошлого города, поселка или даже семьи, что осуществлялось в том числе через исследование повседневной жизни. Наиболее известны немецкие основатели академической отрасли А. Людтке и Х. Медик. С их помощью в немецкой науке оформилась *Alltagsgeschichte*, или история повседневности [3]. Академическое историческое сообщество сопротивлялось, и тем не менее к концу 1980-х гг. история повседневности в ФРГ стала полноценным научным направлением, благодаря чему удалось поднять на новый уровень изучение темы нацизма и механизмов его утверждения в стране через изучение жизни простых обывателей [6].

А. Людтке писал о том, что название «история повседневности» не совсем идеальное, но оно используется за неимением лучшего: «Тем не менее, это обозначение сохраняет свою полезность как краткая и лаконичная формулировка, направленная против традиции историографии, которая в значительной степени исключила «повседневную жизнь» из своего поля зрения»

[29, р. 18–19]. Самое главное, по мнению А. Людтке, что вместе с включением повседневной жизни в исследовательские практики социальные процессы наполнились не только деяниями выдающихся личностей, но и жизнями обычных людей, в том числе их тяготами и радостями, тяжким трудом и развлечениями. В какой-то степени произошла даже виктимизация истории, так как более четко стали просматриваться страдания и невзгоды обывателей [29, р. 18–19]. Насколько продуктивна история повседневности, А. Людтке проиллюстрировал на примере изучения рабочего движения, в пределах которого можно выявить особенности утверждения нацизма в Германии. Таким образом, возник особый метод для включения обычных людей в исторические процессы – просопография масс. Он категорически выступил против определения истории повседневности как дополнения к истории «великих событий» [29, р. 27]. Следует подчеркнуть, что данное понимание структуры истории повседневности сделало ее несводимой только к описанию быта, семейных отношений и частной жизни, не допуская изучения повседневности отдельных сообществ в отрыве от эпохи и истории страны.

В европейской и американской историографии в 1990-е гг. возник момент, когда историю повседневности грозила вытеснить новая культурная история. Четыре американских историка, специализирующиеся на истории Центральной Европы: П. Сидж, Э. С. Бергерсон, М. Хили и П. Э. Суитт – выступили в защиту именно истории повседневности: «История повседневной жизни устанавливает явные причинно-следственные связи – во всех их противоречивых напряжениях – между процессами микроисторического контекста и метанарративами макроистории» [28, р. 362]. В данной интерпретации для нашего исследования важно понимание авторами значения конкретных пространств, отдельных локаций и мест для осознания того, как функционирует изучаемое сообщество. Рынки, залы собраний, школы, транспортные узлы и т. д. могут отражать особенности изучаемого времени необычностью их использования. Так, станция метро в Берлине 1920-х гг. могла быть местом асоциальных встреч, границей района, экономическим узлом, очагом политического насилия, воротами во внешний мир для молодежи, точкой входа для пассажиров или государственных органов [28, р. 364].

Проблема повседневности жизни имеет междисциплинарную природу, в первую очередь нам интересен опыт социологов и такая субдисциплина, как социология повседневности. Например, большой вклад в развитие социологии повседневности внесли Н. Элиас и А. Шюц. Н. Элиас, социолог из Германии, будучи евреем, покинул страну в период нацистской диктатуры. Поэтому его работа «Придворное общество» так

и не была защищена как диссертация, однако имеет для науки большое значение. Здесь он соединил историю и социологию в процессе изучения феномена придворных обществ. Формирование абсолютной монархии он предлагал исследовать в социологическом ключе, в том числе изучать структуры, стратегии и повседневность придворных обществ. Так, один из разделов монографии посвящен структуре жилища как модели общественных структур [22]. Его магистральным труд «О процессе цивилизации» тоже стал вехой в междисциплинарном изучении проблем повседневной жизни. Через исследование учебников по формированию хороших манер XIX в. он показал, как люди подвергались дрессуре для вхождения в общество, что происходило в контексте конкуренции элит и усиления государства [18]. То есть через повседневные практики менялось сознание и осуществлялась адаптация целого социального слоя. Дальнейшее осмысление категории «повседневность» происходило и позже, и Н. Элиас отделил его от понятия «обыденный» и задавался вопросом, что такое «неповседневность» [24]. Австрийский социолог А. Шюц не отождествлял мир повседневной жизни и частный мир: «Люди, находящиеся в этой области, являются моими спутниками; они разделяют со мной общий сектор пространства и времени; нас окружает один и тот же мир; процессы моего сознания являются для него элементами этого мира точно так же, как и процессы его сознания – для меня» [21, с. 116]. Повседневный мир он определял как интересубъективный, как естественную среду существования человека, который её осмысливает, осваивает и делит с другими участниками социального процесса [27, р. 26]. Такая широта определения снизила конкретность понимания повседневности, но, с другой стороны, сделала эту сферу частью большой социальной жизни и не свела к проблеме частной жизни и быта.

А. Лефевр, французский социолог, определил «повседневность» как платформу, на «которой строится бюрократическое общество контролируемого потребления» [25, р. 9]. Конечно, автора в большей степени занимала современная ему ситуация. Однако многие его тезисы и выводы будут полезны для историков, взором обращенных в прошлое. Материальная культура, такая как вещи, мебель, здания, формирующие повседневность до XX в., понимались им без отрыва от принятых моральных и социальных ориентиров и символов [там же]. Понятие повседневности (everydayness) не мыслилось Лефевром как система, а скорее «общий знаменатель для существующих систем, включая судебную, договорную, педагогическую, налоговую и полицейскую» [там же]. Соответственно, повседневное и обыденное не может быть равнозначным и тождественным друг другу. Важный

вывод, который можем сделать мы сами, следуя логике автора, предполагает, что частная жизнь людей и публичное пространство не являются изолированными друг от друга и испытывают взаимное влияние. Для понимания механизмов данного процесса нужно обратиться к массовому сознанию, которое проявляется в частной и публичной сфере. На этот момент А. Лефевр тоже обращает наше внимание: «...повседневность также может быть проанализирована как консолидирующая основа для основных сфер социальной жизни: работы, семьи, личной жизни, досуга. Эти области различны по форме, но объединены тем, что в своей практике зависят от организованной пассивности. В досуговой деятельности это означает пассивность зрителя перед лицом образов и ландшафтов; на рабочем месте это означает пассивность перед лицом решений, в принятии которых работник не участвует; в личной жизни это означает навязывание потребления, поскольку доступные варианты выбора направляются, а потребности потребителя формируются рекламой и маркетинговыми исследованиями» [там же]. Мысль о пассивности провоцирует к дискуссии. Насколько точен вывод о пассивности в повседневности, можно рассмотреть на конкретном историческом материале советского общества. В условиях усиления давления государства и роста количества ограничений именно в повседневности обычные люди могли проявить какую-то волю и искать возможность выбора.

Повседневность имеет множество измерений, и одним из популярных направлений для историков является городская повседневность. В 1968 г. А. Лефевр издал работу «Право на город», ставшую хрестоматийной для специалистов, изучающих процессы урбанизации. В своих трудах он развил тезис о том, что каждый тип общества и способ производства формирует особое городское физическое и социальное пространство [2, с. 51–52]. Для нас важен вывод о том, что если революция не заканчивается изменением пространства и формированием нового, то она проиграна. Иными словами, исторические перемены влекут за собой новые явления в городской повседневности. Например, одно из основных доктринальных положений большевиков содержало представления о строительстве нового мира, включая человека и его повседневную жизнь. Конструирование нового социокультурного пространства в городах стало одной из задач советской власти в первые два десятилетия ее существования, что подтверждает тезис А. Лефевра.

В современной науке есть обобщающее представление о городе, который является опорным центром систем хозяйствования и расселения [15, с. 201]. При всем многообразии особенностей каждого города, он включает в себя и специфику городской повседневности,

что является следствием цивилизационных, страновых и даже локальных особенностей. Сугубо городская повседневность – такая же сфера междисциплинарного взаимодействия, как и проблемы повседневности в целом. В. Беньямин, немецкий философ первой половины XX в., один из первых исследователей городской повседневности, городской ландшафт видел через особый тип поведения, например, городское пространство порождало фланерство [20, с.227]. Фланер – это городской обитатель, лишний и отставший от жизни, для него город является местом созерцания. Его ничегонеделание и бесцельные прогулки стали формой социального существования [17, с. 414–415]. Этот отдельный типаж, конечно, характерен для Парижа XIX в. Однако сам по себе процесс выявления отдельных социальных типов не только занимателен, но и продуктивен. Он позволяет составить особый социальный портрет, характерный для отдельного пространства в определенную эпоху через повседневное существование города. Также в трудах В. Беньямина соединяются материальное производство, массовое потребление и политическая мобилизация, которые одновременно имеют место в городском пространстве [17, с. 419]. В данном случае для нас важна неотделимость материального от нематериального в городской повседневности. В том числе нематериальное воплощается в массовом сознании, которое функционирует в пределах определенного города, при этом подвергается влиянию не только факторов локального уровня, но и больших исторических трансформаций.

В советской историографии повседневность как тема была маргинализована. Доказательством тому служит судьба историка Б. А. Романова, уволенного из Ленинградского университета после критики его труда «Люди и нравы Древней Руси (Историко-бытовые очерки XI–XIII вв.)». Однако советские медиевисты, такие как А. Я. Гуревич, находили возможность изучать историю и культуру с близких школе «Анналов» позиций [5, с. 15]. Сам Б. А. Романов в традиционной для дореволюционной русской исторической науки манере отнес свое сочинение к историко-бытовым очеркам. Однако при обращении к самой работе становится понятно, что в Советской России она опередила свое время. Б. А. Романов не ограничился бытописанием и реконструировал социальные, экономические и политические процессы.

Советские историки изучали образ жизни и быт граждан СССР, но только для того, чтобы проиллюстрировать процесс социалистического строительства. Самостоятельного значения данная тема не имела, в соответствующих работах была представлена фрагментарно и с сильным идеологическим влиянием. При этом нельзя отрицать и заслуг исследователей, скованных идеологией. Было аккумулировано много фактического материала по вопросам образования,

здравоохранения, женскому вопросу, образу жизни советского человека и т. д. На современном этапе можно констатировать получение полноценного научного статуса в российской науке такой дефиниции, как «повседневность» [5, с. 15–16].

Н. Л. Пушкарева высказалась против отнесения истории повседневности к разделу культурологии или этнологии. Безусловно, историки много позаимствовали у этнографов и бытописателей, но добавили значимость событийной истории и многообразие человеческой реакции на исторические события [14, с. 12]. Соответственно и сам быт, и историческая ситуация предстают в совершенно новом свете. Вместе с Н. Л. Любичановским она предложила авторское понимание содержания категории «повседневное», которое включило в себя как публичную, так и частную жизнь, как быт, так и события публичной жизни, к которым люди приспосабливаются, как поведение человека, так и его эмоциональные переживания [14, с. 9].

В российской науке сегодня, как справедливо отмечает Н. Л. Пушкарева, к «повседневноведам» себя относят этнографы, историки, социологи и социальные антропологи. Российские научные школы изучения повседневности оказались под влиянием как традиции бытописания, которая сложилась два века назад в российской науке, так и влиянием западной гуманитаристики [13]. В этой связи отграничение от традиционного для нашей страны описания быта истории повседневности стало одной из задач профессиональных историков. Н. Л. Пушкарева определяет историю повседневности, как отрасль исторического знания, изучающую человеческую обыденность во множественных историко-культурных, политико-событийных, этнических и конфессиональных контекстах [12, с. 21–22]. Следовательно, предметом изучения при данном подходе будет сфера человеческой обыденности. История повседневности расширяет собственные рамки в сравнении с этнографией за счет включения ментальных процессов на макро- и микроуровнях. Поэтому историк повседневности охватывает исследованием не только нормы, но и девиации и старается понять их природу и причину. Саму повседневность Н. Л. Пушкарева ярко и емко определила как ткань человеческих отношений. В то же время широта определения порождает проблему выявления и отбора источников, их или мало, или слишком много. Поэтому целесообразно максимально конкретно определять изучаемые аспекты [12, с. 22].

Повседневность многомерна, поэтому внутри отрасли стали образовываться ниши, которые в то же время выступают соединительными мостиками с другими направлениями исторической науки. Например, на стыке военной антропологии и истории повседневности находится тема военной повседневности. В этой области активно работают А. С. Сенявский и Е. С. Сенявская.

Для нас важна не сама проблема военной повседневности, а некоторые теоретические установки, которые историки постулируют в своей монографии [16]. Например, они призывают не увлекаться казусами в истории повседневности, так как они не делают историю, а скорее её украшают [16, с. 9]. Для нашей темы принципиален следующий тезис, который следует привести дословно: «Очень важно отличать повседневность „стабильного“ общества, общества трансформирующегося и общества, находящегося в экстремальной ситуации (внутренних и внешних потрясений). Это будет разная повседневность: рутинная, меняющаяся (адаптирующаяся, приспособливающаяся) и «выживающая» [16, с. 10]. Определение «повседневности», данное Н. Л. Пушкаревой и приведенное нами, А. С. Сенявский и Е. С. Сенявская уточнили, сделав некоторые пояснения. Во-первых, существенным признаком повседневности является непосредственность жизни и сочетание еще объективных проявлений и субъективных переживаний. Во-вторых, повседневность вписана в территориальный и исторический контексты конкретного социума. В-третьих, предметом исследования исторической повседневности могут быть ценности, чувства и поведение людей, как выдающихся, так и обывателей [16, с. 10–11].

Результаты. Изучение зарубежного, в сравнении с российским опытом, развития направления истории повседневности позволило выявить некоторые черты, которые связаны как с национальными особенностями в исторической науке, так и с историческим контекстом становления и развития отрасли. При кажущейся сложности процесса в России, история повседневности отстаивала свое право на существование и за рубежом. Например, в Германии академическое сообщество сопротивлялось новому веянию. Стараниями А. Людтке и Х. Медика история повседневности сложилась только к концу 1980-х гг. Большое значение в намерениях немецких историков имело желание разобраться с природой нацизма в обществе на уровне массового сознания обывателей. В США в 1990-е гг. история повседневности могла быть вытеснена новой культурной историей. В России большое значение имели традиции бытописания, сложившиеся еще в дореволюционный период. Современные отечественные исследовательские практики сложились под влиянием и этой традиции, и западной гуманитаристики. В постсоветский период российские историки постарались отделить историю повседневности от культурологии и этнологии.

Литература

1. Бродель Ф. Материальная цивилизация, экономика и капитализм в XV–XVIII вв.: в 3 т. Т. 1: Структуры повседневности: возможное и невозможное. М.: Прогресс, 1986. 623 с.
2. Вершинина И. А. Анри Лефевр: от «права на город» к «урбанистической революции» // Вестник Московского университета. Серия 18. Социология и политология. 2018. Т. 24. № 2. С. 48–60.
3. Девятайкина Н. И. История повседневности // Теория и методология исторической науки. Терминологический словарь / отв. ред. А. О. Чубарьян. М.: Аквилон, 2014. С. 198–199.
4. Журавлев С. В. История повседневности – новая исследовательская программа для отечественной исторической науки // Людтке А. История повседневности в Германии: новые подходы к изучению труда, войны и власти. М.: РОССПЭН, 2010. С. 3–28.
5. Кринко Е. Ф., Тажиудинова И. Г., Хлынина Т. П. Повседневный мир советского человека 1920–1940-х гг.: жизнь в условиях социальных трансформаций. Ростов-н/Д.: Изд-во ЮНЦ РАН, 2011. 360 с.
6. Кром М. М. Историческая антропология. URL: <https://www.el-history.ru/node/446> (дата обращения: 21.07.2025)
7. Кром М. М. Исследования как предмет исторического исследования (Вместо предисловия) // История повседневности: сборник научных работ. Серия «Источник. Историк. История» / ред.: Б. И. Колоницкий, М. М. Кром, В. В. Лапин и др. СПб.: Европейский университет, 2003. С. 7–14.
8. Ле Руа Ладюри Э. Застывшая история // Thesis. 1993. Вып. 2. С. 153–173.
9. Леви Дж. Нематериальное наследие: карьера одного пьемонтского экзорциста XVII века / пер. с ит. М. Юсим. М.: Новое литературное обозрение, 2023. 248 с.
10. Медик Х. Микроистория // Thesis. 1994. Вып. 4. С. 193–202.
11. Пименова Л. А. Анналы: Экономика. Общества. Цивилизации // Thesis. 1993. Вып. 1. С. 203–213.
12. Пушкарева Н. Л. «История повседневности» и этнографическое исследование быта: расхождения и пересечения // Гласник Етнографского института САНУ LIII. 2005(53). Январь. Р. 21–34.
13. Пушкарева Н. Л. Повседневная жизнь в России: междисциплинарный подход. 13–15 мая 2010 г., Блумингтон (Штат Индиана), США // Антропологический форум. 2011. № 14 Online. URL: <https://anthropologie.kunstkamera.ru/07/14online> (дата обращения: 21.03.2025).
14. Пушкарева Н. Л., Любичанковский С. В. Понимание истории повседневности в современном историческом исследовании: от школы «Анналов» к российской философской школе // Вестник Ленинградского государственного университета имени А. С. Пушкина. 2014. Т. 4. № 1. С. 7–21.
15. Савченко В. А. Большие, средние и малые города в стратегии пространственного развития Ставропольского края // Вектор науки ТГУ. 2014. № 4(30). С. 201–205.
16. Сенявская Е. С., Сенявский А. С., Жукова Л. В. Человек и фронтовая повседневность в войнах России XX века: очерки по военной антропологии. М.: ИРИ РАН; Центр гуманитарных инициатив, 2017. 422 с.
17. Трубина Е. Город в теории. М.: НЛО, 2011. 520 с.

18. Укрощение повседневности: нормы и практики Нового времени / сост. М. Неклюдова. М.: Новое литературное обозрение, 2020. 456 с.
19. Февр Л. Бои за историю. М.: Наука, 1991. 632 с.
20. Хлевнюк Д. О. Елена Трубина «Город в теории». М.: НЛО, 2011. 520 с. // Социологическое обозрение. 2011. Т. 10. № 1-2. С. 223–228.
21. Шютц А. Смысловая структура повседневного мира: очерки по феноменологической социологии / сост. А. Я. Алхасов. М.: Институт фонда «Общественное мнение», 2003. 336 с.
22. Элиас Н. Придворное общество. М.: Языки славянской культуры, 2002. 368 с.
23. Carter L. Histories of Everyday Life – The Making of Popular Social History in Britain, 1918-1979, Oxford: Oxford University Press, 2021. URL: <https://journals.openedition.org/rfcb/10101> (дата обращения: 21.07.2025).
24. Elias N. Zum Begriff des Alltags // Materialien zur Soziologie des Alltags / Herausgegeben von Kurt Hammerich und Michael Klein. Wiesbaden: VS Verlag für Sozialwissenschaften, 1978. S. 22–29.
25. Lefebvre H., Levich Ch. The Everyday and Everydayness // Yale French Studies. 1987. No. 73. Everyday life. P. 7–11.
26. Schilling D. Everyday Life and the Challenge to History in Postwar France: Braudel, Lefebvre, Certeau // Diacritics. 2003. Vol. 33, No. 1. P. 23–40.
27. Schutz A. Collected Papers I. The Problem of Social Reality. Vol. 1. Phaenomenologica. Springer, 1972. 413 p.
28. Steege P., Bergerson A.S., Healy M., Swett P.E. The History of Everyday Life: A Second Chapter // The Journal of Modern History. 2008. Vol. 80. No. 2. P. 358–378.
29. The history of everyday life. Reconstructing historical experiences and ways of life / ed. by A. Lüdtke. New Jersey: Princeton University press, 2018. 336 p.

References

1. Braudel F. Material civilization, economy, and capitalism in the 15th–18th Centuries: in 3 volumes. Vol. 1. Structures of Everyday Life: The Possible and the Impossible. Moscow: Progress; 1986. 623 p. (In Russ.).
2. Verzhinina IA. Henri Lefebvre: from the “right to the city” to the “urban revolution”. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Series 18. Sociologija i politologija*. 2018;2(24):48-60. (In Russ.).
3. Devyataykina NI. History of Everyday Life in Theory and Methodology of Historical Science. Terminological Dictionary / ed by AO. Chubar'yan. Moscow: Akvilon; 2014. P. 198-199. (In Russ.).
4. Zhuravlev SV. Everyday history – a new research program for russian historical science in Ludtke A. History of everyday life in Germany: new approaches to the study of labor, war, and power. Moscow: ROSSPEN; 2010. P. 3-28. (In Russ.).
5. Krinko EF, Tazhidinova IG, Khlynina TP. World of everyday life of the Soviet man in the 1920-1940s: life in the context of social transformations. Rostov-on-Don: Publishing House of the Southern Scientific Center of the Russian Academy of Sciences; 2011. 360 p. (In Russ.).
6. Krom MM. Historical Anthropology. Available from: <https://www.el-history.ru/node/446> [Accessed 21 July 2025] (In Russ.).
7. Krom MM. Everyday life as a subject of historical research (instead of a introduction) in History of everyday life. Collection of scientific papers. Series “Source”. Historian. History”. Ed. BI. Kolonitsky, MM. Krom, VV. Lapin, et al. St. Petersburg: European University; 2003. P. 7-14. (In Russ.).
8. Le Roy Ladurie E. Frozen history. *Thesis*. 1993;(2):153-173. (In Russ.).
9. Levy J. Intangible heritage: the career of a piedmontese exorcist in 17th century. Translated from Italian by M. Yusim. Moscow: New Literary Review; 2023. 248 pp.
10. Medik H. Microhistory. *Thesis*. 1994;(4):193-202. (In Russ.).
11. Pimenova LA. Annals: Economies. Societies. Civilizations. *Thesis*. 1993;(1):203-213. (In Russ.).
12. Pushkareva NL. “The history of everyday life” and ethnographic research of everyday life: divergences and intersections. *Glasnik Etnografskogo instituta SANU LIII*. 2005;(53):21-34. (In Russ.).
13. Pushkareva NL. Everyday Life in Russia: An Interdisciplinary Approach. May 13–15, 2010, Bloomington, Indiana, USA. Available from: <https://anthropologie.kunstkamera.ru/07/14online> [Accessed 21 Marth 2025] (In Russ.).
14. Pushkareva NL, Lyubichankovskiy SV. Understanding the History of Everyday Life in Modern Historical Research: From the Annales School to the Russian Philosophical School. *Vestnik Leningradskogo gosudarstvennogo universiteta imeni A.S. Pushkina*. 2014;4(1):7-21. (In Russ.).
15. Savchenko VA. Large, medium, and small cities in the spatial development strategy of Stavropol krai. *Vektor nauki TGU*. 2014;4(30):201-205. (In Russ.).
16. Senyavskaya ES, Senyavsky AS, Zhukova LV. Man and everyday life at the front in Russia's 20th-century wars: essays on military anthropology. Moscow: Institute of Russian History, Russian Academy of Sciences, Center for Humanitarian Initiatives; 2017. 422 p. (In Russ.).
17. Trubina E. The city in theory. Moscow: New Literary Review; 2011. 520 p. (In Russ.).
18. Taming the everyday: norms and practices of the modern times / compiled by M. Neklyudova. Moscow: New Literary Review; 2020. 456 p. (In Russ.).
19. Fevre L. Battles for history. Moscow: Nauka; 1991. 632 p. (In Russ.).
20. Khlevnyuk DO. Elena Trubina. “The city in theory”. Moscow: NLO; 2011. 520 p. *Sociologicheskoe obozrenie*. 2011; 10(1-2):223-228. (In Russ.).
21. Schutz A. The semantic structure of the world of everyday life: essays on phenomenological sociology / compiled by AYa. Alkhasov. Moscow: Institute of the Public Opinion Foundation; 2003. 336 p. (In Russ.).
22. Elias N. Court society. Moscow: Languages of Slavic Culture; 2002. 368 p. (In Russ.).
23. Carter L. Histories of everyday life – the making of popular social history in Britain, 1918-1979, Oxford: Oxford University Press; 2021. Available from: <https://journals.openedition.org/rfcb/10101> [Accessed 21 July 2025].
24. Elias N. Zum Begriff des Alltags in Materialien zur Soziologie des Alltags / Herausgegeben von Kurt Hammerich und Michael Klein. Wiesbaden: VS Verlag für Sozialwissenschaften; 1978. S. 22-29.

25. Lefebvre H., Levich Ch. The everyday and everydayness. *Yale French Studies*. 1987;(73):7-11.
26. Schilling D. Everyday life and the challenge to history in postwar France: Braudel, Lefebvre, Certeau. *Diacritics*. 2003;33(1):23-40.
27. Schutz. A. Collected papers I. The problem of social reality. Vol. 1. Phaenomenologica. Springer; 1972. 413 p.
28. Steege P, Bergerson AS, Healy M, Swett PE. The history of everyday life: A second chapter . *The Journal of Modern History*. 2008;80(2):358-378.
29. The history of everyday life. Reconstructing historical experiences and ways of life / ed. by A. Lütke. New Jersey: Princeton University press; 2018. 336 p.

Научная статья

УДК 323.1(5-011)(=915.7)

<https://doi.org/10.37493/2409-1030.2025.3.3>

КУРДСКИЕ АНКЛАВЫ И ИХ ПОЛОЖЕНИЕ НА ТЕРРИТОРИИ СТРАН БЛИЖНЕГО ВОСТОКА

Мелина Владимировна Барави

Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет им. Н. И. Лобачевского (д. 23, пр. Гагарина, Нижний Новгород, 603022, Российская Федерация)

Соискатель

melinabaravi@gmail.com; <https://orcid.org/0009-0004-6063-6948>

Аннотация. Введение. Курдский вопрос на территории современного Ближнего Востока является по-прежнему очагом противостояния сразу нескольких государств и этнических групп, оказывая существенное влияние на геополитическую ситуацию в регионе. Проблема курдского самоопределения в последние годы становится все более актуальной из-за непрекращающегося стремления данного народа к самоопределению, что проявляется как в политических требованиях, так и в вооруженной борьбе. Обостряет напряженную ситуацию относительно различающееся положение курдских меньшинств в Сирии, Турции, Ираке и Иране, где каждая страна проводит свою особую политику в отношении курдского населения. **Материалы и методы.** В данном исследовании использованы методы сравнительного анализа, историко-политической ретроспекции и историко-генетического метода. **Анализ** положения курдов в Сирии показывает, что, несмотря на получение автономии в ходе гражданской войны, их будущее остается неопределенным из-за противодействия Турции и зависимости от внешних игроков, таких как США и Россия. В Турции курдский вопрос остается ключевым вызовом национальной безопасности, поскольку Анкара рассматривает любые попытки самоопределения курдов как угрозу территориальной целостности, что приводит к жестким репрессивным мерам. В Иране курды, вопреки частичному признанию их культурных прав, сталкиваются с системной дискриминацией, а их стремление к автономии подавляется властями, опасаясь дестабилизации страны. Иракский Курдистан, об-

ладая формальной автономией, сталкивается с экономическими и политическими трудностями, включая конфликты с Багдадом из-за распределения нефтяных доходов и внешнего давления со стороны Турции. Перспективы решения курдского вопроса осложняются противоречивыми интересами региональных и глобальных игроков, что делает маловероятным создание единого Курдистана в ближайшем будущем. **Результаты исследования** указывают на необходимость поиска компромиссных решений, включая расширение культурной автономии и экономического развития курдских регионов, для снижения напряженности на Ближнем Востоке. В данной статье дана характеристика положения курдов на современном этапе в каждой из перечисленных стран, а также проанализированы перспективы развития курдского вопроса в ближайшем будущем.

Ключевые слова: курды, самоопределение, Сирия, Турция, Иран, Ирак, анклав, этнический фактор, автономия, регион

Для цитирования: Барави М. В. Курдские анклав и их положение на территории стран Ближнего Востока // Гуманитарные и юридические исследования. 2025. Т. 12. № 3. С. 371–378. <https://doi.org/10.37493/2409-1030.2025.3.3>

Конфликт интересов: автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Статья поступила в редакцию: 25.04.2025.

Статья одобрена после рецензирования: 8.06.2025.

Статья принята к публикации: 15.07.2025.

Research article

KURDISH ENCLAVES AND THE STATE OF THEIR AFFAIRS IN THE MIDDLE EAST

Melina V. Baravi

National Research Lobachevsky State University of Nizhni Novgorod, (23 Gagarin Ave., Nizhny Novgorod 603022, Russian Federation)

PhD applicant

melinabaravi@gmail.com; <https://orcid.org/0009-0004-6063-6948>

Abstract. Introduction. The Kurdish issue in the territory of the modern Middle East is still a hotbed of confrontation between several states and ethnic groups, having a significant impact on the geopolitical situation in the region. The problem of Kurdish self-determination has become increasingly urgent in recent years due to the ongoing desire of this people for self-determination, which manifests itself both in political demands and in armed struggle. The tense situation is aggravated by the relatively different situation of the Kurdish minorities in Syria, Turkey, Iraq and Iran, where each country pursues its own special policy towards the Kurdish population. **Materials and methods.** The study uses methods of comparative analysis, historical and political retrospection, and the historical and genetic method. **Analysis.** The scrutiny of the situation of the Kurds in Syria shows that, despite gaining autonomy during the civil war, their future remains uncertain due to Turkey's opposi-

tion and dependence on external players such as the United States and Russia. In Turkey, the Kurdish issue remains a key challenge to national security, as Ankara considers any attempts at self-determination of the Kurds as a threat to territorial integrity, which leads to harsh repressive measures. In Iran, Kurds, despite partial recognition of their cultural rights, face systemic discrimination, and their desire for autonomy is suppressed by authorities who fear destabilization of the country. Iraqi Kurdistan, which has formal autonomy, is facing economic and political difficulties, including conflicts with Baghdad over the distribution of oil revenues and external pressure from Turkey. The prospects for resolving the Kurdish issue are complicated by the conflicting interests of regional and global players, which makes the creation of a unified Kurdistan region unlikely in the near future. **Results.** The study reveals the need to find compromise solutions, including the expansion of cultural autonomy and

economic development of the Kurdish regions, to reduce tensions in the Middle East. The article characterizes the current situation of the Kurds in each of the listed countries, as well as analyzes the prospects for the development of the Kurdish issue in the near future.

Keywords: Kurds, self-determination, Syria, Turkey, Iran, Iraq, enclave, ethnic factor, autonomy, region

For citation: Baravi MV. Kurdish enclaves and the state of their affairs in the Middle East. Humanities and law research.

Введение. Ближний Восток характеризуется культурным и религиозным разнообразием. Ислам, религия большинства, по-разному определяет повседневную жизнь, а также социальные и политические условия.

В настоящее время Сирия, Ливан и Ирак являются геополитической буферной зоной, подверженной влиянию своих могущественных соседей: Турции, Ирана, Саудовской Аравии и Израиля. Они также являются эпицентром новой глобальной дуги кризисов между Западом во главе с Соединёнными Штатами и евразийской парой – Россией и Китаем. На региональном уровне Иран и Турция возрождают свои имперские амбиции. На юге Израиль и Саудовская Аравия довольствуются оборонительной позицией в отношении этого пространства, в котором в значительной степени доминируют их враги. Что касается Соединённых Штатов Америки, то они стремятся ограничить международный и региональный конфликт этой территорией, чтобы он не перекинулся на Персидский (Арабский) залив, который является основой их региональных интересов. В работе автором отмечены некоторые из самых крупных меньшинств, проживающих в Сирии, Ливане, Ираке и Израиле: марониты, курды, алавиты и друзы. Именно эти меньшинства, по мнению автора, оказывают большое влияние на состояние региона.

Материалы и методы. В данном исследовании применялись методы сравнительного анализа, историко-политической ретроспекции и историко-генетический метод. Контент-анализ политических и экономических документов помог в определении факторов, влияющих на региональную динамику. В качестве материалов были использованы официальные документы и законы четырёх стран, на которых расположены территории курдов (Ирака, Ирана, Турции и Сирии); декларации и программные заявления политических партий и движений, в том числе расположенных на территории Иракского Курдистана и Рожавы; административные документы (декларации местных советов) Рожавы. Публикации местных и региональных СМИ и новостных порталов использовались для оценки результативности проводимых политик, доступности образования и экономических свобод граждан территорий так называемого Курдистана.

Анализ. Курды – это этническая группа, проживающая в основном в регионе Курдистан, который простирается на части нынешних земель Турции, Ирана, Ирака и Сирии.

2025;12(4):371-378. (In Russ). <https://doi.org/10.37493/2409-1030.2025.3.3>

Conflict of interest: the author declares no conflicts of interests.

The article was submitted: 25.04.2025.

The article was approved after reviewing: 8.06.2025.

The article was accepted for publication: 15.07.2025.

Актуальность данной работы обусловлена современной геополитической обстановкой региона, остающейся крайне напряженной из-за наличия сразу нескольких горячих точек. За последние десятилетия мы неоднократно становились свидетелями стремления народов к самоопределению. Это происходило как мирным путем (попытка отсоединения Каталонии от Испании), так и при помощи военных операций: столкновение Палестины и Израиля. Курдская проблема является одной из наиболее острых для Ближнего Востока, и от того, мирным или военным способом она разрешится, будет зависеть стабильность всего региона.

Данная тема является предметом обсуждения многих исследователей. Так, И. В. Рыжов и М. Бородина в научной публикации на тему «Этнические проблемы в современном Иране» отмечают, что в целом ситуация с соблюдением прав курдов в Иране улучшилась, однако говорить о том, что ситуация с предоставлением автономных прав данному народу сдвинется с места, не приходится [5, с. 125]. Л. А. Сафарян в работе «Курды и турки: вечная спираль войны на Ближнем Востоке» отмечает, что курдский вопрос влияет на внутреннюю политику Турции, Анкара заинтересована в решении данной проблемы, но методы, которыми турки стараются разрешить сложившуюся ситуацию, далеки от мирных [6]. М. В. Барави и Д. А. Тарасова в статье «Влияние религиозного многообразия на курдскую идентичность в геополитическом контексте» отмечают, что на данном временном отрезке нет того человека, который мог бы решить проблему в пользу самих курдов, а не каких-то третьих лиц [1, с. 1153]. Т. А. Ганиев и В. В. Карякин в публикации «Курдский фактор и его роль в формировании геополитической обстановки на Ближнем Востоке» видят единственное решение курдской проблемы – создание автономий на территории Сирии, Турции, Ирана и Ирака [2]. А. И. Шарипов в работе «Проблема турецкого Курдистана во внутренней политике Турции» отмечает, что курдский вопрос зачастую используют как инструмент в политической борьбе внутри страны [7, с. 1214]. В публикации Д. В. Маковской «Курдский вопрос: истоки и перспективы» говорится о том, что даже в случае получения самостоятельности Курдистан будет тяготеть к федерации, основанной на этнической и конфессиональной принадлежности граждан и, соответственно, не станет устойчивым государственным образованием [3, с. 53].

Положение курдов на территории Сирии

Сирийские курды в основном проживают вдоль границы с Турцией на северо-востоке Сирии, этот регион охватывает большую часть провинции аль-Хасака. Крупнейшими городами региона являются Камышлы и аль-Хасака. Еще один регион со значительным курдским населением – Айн-эль-Араб (Кобани) на севере Сирии, недалеко от города Джарабулус и Курд-Даг на северо-западе, вокруг города Африн в Провинции Алеппо. Регион Курд-Даг простирается до границы с Турцией. Кроме того, многие курды живут в крупных городах, таких как Алеппо и Дамаск. Населенные курдами северная и северо-восточная части Сирии называются по-курдски «Курдистана Биншете» (приграничный Курдистан) или «Рожава» (Западный Курдистан).

Курды составляют большинство жителей Рожавы. Но также там живут ассирийцы, туркмены, арабы, черкесы, армяне и курды-езиды.

При баасистском режиме сирийские курды подвергались дискриминации, но не подвергались политике геноцида, как в Ираке при Саддаме Хусейне. На самом деле самые жестокие меры, принятые против курдов, относятся к 1961 г. В то время десятки тысяч курдов были лишены сирийского гражданства и стали людьми без гражданства в собственной стране. Им выдали постоянные виды на жительство, но они не могли покупать недвижимость, получать учёную степень или поступать в университет. Они не могли покидать свои провинции без разрешения полиции. Целью сирийского режима было оставить курдские территории слаборазвитыми, чтобы это население покинуло сельские и приграничные районы и переехало в крупные города, где оно стало бы более арабским и потеряло бы связь со своей родной территорией. Баасистскому режиму не пришлось столкнуться с вооружённым сопротивлением курдов. Из-за их рассредоточенности по всей стране и малочисленности было трудно создать мощное курдское националистическое движение, как в Ираке. Более того, начиная с 1980 г. баасистский режим приветствовал лидера Рабочей партии Курдистана (РПК) Абдуллу Оджалана и его военную организацию на своей территории. Курдский лидер мог свободно дестабилизировать Турцию, но ему приходилось воздерживаться от любой политической деятельности в Сирии. Сирийским курдам было разрешено вступить в ряды РПК и сражаться в Турции. В 1998 г. под давлением Турции Хафез аль-Асад был вынужден изгнать А. Оджалана и РПК из Сирии. Таким образом, он лишился возможности контролировать сирийских курдов. В 2004 г. в Камышлы вспыхнули беспорядки, которые распространились на все курдские районы Сирии, включая курдские Шейх-Максуд в Алеппо. Однако арабское население не проявило солидарности с курдами, которые подвергались жестоким репрессиям. Это объясняет, почему курды сразу же отделились от сирийской оппозиции в 2011 г. [12].

Им пришлось ждать до 2011 г. и восстания в Сирии, чтобы Башар Асад восстановил для них сирийское гражданство [4]. После арабской весны 2011 г. в Сирии также начались демонстрации и беспорядки. Первоначально курдские районы на севере оставались спокойными, и курды не принимали активного участия в боевых действиях. Курды политически раздроблены, что ещё более усугубляется присутствием РПК, которая ведет борьбу с Турцией. У РПК есть родственная партия в Сирии – Партия демократического единства. Часть курдов близка к Иракской демократической партии Масуда Барзани. Демократическая партия Курдистана-Сирии и её партии-преемницы доминируют только в районе Камышлы. По-прежнему важным является движение Машаля Таммо за будущее, которое является единственной курдской партией, входящей в Сирийский национальный совет (СНС). Между остальными партиями нет согласия, поэтому курды сформировали Курдский национальный совет.

В начале беспорядков Министерство труда и социальных дел Сирии объявило, что отныне курды, не имеющие сирийского гражданства, будут иметь право на работу. Крупные демонстрации не проводились вплоть до октября 2011 г., после убийства курдского политика Машаля Таммо. Партия демократического единства установила контроль в городах Африн и Айн-эль-Араб на западе Сирии, другие курды обвинили их в сотрудничестве с правительством, что ими категорически отрицалось.

Чтобы снизить растущую напряженность между Курдским национальным советом и Партией демократов и выработать общую линию, представители сирийских курдских партий встретились в Эрбиле на севере Ирака в июле 2012 г. под эгидой Масуда Барзаниса. В конце встречи стороны договорились не действовать друг против друга и создать Высший курдский совет для определения дальнейшей стратегии курдских организаций. В результате переброски войск сирийской армии в глубь страны курдам удалось взять под свой контроль некоторые города.

В 2013 г. на севере Сирии была создана временная администрация для решения вызванных войной проблем, связанных с управлением и снабжением населения. В начале 2014 г. автономия была провозглашена в трех кантонах с преобладающим курдским населением, которые объединились под названием Рожава, то есть они объединились в де-факто независимое государство. По соображениям военной тактики правящий режим Асада разрешил им содержать свои собственные контрольно-пропускные пункты, школы и лазареты ещё до провозглашения автономии.

Затем последовало несколько сражений против ИГ (запрещённого на территории РФ), которое в результате войны присвоило себе большие территории Восточной и Центральной

Сирии, открыв новый фронт гражданской войны. Курды как часть Сирийских демократических сил стали наиболее эффективной и основной силой сопротивления против запрещенного ИГ в Северной Сирии.

На улучшение положения курдов в Сирии повлияло несколько факторов. Только после начала гражданской войны в Сирии режим Асада предоставил им гражданские права, тем самым обеспечив их лояльность. Но ещё более важным для сирийских курдов было то, что сирийская армия практически полностью вышла с территорий сирийских курдов, что позволило курдским ополченцам и политическим силам взять бразды правления в свои руки. Три кантона Эфрин, Кобани и Чизире были образованы в январе 2014 года и приняли новую «политическую конституцию», направленную на «демократический конфедерализм». Конституция и «Общественный договор», принятые соответственно тремя кантонами, гласят: «Кантоны с демократическим автономным управлением не принимают национально-государственное, милитаристское и религиозное понимание государства, а также не принимают центральную администрацию или центральную власть. <...> Они признают границы Сирии» [9].

Положение курдов на территории Турции

РПК рассматривает это развитие автономии в регионе, получившем название Рожавы как модель и для Турции. Однако для Турции это означает, что между сирийскими и турецкими курдами формируются союзы не только в военной сфере, но и на гражданско-политическом уровне, что можно рассматривать как угрозу территориальной целостности Турции. Среди научных публикаций можно встретить мнение, что курдская проблема является угрозой турецкой государственности [6, с. 59]. Также авторы научных публикаций отмечают, что «с момента создания Турецкой Республики» курдскому народу принудительно навязывалась турецкая культура, язык, осуществлялось его массовое переселение» [7, с. 1218]. С точки зрения Турции, прежде всего, тесное сотрудничество между сирийскими курдскими и турецкими курдскими ополченцами представляет собой неприемлемую угрозу безопасности, которая не позволяет ожидать приемлемого политического развития в Рожаве. Скорее политика Анкары в отношении сирийских курдов в основном направлена на предотвращение создания таких фактов в сирийско-курдских районах, которые могут оказаться проблематичными для сдерживания политических устремлений курдов в Турции.

Однако Турция находится в сложном положении, поскольку США в борьбе с запрещенным ИГИЛ абсолютно полагаются на военную поддержку на местах со стороны сирийской курдской Партии демократического единства, ее отрядов народной самообороны и альянса сирий-

ских демократических сил. Иран, который твердо стоит на стороне режима Асада в Сирии, также вступил в тактический союз с сирийскими курдскими ополченцами и, как утверждается, поддерживает их в борьбе с террористами. Это особенно горько для Турции, которая находится в резком противоречии с Ираном в Сирии, поскольку в прошлом между Анкарой и Тегераном существовала определенная общая заинтересованность в подавлении курдских устремлений.

Москва как основная сила, стоящая за режимом Асада, также рассматривает курдов как надежных союзников в борьбе с террором Исламского государства и в то же время против нежелательного для России турецкого влияния на события в Сирии. Как заявил сопредседатель РYD Салих Муслим в интервью в октябре 2015 года, с точки зрения сирийских курдов русские являются гарантом того, что турки не будут пересекать границы с Сирией [8].

Влияние Турции на события в Сирии и на сирийско-курдско-турецкой границе сегодня кажется сравнительно незначительным. Только Турция не сможет обуздать курдские устремления в Сирии ни в военном, ни в политическом смысле этого слова. Для успешной стратегии ей не хватает необходимых партнеров по сотрудничеству в регионе. С другой стороны, ось между гражданско-политическими и боевыми силами турецких и сирийских курдов, напротив, прочно закрепилась. Совместная борьба иракских, турецких и сирийских курдов против запрещенного ИГ повысила их стратегическое значение как партнера Запада в области политики безопасности. Их прозападная, светская политическая ориентация еще больше способствовала этому. Общая угроза со стороны террористов породила транснациональную курдскую общественность и позволила наладить, хотя и все еще хрупкое, сотрудничество между соперничающими курдскими партиями и политиками. Это открывает новые возможности для преодоления их внутреннего разлада и ускорения процесса формирования курдского национального государства [10].

Тем не менее добавились новые конфликты: внутрикурдское соперничество за господство, напряженность между курдами и шиитскими ополченцами и поощрение антикурдских нападков со стороны могущественных соседних государств Ирана и Турции. Независимость Иракского Курдистана – это уже не просто мечта, а реальный вариант, если Ирак продолжит распадаться [11].

Курдские ополченцы доказали свою эффективность в борьбе с террористами ИГИЛ. Тесное сотрудничество Турции с курдами на севере Ирака, существовавшее на протяжении многих лет, ясно дает понять, что Турция готова пойти по прагматичному пути, если будет обеспечена безопасность её собственной территории. Как и в Се-

верном Ираке, Турция играет важную роль в Сирии как стабилизирующая региональная держава. Развития событий на территориях сирийских курдов, которое диаметрально противоречит турецким интересам, не будет, поскольку Турции придется стабилизировать это пространство протяженностью около 800 километров на своей границе уже по соображениям безопасности. Поэтому сирийские курды также сталкиваются с трудностями, связанными с выполнением своих политических обязанностей и освобождением от тисков РПК [10]. В предстоящих переговорах по Сирии важно, чтобы США и Россия, сильно расходящиеся в своих подходах к политике в отношении Сирии и курдов, должным образом учитывали турецкие интересы и активно вовлекали Турцию в процесс урегулирования.

Для активной внешней политики Турции стабилизация ситуации в Сирии остается одним из наиболее важных вызовов. Это также затрагивает дальнейшее развитие отношений Анкары с курдским регионом Ирака, поскольку борьба с террористами запрещенного ИГ также является главным приоритетом для иракских курдов, и в этом они чувствуют себя более тесно связанными с сирийскими и турецкими курдами, чем хотелось бы Анкаре. Что не менее важно, если бы Анкара смогла конструктивным образом – совместно со своими союзниками – привлечь сирийских курдов к общему подходу к построению послевоенного сирийского порядка, турецкая курдская политика имела бы очень позитивный импульс и внутри Турции. Активная поддержка Анкарой сирийских курдов не только освободила бы их от иранского и российского окружения, но и значительно стабилизировала бы ситуацию в области политики безопасности в регионе.

В перспективе это может привести к развитию важного для Турции внутривнутриполитического аспекта: если Турция поддержит процесс политической интеграции сирийских курдов, угнетенных и лишенных гражданских прав режимом Асада на протяжении десятилетий, в послевоенную Сирию, то это потенциально также будет способствовать процессу примирения с теми силами турецких курдов, которые до сих пор называют себя «освободительным движением». Тем самым это придало бы новый импульс и усилило бы роль Турции как опорной страны в нестабильном кризисном регионе.

Положение курдов на территории Ирана

Иранские курды проживают преимущественно на северо-западе страны в регионе под названием Иранский Курдистан. Данный регион включает в себя сразу несколько провинций, среди них юг Западного Азербайджана, Курдистан, Илам и Керманшах. Стоит отметить, что численно курдское население, хоть и является национальным меньшинством, демонстрирует в процентном соотношении весомую цифру. Таким образом, курдское население Ирана оцени-

вается в 8–10 млн человек, что составляет порядка 13 % от общей численности населения. Следовательно, курды являются достаточно многочисленным национальным меньшинством в стране, уступая только азербайджанцам. Благодаря культурным связям с другими курдскими анклавами Турции, Сирии и Ирака, народ сохраняет собственную идентичность, из-за чего растет напряженность между курдами и правительством Ирана. Причиной тому служит опасение иранских властей, считающих, что усиление взаимодействий между курдскими диаспорами способно дестабилизировать политическую обстановку в стране. Стоит отметить, что географическое положение курдских территорий не является удобным: районы находятся на расстоянии от центра, отделены от него горным ландшафтом. Всё это способствует маргинализации местного населения.

В культурном аспекте внутренняя политика Ирана в курдском вопросе не является столь однозначной, как у тех же Сирии и Турции. Важно отметить, что курдский язык в определенной степени поддерживается правящей элитой. Данная тенденция наблюдается в последнее десятилетие. Например, в районах, где проживают курды, функционируют курдские образовательные учреждения. Также на курдском языке вещают некоторые радиостанции и телевизионные каналы. Наряду с этим печатаются на курдском языке и литературные произведения. Однако, несмотря на всё это, говорить о том, что народ получил широкую автономию, преждевременно. В качестве примеров следует учитывать следующие факторы:

1) образование: несмотря на то, что выше было сказано о возможности вести образовательную деятельность на курдском языке, в реальности всё ограничивается классами начального образования. Следовательно, в полной мере курдское образование по-прежнему дается с явными проблемами. К тому же в наиболее котирующихся университетах Ирана нет факультетов, направленных на формирование курдской интеллигенции, нет курдских факультетов. Также в вузах Ирана не производятся научные исследования на курдском языке;

2) цензура в культуре: власти ИРИ контролируют все мероприятия и публикации, касающиеся курдского стремления к автономии или даже независимости. Чаще всего темы, особо актуальные для народа, посвященные национальной, религиозной, этнической идентичности курдов, остаются запрещенными. Данные меры обусловлены желанием бороться с курдским сепаратизмом различными методами;

3) экономический аспект: проекты, отвечающие за курдскую национальную идентичность, зачастую не получают должного финансирования. Следовательно, у лидеров общественного мнения нет возможностей для продвижения в информационном пространстве

нарративов собственного народа. Причиной отсутствия должного финансирования можно также назвать опасение властей Ирана усиления сепаратистских настроений в обществе.

Таким образом, с экономической точки зрения курдский анклав явно недополучает ресурсов, что приводит к экономической отсталости целого региона и, как следствие, к нарастанию в курдском обществе недовольства. Из-за того что Курдистан не получает финансирования на должном уровне, люди в поиске рабочих мест мигрируют в другие регионы Ирана. В целом данный момент может в обозримом будущем негативно повлиять на политическую обстановку в стране, так как курды, явно недовольные местным правительством, создав этнические анклавы на других иранских территориях, будут распространять свои тезисы среди населения.

В целом стоит отметить, что политическое положение курдов в стране остается все еще крайне напряженным. Несмотря на то, что формально курдское меньшинство обладает идентичными правами с другими гражданами страны, на деле зачастую курды сталкиваются с дискриминацией по национальному признаку. Среди причин, влияющих на нынешнее положение дел, можно выделить следующие:

1) нежелание иранских властей предоставлять права на автономию. Курдские территории Ирана не являются автономными образованиями, поэтому любое политическое решение принимается в Тегеране, который не стремится учитывать национальных особенностей местного населения;

2) отсутствие курдов в представительных органах власти. Лишь малое число курдов представлено в Меджлисе страны. При этом даже в случае избрания в парламент фактически курды не принимают в нём никаких значимых политических решений;

3) борьба со стремлением к самоопределению. Иранские власти активно борются с любым проявлением курдского национализма и сепаратизма, вынуждая некоторые политические образования страны уезжать за границу либо переходить в подполье.

Все эти факторы будут способствовать нарастанию недовольства и даже возникновению военной угрозы. Учитывая, что на протяжении последних десятилетий в курдских регионах Ирана нередко происходили боевые столкновения между повстанцами, среди которых можно выделить «Партию свободной жизни Курдистана» и «Демократическую партию Иранского Курдистана». Цель данных вооруженных формирований, как минимум, добиться прав автономии, а как максимум, и вовсе получить независимость. Повстанцы своими действиями стремятся нанести серьезный ущерб военным объектам ИРИ. В свою очередь, Тегеран отвечает насилием, проводя контртеррористические опера-

ции, вследствие чего гибнут ни в чем не повинные люди. И. В. Рыжов и М. Бородина в статье «Этнические проблемы в современном Иране» отмечают, что проблема, связанная с непризнанием курдской автономии, является следствием исламской концепции, согласно которой в мусульманском обществе не может быть национальных различий, поэтому на курдскую нацию не смотрят как на самостоятельный элемент политической жизни в стране [5, с. 109].

Стоит отметить, что еще одним фактором, дестабилизирующим ситуацию в Иране, является, как ни странно, Ирак. Само по себе существование Иракского Курдистана как автономной единицы стимулирует местных повстанцев принимать ещё более активные меры.

Таким образом, положение курдов в Иране весьма неоднозначно. В стране признаются как курдский язык, так и возможность обучаться на нём. Однако далеко не всегда правила, прописанные «на бумаге», реализуются на практике. Зачастую курды по-прежнему подвергаются дискриминации по этническому фактору. Решение курдской проблемы важно найти в кратчайшие сроки. Среди них можно выделить предоставление возможности обучаться на курдском языке в рамках более старших ступеней школьного образования и университетов. Также в случае, если власти Ирана действительно будут желать решить курдский вопрос или сделать его не столь актуальным, им придется дать национальным меньшинствам более активно осуществлять своё влияние на политическую повестку.

Положение курдов на территории Ирака

Курдская диаспора является одной из наиболее многочисленных в стране; иракские курды, добившись автономии, все равно сталкиваются с экономическими и политическими трудностями. Стоит отметить, что к получению автономных прав курды шли очень долго. На протяжении многих лет курдский народ Ирака подвергался гонениям, репрессиям и дискриминации, например, во времена правления Саддама Хусейна. После того как в конце XX века над территориями курдского анклава установилась бесполётная зона, курды получили возможность создать собственное автономное государственное образование.

Иракский Курдистан является парламентским государством со своим правительством и президентом. За политическую жизнь в государственном образовании отвечают две основные силы: Демократическая партия Курдистана и Патриотический союз Курдистана. Отношения между данными силами можно назвать напряженными. Данные партии зачастую по-разному смотрят на политические и экономические аспекты, а также на взаимоотношения с Багдадом. Из-за противоречий зачастую проваливались выборы в местный парламент.

Для того чтобы охарактеризовать положение курдов в стране, нужно осветить тему взаи-

моотношений Эрбиля (столица Иракского Курдистана) и Багдада. Назвать отношения между двумя столицами дружескими не получается. Камнем преткновения является планирование федерального бюджета и распределение доходов от продажи полезных ископаемых, в первую очередь нефти. Так как территория Иракского Курдистана богата нефтью, власти автономии считают, что доходы от сделок должны оставаться в местной казне. В то время как Багдад настаивает на управлении доходами исключительно из центра.

Наряду с этим особенно остро стоит территориальный вопрос. К примеру, Кикрук. Данная территория славится своим этническим разнообразием, а вооружённые формирования, такие как Пешмерги, иракские силы безопасности, проиранская милиция, несомненно, накаляют обстановку.

Для более детального анализа положения курдской автономии Ирака следует дать экономическую характеристику региона. Так, экономика Иракского Курдистана зависит от нефти. В 2023 г. экспорт нефти через один из турецких портов (Джейхан) был приостановлен ввиду некоторых споров с Багдадом, что по итогу привело к финансовым потерям региона. Следствием этого стали задержки заработной платы государственным служащим и заморозка некоторых инфраструктурных проектов. Понимая свою зависимость от недр, правительство Иракского Курдистана хочет развивать другие отрасли экономики, такие как сельское хозяйство, туризм и промышленность. Однако в этих отраслях Иракский Курдистан сталкивается с противоборством, среди которых можно назвать нежелание бизнесменов инвестировать в потенциально взрывоопасный регион, недостаток квалифицированных кадров и далеко не самую простую политическую ситуацию.

Как было сказано выше, политическая ситуация в Иракском Курдистане является одной из причин, которая отрицательно влияет на инвестиционный потенциал автономии. Наряду с внутренними противоречиями, стоит держать в уме фактор «Исламского государства» (запрещено в РФ). Несмотря на в целом успешную борьбу против радикалов, ИГИЛ все еще продолжают совершать террористические акты в Ираке, чем, безусловно, дестабилизирует обстановку и снижает потенциал государства в глазах иностранных инвесторов. Наряду с этим активно вмешивается во внутренние дела Эрбиля Турция. Так, Анкара на постоянной основе проводит военные операции против Иракского Курдистана, и РПК, бойцов которого Р. Эрдоган считает террористами. Таким образом, военное присутствие Турции, являющееся нарушением суверенных границ Ирака, способствует к нарастанию протестных настроений

как в Багдаде, так и в Эрбиле. Несмотря на это, в Иракский Курдистан стекается большое количество беженцев как и из других регионов страны, так и с приграничных территорий других государств. В данных условиях обеспечить доступ беженцев к реализации даже базовых потребностей является проблематичным.

Исходя из сказанного выше, можно прийти к выводу о том, что положение Иракского Курдистана является крайне нестабильным. Безусловно, Эрбиль смог добиться того, в чем не преуспели другие курдские формирования в Иране, Сирии и Турции. Получив автономию, иракские курды столкнулись с нежеланием Багдада «переплачивать» за ресурсы, добытые на территории автономии, что спровоцировало новый виток конфликта центра и периферии. Чтобы добиться усиления позиций курдов в Ираке, политической элите автономии следует стремиться достичь взаимовыгодных отношений с Багдадом, отказавшись от категоричных нарративов, быть готовыми дать отпор внешним силам и спланировать общество внутри.

Результаты. Проблема курдского народа является одной из наиболее ощутимых для нынешнего Ближнего Востока. На протяжении последних десятилетий, несмотря на свою самоубытность, курды сталкиваются с непониманием официальных властей ряда стран. Руководство Ирака, Ирана, Сирии и Турции из-за боязни сепаратизма и гражданских войн не идут навстречу курдскому народу. По понятным причинам, среди курдских анклавов долгие годы зреет недовольство, которое усиливается, потому что центральные власти не желают инвестировать в заведомо нестабильный регион, оставляя национальное меньшинство без возможности удовлетворять базовые потребности.

Курдский народ на территориях упомянутых стран борется за независимость с переменным успехом. Если в Ираке курдам удалось отстоять свое право на автономию, то в других странах с этим дела обстоят сложнее. Власти Турции и вовсе видят в курдском народе угрозу своей государственности. Достижение мира на равных условиях на данный момент не представляется возможным. Маловероятно, что правящая элита каждой из четырех стран пойдет на признание независимости части собственной территории. Однако ослабить напряженность, безусловно, можно. Государствам придется отказаться от политики насильственной ассимиляции и признать право курдов хотя бы на культурную автономию. Также властям следует улучшить экономическое обеспечение курдских анклавов, вести диалог на равных, а не с позиции силы и искать баланс между централизацией и децентрализацией своих территорий.

Литература

1. Барави М. В., Тарасова Д. А. Влияние религиозного многообразия на курдскую идентичность в геополитическом контексте // Вестник Тамбовского университета. Серия: Гуманитарные науки. 2024. Т. 29. № 4. С. 1146–1156. URL: <https://doi.org/10.20310/1810-0201-2024-29-4-1146-1156> (дата обращения: 27.02.2025).
2. Ганиев Т. А., Карякин В. В. Курдский фактор и его роль в формировании геополитической обстановки на Ближнем Востоке // Архонт. 2018. № 2(5). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/kurdskiy-faktor-i-ego-rol-v-formirovanii-geopoliticheskoy-obstanovki-na-blizhnem-vostoke> (дата обращения: 27.02.2025).
3. Маковская Д. В. Курдский вопрос: истоки и перспективы // Общество: политика, экономика, право. 2023. № 5(118). С. 50–55.
4. Полонский И. Рожава – земля Советов. Как сражаются и строят новый мир сирийские курды // Военное обозрение. Аналитика. 2015. URL: <https://topwar.ru/82417-rozhava-zemlya-sovetov-kak-srazhayutsya-i-stroyat-novyy-mir-siriyskie-kurdy.html> (дата обращения: 27.02.2025).
5. Рыжов И. В., Бородин М. Ю. Этнические проблемы в современном Иране // Россия и мусульманский мир. 2016. № 7(289). С. 107–127.
6. Сафарян Л. А. Турки и курды: вечная спираль войны на Ближнем Востоке // Свободная мысль. 2021. № 1(1685). С. 65–80.
7. Шарипов А. И. Проблема Турецкого Курдистана во внутренней политике Турции // Вестник науки. 2024. Т. 12. № 81. С. 1210–1220.
8. Edlinger F., Kraitt T. *Syrien: Hintergründe, Analysen, Berichte*. Wien: Promedia Verlag, 2013. 256 p.
9. Essig-Gutschmidt J. *Rojava: Modell für den Mittleren Osten* // *Perspektive Rojava*. 2015. Vol. 1. № 1.
10. Gürbey G. *Widerstand der Kurden gegen den IS: Neue Chancen für die Unabhängigkeit* // *GIGA Focus Middle East*. 2015. № 3. URL: <http://nbn-resolving.de/urn:nbn:de:0168-ssoar-431148> (дата обращения: 27.02.2025).
11. Romano D., Gürses M. *Conflict, Democratization and the Kurds in the Middle East: Turkey, Iran, Iraq and Syria*. New York; London: Palgrave Macmillan, 2014. 320 p.
12. Schirmacher C. *Fragenkatalog des Ausschusses für Menschenrechte und Humanitäre Hilfe des Deutschen Bundestages für die Öffentliche Anhörung am 9. Mai 2012*. 2012. URL: <https://christineschirmacher.info/2012/08/fragenkatalog-des-ausschusses-fur-menschenrechte-und-humanitare-hilfe-des-deutschen-bundestages-fur-die-offentliche-anhorung-am-9-mai-2012/> (дата обращения: 27.02.2025).

References

1. Baravi MV, Tarasova DA. The impact of religious diversity on Kurdish identity in a geopolitical context. *Bulletin of Tambov University. Series: Humanities*. 2024;29(4):1146-1156. <https://doi.org/10.20310/1810-0201-2024-29-4-1146-1156>. (In Russ.).
2. Ganiev TA, Karyakin VV. The Kurdish factor and its role in shaping the geopolitical situation in the Middle East. *Arkhont*. 2018;(5). Available from: <https://cyberleninka.ru/article/n/kurdskiy-faktor-i-ego-rol-v-formirovanii-geopoliticheskoy-obstanovki-na-blizhnem-vostoke> [Accessed 27 February 2025]. (In Russ.).
3. Makovskaya DV. The Kurdish question: origins and prospects. *Society: politics, economics, law*. 2023;5(118):50-55. (In Russ.).
4. Polonskiy I. Rojava is a land of Soviets. How the Syrian Kurds are fighting and building a new world. *Military review. Analytics*. 2015. Available from: <https://topwar.ru/82417-rozhava-zemlya-sovetov-kak-srazhayutsya-i-stroyat-novyy-mir-siriyskie-kurdy.html> [Accessed 27 February 2025]. (In Russ.).
5. Ryzhov IV., Borodina M.Yu. Ethnic problems in modern Iran. *Russia and the Muslim world*. 2016;7(289):107-127. (In Russ.).
6. Safaryan LA. Turks and Kurds: the eternal spiral of war in the Middle East. *Free thought*. 2021;1(1685):65-80. (In Russ.).
7. Sharipov AI. The problem of Turkish Kurdistan in Turkey's domestic policy. *Bulletin of Science*. 2024;12(81):1210-1220. (In Russ.).
8. Edlinger F., Kraitt T. *Syrien: Hintergründe, Analysen, Berichte*. Wien: Promedia Verlag; 2013. 256 p.
9. Essig-Gutschmidt J. *Rojava: Modell für den Mittleren Osten*. *Perspektive Rojava*. 2015;1(1).
10. Gürbey G. *Widerstand der Kurden gegen den IS: Neue Chancen für die Unabhängigkeit*. *GIGA Focus Middle East*. 2015;(3). Available from: <http://nbn-resolving.de/urn:nbn:de:0168-ssoar-431148> [Accessed 27 February 2025].
11. Romano D., Gürses M. *Conflict, Democratization and the Kurds in the Middle East: Turkey, Iran, Iraq and Syria*. New York; London: Palgrave Macmillan; 2014. 320 p.
12. Schirmacher C. *Fragenkatalog des Ausschusses für Menschenrechte und Humanitäre Hilfe des Deutschen Bundestages für die Öffentliche Anhörung am 9. Mai 2012*. Available from: <https://christineschirmacher.info/2012/08/fragenkatalog-des-ausschusses-fur-menschenrechte-und-humanitare-hilfe-des-deutschen-bundestages-fur-die-offentliche-anhorung-am-9-mai-2012/> [Accessed 27 February 2025].

Научная статья

УДК 94(470.63):614.2

<https://doi.org/10.37493/2409-1030.2025.3.4>**БЕСПРИЗОРНОСТЬ В ГОРОДСКОМ ПРОСТРАНСТВЕ ПОВСЕДНЕВНОСТИ В 1920-Е ГГ.: ДЕТСКИЙ ГОРОДОК В ПОВСЕДНЕВНОЙ ЖИЗНИ СТАВРОПОЛЯ 1920-Х ГОДОВ****Тамара Александровна Булыгина^{1*}, Нина Васильевна Романова²**^{1,2} Северо-Кавказский федеральный университет (д.1, ул. Пушкина, Ставрополь, 355017, Российская Федерация)¹ Доктор исторических наук, профессор
bul.tamara2011@yandex.ru; <https://orcid.org/0000-0003-1846-9360>.² Кандидат исторических наук, доцент
history_d03@mail.ru; <https://orcid.org/0009-0009-3437-6616>.

* Автор, ответственный за переписку

Аннотация. Введение. В данной статье показана детская беспризорность как часть городской повседневности, которая привела к возникновению системы Детских городков в стране. Характеризуя деятельность Ставропольского Детского городка, авторы, основываясь на значительном объеме архивного материала, показали не только основные направления работы городка, но и серьезные проблемы содержания детей в этих заведениях. **Материалы и методы.** На основе принципов междисциплинарности и исторической антропологии, методов новой локальной истории в статье проведен анализ официальных документов органов местного управления. **Анализ.** В работе представлен материал о деятельности региональной власти и педагогических работников в системе работы с беспризорными детьми в городском пространстве в 1920-е гг. Анализ проблемы в рамках города Ставрополя проводится с учетом не только регионального, но и общероссийского контекста. В 1920-е гг. на территории Советской республики для борьбы с детской беспризорностью были созданы уникальные учреждения для детей – Детские городки, которые наряду с учебно-воспитательной работой осуществляли практическую подготовку детей к жизни, поскольку имели сельскохозяйственный или производственный уклон. Именно их наличие и их проблемы существенно влияли на повседневную жизнь горожан Ставрополя.

В статье на основе изучения комплекса архивных источников подробно проанализированы проблемы Ставропольского Детского городка им. Октябрьской революции, которые были частью городской повседневности 1920-х гг. Авторы отмечают, что, несмотря на усилия власти, ребята в городке ощущали значительную нехватку одежды, обуви, посуды, постельного белья. Не было книг и школьных пособий, но главное – дети недоедали, были истощены, болели.

И все же Детский городок способствовал сокращению детской беспризорности. Благодаря этому социальному учреждению с улиц города Ставрополя было изъято огромное количество беспризорных детей. Активно использовался детский труд. Работники Детских городков помогали в борьбе с

городской преступностью, отдельно занимаясь с малолетними преступниками и устраивая детей на работу. **Результаты.** Одним из важнейших итогов деятельности Советской власти в сложных экономических условиях в 20-е гг. XX в. было создание государственной социальной системы по оказанию помощи беспризорным и обездоленным детям, что меняло и детскую повседневность в частности, и городскую повседневность в целом. Авторы статьи акцентируют свое внимание на становлении и развитии Ставропольского Детского городка им. Октябрьской революции как одного из средств социальной политики власти, которая способствовала формированию новой повседневности жителей города Ставрополя.

Ключевые слова: городская повседневность, Детский городок, беспризорность, безнадзорность детей, социальная политика, советская история, история повседневности, новая локальная история, Ставрополь

Для цитирования: Булыгина Т. А., Романова Н. В. Беспризорность в городском пространстве повседневности в 1920-е гг.: Детский городок в повседневной жизни Ставрополя 1920-х годов // Гуманитарные и юридические исследования. 2025. Т. 12. № 3. С. 379–390. <https://doi.org/10.37493/2409-1030.2025.3.4>

Конфликт интересов: авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Вклад авторов: один из авторов – доктор исторических наук, профессор Т. А. Булыгина является членом редакционной коллегии журнала «Гуманитарные и юридические исследования». Авторам неизвестно о каком-либо другом потенциальном конфликте интересов, связанном с этой рукописью.

Благодарности: исследование выполнено за счёт гранта Российского научного фонда № 24-18-20073 «Городская повседневность южной провинции. Эволюция массового сознания и повседневные практики горожан Ставрополя и Кавказских Минеральных Вод в 1920–1930-е гг.», <https://rscf.ru/project/24-18-20073/>

Статья поступила в редакцию: 15.04.2025.

Статья одобрена после рецензирования: 18.06.2025.

Статья принята к публикации: 25.07.2025.

Research article

HOMELESSNESS IN THE URBAN SPACE OF EVERYDAY LIFE IN THE 1920S: CHILDREN'S PLAYGROUND IN THE EVERYDAY LIFE OF STAVROPOL IN THE 1920S**Tamara A. Bulygina^{1*}, Nina V. Romanova²**^{1,2} North-Caucasus Federal University (Building 1, Pushkin Str., Stavropol, 355017, Russian Federation)¹ Dr. Sc. (History), Professor
bul.tamara2011@yandex.ru; <https://orcid.org/0000-0003-1846-9360>.² Cand. Sc. (History), Associate Professor
history_d03@mail.ru; <https://orcid.org/0009-0009-3437-6616>.

* Corresponding author

Abstract. Introduction. The article examines childhood homelessness as a part of everyday urban life, which led to the emergence of the Children's Town system across the country. In describing the activities of the Stavropol Children's Town, the authors, drawing on a significant amount of archival material, demon-

strate not only the main activities of the town but also the serious challenges of caring for children in these institutions. **Materials and methods.** Based on the principles of interdisciplinarity and historical anthropology, and the methods of new local history, the article analyzes official documents of local government bodies. **Analysis.** The

paper presents material on the activities of regional authorities and educational staff in dealing with street children in the urban environment in the 1920s. The analysis of the problem in the city of Stavropol draws on not only the regional but also the national context. In the 1920s, unique institutions for children, Children's Towns, were established across the Soviet Republic to tackle child homelessness. These institutions, along with educational and upbringing work, also provided practical preparation for life for children, as they focused on agricultural or industrial activities. Their existence and problems significantly impacted the daily lives of Stavropol residents.

Based on a comprehensive study of archival sources, the article provides a detailed analysis of the problems of the Stavropol Children's Town named after the October Revolution, which were part of everyday urban life in the 1920s. The authors note that despite the efforts of the authorities the children in the town experienced a significant shortage of clothing, footwear, dishes, and bedding. There were no books or school supplies, but most importantly, the children were undernourished, emaciated and sick.

Despite this, the Children's Town contributed to the reduction of child homelessness. Thanks to this social institution, a huge number of homeless children were taken from the streets of Stavropol. Child labor was actively used. Children's Town workers helped combat urban crime by working specifically with juvenile delinquents and finding jobs for children. **Results.** One of the most important results of the actions taken by the Soviet government in the difficult economic conditions of the 1920s was the creation of a state social system to provide assistance to homeless and disadvantaged children, which transformed both children's daily lives and the city everyday life in general. The authors of the article focus on the estab-

Введение. Целью статьи является реконструкция той картины городской повседневности в 1920-е гг., частью которой, как свидетельствует анализ, была уличная беспризорность и попытки местной власти ее преодоления на материалах Ставропольского Детского городка им. Октябрьской революции.

Актуальность данной статьи связана с анализом научных публикаций, посвященных повседневной жизни городского населения Советской страны в 1920-е гг., что позволяет прийти к выводу востребованности проблемы в силу ее практико-ориентированной значимости. Исторический опыт и знание специфики организации повседневной жизни провинциального российского города позволит сегодня муниципальной власти более эффективно решать многие социальные проблемы городского пространства.

Основными источниками работы стали архивные документы, составившие большую часть использованных материалов. Наряду с этим были востребованы официальные декреты и распоряжения новой власти [6; 16–19].

Изучение проблем беспризорности и безнадзорности в России имеет давнюю традицию [1; 2; 8; 26]. В современной российской историографии данная проблема широко востребована как в общероссийском, так и в региональном контекстах. Особенно активно эта тема стала разрабатываться российскими историками с конца 2000-х гг. [9; 11; 13; 20; 22; 23]. История беспризорности на Ставрополье и Кавказских Минеральных Водах фрагментарно освещалась в ряде публикаций и диссертационных исследованиях [12; 21]. Вместе с тем за небольшими исключениями [14; 24] в этих работах в основном рассматривалась политика советской власти для решения этой пробле-

ishment and development of the Stavropol Children's Town named after the October Revolution as one of the government social policy instruments, which contributed to the formation of a new everyday life for the residents of Stavropol.

Keywords: urban everyday life, Children's Town, homelessness, child neglect, social policy, Soviet history, everyday history, new local history, Stavropol

For citation: Bulygina TA, Romanova NV. Homelessness in the urban space of everyday life in the 1920s: Children's playground in the everyday life of Stavropol in the 1920s. *Humanities and law research*. 2025;12(3):379-390. (In Russ). <https://doi.org/10.37493/2409-1030.2025.3.4>

Conflict of interest: one of the authors, TA Bulygina, Dr. Sc. (History), Professor, is a member of the editorial board of the journal "Humanities and law research". The authors are unaware of any other potential conflict of interest related to this manuscript of interests.

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article.

Acknowledgments: the study was supported by the grant of the Russian Science Foundation No. 24-18-20073 "Urban Everyday Life of the Southern Province. Evolution of Mass Consciousness and Everyday Practices of the City Residents of Stavropol and the Caucasian Mineral Waters in the 1920s – 1930s", <https://rscf.ru/project/24-18-20073/>

The article was submitted: 15.04.2025

The article was approved after reviewing: 18.06.2025.

The article was accepted for publication: 25.07.2025.

мы и ее результаты, причины беспризорности в этот период, правовые и экономические предпосылки для ликвидации этого явления, а повседневной жизни беспризорных детей уделялось немного места. Беспризорная повседневность была представлена в основном художественной литературой.

В данной статье повседневность беспризорного детства и ее эволюция показана на примере Детского городка в Ставрополе. Изучая работу Детского городка в Ставрополе, мы рассмотрели некоторые стороны повседневной жизни детей этого городка, а также место этого заведения в городской жизни и его образ в массовом сознании горожан.

Материалы и методы. Данная статья написана при опоре на принципы историзма, исторической антропологии и междисциплинарности. При этом были использованы методы и инструментарий новой социальной и новой локальной истории, а также истории повседневности с использованием микроанализа. Представлены такие стороны социальной истории, как экономическая, медицинская и педагогическая, аспекты существования детей-сирот и детей вне семьи в системе закрытых учреждений: детских домов, коммун, колоний и проч. Проведен микроисторический анализ жизни детей в детских домах.

Основными материалами, на которые опирались авторы, были официальные документы центральной власти законодательного характера, а также делопроизводственные источники из Государственного архива Ставропольского края. Это декреты и постановления ВЦИК, СНК, наркомата просвещения и наркомата здраво-

охранения, а также документы по организации и деятельности Детского городка в Ставрополе.

Анализ. Детская беспризорность наряду с другими чертами разрухи России первой половины 1920-х гг. была грозным символом времени. Поэтому для реализации политики борьбы с беспризорностью в разгар Гражданской войны декретом ВЦИК от 4 февраля 1919 г. был создан Совет защиты детей, для которого вменялась в «обязанность оберегать в опасное переходное время подрастающее поколение» [25, с. 38]. За год до этого был принят декрет от 14 января 1918 г., согласно которому создавались особые Комиссии по делам несовершеннолетних (Комонес), которые просуществовали до 1935 г. [7]. Однако впервые об особой защите беспризорных детей было сказано в Декрете ВЦИК от 10 февраля 1921 г., которым была учреждена Комиссия по улучшению жизни детей под руководством Ф. Э. Дзержинского, когда беспризорность стала трагедией молодого советского общества. В нем указывалось, что Деткомиссия должна обеспечить «в первую очередь оказание помощи учреждениям, ведающим охраной жизни и здоровья беспризорных детей» [6].

После запрещения усыновления, когда в 1918 г. был принят Кодекс законов РСФСР об актах гражданского состояния, брачном, семейном и опекунском праве, запрещающий усыновление как своих родных, так и чужих детей, началось формирование институтов социального воспитания: детских домов, трудовых колоний и др. Именно в 1920-е гг. была создана государственная система попечения несовершеннолетних под руководством Наркомата просвещения РСФСР.

Однако идеальные структуры и меры помощи беспризорным детям разбились о суровую реальность: финансовая бедность регионов, голод, который поразил не только Поволжье, но и Кубань, и Ставрополье, отсутствие организационного опыта и другие факторы. Требование изымать детей с улицы привело к тому, что в детских домах страны в самое тяжелое время начала 1920-х гг. содержались более полумиллиона детей [11]. Нагрузки на хозяйство детских домов было непосильным. Не помогали местные инициативы в виде шефства предприятий и учреждений или специальные квоты для производственного обучения и трудоустройства подростков. Пайки, которые выделялись на детские дома, были во много раз меньше требуемых, часть продуктовых запасов, одежды, постельного белья расхищалась.

Инициатива создания учреждения поступила из центра и предполагалось, что это будут разновозрастные интернаты с проживанием в отдельных зданиях дошкольников, школьников и подростков от 15 до 18 лет. Первые экспериментальные Детские городки возникли в 1918 г. в таких крупных городах как Москва, Киев и

Одесса. Они объединяли детские учреждения различного типа: приемники, дошкольные, школьные и подростковые детские дома, школы, клубы, мастерские, сельские хозяйства, а также учреждения бытового обслуживания: столовые, прачечные, бани и др. Все они должны были находиться на одной территории, объединялись едиными органами управления и самоуправления, а также общим педагогическим и хозяйственным планом работы. По сравнению с детдомами, Детские городки имели усиленную материальную базу, более квалифицированный состав работников.

В Ставрополе в 1921 г. был организован Ставропольский Детский городок им. Октябрьской революции. Ставропольский Детский городок стал первым масштабным социальным проектом на Северном Кавказе, хотя наряду с ним действовали детские дома и в Ставрополе, и в городах Кавказских Минеральных Вод. Однако это были традиционные формы социализации детей без семьи. Уже к 14 сентября 1921 г. было оформлено правление Детского городка. К декабрю 1921 г. во главе городка стояла коллегия, в компетенцию которой входило решение всех важных вопросов. Заведующий городком в педагогических вопросах мог не согласиться с коллегией и представить свое особое мнение на окончательное разрешение Губернского подотдела социального воспитания (Губсоцвоса) и ГубОНО. В функции заведующего Детским городком входило руководство и координация работы всех сотрудников учреждения. В состав Коллегии входили заведующий городком, заведующий административно-хозяйственной частью, заведующий учебной частью дошкольного и заведующий учебной частью школьного воспитания, политический комиссар и представитель месткома. На заседании коллегии разбирались вопросы об устройстве, учебно-воспитательной деятельности, а также заслушивались доклады-отчеты заведующих отделами. Контролирующим органом над коллегией и каждым ее членом, а также над всем городком являлась контрольно-хозяйственная комиссия, избираемая общим собранием месткома. Функционировала малая, или тесная, коллегия, но существовала еще и коллегия широкая. Широкая коллегия созывалась по мере необходимости для решения хозяйственно-педагогических вопросов, сокращения штатов, обсуждения планов и проектов «тесной» коллегии. В состав широкой коллегии входила «тесная» и все заведующие отделами [4, л. 66]. Все административные лица по требованию месткома и коммунистической ячейки отчитывались пред ними о состоянии детского учреждения, о мероприятиях и проблемах. Во главе каждого отделения стоял педагогический совет, председателем которого был заведующий отделением. В полномочия совета входило решение текущих вопросов. В его состав входили педаго-

ги, а также 50 % детей и технического персонала. Совет избирался всем коллективом отделения на общем собрании, и из состава совета назначался президиум и контрольно-хозяйственная комиссия отделения. Для технической работы при административном аппарате имелся штат канцелярских работников: секретарь городка, бухгалтер, конторщик и счетовод. Кроме того, в силу необходимости для административной работы привлекались грамотные воспитанники.

В 1920-е гг. на юге страны беспризорность достигла колоссальных масштабов, беспризорники стремились к теплу, и крыши, сцепы вагонов, ящики с углем были забиты чумазыми маленькими «пассажирами». Ставропольская исследовательница С. А. Самсонова пишет об этом периоде: «Численность беспризорных детей была настолько велика, что позволяет характеризовать ситуацию как всенародное бедствие. На Ставрополье к концу 1923 г. было 14 718 человек, к апрелю 1924 г. – 16 тысяч, а к началу 1925 г. число беспризорных достигло 18 тысяч» [21].

Ставропольский Отдел народного образования губернского исполкома советов, руководствуясь решениями и инструкциями центральной власти, планировал создать в городе Ставрополе опытно-показательное учреждение социального воспитания, которое бы охватывало жизнь ребенка с юных лет до полного взросления. Однако в идеальном виде этот план осуществить не было никакой возможности, и дело не только в бедности губернского бюджета и нехватке кадров. Кроме того, выполняя распоряжение убрать беспризорников с улиц, местная власть из приемников передавала детей в детские дома, которые и так были переполнены. Например, в Новочеркасском Красном Детском городке в 1923 г. находилось около 4 500 воспитанников [10].

Во второй половине 1921 г. в Ставрополе появились реальные возможности для создания Детского городка. В это время Ставропольский губернский исполком своим решением закрыл Ионно-Мариинский женский монастырь. Престарелые монахини просили оставить их при детском доме в качестве обслуживающего персонала, но местные руководители были неумолимы: послушницы были изгнаны без всякого имущества. Вот тогда в ведение губернского отдела народного образования (ГубОНО), который должен был создавать Детский городок имени Октябрьской Революции [4, л. 31], поступило немало монастырских строений, земля монастыря, инвентарь и даже предметы повседневного обихода вплоть до подушек.

Отсутствие опыта управления у местных чиновников и страстное желание реализовать проект и выслужиться перед вышестоящими инстанциями приводили к преувеличению собственных заслуг и декларируемым показателям, далеким от реальности, что сказывалось на жизни детей. Так,

согласно официальным документам, у Детского городка им. Октябрьской революции имелись все данные для «постановки рационально организованного хозяйства, в котором могут быть представлены все виды сельскохозяйственной промышленности. Это, в свою очередь, даст возможность теснейшим образом связать образовательную работу детей с производительным общественно-необходимым трудом. Более того, это позволит придать всей работе в городке сельскохозяйственный уклон с возможностью для старших возрастных групп детей создать даже сельскохозяйственный техникум» [4, л. 32]. Общая картина на бумаге была оптимистичной, тогда как в реальности приходилось сталкиваться с трудностями. Повседневность детей, попавших в Детский городок, определялась не только конкретной ситуацией разорения и голода, но и тем, что его проект не содержал ни практических мер по административно-хозяйственному развитию, ни четкой педагогической системы. Ближайшей задачей организаторов было выживание детей, необходимо было в самый кратчайший срок спасти детей от ужасов голода и холода, от развращающего влияния улицы. Конечно, говорить о какой-либо предварительной кабинетной, теоретической разработке плана по организации всех сторон жизни городка (административной, учебно-воспитательной, хозяйственной) не приходилось. Для организации городка ГубОНО привлекал кадры, среди которых были и случайные люди. Поэтому многие сотрудники в своей работе отличались халатностью, недобросовестностью, корыстью [4, л. 31]. Что касается материальной базы, то в распоряжении Детского городка было свыше двухсот помещений (в основном кельи), расположенных в различных корпусах, имелся огород более четырех десятин, фруктовый сад, небольшой лес и более трехсот десятин хорошей пахотной земли. Имелся и инвентарь для обработки этих угодий, но в ветхом состоянии и малом количестве [4, л. 31].

Большинство воспитанников, собранных в Детском городке, были выходцами из сел, поэтому крестьянский труд им был привычен. В основе организации Детского городка лежали принципы Единой трудовой школы с уклоном в природоведение и сельское хозяйство с учетом аграрной специфики региона. Это вполне соответствовало статье 12 «О Единой трудовой школе»: «Основой школьной жизни должен служить производительный труд, не как средство оплаты издержек на содержание детей и не только, как метод преподавания, но именно как производительный общественно-необходимый труд. Он должен быть тесно, органически связан с обучением, освещающим светом знания всю окружающую жизнь. Постоянно усложняясь и выходя за пределы непосредственной обстановки детской жизни, производительный труд должен знакомить детей с самыми разнообразными формами производства, вплоть до самых высших» [5]. Перед работниками

городка ставилась задача – создать примерное учреждение социального воспитания, целью которого является «всем своим строем, всем своим бытием организовать сознание детей в духе коллективной, а не сепаратной, индивидуалистической психологии» [4, л. 32].

Реальность несколько расходилась с благородными целями, которые стояли перед сотрудниками Детского городка. Здесь следует вернуться к вопросу о качестве кадров, которые должны были достигать этих высоких целей. Для работы в городке очень сложно было подобрать сотрудников. Например, в аппарате городка была должность политкомиссара-политрука, чьи функции плохо вписывались в воспитательное пространство детского дома. Вот что писал в одном из отчетов заведующий Детским городком М. Дзюба: «Какова же роль политкома-политрука для меня не понятно. Зачем таковая вообще существует в городке при том педагогическом убожестве, каким обладают назначенные сюда политкомы-политруки. Должность это была бы понятна, если на нее назначалось лицо квалифицированное, т. е. чтобы этот человек был политически грамотен, с внешней подготовкой или со школьной, чтобы он вел политпросветительное дело, за него отвечал бы и только. Но Губсоцвос и ГубОНО назначают людей малограмотных вообще и политически, хотя и партийных, ничего общего с педагогической работой и внешкольной никогда не имевших и совершенно ее не представляющих. И от непонимания своих функций политком начинает вмешиваться в административно-хозяйственную и, что больше всего, в педагогическую часть, на этой почве создается натянутость в отношениях членов коллегии» [4, л. 66об.]. М. Дзюба даже предлагал упразднить должность политического комиссара или более четко указать его компетенции. Против политического воспитания детей он не возражал, но активно ратовал за качество кадров, его осуществлявших. Его глубоко возмущала неграмотность данных работников, которые в силу своего низкого уровня образования не понимали смысл своего присутствия в учреждении, часто занимались банальным подсиживанием и шпионажем. С детьми политкомы по определению работать не могли. Поэтому общая атмосфера, описанная М. Дзюбой, передает не только организационные, но и психологические сложности управления Детским городком: «Одно из двух – или педагогика и политическое воспитание детей, или же долой это, да здравствует подсиживание детьми педагогов, сыск и прочие мелочи, которые отнюдь не являются политическим воспитанием. Этого раньше в Детском городке и при политкоме не наблюдалось, потому что бывший политком понимал ясно разницу между политическим воспитанием и политическим развращением» [4, л.

66об.]. Конфликты, порождаемые такой системой, разворачивались на глазах воспитанников и негативно на них влияли.

Нехватка качественных кадров вела, с одной стороны, к приему случайных людей. Например, документы фиксируют случаи, когда завхозы расхищали имущество и продовольственные запасы городка. С другой стороны, как отмечал М. Дзюба, были репутационные издержки. Среди горожан распространялись слухи о нравах среди коллектива Детского городка, и люди боялись идти туда работать: «Присылается новый человек, которому наговорили о городке страхов, он является сюда уже предубежденным против даже тех, с кем работать приходится. Начинаются недоразумения. Необходимо в этом отношении прислушиваться к голосу городка и после этого назначение ответственных работников производить» [4, л. 67].

Отметим, что образ Детского городка в массовом сознании горожан Ставрополя складывался и из трудностей его существования, и из городских мифов. По мнению заведующего Детским городком М. Дзюбы, «русский обыватель вообще, а Ставропольский в особенности, весьма склонен к оханью и аханью, к паникерству и прислушиванию к тем сплетням, которые раздаются из подворотни безответственных праздных болтунов, любящих, после сытного блюда пропустить чрез свою убогую фантазию, словно стакан лимонаду, пару две сплетен по адресу Советской власти, ея учреждений, ея работников» [4, л. 63]. О городке распространялись «небывалые сплетни»: говорилось о том, что в нем моят детей, заражают сапом, расстреливают, что в городке разврат среди детей, никто ничего не делает, все занимаются лишь бесшабашным хищничеством. «И говорилось это втихомолочку, с оглядкой, но так, чтобы и другие слышали. И брошенная сплетня подхватывалась на лету, украшалась причудливыми узорами новых добавлений, превращаясь постепенно в сплетню крупную и в воде грязного, вонючего кома докатывалась до Д/гор. (детского городка. – Т. Б., Н. Р.), оскорбляя тех, кто работал в нем не покладая рук, не считая часов, довольствуясь 1/2 ф. хлеба в сутки, кто переносил тифы, простуды, малярии; кто падал от истощения и наживал малокровие, расстраивал нервы, вкладывая в дело свою душу» [4, л. 63]. М. Дзюба переживал болезненно за репутацию подведомственного ему учреждения и подготовил обстоятельный доклад для публикации в местной газете, чтобы опровергнуть все фальсификации: «Вот с этими "ужасами" надо бороться, над ними надо поработать без гика и крика, возмущенья, а спокойно, методично, планомерно и не месяц, а годы, за месяцы же надорвется, или дело испортится и только. Мы еще не способны на такую длительную и планомерную работу. Нам результаты подавай

сразу. Мы все еще верим, что положение зависит от лиц, а не лица от положения. И потому у нас во всех областях нового строительства наблюдается бешеная чехарда, а дело-то несколько не улучшается. Досужая же обывательская фантазия сует свою паутину в закоулки наших построек и, как противный паук, высматривает из них, чтобы питать себя нашими ошибками, нашей неурядицей, нашим несчастьем» [4, л. 63об].

Во второй половине 1921 г. в городке воспитывались и обучались 1 040 детей обоого пола возрастом от одного года и до шестнадцати лет. Воспитанники были распределены следующим образом: ясли, пять дошкольных отделений типа «детский сад», одно отделение переходное для семилетних, шесть отделений для детей школьного возраста, отделение национальных меньшинств, приемник, в который поступали дети школьного и дошкольного возраста, больница на 150 мест. Городок мог бы еще вместить 500 детей, при условии ремонта запущенных помещений [4, л. 32]. Общее количество детей в школьных отделениях и приемнике – 769 человек. Кроме того, ГубОНО регулярно направлял детей из сел или окраин Ставрополя. Цифры впечатляют: в среднем прибывали 350 детей в месяц, а обслуживали 33 человека воспитательского персонала и 8 человек технического – два воспитателя в больнице. Многие воспитатели заболели тифом или холерой. 10 вакантных мест воспитателей городка занимать никто не спешил [4, л. 67]. Высококвалифицированные работники в Детский городок идти не хотели, в связи с чем 22 % всех мест педагогов оставались вакантными. Работу осиливали только очень большие энтузиасты или те, кто привязался к детям [4, л. 67об].

Бытовые условия, организованные для воспитанников на начальном этапе, были тяжелыми. Школьные отделения городка помещались в бывших кельях, где были прорублены стены для соединения их друг с другом. Подготовка зданий для третьего и шестого отделений была произведена самими детьми под руководством воспитателей. Потолки школьных отделений были низкими, окна маленькими, кровати занимали все комнаты за исключением одной, которая служила и столовой, и местом отдыха для детей в дождливую и холодную погоду. Кроватей в отделении помещали столько, сколько можно было поставить. На каждой кровати спали по два-три ребенка, в приемнике дети спали на полу вповалку. Белья имелось от 1,5 до 2 смен, теплой одежды 5 %, а с обувью вообще дела обстояли катастрофично, поскольку ее не было совершенно. Питание было ниже положенной нормы на 75 % и его хватало детям только, чтобы не умереть с голоду. Ввиду недостатка питания дети ели траву, недоспевшие фрукты, несмотря на надзор, но не всегда удавалось все уследить,

поскольку на 26 воспитателей приходилось 769 детей [4, л. 67об].

Перебои с электричеством, постоянно случавшиеся в Ставрополе, нарушали работу городка. Долгие осенние и зимние вечера воспитанники вынуждены были проводить при свете «коптилок», которые давали больше копоти, чем освещения. Кроме того, электрическое освещение, особенно в детском учреждении, являлось более безопасным по сравнению с керосиновыми лампами. В принципе, проблема была решаемая, поскольку у городка имелась собственная электрическая станция, и здание этой станции находилось в удовлетворительном состоянии. Также были в наличии нефтяной двигатель в 25 лошадиных сил, динамо-машина мощностью в 10 киловатт, реостат и распределительная доска [4, л. 33]. По мнению руководства Детского городка, электрической энергии, даваемой динамо, было бы вполне достаточно, чтобы осветить весь детгородок, и даже более того, электрифицировать его. Специалистами был произведен простой расчет: «стоимость керосинового освещения в месяц выразится по существующим ценам в сумме 172.641.447 р., электрического же – в 60.746.153 р., что дает в месяц экономии в 111.895.324 р.; установка же электрического освещения во всем городке согласно специально составленной смете обойдется 3.028 р. 43 к. в довоенным руб., а по рыночным ценам в бумажных рублях в сумме 231.703.125 р., так что одной только экономии сравнительно с расходами на керосиновое освещение этот расход можно будет покрыть в два с половиной месяца» [4, л. 33]. Электрификация городка была крайне необходима. Кроме того, руководство городка рассчитывало использовать электрическую станцию в работе слесарной, столярной, сапожной, швейной мастерских.

Сотрудникам и ребятам, чтобы выжить, приходилось много и тяжело работать. К зиме 1921 г. сельскохозяйственная часть городка имела в своем распоряжении 60 дойных коров, 6 пар волов, 6 лошадей с упряжью, плуг, 3 бороны и сеялку. Однако кормить животных было нечем, поскольку в наличии было всего 1000 пудов плохого силоса и гнилой кровельной соломы. Поэтому 45 коров пришлось отправить на зимовку, где они погибли, а оставшаяся часть погибла дома. К весне остался один вол и четыре лошади, которые еле двигались и не могли даже возить продукты в Детский городок из города. Кроме того, предстояло много работы по благоустройству помещений, а без гужевого скота это было сложно. Главным оставался вопрос о посеве, т. к. осенью было засеяно только 7,5 десятин, и те не взошли. Надо было позаботиться об огородах и садах. Между тем, как выяснилось, за городком не было закреплено ни одного сада, ни одного огорода, ни одной

десятины поля или сенокоса, хотя все это было в пределах городка, да и обрабатывать их было нечем. У коллегии не было ни денег, ни посевного материала. По-прежнему отсутствовал фураж для рабочего скота. Самое главное, что в городке было столь «убийственное питание» рабочих и всех служащих, что люди ежедневно заболели на почве недоедания.

После долгих и тяжелых мытарств губернским отделом коммунального хозяйства (коммунхозом) за Детским городком была закреплена огородная и садовая площадь в 32 десятины. Правда, земля была в разных местах, и половина этой земли к весенней обработке под огороды была не пригодна. Вместе с тем выделить полевую и сенокосную землю отказались. Было отказано и в возвращении 79 ульев, ранее принадлежавших Детскому городку. Губземотдел в тех тяжелейших условиях отпустил 420 пудов яровой пшеницы, 250 пудов кукурузы и 420 пуда картофеля для посева. ГубОНО выделил через Губземотдел немного огородных семян, правда, сквернейшего качества, более чем на 100 миллионов рублей. Для населения Детского городка это было очень мало. И все-таки администрация городка нашла и посевной материал, и посевищиков-коллективистов, которые взялись на своей земле произвести посев – 380 десятин разных культур с полной обработкой и доставкой в городок зерна и фуража в размере 40 % всего урожая [4, л. 64об]. ГубОНО оказал поддержку городку по заготовке сена – 3 000 пудов для скота, которого в тот момент уже имелось 12 лошадей, корова с телком и 3 пары волов [4, л. 64об].

Изнуренные недоеданием, рабочие, дети и педагоги еле держались на ногах. Скот был тощий, жалкий, бессильный, а земля тяжелая, дерновая, требовавшая глубокой вспашки и тщательной бороновки. Пришлось изыскать пути обработки садов 2,75 десятин и огородов 27,25 десятины. Земля в те голодные годы была предметом частых хозяйственных споров. Из указанных выше участков 7 десятин уже вспаханной земли было захватным образом засеяно артелью студентов сельскохозяйственного института, а из 20 остальных 17,1 десятин обработана городком под разные огородные культуры: картофель – 4, 25 десятины, капусты 1,5 десятины, помидор – 1 десятина, бураков 4,5 десятины, огурцов – 2 десятины (арбузы не вошли и пересейны огурцами), тыкв 1,5 десятины, кабачков 0,25 десятины, корневым 0,25 десятины, фасоли – 1 десятина, луку 0,25 десятины, дынь – 0,5 десятины.

Проблема была в нехватке рабочих рук. Если зимой отсутствовал инвентарь, но от рабочих не было отбоя, то весной рабочие знали, что городок им ничего не даст, кроме скудного дневного пропитания и мизерной неаккуратной оплаты ничтожного жалованья, на которое бу-

дет трудно прожить. В селах же предлагали и питание, и 10 фунтов муки в день, поэтому рабочие и служащие бежали туда. Летом работать в Детском городке, кроме детей и педагогов, которые были страшно изнурены систематическим недоеданием, было некому. Было принято решение увеличить сельхозрабочим норму питания, и лучших работников премировать 20–30 фунтами муки в месяц [4, л. 65]. Администрация понимала, что эта мера неэффективна, поскольку каждый рабочий стремился заработать, и эта премия для него была мизерна. Приходилось придумывать различные варианты, например, сдавать сады и огороды за процент, а затем рабочим и служащим, помимо премий, надо было договором обеспечить минимум 15 пудов зерна каждому. Кроме того, было принято решение хозяйственной части увеличить кадровый состав рабочих до 50 человек на весь сезон. Помимо огородных работ, заготовки сена, подрядов по уборке хлеба, перед ней стоял весьма сложный вопрос об очистке городка.

Санитарное состояние тоже оставляло желать лучшего. В Детском городке при населении 1 500 человек совсем не было уборных (ретирада – отхожее место). Всего 6 отхожих мест были изготовлены руками детей и педагогов, но они быстро переполнялись. Необходимо было изготовить еще 20 новых, а старые засыпать или очистить. По подсчетам хозяйства для этих работ требовалось не менее 5 рабочих на 1–2 месяца [4, л. 65].

И вроде бы прогрессивная мера, когда при организации Детского городка на его территории работала больница, сочеталась с вопиющим беспорядком. Отбросы кухонь, мусор, зола, навоз, гнилой лист сваливались, где попало. Весной 1921 г. все отходы были собраны в кучи руками детей и сотрудников. На территории городка располагался пруд, который никогда не чистился и превратился в болото, в силу чего стал рассадником малярии. Его также необходимо было привести в порядок, но для этого требовались 2 подводки и 5 рабочих.

Из-за плохих санитарно-гигиенических условий, недостатка белья, посуды, постоянного притока детей в школьных отделениях наблюдались заболевания холерой, холериной, тифом сыпным и брюшным, дизентерией, чешоткой, трахомой. В период весны – лета 1921 г. больных детей школьного возраста насчитывалось 84 человека, что составляло более 11 %. При больнице городка было открыто трахоматозное отделение. Смертность среди детей преимущественно была от холеры и желудочных заболеваний, а также от истощения. Заболели и умерли преимущественно дети, поступившие в городок в мае 1921 г. В период с 1 мая по 15 июня умерли 56 детей школьного возраста. Из воспитательского персонала за этот же период из 35 умерли 9 человек. Кроме того, в

январе 1922 г. умерли 3 воспитателя и 2 человека из технического персонала [4, л. 67об].

С больницей было не все гладко. Она находилась на территории Детского городка и содержалась за счет ГубОНО. Объем ее финансирования доходил до 50 % всех денежных авансов учреждения. Больница была автономной единицей, и ее администрация не могла поладить с руководством городка. Например, в июне 1922 г. в больнице накопилось 7 трупов, и завхоз больницы обратился с просьбой в администрацию городка об их погребении, что вызвало недоумение и возмущении руководства Детского городка. Заведующий, не имея в тот момент возможности направить на погребение технических служащих, отказался это поручать детям, «полагая, что детворе поручить выполнение означенной работы противуравненно» [4, л. 61]. Поэтому в своей резолюции он просил завхоза больницы обойтись своими средствами: выделить из полусотни больничных сотрудников двух технических работников, и поручить им вырыть яму для покойников. Предложение это было встречено категорически отказом – «не наша обязанность», и рыть яму пришлось воспитанникам городка. Это был не единственный случай. На призыв администрации городка выйти на воскресник по очистке выгребных ям в больнице представители МедикоСанТруд «откликнулись молчанием». И вновь за штатом больницы пришлось убирать сотрудникам городка и воспитанникам. Не удивительно, что администрация городка на всех уровнях выступала с ходатайствами о закрытии больницы на основании «малоуспешности лечения детворы».

Летом 1921 г. «грозно встает вопрос о заготовке 1 000 кубов саженой топлива на зиму, о заготовке зернохранилищ на 37 000 пудов, о заготовке и ремонте тары по засолке овощей пудов до 10 000, о заготовке упряжи для лошадей, транспорта, ибо не надеясь приобрести такое количество рабочего скота сразу, мы не заготовили достаточно ни хомутов, ни подвод» [4, л. 65].

В монастыре плохо работало отопление, поэтому надо было провести капитальный ремонт печей и отремонтировать здания. Среди задач по подготовке к зиме отмечено: очистить колодцы, собрать и посушить в зиму фруктов, убрать хлеб и овощи, а также оборудовать новые отделения кроватями и мебелью и обшить детей и рабочих обувью, одеждой. И все эти работы необходимо было провести исключительно силами городка: «Дети и педагоги отправляются в степь полоть кукурузу и подсолнухи, они же полют огороды, вкапывают и чистят сады. Они же идут в мастерские и изготавливают кровати, мебель, шьют одеяла, штопают белье и придется им же очищать и городок, а за все это 1/2 фунта хлеба в день» [4, л. 65об]. Коллегия детского учреждения, понимая, что дети и педагоги просто изнурены, и им необхо-

дима передышка, набирала специальных рабочих, на которых предполагала возложить всю тяжелую работу.

Повседневность воспитанников была очень тяжелой не только из-за изнурительного труда, неустроенности и антисанитарии. Дело плохо обстояло и со снабжением продуктами, постельными принадлежностями, классной мебелью, с посудой, обувью и обмундированием: «Обутых детей нет, разбилась обувь. Зимой обутых было 50 %. Имевших зимой теплые пальто было 15 %; койками спальни оборудованы на 30 % и постельными принадлежностями тоже. Белья нательного и верхнего по 2 смены имеют 50 %, по одной 25 % и совсем не имеют 25 %. Классной мебели не хватает 75 %, посуды столовой и чайной тоже 75 % не хватает. Мастерские за отсутствием оборудования, матерьяла, за ударной работой в огородах, работают слабо и не могут удовлетворить предъявляемые к ним требования ни по заготовке мебели и белья, и постельных принадлежностей» [4, л. 65об].

Сетования заведующего городком М. Дзюбы по поводу хозяйственной жизни Детского городка сочетались с робким оптимизмом: «... положение ее безусловно, тяжелое, но не безнадежное, в большом тупике она была, но вышла, а теперь бояться за ее благополучие особенно нечего. И если ей удастся выполнить хотя бы 1/3 намеченного плана, то оставляя городок, я, старый его работник, спокойно мог сказать “Ныне отпускаешь раба твоего”» [4, л. 65об].

Только к лету 1922 г. Детский городок в целом был благоустроен: «Чистота в отделениях и во дворах, опрятная одежда, порядок среди детворы. Видимо те, кто создавали городок, немало приложили ума и энергии. И если половина из этих работников, и надо сознаться половина лучшая, разбежалась и разбегается – не их вина. Они создали что могли, устали. Помощи нет. И они беспомощные, обессиленные, отстают» [4, л. 61]. Однако, как свидетельствует источник, проблема кадров не только не была решена, но и в силу тяжелого положения оставалась чрезвычайно острой. Были разбиты огороды, ожидался сбор огурцов, капусты, помидоров, картофеля, но из-за отсутствия дождей урожай мог погибнуть, а искусственное орошение выполнить было невозможно из-за отсутствия средств. На комиссионных началах была посеяна пшеница, кроме того, имелось три фруктовых сада. Воспитанники совместно с педагогами выполняли все сельскохозяйственные и хозяйственные работы – охраняли огороды и сады по 2–3 человека, поддерживали чистоту, ремонтировали помещения, чистили выгребные ямы. «Словом, весь городок от мала до велика проникнут глубоким сознанием своего долга. Каждый, не считаясь со временем, не гнушался грязным трудом, делая свое малень-

кое дело в созидании того великого дела, каким является сейчас городок» [4, л. 61].

По-прежнему для осенней сельскохозяйственной компании 1922 г. в городке имелся всего лишь один плуг, одна борона и три пары волов. Предстояла работа по подъему и прополке нескольких десятин земли, а также очистке садов [4, л. 61об]. Что касалось заготовки сена, то она не производилась, несмотря на то, что по соседству с огородами имелись покосные участки. Однако на выполнение этой работы в детском учреждении не было ни физических, ни материальных средств. Кроме того, были проблемы и с заготовкой на зиму дров, поскольку в лесу не была выделена делянка, и городок пользовался остатками сухостоя, собираемыми на своей территории.

Положительные изменения касались электрификации Детского городка. Если в 1921 г. руководство сетовало на отсутствие электрификации городка, то к осени 1922 г. предполагалось «обзавестись электрическим освещением», и летом уже начались работы по разводке проводки по отделениям. В городке были открыты мастерские, но работали они не регулярно. Для столярной и сапожной мастерских не было сырья, швейная мастерская нуждалась в организационной перестройке: «При материальной части Губоно имеется мастерская для шитья белья и одежды детским домам с особым штатом платных сотрудников. В детском же городке имеются юные мастерицы – одни жаждущие работы, другие рвущиеся научиться работать. И вывод из этого может быть один, закрыть мастерскую при материальной части Губоно и передать всю работу по шитью Детскому городку. Сапожная должна быть немедленно восстановлена» [4, л. 62].

При организации учебно-воспитательного процесса руководство в области образования стремилось осуществить принципы Трудовой школы, положив в основу образовательной работы труд и через него, и от него идти к обучению. Однако здесь учреждение столкнулось с недостатком в учебных пособиях, отсутствием лабораторий, недостаточностью мастерских, отсутствием надлежаще оборудованных помещений для занятий, недостатком одежды, обуви, питания детей и руководителей, скученностью детей. В документах заведующий отчитывался о проделанной работе: «Образовательная работа идет нормально и если принципы Трудовой школы не осуществлены целиком, то подход к этому делается; безграмотность среди детей ликвидирована; дети, явившиеся в городок с ярко выраженной индивидуалистической психологией, представлявшие из себя толпу ничем не связанных, обособленных друг от друга индивидуумов, живущих особыми интересами под влиянием среды и всей обстановки их жизни прониклись сознанием, того, что они представляют из себя один коллектив, одну семью с общими всем ин-

тересами и заданиями; дети осознали, что им общими коллективными усилиями надо налаживать свою жизнь в интересах целого, что они чем-то полезному научатся, что они должны заниматься производительным трудом, а не жить за общественный счет» [4, л. 32].

Детский городок был включен в контексте культурной политики и поэтому одним из направлений воспитания была антирелигиозная пропаганда. Создание «нового человека», свободного от религиозных предрассудков, являлось одной из важнейших задач государства. Главной площадкой для реализации идеи распространения антирелигиозной пропаганды и атеизма стала именно система образования. Надо отметить, что именно детские умы достаточно легко адаптировались к новому политическому курсу, поэтому именно на них власть делала большую ставку при разработке своего антирелигиозного курса. В начале 1920-х годов школьники должны были изучать основы естественных наук, которые призваны были разрушить религиозную картину мира. Школа должна была внедрять антирелигиозные ценности в повседневные практики школьной жизни и обеспечивать участие самых юных граждан в антирелигиозной работе. Ставропольская губерния, в частности город Ставрополь, находилась в общем со всей страной русле безбожной работы среди подрастающего поколения. Поступающие в Детский городок им. Октябрьской революции дети с улицы или из семьи приносили с собою среди всевозможных предрассудков и религиозные. По мнению местной власти, «их во что бы то ни стало в процессе воспитательной и образовательной работы необходимо искоренить, ибо наша школа светская, освобождает ребенка от влияния церкви со всеми ее «добродетелями рабов»» [4, л. 110]. По всем детским учреждениям рассылалась инструкция педагогам, в которой при опоре на 6 статью «Положения о единой трудовой школе» Ставропольский Губсоцвос указывал на необходимость широкой антирелигиозной пропаганды в стенах и вне стен учреждений, призывая педагогических работников к плановой работе в проведении принципа светской школы. В 6 статье декларировалась полная светскость школы, тем самым утверждался принудительный и непрекращаемый принцип «светскости» школьного образования, не допускающий «преподавания в стенах школы какого бы то ни было верования» [15]. Работа в этом направлении была долгосрочной и планомерной. Через пять лет после принятия «Положения о единой трудовой школе», 18 декабря 1923 года, СНК РСФСР утвердил «Устав единой трудовой школы», в котором ещё раз было закреплено правило: «Преподавание в школе какого бы то ни было верования и исполнение в школе обрядов культа не допускается» [27].

Дети принимали активное участие в работах советов отделений, в контрольно-хозяйственных комиссиях, организовывали литературные, драматические, хоровые кружки, самостоятельно устраивали литературные вечера, издавали журнал, проводили товарищеские суды, т. е. «жили сознательной жизнью коллектива, являя из себя маленьких сознательных граждан». Во всех отделениях за исключением приемника, было введено самоуправление. По мере необходимости дети устраивали собрания и решали вопросы, касающиеся их жизни. Таким образом, воспитанников приучали к самостоятельности [4, л. 68]. Ребята принимали активное участие в работах в мастерских, в работах по оборудованию отделений и самообслуживанию городка. Кроме того, многие из них заявляли, что они охотно сделали бы дворниками, чернорабочими при отделениях во имя общих интересов отделения и, чтобы «даром не есть чужого хлеба», что свидетельствует об усвоении пропагандируемых ценностей. В 1921 г. функционировали такие кустарные мастерские, как столярная, художественная, изящных рукоделий, швейная и сапожная. Педагоги просили расширить существующие мастерские, а также ввести, где это технически возможно, машинное производство, тем более такая возможность была реальностью, поскольку в городке был свой двигатель и динамо-машины. Таким образом ставилась задача придать образовательной работе политехнический характер. Однако ГубОНО не располагало необходимыми средствами.

Однако нельзя не отметить активность в трудовом воспитании. Несмотря на полуголодное состояние, усиленный физический труд на огородах, ребята после обеда бежали в мастерские и занимались своим любимым делом: мальчишки в столярной, сапожной и жестяной мастерских, девочки – в швейной мастерской и в художественной студии. Старшие дети обслуживали младших, шили на все почти отделения дошкольного и младшего школьного возраста одеяла, лифчики, а также перешивали и штопали платья, штанишки. Мальчишки делали ложки, чинили совершенно разбитую обувь, вставляли донья в ведра и тазы. Кроме того, дети разобрали бывшую в беспорядке библиотеку

Детского городка и составили под руководством воспитателей каталог, и сами работали в библиотеке не хуже взрослых, изучая на практике библиотечное дело. Взрослые девочки «прикомандировывались» практикантками к дошкольным отделениям и яслям для того, чтобы получить педагогический опыт и впоследствии стать «ценными работниками советского строительства в деле воспитания и образования детей». Таким образом, городок не только помогал детям в настоящее время, но и заботился об их ближайшем будущем, предоставляя возможность в получении первичных профессиональных навыков [4, л. 68].

В 1924 г. после проверки отделом народного образования города Ставрополя положения в Детском городке произошла перегруппировка в его образовательных учреждениях. В результате в городке появились «3 отделения дошкольников и 5 отделений школьного возраста с 12 группами дошкольного возраста и 18 групп школьного возраста. Количество детей в детских домах после группировки – 310 человек. Количество детей в Детском городке после группировки – 1 100 человек. Педагогического персонала в Детском городке – 52 человека и технического – 108 человек» [3, л. 8].

Результаты. Таким образом, с начала 1920-х гг. в стране стала формироваться единая социальная система по оказанию помощи беспризорным и обездоленным детям. Для беспризорников это время стало, с одной стороны, как показали источники по истории Детского городка имени Октябрьской революции в Ставрополе, возможностью выживать в условиях жестокого голода. Повседневность этих ребят была нищей и трудной, но в отличие от улицы, они могли здесь укрыться от холода и дождя, не умереть от голода. В то же время в Детском городке в тяжелых условиях формировалось новое мировоззрение детей, основанное на идеях классовости, коллективизма, почетной роли физического и профессионального труда, презрения к религии. Дети в городке получали основы грамоты и навыки рабочих профессий, умение жить и трудиться в коллективе.

Литература

1. Арепьев Н. Ф. Исправительное воспитание в России // Русская школа: общепедагогический журнал для школы и семьи. 1895. № 5-6.
2. Верещагина Н. Трудовые колонии (кооперация в деле воспитания) два доклада, читанные 1) в СПб. обществе содействия физическому развитию, 8-го апреля 1906 г., 2) в Московском обществе борьбы с улицей – 10-го июля 1906 г. С.-Петербург: Типография И. Н. Скороходова, 1906. 32 с.
3. Государственный архив Ставропольского края (далее – ГАСК). ФР. 300. Оп. 1. Д. 6.
4. ГАСК. ФР.1 64. Оп. 1. Д. 299.
5. О Единой Трудовой Школе Российской Социалистической Федеративной Советской Республики (Положение): Декрет ВЦИК // Собрание узаконений и распоряжений правительства за 1917–1918 гг. М.: Управление делами Совнаркома СССР, 1942. С. 1026–1030.

6. О Комиссии при Всероссийском Центральном Исполнительном Комитете по улучшению жизни детей: Декрет ВЦИК от 10 февраля 1921 г. // Собрание узаконений и распоряжений правительства за 1921 г. М.: Управление делами Совнаркома СССР, 1942. С. 122.
7. Декрет о комиссиях для несовершеннолетних. 17 января 1918 г. URL: <https://docs.historyrussia.org/> (дата обращения: 24.09.2025).
8. Залеский В. Ф. Попечение о беспризорных и покинутых детях. Казань: Типолиитография Императорского университета, 1916. 714 с.
9. Катцина Т. А., Мариненко Л. Е. Смена модели и практик решения проблемы детской беспризорности в первой четверти XX века (по материалам Енисейской губернии) // Genesis: исторические исследования. 2016. № 6. С. 9–19.
10. Красный детгородок в Новочеркасске. URL: https://novocherkassk-gorod.ru/na_article/47597 (дата обращения: 24.09.2025).
11. Кривоносов А. Н. Исторический опыт борьбы с беспризорностью // Государство и право. 2003. № 7. С. 92–98.
12. Мальцева О. Б. Ликвидация массовой детской беспризорности в советской России в 1920-е годы (на материалах Ставрополья и Терека: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Пятигорск, 2010. 27 с.
13. Мезит Л. Э. Социально-трудовая адаптация детей-сирот в середине 1920-х гг. как способ ликвидации детской беспризорности // Социально-экономический и гуманитарный журнал Красноярского ГАУ. 2019. № 2. С. 146–156.
14. Перова М. А. Детская повседневность советской России 1920-х гг. (на материалах Курганского и Шадринского округов): автореф. дис. ... канд. ист. наук. Челябинск, 2020. 24 с.
15. Положение об единой трудовой школе РСФСР. Утверждено на заседании ВЦИК 30.09.1918 // Народное образование в СССР: сб. док. 1917–1973 / сост. А. А. Абакумов, Н. П. Кузин, Ф. И. Пузырев, Л. Ф. Литвинов. М.: Педагогика, 1974. С. 134.
16. Постановление ВЦИК, СНК РСФСР «О плане борьбы с детской беспризорностью» от 20.06.1927 URL: https://e-esolog.ru/docs/EgLy_3CPzEsys3V7Kj77T. (дата обращения: 24.09.2025).
17. О переходе в ведение Народного Комиссариата Государственного Призрения всех учреждений призрения несовершеннолетних и малолетних детей и об учреждении Коллегии призрения несовершеннолетних: Постановление Народного Комиссариата Государственного Призрения РСФСР от 26.01.1918 // Собрание узаконений и распоряжений правительства за 1917–1918 гг. М.: Управление делами Совнаркома СССР, 1942. С. 327–328.
18. Об Отделе призрения несовершеннолетних: Постановление Народного Комиссариата Государственного Призрения РСФСР от 25.01.1918 // Собрание узаконений и распоряжений правительства за 1917–1918 гг. М.: Управление делами Совнаркома СССР, 1942. С. 299.
19. О ликвидации детской беспризорности и безнадзорности: Постановление СНК СССР и ЦК ВКП(б) от 31 марта 1935 г. URL: <https://ru.wikisource.org/wiki> (дата обращения: 24.09.2025).
20. Рябинина Н. В. Детская беспризорность и преступность в 1920 г. (по материалам Верхнего Поволжья). Ярославль: Ярославский государственный университет, 1999. 60 с.
21. Самсонова С. А. Политика и социальная практика преодоления детской беспризорности на Ставрополье и Тереке в 20–30-е гг. XX века: дис. ... канд. ист. наук. Ставрополь, 2012. 289 с.
22. Сиротство и беспризорность в России: история и современность. СПб: Лики России, 2008. 303 с.
23. Славко А. А. Детская беспризорность и безнадзорность в России конца 1920-х – начала 1950-х годов: социальный портрет, причины, формы борьбы: автореф. дис. ... д-ра ист. наук. Самара, 2011. 41 с.
24. Смирнова Т. М. Дети страны Советов: от государственной политики к реалиям повседневной жизни 1917–1940 гг. М.: СПб.: Институт российской истории РАН: Центр гуманитарных инициатив, 2015. 384 с.
25. Собрание Узаконений и распоряжений рабочего и крестьянского правительства за 1919 г. М.: Б. и., 1943. 886 с.
26. Тальберг Д. И. Исправительные приюты и колонии в России. СПб: Издательство. тип. В. С. Балашева, 1882. 63 с.
27. Устав единой трудовой школы. Утверждён СНК РСФСР 18 декабря 1923 г. // Народное образование в СССР. Общеобразовательная школа: сборник документов. 1917–1973 гг. / сост. А. А. Абакумов, Н. П. Кузин, Ф. И. Пузырев, Л. Ф. Литвинов. М.: «Педагогика», 1974. С. 147.

References

1. Areyev NF. Correctional Education in Russia. *Russian School: a general educational magazine for schools and families*. 1895;(5-6). (In Russ.).
2. Vereshchagina N. Labor Colonies: (cooperation in education) two reports read 1) at the St. Petersburg Society for the Promotion of Physical Development, April 8, 1906, 2) at the Moscow Society for the Fight against Street Violence – July 10, 1906. St. Petersburg: IN. Skorokhodov Printing House; 1906. 32 p. (In Russ.).
3. State Archives of the Stavropol Territory (GASK). FR. 300. Inv. 1. D. 6. (In Russ.).
4. GASK. FR. 164. Inv. 1. D. 299. (In Russ.).
5. Decree of the All-Russian Central Executive Committee "On the Unified Labor School of the Russian Socialist Federative Soviet Republic" (Regulations) in Collection of government regulations and orders for 1917-1918. Moscow: Administration of the Council of People's Commissars of the USSR; 1942. P. 1026-1030. (In Russ.).
6. Decree of the All-Russian Central Executive Committee "On the Commission under the All-Russian Central Executive Committee for Improving the Lives of Children" of February 10, 1921 in Collection of government regulations and orders for 1921. Moscow: Administration of the Council of People's Commissars of the USSR; 1942. P. 122. (In Russ.).
7. Decree on commissions for minors. January 17, 1918. Available from: <https://docs.historyrussia.org/> [Accessed 24 September 2025]. (In Russ.).
8. Zaleskii VF. Care for Homeless and Abandoned Children. Kazan: Typolithography of the Imperial University; 1916. 714 p. (In Russ.).

9. Katsina TA, Marinenko LE. Changing Models and Practices for Resolving the Problem of Child Homelessness in the First Quarter of the 20th Century (Based on Materials from the Yenisei Province). *Genesis: istoricheskie issledovaniya*. 2016;(6):9-19. (In Russ.).
10. Red Children's Town in Novocherkassk. Available from: https://novocherkassk-gorod.ru/na_article/47597 [Accessed 24 September 2025]. (In Russ.).
11. Krivonosov AN. Historical Experience of Combating Homelessness. *State and law*. 2003;(7):92–98. (In Russ.).
12. Maltseva OB. Elimination of Mass Child Homelessness in Soviet Russia in the 1920s (Based on Materials from Stavropol and Terek: abstract thesis. Stavropol; 2012. (In Russ.).
13. Mezit LE. Social and Labor Adaptation of Orphans in the Mid-1920s as a Way to Eliminate Child Homelessness. *Socio-economic and Humanitarian Journal of the Krasnoyarsk State Agrarian University*. 2019;(2):146-156. (In Russ.).
14. Perova MA. Children's Everyday Life in Soviet Russia in the 1920s (Based on Materials from the Kurgan and Shadrinsk Districts): abstract thesis. Chelyabinsk; 2020. 24 p. (In Russ.).
15. Regulation on the Unified Labor School of the RSFSR. Approved at the meeting of the All-Russian Central Executive Committee on September 30, 1918 in Public Education in the USSR: Coll. Doc. 1917-1973 / compiled by AA. Abakumov, NP. Kuzin, FI. Puzryev, LF. Litvinov. Moscow: "Pedagogy", 1974. P. 134. (In Russ.).
16. Resolution of the All-Russian Central Executive Committee, Council of People's Commissars of the RSFSR "On the Plan to Combat Child Homelessness" dated June 20, 1927. Available from: https://e-ecolog.ru/docs/Erly_3CPzEsync3V7Kj77T. [Accessed 24 September 2025]. (In Russ.).
17. Resolution of the People's Commissariat of State Charity of the RSFSR "On the Transfer to the Jurisdiction of People's Commissariat of State Charity of all institutions for the care of minors and young children and on the establishment of the Board of Care of Minors" of 26.01.1918 in Collection of laws and orders of the government for 1917-1918. Moscow: Administration of the Council of People's Commissars of the USSR; 1942. P. 327-328. (In Russ.).
18. Resolution of the People's Commissariat of State Charity of the RSFSR "On the Department of Care of Minors" of 25.01.1918 in Collection of laws and orders of the government for 1917-1918. Moscow: Administration of the Council of People's Commissars of the USSR; 1942. p. 299. (In Russ.).
19. Resolution of the Council of People's Commissars of the USSR and the Central Committee of the All-Union Communist Party (Bolsheviks) "On the elimination of child homelessness and neglect" of 31 March 1935. Available from: <https://ru.wikisource.org/wiki> [Accessed 24 September 2025]. (In Russ.).
20. Ryabinina NV. Child Homelessness and Crime in 1920 (Based on Materials from the Upper Volga Region). Yaroslavl: Yaroslavl State University; 1999. 60 p. (In Russ.).
21. Samsonova SA. Policy and Social Practice of Overcoming Child Homelessness in Stavropol and Terek in the 1920s-30s: the- sis. Stavropol; 2012. 289 p. (In Russ.).
22. Orphanhood and Homelessness in Russia: History and Modernity. St. Petersburg: Liki Rossia; 2008. 303 p. (In Russ.).
23. Slavko AA. Child Homelessness and Neglect in Russia in the Late 1920s – early 1950s: social portrait, causes, forms of struggle: abstract thesis. Samara; 2011. 41 p. (In Russ.).
24. Smirnova TM. Children of the Country of Soviets: From State Policy to the Realities of Everyday Life 1917–1940. Moscow; St. Petersburg: Institute of Russian History, Russian Academy of Sciences: Center for Humanitarian Initiatives, 2015; 384 p. (In Russ.).
25. Collection of Laws and Orders of the Workers' and Peasants' Government for 1919. Moscow; 1943. 886 p. (In Russ.).
26. Talberg DI. Correctional Shelters and Colonies in Russia. St. Petersburg: V. S. Balasheva Publishing House; 1882. 63 p. (In Russ.).
27. Charter of the Unified Labor School, approved by the Council of People's Commissars of the RSFSR on 18 December 1923 in Public education in the USSR. Comprehensive school. Collection of documents. 1917-1973 / compiled by AA. Abakumov, NP. Kuzin, FI. Puzryev, LF. Litvinov. Moscow: Pedagogy; 1974. P. 147. (In Russ.).

Научная статья

УДК 93/94

<https://doi.org/10.37493/2409-1030.2025.3.5>

ОТРАЖЕНИЕ В ПЕРИОДИЧЕСКОЙ ПЕЧАТИ РАЗВИТИЯ ЖЕНСКОГО ОБРАЗОВАНИЯ В НАЛЬЧИКСКОМ ОКРУГЕ (ВТОРАЯ ПОЛОВИНА XIX – НАЧАЛО XX ВЕКА) КАК ФАКТОР СОЦИОКУЛЬТУРНОГО СБЛИЖЕНИЯ НАРОДОВ РЕГИОНА

Гаунова Лина Ризуановна

Кабардино-Балкарский государственный университет им. Х.М. Бербекова (д. 173, ул. Чернышевского, Нальчик, 360004, Российская Федерация)
Младший научный сотрудник Культурно-образовательного центра «Эрмитаж-Кавказ»
gaunova.lina@mail.ru, <https://orcid.org/0009-0000-7651-6466>

Аннотация. Введение. Статья посвящена анализу развития женского образования в Нальчикском округе во второй половине XIX – начале XX в., которое нашло частичное отражение в материалах периодической печати. На основе публикаций в прессе и выявленных архивных источников исследуется роль печати в продвижении идеи обучения девочек как элемента социокультурной модернизации региона. **Материалы и методы.** В основу статьи легли материалы газет «Терские ведомости», «Кавказ», «Терек», а также документы из архивов: УЦГА АС КБР, ЦГА РСО-Алания и др. Развитие образования в Нальчикском округе исследовали Т. Х. Кумыков, М. З. Саблиров, Е. С. Тютюнина, В. В. Шевчук и др. Особенности женского образования на Кавказе раскрыты в работах Н. О. Блейх, О. И. Шафрановой, Б. К. Мальбахова. Их труды раскрывают хронологию, социальные и культурные аспекты образовательных процессов. В основе методологии исследования лежит совокупность исторических принципов и методов, обеспечивающих комплексный анализ влияния газет на освещение проблем женского образования в Нальчикском округе. Среди них принцип историзма, системный подход, источниковедческий анализ. **Анализ.** Особое внимание в статье уделено Нальчикской женской школе – первому бесплатному образовательному учреждению для девочек в Нальчикском округе, чья деятельность активно освещалась в прессе. К началу XX века отмечается рост числа школ и учениц, однако этот процесс был противоречив. Смешанные аульские школы фактически оставались мужскими из-за нежелания семей нарушать патриархальные нормы гендерного избегания. Тем не менее исследование позволяет проследить изме-

нения в восприятии женского образования местным населением. **Результаты.** В Нальчикском округе в XIX – начале XX в. пресса широко освещала женское образование как фактор модернизации региона. Создание Михайловской женской школы, ставшей символом прогресса, финансировалось местными жителями, что свидетельствовало об их заинтересованности в просвещении. Увеличение количества учебных заведений и учащихся отражало трансформацию горского общества. Пресса популяризировала идею женского образования, однако проблемы финансирования, нехватки учителей и традиционные устои сохранялись, создавая противоречия между модернизацией и культурными нормами.

Ключевые слова: женское образование; периодическая печать; Нальчикский округ; кабардинцы; горские народы; начальное образование; Северный Кавказ

Для цитирования: Гаунова Л. Р. Отражение в периодической печати развития женского образования в Нальчикском округе (вторая половина XIX – начало XX века) как фактор социокультурного сближения народов региона // Гуманитарные и юридические исследования. 2025. Т. 12. № 3. С. 391–400. <https://doi.org/10.37493/2409-1030.2025.3.5>

Конфликт интересов: автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Благодарности: исследование выполнено в рамках внутреннего гранта КБГУ. Договор № 14 от 9.07.2024.

Статья поступила в редакцию: 15.04.2025.

Статья одобрена после рецензирования: 18.06.2025.

Статья принята к публикации: 25.07.2025.

Research article

THE REFLECTION OF THE DEVELOPMENT OF WOMEN'S EDUCATION IN NALCHIK DISTRICT IN PERIODICALS (THE SECOND HALF OF THE 19TH – EARLY 20TH CENTURY) AS A FACTOR OF SOCIO-CULTURAL RAPPROCHEMENT OF PEOPLES

Lina R. Gaunova

Kabardino-Balkar State University named after H.M. Berbekov (173, Chernyshevsky St., Nalchik, 360004, Russian Federation)
Junior Researcher at the Hermitage-Kavkaz Cultural and Educational Center
gaunova.lina@mail.ru, <https://orcid.org/0009-0000-7651-6466>

Abstract. Introduction. The article analyzes the development of women's education in Nalchik district in the second half of the 19th – early 20th century, which was partially reflected in the materials of the periodical press. Based on publications in the press and identified archival sources, the role of the press in promoting the idea of educating girls as an element of the socio-cultural modernization of the region is studied. **Materials and methods.** The article is based on materials from the newspapers Terskiye Vedomosti, Kavkaz, and Terek, as well as documents from the archives of the UCGA AS KBR, TSGA RSO-Alania, and others. The development of education in Nalchik district was studied by T.H. Kумыков, M.Z. Sablirrov, E.S. Tyutyunina, V.V. Shevchuk and others. The peculiarities of women's education in the Caucasus are revealed in the works of N.O. Bleikh, O.I. Shafranov, and B.K. Malbakhov. Their works reveal the chronology, social and

cultural aspects of educational processes. The research methodology is based on a set of historical principles and methods that provide a comprehensive analysis of the impact of newspapers on the coverage of women's education in Nalchik district. Among them are the principle of historicism, a systematic approach, and source analysis. **Analysis.** The article pays special attention to the Nalchik Girls' School, the first free educational institution for girls in Nalchik district, whose activities were actively covered in the press. By the beginning of the 20th century, there was an increase in the number of schools and female students, but this process was controversial. Mixed rural schools actually remained male due to the unwillingness of families to violate patriarchal norms of gender avoidance. Nevertheless, the study allows us to trace changes in the perception of women's education by the local population. **Results.** In the Nalchik region in the 19th and early 20th centuries,

the press widely covered women's education as a factor in the modernization of the region. The establishment of the Mikhailovskaya Girls' School, which became a symbol of progress, was funded by local residents, which testified to their interest in education. The increase in the number of educational institutions and students reflected the transformation of mountain society. The press popularized the idea of women's education, but problems of financing, teacher shortages, and traditional attitudes persisted, creating contradictions between modernization and cultural norms.

Keywords: women's education, periodicals, Nalchik district, Kabardians, mountain peoples, primary education, North Caucasus

For citation: Gaunova LR. The reflection of the development of women's education in Nalchik district in periodicals (the

Введение. Проблема женского образования на Северном Кавказе, как и в целом в стране, являлась актуальной темой для многочисленных дискуссий среди просвещённой части российской и горской интеллигенции. Во второй половине XIX в. число споров умножилось, поскольку в стране, в том числе и на Кавказе, шел многоплановый процесс проведения либеральных преобразований, когда старые нормы и традиции уходили в прошлое под давлением стремительно развивающихся общественных отношений. С этой целью проводились реформы, связанные с просвещением горских народов, поскольку именно оно было эффективным инструментом развития культуры и образования, втягивания народов в многогранный социокультурный процесс.

История системного женского образования в регионе берёт начало с целенаправленной работы Попечителя Кавказского учебного округа Я. М. Неверова. После получения правительственного указа о развитии школьной сети в национальных окраинах он наладил взаимодействие между кавказской администрацией и местным обществом. Благодаря этому сотрудничеству в 1860–1870-х годах были открыты женские гимназии, прогимназии и многочисленные училища [3, с. 383].

Периодическая печать, являвшаяся в то время одним из немногих средств массовой информации, активно пропагандировала создание учебных заведений, уделяя особое внимание развитию женского образования. Газеты подчёркивали практическую важность предоставления женщинам возможности получения образования, называя это необходимым шагом в деле цивилизационного развития семейных отношений, а затем и общества в целом. Им отводилась роль не только хранительниц домашнего очага, но и первых воспитательниц будущих поколений, что требовало определённого уровня культурной и образовательной подготовки. Так, в сознание общества внедрялись идеи эмансипации женщин в России, давшие серьезные результаты в конце XIX – начале XX в.

Изучение вопроса освещения женского образования в периодической печати дает возможность воспользоваться пластами информации, размещенными на ее страницах, выяснить как в

second half of the 19th – early 20th century) as a factor of socio-cultural rapprochement of peoples. Humanities and law research. 2025;12(3):391-400. (In Russ). <https://doi.org/10.37493/2409-1030.2025.3.5>

Conflict of interest: the author declares no conflicts of interests

Acknowledgments: the study was carried out with the financial support of an Internal grant from KBSU. Agreement No. 14 dated 07/9/2024.

The article was submitted: 15.04.2025

The article was approved after reviewing: 18.06.2025.

The article was accepted for publication: 25.07.2025.

XIX – начале XX в. пресса отражала процессы модернизации и изменения общественных норм в области воспитания и педагогики. Это имеет особое значение для народов Северного Кавказа, где традиционные ценности и религиозные установки на протяжении многих веков играли ключевую роль в вопросах воспитания девочек.

Целью исследования является анализ отражения в периодической печати процессов развития женского образования в Нальчикском округе как фактора социокультурного сближения народов во второй половине XIX – начале XX в. Для достижения этой цели, необходимо решить следующие задачи:

1) выявить ключевые этапы становления женского образования через призму публикаций в прессе;

2) продемонстрировать роль местной администрации и общественности в создании учебных заведений;

3) раскрыть противоречия между традиционными нормами и актуальными образовательными практиками;

4) оценить влияние прессы на формирование общественной поддержки женского просвещения.

Материалы и методы. Главными источниками для написания статьи стали, опубликованные материалы на страницах газет «Терские ведомости», «Кавказ» и «Терек», а также корпус архивных источников: УЦГА АС КБР (Управление Центрального Государственного архива Архивной службы КБР) Ф. И-2 (Управление Кабардинского округа) [25]; УЦГА АС КБР. Ф. И-6 (Управление Нальчикского округа Терской области) [26]; ЦГА РСО-Алания (Центральный государственный архив Республики Северная Осетия-Алания) Ф.123 (Дирекция Народных училищ Терской области) [27] и др.

Вопросы развития образования в Нальчикском округе освещались многими авторами: Т. Х. Кумыковым [11], М. З. Саблировым [15], Е. С. Тютюниной [9], В. В. Шевчуком [29] и др. Их работы позволяют не только восстановить хронологию событий, но и проанализировать социальные, культурные и политические аспекты развития образования в Нальчикском округе.

Особого внимания заслуживает статья В. В. Шевчука «Нальчикская женская школа и

гимназия (1860–1921)» [29], в которой освещен событийный ряд открытия первого учебного заведения для девочек, анализируется его роль в общественной жизни региона, а также влияние на культурное и социальное развитие местного населения.

Изучение первого учебного заведения для девочек в слободе Нальчик можно проследить в трудах Б. К. Мальбахова [12] и Е. С. Тютюниной [9]. Их работы дополняют и расширяют представления о том, как формировалась система женского образования в регионе.

Н. О. Блейх предлагает более широкий взгляд на проблему, анализируя развитие женского образования на Северном Кавказе [2; 3] в контексте государственных и частных инициатив, реализация которых позволила открыть сначала в областных центрах, а затем в Кизляре, Моздоке, Грозном школы для девочек. Автор рассматривает как общие закономерности, так и специфические особенности их открытия, связанные с культурными и историческими условиями регионов Северного Кавказа.

О. И. Шафранова исследует роль женщины на Северном Кавказе в образовательной, общественной и профессиональной сферах в период второй половины XIX – начала XX в., анализирует процесс интеграции региона в общероссийское культурное пространство, уделяя особое внимание взаимодействию имперской политики, традиционных норм горских обществ и гендерных аспектов [29].

Исследование З. Х. Ибрагимовой [4] посвящено изучению конфессиональных учебных заведений, которые функционировали в регионе в XIX в., раскрывает особенности их организации, учебных программ, а также роль, которую эти заведения играли в образовательной и культурной жизни местного населения.

Единственным научным трудом, посвященным проблеме освещения образования в периодической печати, является диссертация И. М. Кабалоевой, однако её основное внимание сосредоточено на Владикавказском округе [5].

Анализ. После завершения многолетней Кавказской войны Северный Кавказ стал постепенно интегрироваться во все социальные и культурные процессы Российской империи. Для ускорения этого процесса кавказская администрация делала конкретные практические шаги. В декабре 1848 г. был сформирован Кавказский учебный округ, что положило начало созданию новой системы народного образования в регионе. Государство увеличило целевые ассигнования на эти цели, а для укрепления педагогического состава активно привлекались преподаватели из центральных городов империи [28, с. 93].

Женское образование на Кавказе развивалось параллельно с мужским, но значительно медленнее – причиной этому служил комплекс

факторов, включающих влияние культурных и религиозных норм, характерных для региона.

Во второй половине XIX в. основным источником первоначального образования для кабардинок и других горянок были домашние коранические школы. Обучение в них было бессистемным, девочки обучались арабской азбуке, молитвам и чтению Корана, а занятия вели грамотные родители или родственники [4, с. 62]. Наряду с ними функционировали другие духовно-образовательные учреждения – мектебе и медресе. Количество и качество знаний, получаемых в таких школах, полностью зависело от профессиональной подготовки муллы, его интересов, уровня интеллекта и образования. В мусульманских школах не было ни ступеней обучения, ни учебных программ, учитель сам выбирал дисциплины, которые считал необходимыми для изучения. По своей сути они походили на низшие начальные школы, в которых особое внимание уделялось основам исламского учения, а вместо русского или местных языков ученики осваивали арабскую грамматику. Уровень образования в таких школах был невысоким и сводился преимущественно к механическому заучиванию сур Корана [3, с. 18].

Такой подход ограничивал образование горянок рамками традиционных семейно-патриархальных отношений, лишая их возможности активно общаться с миром, ограничивая степень их участия в процессах социокультурного взаимодействия.

Началом системного женского образования в Кабарде считается 1860 г., когда в укреплении Нальчик, наряду с Горской школой, были основаны две воскресные школы – женская и мужская. Сведения об этих учебных заведениях сохранились благодаря освещению их деятельности в прессе. «Постоянные читатели издаваемой вами газеты, кажется, еще не встречали в столбцах ее извещения об учреждении где-либо на Кавказе бесплатных школ для распространения в народе грамотности... можно было полагать, что наше образованное кавказское общество, к столь священному делу... осталось равнодушным. К счастью, это не так, – пишет корреспондент газеты «Кавказ». – В Нальчике можно видеть бесплатные школы, одну для мальчиков и другую для девочек...» [8, с. 3]. Автор заметки отмечал, что открытие этих учебных заведений стало возможным благодаря поддержке начальника Кабардинского округа В. В. Орбелиани, а также его ближайших соратников – смотрителя нальчикской школы Григорьева и капитана В. Масловского¹. Последний, несмотря на занятость по службе, проявлял осо-

¹ С 1863 г. старший член Терской сословно-поземельной комиссии, который активно участвовал в подготовке и проведении аграрной и крестьянской реформ у народов Терской области.

был интерес к женской школе и стремился к ее сохранению, посвятив ей обширную статью, к анализу которой мы еще вернемся.

В 1862 г. в газете «Кавказ» размещена большая статья-отчет от правления школы, повествующая о ее состоянии. Благодаря ей, жители края узнали, что воскресные школы для учеников были бесплатными и содержались за счет отдельных безвозмездных пожертвований жителей слободы. Управление школой осуществлял совет, состоящий из начальника Кабардинского округа, штатного смотрителя Горской школы и преподавателей. Совет занимался хозяйственной частью школы, распределением средств, а также составлением устава, в котором были определены правила приема учениц, время учебных занятий, разделение преподавания на курсы, число и объем предметов, обязанности каждого из членов совета. Немаловажную роль в развитии женской школы играл «виновник её существования» князь генерал-майор Вахтанг Вахтангович Орбелиани², который посещал ее «в свободные минуты» [7, с. 42].

Согласно уставу, в школу принимали девочек всех сословий и вероисповеданий. Обучение было разделено на 3 класса. Из отчета по учебной части дирекции училищ Терской области за 1867 г. мы знаем, что предметами учебного курса были: 1) Закон Божий (краткий катехизис и священная история), 2) чтение и письмо на русском языке, 3) первые четыре действия арифметики; 4) рукоделие (вязание, шитьё и вышивание) [22, с. 2].

На начальном этапе в обоих учебных заведениях работали четыре учителя, не получавших жалования. В женской школе дополнительно трудились четыре дамы-преподавательницы также на добровольной основе и постоянная надзирательница, получавшая жалование – пять рублей в месяц.

На момент открытия в воскресной мужской школе обучались 26 мальчиков, а в женской школе – 14 девочек [7, с. 42].

После первого года обучения в женскую школу пришли 27 новых учениц. Через год их число увеличилось до 32. Однако процент горянок в школе был крайне невысок. Из них русскими были 30, одна армянка и одна кабардинка, исповедующая христианство, скорее всего из Моздока, где проживала большая группа кабардинцев-христиан. Вскоре в связи с открытием Горской школы воскресная мужская школа была закрыта, тогда как женская только набирала популярность [7, с. 42].

Об этом свидетельствует рост финансовых средств, поступающих в школу в качестве пожертвований. Так, в первые месяцы работы школы удалось собрать всего 23 руб. 50 коп.

В течение года сумма увеличилась до 403 руб. 33 коп., из которых 100 руб. пожертвовал командующий войсками Терской и Кубанской областей генерал Н. И. Евдокимов [7, с. 42].

В 1865 г. Нальчикская женская школа была названа Михайловской в честь наместника на Кавказе, великого князя Михаила Николаевича Романова [9, с. 11].

В конце 1867 г. с разрешения наместника на Кавказе школе был передан «бывший штаб-офицерский дом с мезонином» – деревянное здание, построенное в 1848 г. для начальника Центра Кавказского линейного батальона № 7 [25, л. 4–4об.].

Это здание находилось в ветхом состоянии и нуждалось в дорогостоящем ремонте. Отсутствие надёжных источников финансирования превращалось в серьёзную проблему, угрожающую дальнейшему функционированию учреждения. Это отметил В. Масловский, который в 1868 г. опубликовал статью, где выразил беспокойство о будущем школы. Автор подробно проанализировал финансовое положение училища, указал источники доходов и расходов. Основной капитал школы в 1868 г. составил 1 136 руб., собранных за счёт единовременных пожертвований. Небольшие суммы поступали в качестве членских взносов, продажи карт, сделанных ученицами, проведения лотерей и любительских спектаклей. В совокупности дополнительные поступления достигли 430 руб. [20, с. 54].

Эти средства шли на покрытие хозяйственных расходов и учебный процесс: наиболее значительными были аренда помещения, освещение и отопление, жалование надзирательницы училища, а также учебные материалы для классов и рукоделия. Общие расходы училища за год составили 316 руб.

Однако, как подчёркивает В. Масловский, труд учителей не оплачивался вовсе. Он осуждал эту практику, считая её крайне вредной, поскольку такая ситуация могла со временем привести к «неизбежной катастрофе», – закрытию школы из-за отсутствия преподавателей, согласных работать бесплатно [20, с. 54].

В. Масловский акцентировал внимание на том, чтобы основные ресурсы школы были направлены на модернизацию здания. Это позволит использовать его не только для образовательных целей, но и как источник дополнительного дохода. По его мнению, школа могла бы стать культурным центром укрепления, где можно проводить театральные постановки и танцы. Согласно расчётам автора, такой подход обеспечит ежегодный доход в размере 702 руб., который укрепит финансовую устойчивость школы и позволит оплатить работу учительницам [20, с. 54].

Но все это возможно только при условии выполнения всех строительных работ, на которые у училища нет средств. В связи с этим, В. Маслов-

² В. В. Орбелиани – известный грузинский поэт, генерал-майор, начальник Кабардинского округа с 1857 по 1862/1863 годы.

ский выразил надежду, что состоятельные люди из других регионов окажут помощь в этом «богоугодном деле» и выделят средства на ремонт здания Нальчикского женского училища «для просвещения молодого поколения» [20, с. 54].

Судя по всему, В. Масловский был тесно связан с администрацией школы, что объясняет его понимание внутренних проблем учебного заведения. При этом автор не только освещал трудности, с которыми сталкивалось училище, но и отмечал важность развития женского образования как государственно значимого направления, поддерживаемого последними реформами российского императора [20, с. 54].

О преподавательском составе Михайловской женской школы нам известно немного. Главным источником этой информации можно считать «Извлечения из отчета по учебной части дирекции училищ Терской области за 1867 год», опубликованного в «Терских ведомостях» 7 мая 1869 г. Согласно ему, в 1867 г. преподавательский состав состоял из надзирательницы и в то же время учительницы рукоделья, чтения и письма Водопьяновой, местного священника Благодрава и смотрителя Нальчикской Горской школы, который давал девочкам основы арифметики. Хозяйственной частью заведовал медик Кабардинского округа А. И. Дроздовский³ [22, с. 2].

Финансирование школы за счёт частных пожертвований было сопряжено с определенными трудностями: суммы поступали нерегулярно и варьировались, вследствие чего планирование бюджета становилось практически невозможным. В ответ на эти вызовы жители Нальчика сумели организовать системную поддержку женского училища, регулярно проводя благотворительные вечера и концерты.

Об этом свидетельствуют публикации в периодической печати, где часто встречаются корреспонденции, содержащие отчеты о проведенных мероприятиях. Так, в 1868 г. начальник Кабардинского округа полковник А. А. Нурид сообщает, что за зиму Нальчикским благотворительным обществом было дано три спектакля в пользу бесплатной женской школы и было собрано 257 руб. 75 коп. [22, с. 2].

В октябре 1877 г. была опубликована заметка о благотворительном вечере в пользу школы, организованный супругой начальника Пятигорского округа С. Т. Полозовой. Ей удалось подготовить концерт, на котором была сыграна комедия Штеллера «Ошибка молодости», водевиль «Дочь русского актера» и исполнен дивертисмент, состоявший из пения, скрипки и фортепиано [23, с. 1].

В газете «Терек» за 1883 г. находим небольшую корреспонденцию под псевдонимом «Я.», где автор замечает: «В течение последних лет у нас, в Нальчике, ежегодно устраиваются два, три любительских спектакля с благотворительной целью. Цель – поддержка слободской женской школы» [16, с. 2].

Кроме подобных вечеров, немалую долю бюджета школы составляли частные пожертвования. «Терские ведомости» сообщают, что в 1877 году начальник Пятигорского округа, в состав которого входила Кабарда и Балкария, И. В. Полозов пригласил всех наиболее «значительных лиц» из числа жителей слободы Нальчик для обсуждения и поддержки женского образования. Обсудив вопрос, 19 участников собрания постановили: 1) ежегодно вносить 5 руб. на поддержку женского образования; 2) принять супругу начальника округа Софию Тимофеевну Полозову в качестве попечительницы и заведующей хозяйственной частью школы; 3) принять в качестве почетной попечительницы супругу начальника области Марию Борисовну Свистуну; 4) назначить надворного советника А. В. Богдановича ответственным за ведение отчетности; 5) составить попечительный совет для решения всех вопросов о нуждах школы, в который войдут начальник округа, смотритель горской школы и слободской старшины [24, с. 1–2]. В том же выпуске вниманию заинтересованной аудитории был представлен финансовый отчет Михайловской женской школы.

Анализ данных отчета позволяет установить, что в 1879 году общий доход школы достиг 2 194 руб. 35 коп. Основу поступлений формировали благотворительные взносы, включая значительные суммы от начальника области (100 руб.), С. Кабанова (100 руб.), Цугулиева (25 руб.), З. Баранова (30 руб.) и членов благотворительного общества (145 руб.). Общий объем пожертвований приблизился к 510 руб., что подчеркивает существенную зависимость школы от внешней поддержки [24, с. 2].

Согласно отчету, передача «дома с мезонином» в аренду окружному управлению и городскому суду принесла учреждению 400 руб. Эти средства были направлены на выплату зарплат, финансирование педагогических курсов для одной из учительниц и проведение культурных мероприятий. Однако годовой остаток средств (122 руб. 87 коп.) свидетельствовал о минимальной финансовой устойчивости учебного заведения. Основной причиной стало масштабное строительство здания для женской школы: в 1879 году на эти цели израсходовали 75 % годового бюджета. Проект, растянувшийся на два года, в итоге потребовал свыше 5 000 рублей [19, с. 3].

Частое освещение в прессе отчетов и корреспонденций о Михайловской женской школе, очевидно, преследовало цель популяризации идеи создания аналогичных учебных заведений.

³ А. И. Дроздовский – окружной врач Кабардинского округа, объездил все аулы и поселения, собрал огромный материал, на основании которого опубликовал значительный труд о жителях Кабарды и Балкарии [10].

Такая публичность должна была привлечь внимание общественности и вдохновить местные власти, меценатов и общественные организации на поддержку и развитие женского образования в регионе.

Тем не менее рассчитывать только на пожертвования становилось все сложнее, так как отсутствие постоянного источника финансирования сказывалось на всех сферах учебного процесса. Нехватка учебников, тетрадей, методических разработок, наглядных пособий, постоянная смена преподавателей вынуждали попечительский совет Михайловской женской школы адаптироваться к этим условиям.

Внимание общественности, постоянные публикации в печати в конце концов изменили «судьбу» школы. В конце XIX в. школа перешла во введение Дирекции народных училищ Терской области, а обучение стало платным, что не могло не отразиться на сословном составе учениц [29, с. 246].

В начале XX в. школа имела два источника доходов: средства, выделяемые Дирекцией народных училищ, и специальные средства училища [29, с. 246]. В 1912 году в школе обучались 74 девочки, а содержание школы составляло 720 руб. в год [26, л. 70].

В 1913 году заведующей Нальчикской женской школой была учительница Елизавета Михайловна Черницкая, которую затем сменила уроженка Нальчика Екатерина Ильинична Шуйская, возглавлявшая школу вплоть до ее закрытия в сентябре 1920 года [12, с. 9].

Михайловская женская школа на протяжении всей своей истории пользовалась поддержкой образованных кругов Нальчика. Пожертвования в её пользу воспринимались как благородное и необходимое дело, поскольку большинство учениц были дочерьми русских офицеров, для которых школа являлась единственным доступным местом получения начального образования. Несмотря на то, что девочки из кабардинских и горских семей в ней практически не учились, самим фактом своего существования она стала очагом культурного развития и дала серьезный импульс для развития женского образования среди жителей Нальчикского округа.

Интересную информацию о первых учительницах Кабарды нам дает статья в газете «Кавказ» за 1877 г. Еще в 1875 г. представители Кабарды обратились к начальнику Пятигорского округа с предложением организовать в аулах начальные школы для обучения детей русской грамоте. Таким образом, впервые на территории Кабарды были открыты учебные заведения за пределами административного центра. Как сообщает газета, учителями в этих школах стали горянки: в Куденетово занятия проводила выпускница Тифлисского женского учебного заведения св. Нины, дочь балкарского таубия Фуза Шакманова; в Кучмазукино — кабардинская княгиня Гуляна Уракова, получив-

шая образование в Петербурге; в шалушкинской школе преподавала Елизавета Мазараки, дочь окружного начальника, окончившая Тифлиссский девичий институт. Обучение во всех школах велось на русском языке, а количество учащихся в каждой составляло от 20 до 25 кабардинских мальчиков [6, с. 3].

Все три девушки имели хорошее образование (достоверно известно, что Фуза Шакманова окончила педагогические курсы), что давало им возможность внести значительный вклад в обучение детей. Однако, как уже отмечалось, обучение велось на чуждом для местных жителей языке. Это создавало языковой барьер между учителями и учениками, преодолевать который приходилось с помощью переводчиков. Подобная практика неизбежно затрудняла учебный процесс, снижая его эффективность [9, с. 24].

В 1877 г. аудит Кабардинской общественной суммы⁴ выявил существенный перерасход средств и системные нарушения в организации учебного процесса в округе. На этом основании участники очередного съезда доверенных Большой и Малой Кабарды и Пятигорских обществ подвергли критике необоснованные финансовые траты и низкую результативность работы аульных школ. Доверенные признали дальнейшее их содержание экономически обременительным и не соответствующим целям образовательной политики [14, с. 41]. Школы были закрыты, а дальнейшая судьба учительниц пока нам неизвестна.

Вероятной причиной такого решения стало гендерное недоверие мужчин — участников Съезда, в рамках которого образованные женщины-учительницы, работающие в публичной сфере, воспринимались как неприемлемая модель поведения, которая противоречила традиционным нормам, характерным для кабардинских сельских обществ [14, с. 43].

В середине XIX в. многие учебные заведения в Российской империи уже практиковали совместное обучение. В некоторых регионах, в частности на Кавказе, этот процесс шел медленнее из-за особенностей местных традиций и взглядов на гендерное образование. Большинство начальных школ в Нальчикском округе в начале XX века были смешенного типа. Так, в 1903 г. из 28 школ 8 было мужских, 1 женская и 19 смешанных [13, с. 160]. К 1912 г. их количество значительно выросло: из 59 школ минимум в 40 девочки и мальчики учились вместе [26, л. 67–72].

⁴ Кабардинская общественная сумма — это своеобразная народная касса при правлении Кабардинского (позже Пятигорского, Георгиевского, Нальчикского) округа, за счёт средств которой предоставлялись займы населению под проценты и финансировались некоторые общественно значимые проекты [1, с. 64].

Трансформация взглядов местного населения на женское образование в начале XX века отражена в корреспонденции «Терских ведомостей» за 1900 год. Автор под псевдонимом «Z» рассказывает о появлении во многих аулах Нальчикского округа министерских школ, которые содержались за счет местного населения. Открытие школ сопровождалось молебным в русских деревнях и приношением жертвы (курман) в горских, мясо которого было роздано бедным. Как правило, эти торжества посещали почетные старики, духовенство и начальство из Нальчика. Автор акцентирует внимание на речи, произнесенной начальником округа капитаном И. Д. Поповым⁵. Цитируя его, он пишет, «дело школы и польза ее будет только на половину, если не будут учиться грамоте и девочки; дети, получая первые сведенья от матери, большей частью остаются с ними всю жизнь, и грамотная мать даст своим детям больше понятия о правде и добре» [21, с. 1]. Собравшиеся на мероприятии – в основном кабардинцы – согласились с Поповым и пообещали отправить своих дочерей в школы.

Несмотря на интерес со стороны местного населения, светские школы, создаваемые под юрисдикцией Министерства Народного Просвещения, сталкивались с проблемами нехватки материальных средств и подготовленных кадров. Учителя, командированные из центральных регионов России, не понимали местной культуры и языка, специфики детского воспитания в горской среде, а поэтому качество обучения детей было низким. С другой стороны, новым формам образования активно противодействовали муллы, считавшие подобные школы рассадниками греха и неверия.

В результате школы, которые изначально открывались как смешанные, де-факто становились мужскими. Даже если некоторые родители решались отдать своих дочерей на обучение, вскоре, столкнувшись с общественным осуждением, забирали их обратно. Вследствие этого распространение женского образования в сельской местности происходило значительно медленнее, чем в административных центрах, где компактно проживало русское население, которое способствовало созданию особого межкультурного пространства и диалога, выражавшегося в апроприации горцами ранее чуждых традиций и менталитета.

Анализируя динамику развития школ в регионе, автор статьи «Селение Хапцево» фиксирует рост числа учащихся, подчеркивает, что «редкая школа Малой Кабарды [обошлась] без

учениц, тогда как год тому назад боялись ходить даже мальчики» [18, с. 3]. С другой стороны, он критикует «скептиков», выступающих против финансирования школ и обучения девочек и приводит пример осетинской казачьей станицы Черноярской, где успешно функционируют мужская и женская школы, а также ведется строительство нового учебного заведения. Корреспондент отмечает, что «образование не подавило их [казаков-осетин. – Л. Г.] туземный дух и обычай, тогда как вы жалуетесь на то, что просвещение или грамотность будет действовать на наш адат» [18, с. 3].

Потребность в открытии новых образовательных учреждений была осознана даже в самых удаленных аулах области. Газета «Терек» сообщает, что в 1911 г. в балкарском селении Урусбиево, старшина таубий Урусбиев⁶ разработал план по открытию двух министерских учебных заведений – мужской и женской школы, где дети будут не только получать начальное образование, но и осваивать навыки новых профессий. В мужском училище предусматривалось обучать уходу за скотом и сыроварению, а в женском – открытие ткацкого отделения. Корреспондент подчеркивал, что инициатором этого важного начинания стал старшина селения, человек, «прошедший обучение во Владикавказском реальном училище и получивший знания в университете» [17, с. 3]. Обладая высоким уровнем образования и богатым жизненным опытом, Науруз Исмаилович вернулся в родной аул, чтобы применить свои знания на практике и внести вклад в развитие своего народа. Благодаря его настойчивости, идея создания школ получила поддержку местных жителей и в 1913 г. в «Списке начальных училищ среди мусульманского населения» указано, что в селении Урусбиево открыто две школы [27, л. 82об.]. К сожалению, отсутствуют сведения о том, посещали ли эти школы девочки.

Изменение динамики развития женского образования можно проследить, сравнивая данные за 1884 и 1912 год.

Таблица 1 / Table 1
Сравнительная таблица учащихся Нальчикского округа за 1884 и 1912 год [13, с. 105, 110; 26, л. 67–72] / Comparative table of Nalchik district students for 1884 and 1912 [13, p. 105, 110; 26, ch. 67-72]

Год	Кол-во школ	Учеников	Учениц	Обоего пола
1884	37	1117	388	1505
1912	59	2874	839	3713

Приведенные цифры свидетельствуют, что, несмотря на рост числа учеников в округе в 2,5

⁵ Попов Иван Дмитриевич – участник русско-турецкой войны 1877–1878 гг. С 25 октября 1890 года – младший чиновник для особых поручений при начальнике Терской обл. С 17 ноября 1897 по 10 ноября 1902 г. – начальник Нальчикского округа.

⁶ Как мы выяснили, это был Урусбиев Науруз Исмаилович – известный балкарский просветитель и общественный деятель конца XIX – начала XX вв.

раза, соотношение учащихся девочек и мальчиков за 28 лет не увеличилось, а на 5 % стало даже меньше. Причины этого факта пока не ясны. Скорее всего, девочек записывали в школу, но они по различным причинам, особенно горянки, часто оставляли учебу. Поэтому данные за 1884 г. показывают, видимо, количество записанных в школу, но не окончивших ее.

Указанная численность (839 девочек) является сводной и не включает дифференциацию по религиозному или этническому признаку, что не позволяет точно оценить долю местных детей, однако косвенные данные указывают на их явное меньшинство. Тем не менее в ряде учебных заведений большинство учащихся составляли девочки-кабардинки, например, в селении Ахлово в Малой Кабарде школу посещали 34 ученицы, в Лафишево – 15, в Докшоково – 28 [15, с. 49].

В 1911 году попечительский совет начальной женской школы и учитель Нальчикского реального училища Н. Перевозовский направили ходатайство начальнику округа о выделении средств из кабардинской общественной суммы для открытия в слободе Нальчик частной женской прогимназии. Проект не был реализован, но идея не была забыта [29, с. 249].

К этому времени идея организовать женское учебное заведение, ориентированное на детей горцев, уже твердо закрепилась в сознании кабардинской интеллигенции. Однако начавшийся в 1914 г. глобальный военно-политический конфликт (Первая мировая война), усугубленный последующей революционной дестабилизацией и Гражданской войной, кардинально трансформировал повестку дня в области развития образования вообще и женского в частности. Доминирование фронтовой хроники в периодической печати практически вытеснило образовательную полемику. Вопросы женского образования, которые и ранее занимали периферийное положение в публичном дискурсе, практически перестали освещаться в прессе. По этой причине невозможно получить представление о том, как общественность отреагировала на важное событие, ознаменовавшее новый этап в развитии женского образования в Нальчикском округе, – открытие женской гимназии в 1917 году.

Результаты. Женское образование в Нальчикском округе в XIX – начале XX в. освещалось в прессе как важный элемент культурного и социального развития региона. Периоди-

ческая печать активно пропагандировала создание учебных заведений для девочек, подчеркивая их значимость для просвещения горских народов. Особое внимание уделялось открытию Нальчикской женской школы (позже названной Михайловской), которая стала одной из первых бесплатных женских школ на Северном Кавказе. Пресса подробно освещала деятельность этого учебного заведения, акцентируя внимание на финансовой поддержке, которую она получала от местных жителей. Благодаря выявленной в подшивках дореволюционной периодической печати информации мы подчеркиваем значительный интерес к образованию девочек со стороны жителей Нальчикского округа.

В начале XX в. возросло количество публикаций, фиксирующих прогресс в развитии женского образования. Количество школ и учениц увеличилось, а в некоторых учебных заведениях девочки составляли значительную часть учащихся. Пресса отмечала постепенно меняющееся отношение местного населения к образованию женщин, хотя этот процесс шел медленно и неравномерно.

В слободе Нальчик женская школа стала одним из центров культурного развития, в то время как в сельской местности инициативы по открытию школ часто сталкивались с открытым сопротивлением мулл, эфенди, людей пожилого возраста. Многие семьи неохотно отправляли девочек в школу, считая это противоречащим традиционным нормам и исламу. Это особенно ярко проявилось в случае с министерскими школами, которые открывались как смешанные, но, по сути, оставались мужскими.

Таким образом, женское образование в Нальчикском округе развивалось в условиях противоречий между традиционными устоями общества и осознанным социокультурным императивом – необходимостью дать образование девочкам, без чего процесс модернизации шел крайне медленно. Пресса играла важную роль в популяризации идеи женского образования, но многие проблемы, такие как финансовая зависимость, нехватка квалифицированных учителей и сопротивление консервативных слоев общества, оставались в дореволюционный период нерешенными.

Литература

1. Бербекова М. Х. Доходы и расходы Кабардинской общественной суммы в 50-х – начале 60-х гг. XIX в. по материалам учетных книг // Известия Кабардино-Балкарского научного центра РАН. 2023. № 1(111). С. 63–70.
2. Блейх Н. О. Система просветизма Северного Кавказа конца XIX – начала XX века // Известия вузов. Северо-Кавказский регион. Общественные науки. 2016. № 3. С. 17–20.
3. Блейх Н. О. Становление женского образования в Северокавказском регионе в контексте государственных и частных инициатив (XIX в.) // Диалог со временем. 2022. Вып. 80. С. 379–391.
4. Ибрагимова З. Х. Кавказцы. М.: Пробел-2000, 2010. 336 с.
5. Кабалоева И. М. Отражение вопросов просвещения, воспитания и образования горцев в периодической печати Северного Кавказа в XIX – начале XX веков: дис. ... канд. пед. наук. Владикавказ, 2006. 159 с.

6. Кавказ. № 2. 16 января 1877.
7. Кавказ. № 8. 25 января 1862.
8. Кавказ. № 2. 5 января 1861.
9. Кавказ: живой отголосок прошлого. Жизнь и творчество писателя Евгения Баранова / авт.-сост. Е. С. Тютюни-на. Нальчик: Изд-во М. и В. Котляровых (Полиграфсервис и Т), 2014. 280 с.
10. Краткий медико-топографический очерк Кабардинского округа Терской области // Медицинский сборник Кавказского медицинского общества. 1870. № 9. С. 1–51.
11. Кумыков Т. Х. Культура, общественно-политическая мысль и просвещение Кабарды во второй половине XIX – начале XX века. Нальчик: Эльбрус, 1996. 328 с.
12. Мальбахов Б. К. Страницы истории школы № 2. Из XIX века в XXI... (Лицей № 2. Школа № 2 города Нальчика Кабардино-Балкарской республики). Нальчик: Эль-фа, 2001. 151 с.
13. Отчет о ревизии, произведенной директором народных училищ Терской области во Владикавказском, Пятигорском и Нальчикском округах с 1-го по 24-е ноября и с 9-го по 19-е декабря 1884 г. // Народное образование в Кабарде и Балкарии в XIX – начале XX века / сост. М. З. Саблиров. Нальчик: Эль-фа, 2001. С. 39–42.
14. Просолов Д. Н. Просветительские практики и интеллектуальная культура коренного населения Северного Кавказа в условиях имперской модернизации (школьный вопрос на съездах доверенных Нальчикского округа в последней трети XIX – начале XX в.) // Кавказология. 2019. № 2. С. 37–54.
15. Саблиров М. З. Очерки истории культуры Кабарды и Балкарии в конце XIX – начале XX в. Нальчик: КБГУ, 1997. 158 с.
16. Терек. № 8. 19 января 1883.
17. Терек. 2 марта 1911.
18. Терские ведомости. № 62. 17 марта 1912.
19. Терские ведомости. № 5. 31 января 1881.
20. Терские ведомости. № 8. 19 февраля 1868.
21. Терские ведомости. № 47. 23 апреля 1900.
22. Терские ведомости. № 19. 7 мая 1869.
23. Терские ведомости. № 2. 7 января 1878.
24. Терские ведомости. № 7. 9 февраля 1880.
25. Управление Центрального Государственного архива Архивной службы Кабардино-Балкарской республики (далее – УЦГА АС КБР). Ф. И-2. Оп. 1. Д. 184.
26. УЦГА АС КБР Ф. И-6. Оп. 1. Д. 858.
27. Центральный государственный архив Республики Северная Осетия-Алания Ф. 123. Оп. 1. Д. 837.
28. Шафранова О. И. Образование, общественная и профессиональная деятельность женщин Северного Кавказа во второй половине XIX – начале XX в.: дис. ... канд. ист. наук. Ставрополь, 2004. 309 с.
29. Шевчук В. В. Нальчикская женская школа и гимназия (1860–1921) // VII Славянские чтения в Кабардино-Балкарии: материалы научно-практической конференции. Нальчик: Эльбрус, 2004. С. 244–250.

References

1. Berbekova MH. Incomes and expenses of the Kabardian public sum in the 50s - early 60s of the XIX century. *Proceedings of the Kabardino-Balkarian Scientific Center of the Russian Academy of Sciences*. 2023; 1(111): 63-70. (In Russ.)
2. Bleikh NO. The system of enlightenment in the North Caucasus of the late nineteenth and early twentieth centuries. *Izvestiya vuzov. The North Caucasus region. Social sciences*. 2016;(3):17-20. (In Russ.)
3. Bleikh NO. The formation of women's education in the North Caucasus region in the context of state and private initiatives (XIX century). *Dialogue with time..* 2022;(80):379-391. (In Russ.)
4. Ibragimova ZH. The Caucasians. Moscow: Blank-2000; 2010. 336 p. (In Russ.)
5. Kabaloeva IM. Reflection of the issues of enlightenment, upbringing and education of mountaineers in the periodical press of the North-Caucasus in the XIX – early XX centuries: thesis. Vladikavkaz, 2006. 159 p. (In Russ.)
6. Kavkaz. 1877;(2). January 16. (In Russ.)
7. Kavkaz. 1862;(8). January 25. (In Russ.)
8. Kavkaz. 1861;(2). January 5. (In Russ.)
9. The Caucasus: a living echo of the past. The life and work of the writer Evgeny Baranov. Author-comp. ES. Tyutyunin. Nalchik: M. and V. Kotlyarov Publishing House (Polygraphservice, etc.); 2014. 280 p. (In Russ.)
10. A brief medical and topographic sketch of the Kabardian district of the Tersk region. *Medical collection of the Caucasian Medical Society*. 1870;(9):1-51. (In Russ.)
11. Kумыков TH. Culture, socio-political thought and enlightenment of Kabarda in the second half of the XIX – early XX century. Nalchik: Elbrus; 1996. 328 p. (In Russ.)
12. Malbakhov BK. Pages of school history no.2. From the 19th century to the 21st. (Lyceum No. 2. School No. 2 in Nalchik, Kabardino-Balkar Republic). Nalchik: El-fa; 2001. 151 p. (In Russ.)
13. Report on the audit conducted by the director of public schools of the Tersk region in Vladikavkaz, Pyatigorsk and Nalchik districts from November 1 to November 24 and from December 9 to December 19, 1884. Public education in Kabarda and Balkaria in the XIX – early XX century. Comp. MZ. Sablirov. Nalchik: El-fa; 2001. P. 39-42. (In Russ.)
14. Prosolov DN. Educational practices and intellectual culture of the indigenous population of the North Caucasus in the context of imperial modernization (a school issue at congresses of representatives of the Nalchik district in the last third of the XIX – early XX century). *Caucasology*. 2019;(2):37-54. (In Russ.)
15. Sablirov MZ. Essays on the history of culture of Kabarda and Balkaria in the late XIX – early XX century. Nalchik: Kabardino-Balkarian State University, 1997. 158 p. (In Russ.)

16. Terek. 1883;(8). January 19. (In Russ.)
17. Terek. 1911. March 2. (In Russ.)
18. Terskie vedomosti. 1912;(62). March 17. (In Russ.)
19. Terskie vedomosti. 1881;(5). January 31. (In Russ.)
20. Terskie vedomosti. 1868;(8). February 19. (In Russ.)
21. Terskie vedomosti. 1900;(47). April 23. (In Russ.)
22. Terskie vedomosti. 1869;(19). May 7. (In Russ.)
23. Terskie vedomosti. 1878;(2). January 7. (In Russ.)
24. Terskie vedomosti. 1880;(7). February 9. (In Russ.)
25. Department of the Central State Archive of the Archival Service of the Kabardino-Balkarian Republic (UCGA AS KBR). F. I-2. Inv. 1. D. 184. (In Russ.)
26. UCGA AS KBR F. I-6. Inv. 1. D. 858. (In Russ.)
27. Central State Archive of the Republic of North Ossetia-Alania F. 123. Inv. 1. D. 837. (In Russ.)
28. Shafranova OI. Education, social and professional activities of women of the North Caucasus in the second half of the XIX – early XX century: thesis. Stavropol; 2004. 309 p. (In Russ.)
29. Shevchuk VV. Nalchik women's school and gymnasium (1860-1921). VII Slavic readings in Kabardino-Balkaria: Proceedings of the scientific and practical conference. Nalchik: Elbrus; 2004. P. 244-250. (In Russ.)

Научная статья

УДК 327 + 32.019

<https://doi.org/10.37493/2409-1030.2025.3.6>

ГОСУДАРСТВЕННЫЕ И ОБЩЕСТВЕННЫЕ УЧАСТНИКИ ПОЛИТИКИ ИСТОРИЧЕСКОЙ ПАМЯТИ В СОВРЕМЕННОЙ ИСПАНИИ

Максим Валерьевич Кирчанов

Воронежский государственный университет (1, Университетская пл., Воронеж, 394000, Российская Федерация)

Доктор исторических наук, доцент

maksym_kyrchanoff@hotmail.com; <https://orcid.org/0000-0003-3819-3103>

Аннотация. Введение. Автор в представленной статье анализирует национальные формы и особенности актуальной модели исторической политики в современной Испании, анализирует роль и место интеллектуальных сообществ как основных пространств генезиса памяти и функционирования мемориальной культуры и коллективной исторической памяти в современных общественных, идеологических и политических дискурсах Испании. **Материалы и методы.** Методологически статья основана на принципах интеллектуальной истории и истории идей, которые позволяют анализировать современные формы политически и идеологически мотивированного использования истории и прошлого посредством общественных дискурсов интеллектуальной активности публичных интеллектуалов. **Анализ.** В статье показано, что 1) интеллектуальное сообщество как один из системных сегментов современного испанского общества вносит значительный вклад в развитие и трансформацию мемориальной культуры, 2) спектр мемориальных практик испанских интеллектуалов ограничен преимущественно их участием в укреплении гражданской идентичности, 3) мемориальные практики современного интеллектуального сообщества взаимосвязаны с развитием гражданского дискурса и переосмыслением исторического опыта XX века через призму коллективной травмы. Кроме этого, автор анализирует участие интеллектуалов в мемориальной политике

современной Испании. **Результаты.** Предполагается, что именно актуальная вовлеченность в развитие мемориальной культуры актуализирует политическую и идеологическую гетерогенность общества. Историческая политика в современной Испании содействует параллельному соразвитию различных форм и измерений исторической памяти, генерируемых левыми, либеральными и правыми интеллектуалами. Роль гражданского общества в исторической политике является определяющей, а интеллектуальное сообщество будет оставаться среди активных участников политики коллективной памяти, включая войны памяти и мемориальные конфронтации.

Ключевые слова: Испания, коллективная память, интеллектуалы, историческая политика, войны памяти, исторический ревизионизм, культура памяти

Для цитирования: Кирчанов М. В. Государственные и общественные участники политики исторической памяти в современной Испании // Гуманитарные и юридические исследования. 2025. Т. 12. № 3. С. 401–408. <https://doi.org/10.37493/2409-1030.2025.3.6>

Конфликт интересов: автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Статья поступила в редакцию: 15.02.2025.

Статья одобрена после рецензирования: 18.04.2025.

Статья принята к публикации: 25.06.2025.

Research article

STATE AND ACTIVIST PARTICIPANTS IN THE POLICY OF HISTORICAL MEMORY IN MODERN SPAIN

Maksym W. Kyrchanoff

Voronezh State University (1, Universitetskaya sq., Voronezh, 394000, Russian Federation)

Dr. Sc. (History), Associate Professor

maksym_kyrchanoff@hotmail.com; <https://orcid.org/0000-0003-3819-3103>

Abstract. Introduction. The author analyzes the national forms and features of the current model of historical politics in modern Spain. The article studies the role and place of intellectual communities as the main collective actors and spaces of the genesis of memory and the functioning of memorial culture and collective historical memories in modern social, ideological and political discourses of Spain. **Materials and methods.** Methodologically the article is based on the principles of intellectual history and the history of ideas, which allow analysing modern forms of political and ideologically motivated use of history and the past through social discourses of intellectual activity of public intellectuals. **Analysis.** The article shows that 1) the intellectual community as one of the systemic segments of modern Spanish society makes a significant contribution to the development and transformation of memorial culture, 2) the range of memorial practices of Spanish intellectuals is limited primarily by their participation in strengthening civic identity, 3) memorial practices of the modern intellectual community are interconnected with the development of civil discourse and the revision of the historical experience of the 20th century through the prism of collective trauma. The author also analyzes the participation of intellectuals in the memorial policy of modern Spain. **Results.** It is assumed

that actual involvement of intellectuals in the development of memorial culture inspire the political and ideological heterogeneities of society. The author shows how historical politics in modern Spain promotes the parallel co-development of various forms and dimensions of historical memories generated by left-wing, liberal and right-wing intellectuals. It is implied that the role of civil society in historical politics is decisive, and the intellectual community will remain among active participants in the politics of collective memory, including memory wars and memorial confrontations.

Keywords: Spain, collective memory, intellectuals, historical politics, memory wars, historical revisionism, culture of memory

For citation: Kyrchanoff MW. State and activist participants in the policy of historical memory in modern Spain. Humanities and law research. 2025;12(3):401-408. (In Russ). <https://doi.org/10.37493/2409-1030.2025.3.6>

Conflict of interest: the author declares no conflicts of interests.

The article was submitted: 15.02.2025

The article was approved after reviewing: 18.04.2025.

The article was accepted for publication: 25.06.2025.

Введение. Историческая политика в современном мире принадлежит к числу тех универсальных стратегий и тактик, которыми пользуются правящие элиты для формирования таких коллективных представлений о прошлом, которые бы отвечали их идеологическим и культурным предпочтениям на актуальном этапе развития общества. Не является исключением из этой универсальной логики инструментализации истории и интеграции коллективных представлений о прошлом в арсенал мобилизационных ресурсов политических элит и современная Испания.

Принимая во внимание то, что «в обществах с разделенными памятьями и представлениями о своем недалеком прошлом историческая память обусловлена процессом культурного и социального конструирования» [19], то есть развитие исторической коллективной памяти и связанной с ней мемориальной культуры ставится в зависимость от тех политических проектов, которые реализуются правящими элитами, нередко стремящимися к преодолению фрагментации и консолидации общества. Поэтому целью данной статьи является анализ испанской общегражданской версии исторической памяти. В число задач автора входит 1) исследование системных особенностей исторической памяти в современной Испании, 2) анализ основных векторов исторической политики и проработки прошлого через призму мемориальных конфликтов и войн памяти, 3) выявление возможных перспектив развития коллективной памяти и мемориальной культуры в современной Испании.

Материалы и методы. Методологически представленная статья основана на принципах интеллектуальной истории и истории идей, что позволяет анализировать современные формы и тактики политически и идеологически мотивированной проработки прошлого в рамках общественных дискурсов как форму интеллектуальной активности публичных интеллектуалов. Поэтому национальные версии исторической памяти следует описывать и анализировать через призму истории идей, так как в современном обществе «коллективные памяти (например, фольклор, нарративы, публичные ритуалы, архитектура и пейзажи, образование и культура) были поставлены под контроль и управление» [22, р. 180].

Кроме этого, историческая политика на региональном уровне может быть проанализирована с помощью того методологического инструментария исторической науки, который предложен в рамках такого междисциплинарного направления, как новая культуральная история. В этом контексте различные представления о прошлом, актуализирующиеся в публичных и общественных пространствах, мы можем рассматривать как культурные и социальные конструкты, призванные играть различные роли, диапазон которых варьируется от консолидации

общества до его фрагментации в условиях политического и идеологического конфликта.

Анализ. *Историческая политика: испанская модель.* Испания принадлежит к числу тех стран, которые имеют свой уникальный опыт проведения исторической политики, что привело к формированию мемориальной культуры, отмеченной значительными как национальными, так и региональными особенностями и характеристиками. Исторически Испания развивалась как многосоставная композитная монархия, позднее превратившаяся в такое же гетерогенное государство-нацию, хотя в историографии высказываются предположения, что испанская модель национального строительства отличалась периферийностью, более медленными темпами протекания социальных, политических, экономических и культурных изменений, что не позволило гражданской нации институционализировать себя в полной мере в политических, социальных и культурных институтах.

Именно этот фактор оказывал самое существенное влияние на формирование коллективных представлений о прошлом в испанском обществе. Политика памяти, как полагает российский исследователь А. И. Миллер, «столь же неизбежна, как и политизация истории, нет обществ, начиная с племенных, которые так или иначе не регулировали бы эту сферу» [3, с. 7]. Историческая политика в Испании развивается в нескольких формах, включая дискуссии о прошлом в публичных пространствах гражданского общества, обсуждение спорных моментов истории в СМИ, фактическую политизацию и идеологизацию формально академической историографии. Все эти формы политики памяти укоренены социально и культурно, будучи связанными с различным социальным и культурным опытом тех акторов, которые вовлечены в формирование и воспроизводство исторической памяти [23].

В этом контексте следует принимать во внимание, что в данном случае речь идет не об академической исторической науке, но о тех версиях прошлого, которые представлены в различных формах и проявлениях коллективной исторической памяти. Таким образом, современная мемориальная культура в Испании развивается в условиях значительной и устойчивой тенденции к внутренней фрагментации. Мы можем предположить, что для развития мемориальной культуры в Испании характерна ситуация стабильной дихотомии. С одной стороны, существует коллективная версия прошлого, которая претендует на универсальный характер, выполняя роль консолидирующего фактора для развития всей испанской политической и гражданской нации в целом. С другой стороны, на региональном уровне могут развиваться альтернативные версии исторической коллективной памяти и представлений о прошлом в испанском обществе.

Юридические основания исторической политики в Испании. Проведение исторической политики в современной Испании и, как следствие, развитие современной коллективной памяти и мемориальной культуры закреплены на законодательном уровне. Испания относится к числу тех стран ЕС, где политические элиты, как минимум, трижды принимали мемориальные законы. Первый Закон об исторической памяти (*Ley de Memoria Histórica*) был принят в 2007 г. [18]. Действие закона было приостановлено в 2013–2014 гг. формально из-за финансовых ограничений, но фактически решение было принято по инициативе консервативного правительства М. Рахоя. В 2020 г. был принят предварительный Закон о демократической памяти, призванный заменить недействовавший закон 2007 г. Несмотря на то, что в конце 2000-х гг. французский историк С. Мишонно полагал, что Испания «устала от своего прошлого» [20, р. 5], принятие актуального и действующего мемориального закона, вероятно, свидетельствует не о примирении различных форм памяти, но и конфронтации между ее версиями. 21 октября 2022 г. в силу вступил новый Закон о демократической памяти (*Ley de Memoria Democrática*) [17], который действует в настоящее время.

Созданию законодательной базы проведения исторической политики на национальном уровне предшествовали усилия властей, связанные с демонтажом политического наследия Ф. Франко. Подобная политика имела два проявления: с одной стороны, предпринимались законодательные акты, направленные на пересмотр политики авторитарного режима, и, с другой, был реализован ряд мер по демонизации франкизма и формированию его негативного образа в публичных и общественных пространствах. Что касается юридического демонтажа франкизма, то в этом направлении были приняты законы, которые установили пенсии для испанцев, воевавших в годы гражданской войны на стороне Республики; проведена политическая амнистия жертв франкизма, и представлена возможность иностранным добровольцам, участникам интербригад, получить гражданство Испании.

В рамках реализации подобных мер был проведен ряд мероприятий, в результате которых жертвы франкизма были реабилитированы, были обнаружены и обнародованы места захоронений жертв репрессий, ограничена публичная демонстрация франкистских символов, участники интербригад получили возможность стать гражданами Испании, а потомки политических эмигрантов – восстановить испанское гражданство. Юридическое оформление исторической политики в Испании фактически превратило мемориальную культуру в относительно эффективный ресурс, используемый как для решения политических задач, так и для консолидации

идентичности и намеренного культивирования лояльности элитам, политика которых направлена на последовательный демонтаж франкистского политического наследия.

Несмотря на то, что в таких обществах различные версии исторической памяти формально развиваются плюроцентрично и допускается сосуществование и софункционирование различных идеологически несовместимых концепций политики, мемориальной культуры, таким образом, будут возникать и изменяться как совокупность идей, элементов и моделей поведения, предлагающих различные версии исторической памяти [21]. Именно поэтому в рамках такой политики в современной Испании фактически началась компания по демонтажу образов и символов франкизма из общественных и публичных пространств.

Начало такой политики фактически было положено еще в 2013 г., когда формально действовал Закон об исторической памяти 2007 г., так как именно тогда впервые публично было озвучено требование изменить название некоторых публичных пространств в Пелайос-де-ла-Преса, что, однако, не было реализовано. В дальнейшем такие идеи стали озвучиваться более активно и последовательно, но их реализация носила избирательный характер, ограничиваясь территорией некастильских автономных сообществ, где франкистское наследие маргинализировалось более активно и последовательно в отличие от других частей Испании. По мнению ряда историков, «движение за историческую память имеет смысл только в том случае, если оно формирует основу для построения демократической памяти, бросающей вызов всем гражданам» [16], но те практики и стратегии, которые применяются испанскими элитами в рамках реализации исторической политики, наоборот, стимулируют процессы фрагментации социума, содействуя усилению и консолидации в его мемориальной культуре альтернативных «памятей», что для Испании оказалось неизбежным, если принять во внимание гетерогенность общества и наличие параллельно развивающихся «памятей», само существование которых допускает различное отношение к франкизму [25].

Подобное восприятие феномена коллективной исторической памяти подчеркивает, что последняя представляет собой «многоуровневную информационную систему, в структуру которой входит не только феномен индивидуальной памяти, но и структуры надиндивидуальной памяти» [2, р. 8]. Вместе с тем следует признать, что создание законодательной базы для проведения исторической политики имело свои положительные последствия, так как Испания, с одной стороны, «перестала быть европейской аномалией: в то время как другие демократии в Европе после фашистского варварства, вызвавшего Вторую мировую войну и нацизм, были основаны на парадигме антифашизма, испанская демократия была основана на

парадигме забвения и мифе о «преодолении» прошлого... Поэтому непонимание настоящего неизбежно вытекало из незнания прошлого, так как нельзя построить будущее, имея прошлое, основываясь на безнаказанности» [13]. С другой стороны, среди экспертов высказываются, как правило, позитивные мнения в отношении закона, нередко основанные на его идеалистическом восприятии.

Мигель Анхель Андрес Льямас, например, полагает, что «принятие в Испании Закона о демократической памяти представляет собой значительный прогресс в признании жертв войны и диктатуры Франко, а также в реализации всеобъемлющей политики общественной памяти, мирного сосуществования и конституционных ценностей» [5], хотя второй принцип носит формальный характер, так как фактически реализация закона стимулирует и фрагментацию социума, и актуализацию альтернативных версий исторической памяти, основанных на ином видении франкизма, на деконструкцию наследия которого направлена историческая политика, проводимая современными правящими элитами.

К середине 2020-х гг. Испания, таким образом, получила уникальный опыт как проведения исторической политики, так и стимулирования развития определенной модели мемориальной культуры, что реализовывалось на государственном уровне. Вместе с тем такая политика не стала фактором консолидации социума, актуализируя и визуализируя многочисленные политические и идеологические противоречия, связанные с восприятием наследия франкистского режима как основного объекта исторической политики. Поэтому на протяжении первой половины 2020-х гг. общество функционировало как фрагментированное и неконсолидированное, а линия раскола проходила по вопросам восприятия франкизма, вокруг которого проводилась политика памяти и выстраивалась соответствующая модель мемориальной культуры.

Центр документации исторической памяти как участник мемориальной политики. Мемориальная культура имплементируется в современное испанское общество не только законодательно, но и институционально, что соотносится с общей логикой инструментализации истории для решения политических задач. Если для одних обществ характерно «отсутствие общественных институтов, которые могли бы стать форумом для обсуждения болезненных конфликтов» [1, р. 110], связанных с историческим опытом и памятью, то в Испании мемориальная культура определяется именно такими институциями. По мнению немецкой исследовательницы Ю. Шеррер, «в последние десятилетия в публичном общественно-политическом дискурсе, журналистике и исторических исследованиях доминируют концепты исторической политики, политики прошлого, политики идентичности и политики памяти. Это позволяет связать воеди-

но такие понятия, как памятные места и мемориалы, культура памяти, культура истории и историческое сознание, но прежде всего определить соотношение истории и памяти» [4, р. 89]. Наиболее эффективные методы такого применения истории связаны с попытками создания специализированных институций.

В то время как в ряде стран Европы действуют Институты национальной памяти, в Латинской Америке подобную им роль играли комиссии, направленные на примирение и консолидацию общества, то в современной Испании Центр документации исторической памяти (Centro Documental de la Memoria Histórica), созданный в 2007 г. и расположенный на территории Саламанки, фактически выполняет функции, аналогичные тем, что играли комиссии в Южной Америке и имеют современные институты памяти в Европе. Подобно тому, как в странах Западного полушария роль комиссий сводилась к расследованию деятельности военных недемократических режимов, а институты памяти в периферийных европейских государствах сфокусированы на деконструкции коммунистического наследия, формировании и продвижении его негативного образа, активность Центра в Испании ограничена изучением периода франкизма через призму коллективной памяти.

В связи с этим каталонскими интеллектуалами признается, что активность подобных институций актуализирует и визуализирует «разницу между историей и памятью, которая, несомненно, заключается в методе» [7]. Поэтому активисты исторической политики, как правило, не ограничены нормами академической этики, что содействует большей политизации и идеологизации истории. В структуру Центра входит Генеральный архив гражданской войны в Испании (Archivo General de la Guerra Civil Española), учрежденный в 1999 г. [15]. В целом активность этой общей мемориальной институции, представленной Центром и Архивом, в современной Испании ограничена как изучением истории гражданской войны и франкизма, так и формированием и продвижением соответствующих образов этих событий в мемориальной культуре испанского общества, его публичных и общественных пространствах.

Комментируя такую направленность деятельности институций памяти в Испании, Марие Христовой, научный сотрудник Института перспективных исследований Уорикского университета, подчеркивает, что, «когда мы говорим в Испании об «исторической памяти», мы имеем в виду травмирующее прошлое Гражданской войны и франкизма... речь идет о ранее замалчивавшихся воспоминаниях о жертвах Гражданской войны, которые обрели видимость в наше время, когда мы начали задавать вопросы, проявляя тревожность относительно опыта насилия после длительного периода молчания, установ-

ленного при режиме Франко, и «согласованного» молчания во время Перехода к демократии» [16]. Современная историческая политика испанского общества активно использует образы франкизма, что указывает на зависимость политики памяти от идеологической конъюнктуры.

Поэтому «деидеологизация истории имеет важное политическое значение и может использоваться политическими элитами для формирования определенного взгляда на историю как инструмент в создании новых национальных идентичностей» [12, р. 713]. Более того, восприятие франкистского политического, культурного и исторического наследия в современной Испании указывает на то, что «неотъемлемой частью политики памяти является политика “забывания”. Забывание может быть “вытесняющим”, когда общество не касается определенных, чаще всего недавних событий как особенно болезненных и конфликтогенных. Примером вытесняющего забывания может служить отношение к гражданской войне в Испании после падения франкистского режима» [3, с. 11].

Мемориальная культура в этом контексте развивается односторонне, активно используя символические ресурсы конструирования образа жертвы, игнорируя потенциал других сюжетов, которые могли бы стать объектами исторической политики, будучи интегрированными в мемориальную культуру. Вместе с тем такая стратегия вскрывает реальные проблемы функционирования коллективной памяти, так как, по мнению экспертов, современное общество в своих мемориальных практиках реализует крайне избирательный подход. Поэтому «испанские студенты знают о нацизме больше, чем о франкизме, поскольку преступления, совершенные диктатурой, никогда в достаточной степени не изучались» [13].

В современной Испании становятся все более заметны тенденции к последовательной гомогенизации памяти, ее унификации, маргинализации и вытеснению других версий истории и прошлого, которые могли бы сформировать основу «контрпамятей» и альтернативных мемориальных культур. Подобно другим странам Европы, где проведение исторической политики инициировано политическими элитами и контролируется государством, активность Центра не содействует консолидации общества, наоборот, стимулирует процессы его фрагментации наличием в социуме различных восприятий гражданской войны и франкизма, что указывает на одновременное и параллельное соразвитие в современной Испании нескольких исторических «памятей», основанных на мемориальных культурах, которые взаимоисключают относительно друг друга.

Ассоциация по восстановлению исторической памяти как форма мемориального активизма. Государство, направляющее проведение

исторической политики законодательно и созданные по его инициативе институции, формирующие мемориальную культуру, не являются единственными участниками политики памяти в современной Испании, где особую роль в ее проведении на национальном уровне играют активисты памяти, которых в испанской историографии определяют как «мемориалистов» [14], консолидирующиеся вокруг разного рода объединений, крупнейшим из которых следует признать Ассоциацию по восстановлению исторической памяти (Asociación para la Recuperación de la Memoria Histórica), деятельность которой с 2007 по 2011 г. финансировалась государством. В этом отношении деятельность Ассоциации фактически оказалась направленной не просто на дискуссию в рамках развития мемориальной культуры, но свелась к попыткам утвердить в обществе идею, что Испания нуждается в официальной исторической памяти [27], основанной на осуждении франкизма.

Сторонники такой версии исторической памяти стремились максимально монополизировать свое участие и вклад в формирование мемориальной культуры, декларируя в качестве цели «преодоление того глубокого молчания, которое не может быть прервано до тех пор, пока память о гражданской войне, франкизме и переходном периоде не будет рассматриваться открыто и с демократической точки зрения» [6], что фактически не только исключало, но и маргинализировало в рамках мемориальной традиции те ее уровни, которые актуализировали позитивное или даже умеренное восприятие франкизма. Ассоциация, с которой сотрудничает около пяти тысяч волонтеров, занимается эксгумацией жертв политических репрессий франкистского режима, последовательно критикуя последний, формируя и продвигая в общественных пространствах его исключительно негативный образ. Принимая во внимание то, что активисты памяти сосредоточены на решении преимущественно этих задач, в историографии высказывается мнение, что мемориальная культура испанского общества оказалась зависимой от внутривнутриполитической конъюнктуры, основанной почти исключительно на дебатах относительно гражданской войны, франкизма и репрессий [8].

В связи с этим в испанском обществе на национальном уровне присутствует консенсус относительно того, что «в Испании многие жертвы гражданской войны и диктатуры Франко все еще ждут истины, справедливости и возмещения ущерба» [9]. Поэтому причиной появления Ассоциации стало то, что, по мнению ее активистов, власти избрали тактику «институционального пренебрежения», предпочитая игнорировать запросы представителей гражданского общества и родственников жертв франкизма. Поэтому активисты исторической политики в современном испанском обществе в сложившейся ситуации полагают, что

«насильственные исчезновения не только должны рассматриваться как гуманитарная проблема, требующая безотлагательного решения, но и виновные в этих преступлениях также должны быть привлечены к ответственности, чтобы избежать безнаказанности» [11].

В рамках этой деятельности активисты исторической политики формируют архив личных дел жертв франкистского режима, стремясь к активному сотрудничеству с академическим сообществом и указывая на важность и необходимость создания специализированной комиссии профессиональных историков, которые вынесли бы экспертное заключение в отношении режима Ф. Франко и проводимой им политики. Кроме этого, создается фонд писем родственников погибших в период авторитаризма Ф. Франко. Начиная с 2000 г. Ассоциация получила также около 15 тысяч электронных писем с информацией о местах захоронений жертв франкистского террора. В результате деятельности активистов было установлено 400 мест подобных захоронений. В целом с 2000 г. было проведено более 150 эксгумаций, что позволило восстановить личности 1 400 жертв политического террора.

Помимо эксгумаций, с одной стороны, Ассоциация занимается формированием и продвижением в публичных и общественных пространствах негативного образа франкизма. Подобная стратегия исторической политики основана преимущественно на актуализации опыта прошлого через призму коллективной травмы, стимулируя интеграцию последнего «в индивидуальную, семейную, групповую и общественную идентичность, поскольку он вплетен в отношения и нарративы» [24]. Формируя и последовательно продвигая отрицательное восприятие режима Ф. Франко, Ассоциация указывает на необходимость открытия доступа к военным архивам, автоматического аннулирования всех обвинительных приговоров, которые в период его пребывания у власти были вынесены в отношении противников режима.

С другой стороны, не связанные с испанским правительством акторы исторической политики указывают на опасность реставрации политической идеологии франкизма в современной Испании, проявлением чего, по их мнению, является стремление государственных служащих игнорировать запросы на эксгумацию и нежелание с их стороны демонтировать символы, связанные с франкизмом, воспринимаемым активистами мемориальной политики как «худшие годы в истории Испании» [26]. Несмотря на деятельность активистов исторической

политики, в современном испанском обществе присутствуют силы, которые «считают прошлое сложной и неудобной правдой, заслоняющей путь вперед» [10].

Результаты. На национальном уровне манипуляции с историей в рамках исторической политики подчинены целям политизации и идеологизации прошлого. Подобные стратегии позволяют правящим политическим элитам превратить прошлое в эффективный мобилизационный политический ресурс. Если ранее история использовалась как инструмент консолидации авторитарного режима, то начиная с конца 1970-х годов история актуализировала свои качественно иные функции. Последние оказались востребованными испанскими правящими политическими силами в начале 2020-х гг., когда в условиях социально-экономического и политического кризиса история стала восприниматься как относительно эффективный и действенный механизм консолидации.

Поэтому современная историческая политика и воспроизводимая ею на национальном уровне мемориальная культура может быть определена как либеральная или демократическая, потому что основные задачи исторической политики в современной Испании связаны с проработкой тех коллективных травм, которые национальная память получила и во время гражданской войны, и в период авторитарной диктатуры Франсиско Франко. В этом контексте историческая политика актуализирует свои инструменталистские функции, содействуя подчинению академической исторической науки логике и целям политических правящих элит, которые начинают использовать историю для консолидации собственного политического режима.

Таким образом, в современном испанском обществе заметны тенденции не только к фрагментации исторической памяти, так как сохраняются одновременно и параллельно сосуществующие различные формы памяти, основанные на разном восприятии испанского исторического и политического опыта гражданской войны и диктатуры Франсиско Франко. Поэтому наряду с демократическими версиями исторической культуры существуют другие мемориальные традиции и практики, основанные на идеализации и героизации авторитарного режима. И мы можем констатировать состояние мемориального конфликта и войн памяти в современном испанском обществе, которое в ближайшей хронологической перспективе, вероятно, не будет преодолено.

Литература

1. Астров А. Эстония: политическая борьба за место в истории // *Pro et contra*. 2009. Май – август. С. 109–124.
2. Макаров А. И. Историческая память: конструкция или реконструкция? // *Историческая экспертиза*. 2014. № 1. С. 4–10.
3. Миллер А. Россия: власть и история // *Pro et contra*. 2009. Май – август. С. 6–24.
4. Шеррер Ю. Германия и Франция: проработка прошлого // *Pro et contra*. 2009. Май – август. С. 89–108.

5. Andrés Llamas M. Á. La Ley de Memoria Democrática: un sólido avance para España // *Diritti Comparati*. 2022. Novembre 15. URL: <https://www.diritticomparati.it/la-ley-de-memoria-democratica-un-solido-avance-para-espana/> (accessed: 25.03.2025).
6. Atilés-Osoria J. M. Aguilar Fernández, Paloma, Políticas de la memoria y memorias de la política. El caso español en perspectiva comparada // *Revista Crítica de Ciências Sociais*. 2010. No. 88. URL: <http://journals.openedition.org/rccs/1674> (accessed: 25.03.2025): <https://doi.org/10.4000/rccs.1674>
7. Barquer i Cerdà A. La lluita per la memòria històrica i la relació amb la producció cultural. URL: <https://kult.coop/la-lluita-per-la-memoria-historica-i-la-relacio-amb-la-produccio-cultural/> (accessed: 25.03.2025).
8. Bernecker W. La memoria histórica en España: un pasado más actual que nunca // *Versants. Revista Suiza De Literaturas románicas*. 2020. No. 3(67). P. 119 – 141. <https://doi.org/10.22015/V.RSLR/67.3.10>
9. Bonjoch A. La necesidad de recordar // *Goethe-Institut Barcelona*. 2015. Agosto. URL: <https://www.goethe.de/ins/es/es/kul/sup/eri/20686611.html> (accessed: 25.03.2025).
10. Boven T. van, Verdad y negación // *Por la paz*. 2020. No. 38. URL: <https://www.icip.cat/perlapau/es/articulo/verdad-y-negacion/?pdf> (accessed: 25.03.2025).
11. Calvet Martínez E. El fenómeno de las desapariciones forzadas en transiciones hacia la paz // *Por la paz*. 2020. No. 38. URL: <https://www.icip.cat/perlapau/es/articulo/el-fenomeno-de-las-desapariciones-forzadas-en-transiciones-hacia-la-paz/?pdf> (accessed: 25.03.2025).
12. Cvijic S. Swinging the Pendulum: World War II History, Politics, National Identity and Difficulties of Reconciliation in Croatia and Serbia // *Nationalities Papers*. 2008. Vol. 36. No. 4. P. 713–740.
13. Díez Gutiérrez E. J. La memoria histórica democrática de las mujeres en la escuela // *El País*. 2024. Februar 21. URL: <https://elpais.com/educacion/2024-02-21/la-memoria-historica-democratica-de-las-mujeres-en-la-escuela.html> (accessed: 25.03.2025).
14. García Comenares P. La memoria histórica en España. Valladolid: Ediciones Universidad de Valladolid, 2021. 308 p.
15. Guereña J.-L. Archivos y memoria de la Guerra Civil. En torno al “Archivo de Salamanca” // *Amnis. Revue d'études des sociétés et cultures contemporaines Europe-Amérique*. 2011. No. 2. URL: <http://journals.openedition.org/amnis/1521> (accessed: 25.03.2025) DOI: <https://doi.org/10.4000/amnis.1521>
16. Hristova M. La lucha por la memoria histórica en España: más allá de la genealogía y las generaciones // *Por la paz*. 2020. No. 38. URL: <https://www.icip.cat/perlapau/es/articulo/la-lucha-por-la-memoria-historica-en-espana-mas-alla-de-la-genealogia-y-las-generaciones/?pdf> (accessed: 25.03.2025).
17. Ley 20/2022, de 19 de octubre, de Memoria Democrática. URL: <https://www.boe.es/eli/es//2022/10/19/20> (accessed: 25.03.2025).
18. Ley de la Memoria Histórica (Ley 52/2007 de 26 de Diciembre). URL: <https://www.mpr.gob.es/memoriademocratica/normativa-y-otros-recursos/Paginas/ley-memoria-historica.aspx> (accessed: 25.03.2025).
19. Martínez-Rodríguez R., Sánchez-Agustí M., Muñoz-Labraña C. Enseñar un pasado controvertido desde un presente polarizado: la memoria histórica en España desde la perspectiva docente // *Revista de Estudios Sociales*. 2022. No 81. P. 93–112. URL: <https://journals.openedition.org/revestudsoc/52852> (accessed: 25.03.2025). <https://doi.org/10.7440/res81.2022.06>
20. Michonneau S. Espagne. Les fantômes de la guerre civile et du franquisme // *Grande Europe*. 2009. No. 6. P. 4–13.
21. Misses-Liwerant J. Política y memoria. Pluralizando los escenarios del pasado y del presente // *Revista mexicana de ciencias políticas y sociales*. 2014. Vol. 59. No. 221. URL: https://www.scielo.org.mx/scielo.php?script=sci_arttext&pid=S0185-19182014000200001 (accessed: 25.03.2025).
22. Outhwaite W., Ray L. *Modernity, Memory and Postcommunism* // *Social Theory and Postcommunism* / eds. W. Outhwaite, L. Ray. L. NY.: Blackwell Publishing Ltd, 2005. P. 176–197.
23. Ruiz Torres P. Los discursos de la memoria histórica en España // *Hispania Nova: Revista de historia contemporánea*. 2007. No. 7. URL: <http://hispanianova.rediris.es/7/dossier/07d001.pdf> (accessed: 25.03.2025).
24. Salazar Serna K. Un abrazo resiliente. Relevancia del acompañamiento en casos de desaparición forzada // *Por la paz*. 2020. No. 38. URL: <https://www.icip.cat/perlapau/es/articulo/un-abrazo-resiliente-relevancia-del-acompanamiento-en-casos-de-desaparicion-forzada/?pdf> (accessed: 25.03.2025).
25. Torres Gutiérrez A. Memoria histórica y democracia en España: la tensión entre memoria, justicia y olvido, respecto al franquismo // *Civitas Europa*. 2022. No. 1 (48). P. 125–151.
26. Vestigios franquistas. URL: <https://memoriahistorica.org.es/ambito-juridico-vestigios-franquistas/> (accessed: 25.03.2025).
27. Yusta Rodrigo M. ¿“Memoria versus justicia”? La “recuperación de la memoria histórica” en la España actual // *Amnis*. 2011. No. 2. URL: <http://journals.openedition.org/amnis/1482> (accessed: 25.03.2025). <https://doi.org/10.4000/amnis.1482>.

References

1. Astrov A. Estonia: the political struggle for a place in history. *Pro et contra*. 2009;May-August:109-124. (In Russ.)
2. Makarov A.I. Historical memory: construction or reconstruction? *Historical expertise*. 2014;(1):4-10. (In Russ.)
3. Miller A. Russia: power and history. *Pro et contra*. 2009;May-August:6-24. (In Russ.)
4. Scherrer J. Germany and France: working through the past. *Pro et contra*. 2009;May-August:89-108. (In Russ.)
5. Andrés Llamas M.Á. La Ley de Memoria Democrática: un sólido avance para España. *Diritti Comparati*. 2022. Novembre 15. Available from: <https://www.diritticomparati.it/la-ley-de-memoria-democratica-un-solido-avance-para-espana/> [Accessed 25 March 2025].
6. Atilés-Osoria J.M. Aguilar Fernández, Paloma, Políticas de la memoria y memorias de la política. El caso español en perspectiva comparada. *Revista Crítica de Ciências Sociais*. 2010;(88). Available from: <http://journals.openedition.org/rccs/1674> [Accessed 25 March 2025]. <https://doi.org/10.4000/rccs.1674>
7. Barquer i Cerdà A. *La lluita per la memòria històrica i la relació amb la producció cultural*. Available from: <https://kult.coop/la-lluita-per-la-memoria-historica-i-la-relacio-amb-la-produccio-cultural/> [Accessed 25 March 2025].

8. Bernecker W. La memoria histórica en España: un pasado más actual que nunca. *Versants. Revista Suiza De Literaturas románicas*. 2020;3(67):119-141. <https://doi.org/10.22015/V.RSLR/67.3.10>
9. Bonjoch A. La necesidad de recordar. *Goethe-Institut Barcelona*. 2015. Agosto. Available from: <https://www.goethe.de/ins/es/es/kul/sup/eri/20686611.html> [Accessed 25 March 2025].
10. Boven T. van, Verdad y negación. *Por la paz*. 2020;(38). Available from: <https://www.icip.cat/perlapau/es/articulo/verdad-y-negacion/?pdf> [Accessed 25 March 2025].
11. Calvet Martínez E. El fenómeno de las desapariciones forzadas en transiciones hacia la paz. *Por la paz*. 2020;(38). Available from: <https://www.icip.cat/perlapau/es/articulo/el-fenomeno-de-las-desapariciones-forzadas-en-transiciones-hacia-la-paz/?pdf> [Accessed 25 March 2025].
12. Cvijic S. Swinging the Pendulum: World War II History, Politics, National Identity and Difficulties of Reconciliation in Croatia and Serbia. *Nationalities Papers*. 2008;36(4):713-740.
13. Díez Gutiérrez E.J. La memoria histórica democrática de las mujeres en la escuela. *El País*. 2024. Februar 21. Available from: <https://elpais.com/educacion/2024-02-21/la-memoria-historica-democratica-de-las-mujeres-en-la-escuela.html> [Accessed 25 March 2025].
14. García Comenares P. *La memoria histórica en España*. Valladolid: Ediciones Universidad de Valladolid, 2021. 308 p.
15. Guereña J-L. Archivos y memoria de la Guerra Civil. En torno al "Archivo de Salamanca". *Amnis. Revue d'études des sociétés et cultures contemporaines Europe-Amérique*. 2011;(2). Available from: <http://journals.openedition.org/amnis/1521> [Accessed 25 March 2025]. <https://doi.org/10.4000/amnis.1521>
16. Hristova M. La lucha por la memoria histórica en España: más allá de la genealogía y las generaciones. *Por la paz*. 2020;(38). Available from: <https://www.icip.cat/perlapau/es/articulo/la-lucha-por-la-memoria-historica-en-espana-mas-alla-de-la-genealogia-y-las-generaciones/?pdf> [Accessed 25 March 2025].
17. *Ley 20/2022, de 19 de octubre, de Memoria Democrática*. Available from: <https://www.boe.es/eli/es/l/2022/10/19/20>
18. *Ley de la Memoria Histórica (Ley 52/2007 de 26 de Diciembre)*. Available from: <https://www.mpr.gob.es/memoriademocratica/normativa-y-otros-recursos/Paginas/ley-memoria-historica.aspx> [Accessed 25 March 2025].
19. Martínez-Rodríguez R., Sánchez-Agustí M., Muñoz-Labraña C. Enseñar un pasado controvertido desde un presente polarizado: la memoria histórica en España desde la perspectiva docente. *Revista de Estudios Sociales*. 2022;(81):93-112. Available from: <https://journals.openedition.org/revestudsoc/52852> [Accessed 25 March 2025]. <https://doi.org/10.7440/res81.2022.06>
20. Michonneau S. Espagne. Les fantômes de la guerre civile et du franquisme. *Grande Europe*. 2009;(6):4-13.
21. Misses-Liwerant J. Política y memoria. Pluralizando los escenarios del pasado y del presente. *Revista mexicana de ciencias políticas y sociales*. 2014;59(221). Available from: https://www.scielo.org.mx/scielo.php?script=sci_arttext&pid=S0185-19182014000200001 [Accessed 25 March 2025].
22. Outhwaite W., Ray L. Modernity, Memory and Postcommunism. Outhwaite W., Ray L. eds. *Social Theory and Postcommunism*. L. – NY.: Blackwell Publishing Ltd; 2005. P. 176-197.
23. Ruiz Torres P. Los discursos de la memoria histórica en España. *Hispania Nova: Revista de historia contemporánea*. 2007;(7). Available from: <http://hispanianova.rediris.es/7/dossier/07d001.pdf> [Accessed 25 March 2025].
24. Salazar Serna K. Un abrazo resiliente. Relevancia del acompañamiento en casos de desaparición forzada. *Por la paz*. 2020;(38). Available from: <https://www.icip.cat/perlapau/es/articulo/un-abrazo-resiliente-relevancia-del-acompanamiento-en-casos-de-desaparicion-forzada/?pdf> [Accessed 25 March 2025].
25. Torres Gutiérrez A. Memoria histórica y democracia en España: la tensión entre memoria, justicia y olvido, respecto al franquismo. *Civitas Europa*. 2022;1(48):125-151.
26. *Vestigios franquistas*. Available from: <https://memoriahistorica.org.es/ambito-juridico/vestigios-franquistas/> [Accessed 25 March 2025].
27. Yusta Rodrigo M. ¿"Memoria versus justicia"? La "recuperación de la memoria histórica" en la España actual. *Amnis*. 2011;(2). Available from: <http://journals.openedition.org/amnis/1482> [Accessed 25 March 2025]. <https://doi.org/10.4000/amnis.1482>.

Научная статья

УДК 94 (470.6)“18”

<https://doi.org/10.37493/2409-1030.2025.3.7>

РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ ГОРСКИХ НАРОДОВ СЕВЕРНОГО КАВКАЗА В ТВОРЧЕСКОМ НАСЛЕДИИ Д. А. МИЛЮТИНА

Татьяна Александровна Колосовская^{1*}, Сергей Андреевич Сурай²

^{1, 2} Северо-Кавказский федеральный университет (д. 1, ул. Пушкина, Ставрополь, 355017, Российская Федерация)

¹ Доктор исторических наук, доцент
tkolosovskaia@ncfu.ru, <https://orcid.org/0000-0001-6770-7711>

² Лаборант
sergey09112003@icloud.com, <https://orcid.org/0009-0001-9618-8823>

* Автор, ответственный за переписку

Аннотация. Введение. «Открытие» Кавказа в ходе присоединения и интеграции региона в государственное пространство Российской империи является одним из актуальных направлений в отечественной и зарубежной историографии. Его активными участниками были военные, среди которых выделяется фигура известного деятеля XIX в. Д.А. Милютин. **Материалы и методы.** Описание народов Северного Кавказа нашло отражение в его трудах военно-статистического и историко-этнографического характера. Наряду с опубликованными сочинениями в статье активно используются заметки, подготовленные им в конце 1830-х – 1840-е гг. по итогам службы в Отдельном Кавказском корпусе и хранящиеся сейчас в Научно-исследовательском отделе рукописей Российской государственной библиотеки. Их анализ с позиций исторической имагологии позволил понять и объяснить особенности репрезентации Милютиным северокавказских горцев. **Анализ.** Будучи профессиональным военным, он изучал этнические особенности Северного Кавказа с практической точки зрения, для решения текущих задач. В фокусе его рассмотрения оказались горские народы, их общественное устройство, социальные и бытовые особенности, духовная культура, традиции и менталитет. Ему удалось показать этническое многообразие жителей Кавказа, с учетом которого империя могла искать средства утверждения своего влияния в регионе. **Результаты.** Как и большинство военных авторов своего времени Милютин не избежал стереотипных представлений о горцах, а созданный им образ «другого» показывал их в качестве противников утверждения российского присутствия в регионе. Заслуга Милютин в том, что свои

ми кавказскими нарративами он готовил почву для постепенного перехода от представления о горцах как о врагах к принятию их в качестве новых подданных империи. Активно развивающаяся служебная карьера Милютин не позволила ему реализоваться как ученому. Тем не менее, собранные им сведения о северокавказских горцах вошли в состав той эмпирической базы, на основе которой в дальнейшем стало развиваться этнографическое направление отечественного кавказоведения.

Ключевые слова: Д. А. Милютин, Северный Кавказ, Российская империя, кавказоведение, этнография, интеграция, горцы

Для цитирования: Колосовская Т. А., Сурай С. А. Репрезентация горских народов Северного Кавказа в творческом наследии Д. А. Милютин // Гуманитарные и юридические исследования. 2025. Т. 12. № 3. С. 409–419. <https://doi.org/10.37493/2409-1030.2025.3.7>

Конфликт интересов: авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Вклад авторов: все авторы внесли равный вклад в подготовку публикации.

Благодарности: исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 25-28-00152, <https://rscf.ru/project/25-28-00152/>

Статья поступила в редакцию: 14.02.2025.

Статья одобрена после рецензирования: 15.04.2025.

Статья принята к публикации: 25.06.2025.

Research article

REPRESENTATION OF THE MOUNTAIN PEOPLES OF THE NORTH CAUCASUS IN THE HERITAGE OF D. A. MILYUTIN

Tatiana A. Kolosovskaya^{1*}, Sergey A. Suray²

^{1, 2} North-Caucasus Federal University (1, Pushkina St., Stavropol, 355017, Russian Federation)

¹ Doctor. Sc. (History), Associate Professor
tkolosovskaya@ncfu.ru, <https://orcid.org/0000-0001-6770-7711>

² Laboratory assistant
sergey09112003@icloud.com, <https://orcid.org/0009-0001-9618-8823>

* Corresponding author

Abstract. Introduction. The Caucasus “exposure” as an imperial subject in the process of acquisition of the region looks to be one of the significant issues of modern history studies. The Russian ranks and files, including D.A. Milyutin – the gifted serviceman of the XIX c. – were its active participants. **Materials and methods.** The description of the North Caucasus peoples was set in the papers of a military-statistical and historical-ethnographic character. Together with the articles, we use some manuscripts written by D.A. Milyutin in the late 1830s – 1840s whilst his Caucasus Corps service and now kept in the Scientific Research Department of Manuscripts of the Russian State Library. The analysis from the point of historical

imagology helps to understand and explain the plot of Milyutin way of the North Caucasian highlanders representation. **Analysis.** As a professional serviceman, he studied the North Caucasus peoples’ ethnic characteristics of from some practical point. The focus of his examination was on mountain dwellers, include their social structure and everyday characteristics, culture, traditions and mentality. He managed to show the ethnic diversity of the Caucasus inhabitants, taking into consideration the point of extending the Russian empire influence in the region. **Results.** Like most military authors then, Milyutin followed the stereotypical ideas about the highlanders. The image of the “Other” he created, showed them as the nuisance of the

Russian presence in the region. Milyutin's merit is that by the Caucasian narratives he prepared the ground for a gradual shift from the idea of "the highlanders as enemies" to their acceptance as "new subjects of the Empire". Milyutin's rapidly developing military career did not allow to expose himself as a scientist. Anyway, the information he collected about the North Caucasus highlanders formed a part of the empirical base for the ethnographic direction of Russian Caucasian studies developing subsequently.

Keywords: D. A. Milyutin, North Caucasus, Russian Empire, Caucasus studies, ethnography, integration, highlanders

For citation: Kolosovskaya TA, Suray SA. Representation of the mountain peoples of the North Caucasus. Humanities and law

Введение. Введение. Кавказ занимал уникальное положение на этнической карте Российской империи. «...Нигде, на таком же пространстве, нельзя встретить столько разнообразия в чертах лица, в характере, религии, нравах, обычаях, как в этих народах, представляющих глазам путешественника такую чудную смесь», – делился своими путевыми впечатлениями побывавший на Кавказе в 1843 г. писатель барон А. Гакстгаузен [3, с. 288]. Значительные усилия, которые предпринимала тогда империя для закрепления в регионе, сопровождались постепенным накоплением знаний о местном населении, его быте и традициях. По мере умиротворения края формировался корпус текстов (статистические описания, записки, травелоги, литературные сочинения и др.), которые отражали восприятие края в России.

Процесс «открытия» Кавказа активно изучается в последние десятилетия отечественной и зарубежной исторической наукой [1, 5, 25]. Наряду с исследовательскими статьями из печати выходят документальные сборники, позволяющие увидеть и понять особенности восприятия кавказской окраины империи современниками и порой непосредственными участниками процесса присоединения и интеграции региона в общеимперское государственное пространство [19]. Эти работы показывают, что формирование представлений о Кавказе и его народах происходило при активном участии военных. Одним из них был Дмитрий Алексеевич Милютин (1816–1912) – выдающийся государственный деятель и, по меткой оценке историка Е. В. Тарле, лучший военный министр, которого когда-либо знала императорская Россия [20, с. 42].

Начало служебной карьеры Д. А. Милютина оказалось непосредственно связано с Кавказом, где ему суждено было провести (с перерывами) более 20 лет, с 1839 г. по 1861 г. Первый раз он был командирован в регион в 1839 г. молодым офицером для получения боевого опыта. В 1843–1844 гг. Дмитрий Алексеевич занимал должность начальника штаба войск Кавказской линии и Черномории. Собранные тогда сведения о регионе пригодились ему для разработки учебного курса по военной статистике Кавказа, который он преподавал в Военной академии Генерального штаба во второй половине 1840-х – начале 1850-х гг. Наконец, в 1856 г. он возглавил штаб Кавказской армии (1856–1860) и стал непосредственным участником

research. 2025;12(3):409-419. (In Russ).
<https://doi.org/10.37493/2409-1030.2025.3.7>

Conflict of interest: the authors declare no conflicts of interests.

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article.

Acknowledgments: the study has been funded by the Russian Science Foundation, № 25-28-00152, <https://rscf.ru/project/25-28-00152/>

The article was submitted: 14.02.2025

The article was approved after reviewing: 15.04.2025.

The article was accepted for publication: 25.06.2025.

военно-политических событий завершающего этапа Кавказской войны [18].

Материалы и методы. Личность Д. А. Милютина, его военная служба на Кавказе, а также подготовленные им кавказские материалы уже неоднократно становились предметом изучения историков. В поле зрения исследователей попадали в первую очередь воспоминания и аналитические записки, в которых Милютин анализировал причины и характер Кавказской войны, пытался разобраться в обстоятельствах неудач силовых действий в регионе, предлагал военно-технические усовершенствования и меры по повышению эффективности российской политики в крае [2; 23]. Военно-стратегическим взглядам Милютина, его видению решения вопроса «умиротворения» Кавказа посвящен недавно вышедший из печати документальный сборник [4]. Гораздо меньше внимания уделяется этнографическим сюжетам в творческом наследии военного исследователя. Хотя Д. С. Ткаченко исследовал его нарративы в контексте влияния на них ориенталистского дискурса [21; 22], вопрос участия Милютина в формировании этнографического направления отечественного кавказоведения заслуживает продолжения изучения.

В рамках настоящей статьи проанализируем представления Д. А. Милютина о горских народах Северного Кавказа, их общественном устройстве, социальных и бытовых особенностях, духовной культуре, традициях и менталитете. Выявим, насколько полно они отражали местные реалии и расширяли знание об этнографии региона. Такой ракурс рассмотрения творческого наследия Милютина позволит взглянуть на него не только как на военного и государственного деятеля, принимавшего непосредственное участие в интеграции новой окраины России, но и как на ученого, повлиявшего на развитие отечественного кавказоведения.

Описание народов Северного Кавказа нашло отражение главным образом в трудах Милютина военно-статистического и историко-этнографического характера. Некоторые из них опубликованы [8–10]. При этом другая часть хранится в личном фонде Милютиных (Ф. 169) в Научно-исследовательском отделе рукописей Российской государственной библиотеки и пока недостаточно осмыслена исследователями. Речь идет о «Материалах по истории Кавказа», которые Дмитрий Алексеевич подготовил в конце 1830-х – 1840-е гг. в ходе написания им военной истории региона (про-

ект не был завершен [7]). Непосредственное отношение к этнографии имеют черновые автографы таких очерков, как: «Подробности о набегах горцев» [14, л. 1–6] (был включен Милютиным в его воспоминания и вместе с ними опубликован [9]), «Общий взгляд на разнообразие кавказских племен» [14, л. 7–13], «Заметки о племенах кавказских. Кабарда» [15, л. 1–29], «Чечня» [16, л. 1–93] и «Некоторые заметки о народах Дагестана» [17, л. 7–13].

Источниками для их создания стали документы архивов военных учреждений Кавказа, прежде всего г. Ставрополя и г. Тифлиса, доступ к которым для Милютина был открыт в силу занимаемого служебного положения. Опираясь он также на свои личные наблюдения и данные, получаемые от сослуживцев горского происхождения, например майора Я. Шарданова. Анализ созданных Милютиным кавказских нарративов с позиций исторической имагологии позволит понять и объяснить особенности репрезентации им северокавказских горцев.

Важным дополнением к текстам выступают походные рисунки Милютина. Среди них встречаются зарисовки местных жителей и реалий их повседневной жизни. Выполненные с натуры в технике рисования карандашом и не отличающиеся каким-либо особенным мастерством, они показывают стремление автора увидеть и понять специфику мира «другого», которым представлялся ему Кавказ [11].

Рис. 1. Горец-проводник [11, л. 8] /
Fig. 1. Highlander Guide [11, p. 8]

Анализ. Кавказские нарративы Милютин, как человека военного имели в первую очередь прикладной характер и включали в себя важные сведения для понимания стратегических и тактических аспектов ведения боевых действий в регионе.

Наряду с характеристикой географических, топографических и политических особенностей Кавказа в фокусе его рассмотрения оказались также вопросы этнического разнообразия края.

В лекциях по военной статистике Кавказа местное население Милютин систематизирует по географическому принципу (Закавказский край, Дагестан, восточный берег Черного моря) и одновременно по степени лояльности к российской власти. Отдельно он останавливается на характеристике многочисленных племен северных покатоств Главного Кавказского хребта, как независимых, так и покорных. «За Кубанью – почти все население гор, а частью и лесистой плоскости, остается и ныне независимым: оно известно у нас под общим именем закубанцев, или черкесов, хотя и состоит из различных племен» [8, с. 24–25], – пишет Милютин. За р. Сунжей, в обширных лесах Чеченской плоскости и в горах проживали враждебные российской власти чеченцы, кистинцы и отчасти ингуши, между низовьями рек Терека и Сулака, на побережье Каспийского моря – подконтрольные кумыки, между предгорьями Эльбруса и верховьями р. Сунжи – кабардинцы, давно признавшие себя подданными России, в горах Центрального Кавказа – осетины, тоже покорные российскому императору [8, с. 25].

Такие же краткие сведения приводит Милютин о расселении народов Северо-Восточного Кавказа, хотя именно с этой частью региона была связана его служба на рубеже 1830–1840-х гг. В сочинении «Описание военных действий 1839 года в Северном Дагестане» он дает следующую локализацию местного населения: «К стороне Терека живут нахчи, известные у нас под именем чеченцев; к стороне моря – большая часть края населена лезгинами. Два эти племени разделены между собою высоким хребтом Андийским... Между низовьями Терека и Сулака верст на пятьдесят простирается равнина, которой восточная часть, ближайшая к морю, песчаная и болотистая, служит только для кочевья ногайцам; а западная более плодородная, занята кумыками...» [10, с. 5].

Обладая аналитическим складом ума, Милютин аргументированно обосновывал влияние географического фактора на исторические судьбы местных народов, их этнический состав и гражданское устройство. «В тех недоступных частях Дагестана, которые избегали владычества стольких завоевателей, население принадлежит исключительно к племени лезгинскому, хотя и подразделяется на множество мелких племен или обществ, чрезвычайно различающихся между собой наречиями языка» [10, с. 12–13], – отмечал он.

Рис. 2. Лезгин [11, л. 59] / Fig. 2. Lezgin [11, p. 59]

Изолированность от внешнего мира, по его мнению, позволила жителям гор сохранить свои архаичные социальные институты: «каждое селение выбирает себе старшин, а несколько селений, составляющих вместе общество, управляются кадием; иногда же несколько малых обществ вместе составляют союз» [10, с. 13]. В лезгинских обществах Милютин не заметил разделения на сословия, а на положение в обществе влияли личные качества или родственные связи [10, с. 13].

Напротив, в равнинной части Дагестана, которая была более доступна внешнему воздействию, завоеватели оказали непосредственное влияние на этнические процессы, а «в гражданском устройстве тут утвердилась наследственная власть ханов или других владетелей, а вместе с тем и различие сословий» [10, с. 13].

Не менее интересны размышления Милютина о взаимосвязи между природно-географическими особенностями края и хозяйственно-экономическим укладом его жителей. В неопубликованном описании Чечни он развивает мысль о прямой зависимости уровня благосостояния горцев от места их локализации: «Касательно степени народного богатства и домашнего довольства, должно заметить постепенность, зависящую от положения края, перехода от плоскости к горам. В лучшем состоянии находится обширная плоскость, особенно надтеречная и присунженские аулы: у них есть и хорошее скотоводство, и хлебопашество в лучшем состоянии, ибо чеченцы, обитающие на равнине и по открытым местам меньше хищные и более трудолюбивые горцы» [16, л. 29].

По наблюдениям Милютина, земледелие было более характерно для жителей на равнине,

нежели в горах. При этом чеченцы не были хорошими хлебопашцами, хотя выращивали кукурузу, просо, пшеницу и ячмень [16, л. 12об.]. Из огородных культур они культивировали лук, огурцы, черешу, арбузы, дыни и тыквы; в иных местах собирали груши, а в некоторых разводили табак, но в малом количестве. Плодородие почвы позволяло не заботиться об удобрениях [16, л. 13].

Жители гор занимались преимущественно скотоводством, которое по утверждению Милютина и составляло основу их хозяйственной жизни: «в горах овцы содержатся для их шерсти, из которой горцы выделывают сукна, бурки, ковры и на них выменивают себе хлеб от жителей плоскости... Кроме овец, есть козы, но не в большом количестве. Катера (мулы) и ишаки (порода ослов) довольно в большом количестве в горах. Лошадей очень мало...» [16, л. 13–13 об.].

Скотоводство развивалось и в горах Дагестана, хотя из-за рельефа местности было весьма затруднено: «скот, составляющий здесь главное богатство народа, также с трудом может довольствоваться круглый год подножным кормом» [10, с. 11]. При этом местные жители находили возможность заниматься земледелием в его террасной форме.

Отдельную отрасль хозяйственной деятельности горцев составляло пчеловодство, которое, по словам Милютина, «процветает в горах: воск и мед составляют один из виднейших предметов меновой торговли горцев с обитателями равнин» [16, л. 13–13об.].

Рис. 3. Чеченцы [11, л. 37] / Fig. 3. Chechens [11, p. 37]

Как и большинство авторов XIX в., Милютин подчеркивал умеренность горцев в еде. Из его описания Чечни узнаем: «...Хлеб их – чурек (печенский мек) делают из просяной муки, смешанной частью с пшеничной; у некоторых же (чарбили и др.) – из ячменной муки и особой пшеницы, похожей на полбу. Самое лакомое их кушанье после

баранины (которую подают только на пиришествах по особым случаям и праздникам), состоит из пшена, вареного на воде и обжаренного на бараньем сале» [16, л. 29]. Ежедневный рацион питания включал овощи, фрукты и кисломолочные продукты, что укрепляло здоровье и помогало избегать многих болезней.

Интересны характеристики Милютина по поводу отношения горцев к алкогольным напиткам. В описании чеченцев он замечает, что «вина виноградного не пьют, но хлебное вино употребляют в таком изобилии, что трудно поверить; они пьют также голый спирт нашими стаканами, не пьянея. Они делают род пива, известного у них под именем сира, и мед сладкий под названием бал-бузе (у ингушей – милкар)» [16, л. 29].

Однако это не мешало горцам поддерживать хорошую физическую форму, что также подчеркивает Милютин: «Чеченцы, как и все кавказские обитатели очень стройны, ловки и проворны; между ними, например, не видно толстых людей, и тучность у них в презрении. Ростом они большей частью более среднего, цвет волос более русый; глаза пронизательные, нос несколько согнутый. Чеченцы всегда бреют голову, но оставляют бороду. Одежда у них как у черкесов, кабардинцев и кумыков: черкеска с рядами для патронов, меховая шапка с полушарною верхушкой, джигиты носят узкие ноговицы и чувяки... Ходят в широких шароварах и сверху черкеска нараспашку» [16, л. 25об.].

Рис. 4. Чеченец в своем ауле [11, л. 38] / Fig. 4. Chechen in his village [11, p. 38]

В работах Милютина мы встречаем также указание на особое, даже сакральное отношение горцев к оружию. Его набор был типичен для различных этнических групп и включал ружье, шашку и пистолет [16, л. 25об.].

Не обошел Милютин своим вниманием также женскую половину горского общества. В текстах и в рисунках он далек от какой-либо романтизации женских образов, его характеристики максимально приземлены и прагматичны:

«...Женщин на домашнюю работу одевают очень неизящно: на шаровары набрасывают цветную рубашку, которая спускается немного ниже колен, на голову надевают большой платок. Нарядный же их костюм состоит из чекменя, подпоясанного кушаком; расшит украшениями на шее; а на голове шапочка, повязанная платком» [16, л. 26].

Рис. 5. Кумычка за домашней работой [11, л. 11] / Fig. 5. Kumyk woman doing housework [11, p. 11]

В рукописях Милютина находим также описание поселений и жилищ в различных частях Северного Кавказа. В их устройстве, по наблюдениям автора, было много общего: «Кабардинцы живут довольно просто: жилища их похожи на чеченцев и черкесов, т. е. состоят из мазанок (турлучных изб), обмазанных глиной, большая часть с плоской крышей и галереей спереди. Каждый двор имеет отдельное устройство, огорожен плетнем и занимают в середине несколько разных изб...» [15, л. 11об.]. Эти постройки имели разное назначение: «в одном жилище живет сам хозяин, где принимает своих гостей, это его кунацкая (гостиная), в другой есть женская половина; наконец, оставшиеся – для прислуги и домашних заведений» [16, л. 26]. Плоские крыши в домах горцев придавали аулам необыкновенный вид, который Милютин запечатлел в своих походных рисунках.

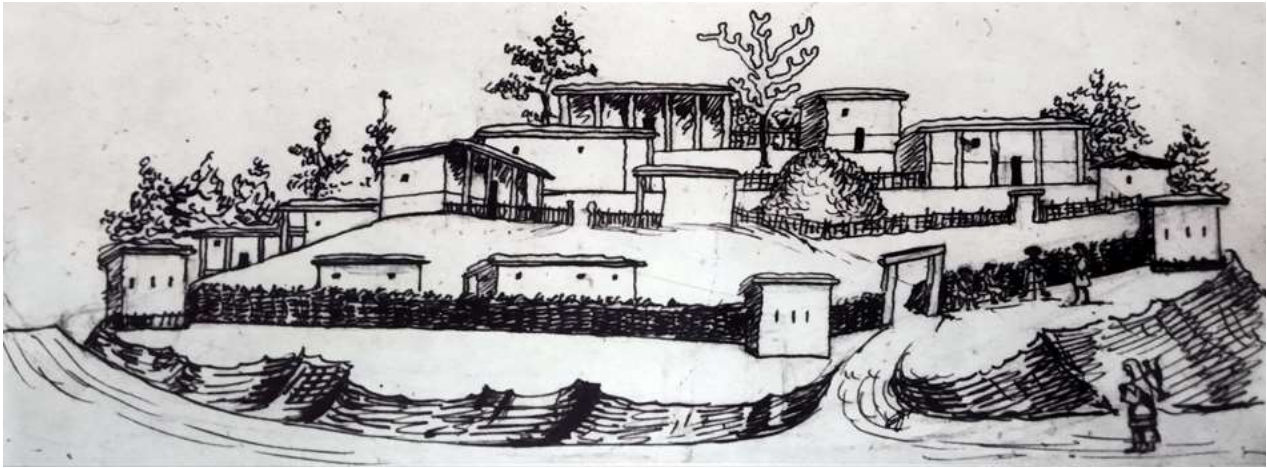

Рис. 6. Чеченский аул [11, л. 34] / Fig. 6. Chechen village [11, p. 34]

По его оценке, постройка горцами жилищ не требовала ни много трудов, ни много времени: «...Они вбивают в землю несколько столбов, по углам и в середине стен, сверху их накрывают горизонтальными перекладинами – расходящимися балками, затем промежутки между столбами заделывают хворостом – как у нас плетнем; на балки накладывают доски; хворост обмазывают глиной и выбеливают, а на крышу накладывают землю и затрамбовывают. В потолке оставляют отверстие для трубы, проведенной из прочной ниши в одной из стен, заменяющей камин. Размеры этих построек очень малы, а потому и работа кончается очень скоро. Внутри же нет никакой почти работы: вместо пола земля утрамбовывается также как и крыша...» [16,

л. 27–27об.]. К этому Милютин добавляет дешевизну строительного материала, который горцы находят на месте. Такой подход к сооружению жилищ доставлял немалые трудности российским военным, поскольку позволял горцам без особого сожаления покидать свои дома в случае внешней опасности.

Иного рода были жилища, устраиваемые горцами в горах. В самых дальних ущельях Кавказского хребта сакли представляли собой низкие каменные постройки, сложенные из неотесанного камня, слоев глины, с плоскими крышами и покрытые землей [16, л. 28]. Такие аулы были несравненно сильнее и неприступнее, чем на плоскости, и требовали немалых ресурсов для приведения их жителей к покорности.

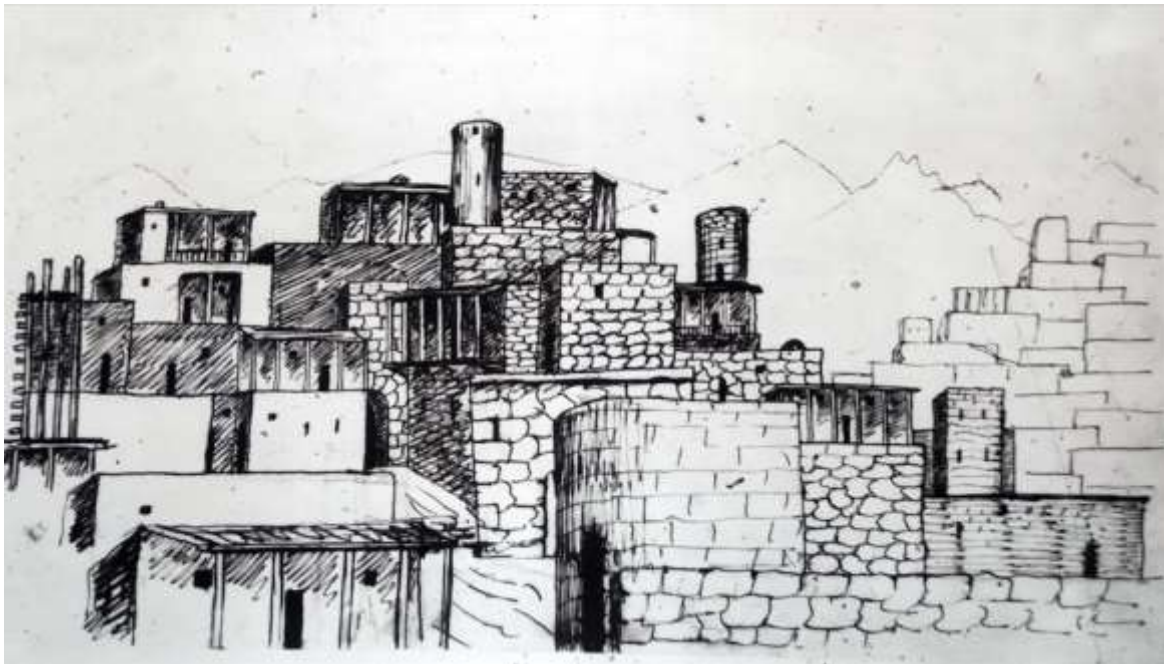

Рис. 7. Лезгинский аул [11, л. 61] / Fig. 7. Lezgin village [11, p. 61]

Присущий горцам аскетизм и неприхотливость в обыденной жизни Милютин объясняет особенностями того исторического пути, который

пришлось им пройти. «Некоторые части края служили почти во все времена театром войн между государствами соседними, оспаривавши-

ми друг у друга владычество: тут местное народонаселение было постоянно жертвой обоих противников... Влияние постоянного тяжкого ига оставило глубокие следы в самих нравах и быте народонаселения, привыкшего в течение столетий к угнетению и бедствиям войны непрерывной» [8, с. 21–22].

В целом представления о горских нравах у Милютина в полной мере коррелируют со взглядами других военных исследователей региона. По меткому замечанию Т. А. Булыгиной, их нарративы отличало «понимание “другого” как враждебного и безоговорочная поддержка цивилизаторской миссии России по отношению к Кавказу» [1, с. 382]. Отсюда тезисы Милютина о горской лености, беспечности, «духе своеволия и хищничества» [16, л. 28об.].

В описании Чечни главными чертами характера местных жителей показываются «...коварство и вероломство, недоверчивость и вместе с тем легкое верие, мстительность, корыстолюбие, склонность к праздности; ненависть ко всякой власти и зависимости» [16, л. 33об.]. Создаваемый Милютиным образ горца должен был легитимизировать и оправдать силовую политику России в регионе, сформировать представление о местном населении не как о представителях иной культуры, а как о диких разбойниках, мешающих утверждению здесь российского присутствия. «...Они любят одну свободу и своеволие, – характеризует Милютин жителей Чечни, – не уважают никаких гражданских и имущественных уз, ни данного ими слова и никогда не обуздывают своих страстей; не дорога цена науке и, получая воспитание воинственное, или лучше сказать – разбойничье, они бросаются на всё по первому внушению страстей без размышлений о последствиях» [16, л. 34].

Культ свободы и независимости в горских обществах, по оценке Милютина, был доведен до фанатизма. К этому он добавляет, что горцы неприхотливы и, как уже было отмечено выше, готовы довольствоваться малым в устройстве жилища, в одежде и в системе питания: «...Удивительно как малым довольствуется он [чеченец. – Т. К.] во всех отношениях; лишь бы было у него оружие и воля – вот все, чего он желает; все остальные удобства жизни, безопасность гражданская, счастье семейное или вовсе ему неизвестны или кажутся ему ребячьими игрушками, ибо, по его мнению, оружием и удальством приобретает все остальное» [16, л. 34]. Так, характеризуя местные нравы и образ жизни, Милютин неминуемо выходит на рассмотрение такой важной составляющей военной повседневности горцев, как набег (в терминологии российской администрации того времени «хищничество»).

Горским набегам военные авторы уделяли особое внимание, поскольку они стали главной проблемой в деле обеспечения безопасности гражданского населения новой окраины империи. Не был исключением в этом отношении и Милютин, который дал свое объяснение этого феноме-

на. Он выделял две формы набега: большими партиями и мелкими группами. При этом успех предприятия в обоих случаях зависел от двух факторов: качества коня и внезапности нападения [9, с. 308]. В подробной информации о подготовке горского набега у Милютина можно найти весьма ценные наблюдения этнографического характера.

По его оценке, у закубанских и затеречных горцев набеги составляли «любимое занятие, род спорта молодежи, князей и беков (там, где существует аристократический склад), узденей и вообще людей вольных, т. е. того класса населения, который проводит всю жизнь в праздности, представляя домашние заботы женщинам, а тяжелые работы земледельческие низшему классу “ясырей” и рабам, т. е. пленным» [9, с. 309]. Более того, по наблюдениям Милютина, участие в набеге представляло для горца определенную форму социализации, самоутверждения в обществе: «только удальством, рискованными боевыми подвигами приобретаются у горцев почет и уважение» [9, с. 309]. Поэтому целью горских набегов было не только получение добычи, но и желание горца прославиться: «Чеченец не понимает удовольствий жизни мирной, семейной, рабочей; он глубоко презирает этот образ жизни; между чеченцами никаким другим не приобрести уважения и веса, как удальством, без этого человек играет меж ними самую жалкую роль; даже ни одна девушка не пойдет за него замуж» [16, л. 34об.].

Рис. 8. Абрек [11, л. 51] / Fig. 8. Abrek [11, p. 51]

В описании Чечни Милютин дает характеристику отдельной категории людей, для которых разбой стал образом жизни: «Весь край наполнен абреками, т. е. людьми, которые оставив свою де-

ревню, свое семейство, свой дом, посвящают себя на хищничество, убийство и целую жизнь бродят по лесам, стерегут добычу или собираются шайками и открыто идут на грабеж. Леса Чечни способствуют им в предприятиях и служат им убежищем. Абреки всегда составляют главную часть в вооруженных скопищах, собирающихся часто против русских; они всегда готовы к войне, они ничем не связаны. По первому призыву какого-нибудь вожака партий, лжеучителя, бунтовщика или просто славного разбойника, они толпами с радостью бегут на сборный пункт и с нетерпением ждут времени идти на бой» [16, л. 36].

Следует отметить, что восприятие военными авторами горцев не было столь однозначным, как это может показаться на первый взгляд. Это не был только «образ врага», с которым приходилось воевать. Наряду с активным неприятием «хищничества», в работах Милютин прослеживается желание не только понять и объяснить, но и романтизировать этот феномен. По его наблюдениям, горцы занимались «хищничеством» как из корыстных побуждений, так и «просто по страсти к романтическим похождениям и к удалству, как бывало рыцари в Средние века» [16, л. 36об.]. «Есть поэзия в этих дикарях, в их кочевой, беспокойной жизни, – замечал он в описании Чечни. – Какой-нибудь молодец или принужденный по какой-нибудь причине оставить свой аул, опасаясь мщения слишком большого числа врагов или просто наскучив жизнью, желая опасности и смерти, садится на коня и отправляется искать приключений, опасностей, ссор и крови; они уже не разбирают никого и без всякой причины льют кровь для одного убийства, безо всякой другой побудительной цели...» [там же].

Милютину удалось избежать примитивного взгляда на горцев как на «людей, одержимых каким-то беснованием, чем-то вроде воспаления в мозгу, людей, режущих направо и налево, пока самих их не перережет новое поколение беснующихся» [24, с. 5]. Преодолеть этот стереотип, справедливо критиковавшийся известным кавказоведом П. К. Усларом, помог критический подход Милютин к изучению традиционного горского уклада, рассмотрение его во всем многообразии проявлений. Значительное место в текстах Милютин отводится характеристике тех местных обычаев, которые выступали в качестве сдерживающих механизмов и средств поддержания порядка в горском обществе.

В этом отношении заслуживает внимания оценка Милютиным института кровной мести: «Как ни ужасен и гибелен, кажется, в глазах наших обычай кровомщения (канла), однако должно сказать, что при настоящем диком положении края, при недостатке личного обеспечения, гражданственности и общественности, кровомщение имеет с некоторой стороны выгодное влияние, ибо заменяет собой законные и полицейские постановления, для отвращения

или, по крайней мере, для уменьшения преступлений...» [16, л. 37].

Такую же роль нормализации отношений в горских обществах, по мнению Милютин, выполнял институт куначества, который, культивируя уважение к правилам гостеприимства, удерживал горцев от совершения разных преступлений [16, л. 37–37об.].

В текстах Милютин можно встретить немало сюжетов, которые привлекут внимание этнографа. В фокусе его рассмотрения оказались семья и семейные отношения в традиционных горских обществах (в том числе половозрастное разделение труда и положение женщины), вопросы воспитания молодежи, суда и судопроизводства, религии, организации медицины и многое другое. Но рассматривал их Милютин не как ученый, а как практик, пытающийся понять причины успехов и неудач той политики, которую проводила в отношении горского населения Северного Кавказа российская администрация. Например, характеризуя особенности семейного уклада чеченцев, Милютин приводил свою версию, объясняющую причины неэффективности института аманатства, к которому часто прибегали военные для установления контроля над горцами. По его мнению, «лошадь и оружие в жизни горцев такие вещи, которые не продаются, поэтому залог ружьями гораздо важнее, чем выдача аманатов, которыми они мало дорожат, по недостатку семейной связи между ними; родство у них не очень уважают и немного найдется у них чадолюбивых отцов или привязанных супругов» [16, л. 34об.–35].

Вопросы происхождения кавказских народов Милютин хотя и затрагивал, но глубокого анализа не давал. Изучая край специально с точки зрения военной, он не ставил перед собой такой задачи, не желая углубляться в предмет, по которому, по его словам, «самые глубокие ученые исследования еще не могли разъяснить много вопросов темных» [8, с. 20].

Несмотря на поверхностность этнографических характеристик, Милютину удалось показать главное – этническое многообразие и специфику традиционного уклада жителей Северного Кавказа. Знание о горцах, по его мнению, должно было помочь «покорить и укротить такой народ, который, обитая в стране недоступной и сохранив первобытную свою энергию и воинственность, с искони веков привык к привольной, необузданной жизни и не подчинен никаким уставам гражданственности» [12, л. 3об.]. При этом главным средством должно было стать моральное влияние, а не сила оружия: «Потребны целые столетия, чтобы подобный народ постепенно довести до совершенной покорности, т. е. до морального убеждения в пользе и необходимости оной; ибо вооруженное занятие страны и владычество над народом одной силой оружия составляют только средство второстепенное, которое всегда стоит очень дорого и

притом не всегда ведет к предполагаемой цели, часто, напротив того, оно навеки порождает народные ненависти и делает уже навсегда не-

возможным достижение истинной, т. е. моральной покорности» [там же].

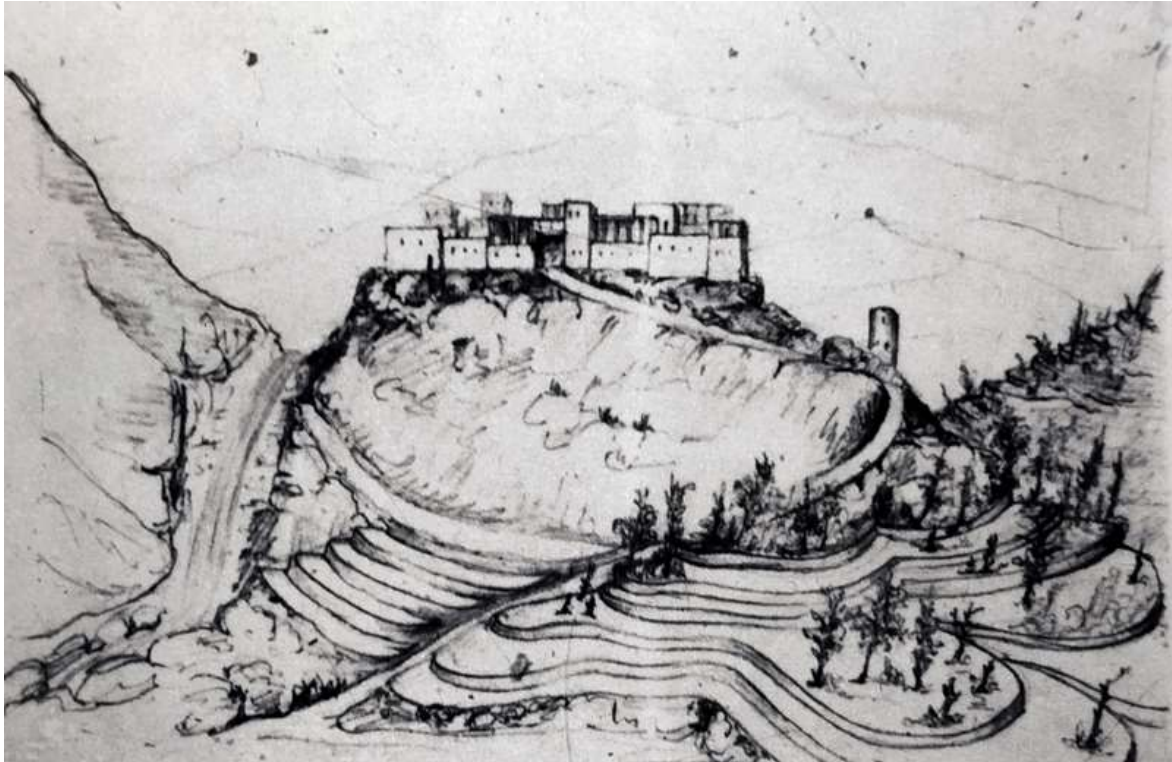

Рис. 9. Лезгинский аул снаружи [11, л. 63] / Fig. 9. Lezgin village from the outside [11, p. 63]

Характеризуя свои этнографические штудии 1830–1840-х гг. Милютин подчеркивал: «Мое дело только дать общее, так сказать, наглядное понятие о стране, тем более, что в этом краю и невозможно до сих пор слишком углубляться в ученые изыскания» [16, л. 11]. Ситуация изменилась на завершающем этапе Кавказской войны, когда в 1856 г. Милютин был назначен начальником штаба Кавказской армии. С расширением подконтрольных России территорий у него появилась возможность сосредоточить усилия не только на военных и гражданских преобразованиях в крае, но и на организации здесь научных исследований. Обладая мощным административным ресурсом, он планировал создать в г. Тифлисе историческую комиссию (прообраз будущей Кавказской археографической комиссии) и активизировать статистические исследования в крае.

2 апреля 1858 г. Кавказский отдел императорского Русского географического общества (далее – РГО) в общем собрании выбрал Милютина своим председателем. Его непосредственный начальник, главнокомандующий Кавказской армией князь А. И. Барятинский был уверен, что своим участием Милютин усилит научную деятельность отдела, «обращенную на пользу отечественного просвещения» [13, л. 1об.]. При поддержке Милютина Кавказский отдел РГО стал важным центром организации и экспертизы результатов этнографических исследований. Его регулярные заседа-

ния ориентировали местных этнографов на правдивое и точное описание народов, «с устранением поэтических прикрас» [6, с. 37].

Активно развивающаяся служебная карьера Милютина не позволила ему реализоваться как ученому-кавказоведу. В 1860 г. он был назначен товарищем военного министра и покинул Кавказ. При этом собранные материалы, в том числе его этнографические записки, были переданы историку Н. Ф. Дубровину. В том, что первый том его обобщающего труда по истории присоединения Кавказа к России включал обширный этнографический обзор народов региона, явно прослеживается милютинское влияние.

Результаты. Анализ творческого наследия Милютина показывает его глубокий интерес к миру горцев Северного Кавказа. При этом необходимо отметить, что это был взгляд военного и определялся он исключительно практическими целями – поиском путей «умиротворения» и интеграции края в государственное пространство Российской империи.

Как большинство военных авторов своего времени Милютин не избежал стереотипных представлений о горцах, а созданный им образ «другого» показывал их в качестве противников утверждения российского присутствия в регионе. Заслуга Милютина в том, что своими кавказскими нарративами он готовил почву для постепенного перехода от представления о горцах как о врагах к

принятию их в качестве новых подданных империи. Собранные им этнографические материалы позволяли лучше понять местное население Северного Кавказа и выработать верную стратегическую линию взаимодействия с ними. Главная идея Милютинина – не покорение, а удержание в повиновении разумной политикой, основанной на глубоком и всестороннем знании специфики региона.

Исследовательские практики Милютинина свидетельствуют о понимании российской админи-

страцией на Кавказе важности этнографического изучения региона и формирования организационной рамки такой деятельности. Не случайно, что такие «кавказские» практики, как Милютин, задавали тон в работе Кавказского отдела императорского РГО, а подготовленные им этнографические материалы вошли в состав той эмпирической базы, на основе которой в дальнейшем стало развиваться этнографическое направление отечественного кавказоведения.

Литература

1. Булыгина Т. А. Образ «другого» в текстах «кавказцев» XIX века. Опыт сравнения // Опальные: Русские писатели открывают Кавказ. Антология: в 3 т. / под ред. В. А. Шаповалова, К. Э. Штайн. Ставрополь: Изд-во СГУ, 2010. Т. 1. С. 381–384.
2. Габелко Д. Е. «Единственный путь к достижению какого-нибудь результата – есть действие на нравственные силы нации»: Д. А. Милютин о средствах утверждения русского владычества на Кавказе // Военно-исторический журнал. 2018. № 4. С. 77–80.
3. Гакстаузен А. Закавказский край: заметки о семейной и общественной жизни и отношениях народов, обитающих между Черным и Каспийским морями. М.: Кучково поле, 2018. 336 с.
4. Дмитрий Милютин о Кавказе: рапорты, записки, особые мнения: сборник документов / авт.-сост.: С. Б. Манышев, В. М. Муханов. М.: Изд-во Кучково поле; ИКС-ИСТОРИЯ, 2024. 448 с.
5. Дударев Д. С., Дударев С. Л. Северный Кавказ глазами представителей российского общества первой половины – середины XIX века. Армавир; Ставрополь: Дизайн-студия Б, 2017. 402 с.
6. Загурский Л. П. Краткий обзор 25-летней деятельности Кавказского отдела по этнографии // Кавказский отдел императорского Русского географического общества с 1851 по 1876. Тифлис: Типография Главного управления, 1876. С. 33–46.
7. Колосовская Т. А. Д. А. Милютин и его кавказские материалы: о первых опытах создания военно-политической истории Кавказа // Вестник РГГУ. Серия «История. Филология. Культурология. Востоковедение». 2017. № 1(22). С. 9–19.
8. Милютин Д. А. Краткий очерк Кавказского края в военном отношении: из лекций полковника Милютинина в императорской Военной академии. СПб., 1848. 175 с.
9. Милютин Д. А. О набегах и хищничествах кавказских горцев // Милютин Д. А. Воспоминания. 1816–1843. М.: Студия «ТРИТЭ» – «Российский Архив», 1997. С. 306–314.
10. Милютин Д. А. Описание военных действий 1839 года в Северном Дагестане. СПб.: Типография военно-учебных заведений, 1850. 155 с.
11. Научно-исследовательский отдел рукописей Российской государственной библиотеки (далее – НИОР РГБ). Ф. 169. К. 1. Д. 12.
12. НИОР РГБ. Ф. 169. К. 18. Д. 13.
13. НИОР РГБ. Ф. 169. К. 71. Д. 76.
14. НИОР РГБ. Ф. 169. К. 81. Д. 3.
15. НИОР РГБ. Ф. 169. К. 81. Д. 5.
16. НИОР РГБ. Ф. 169. К. 81. Д. 7.
17. НИОР РГБ. Ф. 169. К. 81. Д. 19.
18. Осипова М. Н. Великий русский реформатор фельдмаршал Д. А. Милютин. М.: Animi Fortitudo, 2005. 320 с.
19. «Свое – чужое» в социокультурном пространстве Северного Кавказа: хрестоматия / отв. ред. Т. А. Булыгина. Ставрополь: Изд-во СКФУ; Дизайн-студия Б, 2016. 368 с.
20. Тарле Е. В. Крымская война: в 2 т. М.: Изд-во АСТ, 2005. Т. 1. 606 с.
21. Ткаченко Д. С. Описание Кабарды Д. А. Милютинина в контексте становления кавказского варианта российского ориентализма // Кавказология. 2023. № 3. С. 251–264.
22. Ткаченко Д. С. Фронтальный ориентализм в описаниях Д. А. Милютинина Северного Кавказа в 40-е гг. XIX в. // Журнал фронтальных исследований. 2023. № 4. С. 48–71.
23. Урушадзе А. Т. Кавказская война в сочинениях Д. А. Милютинина // Военный сборник. 2013. Т. 2. № 2. С. 163–168.
24. Услар П. К. Кое-что о словесных произведениях горцев // Сборник сведений о кавказских горцах. Тифлис, 1868. Вып. I. С. 3–42.
25. Jersild A. Orientalism and empire: North Caucasus mountain peoples and the Georgian frontier, 1845-1917. Montreal & Kingston: McGill-Queen's University Press, 2002. 253 p.

References

1. Bulygina TA. The Image of the "Other" in the Texts of the "Caucasians" of the 19th Century. An Experiment in Comparison in Disgraced: Russian Writers Discover the Caucasus. Anthology: In 3 volumes / Ed. by V. A. Shapovalov, K. E. Stein. Stavropol: SSU Publishing Hous; 2010;(1):381-384. (In Russ.).
2. Gabelko DE. "The only way to achieve any result is to act through the moral strength of the nation": DA. Milyutin on means of establishing Russian rule in Caucasus. History issues. 2018;4:77-80. (In Russ.).
3. Haxthausen A. Transcaucasian region: notes on family and social life and relations of peoples living between the Black and Caspian seas. Moscow: Kuchkovo pole; 2018. 336 p. (In Russ.).
4. Dmitry Milyutin on the Caucasus: reports, notes, special opinions. Collection of documents / authors-compilers SB. Manyshev, VM. Mukhanov. Moscow: Kuchkovo Pole Publishing House; IKS-HISTORY; 2024. 448 p. (In Russ.).

5. Dudarev DS, Dudarev SL. The North Caucasus through the eyes of representatives of Russian society of the first half – mid-19th century. Armavir; Stavropol: Design Studio B; 2017. 402 p. (In Russ.).
6. Zagursky LP. Brief overview of 25 years of activity of the Caucasus Department of Ethnography in Caucasus Department of the Imperial Russian Geographical Society from 1851 to 1876. Tiflis: Printing House of the Main Administration; 1876. Pp. 33-46. (In Russ.).
7. Kolosovskaya TA. DA. Milutin and his Caucasian materials: on the first attempts to create a military-political history of the Caucasus. Bulletin of the Russian State University of Economics. The series "History. Philology. Cultural studies. Oriental Studies". 2017;1(22):9-19. (In Russ.).
8. Milyutin DA. Brief outline of the Caucasian region in military terms: from lectures of Colonel Milutin at the Imperial Military Academy. St. Petersburg; 1848. 175 p. (In Russ.).
9. Milyutin DA. About the raids and predations of the Caucasian highlanders in Milyutin DA. Memories. 1816–1843. Moscow: Studio "TRITE" – "Russian Archive"; 1997. P. 306-314. (In Russ.).
10. Milyutin DA. Description of military actions in 1839 in Northern Dagestan. St. Petersburg: Printing house of military educational institutions; 1850. 155 p. (In Russ.).
11. Research Department of Manuscripts of the Russian State Library (RDMS RSL). F. 169. K. 1. D. 12.
12. NIOR RSL. F. 169. K. 18. D. 13.
13. RDMS RSL RSL. F. 169. K. 71. D. 76.
14. RDMS RSL RSL. F. 169. K. 81. D. 3.
15. RDMS RSL RSL. F. 169. K. 81. D. 5.
16. RDMS RSL RSL. F. 169. K. 81. D. 7.
17. RDMS RSL RSL. F. 169. K. 81. D. 19.
18. Osipova MN. The Great Russian Reformer Field Marshal DA. Milyutin. Moscow: Animi Fortitudo; 2005. 320 p. (In Russ.).
19. "Own – Alien" in the Sociocultural Space of the North Caucasus: Reader / ed. TA. Bulygina. Stavropol: NCFU Publishing House; Design Studio B; 2016. 368 p. (In Russ.).
20. Tarle EV. Crimean War. In 2 volumes. M.: Publishing house AST; 2005. T. 1. 606 p. (In Russ.).
21. Tkachenko DS. Description of Kabarda by DA. Milyutin in the context of the formation of the Caucasus version of Russian orientalism. Caucasology. 2023;3:251-264. (In Russ.).
22. Tkachenko DS. Frontier orientalism in D. A. Milyutin's descriptions of the North Caucasus in the 1840s. Journal of Frontier Studies. 2023;(4):48-71. (In Russ.).
23. Urushadze AT. Caucasus War in the Works of DA. Milyutin. Military collection. 2013; 2(2):163-168. (In Russ.).
24. Uslar PK. Something about the verbal works of the highlanders in Collection of information about the Caucasus highlanders. Tiflis\$ 1868. Issue I. P. 3-42. (In Russ.).
25. Jersild A. Orientalism and empire: North Caucasus mountain peoples and the Georgian frontier, 1845-1917. Montreal & Kingston: McGill-Queen's University Press; 2002. 253 p.

Научная статья

УДК 94 (470.6)

[https://doi.org/ 10.37493/2409-1030.2025.3.8](https://doi.org/10.37493/2409-1030.2025.3.8)

ВОЕННО-ПОЛИТИЧЕСКАЯ РОЛЬ ДЕРБЕНТА В ИСТОРИИ КАВКАЗА НАКАНУНЕ МОНГОЛЬСКОЙ ЭКСПАНСИИ В РЕГИОНЕ

Александр Абакарович Кудрявцев^{1*}, Татьяна Александровна Шебзухова²

^{1,2} Северо-Кавказский федеральный университет (д. 1, ул. Пушкина, Ставрополь, 355017, Российская Федерация)

¹ Доктор исторических наук, профессор
kaa0210@yandex.ru, <https://orcid.org/0009-0008-5647-4092>

² Доктор исторических наук, профессор, и.о. ректора
rector@ncfu.ru, <https://orcid.org/0000-0001-6482-3602>

* Автор, ответственный за переписку

Аннотация. Введение. Дербент широко известен как крупнейший памятник мировой фортификации на северных границах мусульманского мира. В XII – первой четверти XIII вв. он входил в число наиболее известных средневековых государств Кавказа, таких как Азербайджан, Грузия, Арран, Ширван. Период XII – первой четверти XIII вв., то есть время, предшествующее монгольскому нашествию в регионе, ознаменовался экспансией на Кавказ державы сельджуков, а позднее государства хорезмшахов, которым удалось распространить свою власть и влияние практически на весь регион. Однако, как показали исследования авторов статьи, специфика возникновения и развития Дербента, позволили ему на весьма длительный период в XII – первой четверти XIII вв. сохранять независимость, выступая одним из наиболее значительных и влиятельных государств Восточного и Северного Кавказа. **Материалы и методы.** Представленное исследование было выполнено на базе междисциплинарного подхода и общепринятых исторических методов. Впервые в отечественном и зарубежном кавказоведении военно-политическая роль Дербента в истории Кавказа накануне монгольского нашествия исследовались, опираясь на анализ средневековых арабских, армянских, грузинских, персидских и дербентских письменных источников, многочисленных нумизматических материалов и данных широких археологических раскопок, проводимых более четверти века А. А. Кудрявцевым в Дербенте. **Анализ.** В XII – первой четверти XIII вв. государство атабеков Азербайджана, христианская Грузия, Арран, Ширван, Дербентский эмират активно оспаривали своё лидерство в регионе, которое в большей степени оставалась за Грузией и Азербайджаном. В этот период особую военно-политическую роль на Восточном и Северном

Кавказе стал играть Дербентский эмират, правители которого систематически совершали походы против Ширвана, нередко привлекая к ним алан, хазар, русов и северокавказских горцев. Ширваншахи были вынуждены искать поддержку и защиту у Грузии, цари которой, хотя и помогали в отражении нападений дербентских эмиров, но обычно сохраняли нейтралитет в отношениях с ними, а иногда даже были связаны с правителями Дербента тесными брачными узами. **Результаты.** Показана особая военно-политическая роль Дербента в регионе и лидерство его правителей на Восточном и Северном Кавказе в XII – начале XIII вв.

Ключевые слова: Дербентский эмират, Ширван, противоборство, атабеки, сельджуки, хорезмшахи, экспансия, династии, историческая топография

Для цитирования: Кудрявцев А. А., Шебзухова Т. А. Военно-политическая роль Дербента в истории Кавказа накануне монгольской экспансии в регионе // Гуманитарные и юридические исследования. 2025. Т. 12. № 3. С. 420–428. <https://doi.org/10.37493/2409-1030.2025.3.8>

Конфликт интересов: один из авторов – доктор исторических наук, профессор Т. А. Шебзухова является членом редакционной коллегии журнала «Гуманитарные и юридические исследования». Авторам неизвестно о каком-либо другом потенциальном конфликте интересов, связанном с этой рукописью.

Вклад авторов: все авторы внесли равный вклад в подготовку публикации.

Статья поступила в редакцию: 14.04.2025.

Статья одобрена после рецензирования: 15.06.2025.

Статья принята к публикации: 25.08.2025.

Research article

THE MILITARY AND POLITICAL ROLE OF DERBENT IN THE HISTORY OF THE CAUCASUS ON THE EVE OF MONGOL EXPANSION IN THE REGION

Alexandr A. Kudryavtsev^{1*}, Tatiana A. Shebzukhova²

^{1,2} North-Caucasus Federal University (1, Pushkina Str., Stavropol, 355017, Russian Federation)

¹ Dr. Sc. (History), Professor
kaa0210@yandex.ru, <https://orcid.org/0009-0008-5647-4092>

² Dr. Sc. (History), Professor, acting rector
rector@ncfu.ru, <https://orcid.org/0000-0001-6482-3602>

* Corresponding author

Abstract. Introduction. Derbent is widely known as the largest monument of the fortification on the northern borders of the Muslim world. In the XII – the first quarter of the XIII centuries. He was one of the most famous medieval states of the Caucasus, such as Azerbaijan, Georgia, Arran, Shirvan. The period of the 12th – first quarter of the 13th centuries, that is, the time preceding the Mongol invasion of the region, was marked by the expansion of the Seljuk empire into the Caucasus, and later the Khorezmshah state, which managed to spread its power and influence over almost the entire region. However, as the

study has shown, the specifics of the emergence and development of Derbent allowed it to maintain its independence for a very long period in the 12th – first quarter of the 13th centuries, acting as one of the most significant and influential states of the Eastern and Northern Caucasus. **Materials and methods.** The research was carried out on the basis of an interdisciplinary approach and generally accepted historical methods. For the first time in Russian and foreign Caucasian studies, the military and political role of Derbent in the history of the Caucasus on the eve of the Mongol invasion was investigated based on the

analysis of medieval Arabic, Armenian, Georgian, Persian and Derbent written sources, numerous numismatic materials and data from extensive archaeological excavations conducted by A. Kudryavtsev in Derbent for more than a quarter of a century. **Analysis.** In the 12th and first quarter of the 13th centuries, the Atabeg state of Azerbaijan, Christian Georgia, Arran, Shirvan, and the Derbent Emirate actively contested their leadership in the region, which was largely reserved for Georgia and Azerbaijan. During this period, the Derbent emirate began to play a special military and political role in the Eastern and Northern Caucasus, whose rulers systematically carried out campaigns against Shirvan, often involving Alans, Khazars, Rus and North Caucasian mountaineers. The Shirvanshahs were forced to seek support and protection from Georgia, whose kings, although they helped repel the attacks of the Derbent emirs, usually remained neutral in their relations with them, and sometimes even had close marital ties with the rulers of Derbent. **Results.** The special military and political role of Derbent in the region and the leadership of its rulers in the Eastern and Northern Caucasus in the 12th – early 13th centuries are shown.

Введение. Дербент получил широкую известность в многочисленных письменных источниках, легендах и преданиях как один из выдающихся памятников мирового фортификационного строительства на северной границе ближневосточного и закавказского земледельческого мира с кочевыми обитателями евразийских степей. Его впечатляющие оборонительные сооружения – главные средневековые «Ворота Кавказа», средневековые истории порой даже путали с Великой Китайской стеной. Начавшийся распад Арабского халифата во второй половине IX в., способствовал приходу к власти в Дербенте арабской династии Хашимидов, что превратило этот знаменитый великодержавный город из одного из важнейших военно-стратегических центров огромного Арабского халифата, в столицу возникшего на Восточном и Северо-Восточном Кавказе Дербентского эмирата.

Материалы и методы. Представленное исследование было выполнено на базе междисциплинарного подхода и общепринятых исторических методов. Впервые в отечественном и зарубежном кавказоведении военно-политическая роль Дербента в истории Кавказа накануне монгольского нашествия исследовались, опираясь на анализ средневековых арабских, армянских, грузинских, персидских и дербентских письменных источников, многочисленных нумизматических материалов и данных широких археологических раскопок, проводимых более четверти века А. А. Кудрявцевым в Дербенте.

Анализ. Наследниками первого дербентского эмира Хашима б. Сурака, который занял престол правителя Дербента не по назначению халифа, как это было принято, а по выбору местной арабской знати, в X – XI вв. пришлось вести ожесточённую борьбу с этой знатью (раисами), стремившейся ограничить власть дербентских эмиров и поставить их в полную зависимость от феодальной и торговой верхушки города.

Период X–XI вв. ознаменовался активным противоборством Дербента и Ширвана за ге-

Keywords: Derbent Emirate, Shirvan, confrontation, Atabeks, Seljuks, Khorezmshahs, expansion, dynasties, historical topography

For citation: Kudryavtsev AA, Shebzukhova TA. The military and political role of Derbent in the history of the Caucasus on the eve of Mongol expansion in the region. *Humanities and law research.* 2025;12(3):420-428. (In Russ). <https://doi.org/10.37493/2409-1030.2025.3.8>

Conflict of interest: one of the authors, TA Shebzuhova, Dr. Sc. (History), Professor, is a member of the editorial board of the journal "Humanities and law research". The authors are unaware of any other potential conflict of interest related to this manuscript of interests.

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article.

The article was submitted: 14.04.2025

The article was approved after reviewing: 15.06.2025.

The article was accepted for publication: 25.08.2025.

монию на Восточном Кавказе и внутренними социальными и сословными противоречиями в самом городе.

Экспансия сельджуков, а затем государства хорезмшахов на Кавказе поставили сложный вопрос о военно-политическом статусе Дербента и его исторической роли на Кавказе накануне монгольского нашествия. При освещении этой актуальной и слабо разработанной проблемы автор данной статьи использовал не только весьма многочисленные нарративные источники, но и данные нумизматики, и археологии. Комплексное исследование этих источников позволило сделать вывод, что несмотря на усилия Ширвана и активную экспансию на Кавказе сельджукских султанов, а позднее хорезмшахов, Дербент во второй половине XII – первой четверти XIII вв., то есть накануне монгольского нашествия, выступает независимым и наиболее значительным государством Восточного и Северного Кавказа.

Дербентские эмиры в этот период сумели поддерживать дружественные отношения с аланами, горцами Северного Кавказа и русами, успешно сохраняя свой нейтралитет и военно-политический статус с наиболее значительными государствами Кавказа: Азербайджаном, Грузией, Арраном, Сериром, Аланией.

Военно-политическое и социально-экономическое развитие Дербента накануне монгольского нашествия и на раннем этапе монгольской экспансии на Кавказе значительно отличалось от положения большинства государств региона и Ближнего Востока, которые во второй половине XII – нач. XIII вв. попали под власть и влияние сельджуков, а затем хорезмшахов.

Благодаря мощнейшей фортификации, возведенной в V – VI вв. н. э. на северной границе огромной Сасанидской державы, Дербент превратился в раннем Средневековье в самый значительный и мощный оплот Сасанидского Ирана, а с VIII в. н. э. Арабского халифата, в борьбе этих двух крупнейших государств Ближ-

него и Среднего Востока с объединениями кочевников Евразии и Юго-Восточной Европы.

На протяжении пяти веков, с первой половины V в. н. э. до 255 г. х. / 869 года, Дербентом управляли наместники, назначавшиеся сюда сасанидскими царями, а позднее арабскими халифами, которые должны были постоянно охранять, укреплять и поддерживать в сохранности знаменитые Дербентские ворота – огромный оборонительный комплекс из крупных каменных плит, полностью перекрывавший важнейшую военно-стратегическую и международную торговую трассу в её самом узком месте. Здесь расстояние между Каспийским морем и недоступными отрогами Главного Кавказского хребта составляет всего 3,5 км.

Мощная фортификация, еще очень хорошо сохранившая ко времени монгольского нашествия свою впечатляющую монументальность и неприступность всех трёх основных частей оборонительного комплекса, полностью перекрывала здесь знаменитый Дербентский проход. Фортификация комплекса включала: цитадель на вершине одного из отрогов Кавказского хребта; «длинные» стены города, протянувшиеся через весь Дербентский проход от цитадели до моря и уходящие на 500 м воду; Горную стену (Даг-Бары), перекрывавшую все обходные пути в горах и тянущуюся до неприступных вершин Кавказа сплошной линией обороны, протяженностью более 40 км.

Это выгодно отличало Дербент от других средневековых городов Кавказа и Ближнего Востока как в период экспансии сельджуков и хорезмшахов в регионе, так и в эпоху монгольского нашествия в первой половине XIII в.

С 869 г. вся власть в Дербенте и прилегающих областях Дербентского прохода, с «мусульманскими центрами», полностью перешла в руки местной арабской династии Хашимидов. Первый правитель которой, Хашим б. Сурака, получил своё назначение не из Багдада от халифа, а по выбору дербентской знати [1, с. 64–65]. Это ставило эмира Дербента в зависимое положение «первого среди равных», что послужило в дальнейшем причиной острых социальных противоречий и внутрисословной борьбы феодальной знати города с дербентскими правителями, достигшей особого размаха в X–XI вв. [1, с. 162–168; 4, с. 89–90]. Данный период в истории Дербента ознаменовался не только активным противостоянием дербентских эмиров с крупной городской землевладельческой и торговой знатью, именуемой в источниках «раисами» [1, с. 163–166], но и ожесточённой борьбой двух крупнейших феодальных государств Восточного Кавказа: Дербентского эмирата и государства Ширваншахов, правители которого предъявляли свои права на Дербентский престол. Согласно данным исторической хроники «Тарих Баб ал-абваб», «Мутаваккил (арабский халиф. – А. К. и

Т. Ш.) пожаловал Мухаммаду б. Халиду в качестве лена город Баб ал-абваб с зависящими от него землями», что послужило причиной претензий Ширваншахов на дербетский престол [1, с. 46]. Однако, несмотря на острые внутренние противоречия в самом городе и его округе, а также экспансию со стороны Ширвана, дербентские эмиры смогли не только сохранить независимость Дербента и правление местных арабских династий, на протяжении почти 300 лет, но значительно укрепили в XII–XIII вв. своё политическое влияние на Кавказе и Ближнем Востоке. Дербент смог сохранить за собой статус важнейшего военно-политического центра региона и мощной неприступной крепости.

В XII – первой половине XIII вв. Дербент выступал как самый значительный форпост на северной границе региона и наиболее влиятельное государство Восточного и Северного Кавказа.

Археологические исследования Дербента, впервые в истории города, проведённые под руководством А. А. Кудрявцева в 1971–1995 и 2012–2013 гг., позволили по-новому осветить военно-политическую роль этого крупнейшего стратегического центра всего мусульманского Востока, в истории Кавказа в период XII – нач. XIII вв., то есть накануне первого монгольского вторжения в регион в 1220–1221 годах.

Раскопки позволили проследить сложную динамику развития исторической топографии средневекового Дербента в домонгольское время в X – нач. XIII вв., т. е. в период, когда город вышел из состава Арабского халифата и превратился в столицу самостоятельного эмирата – крупного независимого государства Восточного и Северного Кавказа.

Все три части Дербентского оборонительного комплекса сохранили свою роль в исторической топографии города и своё главное оборонительное назначение, но цитадель Дербента Нарын-кала и Горная стена (Даг-бары) претерпели значительные изменения. Дербентские эмиры, в отличие от сасанидских царей, не имели ни колоссальных финансовых средств, ни материальных и людских ресурсов могущественной Сасанидской державы для поддержания оборонительных сооружений всей огромной Горной стены, протянувшиеся на десятки километров, от моря, до неприступных вершин Главного Кавказского хребта.

За несколько веков без должного досмотра и ремонтов, стена на некоторых участках пришла в негодность и уже не сохраняла оборонительные функции. Мной исторической топографии города и, чем и воспользовались монгольские войска Сюбэгэтэй-багатура и Джэбэ-нойона, подошедшие в 1221 году к Дербенту с юга, т. е. со стороны более слабо укрепленной южной стены города, которая однако, в районе цитадели Нарын-кала, была значитель-

но усилена в XI – начале XIII вв. [1, с. 61]. При этом, даже эта, более слабая часть дербентской фортификации произвела на монголов сильное впечатление и они даже не попытались штурмовать город, хотя в их распоряжении были мощные катапульты и стенобитные машины, с помощью которых они успешно брали штурмом практически все крупные города и крепости Кавказа и Ближнего Востока. Хитростью получив сведения об обходных дорогах в горах, которые уже не охранялись в некоторых местах Горной стены, монголы, как свидетельствуют известный автор этого периода Киракос Гандзакечи, «пересекли Кавказские горы по неприступным местам, заполняя пропасти деревьями и камнями, бросая туда свой багаж, даже лошадей и военные снаряды» [2, с. 103].

Свидетельство письменных источников и данные археологических исследований чётко документируют изменения исторической роли Дербента на Кавказе и мероприятия дербентских правителей в связи с этим.

Наиболее значительные изменения исторической топографии города коснулись цитадели Дербента, в которой появились новые элементы фортификации и важные перемены её оборонительной роли в защите города XI – XIII вв. В период сасанидского и арабского владычества в Дербенте, главным назначением дербентской фортификации была защита знаменитых Дербентских ворот от кочевников Евразии и Юго-Восточной Европы, что определяло особую мощь северной городской стены и северо-западных стен цитадели. Возвышение Ширвана и появление на Кавказе таких крупных государств как Азербайджан, Грузия, Арран, экспансия сельджуков и хорезмшахов, переместили главную угрозу для Дербента с северного направления на юг. Теперь независимое существование и безопасность Дербентского эмирата, его правителей и всего населения города, во многом зависели от мощи его фортификации на южном направлении и возможностей дербентских эмиров, подобно феодальным правителям Западной Европы, найти укрытие за мощными стенами цитадели.

Не случайно, что главные перестройки дербентской фортификации коснулись южной и восточной стен цитадели Нарын-кала. Находясь на вершине дербентского холма, хорошо защищённого рельефом местности, южная стена цитадели была укреплена мощной, далеко вынесенной, полуовальной башней, выходящей за наружную грань южной стены цитадели, что позволяло контролировать этот наиболее важный участок цитадели [3, с. 77]. Дополнительно южную стену цитадели защищал глубокий ров, который и сегодня прослеживается на рельефе местности, ширина рва доходила до 7 м, сохранившаяся глубина 4–5 м [3, с. 77-78]. Ров, защищавший южную стену цитадели и примыкавшую здесь к ней Горную

стену, упоминается в известной исторической хронике «Тарих Баб ал-абваб», где его сооружение относится к 1068 г. [1, с. 61].

Восточная стена цитадели, обращённая городу, была в период XI–XIII вв. укреплена мощными, далеко вынесенными полуовальными башнями, фланкировавшими вход в цитадель. Башни достигали ширины более 6 м, при длине выноса 11 м [1, с. 139–140].

Благодаря новым фортификационным сооружениям цитадель, оставаясь одной из важнейших частей исторической топографии города, одновременно стала играть роль, аналогичную изолированному замку крупного феодала в системе обороны западноевропейского города. Здесь проживал эмир со своей гвардией и двором, была сосредоточена военно-политическая и административная власть всего города и его округа. Цитадель превратилась в одну из самых защищённых и неприступных частей Дербента, способных выдержать длительную осаду и многочисленные штурмы. Это было важным фактором независимого положения дербентских эмиров и их высокого места в феодальной иерархии наиболее крупных средневековых правителей Кавказа XII – начала XIII вв.

Ширван, зависимый в XI – нач. XIII вв. то от сельджуков, то от атабеков Азербайджана, то от хорезмшаха, вынужден был обращаться за помощью к Грузии, чтобы сдержать экспансию окрепших правителей Дербента и других воинственных соседей.

С середины XI в. на исторической арене средневекового Востока особое место заняли сельджуки, могущественные султаны которых, такие как Санджар, Алп-Арслан и Малик-Шах проявляли интерес к богатым областям Кавказа и особенно важнейшему военно-политическому центру региона – Дербенту.

Вторая половина XI в. н. э. ознаменовалась острой политической борьбой и социальными разногласиями в дербентском феодальном обществе, характеризовавшимися противостоянием между крупной городской знатью – раисами и правителями Дербента – эмирами. Последние прилагали большие усилия стремясь ограничить центробежные устремления феодальной городской верхушки, стремившейся максимально ограничить власть правителей Дербента. Внутренние противоречия и сепаратистская политика дербентских раисов находила активную поддержку у правителей Ширвана, которые не оставляли планов об установлении своей власти в Дербенте. Значительно возросшая угроза со стороны Ширвана и внутренних врагов дербентских эмиров в лице раисов, заставляли дербентских эмиров не только укреплять цитадель города, но и искать поддержку у наиболее значительных владетелей Горного Дагестана, таких как Сарир и Хайдак.

Ослабленный острыми внутренними противоречиями и внешними угрозами Дербент, несмотря на мощь своей фортификации, не смог устоять против надвигающейся сельджукской угрозы.

В 459 г. х. / 1065 г. лидер дербентских раисов Муфарридж, опираясь на поддержку правителя Сарира, своего тестя, который «прибыл лично и помог ему. С его поддержкой Муфарридж прогнал ширванцев из Маската» [1, с. 77]. Но попытка его «вместе с владельцем Сарира и его неверными войсками» [1, с. 77] захватить второй по величине и значимости город Дербентского прохода Шабаран не удалась, жители города «оказали сопротивление, и он был разбит. Муфарридж был захвачен вместе с толпой дербенцев и сарирцев» [1, с. 77]. Воспользовавшись благоприятной ситуацией, Ширваншах захватил ал-Баб, и правитель города эмир Абд ал-Малик после кратковременного правления (6 месяцев) был свергнут с престола и бежал из Дербента в Хайдак.

В 1066 г. турки вторглись в Ширван, доставив большие проблемы его правителю Фирибурзу, который вёл борьбу за престол со своим дядей по отцу, нашедшему поддержку в Дербенте у сторонников дербентского эмира и его союзника правителя Хайдака. Узнав, что сельджукский султан Алп-Арслан вторгся в Арран в октябре 1067 года, правители Ширвана и Аррана прибыли к нему с изъявлением покорности, после чего Алп-Арслан направился со своими войсками в Грузию. После похода на Грузию, который упоминался в источниках вместе с «походом на Рум», султан направил сельджукские войска под командованием наджиба Сау-Тегина, покорившие Ганджу и Бардаа, в Баб ал-абваб, что свидетельствует о его особом интересе к Дербенту. Поход Сау-Тегина, с которым султан отправил известного дербентского раиса Аглаба б. Али, несомненно, был первой попыткой сельджукских султанов распространить их власть на этот важнейший военно-политический и экономический центр Кавказа. «Когда сельджукский султан Алп-Арслан занял Азербайджан, он послал своего наджиба Сау-Тегина с отрядом регулярных войск в ал-Баб» [1, с. 77].

Однако вскоре наджиб Сау-Тегин был отозван султаном и сельджукские войска покинули город, власть в котором Сау-Тегин временно передал Аглабу б. Али.

После ухода сельджукских войск Дербент стремились захватить правители и Аррана, и Ширвана, каждый из которых пытался подчинить себе этот важнейший стратегический центр. В 1068 г. объединённое войско эмира Дербента и хайдакцев разгромили войска Ширваншаха, опиравшегося здесь на большинство мятежных раисов. Весьма значительную роль в борьбе с Ширваном сыграли правители Горного

Дагестана – «цари гор», прежде всего Хайдака и Сарира, тесно связанные с дербентскими эмирами родственными отношениями. Опираясь на поддержку правителя Хайдака на дербентский престол дважды был посажен малолетний эмир Абд ал-Малик, которому присягнули и раисы ал-Баба, справедливо полагая, что в отличие от Ширваншаха, он будет удобной марионеткой в их руках.

Однако Алп-Арслан не отказался от своих планов завладеть Дербентом, который на время переходил то в руки эмиров, то под власть дербентских раисов. В 464 г. х. / 1071 г. Алп-Арслан, одержав победу над византийским императором Романом Диогеном, «послал своего тюркского гулама Йагама в пограничную область» [1, с. 79], который «захватил и город, и цитадель» [1, с. 79]. Но «после возвращения султана в (персидский) Ирак народ ал-Баба снова призвал эмира Абд ал-Малика из Хайдака; его привезли в город (бадад), вручили ему власть, и он стал сражаться с Ширванцами с переменным успехом» [1, с. 79]. Исходя из данных источников, Алп-Арслану и второй раз не удалось установить свою прочную власть в Дербенте, и «положение в ал-Бабе оставалось неустойчивым» [1, с. 104].

Окончательно укрепиться в Дербенте сельджуки смогли, вероятно, только с третьей попытки. «Тарих Баб ал-абваб» сообщает: «В декабре 1075 года Ахмат б. Али, гулам эмира двух Ираков, прибыл как посол султана в ал-Баб. Он сказал, что султан пожаловал пограничную область (т. е. Дербент. – А. К. и Т. Ш.) Сау-Тегину, и имя последнего стало читаться в хутбе после имени султана с кафедр (мечетей) пограничной области» [1, с. 79].

Представляется вероятным, что в последней четверти XI – первой четверти XII в. местная арабская династия Хашимидов оказалась отстранена от власти в Дербенте. Но, исходя из сообщений некоторых арабских авторов, смогла вернуть себе дербентский престол, возможно, уже во второй четверти XII в.

Так, испанский араб Абу Хамид ал-Андalusи, ал-Гарнати, посетивший Дербент в период между 1130–1150 гг., писал, что дербентским эмиром в этот период был представитель местной Хашимидской династии из хорошо известного арабского племени Сулами – Сейф ад-Дин Мухаммад б. халифа ас-Сулами [5, с. 24–25].

Освободившись от сельджукской зависимости, дербентские эмиры не только восстановили свою власть над одним из известных государств Кавказа, но, по сообщениям источников этого времени, заняли весьма высокое положение среди наиболее значительных правителей региона.

Свидетельством тому является очень ценное сообщение арабского автора XII века Ибн ал-Азрака ал-Фарики, который в 549 г. х. /

1154 г. поступил на службу к царю Грузии, «владетелю Тифлиса, и вместе с ним участвовал в походе его войска» [6, с. 222]. Он писал: «И я был с царём, и мы провели несколько дней в области (вилает) Дарбанд – и Хазаран» [6, с. 222–223]. Ибн ал-Азрак сообщает, что «Малик Дербенда эмир Абу-л-Музафар вышел, чтобы выразить своё почтение... так как он был зятем царя, будучи женат на его дочери» [6, с. 223]. Удивительно, но дербентский эмир из местной династии Хашимидов оказался связанным столь близким родственным союзом с царём христианской Грузии, что, несомненно, свидетельствовало, как и сам факт посещения Дербента с дружественным визитом грузинским царём, о большом авторитете дербентского правителя на Кавказе и о стремлении Грузии иметь добрые отношения с Дербентом, лежащим на границе кавказско-ближневосточного земледельческого мира с крупными объединениями кочевников Юго-Восточной Европы и Северного Кавказа.

Источники сообщают, что накануне монгольского нашествия во второй половине XII – первой четверти XIII вв. военно-политическое влияние Грузии на Кавказе сильно возросло. Ширван, Арран, а позднее и Азербайджан вынуждены были отстаивать свою территориальную целостность и независимость от постоянных грузинских вторжений. В правление царей Георгия III (1156–1184), его дочери царицы Тамар (1184–1213), Георгия IV (1211–1223) и других правителей Грузии этого времени грузинские войска неоднократно вторгались на территорию Аррана, Ширвана, Азербайджана. [7, т. 9, с. 269–284; 10, с. 103–107]

При этом надо отметить, что источники свидетельствуют о значительной поддержке, оказанной Грузией в XII–XIII вв. Ширвану в его борьбе с экспансией Дербентского эмирата. Согласно грузинской хронике, именно грузинские войска помогли Ширвану отразить самое крупное вторжение Дербента в Ширван, которое произошло при дербентском эмире Бек-Барсе около 1173 г. В этом походе вместе с дербентскими войсками участвовали аланы, хазары и русы, флот которых численностью 73 корабля потерпел поражение в районе Баку. И хотя известный ширванский поэт XII в. Хакани, как и положено придворному поэту, успех в отражении нападения дербентских и северокавказских войск приписал Ширваншаху, Ахситану б. Минучихру, [1, с. 185–186], подлинными спасителями Ширвана были грузинские войска, пришедшие на помощь Ахситану. В другой косыде Хакани сообщает, что в отражении этого вторжения эмира Бек-Барса в Ширван принял участие находившийся в гостях у грузинского царя Георгия III наследник византийского престола, будущий император Византии Андроник Камнен [8, с. 69].

Накануне монгольского нашествия, в период второй половины XII – нач. XIII вв., «гру-

зинские цари несколько раз поддерживали Ширван в его борьбе с Дербентом» [1, с. 186]. Однако никаких данных о вторжении грузинских войск конкретно на территорию самого Дербента или об их попытках штурмовать дербентскую цитадель или город в источниках нет.

Более того, уникальные сведения арабского автора Ибн ал-Азрака ал-Фарики о дружеских родственных отношениях царя Грузии с эмиром Дербента позволяют предполагать, что дербентско-грузинские отношения в сер. XII – нач. XIII вв. в большей мере были дружеские, чем враждебные.

Следует отметить, что придворный ширванский поэт Хакани очень чётко засвидетельствовал особое место дербентских эмиров в регионе. Он посвятил одну из своих косыд эмиру Дербента Сейф ад-Дину Арслану Музаффару и Мухаммаду дара-йи Дербент, в которой восхвалял противника Ширвана, наградив его высокими титулами и достоинствами. Несмотря на сложные, нередко враждебные, отношения дербентских Хашимидов с Ширваншахами, Хакани подчёркивает почётное место дербентского эмира в феодальной иерархии государей Кавказа и Ближнего Востока. Он величает его и «сардаром», и «саларом», и «шахом», и «шахиншахом», подчёркивая при этом высокое происхождение дербентского правителя из известного арабского племени «бану Сулайм». Ширванский поэт, акцентируя на этом свое восхваление, писал: «О Шах, ты араб по природе и рождению» [1, с. 185].

Высокий статус и независимое положение эмиров Дербента, принадлежавших к местным арабским династиям, хорошо документируют и многочисленные монеты XII – начала XIII в. местной чеканки с именами только дербентских эмиров и арабских халифов, но без упоминания сельджукских, хорезмийских или каких-либо других сюзеренов. Анализ обширного нумизматического материала Дербента XII–XIII вв., проведённый известным кавказоведом Е. А. Пахомовым, выявил среди монет этого периода многочисленные монеты независимых дербентских эмиров, в том числе и упоминаемых в приведённых письменных источниках. Среди них можно отметить монеты ал-Малика ал-адил Музаффар б. Мухаммада б. халифа, имя которого сопровождалось именами халифа ал-Муктафи (1136–1160) и халифа ал-Мустанджида (1160–1170); монеты Бек-Барса б. Музаффара, с именами халифов Мустади (1170–1180) и Насира (1180–1225); монеты Абд ал-Малика б. Бек-Барса, с именем халифа Насира (1180–1225) и др. [9, с. 10–12].

Проведённые исследования многочисленных монет, обнаруженных на территории Дербента и других военно-политических и экономических центров средневекового Кавказа, позволили Е. А. Пахомову сделать вывод, что в

XII – начале XIII в. в Дербенте чеканились монеты местных правителей, т. е. представителей независимой дербентской династии, без признаков их вассальной зависимости [9, с. 11–12].

В процессе исследования Е. А. Пахомовым было выявлено, «что масса находимой здесь монеты XII в. состоит почти исключительно из чекана именно этой династии» [там же], и нет сомнений, в том, что «их коренным месторождением (их чеканкой. – А. К., Т. Ш.) является Дербент и что в них мы имеем чекан местных дербентских владетелей XII века» [там же]. Обширный нумизматический материал чётко свидетельствует, что владетели из местной дербентской династии в этот период обладали главным для мусульманского Востока и Кавказа показателем наличия независимости и суверенитета их государственной власти и правления – это возможность чеканки собственной монеты без каких-либо признаков вассальной зависимости. На дербентских монетах, отчеканенных во второй половине XII – начале XIII в. кроме правителей Дербента, упоминаются лишь имена халифов, власть которых на Ближнем и Среднем Востоке была чисто номинальной и ограничивалась лишь духовной сферой.

Приведенные средневековые источники, как письменные, так и нумизматические, свидетельствуют, что, несмотря на пожалование города Дербента и его округа известным сельджукским султаном Алп-Арсланом в 1075 г. своему военачальнику Сау-Тегину в качестве «лена», надолго распространить свою власть и влияние на этот важный военно-политический и экономический центр сельджуки не смогли. Это не удалось ни сельджукским султанам, ни правителям государства хорезмшахов, ни последнему хорезмшаху Джелал ад-Дину Манкбурны, ни военачальникам Чингиз-хана Сюзбэгтэйбагатуру и Джэбэ-нойону, разгромившим и разграбившим самые крупные города Кавказа и Ближнего Востока. Захватить Дербент и установить здесь своё владычество в первой четверти XIII в. монголы не смогли.

Последние десятилетия XII в. ознаменовались обострением военно-политической обстановки на Восточном Кавказе. После удачного отражения с помощью Грузии вторжения дербентских войск под командованием эмира Бек-Барса, поддержанного аланами, русами, и горцами Северного Кавказа, на территорию Ширвана в 1173 году Ширваншах Ахситан I в 582 г. х. / 1186 г. воспользовался междоусобной войной в Азербайджане после смерти атабека Джохана Пахлавана, вторгся в Азербайджан и попытался разгромить атабека Кызыл-Арслана. Но вторжение оказалось неудачным, и войска Ахситана были разбиты, а сам он вынужден был в спешке отступить в Баку. Кызыл-Арслан вторгся в Ширван, захватил его столицу и территории Восточного Кавказа до Дербентского

прохода, которые на протяжении нескольких лет находились в подчинении атабека Кызыл-Арслана. О вассальной зависимости Ширваншаха Ахситана от атабеков Азербайджана чётко свидетельствуют монеты, на которых вместе с именем Ахситана отчеканены имена султанов Арслан-шаха (1161–1176) и Тогрула III (1176–1194), которые сопровождаются именами халифов ал-Мустанджида, ал-Мустади и ан-Насира [10, с. 158–159].

Лишь после смерти атабека Кызыл Арслана и султана Тогрула III на монетах преемников Ахситана исчезают имена иракских султанов и, вероятно, «сбрасывается вассальная зависимость от них, бьют монету лишь от собственного имени, впервые упоминая на ней титул Ширваншаха» [10, с. 158–159]. В этот период дербентские эмиры продолжали чеканить монеты от своего имени без признаков зависимости от атабеков Азербайджана или других сюзеренов, что позволяет предполагать их полную независимость.

Сложный период конца XII – первой четверти XIII в. ознаменовался в истории Ближнего Востока и Кавказа, в том числе в развитии Дербентского эмирата, целым рядом известных военно-политических событий, из которых наиболее значительным являлась экспансия государства хорезмшахов на территории Ближнего Востока и Кавказа. Хорезмшах Алла ад-Дин Мухаммад, который в 1215 г. распространил свою власть на Ирак Персидский, и, разгромив атабека Азербайджана Узбека, вторгся на территорию Азербайджана. Он заставил атабека и зависимых от него правителей соседних государств признать вассальную зависимость от Алла ад-Дина Мухаммада. Узбек признал свою вассальную зависимость от Алла ад-Дина, и в мечетях Азербайджана стали читать хутбу в его честь и чеканить монеты с именем Алла ад-Дина Мухаммада [11, с. 45]. «В честь султана провозглашали хутбу с минбаров Аррана и Азербайджана – до самого Дербента и Ширвана» [11, с. 45].

После разгрома атабека Азербайджана Узбека хорезмшахом Алла ад-Дином Мухаммадом угроза завоевания нависла уже и над Ширваном, правитель которого Ширваншах Гершасбе I, чтобы предотвратить вторжение хорезмшаха свою страну, признал собственную вассальную зависимость от Хорезма. «С минбаров городов Ширвана до самого Дербента в честь султана провозглашали хутбу» [11, с. 61].

К 1217 г. Алла ад-Дин Мухаммад распространил свою власть на многие государства Ближнего Востока и Кавказа, включая Ирак Персидский, Фарс, Керман, Азербайджан, Арран, Ширван и другие страны. Хорезмшах подготовил 50 000 отборной конницы для похода на Грузию, правитель которой прилагал большие дипломатические усилия, стараясь любым пу-

тём остановить вторжение, что ему удалось в связи с подготовкой Алла ад-Дина похода на Багдад.

Вопрос о возможности признания и Дербентом своей вассальной зависимости от хорезмшаха Алла ад-Дина Мухаммада представляется очень сомнительным и остаётся открытым. Монет, чеканенных в Дербенте с именем хорезмшахов не обнаружено, а в сообщениях источников говорится лишь о городах Ширвана, в отличие от которых о провозглашении «хутбы» в честь Алла ад-Дина с минбаров дербентских мечетей, неизвестно. Можно предполагать, что при отсутствии реальной угрозы нападения на Дербент со стороны хорезмшаха правители города, защищённые его мощными стенами, могли сохранять свою независимость и соблюдать нейтралитет с наиболее значительными государями Кавказа и Ближнего Востока, в том числе и с могущественным хорезмшахом Алла ад-Дином [4, с. 96].

Монгольское нашествие на территорию государств региона значительно изменило военно-политическую обстановку на Кавказе. В 1220 г. монголы, очень успешно воспользовались военно-стратегическими и политическими ошибками хорезмшаха Алла ад-Дина Мухаммада, разгромили его огромную державу, захватив и разграбив крупнейшие экономические и культурные центры мусульманского Востока. Сам хорезмшах, не пытаясь оказать достойного сопротивления войскам Чингиз-хана, бежал из страны, когда его многочисленная армия ещё продолжала сражаться с монголами. В погону за Алла ад-Дином Мухаммадом Чингиз-хан послал 20 000 своих лучших воинов под командованием известных военачальников Сюзбэгтэйбагатура и Джэбэ-нойона, «приказав им днём и ночью преследовать хорезмшаха, схватить его и доставить к нему» [12, с. 210–213].

Недалеко от Амуля Алла ад-Дин Мухаммад добрался до Каспийского моря и, спасаясь от монголов на корабле, доплыл до пустынного острова Ашур-Ада, расположенного поблизости от порта Абаскун, где вскоре скончался, передав власть и свой титул хорезмшаха старшему сыну Джелал ад-Дину Манкбурны, который в течение целого десятилетия играл важнейшую роль в истории Кавказа и Ближнего Востока эпохи монгольского нашествия в регионе.

Монгольские войска, посланные Чингизханом за Алла ад-Дином Мухаммадом появились на Кавказе в конце 1220 – начале 1221 г., до этого разгромив и разграбив многие известные города и экономические центры региона.

Однако это печальная судьба не постигла Дербента, одного из крупных и очень хорошо укрепленных городов региона. Монголы не решились штурмовать мощные дербентские стены, но обманным путём выманили из города посольство и под страхом смерти заставили показать обходные пути в горах, где значительная часть знаменитой Горной стены пришла в упадок, так как содержать и охранять весь огромный оборонительный комплекс в горах дербентским эмирам было и очень сложно, и дорого.

Результаты. Исследования военно-политического и социально-экономического развития Дербента в один из наиболее слабо освещённых в письменных источниках период XII – первой четверти XIII вв. свидетельствуют, что накануне монгольского нашествия на Кавказ Дербент являлся крупным, хорошо укрепленным городом Восточного и Северного Кавказа, важным военно-политическим центром всего региона. Дербентские эмиры, как чётко свидетельствуют письменные, нумизматические и археологические источники, после длительной упорной борьбы с городской феодальной знатью (раисами), смогли укрепить своё лидирующее положение в дербентском обществе и одержать верх над центробежными устремлениями местной аристократии. Стабилизация социально-политической ситуации в дербентском феодальном обществе XII – начале XIII в. позволила дербентским эмирам сохранить свой военно-политический и административный статус в регионе, оставаясь практически независимыми правителями. Период сельджукской, а затем хорезмшахской экспансии на Кавказе в XI – первой четверти XIII в., когда такие значительные государства, как Азербайджан, Арран, Ширван, попали в зависимость от сельджукских султанов и хорезмшахов, Дербент накануне монгольского нашествия в регионе выступал одним из наиболее значительных государств Восточного и Северного Кавказа, возглавлявшегося во второй половине XII – первой половине XIII в. независимыми владетелями.

Литература

1. Тарих Баб ал-абваб. Арабск. текст, перевод, комментарии // В. Ф. Минорский. История Ширвана и Дербенда. М.: Изд-во восточной литературы, 1963. 265 с.
2. Киракос Гандзакец. История Армении / пер. и ком. Л. А. Ханларян. М.: Наука, 1976. 359 с.
3. Кудрявцев А. А. Феодальный Дербент: Пути и закономерности развития города в VI – середине XIII в. М.: Наука, 1993. 320 с.
4. Кудрявцев А. А. Мусульманский город Дагестана: Сложение Дербента в домонгольский период. Махачкала: Даг. кн. изд-во, 1994. 319 с.
5. Путешествие Абу Хамида ал-Гарнати в Восточную и Центральную Европу (1131–1153 гг.) / пер. с араб.; публикация О. Г. Большакова, А. Л. Монгайта. М.: Наука, 1971. 133 с.

6. Ибн ал-Азрак ал-Фарики. Посещение Ибн ал-Азраком Дербенда в 549 / 1154 году / публик. и перевод В. Ф. Минорского. Приложение V: История Ширвана и Дербенда. М.: Изд-во восточной литературы, 1963. 265 с.
7. Ибн ал-Асир. Ал-камил фи-т-тарих. Каир 1348 г. х. Т. 9: Полный свод истории // Буниятов З. М. Государство атабеков Азербайджана (1136–1225). Баку: Изд-во «Элм», 1978. 271 с.
8. Вильчевский О. Л. Хакани Некоторые черты творчества и мировоззрения поэта // Советское востоковедение. 1957. № 4. С. 63–76.
9. Пахомов Е. А. О Дербентском княжестве XII–XIII вв. // Известия Азербайджанского государственного научно-исследовательского института. 1930. Т. I. Вып. 2. С. 3–13.
10. Буниятов З. М. Государство атабеков Азербайджана (1136–1225). Баку: Изд-во «Элм», 1978. 271 с.
11. Шихаб ад-Дин Мухаммад ан-Насави. Жизнеописание султана Джалал ад-Дина Манкбурны / пер. с араб., ком. и прим. З. М. Буниятова. Баку: Изд-во «Элм», 1978. 271 с.
12. Рашид-ад-Дин. Сборник летописей. Т. I. Кн. 2. / пер. с персидского О. И. Смирновой. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1952. 320 с.

References

1. Tarikh Bab al-Abwab. Arabic text, translation, commentary, quoted from: VF. Minorsky. History of Shirvan and Derbent. Moscow: Publishing House of Eastern Literature; 1963. 265 p. (In Russ.).
2. Kirakos Gandzaketsi. History of Armenia / translated and commented by L. A. Khanlaryan. Moscow: Nauka Publishing House; 1976. 359 p. (In Russ.).
3. Kudryavtsev A. A. Feudal Derbent: The Paths and Patterns of the City's Development in the 6th – Mid-13th Centuries. Moscow: Nauka; 1993. 320 p. (In Russ.).
4. Kudryavtsev AA. Muslim City of Dagestan: The Formation of Derbent in the Pre-Mongol Period. Makhachkala: Dag. Book Publishing House; 1994. 319 p. (In Russ.).
5. Abu Hamid al-Garnati's Journey to Eastern and Central Europe (1131-1153). Translated from Arabic / Published by OG. Bolshakov, AL. Mongait. Moscow: Nauka; 1971. 133 p. (In Russ.).
6. Ibn al-Azrak al-Fariqi. Ibn al-Azrak's Visit to Derbent in 549/1154. Published and translated by VF. Minorsky. Appendix V. History of Shirvan and Derbent. Moscow: Publishing House of Oriental Literature; 1963. 265 p. (In Russ.).
7. Ibn al-Athir. Al-kamil fit-at-tarikh. Cairo 1348 AH. Vol. 9. Complete History / translated by ZM. Bunyatov. Quoted from: The State of the Atabeks of Azerbaijan (1136-1225). Baku: Elm Publishing House, 1978. 271 p. (In Russ.).
8. Vilchevsky OL. Khakani. Some Features of the Poet's Work and Worldview. Soviet Oriental Studies. 1957;(4):63-76. (In Russ.).
9. Pakhomov EA. On the Derbent Principality of the 12th-13th Centuries. Proceedings of the Azerbaijan State Scientific Research Institute. 1930;1(2):3-13. (In Russ.).
10. Bunyatov ZM. The State of the Atabeks of Azerbaijan (1136-1225). Baku: Elm Publishing House; 1978. 271 p. (In Russ.).
11. Shihab ad-Din Muhammad an-Nasawi. Biography of Sultan Jalal ad-Din Mankburnu / translated from Arabic, commentary and notes ZM. Bunyatova. Baku: Elm Publishing House; 1978. 271 p. (In Russ.).
12. Rashid ad-Din. Collection of Chronicles. Volume I, Book 2. / translated from Persian by OI. Smirnova. Moscow; Leningrad: Publishing House of the Academy of Sciences of the USSR; 1952. 320 p. (In Russ.).

Научная статья

УДК 94 (470.6)“1772/1918”

<https://doi.org/10.37493/2409-1030.2025.3.9>**ЮЖНОРОССИЙСКИЙ (КАВКАЗСКИЙ) СЮЖЕТ В ИСТОРИИ ПРЕБЫВАНИЯ ИЕЗУИТОВ В РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ (1772–1918)****Сергей Степанович Лазарян^{1*}, Юрий Юрьевич Клычников²**^{1,2} Пятигорский государственный университет (д. 9, просп. Калинина, Пятигорск, 357532, Российская Федерация)¹ Доктор исторических наук, профессор
aflost@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-000202440-7118>² Доктор исторических наук, профессор
Klichnikov@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-3345-8793>

* Автор, ответственный за переписку

Аннотация. Введение. Центральная научная проблема статьи, связана с выявлением роли и направления деятельности представителей Римско-Католической церкви и Ордена Иисуса, в частности, в Кавказском крае, выделив её из контекста их присутствия в ареале Российской империи. Авторами подчеркивается, что, несмотря на относительно короткий срок официального благоволения к иезуитам в России, им удалось подготовить и воспитать достаточное число своих приверженцев и проводников умонастроений, благожелательных католической Европе и одновременно посеять дух неустойчивой лояльности к российскому престолу и интересам государства в среде некоторой части российской аристократической элиты, что могло способствовать многим негативным последствиям. **Материалы и методы.** Исследование построено на анализе текстов целого ряда архивных источников и опубликованных в тематических собраниях официальных документов разной направленности и функционального предназначения. Немалое значение для прояснения сущности исследуемой проблемы и решения поставленной научной задачи имели также материалы научных трудов отечественных и зарубежных историков, так или иначе касавшихся и освещавших заявленную тему. Обращение к творчеству конкретных ученых обусловливалось ракурсом их подходов и полученными выводами, которые содействовали эвристической продуктивности авторской интерпретации. **Анализ.** В работах целого ряда исследователей разного времени, в частности: А. Андреева, Э. Винтера, И. Губера, М. Инглота, священника М. Морошкина – рассматриваются учение, организация и практическая деятельность иезуитов в разных сферах общественной жизни и политике, их многочисленные связи с католическими и политическими элитами Европы и России, подчеркивается их корыстная нацеленность влиять на умы власть имущих. **Результаты.** По итогам проведенного исследования авторы пришли к выводу, что первоначальное благоволение к иезуитам со стороны российских монархов второй половины XVIII – начала XIX вв. диктовалось рядом взаимозависимых

причин, связанных как с общеевропейской социально-политической ситуацией, развивавшейся из последствий Французской революции 1789–1793 гг., как внешними и внутренними угрозами российскому престолу, так и желанием воспользоваться временным нерасположением европейской политической элиты к Ордену Иисуса, его социально-политическим опытом для получения новых возможностей тайного или публичного влияния России в Европе, закрепления её геополитического статуса. В то же время, выявив и осознав корыстные поползновения иезуитов в отношении российского престола и аристократической элиты, их стремления превратить российский политикум и общественные структуры в инструменты удовлетворения собственных интересов орденовой конгрегации и Римского папства привели к решительному разрыву с Орденом Иисуса и его официальному изгнанию за пределы Российской империи.

Ключевые слова: Россия, Кавказ, орден иезуитов, аристократическая элита, религиозное миссионерство, коварство, шпионаж, неблагоприятные последствия

Для цитирования: Лазарян С. С., Клычников Ю. Ю. Южнороссийский (кавказский) сюжет в истории пребывания иезуитов в Российской империи (1772–1918) // Гуманитарные и юридические исследования. 2025. Т. 12. № 3. С. 429–436. <https://doi.org/10.37493/2409-1030.2025.3.9>

Конфликт интересов: один из авторов – доктор исторических наук, профессор Ю. Ю. Клычников является членом редакционной коллегии журнала «Гуманитарные и юридические исследования». Авторам неизвестно о каком-либо другом потенциальном конфликте интересов, связанном с этой рукописью.

Вклад авторов: все авторы внесли равный вклад в подготовку публикации.

Статья поступила в редакцию: 24.04.2025.

Статья одобрена после рецензирования: 15.06.2025.

Статья принята к публикации: 25.08.2025.

Research article

THE SOUTH RUSSIAN (CAUCASIAN) PLOT IN THE HISTORY OF THE JESUITS' STAY IN THE RUSSIAN EMPIRE (1772-1918)**Sergey S. Lazarian^{1*}, Yury Yu. Klichnikov²**^{1,2} Pyatigorsk State University (9, Kalinina Ave., Pyatigorsk, 357532, Russian Federation)¹ Dr. Sc. (History), Professor
aflost@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-000202440-7118>² Dr. Sc. (History), Professor
Klichnikov@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-3345-8793>

* Автор, ответственный за переписку

Abstract. Introduction. The study specifies the role and direction of activities of representatives of the Roman Catholic Church and the Order of Jesus, in particular, in the Caucasus region, having isolated it from the context of their presence in the area of the Russian Empire. The authors emphasize that despite the relatively short period of official favor towards the Jesuits in Russia, they managed to prepare and educate a sufficient number of their adherents and conductors of sentiments

favorable to Catholic Europe and at the same time sow the spirit of unstable loyalty to the Russian throne and the interests of the state among some part of the Russian aristocratic elite, which could contribute to many negative consequences. **Materials and methods.** The study is based on the analysis of texts of a number of archival sources and official documents of different focus and functional purpose published in thematic collections. Of considerable importance for clarifying the es-

sence of the problem under study and solving the set scientific task were also the materials of scientific works of domestic and foreign historians, one way or another touching upon and covering the stated topic. The appeal to the works of specific scientists was determined by the perspective of their approaches and the conclusions obtained, which contributed to the heuristic productivity of the interpretation. **Analysis.** The works of a number of researchers of different times, in particular, Alexander Andreev, Eduard Winter, Johann Huber, Marek Inglot, priest Mikhail Moroshkin, examine the teaching, organization and practical activities of Jesuits in various spheres of public life and politics, their numerous connections with the Catholic and political elites of Europe and Russia, emphasizing their selfish focus aimed at ensuring access and influencing the minds of those in power. **Results.** Based on the results of the study, the authors came to the conclusion that the initial favor towards the Jesuits on the part of the Russian monarchs of the second half of the 18th – early 19th centuries was preconditioned by a number of interdependent reasons related to both the pan-European socio-political situation that developed from the consequences of the French Revolution of 1789-1793, both external and internal threats to the Russian throne, and the desire to take advantage of the temporary dislike of the European political elite for the Order of Jesus, its socio-political experience in order to gain new opportunities for secret or public influence of Russia in Europe, to consolidate its geopolitical status. At

Введение. После первого раздела Польши в 1772 г. российскими подданными сделались около 200 иезуитов, происходивших большей частью из поляков и литовцев, организованных в 6 коллегий (Полоцкая, Витебская, Оршанская, Мстиславская, Могилевская, Динабургская), дополнявшихся большим числом разных миссий [22]. Императрица Екатерина II всячески способствовала их деятельности в России, в столицах и в провинции, даже несмотря на решение Римского первосвященника Климента XIV о роспуске Общества Иисуса в 1773 г. и запрещения его деятельности в Европе.

В рамках реализации политики, направленной на преодоление барьеров, выстраиваемых Европой для сдерживания России в её стремлении продвигаться в западном направлении, имперские власти пользовались всякой возможностью и любыми инструментами, которые могли бы содействовать успеху российских начинаний. Под эгидой российской императрицы орден иезуитов восстановил свои ряды и организационно окреп. Российское государство, сделавшись империей и приобретая новые геополитические возможности и международный статус, нуждалось в большом количестве европейски образованных людей для эффективного ведения дел в различных сферах государственного управления и общественной жизни как внутри страны, так и за её пределами. Российская императрица располагала получить содействие в этом вопросе от иезуитов, прославившихся своими успехами на ниве образовательной деятельности, чья система воспитания и обучения считалась наиболее продуманной и передовой для XVIII в.

Материалы и методы. Опираясь на историко-библиографический анализ трудов отечественных и зарубежных исследователей (А. Андреев, Э. Винер, И. Губер, М. Инглот, М. Морошкин, Д. Олейников, Б. Чаплицкий), а также воспользовавшись критически-аналитическим осмыслением архивных источников (фонды

the same time, having identified and realized the selfish ambitions of the Jesuits in relation to the Russian throne and the aristocratic elite, their desire to turn Russian politics and social structures into instruments for satisfying the interests of the order's congregation and the Roman papacy led to a decisive break with the Order of Jesus and its official expulsion from the borders of the Russian Empire.

Keywords: Russia, Caucasus, Jesuit Order, aristocratic elite, religious missionary work, deceit, espionage, adverse consequences

For citation: Lazarian SS, Klichnikov YuYu. The South Russian (Caucasian) Plot in the History of the Jesuits' Stay in the Russian Empire (1772-1918). Humanities and law research. 2025;12(3):429-436. (In Russ). <https://doi.org/10.37493/2409-1030.2025.3.9>

Conflict of interest: one of the authors, YuYu Klychnikov, Dr. Sc. (History), Professor, is a member of the editorial board of the journal "Humanities and law research". The authors are unaware of any other potential conflict of interest related to this manuscript of interests.

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article.

The article was submitted: 24.04.2025

The article was approved after reviewing: 15.06.2025.

The article was accepted for publication: 25.08.2025.

ГАСК) и опубликованных официальных документов (АКАК, ПСЗ РИ), авторы задействовали ретроспективный, иллюстративный, историко-сравнительный и персонально-биографический методы, которые вместе с методами исторической реконструкции и синтеза позволили создать собственное видение исследуемой проблемы. При этом стоит отметить, что несмотря на довольно широкую разработку названной тематики, все вышеназванные авторы недостаточно или совсем не обращали внимания на деятельность иезуитов на Северном Кавказе или, упоминая об этом, не анализировали и не оценивали роли и результатов их деятельности в регионе.

Анализ. Исходя из вышеназванной политической ситуации в Европе второй половины XVIII в. и устремлений российской монархии, иезуитам в первую очередь поручалась просветительская деятельность в западных губерниях Российской империи, где они должны были внедрять в умы людей не только научные знания и вероисповедные постулаты, но также готовить лояльных российскому престолу подданных. По словам Марка Инглота, именно в этом «Екатерина II видела главный довод в пользу сохранения Общества Иисуса в её империи» [13, с. 139].

Этот же автор сообщает, что летом 1784 г. российская правительница вызвала в Санкт-Петербург иезуитов Франциска Кареу, Каэтана Герыка и Людвика Жевусского для того, чтобы они проинспектировали столичные школы и внесли усовершенствования в программу преподавания, связанные с увеличением объемов, отводимых для естественных и точных наук, а также современных языков [13, с. 141]. России нужны были специалисты естественнонаучного профиля, военные, инженеры и дипломаты.

Кроме того, находясь в России, иезуиты продолжали поддерживать связи с европейскими собратьями и другими католическими орденами, сохраняя возможности косвенного влияния на европейские престолы, что делало их необходи-

мыми агентами закулисной дипломатии, способными в определенных обстоятельствах сделаться проводниками интересов российского престола или всякого рода негласных усилий посреднического или тайного диалога с европейскими монархами.

Особую симпатию к иезуитам выказал император Павел Петрович, в лице которого российские иезуиты получили могущественного покровителя. Как писал Эдуард Винтер, «это была любовь с первого взгляда, она была плодом взаимопонимания – обе стороны поняли, что могут оказать друг другу серьезную поддержку» [7, с. 195]. В это правление иезуитам были предоставлены новые существенные права и возможности как в сфере образования и воспитания, поскольку они убедили монарха в том, что Общество Иисуса представляло «самую надёжную преграду против распространения безверия» [13, с. 148], так и в других областях деятельности, полезной российскому государству [13, с. 145].

Император Павел I сохранял «несокрушимое доверие к иезуитам» [7, с. 206; 4, с. 98] на протяжении всего своего правления. Благодаря иезуитам у Петербурга окрепли связи с Римским Престолом в международных делах. В свою очередь, укрепление позиций иезуитов в России сильно способствовала образовавшаяся вокруг царского трона очень влиятельная католическая группировка, состоявшая из высшей польской знати, среди которой присутствовали члены фамилий Потоцких, Браницких, Немцевичей, Любомирских. Павел I видел в них непобедимый оплот против революционного безбожия, транслировавшегося по Европе из революционной Франции. Эдуард Винтер подчеркивал, что иезуиты сумели «разъяснить российскому императору, какую роль может играть Католическая церковь и иезуитский орден с его учебными заведениями в борьбе против всякого революционного движения, и тот пришел к заключению, что иезуиты должны стать опорой его державы» [7, с. 208].

В Санкт-Петербурге в ведение иезуитов была передана епархиальная церковь св. Екатерины со всеми её огромными капиталами, получаемыми от доходных домов, и с паствой в 10 000 человек. Иезуиты в ответ немедленно организовали школу для детей самых влиятельных семей российской знати [7, с. 209]. Близость российского трона с иезуитами стала особенно тесной. Поэтому гибель императора Павла I в марте 1801 г. иезуитами была воспринята как тяжелый удар: они потеряли искреннего покровителя Римской церкви и Общества Иисуса [7, с. 219].

В начале правления императора Александра I сотрудничество российского престола с иезуитами продолжилось, но несколько изменилась общая обстановка: Александр I и его советники выросли в иной среде, чем рос Павел I и его советники-иезуиты. Либеральные идеи эпохи Просвещения сделались частью мировоззрения новых людей на троне и вокруг него [7, с. 219]. В то

же время, несмотря на эти перемены, союз с иезуитами продолжал укрепляться.

В 1803 г. в Санкт-Петербурге иезуиты открыли благородный пансион для детей высшей российской знати. В 1805 г. в этом пансионе обучались 56 воспитанников, выходцев из аристократических семей [22]. Среди столичных аристократов также в большой моде был пансион аббата Николая, открытый ещё в 1794 г. Первыми воспитанниками пансиона, были сыновья князей Юсупова и Голицына. Престиж и избранность, несмотря на высокую плату (1500 руб. сер. в год), доставляли Аббату Николаю новых знатных пансионеров. В начале XIX в. их насчитывалось 24 человека – отпрыски семейств Гагариных, Меншиковых, Орловых, Нарышкиных, Плещеевых, Волконских, Гурьевых, Кочубеев, Потёмкиных, Бенкендорфов и других [17, с. 18–19]. В иезуитских пансионах должны были, по словам Константина Батюшкова, «изготавливать полезных людей для государства» [17, с. 20].

Это засилие людей, связанных с иезуитами также отмечал священник Русской Православной церкви Михаил Морошкин, который сокрушался по поводу того, что повсеместно в Санкт-Петербурге или Москве в барских домах «какой-нибудь латинский духовный был или гувернером, или библиотекарем, или домашним учителем» [16, с. 262]. В иезуитских школах и пансионах не только учили наукам и языкам, но также изучали характеры и стремления каждой личности и опутывали своими сетями тех, кто мог в будущем принести им пользу. Так закладывался фундамент влияния и коллаборационизма.

Иезуиты ясно понимали, что будущее принадлежит тем, кто держит в руках молодое поколение из аристократических слоев общества, поскольку те принадлежали к когорте властителей [12, с. 202]. Ко времени прихода в Россию иезуиты уже «в течение 2 веков руководили образованием всей католической Европы» [12, с. 217].

Были также открыты миссии Ордена Иисуса на востоке и на юге империи: в Саратове (1803 г.), в Одессе (1804 г.), в Астрахани (1805 г.), а также многочисленные миссионерские пункты в других местах [13, с. 148]. На южных окраинах империи иезуитов, с их способностью очаровывать людей, предполагалось использовать в качестве миссионеров христианства. С их помощью надеялись навербовать и вырвать из рядов магометан возможно большое число представителей местных народов подвигнуть на сотрудничество с Российским государством.

По этому поводу в 1803 г. главнокомандующий в Грузии генерал от инфантерии князь П.Д. Цицианов считал необходимым позволить иезуитам обращать в христианскую веру «сопредельных Грузии магометан и некоторых идолопоклоннических поколений, в чем без сомнения, яко люди ученейшие и примерного поведения, миссионеры сии окажут более успехов, нежели рос-

сийские и грузинские проповедники, к подвигу сему непрележные и у горских народов доселе немного успевшие» [1, с. 281].

Этой позиции продолжали придерживаться и последующие начальники на Кавказе. По мнению генерала от кавалерии А. П. Торماسова, «многими же опытами изведено уже, что иезуиты наиболее других способны к привлечению разных народов последовать христианской религии и почти везде приобретали успехи как ясным толкованием о исповедании веры... так равно приноравливанием к склонности и образу мыслей обращаемых ими народов и примером кротости во всех поступках» [2, с. 178].

В кавказской военно-гражданской начальнической среде по примеру Санкт-Петербурга считали, что, несмотря на некоторые отличия в обрядах между православным исповеданием и католическим, оно «может с большой пользой быть введено между горскими народами; сим средством они отвратятся от единодушия с их соседями мухаммеданами, приближаясь к соединению с нами, сделаются навсегда покорными и верными подданными» [2, с. 178].

По этой причине генерал А. П. Тормасов просил Санкт-Петербург прислать во Владикавказскую крепость трёх иезуитских монахов и одного священника. Предполагалось завести там иезуитскую миссию, возвести католическую церковь и больницу на 25 человек из горских народов, находившихся в ведении иезуитов. Кроме того, этих монахов предполагалось отослать в Тагаурское ущелье для противодействия там магометанской пропаганде [2, с. 178].

В Астрахани представители ордена капуцинов возвели в армянской слободе деревянную католическую церковь *Beatae Virginis Mariae*. При этой церкви находились три патера, которые активно вовлекали армян в католичество. Скоро иезуиты вытеснили капуцинов из города, получив широкое влияние в местной армянской католической общине благодаря открытию в 1807 г. пансиона на 10 воспитанников и училища при названной церкви на 30 учеников. Кроме того, благодаря своей вкрадчивости, терпению и такту иезуиты приобрели многих поклонников в среде местной военно-административной элиты, чьи сыновья благодаря иезуитам могли получить весьма недурное по местным меркам образование, которое вполне способно было обеспечить им приличный карьерный рост [15].

Участником иезуитской миссии в Астрахани с 1805 г. был патер Иоанн Войшвилло, перебравшийся в 1806 г. в г. Моздок [5, с. 192]. До них в Моздоке действовал католический священник Давид Тантисов, который просил митрополита Сестренцевича, отпустить его на некоторое время в Грузию, желая помочь скопившимся там многим полякам, поскольку местные священники-капуцины проповедовали там только на грузинском языке. Патер Тантисов владел польским

языком, обучаясь у иезуитов. Митрополит Сестренцевич нашел просьбу Тантисова уважительной и отпустил его в Тифлис [22].

В Моздок стекалось немало миссионеро-иезуитов, которые потом рассредоточивались по вновь образуемым миссиям и колониям во Владикавказ, Грузию, Мингрелию, Имеретию и Новороссию. В 1807 г. к патеру И. Войшвилло присоединился патер Игнатий Воронич, который вынужден «за болезнью» покинуть Кавказ в 1809 г. В том же году на смену И. Вороничу в г. Моздок прибыл неутомимый бельгийский иезуит Анри Жиль, прослуживший вместе с патером И. Войшвилло при моздокском костёле до 1828 г., когда их сменил католический патер родом из армян Павел Деврициан.

Находясь в г. Моздоке, они затеяли строить новую католическую церковь, так как старая вконец обветшала. Генерал А. П. Тормасов позитивно отнесся к их начинанию и предписал Кавказскому гражданскому губернатору М. Л. Малинскому «не только не мешать католикам тем исправлять их церковь, но ежели они захотят ещё и вновь строить, то не препятствовать им в том, а напротив того, по просьбам их оказывать им возможное пособие по известному покровительству Г. И. к сему ордену» [2, с. 177].

Патеры И. Войшвилло и А. Жиль отправляли требы не только среди моздокских армян-католиков (оба названных патера владели армянским языком), они окормляли также поляков, служивших в русских кавказских войсках или проживавших в крае, будучи гражданскими чиновниками или участниками экономической иммиграции. Католические патеры-иезуиты были людьми целеустремленными, знали и собирали много разнообразных фактов из всех сфер общественной жизни, вели досье на влиятельных лиц и составляли архивы, где хранилась нужная им информация, в том числе стратегического характера. Сведения собирались из многих источников благодаря исповедям их паствы, что могло нести угрозу для планов русского правительству [6, с. 350].

Иезуиты были космополитическим орденом, который был чужд «какому бы то ни было национальному духу... Даже если Общество Иисуса служит другим нациям, прежде всего отстаивает свои интересы» [14, с. 144]. Иезуиты умели подчинять и направлять страсти и таланты индивидов на службу своего ордена, «заставляя отдельные личности работать ради разрастания могущества Общества Иисуса» [14, с. 146]. В связи с этим можно отметить, что ни один из орденов Римско-Католической церкви не оказывал такого громадного влияния на политическую жизнь всей Европы. Иезуиты негласно стремились к основанию мировой католической монархии.

Наиболее проницательные люди задумывались о возможных неприятных последствиях для

России от деятельности иезуитов. По этой причине сотрудничество российских властей с иезуитами продолжало укрепляться ровно до того момента, пока этот союз не угрожал интересам Российской империи. В то же время негативные последствия от проникновения в страну революционных идей из Франции и почти подавляющее очарование Наполеоном в среде российской дворянской молодёжи, вынуждали поддерживать союз с иезуитами, который казался до времени более значимым, «чем таящаяся в нём опасность» [7, с. 220].

С другой стороны, ситуация вокруг миссионерства иезуитов постепенно стала приобретать новые оттенки. Ход событий в революционной Франции, где первый консул Республики Наполеон Бонапарт начал сближение с Римским папой Пием VII, решив, что «католическая церковная организация была силой, которой нельзя было пренебрегать не только потому, что она могла принести много вреда, оставаясь в лагере врагов, но ещё больше потому, что могла принести большую пользу, перейдя в лагерь друзей». К тому же «Наполеон отчетливо понимал, что эта черная католическая рать очень и очень полезна именно для окончательного удушения ненавистной ему просветительской и революционной идеологии» [21, с. 104].

Потому 15 июля 1801 г. состоялось заключение конкордата между первым консулом Французской республики и папистами, которые не только восстанавливали свои позиции во Франции, но и получали всемогущего покровителя в борьбе с революционной безбожной идеологией по всей Европе. Помощь России в этом случае перестала быть актуальной, но возрастали способы укрепления позиций католичества в Российской империи и можно было добиваться подчинения Русской Православной церкви через унию с католиками, которую не успели довести до завершения из-за смерти Павла I.

Предвидя угрозу своим интересам со стороны папистов, император Александр I предпринял усилия для прояснения и определения места Римско-Католической церкви (РКЦ) на территории Российского государства. Одновременно ненадолго Санкт-Петербург прервал дипломатические сношения с Римским престолом, расценив его действия по сближению с Наполеоном как предательство в отношении прежних целей и принципов их сотрудничества. В ноябре 1801 г. был опубликован высочайше утвержденный декрет о преобразовании управления РКЦ в Российской империи, подчинявший её государству и исключавший возможность вмешательства в её дела со стороны римского папства [18, с. 823–829].

В 1810 г. было учреждено Управление духовными делами иностранных исповеданий, которому подчинили Католическую церковь в России, а после Наполеоновского нашествия в 1812 г. император Александр I сильно охладел к иезу-

итам, поскольку на востоке Европы они сделали базисом тайных операций, в том числе против интересов Российской империи. К тому же в аристократических семьях воспитанников столичных иезуитских школ стали возникать эксцессы и противоречия, связанные с тем, что их разум не только просветился науками, но неопытную молодость оболестили, поселили в сердца жестокую нетерпимость, стремились уничтожить «оплот царств, привязанность вере отечественной, и тем разрушить счастье семейств, произведя в них гибельное разномыслие» [20, с. 116].

Император был возмущен: Россия в воздаяние за покровительство и защиту ожидала от иезуитов «верности, усердия и пользы... По сей надежде допущены они были до воспитания и наставления юношества в науках и благонравии», но неожиданно открылось, что иезуиты «возомнили потрясать господствовавшее в Царстве Нашем православную Греческую веру... начали сделанную им доверенность употреблять во зло. Домогаться сделать человека отпадшим от своей веры; погасить в нем любовь к единоверцам, согражданам своим; отделить дух его от духа отечества; посеять раздор и вражду между семействами» [19, с. 408–409].

Неблагоприятным следствием такого воспитания сделалось участие в противоправительственном выступлении 14 декабря 1825 г. многих выучеников иезуитских пансионов, среди которых были А. П. Барятинский, С. Г. Волконский, В. М. Голицын, В. Л. Давыдов, В. А. Мусин-Пушкин, М. Ф. Орлов, И. В. Поджио, П. Н. Свистунов и другие. Выходившие из рук наставников-иезуитов молодые русские аристократы переставали быть русскими по духу людьми. «Это были французы с ног до головы, самые верные копии и снимки с их гувернеров и учителей. Это были французские эмигранты, но приехавшие не из Парижа, а родившиеся в Москве и Петербурге, безбожные и бредящие французскими утопиями» [16, с. 265–266].

За такими действиями иезуитов увидели злой умысел, их стремление к собственным выгодам и распространению вредного влияния в русском обществе. Это угрожало подорвать основание российского престола и основные скрепы государственного здания, что не могло быть терпимым. Потому 20 декабря 1815 г. последовал высочайший указ о запрещении иезуитам пребывать в столицах – Санкт-Петербурге и Москве – и о приведении Католической церкви в Санкт-Петербурге в положение, в каком она до 1800 г. пребывала [19, с. 408–409].

Иезуитов также стали подозревать в совращении и прозелитизме инославных и иноверных российских подданных в римско-католическую веру в миссиях, располагавшихся в Поволжье, Сибири, на Кавказе и Новороссии, а также в причащении в своих костелах униатов, что было строжайше запрещено. В Саратовской губернии и в Сибири, находившиеся там иезуиты часто

выходили за пределы предписанных им полномочий: под предлогом исправления треб они посещали также такие места, в которых не было римско-католиков для того, чтобы обольстить простолюдинов и переманить в своё исповедание [20, с. 115].

Кроме того, до имперских властей дошли сведения, что в Могилёвской коллегии привлекали к своему вероисповеданию обучавшееся там греко-российское юношество. Это было расценено как нарушение коренных государственных узаконений. Потому из Санкт-Петербурга последовало повеление, чтобы в иезуитских учебных заведениях обучались только римско-католики. Наконец, упорно распространялись слухи о шпионстве иезуитов в пользу Римского престола.

В 1820 г. последовал новый высочайший указ о высылке иезуитов из России под присмотром полиции за пределы государства и «впредь ни под каким видом и наименованием не впускать в Россию... как забывших священный долг не только благодарности, но и подданнической присяги и потому недостойных пользоваться покровительством российских законов» [20, с. 117]. Так завершилось 50-летнее пребывание Общества Иисуса в России.

Часть членов Общества Иисуса после известного высочайшего повеления, однако, продолжали оставаться на прежних местах вполне легально, особенно на Кавказе, где постоянно присутствовало растущее число католиков, для окормления которых катастрофически не хватало пастырей, «и надлежало прежде отыскать священников, знающих иностранные языки, дабы по колониям и другим местам могли быть замещены ими иезуиты» [20, с. 117].

Например, уже известные патеры Иоанн Войшвилло и Анри (Henri) Жиль, в российской адаптации называвшийся в документах Ганри [8, л. 1], из-за неназначения на их место другого латинского духовника, знающего язык местных прихожан, оставались в г. Моздоке до 1828 г. Только после определения в г. Моздок упоминавшегося ранее католического священника Павла Деврициана, иезуиты Иоанн Войшвилло и Анри Жиль были снабжены надлежащими паспортами для следования за границу и деньгами на прогоны и путевые издержки. От них потребовали безотлагательно отправляться в путь [8, л. 1об.].

Необходимые на высылку и на отправление к приходам католических священников из других католических орденов деньги отпускались из губернских экстраординарных сумм. Одновременно на гражданских губернаторов возлагалось наблюдение за сдачей и приемом иезуитских имуществ, а также чтобы высылка иезуитов происходила без всякой остановки, о чем губернаторы обязаны были доносить в три министерства: Министерство духовных дел, Министерство народного просвещения и Министерство внутренних дел [20, с. 118].

Несмотря на принятые меры, даже в 1838–1839 гг. в Санкт-Петербурге продолжали циркулировать слухи, что в разных местах страны всё ещё остаются иезуиты, которые не оставляют своего поприща действовать противозаконно. В данной связи министр внутренних дел генерал-адъютант граф А. Г. Строганов уведомил Кавказского областного начальника генерал-лейтенанта П. Х. Граббе, что, по непроверенным сведениям, в Кавказской области, в г. Ставрополе продолжают находиться иезуиты Войшвилло и Ганри, осуществляя свою пастырскую деятельность. Министр предписал провести розыскания и прояснить ситуацию [8, л. 2]. Городское полицейское управление произвело силами частных приставов тщательную проверку, но нигде означенных иезуитов найти не удалось.

Избегая возможных неожиданных последствий, связанных с незаконным пребыванием в области иезуитских католических пастырей, генерал-лейтенант П. Х. Граббе, отталкиваясь от циркулярных предписаний Министерства Внутренних дел, распорядился усилить негласный надзор за римско-католическими священниками, определенными для совершения духовных треб среди польских уроженцев, принадлежащих к РКЦ, и выяснить, насколько своими поступками и внушениями они отвечают своему призванию [10, л. 4].

Крайняя настороженность столичных и кавказских властей в отношении деятельности католических священников, принадлежащих к различным орденам конгрегациям, в том числе к изгнанному их страны Обществу Иисуса, неожиданно стала причиной распространившейся в Кавказской области интриги, источник и причину которой до конца выяснить не удалось.

Так, в 1841 г. в Новочеркасскую духовную консисторию поступил якобы рапорт от приходского священника станицы Суворовской Фёдорова о вербовке католическим ксёндзом, проживающим в г. Моздоке, прихожан названной станицы в свою веру [9, л. 1–1об.]. В рапорте будто бы сообщалось, что состоявший в католическом исповедании военнопленный Матвей Знаменский, исповедовал своего 17-летнего сына, находившегося прежде в греко-российской вере у католического ксёндза. Кроме того, сообщалось, что приезжий ксёндз также соблазнял в католичество жителей станицы Андрея Левицкого и Семена Белковского и дочерей их [9, л. 3–3об.].

Однако после проведенного следствия, произведенного исправником Пятигорского земского правления Абраменковым, оказалось, что все упомянутые в рапорте лица всегда состояли в православной вере и никогда переходить в католичество не собирались. Также не удалось выяснить имени ксёндза-совратителя, если таковой там был. Более того, якобы поданного в консисторию рапорта приходского священника Фёдорова, также не было обнаружено [9, л. 4об.].

Такие интриги повторялись несколько раз и всегда не подтверждались после проведенных розысков. Потому можно только предполагать цели оставшихся неизвестными инициаторов инсинуаций против католических священников, скорее всего, кто-то пытался свести с кем-то счеты, стремясь задействовать в свою интригу мощь государственных структур.

Как бы то ни было, но настороженность столичных и региональных властей к деятельности римско-католических патеров не ослабевала. Из главного управления в Грузии было разослано предписание окружным начальникам собрать наискорейшим образом сведения об имевшихся на их территориях римско-католических церквях и соединенных с ними армянами. В рапортах следовало указывать место нахождения католических храмов, их число, количество окормлявших местную паству римско-католических священников, количество прихожан, откуда и какие священники получали содержание, имеются ли принадлежащие католикам учебные заведения и богадельни [11, л. 1–3].

Слухи о задержавшихся в стране иезуитах не были плодом воображения только завистливых или злонамеренных людей. Часть из них могла оставаться в России вполне законным образом, т. к. в высочайшем указе от 1820 г. предусматривалась такая возможность для тех членов иезуитского ордена из уроженцев присоединенных к России губерний, если бы они пожелали выйти из Общества Иисуса и присоединиться к своим семьям.

Разрешено было оставаться в России и всем иным бывшим иезуитам, если они пожелали бы вступить в другие католические орденские конгрегации или в белое духовенство, предварительно заручившись согласием на то от Римского престола и предоставив соответствующий письменный документ [20, с. 118].

Результаты. Ситуация вокруг иезуитов могла оставаться не до донца проясненной по многим причинам, поскольку Кавказ вплоть до конца 60-х гг. XIX столетия оставался местом ссылки польских инсургентов, а также одним из тех центров (вместе с Сибирью и Западным краем), в которых происходило сосредоточение лиц римско-католического исповедания, как местных, так и тех, кто проходил службу рекрутами в кавказских войсках или служил матросами на судах Черноморского флота и всей связанной с ними

береговой инфраструктуре, находившейся в приморских городах.

Социальной средой, способной аккумулировать явных или тайных иезуитов, могли быть армянско-католические диаспоры, которые имели долговременный опыт латентного существования своих пастырей в неблагоприятной социокультурной среде и политико-правовых условиях. Армянские католики переселялись в пределы Кавказа из Османской империи и тянули за собой шлейф прежних связей с европейскими католическими орденами. Среди тифлисских, горийских, гянджинских, мингрельских и имеретинских армян находилось много людей, соединенных с римско-католическими миссионерами, несмотря на существовавшие запреты.

Действовавший на Кавказе орден монахов-лазаритов, даже после окончательного их вытеснения из пределов Российской империи в 1845 г., продолжал негласно поддерживать тесные связи со своими агентами в армянской католической среде. Патеров-лазаритов заранее предупредили о намерениях российских официальных властей, и те тайно «прежде высылки нашли средство заблаговременно отправить свои бумаги и архив в Трапезунд и Константинополь» [3, с. 241]. Через любые запреты везде и всегда сохранялись латентные очаги или индивидуальные «спящие» агенты, которые продолжали поддерживать коммуникационные каналы, связывавшие российских приверженцев иезуитского ордена с орденскими структурами в странах Европы. Кавказское начальство, зная постоянное и упорное стремление, которое всегда выказывали агенты католической пропаганды, сильно опасались их успехов не только в религиозном поприще, но и в возможном их содействии «к водворению польских эмигрантов между горцами и возбуждать последних действовать против» [3, с. 242] русских интересов.

Проблема вокруг католиков для Кавказа оставалась актуальной вплоть до Гражданской войны в России 1917–1922 гг. За этот период были разрушены многие центры, в которых могло концентрироваться католическое население, прежде всего колонии, образованные переселенцами из Европы, а также перемещение масс людей в связи с вооруженными эксцессами и отъездом большого числа местного польского населения в Польшу, после восстановления там национальной государственности в 1918 г.

Литература

1. Акты, собранные Кавказской археографической комиссией (далее – АКАК). Тифлис, 1862. Т. 2. 1238 с.
2. АКАК. Тифлис, 1870. Т. 4. 1012 с.
3. АКАК. Тифлис, 1885. Т. 10. 938 с.
4. Андреев А. Р. История ордена иезуитов. Иезуиты в Российской империи. XVI – начало XIX в. М.: Русская панорама, 1998. 256 с.
5. Боголюбов А. А. Поляки на Северном Кавказе в XIX–XX вв. Краснодар: Кубанский гос. университет, 2008. 260 с.
6. Ван-Гален Хуан. Два года в России // Кавказская война: истоки и начало. 1770–1820 годы. СПб.: Звезда, 2002. С. 349–455.
7. Винтер Э. Папство и царизм / пер. с нем. Р. А. Крестьянинова и С. М. Раскиной. М.: Прогресс, 1964. 536 с.
8. Государственный архив Ставропольского края (далее – ГАСК). Ф. 8. Оп. 33. Д. 44.

9. ГАСК. Ф. 444. Оп. 1. Д. 301.
10. ГАСК. Ф. 444. Оп. 1. Д. 876.
11. ГАСК. Ф. 444. Оп. 1. Д. 943
12. Губер Ж. Иезуиты. Их история, учение, организация и практическая деятельность в сфере общественной жизни, политике и религии. СПб.: Издание Ф. Павленкова, 1898. 320 с.
13. Инглот М. Общество Иисуса в Российской Империи (1772–1820) и его роль в повсеместном восстановлении Ордена во всем мире. М.: Ин-т Общества Иисуса; Ин-т философии, теологии и истории Св. Фомы, 2004. 630 с.
14. Леруа Мишель. Миф о иезуитах: От Беранже до Мишле / пер. с фр. В. А. Мильчиной. М.: Языки славянской культуры, 2001. 464 с.
15. Можайская И. Иезуитская Астрахань // Астраханский листок. 18 мая 2019 г.
16. Морошкин М. Иезуиты в России с царствования Екатерины II до настоящего времени. СПб., 1867. Ч. I. 528 с.
17. Олейников Д. И. Бенкендорф. М.: Молодая гвардия, 2009. 393 с.
18. Полное собрание законов Российской империи (далее – ПСЗРИ). Собрание 1. СПб.: Тип. II отделения СЕИВК, 1830. Т. XXVI. 875 с.
19. ПСЗ РИ. Собрание 1. СПб.: Тип. II отделения СЕИВК, 1830. Т. XXXIII. 1173 с.
20. ПСЗРИ. Собрание 1. СПб.: Тип. II отделения СЕИВК, 1830. Т. XXXVII. 983 с.
21. Тале Е. В. Наполеон. Талейран. М.: Изографус; Эксмо, 2003. 704 с.
22. Чаплицкий Б. История Католической церкви в России. URL: <http://history.catholicspb.ru/>, 2009 (дата обращения: 17.02.2024).

References

1. Acts collected by the Caucasian Archaeographic Commission. Tiflis; 1862. Vol. 2. 1238 p. (In Russ.).
2. Acts collected by the Caucasian Archaeographic Commission. Tiflis; 1870. Vol. 4. 1012 p. (In Russ.).
3. Acts collected by the Caucasian Archaeographic Commission. Tiflis; 1885. Vol. 10. 938 p. (In Russ.).
4. Andreev AR. History of the Jesuit Order. Jesuits in the Russian Empire. XVI-early XIX centuries. Moscow: Russian panorama; 1998. 256 p. (In Russ.).
5. Bogolyubov AA. Poles in the North Caucasus in the XIX–XX centuries. Krasnodar: Kuban State University; 2008. 260 p. (In Russ.).
6. Van Galen Juan. Two years in Russia. In *Caucasian War: origins and beginning. 1770-1820*. St. Petersburg: Zvezda; 2002. P. 349-455. (In Russ.).
7. Winter E. Papacy and Tsarism / Translated from German by RA. Krestyaninov and SM. Raskina. Moscow: Progress; 1964. 536 p. (In Russ.).
8. State Archives of Stavropol Krai. Fund 8. Inv. 33. Fol. 44. (In Russ.).
9. State Archives of Stavropol Krai. Fund 444. Inv. 1. Fol. 301. (In Russ.).
10. State Archives of Stavropol Krai. Fund 444. Inv. 1. Fol. 876. (In Russ.).
11. State Archives of Stavropol Krai. Fund 444. Inv. 1. Fol. 943. (In Russ.).
12. Huber J. The Jesuits. Their history, teaching, organization and practical activity in the sphere of public life, politics and religion. St. Petersburg: F. Pavlenkov Edition; 1898. 320 p. (In Russ.).
13. Inglot M. The Society of Jesus in the Russian Empire (1772-1820) and its role in the widespread restoration of the Order throughout the world. Moscow: Institute of the Society of Jesus; Institute of Philosophy, Theology and History of St. Thomas; 2004. 630 p. (In Russ.).
14. Leroy Michel. The Myth of the Jesuits: From Beranger to Michelet / Translated from French by VA. Milchina. Moscow: Languages of Slavic Culture; 2001. 464 p. (In Russ.).
15. Mozhayskaya I. Jesuit Astrakhan. Astrakhan leaflet. 2019. May 18. (In Russ.).
16. Moroshkin M. Jesuits in Russia from the reign of Catherine II to the present. St. Petersburg; 1867. Part I. 528 p. (In Russ.).
17. Oleynikov DI. Benkendorf. Moscow: Molodaya Gvardiya; 2009. 393 p. (In Russ.).
18. Complete Collection of Laws of the Russian Empire. Collection 1. St. Petersburg: Type. II department of SEIVK; 1830. Vol. XXVI. 875 p. (In Russ.).
19. Complete Collection of Laws of the Russian Empire. Collection 1. St. Petersburg: Type. II department of SEIVK; 1830. Vol. XXXIII. 1173 p. (In Russ.).
20. Complete Collection of Laws of the Russian Empire. Collection 1. St. Petersburg: Type. II department of SEIVK; 1830. Vol. XXXVII. 983 p. (In Russ.).
21. Tale EV. Napoleon. Talleyrand. Moscow: Isographus, Eksmo; 2003. 704 p. (In Russ.).
22. Chaplitsky B. History of the Catholic Church in Russia. Available from: <http://history.catholicspb.ru/>, 2009 [Accessed: 17 February 2024]. (In Russ.).

Научная статья

УДК 93/94

<https://doi.org/10.37493/2409-1030.2025.3.10>**ОРГАНИЗАЦИЯ ТРУДОУСТРОЙСТВА ПЕНСИОНЕРОВ И ИНВАЛИДОВ
В КРАСНОДАРСКОМ КРАЕ В СЕРЕДИНЕ 1950-Х – СЕРЕДИНЕ 1980-Х ГГ.****Нарине Мартиковна Пахлян**

Армавирский государственный педагогический университет (д. 159, ул. Р.Люксембург, Армавир, 352901, Российская Федерация)
Аспирант
npakhlyan@mail.ru, <https://orcid.org/0009-0001-7048-8481>

Аннотация. Введение. Актуальность рассматриваемой в статье проблемы обусловлена важной ролью системы социального обеспечения населения в жизни российского общества, в том числе в вопросах предоставления возможности трудоустройства для пенсионеров и инвалидов. Новизна исследования связана с изучением недостаточно раскрытой в исторической литературе проблемы, фактически не получившей освещения на материалах Краснодарского края. Целью исследования является анализ организации трудоустройства пенсионеров и инвалидов на территории Краснодарского края в середине 1950-х – середине 1980-х гг. **Материалы и методы.** При подготовке исследования были использованы принципы объективности, историзма и системного подхода, а также специально-исторические методы: историко-генетический, историко-сравнительный и статистический. **Анализ.** Трудоустройство пенсионеров и инвалидов являлось одним из важных направлений в системе социального обеспечения населения СССР. Руководство КПСС и советского государства стремилось к максимальному вовлечению пенсионеров и инвалидов в производственный процесс, добиваясь от местных органов принятия соответствующих мер. Процесс трудоустройства инвалидов включал этапы медицинской реабилитации, принимаемых ВТЭК решений о возможности трудоустройства, профессиональное обучение и непосредственный процесс трудоустройства. Пенсионеры могли остаться работать по прежней специальности или пройти переквалификацию. На протяжении периода середины 1950-х – середины 1980-х гг. на территории Краснодарского края происходили положительные изменения в вопросах трудо-

устройства пенсионеров и инвалидов, что было связано с улучшением работы врачебно-трудовых экспертных комиссий и органов социального обеспечения, созданием соответствующих условий работы на предприятиях и в организациях. Между тем определенная категория пенсионеров и инвалидов III группы не стремилась к работе на государственных предприятиях и в колхозах, что отражалось на низкой динамике основных показателей трудоустройства. **Результаты.** По итогам проведенного исследования можно сделать вывод о том, что в середине 1950-х – середине 1980-х гг. в Краснодарском крае действовала достаточно слаженная организация трудоустройства пенсионеров и инвалидов. Несмотря на существующие недостатки, данная организация позволила вовлечь в общественную сферу экономики значительную часть пенсионеров и инвалидов, что способствовало решению проблемы дефицита трудовых ресурсов.

Ключевые слова: трудоустройство, пенсионеры, инвалиды, советское государство, местные органы, трудовое обучение, предприятия, Краснодарский край

Для цитирования: Пахлян Н. М. Организация трудоустройства пенсионеров и инвалидов в Краснодарском крае в середине 1950-х – середине 1980-х гг. // Гуманитарные и юридические исследования. 2025. Т. 12. № 3. С. 437–443. <https://doi.org/10.37493/2409-1030.2025.3.10>

Конфликт интересов: автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Статья поступила в редакцию: 24.03.2025.

Статья одобрена после рецензирования: 15.05.2025.

Статья принята к публикации: 25.07.2025.

Research article

**ORGANIZATION OF EMPLOYMENT OF PENSIONERS AND DISABLED PEOPLE
IN THE KRASNODAR KRAI IN THE MID-1950S – MID-1980S.****Narine M. Pakhlyan**

Armavir State Pedagogical University (159 R. Luxemburg str., Armavir, 352901, Russian Federation)
Postgraduate student
npakhlyan@mail.ru, <https://orcid.org/0009-0001-7048-8481>

Abstract. Introduction. The relevance of the study is due to the important role of the social security system in the life of Russian society, including in providing employment opportunities for pensioners and the disabled. The novelty of the research is associated with the study of an insufficiently covered topic in the historical literature, which actually did not receive coverage on the materials of the Krasnodar Krai. The purpose of the study is to analyze the organization of employment of pensioners and disabled people in the Krasnodar Krai in the mid-1950s – mid-1980s. **Materials and methods.** In preparing the study, the principles of objectivity, historicism and a systematic approach were used, as well as special historical methods: historical-genetic, historical-comparative and statistical. **Analysis.** The employment of pensioners and the disabled was one of the important areas in the social security system of the USSR population. The leadership of the CPSU and the Soviet state sought to maximize the involvement of pensioners and the disabled in the production process, seeking appropriate measures from local authorities.

The process of employment of disabled people included the stages of medical rehabilitation, decisions made by VTEC on employment opportunities, vocational training and the direct process of employment. Pensioners could stay to work in their previous specialty or retrain. During the period of the mid-1950s – mid-1980s. Positive changes in the employment of pensioners and disabled people took place in the Krasnodar Krai, which was associated with the improvement of the work of medical and labor expert commissions and social security bodies, the creation of appropriate working conditions at enterprises and organizations. Meanwhile, a certain category of pensioners and disabled people of group III did not seek work at state-owned enterprises and collective farms, which was reflected in the low dynamics of the main employment indicators. **Results.** Based on the results of the study, it can be concluded that in the mid-1950s – mid-1980s, a fairly well-coordinated organization of employment for pensioners and the disabled operated in the Krasnodar Krai. Despite the existing shortcomings, this organization made it pos-

sible to involve a significant part of pensioners and disabled people in the public sphere of the economy, which contributed to solving the problem of labor shortage.

Keywords: employment, pensioners, the disabled, the Soviet state, local authorities, labor training, enterprises, Krasnodar Krai

For citation: Pakhlian NM. Organization of employment of pensioners and disabled people in the Krasnodar Krai in the mid-1950s – mid-1980s. Humanities and law research.

Введение. Актуальность рассматриваемой в статье проблемы обусловлена важной ролью системы социального обеспечения населения в жизни российского общества, в том числе в вопросах предоставления возможности трудоустройства для пенсионеров и инвалидов. Накопленный в советский период опыт в данной сфере может быть использован в целях совершенствования организации трудоустройства пенсионеров и инвалидов в современных условиях. Историография проблемы представлена небольшим количеством работ, в основном подготовленных на материалах тех или иных регионов страны. К ним можно отнести работы А. Е. Козлова, Л. В. Печаловой и других авторов [14, 19]. Новизна исследования связана с изучением недостаточно раскрытой в исторической литературе проблемы, фактически не получившей освещения на материалах Краснодарского края. Целью исследования является анализ организации трудоустройства пенсионеров и инвалидов на территории Краснодарского края в середине 1950-х – середине 1980-х гг.

Материалы и методы. При подготовке исследования были использованы принципы объективности, историзма и системного подхода. Это позволило учесть различные точки зрения по вопросам организации трудоустройства пенсионеров и инвалидов в советский период, рассмотреть деятельность местных органов и организаций в данной сфере с учетом конкретно-исторической обстановки середины 1950-х – середины 1980-х гг., а также определить место трудоустройства пенсионеров и инвалидов в советской системе социального обеспечения населения. При подготовке исследования применялись специально-исторические методы. Историко-генетический метод позволил выявить основополагающие принципы проводимой руководством КПСС социальной политики и определить их влияние на организацию трудоустройства пенсионеров и инвалидов. С помощью историко-сравнительного метода удалось осуществить сопоставление основных результатов трудоустройства пенсионеров и инвалидов на территории Краснодарского края на протяжении рассматриваемого периода. Статистический метод способствовал определению конкретных результатов деятельности местных органов в сфере трудоустройства пенсионеров и инвалидов.

Анализ. Трудоустройство пенсионеров и инвалидов являлось одним из важных направлений в системе социального обеспечения населения СССР. Руководство КПСС и советского государ-

2025;12(3):437-443. (In Russ). <https://doi.org/10.37493/2409-1030.2025.3.10>

Conflict of interest: the author declares no conflicts of interests.

The article was submitted: 24.03.2025

The article was approved after reviewing: 15.05.2025.

The article was accepted for publication: 25.07.2025.

ства стремилось к максимальному вовлечению пенсионеров и инвалидов в производственный процесс, добиваясь от местных органов принятия соответствующих мер. Объяснялось это следующими причинами.

Во-первых, потребности развивающейся советской экономики требовали вовлечения дополнительных трудовых ресурсов. Эта проблема усугублялась тяжелыми демографическими последствиями Великой Отечественной войны, а также усилением процесса старения населения. Вместе с тем достаточно низкий возрастной порог выхода на пенсию выключал из сферы экономики большое количество трудоспособных работников, содержание которых требовало значительных государственных средств, тогда как низкая рождаемость не позволяла осуществлять расширенное воспроизводство трудовых ресурсов. Привлечение на производство пенсионеров, а также инвалидов, способных к осуществлению определенных трудовых функций, могло содействовать решению этой проблемы.

Во-вторых, коммунистическая идеология утверждала принципы активного участия советского человека в созидательной деятельности трудовых коллективов. Это формировало в советском обществе коммунистическое мировоззрение, одним из главных постулатов которого являлась важность трудовой деятельности на протяжении всей жизни человека. В связи с этим трудовая деятельность признавалась важнейшим средством реабилитации инвалидов и сохранения здоровья пенсионеров. Советский ученый А. Е. Козлов по этому поводу отмечал: «Любая потеря трудоспособности угнетает человека. Но если состояние здоровья позволяет ему при определенных условиях работать, то труд способствует его выздоровлению, повышает жизнедеятельность» [14, с. 85].

В-третьих, способствуя трудоустройству пенсионеров и инвалидов, советское государство давало им возможность повысить уровень своего материального положения. Получаемая пенсионерами и инвалидами на предприятиях и в учреждениях заработная плата в дополнение к пенсии позволяла им решать многие вопросы жизнеобеспечения.

Процесс трудоустройства инвалидов включал в себя несколько этапов. На первом этапе инвалид проходил восстановительное лечение в медицинских учреждениях, в том числе при необходимости протезирование. Как отмечает Л. В. Печалова, «нуждающийся в протезировании инвалид – работник кооператива сначала

подавал заявку руководителю кооперативного союза о необходимости обеспечения его протезом, после чего в течение определенного срока заявка рассматривалась. Льготами пользовались инвалиды войны и подростки-инвалиды, работавшие в артелях. Что касается инвалидов войны, не являющихся работниками кооперативных предприятий, то они состояли на учёте и в порядке очереди обеспечивались протезами» [19, с. 429–430]. После достижения необходимого результата в лечении и протезировании медицинское учреждение давало рекомендации по трудоустройству инвалидов исходя из состояния их здоровья и физических возможностей.

На втором этапе вопросы трудоустройства инвалидов рассматривались врачебно-трудовыми экспертными комиссиями (ВТЭК). С учетом рекомендаций медицинского учреждения ВТЭК выносила решение об установлении группы инвалидности, что давало право на предоставление гражданам соответствующего материального обеспечения и различных льгот. Кроме того, ВТЭК давала трудовые рекомендации, в которых указывались рекомендуемая профессия, условия трудовой деятельности и необходимость переобучения инвалидов.

На третьем этапе происходило профессиональное обучение тех инвалидов, кто не мог выполнять свою прежнюю работу, а также молодых инвалидов, которые получали ту или иную профессию впервые. Обучение осуществлялось в специальных учебных заведениях для инвалидов. По данным А. Е. Козлова, в системе социального обеспечения РСФСР профессиональным обучением были заняты 12 специальных техникумов-интернатов и 39 профессионально-технических училищ. Учащиеся обучались в них 27 различным профессиям [14, с. 91]. Кроме того, инвалиды получали профессиональную подготовку на различных курсах и на производстве.

На четвертом этапе происходило непосредственное трудоустройство инвалидов. Решением этого вопроса занимались органы социального обеспечения, которые с учетом рекомендаций ВТЭК и полученной инвалидами профессии давали направления на работу в соответствующие их трудовым возможностям предприятия и учреждения. В свою очередь, хозяйственные руководители были не вправе отказывать инвалидам в трудоустройстве и должны были создавать необходимые условия для их профессиональной деятельности.

Трудоустройство пенсионеров, не являвшихся инвалидами, происходило по-разному. Часть пенсионеров в случае сохранения физической возможности трудиться по прежней профессии и при наличии вакансии могла продолжать работать на своем предприятии. Другие пенсионеры проходили переобучение тем или иным профессиям и часто устраивались на работу на новом месте. Кроме того, для инвалидов

I группы и части инвалидов II группы, а также части престарелых пенсионеров создавались возможности домашнего труда, т. е. работы в домашних условиях по выполнению заказов предприятий, связанных с изготовлением тех или иных изделий.

Сформировавшаяся в СССР организация трудоустройства пенсионеров и инвалидов осуществлялась в различных регионах страны, в том числе в Краснодарском крае. В течение 1955 г. в Краснодарском крае был трудоустроен 2 251 инвалид войны, тогда как по плану предусматривалось 1 300 человек (142,3 % к плану). В то же время было трудоустроено 1 885 инвалидов труда, вместо 2 100 по плану (89,7 %) [8, л. 2].

О сложности решения задачи по увеличению количества работающих инвалидов свидетельствуют сведения Туапсинского горсобеса о выполнении плана мероприятий по трудоустройству и оказанию помощи инвалидам войны и труда в 1955 г. С одной стороны, план был перевыполнен, и вместо 22 инвалидов войны и 32 инвалидов труда были трудоустроены соответственно 29 и 57 человек. С другой стороны, доля трудоустроенных инвалидов снизилась с 93 до 90 %. Объяснялось это тем, что в г. Туапсе прибывали из других местностей значительное число инвалидов с тяжелыми необратимыми физическими дефектами [8, л. 48].

После принятия 14 июля 1956 г. Закона «О государственных пенсиях» всё более актуальной становилась проблема трудоустройства пенсионеров, количество которых значительно увеличилось. Так, если в марте 1955 г. в Краснодарском крае было 60 968 получателей пенсий, [7, л. 2], то в начале 1959 г. на Кубани уже насчитывалось 145 200 пенсионеров [12, л. 52].

Большинство из них уходило на заслуженный отдых и не стремились к продолжению работы. Основной причиной являлась удовлетворённость многих пенсионеров своим материальным положением ввиду повышения размеров пенсии. Кроме того, часть пенсионеров экономил собственные средства за счет выращенных ими сельхозпродуктов на дачных и приусадебных участках или получали материальную помощь от своих родных. В результате доля работающих пенсионеров была сравнительно небольшой. Например, из 5 293 пенсионеров Ейского станкостроительного завода в 1958 г. работали только 1 196 человек, или 22,6 % (подсчитано нами. – Н. П.) [11, л. 32].

Сложившаяся ситуация требовала от местных органов и хозяйственных руководителей осуществления дополнительных мер по вовлечению инвалидов и пенсионеров в производственную деятельность. Решение этой задачи вызывало затруднения по причине организационных недостатков в деятельности собесов и ВТЭК, отсутствии необходимых условий труда для инвалидов на многих предприятиях и неже-

лании ряда руководителей уделять серьезное внимание проблеме трудоустройства инвалидов и пенсионеров.

Преодоление этих недостатков во многом зависело от уровня компетенции и ответственности руководства и работников собесов, их способности координировать действия всех учреждений и организаций, участвующих в деле трудоустройства инвалидов и пенсионеров. В качестве положительного примера можно привести Славянский отдел социального обеспечения. В 1954 г. инспекторы райсобеса обследовали по закрепленным за ними микрорайонам все предприятия, организации и колхозы с целью выявления возможностей трудоустроить, обучить, а также приспособить к выполнению определенных видов работ инвалидов с тяжелыми формами ранений и заболеваний. В результате вместо запланированных 109 человек, были трудоустроены 381 [8, л. 61].

Высокие результаты в работе по трудоустройству инвалидов и пенсионеров показали также в 1955 г. такие собесы, как Тихорецкий, Старо-Минской, Туапсинский, Отраденский и другие. В то же время у ряда собесов в организации этой работы было немало недостатков, что не позволяло им выполнять установленные планы. К ним относились Анапский, Кошехабльский, Шовгеновский, Усть-Лабинский, Кущёвский и Горячеключевской райгорсобесы [6, л. 25–26].

Большое значение в трудоустройстве инвалидов и пенсионеров имели различные общественные организации: профсоюзы, советы пенсионеров, кассы общественной взаимопомощи колхозников, кассы взаимопомощи пенсионеров и другие. Например, при Майкопской кассе взаимопомощи пенсионеров в 1956 г. действовали ремонтно-строительная бригада и полеводческий коллектив, в которых работали 195 пенсионеров [10, л. 18]. Возможности трудоустройства инвалидов были также созданы в предназначенных для них специальных учреждениях. Так, в 1956 г. при Армавирской профшколе-интернате, Майкопском и Армавирском домах инвалидов действовали производственные мастерские. Самая крупная из них была при Армавирской профшколе-интернате, где работали 85 человек [9, л. 5].

Одной из серьезных проблем в вопросах трудоустройства инвалидов и пенсионеров являлись недостатки в работе ВТЭК. Они проявлялись в случаях некачественной экспертизы степени инвалидности граждан и нарушениях установленной процедуры ее проведения, злоупотреблениях своим положением и низкой ответственности некоторых членов комиссий. Например, в г. Ейске в 1959 г. специалисты ВТЭК работали по совместительству, поэтому не испытывали настоящей ответственности за исполнение своих обязанностей, стараясь работать меньше положенного времени, составляющего

пять с половиной часов. Все это приводило к спешке и ошибкам в работе [10, л. 34].

Улучшению организации в работе ВТЭК и преодолению существующих недостатков способствовало принятое 11 марта 1963 г. постановление Совета Министров РСФСР и ВЦСПС «О мерах по снижению инвалидности среди трудящихся и улучшению врачебно-трудовой экспертизы». В нем был сделан акцент на усиление профилактической работы по предупреждению травматизма и профессиональных заболеваний на производстве. Были поставлены задачи повышения уровня квалификации членов ВТЭК из числа медицинских работников, обеспечения ВТЭК соответствующими помещениями, хозяйственным и медицинским оборудованием за счет лечебных учреждений, на базе которых они создавались [16].

К середине 1960-х гг. в организации работы ВТЭК произошли положительные изменения. В Краснодарском крае это проявилось в укрупнении ВТЭК и укреплении комиссий постоянными кадрами медицинских работников, что положительно отразилось на качестве работы. В 1966 г. в крае функционировало 32 межрайонных городских и три состава краевой ВТЭК, из них 23 ежедневно действующих. 21 ВТЭК осуществляла экспертизу по общим заболеваниям, четыре по физиатрическим, три по психиатрическим, две по офтальмологическим, одна по онкологическим и одна по кардиологическим заболеваниям. Всего во ВТЭК было задействовано 111 врачей, из них для 65 врачей, или 65,7 % от общего состава, это была основная работа [4, л. 2].

В 1966 г. в Краснодарском крае ВТЭК освидетельствовали 93 600 человек. При этом значительно увеличилось количество выездных заседаний ВТЭК. Особо отличилась в этом отношении Краснодарская городская ВТЭК, которая в 1966 г. 83 % всех своих заседаний провела на предприятиях и в лечебных учреждениях [3, л. 20]. Благодаря принятым мерам контроля снизилась доля необоснованных направлений граждан лечебными учреждениями на рассмотрение во ВТЭК. Всего в Краснодарском крае за 1966 г. лечебными учреждениями были необоснованно направлены 7 500 человек, что составляло 17,4 % от всех направлений, тогда как в 1965 г. – 24,6 % [3, л. 20]. В то же время значительно повысилось качество экспертиз первичных ВТЭК. Если в 1965 г. краевая ВТЭК отменила в порядке обжалования 370 решений, или 12,9 % к общему их числу, то в 1966 г. 168 решений, или 8,3 % [3, л. 21].

Кроме первичной экспертизы на предмет определения группы инвалидности, ВТЭК проводили переосвидетельствование инвалидов. Эта процедура осуществлялась в отношении инвалидов I группы один раз в два года и в отношении инвалидов II и III групп один раз в год. В 1967 г. в Краснодарском крае из 60 тыс. переосвидетельствованных ВТЭК граждан были при-

знаны инвалидами 56,4 тыс. человек. Из каждой тысячи рабочих и служащих на инвалидность в этом году вышли в среднем 6,5 человек. В то же время ВТЭК установили, что 3,6 тыс. граждан восстановили свое здоровье и могли возвратиться к трудовой деятельности [4, л. 3].

При решении вопросов трудоустройства инвалидов во второй половине 1960-х гг. усилилось внимание к обеспечению соответствующих условий для их работы на предприятиях. Это касалось требований к созданию на предприятиях специализированных цехов или участков с учетом специфики заболеваний и физических возможностей инвалидов. Руководство Краснодарского крайисобеса признавало необходимость принятия мер к улучшению санитарно-гигиенических условий труда, а также рациональному трудовому устройству инвалидов [3, л. 22–23].

Всего за 1966 г. в Краснодарском крае были трудоустроены более 5 тыс. инвалидов и прошли профессиональное 1 300 инвалидов. Наряду с этим ухудшилась ситуация с трудоустройством инвалидов III группы. Из 70 192 входящих в состав этой группы инвалидов в 1967 г. работали только 46 800, что составляло 66,8 % [3, л. 24]. Причины, по которым инвалиды III группы не желали устраиваться на работу, были различны. Многие из них в силу тех или иных обстоятельств была удовлетворены своим материальным положением, в том числе получая средства к существованию за счет работы на приусадебных участках и ведения домашнего хозяйства и реализации своей продукции на рынке. Некоторые инвалиды III группы вели аморальный образ жизни и не стремились к участию в общественно полезном труде.

Партийно-государственные органы выражали крайнюю обеспокоенность такой ситуацией ввиду нарушения принципа обязательности труда на благо общества для всех советских трудоспособных граждан. Большинство инвалидов III группы по медицинским показаниям имели возможность работать во многих сферах производства, поэтому уклонение от трудоустройства расценивалось местными органами как вредное для советского общества явление.

Как уже отмечалось, в целях создания соответствующих условий для работы инвалидов хозяйственные руководители должны были организовывать специализированные предприятия и цеха. К началу 1970-х гг. в решении этой задачи были достигнуты заметные успехи, однако оставалось еще немало недостатков, особенно в отношении некоторых категорий инвалидов. Так, в феврале 1970 г. Краснодарский крайисполком принял решение об открытии спеццехов для трудоустройства психически больных в городах Краснодаре, Армавире, Майкопе, Тихорецке и Кропоткине. Но к апрелю 1973 г. это решение не было выполнено. Многие руководители ссылались на отсутствие помещений и средств для

реконструкции предприятий [5, л. 1]. В результате больных с этим профилем заболевания устраивалось на работу очень мало. Так, в г. Краснодаре проживали 1 530 инвалидов, страдающих психическими заболеваниями, а трудоустроены были только 114. В Адыгейской автономной области из 831 психически больных были трудоустроены лишь 66, в г. Армавире из 575 – 104, в г. Тихорецке из 152 – 20 человек [5, л. 2].

В целях улучшения организации трудоустройства инвалидов и пенсионеров 3 октября 1973 г. Совет Министров РСФСР издал постановление «О мерах по дальнейшему улучшению использования труда пенсионеров по старости и инвалидов в народном хозяйстве и связанных с этим дополнительных льготах». В соответствии с постановлением принимались дополнительные меры по привлечению трудоспособных пенсионеров и инвалидов для работы на предприятиях, а также в торговле и в сфере бытового обслуживания населения, в том числе путем расширения использования труда надомников [17].

Согласно указанному постановлению, местные органы осуществляли комплекс агитационных мер по привлечению пенсионеров и инвалидов в общественное производство. Например, Краснодарское и Майкопское городские бюро по трудоустройству периодически информировали в печати, по радио, а также в кинотеатрах перед началом сеансов о наличии вакансий на предприятиях и в организациях для трудоустройства пенсионеров и инвалидов, выдавали направления обращающимся с просьбой о трудоустройстве [5, л. 4].

Работники райгорсобесов систематически обследовали инвалидов и пенсионеров по старости, в том числе посещая их на дому и информируя о возможностях трудоустройства. Осуществлялся постоянный контроль за лицами, выходящими на инвалидность и привлечения их к работе. Например, в Первомайском районе г. Краснодара в 1974 г. и за первые два месяца 1975 г. работниками райсобеса были обследованы 827 инвалидов и пенсионеров по старости, в результате чего были привлечены дополнительно к трудовой деятельности 256 человек. В начале 1975 г. трудовой деятельностью были заняты 3 тыс. пенсионеров по старости и 1 448 инвалидов, из них инвалидов III группы – 1 031 человек, что составляло 80 % против 71,6 % в 1973 г. [13, л. 67].

Помимо промышленных предприятий, в городах и районах Кубани были расширены возможности для трудоустройства пенсионеров и инвалидов в сфере торговли и бытовых услуг. Так, в г. Краснодаре в 1974 г. на предприятиях бытового обслуживания работали 534, а в торгующих организациях – 482 инвалида и пенсионера. Последние широко привлекались на сезонные работы в предприятиях, совхозах и подсобных хозяйствах. На территории г. Краснодара в 1974 г. в них работали свыше 3 тыс. пенсионеров [5,

л. 6]. Многие пенсионеры по старости и инвалиды работали в должностях сборщиков инструментов, операторов котельных, вахтеров, охранников и на других должностях с легкими условиями труда. Работающим инвалидам предоставлялись дополнительные льготы при оказании материальной помощи, выделении путевок для санаторного лечения и в дома отдыха [5, л. 7].

Были расширены возможности для трудового обучения и переквалификации инвалидов. Всего за 1973 г. в Краснодарском крае на предприятиях и учреждениях были обучены 1 047 инвалидов. Кроме того, 151 инвалид был направлен в техникумы и профтехучилища Министерства социального обеспечения. В это же время на ряде предприятий для инвалидов были созданы соответствующие условия работы. Так, на краснодарских картонажной фабрике и заводе «Металлоштамп», а также Новороссийском комбинате бытовых услуг были оборудованы специализированные цеха, где трудился 241 инвалид I и II групп [5, л. 40–41]. Кроме спеццехов, на предприятиях создавались и специальные участки, где работали инвалиды с определенным профилем заболеваний. В 1977 г. на предприятиях местной промышленности Краснодарского края действовало 16 таких участков. В различных отраслях хозяйства края в это время трудились 109 807 пенсионеров по старости и инвалидов [1, л. 37].

В сельских районах края пенсионеры и инвалиды активно привлекались к работе в колхозах и совхозах. Например, в Староминском районе в 1974 г. на полях колхозов и совхозов по уходу за пропашно-техническими культурами работали 1 500 пенсионеров, объединённых в 39 звеньев. На других работах в колхозах были задействованы более 400 пенсионеров [5, л. 32]. Всего на территории Краснодарского края в это время на постоянных и сезонных работах в колхозах и совхозах края принимали участие более 92 тыс. пенсионеров [5, л. 38].

Наряду с положительными результатами в деле трудоустройства пенсионеров и инвалидов продолжали иметь место недостатки. Всего по Краснодарскому краю в 1977 г. более 6 тыс. инвалидов III группы трудоспособного возраста не были привлечены к трудовой деятельности. Лишь 1 012 пенсионеров, или менее одного процента от общего количества работающих пенсионеров трудились, в специализированных предприятиях [1, л. 38].

Благодаря принимаемым мерам в последующие годы ситуация с трудоустройством пенсионеров и инвалидов стала улучшаться. В 1979 г. в целом по Краснодарскому краю были трудоустроены 86 % инвалидов III группы и 27,6 % пенсионеров по старости [2, л. 52]. В то же время указанные выше недостатки продолжали

иметь место. В частности, на многих предприятиях и в организациях не была установлена 2 %-ная бронь по приему на работу инвалидов, не был разработан перечень профессий и должностей, подлежащих преимущественному замещению пенсионерами [2, л. 52].

Между тем в статье 43 Конституции СССР, принятой 7 октября 1977 г., гарантировалась возможность трудоустройства граждан, частично утративших трудоспособность [15]. В связи с этим партийно-государственные органы проявляли настойчивость в вопросах обеспечения трудоустройства пенсионеров и инвалидов. В изданном 22 января 1981 г. Постановлении ЦК КПСС и Совета Министров СССР «О мерах по дальнейшему улучшению социального обеспечения населения» было решено расширять возможности для участия пенсионеров в общественном производстве, включая работу на условиях неполного рабочего времени и на дому [18, с. 31].

Реализация данного постановления в Краснодарском крае способствовала активизации органов социального обеспечения, которые усилили требования и контроль по отношению к хозяйственным руководителям. Вместе с тем к середине 1980-х гг. существенных изменений в вопросах привлечения пенсионеров и инвалидов на производство и в другие сферы экономики не произошло. Около 15 % инвалидов III группы трудоспособного возраста и около 2/3 пенсионеров по старости не были задействованы в общественном секторе экономики. Причины устойчивости такой ситуации были прежними и заключались как в определенных недостатках в работе местных органов и хозяйственных руководителей по созданию условий для трудоустройства пенсионеров и инвалидов, так и в нежелании части последних устраиваться на работу ввиду прежде всего удовлетворённости своим материальным положением.

Результаты. По итогам проведенного исследования можно сделать вывод о том, что в середине 1950-х – середине 1980-х гг. в Краснодарском крае, как и в других регионах страны, действовала достаточно слаженная организация трудоустройства пенсионеров и инвалидов. В отношении инвалидов она включала этапы медицинской реабилитации, принимаемых ВТЭК решений о возможности трудоустройства, профессиональное обучение и непосредственный процесс трудоустройства. Пенсионеры могли остаться работать по прежней специальности или пройти переквалификацию. Несмотря на существующие недостатки, данная организация позволила вовлечь в общественную сферу экономики значительную часть пенсионеров и инвалидов, что способствовало решению проблемы дефицита трудовых ресурсов.

Литература

1. Государственный архив Краснодарского края (далее – ГАКК). Ф. Р-687. Оп.2. Д.2318.
2. ГАКК. Ф. Р-687. Оп. 2. Д. 2334.
3. ГАКК. Ф. Р-687. Оп. 3. Д. 1865.
4. ГАКК. Ф. Р-687. Оп. 3. Д. 1914.
5. ГАКК. Ф. Р-687. Оп. 3. Д. 2330.
6. ГАКК. Ф. Р-1631. Оп. 1. Д. 280.
7. ГАКК. Ф. Р-1631. Оп. 1. Д. 292.
8. ГАКК. Ф. Р-1631. Оп. 1. Д. 296.
9. ГАКК. Ф. Р-1631. Оп. 1. Д. 319.
10. ГАКК. Ф. Р-1631. Оп. 1. Д. 343.
11. ГАКК. Ф. Р-1631. Оп. 1. Д. 429.
12. ГАКК. Ф. Р-1631. Оп. 1. Д. 445.
13. ГАКК. Ф. Р-1631. Оп. 2. Д. 3.
14. Козлов А. Е. Социальное обеспечение в СССР (правовые основы). М.: Наука, 1981. 184 с.
15. Конституция (Основной закон) Союза Советских Социалистических Республик (принята на внеочередной седьмой сессии Верховного Совета СССР девятого созыва 7 октября 1977 г.). URL: <http://rusconstitution.ru/library/constitution/articles/9681/> (дата обращения: 26.11.24)
16. О мерах по снижению инвалидности среди трудящихся и улучшению врачебно-трудовой экспертизы: Постановление Совета Министров РСФСР и ВЦСПС от 11 марта 1963 г. URL: https://www.invalidnost.com/MSE/ISTORIA/Post_SM_RSFSR_N299_1963_VTEK.pdf (дата обращения: 29.11.24).
17. О мерах по дальнейшему улучшению использования труда пенсионеров по старости и инвалидов в народном хозяйстве и связанных с этим дополнительных льготах: постановление Совета Министров РСФСР от 3 октября 1973 г. URL: <https://docs.cntd.ru/document/885208061> (дата обращения: 24.11.24).
18. О мерах по дальнейшему улучшению социального обеспечения населения: постановление ЦК КПСС и Совет Министров СССР от 22 января 1981 г. // Коммунистическая партия Советского Союза в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК (1898–1988) / под общ. ред. А. Г. Егорова, К. М. Боголюбова: в 16 т. 9-е изд., доп и испр. Т. 14: 1981–1986. М., 1987. С. 30–32.
19. Печалова Л. В. Промысловая кооперация и кооперация инвалидов в реализации социально-экономической политики советского государства (1920–1960): на материалах Северного Кавказа и Дона: дис. ... д-ра ист. наук. Ставрополь, 2023. 589 с.

References

1. The State Archive of the Krasnodar Krai (GAKK). F. R-687. Inv. 2. D.2318.
2. GAKK. F. R-687. Inv. 2. D. 2334.
3. GAKK. F. R-687. Inv. 3. D. 1865.
4. GAKK. F. R-687. Inv. 3. D. 1914.
5. GAKK. F. R-687. Inv. 3. D. 2330.
6. GAKK. F. R-1631. Inv. 1. D. 280.
7. GAKK. F. R-1631. Inv. 1. D. 292.
8. GAKK. F. R-1631. Inv. 1. D. 296.
9. GAKK. F. R-1631. Inv. 1. D. 319.
10. GAKK. F. R-1631. Inv. 1. D. 343.
11. GAKK. F. R-1631. Inv. 1. D. 429.
12. GAKK. F. R-1631. Inv. 1. D. 445.
13. GAKK. F. R-1631. Inv. 2. D. 3.
14. Kozlov AE. Social security in the USSR (legal foundations). Moscow: Nauka, 1981. 184 p. (In Russ.).
15. Constitution (Basic Law) of the Union of Soviet Socialist Republics (adopted at the extraordinary seventh session of the Supreme Soviet of the USSR of the ninth convocation on October 7, 1977). Available from: <http://rusconstitution.ru/library/constitution/articles/9681/> [Accessed 26 November 2024] (In Russ.).
16. On measures to reduce disability among workers and improve medical and labor expertise: Resolution of the Council of Ministers of the RSFSR and the Central Executive Committee of March 11, 1963 Available from: https://www.invalidnost.com/MSE/ISTORIA/Post_SM_RSFSR_N299_1963_VTEK.pdf [Accessed 29 November 2024]. (In Russ.).
17. On measures to further improve the use of old-age pensioners and disabled people in the national economy and related additional benefits: Resolution of the Council of Ministers of the RSFSR of October 3, 1973. Available from: <https://docs.cntd.ru/document/885208061> [Accessed 24 November 2024]/ (In Russ.).
18. On measures to further improve social security of the population: resolution of the Central Committee of the CPSU and the Council of Ministers of the USSR dated January 22, 1981. The Communist Party of the Soviet Union in resolutions and decisions of congresses, conferences and Plenums of the Central Committee (1898-1988) / under the general editorship of AG. Egorov, KM. Bogolyubov. In 16 vols. Vol. 14: 1981-1986. Moscow, 1987. P. 30-32. (In Russ.).
19. Pechalova LV. Fishing cooperation and cooperation of the disabled in the implementation of the socio-economic policy of the Soviet state (1920-1960): based on the materials of the North-Caucasus and the Don: dissertation of the Doctor of Historical Sciences. Stavropol; 2023. 589 p. (In Russ.).

Научная статья

УДК 94(47+73)"1945":327.82

<https://doi.org/10.37493/2409-1030.2025.3.11>

ЯДЕРНЫЙ ФАКТОР В СОВЕТСКО-АМЕРИКАНСКИХ ОТНОШЕНИЯХ НА ЗАВЕРШАЮЩЕЙ СТАДИИ ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ: К 80-ЛЕТИЮ БОМБАРДИРОВОК ХИРОСИМЫ И НАГАСАКИ

Василина Сергеевна Пикалова^{1*}, Дмитрий Владимирович Пикалов²

^{1,2} Ставропольский государственный педагогический институт (д. 417 «А», ул. Ленина, Ставрополь, 355029, Российская Федерация)

¹ Кандидат исторических наук
vasklo@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-5051-6107>

² Кандидат исторических наук, доцент
swaromir@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-0153-8641>

* Автор, ответственный за переписку

Аннотация. Введение. Ядерные бомбардировки Хиросимы и Нагасаки рассматриваются в исследовании как поворотный момент, оказавший существенное воздействие на формирование Ялтинско-Потсдамской системы международных отношений и предопределивший начало холодной войны. Актуальность изучения влияния ядерного фактора на советско-американские отношения в 1945 г. обусловлена тем, что установление причин возникновения холодной войны и bipolarной конфронтации выступает основой для понимания истоков современного миропорядка. **Материалы и методы.** На основе рассекреченных материалов Архива национальной безопасности США, советских документов, дневников американских политических и военных деятелей, периодической печати исследуется такой аспект разработки и применения ядерного оружия на завершающей стадии Второй мировой войны как использование его в качестве инструмента давления на СССР. **Анализ.** В статье рассматривается, как в американском руководстве, несмотря на союзнические отношения, формировалось представление о необходимости перехода к силовой политике в отношении СССР. Анализируется влияние первого испытания ядерного оружия и раскрытия информации о нем на формирование послевоенного мироустройства и советско-американские отношения. Обращается внимание, что принятие решения о возобновлении советской ядерной программы произошло в 1942 г., в один из критических периодов Великой Отечественной войны, что демонстрирует понимание стратегической важности атомного проекта для обеспечения безопасности страны в будущем. Исследование показывает, что, несмотря на сопро-

вождавшую ядерные бомбардировки японских городов пропаганду, в мире существовали опасения относительно их последствий и перспектив для развития международных отношений. **Результаты.** Переход США к стратегии силовой дипломатии в отношении СССР начался еще до Потсдамской конференции. США рассматривали вступление СССР в войну против Японии как значимый фактор для достижения победы и стремились использовать новую технологию ядерного оружия для стимулирования советского военного вмешательства. Атомная монополия США подорвала доверие в союзнических отношениях и привела к эскалации напряженности между двумя державами, предопределив их дальнейшее противостояние.

Ключевые слова: ядерная бомба, атомная бомба, Хиросима, Нагасаки, Потсдамская конференция, атомная дипломатия, холодная война, bipolarный мир

Для цитирования: Пикалова В. С., Пикалов Д. В. Ядерный фактор в советско-американских отношениях на завершающей стадии Второй мировой войны: к 80-летию бомбардировок Хиросимы и Нагасаки // Гуманитарные и юридические исследования. 2025. Т. 12. № 3. С. 444–454. <https://doi.org/10.37493/2409-1030.2025.3.11>

Конфликт интересов: авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Вклад авторов: все авторы внесли равный вклад в подготовку публикации.

Статья поступила в редакцию: 21.03.2025.

Статья одобрена после рецензирования: 13.05.2025.

Статья принята к публикации: 15.07.2025.

Research article

THE NUCLEAR FACTOR IN SOVIET-AMERICAN RELATIONS AT THE FINAL STAGE OF WORLD WAR II: TO THE 80TH ANNIVERSARY OF THE BOMBINGS OF HIROSHIMA AND NAGASAKI

Vasilina S. Pikalova^{1*}, Dmitry V. Pikalov²

^{1,2} Stavropol State Pedagogical Institute (417A, Lenin Str., Stavropol, 355029, Russian Federation)

¹ Cand. Sc. (History)
vasklo@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-5051-6107>

² Cand. Sc. (History), Associate Professor
swaromir@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-0153-8641>

* Corresponding author

Abstract. Introduction. The nuclear bombings of Hiroshima and Nagasaki are considered in the study as a turning point that had a significant impact on the formation of the Yalta-Potsdam system of international relations and predetermined the beginning of the Cold War. The relevance of studying the influence of the nuclear factor on Soviet-American relations in 1945 is due to the fact that the establishment of the causes of the cold War and bipolar confrontation serves as the basis for understanding the origins of the modern world order. **Materials**

and methods. Based on declassified materials from the US National Security Archive, Soviet documents, diaries of American political and military figures, periodicals, the author examines such an aspect of the development and use of nuclear weapons at the final stage of World War II as their use as an instrument of pressure on the USSR. **Analysis.** The article examines how the American leadership, despite the allied relations, formed the idea of the need to switch to a forceful policy towards the USSR. The influence of the first nuclear weapons

© Пикалова В. С., Пикалов Д. В., 2025

test and the disclosure of information about it on the formation of the post-war world order and Soviet-American relations is analyzed. Attention is drawn to the fact that the decision to resume the Soviet nuclear program took place in 1942, during one of the critical periods of the Great Patriotic War, which demonstrates the understanding of the strategic importance of the atomic project for ensuring the security of the country in the future. The study shows that despite the propaganda accompanying the nuclear bombings of Japanese cities there were concerns in the world about their consequences and prospects for the development of international relations. **Results.** The US transition to a strategy of power diplomacy towards the USSR began even before the Potsdam Conference. The United States considered the entry of the USSR into the war against Japan as a significant factor in achieving victory and sought to use new nuclear weapons technology to stimulate Soviet military intervention. The US nuclear monopoly undermined trust in allied relations

Введение. Восьмидесятилетие бомбардировок Хиросимы и Нагасаки является важной вехой для осмысления последствий единственного в мировой истории прецедента боевого применения ядерного оружия. Его использование США в августе 1945 г. оказало существенное воздействие на формирование Ялтинско-Потсдамской системы международных отношений и стало ключевым обстоятельством в генезисе холодной войны. Исследование воздействия ядерного фактора на динамику советско-американских отношений позволяет не только глубже понять причины биполярной конфронтации, но и дает возможность выявить истоки современного миропорядка.

Технология ядерного оружия детерминировала появление комплекса глобальных проблем, включая морально-этические, и продолжает воздействовать на стратегию международных отношений. Это обуславливает пристальное внимание исследователей ко времени зарождения атомной дипломатии и актуализирует значимость изучения ее ключевых механизмов. Данная проблематика широко представлена в научной исторической литературе, особенно в историографии холодной войны. Отметим некоторые ключевые публикации о роли ядерного фактора в динамике советско-американских отношений. Это труды современных отечественных и зарубежных исследователей, таких как В. Батюк, С. Буранок, В. Зимонин, В. Мальков, М. Мягков, Г. Алпровиц, Дж. Гэддис, Ц. Хасэгава и др. [1; 2; 3; 9; 11; 12; 22; 28].

Материалы и методы. По мере рассекречивания архивных документов в России и США появляются новые данные о советских и американских планах, оценках и действиях в отношении ядерного оружия в 1945 г. Это открывает возможности для внесения новых фактических сведений и уточнений в существующие научные подходы. Анализ материалов советской разведки в издании «Атомный проект СССР» [6; 14] и специфика начальной стадии советского атомного проекта как ответа на вызов времени позволяет установить степень осведомленности лидеров СССР о ходе разработки ядерного

and led to an escalation of tension between the two powers, predetermining their further confrontation.

Keywords: nuclear bomb, atomic bomb, Hiroshima, Nagasaki, Potsdam Conference, atomic diplomacy, cold war, bipolar world

For citation: Pikalova VS, Pikalov DV. The nuclear factor in Soviet-American relations at the final stage of World War II: to the 80th anniversary of the bombings of Hiroshima and Nagasaki. *Humanities and law research.* 2025;12(4):444-454. (In Russ). <https://doi.org/10.37493/2409-1030.2025.3.11>

Conflict of interest: the authors declare no conflicts of interests.

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article.

The article was submitted: 21.03.2025

The article was approved after reviewing: 13.05.2025.

The article was accepted for publication: 15.07.2025.

оружия в США. Отметим значимость сборника «Атомная бомба и окончание Второй мировой войны» Архива национальной безопасности США, материалы которого представлены в формате факсимильных копий первоисточников. С 2005 г. по 2020 г. сборник четырежды дополнялся новыми материалами, что позволяет провести анализ с привлечением новых рассекреченных документов [37].

Важным ресурсом для анализа влияния ядерного фактора на советско-американские отношения являются дневники американских государственных и военных деятелей. К ним относятся, в частности, документы из наследия министра военно-морских сил США Джеймса Форрестола (в виде факсимильных копий из коллекции Библиотеки Принстонского университета) [39]; материалы военного министра Генри Стимсона [36] и помощника американского посла в СССР Роберта Мейклдсона [34], доступ к которым обеспечен Архивом национальной безопасности США.

Для определения специфики начала формирования общественного мнения о ядерных бомбардировках Хиросимы и Нагасаки и установления их значения как фактора международных отношений в СССР и США изучены советские [4; 5; 7; 8] и американские газеты [24; 26; 27; 31; 38; 40]. Источником для осмысления реакции мирового сообщества на ядерные бомбардировки выступает публицистическое наследие европейских интеллектуалов, таких как Альбер Камю [10] и Джордж Оруэлл [32]. В их текстах, опубликованных также в периодической печати, были представлены не только этические оценки принципиально нового вида оружия, но и прогностические суждения о его влиянии на архитектуру международных отношений.

Ведущей методологической установкой исследования выступает системный подход, позволяющий рассматривать советско-американские отношения как сложную систему, в которой ядерный фактор играл важную роль наравне с политическими, экономическими, идеологическими и военными аспектами.

Анализ. Накануне Потсдамской конференции в американском штате Нью-Мексико на полигоне Аламогордо в рамках Манхэттенского проекта 16 июля 1945 г. был осуществлен первый в истории человечества успешный испытательный взрыв ядерного оружия. Встреча лидеров стран «Большой тройки» 17 июля – 3 августа 1945 г. в пригороде Берлина, на которой определялись параметры послевоенного миропорядка, стала и ареной для зарождения атомной дипломатии. Фактическое получение Соединенными Штатами монопольного статуса ядерной державы повлияло на переговорную позицию американской делегации, впервые попытавшейся использовать новый вид оружия как инструмент реализации внешнеполитических целей.

В преддверии Потсдама 4 июля 1945 г. в Вашингтоне на заседании Объединенного комитета начальников штабов США и Великобритании проходило обсуждение стратегии информирования советского лидера И. В. Сталина о создании и предстоящем боевом применении ядерного оружия [30]. К этому времени политическое решение о применении ядерного оружия против Японии на уровне американского и британского правительств было уже принято, о чем свидетельствует внесенная в протокол заседания соответствующая запись. Председатель комитета британский фельдмаршал Генри Вильсон высказал точку зрения, что американскому президенту Г. Трумэну необходимо информировать советского лидера по этому вопросу именно во время прохождения Потсдамской конференции. Он выразил обеспокоенность тем, что если не упомянуть об оружии на личной встрече со Сталиным, то последующее его применение может подорвать доверие между союзниками. По мнению Г. Вильсона, после оценки «атмосферы» на встрече и в том случае, если она будет благоприятной, Г. Трумэну следовало раскрыть информацию о деятельности «по разработке атомного деления для военных целей», о достижении «хорошего прогресса» и предстоявшей в ближайшем будущем «попытке использования оружия», хотя уверенности, что «она будет успешной» не было [30]. Следовательно, до капитуляции Японии для союзников (США и Великобритании) сохранялась важность партнерских отношений с СССР. Это было связано прежде всего с тем, что по существовавшим оценкам для победы над «страной восходящего солнца» необходимо было сухопутное вторжение советской армии в Маньчжурию.

Г. Вильсон считал, что, если бы И. Сталин на встрече во время Потсдамской конференции стал настаивать на немедленном раскрытии информации о технологии ядерного оружия в рамках союзнических отношений трех держав, Г. Трумэн мог сказать, что он «не готов развивать этот вопрос дальше в настоящее время» [30]. Очевидно, что союзники ожидали, что Ста-

лин проявит интерес к разработке нового оружия и попытается получить как можно больше информации о нем.

В мемуарах Г. Трумэна содержатся сведения, что во время встречи в Потсдаме 24 июля он в неформальной личной беседе с участием переводчиков рассказал советскому лидеру о достижениях США в сфере разработки технологии «принципиально нового вида оружия». В частности, он «вскользь упомянул И. Сталину», что у них «появилось новое оружие особой разрушительной силы», однако тот «не проявил особого интереса» [21, с. 432]. Зная о намерении Г. Трумэна информировать И. Сталина об испытании ядерной бомбы, британский премьер-министр У. Черчилль наблюдал со стороны за этой беседой и целенаправленно следил за реакцией советского лидера, ожидая увидеть признаки обеспокоенности или удивления. В своих мемуарах У. Черчилль зафиксировал, что на лице И. Сталина «сохранилось веселое и благодушное выражение». На основании отсутствия ожидаемой эмоциональной реакции британский премьер-министр сделал умозаключение: «Совершенно очевидно, что в его тяжелых трудах и заботах атомной бомбе не было места. Если бы он имел хоть малейшее представление о той революции в международных делах, которая совершалась, то это сразу было бы заметно» [23, с. 385].

Представленные в мемуарах Г. Трумэна и У. Черчилля сведения, записанные уже в разгар холодной войны, способствовали в дальнейшем появлению мифа о «недалновидности» И. Сталина, который якобы недооценил значимость ядерного оружия, и это привело к исходному отставанию СССР в его разработке. Однако сдержанная реакция советского руководителя была обусловлена скорее его осведомленностью о ходе работ по созданию атомной бомбы в США благодаря данным, поступавшим от советской разведки. Как отмечает российский историк В. И. Батюк, «на протяжении первых лет ядерной гонки советская разведка успешно выполняла все поставленные перед ней задачи, снабжая Центр подробной и качественной информацией об усилиях США в области создания и совершенствования стратегических ядерных вооружений» [2, с. 76].

Обращение к рассекреченным документам советской разведки действительно демонстрирует, что с октября 1941 г. была инициирована агентурная операция под кодовым названием «Энормоз» (от англ. enormous – огромный), в рамках которой в СССР приходили сведения об американских разработках в сфере технологии ядерного оружия [20]. С января 1944 г. отмечено значительное увеличение объема поступавшей информации об использовании в США «атомной энергии урана» [13]. Советское руководство было осведомлено о масштабах и прогрессе аме-

риканской программы, в которой, согласно донесениям, были задействованы свыше 500 научных сотрудников [16]. Ключевую роль в аналитической обработке получаемых сведений играл И. Курчатов, что документально подтверждается записями о его ознакомлении на агентурных материалах. В экспертной оценке разведданных конца февраля 1945 г. не только констатировалось, что «этот вид оружия следует считать практически осуществимым», но и с высокой точностью прогнозировалось проведение первого экспериментального взрыва через 2–3 месяца [15]. Получение в начале июля данных о дате испытания, назначенного изначально на 10 июля 1945 г. [14], давало возможность сформировать у И. Сталина полное понимание ситуации, а потому объяснима и его намеренно сдержанная реакция на сообщение Г. Трумэна в Потсдаме.

Важно подчеркнуть, что решение о возобновлении в СССР работ по урановой проблеме было принято в один из сложных периодов Великой Отечественной войны. 28 сентября 1942 г. Государственный комитет обороны утвердил распоряжение № 2352сс, определявшее конкретные организационные мероприятия [18]. Уже к апрелю 1943 г. должен был быть готов доклад Академии наук СССР, в котором следовало проанализировать возможность «создания урановой бомбы или уранового топлива» [18, с. 9]. Для проведения исследований при Академии наук СССР создавалась специальная лаборатория атомного ядра, получившая в 1943 г. название «Лаборатория № 2». Первоначально она была размещена в Казани, а впоследствии переведена в Москву [19]. Тогда же, в ноябре 1942 г., И. Сталин был ознакомлен с проведенным И. Курчатовым анализом разведывательных данных, изложенным ученым в докладной записке на имя В. Молотова. Она содержала объективную оценку стартовых условий советского атомного проекта: «в исследованиях проблемы урана советская наука значительно отстала от науки Англии и Америки и располагает в данное время несравненно меньшей материальной базой для производства экспериментальных работ [6, с. 279].

Принятие решения о возобновлении советской ядерной программы в разгар Сталинградской битвы демонстрирует понимание стратегической важности атомного проекта для обеспечения безопасности страны. Несмотря на военные и экономические трудности, Советский Союз сумел выделить ресурсы и организовать научную работу в этой области, хотя в условиях войны и не столь значительные. Первоначальное отставание в исследованиях, отмеченное И. Курчатовым, стало стимулом для привлечения лучших научных сил страны, а также использования разведывательной информации для ускорения работ. Несмотря на сложную экономическую ситуацию в стране в военное время и в период восстановления народного хозяйства

важными обстоятельствами последующего успеха советского атомного проекта были как научный потенциал отечественных ученых, так и эффективная организация работ, которая предусматривала создание инфраструктуры и увеличение промышленных мощностей.

Возвращаясь к Потсдамской конференции, обратим внимание на ретроспективную интерпретацию об информировании И. Сталина об атомной бомбе, представленную в интервью 1989 г. А. Громыко, находившегося в июле 1945 г. в составе советской делегации. Бывший советский дипломат расценивал этот шаг Трумэна не как простую констатацию факта, а как элемент стратегии оказания давления на СССР. К такому выводу он пришел на основании того, что американский президент стал «более активно выступать, вступать в споры со Сталиным, чаще возражать по тем вопросам, которые до этого не вызвали особых сомнений». По мнению А. Громыко, перенос даты проведения Потсдамской конференции на более поздние сроки был сознательной инициативой Г. Трумэна, который откладывал встречу «Большой тройки» до времени потенциального подтверждения мощи нового оружия в ходе испытаний [17, с. 4–5].

Анализ мемуаров Г. Трумэна также дает возможность выявить стремление перераспределить ответственность за ядерные бомбардировки Хиросимы и Нагасаки. В частности, бывший американский лидер приводил в своих воспоминаниях слова, якобы сказанные И. Сталиным после сообщения ему информации о создании нового оружия, что тот был «рад это услышать и надеется, что мы сможем “успешно использовать его против японцев”» [21, с. 432]. Последняя фраза заключена в тексте мемуаров в кавычки, что на формальном уровне восприятия придает ей статус прямой речи и может претендовать на документальную точность цитирования. Использование кавычек в данном случае можно рассматривать как прием Г. Трумэна, направленный на укрепление своей позиции, а также как стремление разделить моральную ответственность за ядерные бомбардировки с советским лидером.

Интерпретация сообщения Г. Трумэна И. Сталину о новом оружии «особой разрушительной силы» как прецедента «атомной дипломатии» обусловлена системным подходом к изучению динамики советско-американского взаимодействия в конце Второй мировой войны. Отечественная историография, как свидетельствует в том числе, например, работа В. Л. Малькова, традиционно связывает генезис холодной войны с засекречиванием ядерных разработок со стороны США и Великобритании от СССР, несмотря на союзнические отношения, что, в свою очередь, стало катализатором взаимного недоверия [11, с. 30]. О кризисе в отношениях между союзниками по антигитлеровской коалиции, су-

ществовавшему уже ко времени разгрома нацистской Германии, пишет и В. П. Зимонин. Он отмечает, что после смерти в апреле 1945 г. президента Ф. Рузвельта в США начался отход от политики сотрудничества с Советским Союзом [9, с. 45].

Трансформация модели взаимодействия СССР и США от сотрудничества к конфронтации прослеживается на основе анализа дневников командующих вооруженными силами США, ранее недостаточно изученных в отечественной исторической науке. Обращение к этим материалам дополняет фактические данные о том, что изменение парадигмы советско-американского взаимодействия, в которой ядерное оружие рассматривалось в качестве ключевого инструмента силовой дипломатии, началось на завершающем этапе Второй мировой войны. Показательна запись 20 апреля 1945 г. в дневнике министра военно-морских сил США Джеймса Форрестала, воспроизводившая его беседу с американским послом в СССР А. Гарриманом. В ней дипломат предрекал кризис в отношениях с Советским Союзом и выступал за ужесточение американского курса, используя выражения: «серьезные опасения относительно будущего наших отношений с Россией», «необходимость перехода к реализации более твердой политики». Особая тревога Гарримана была связана с реализацией советского внешнеполитического курса, направленного на создание «вокруг своих границ государств, которые будут следовать той же идеологии, что и русские», а потому и с возможностью в ближайшем будущем столкнуться с «энергичной и опасной» «идеологической войной» [39, р. 307].

Логике стратегического мышления американского военного руководства в отношении Советского Союза после разгрома нацистской Германии раскрывают сведения из дневника военного министра США Генри Стимсона. В записях, сделанных 14 мая 1945 г., нашел отражение состоявшийся разговор с помощником военного министра Джоном Дж. Макклоем, координировавшим ленд-лиз. Во время беседы сам Г. Стимсон поделился мнением, что «сейчас самое время и единственный способ вести дела с Россией» – «держат рот на замке и позволить нашим действиям говорить за слова». Для возвращения Соединенными Штатами своих лидерских позиций, по мнению военного министра, следовало начать действовать «грубо и реалистично». Особый интерес представляет его метафоричное сравнение советско-американских отношений с карточной игрой, где у США «флеш-рояль» – самый сильный расклад, который необходимо использовать: «Они не могут обойтись без нашей помощи и промышленности, и мы вводим в действие оружие, которое будет уникальным. Теперь главное – не ввязываться в ненужные ссоры, слишком много разго-

варивая, и не демонстрировать свою слабость, слишком много разговаривая, пусть наши действия говорят сами за себя» [36].

Аналогия с карточной игрой, в которой у США «флеш-рояль», в представленных дневниковых записях является ключевой. Это метафорическое выражение демонстрирует уверенность Г. Стимсона в том, что США обладали решающим преимуществом перед СССР и планировали продемонстрировать свою мощь не словами, а конкретными действиями. Это породило представления, что Советский Союз не сможет обойтись без американской помощи, а потому на него возможно оказывать давление. Политика силы, основанная на экономическом превосходстве США и наличии у него «уникального оружия», т. е. ядерной бомбы, способствовала зарождению идеологии холодной войны, основанной на взаимном недоверии и противостоянии США и СССР.

Г. Трумэн, как и Г. Стимсон, безусловно, также учитывал дипломатические последствия атомной монополии США. Американский историк и политолог Г. Алпровиц в своей работе 1960-х гг. одним из первых выдвинул тезис о том, что Г. Трумэн намеренно стремился максимально отсрочить проведение Потсдамской конференции, ожидая завершения разработки технологии ядерного оружия. Накануне же встречи, по словам Г. Алпровица, одному из помощников он сказал фразу: «Если она взорвется, а я думаю, что так и случится, у меня, конечно, будет дубина для этих парней!» [1, с. 133].

В дневниковых записях Джозефа Э. Дэвиса, известного вашингтонского юриста и бывшего посла в СССР, под заголовком «В те дни» содержится информация, что 21 мая 1945 г. у него состоялся разговор с Г. Трумэном, во время которого президент сказал ему, что не хотел встречаться со Сталиным и Черчиллем до июля: «У него был на руках бюджет* (* – атомная бомба. Тогда он рассказал мне об экспериментах по созданию атомной бомбы в Неваде. Потребовал от меня соблюдения строжайшей секретности). Он также назвал мне другую причину и т. д. Испытание было назначено на июнь, но перенесено на июль» [25]. Таким образом, по мысли Дэвиса, Трумэн ожидал результатов испытаний атомной бомбы и, вероятно, хотел использовать ее как инструмент давления в переговорах с Советским Союзом. Следует учитывать, что эта запись сделана позже события, в период, когда последствия применения ядерной бомбы уже были известны. Поэтому существует вероятность, что Дэвис задним числом интерпретирует слова Трумэна в свете этих событий, чтобы придать им определенный смысл.

Попытки США использовать ядерное оружие в качестве рычага давления на СССР имели контрпродуктивный эффект, способствуя ужесточению позиции Сталина. Согласно ин-

терпретации современного американского историка Дж. Л. Гэддиса, атомная монополия США побудила И. Сталина перейти к сознательному ужесточению внешнеполитического курса, направленного на достижение советских стратегических интересов, «хотя бы для того, чтобы продемонстрировать, что его нельзя запугать» [28, р. 26].

6 и 9 августа 1945 г. военно-воздушные силы США нанесли ядерные удары по японским городам Хиросима и Нагасаки. Бомбардировки привели к мгновенной гибели десятков тысяч мирных жителей. Общее число жертв в Хиросиме оценивается в 140 000 человек к концу 1945 г., а в Нагасаки – в 74 000 человек. Многие погибли сразу от взрыва, другие – от ожогов и радиационного облучения. В современном мире актуальными остаются не только морально-этические аспекты единственного в мировой истории прецедента боевого применения ядерного оружия. В исторической науке и общественно-политическом дискурсе обсуждаемой проблемой является и попытка постижения мотивов применения ядерного оружия: было ли это связано с императивом военной необходимости для завершения вооруженного противостояния, или же американское правительство преследовало цель продемонстрировать мощь США, а новая смертоносная технология тем самым была инструментом силового давления при формировании послевоенного миропорядка.

В предисловии сборника «Атомная бомба и окончание Второй мировой войны» Архива национальной безопасности США обозначены 14 дискуссионных вопросов, полемика вокруг которых не утихает и сегодня. Первые три вопроса значимы для темы данной работы и усиливают актуальность рассматриваемой проблемы: «Были ли атомные удары необходимы в первую очередь для предотвращения вторжения в Японию в ноябре 1945 года; разрешил ли Трумэн применение атомных бомб по дипломатическим и политическим причинам – чтобы запугать Советов – или его главной целью было заставить Японию капитулировать и скорейшим образом завершить войну; если скорейшее окончание войны было самой важной мотивацией Трумэна и его советников, в какой степени они рассматривали возможность „атомной дипломатии“ как „бонус“?» [37]. Эти вопросы подчеркивают многогранность дискуссий вокруг атомной бомбардировки Хиросимы и Нагасаки и являются отправной точкой для изучения мотивов, которые привели к применению ядерного оружия.

Обращение к дневнику административного помощника американского посла в Советском Союзе Р. Мейклджона проливает свет на один из ключевых мотивов ядерной бомбардировки японских городов. 8 и 9 августа 1945 г. им были сделаны записи о состоявшихся встречах аме-

риканского посла У. Гарримана с советским наркомом иностранных дел В. Молотовым, на которых предметом обсуждения выступал вопрос объявления Советским Союзом войны Японии. Согласно представленной в дневнике аналитической оценке, применение ядерного оружия оказало непосредственное влияние на принятие советским руководством окончательного решения по этой проблеме. Как резюмировал Р. Мейклджон, общее мнение сотрудников дипломатической миссии было единодушным: «никто из нас не сомневается, что атомная бомба ускорила объявление войны Советами» [34].

Следовательно, США были крайне заинтересованы в незамедлительном вступлении СССР в войну с Японией. Это косвенно свидетельствует о том, что в Вашингтоне осознавали ограниченную эффективность ядерных бомбардировок для быстрого завершения войны. Применение нового оружия, таким образом, можно интерпретировать как способ оказания давления на СССР с целью стимулирования его к скорейшему началу сухопутной операции против Квантунской армии в Маньчжурии.

Однако в современной публично декларируемой точке зрения американских государственных институтов по проблеме ядерных бомбардировок Японии продолжает воспроизводиться нарративная модель оправдания. Одним из примеров такого дискурса служит Резолюция Конгресса США № 247 от 5 августа 2015 г. Ее название демонстрирует официальную позицию: «В память о действиях президента Гарри С. Трумэна и экипажей "Энолы Гей" и "Боксера", которые использовали атомную бомбу для прекращения Второй мировой войны» [33]. В тексте присутствует развернутая аргументация в поддержку решения президента Г. Трумэна «применить атомные бомбы против Японии, чтобы положить конец Второй мировой войне». Она включает указание на продолжительность войны, необходимость подготовки к вторжению на Японские острова и представление о значении применения ядерного оружия как о менее затратной альтернативе, позволившей сохранить «бесчисленное количество жизней граждан Соединенных Штатов» [33].

Таким образом, официально декларируемая позиция США в публичной риторике остается неизменной: ядерные бомбардировки рассматриваются как тактически оправданный шаг, способствовавший окончанию Второй мировой войны и минимизации собственных потерь. Однако она противоречит сведениям опубликованных в США документов. С сентября 1940 г. американская военная разведка регулярно расшифровывала перехваченный кабельный трафик Министерства иностранных дел Японии. Эти сообщения в совокупности были известны под кодовым названием «Magic». Из перехваченных сообщений представителя Министер-

ства иностранных дел Японии в Ханое, направленных министру иностранных дел Того Сигэнори 12 и 13 августа, очевидно, что японские военные круги не были намерены капитулировать, несмотря на применение двух ядерных бомб и масштабные разрушения, а также вступление СССР в войну [29]. Следовательно, данный источник ставит под сомнение утверждение, что именно бомбардировки Хиросимы и Нагасаки стали непосредственной и решающей причиной капитуляции Японии.

Одним из первых тезисов о том, что «для окончания войны и для спасения миллионов человеческих жизней совершенно не нужна была атомная бомба», выдвинул в своей работе 1964 г. американский историк и политолог Г. Алпровиц [1, с. 9]. К аналогичному выводу на основе анализа другого комплекса документов пришел Цуёси Хасэгава, современный американский историк японского происхождения. Он утверждает, что даже после разрушения Хиросимы «ни один человек из кабинета министров или партии мира не посчитал нужным как-либо скорректировать внешнеполитический курс Токио, в котором делался упор на переговоры о посредничестве с Советским Союзом» [22, с. 320]. Анализируя телеграфную переписку японских политиков Того и Сато, Хасэгава пришел к выводу, что большинство членов правительства Японии осознавало угрозу новых ядерных бомбардировок со стороны США, однако это не побудило их обсуждать капитуляцию. Японский кабинет министров наоборот «был настроен на продолжение войны» [22, с. 321]. На этом основании Хасэгава делает категоричный вывод о том, что не «эта бомбардировка заставила японское правительство немедленно капитулировать» [22, с. 322].

Нанесение ядерных ударов по Хиросиме и Нагасаки изначально трактовалось на первых полосах американских печатных СМИ в качестве ключевого инструмента принуждения Японии к капитуляции. Как показывает анализ материалов газет «The New York Times», «Chicago Daily Tribune», «The Brainerd Daily Dispatch», «New York World-Telegram», для большего воздействия на массовое сознание бомбардировки изображались как акт возмездия за Перл-Харбор и решающий способ ведения войны, который мог спасти жизни американских военных [24; 31; 38; 40]. Тем самым СМИ не просто информировали население о применении оружия беспрецедентной мощности и разрушительной силы, а выступали средством легитимации бомбардировок при конструировании общественного мнения. По справедливой оценке, С. О. Буранка, в США усилиями администрации Трумэна «удалось положительно настроить общественность» уже в первый день применения нового оружия [3, с. 92].

Однако ядерные бомбардировки японских городов не стали главной темой советских новостей. 7 августа 1945 г. в газете «Известия» была

размещена небольшая статья «Заявление Трумэна о новой атомной бомбе» [7]. В «Правде» 8 августа была аналогичная публикация на последней странице в подвале и уже после информации о прошедшем в Нью-Йорке митинге по случаю пребывания в США советской профсоюзной делегации [8]. 11 августа «Правда» и «Известия» опубликовали одинаковые статьи о выступлении Трумэна 9 августа по американскому радио, которые представляли собой пересказ речи президента США с цитированием отдельных фрагментов [4; 5]. Следовательно, факт применения нового оружия не замалчивался полностью, но представлялся для советских граждан как второстепенная новость, смещающая тем самым фокус общественного внимания.

В США фотографии и рассказы о последствиях бомбардировок начали появляться со временем. Например, в сентябре 1945 г. в воскресном номере газеты «Evening star» на нескольких страницах были опубликованы предоставленные ВВС США фотографии с изображением разрушений в Хиросиме и Нагасаки под заголовком «Потребовалось всего две атомные бомбы, чтобы вызвать эти разрушения» [27]. Однако это была скорее демонстрация населению мощи нового оружия, нежели попытка осмыслить трагедию жертв. В подписях к фотографиям акцент был сделан на масштабах разрушений, количестве уничтоженных зданий и инфраструктуры, а не на человеческих потерях и последствиях для здоровья выживших.

В первые месяцы после окончания Второй мировой войны в американских печатных СМИ доминировали публикации, в которых восхвалялось открытие атомной энергии. Так, в газете «Detroit evening times» вышла серия статей с общей воодушевляющей идеей: «Долгожданный, невероятно мощный новый источник энергии теперь доступен и обещает постоянный мир и бесконечно лучшую жизнь для всех» [26]. Таким образом, происходило целенаправленное формирование общественного мнения в пользу атомной энергии, сглаживающее негативные последствия ее применения в военных целях.

Свидетельством успешности такой медийной кампании являются результаты опроса, проведенного Центром изучения общественного мнения Ропера США в ноябре 1945 г., который показал, что большинство американцев одобряло применение ядерного оружия против Японии [35]. Более половины респондентов (53,5 %) полностью поддерживало бомбардировки, утвердительно ответив на вопрос «Нам следовало сбросить две бомбы на города, как мы и сделали». За еще более решительные действия высказались 22,7 % («Нам следовало быстро применить гораздо больше бомб...»). Сценарий с предупредительным демонстрационным взрывом предпочли бы 13,8 %. И только 4,3% респондентов считали, что атомные бомбы не

следовало использовать вообще. Суммарный уровень одобрения применения ядерного оружия составлял 76,2%, что отражает его широкую общественную поддержку.

Данный опрос был проведен в США по идентичным вопросам в 2015 и 2024 годах. В 2015 г. наиболее популярным был сценарий с предупредительным демонстрационным взрывом, набравшим 31,6 %. В 2024 г. большинство респондентов (36,7 %) впервые выбрали вариант, осуждающий применение бомб в принципе («Нам вообще не следовало использовать атомные бомбы») [35]. Следовательно, в современном американском общественном сознании наблюдается процесс переоценки с вниманием к морально-этическим аспектам, однако все же переосмысление пока не носит всеобъемлющего характера.

Несмотря на отсутствие в первое время информации о масштабах жертв и разрушений, реакция мировой общественности на ядерные бомбардировки, напротив, была в большей степени связана с осуждением и тревогой. Она включала как моральное неприятие нового оружия, так и рефлексию относительно его влияния на будущий миропорядок. В данном контексте показательной может быть позиция европейских интеллектуалов. Например, в редакционной статье от 8 августа 1945 г. во французской газете «Комбат», ранее связанной с движением Сопротивления, Альбер Камю осудил «грандиозный концерт» в поддержку бомбардировок, устроенный американской, английской и французской прессой. Им была дана этическая оценка применения ядерного оружия: «механическая цивилизация только что достигла последней степени дикости» [10]. Помимо морального осуждения «празднования открытия», А. Камю раскритиковал заявление редактора одного из ведущих мировых информационных агентств «Рейтер», утверждавшего, что новое изобретение «делает договоры устаревшими или сами решения Потсдама». В противовес логике силы философ-экзистенциалист предлагал мировому сообществу отказаться от «радости» в предвкушении потенциальной капитуляции Японии и «энергично выступать за подлинное международное общество, в котором великие державы не будут иметь преимущественных прав над малыми и средними странами» [10].

Другой европейский интеллектуал, британский писатель и публицист Джордж Оруэлл, в своей статье «Вы и Атомная Бомба», опубликованной 19 октября 1945 г. в лейбористском еженедельнике «Трибун», также обратился к геополитическим последствиям изобретения ядерного оружия [32]. Он исходил из того, что Советский Союз мог в течение незначительного времени раскрыть «секрет» создания ядерной бомбы, устранив атомную монополию США. А потому Оруэлл прогнозировал формирование модели нового миропорядка, основанной на суще-

ствовании «двух или трех чудовищных сверхдержав, каждая из которых обладает оружием, с помощью которого миллионы людей могут быть уничтожены за несколько секунд, разделив мир между собой» [32]. Именно в этой публикации британского писателя было впервые в общественно-политическом дискурсе использовано понятие «холодная война», связанное с описанием конфликта нового типа, возникающего между ядерными державами, которые, поделив мир, стремятся избежать прямого военного столкновения [32].

Результаты. Первое в истории испытание ядерной бомбы непосредственно перед началом Потсдамской конференции положило начало атомной дипломатии. Вопрос о том, как поделиться этой новостью с советским лидером И. Сталиным, был предметом дискуссий среди союзников (США и Великобритании). Дальнейшая траектория развития международных отношений зависела в том числе и от того, как именно была преподнесена информация о новом оружии и какое впечатление она произвела на Сталина. Формирование в США стратегии силовой дипломатии по отношению к Советскому Союзу началось за несколько месяцев до успешного испытания ядерного оружия в рамках Манхэттенского проекта на фоне сохранения формального союзнического взаимодействия. Как показал анализ дневников американских военных, разработка и применение атомной бомбы была значима не столько для завершения войны на Тихом океане, сколько определялась стратегическими расчетами, связанными с послевоенным переустройством мира и установлением нового баланса сил.

Анализ источников продемонстрировал, что США рассматривали вступление СССР в войну против Японии как один из определяющих факторов для достижения победы. Это косвенно свидетельствует о том, что США не рассчитывали исключительно на ядерные бомбардировки для капитуляции Японии и стремились использовать новую технологию в том числе и для стимулирования советского военного вмешательства. Исследование показало расхождение между официально декларируемой США позицией об оправданности атомных бомбардировок Японии и данными, полученными из рассекреченных американских документов (перехваченные сообщения «Magic»). Ядерные бомбардировки Хиросимы и Нагасаки не привели к капитуляции Японии, правительство которой продолжало ориентироваться на переговоры с СССР и не сразу пришло к решению о капитуляции.

Сравнительный анализ того, как освещались ядерные бомбардировки Хиросимы и Нагасаки в американских и советских СМИ, позволил установить, что в США преобладала пропагандистская кампания, оправдывавшая применение ядерного оружия и подчеркивавшая его ключе-

вую роль в победе над Японией, в то время как в советских СМИ эта тема не была приоритетной и освещалась более сдержанно. Изучение механизма формирования общественного мнения в США продемонстрировало, что СМИ принимали активное участие в создании позитивного образа технологии ядерного оружия. Фокус внимания обывателей был сосредоточен на масштабах разрушений для того, чтобы продемонстрировать ее силу и значение, при этом информация о человеческих жертвах опускалась. Понять результативность такой пропагандистской кампании позволяет анализ результатов опроса общественного мнения в США, проведенного в ноябре 1945 г. Он показал, что большинство американцев поддерживало применение ядерной бомбы.

На примере позиции европейских интеллектуалов – А. Камю, Дж. Оруэлла – по проблеме атомных бомбардировок показано, что долгосрочные последствия и риски применения ядерного оружия, в том числе и для трансформации

системы международных отношений, были осознаны уже в 1945 г.

Появление ядерного оружия на заключительном этапе Второй мировой войны выступило катализатором трансформации международных отношений в целом и советско-американских в частности. Углубление разногласий между союзниками по антигитлеровской коалиции относительно Восточной Европы и других регионов мира привело к утверждению в американских правящих кругах убеждения, что именно атомная монополия сможет дать США инструмент давления для обеспечения согласия Советского Союза с американскими внешнеполитическими целями. Выбранный курс, подорвав доверие в союзнических отношениях, предопределил дальнейшую конфронтацию двух держав. СССР стремился ликвидировать стратегическую уязвимость и обеспечить безопасность страны, а потому были предприняты беспрецедентные усилия для разработки ядерного оружия, что стало фундаментом будущего баланса сил.

Литература

1. Алпровиц Г. Атомная дипломатия: Хиросима и Потсдам. О применении атомной бомбы и о том, как Америка очутилась лицом к лицу с Советским Союзом / пер. с англ. М.: Международные отношения, 1968. 272 с.
2. Батюк В. И. Начало советско-американской ядерной гонки (1945–1949) // Новая и новейшая история. 2016. № 6. С. 66–77.
3. Буранок С. О. Победа над Японией в оценках американского общества: монография. Самара: Изд-во «Ас Гард», 2012. 116 с.
4. Выступление Трумэна по радио // Известия. 11 августа 1945. С. 4.
5. Выступление Трумэна по радио // Правда. 11 августа 1945. С. 4.
6. Докладная записка И. Курчатова В. Молотову с анализом разведматериалов и предложениями об организации работ по созданию атомного оружия в СССР. 27 ноября 1942 г. // Атомный проект СССР: документы и материалы: в 3 т. / под общ. ред. Л. Д. Рябева. Т. I. 1938–1945: в 2 ч. Часть 1. М.: Наука; Физматлит, 1998. С. 276–279.
7. Заявление Трумэна о новой атомной бомбе // Известия. 7 августа 1945. С. 4.
8. Заявление Трумэна о новой атомной бомбе // Правда. 8 августа 1945. С. 4.
9. Зимонин В. П. «Холодная» война зарождалась в войне «горячей» // Россия XXI. 2013. № 3. С. 28–47; № 4. С. 6–23.
10. Камю А. В редакцию газеты «Комбат». 8 августа 1945. URL: <http://www.matisse.lettres.free.fr/artdeblamer/tcombat.htm> (дата обращения: 29.03.2025).
11. Мальков В. Л. Атомная проблема в межсоюзнических отношениях // Труды отделения историко-филологических наук. 2020. М.: Изд-во РАН, 2021. С. 30–34.
12. Мяков М. Ю. Европа между Рузвельтом и Сталиным. 1941–1945 гг. М.: Алгоритм, 2017. 400 с.
13. Письмо ГРУ Генштаба КА С. В. Кафтанову о ходе работ в США №365088, 7 января 1944 г. // Атомный проект СССР: документы и материалы: в 3 т. / под общ. ред. Л. Д. Рябева. Т. I. 1938–1945: в 2 ч. Ч. 2. М.: Изд-во МФТИ, 2002. С. 19.
14. Письмо НКГБ СССР Л. П. Берии о подготовке испытания атомной бомбы в США № 4305/м, 10 июля 1945 г. // Атомный проект СССР: документы и материалы: в 3 т. / под общ. ред. Л. Д. Рябева. Т. I. 1938–1945: в 2 ч. Ч. 2. М.: Изд-во МФТИ, 2002. С. 335.
15. Письмо НКГБ СССР Л. П. Берии «о ходе работ по созданию атомной бомбы» за рубежом № 1103/м, 28 февраля 1945 г. // Атомный проект СССР: документы и материалы: в 3 т. / под общ. ред. Л. Д. Рябева. Т. I. 1938–1945: в 2 ч. Ч. 2. М.: Изд-во МФТИ, 2002. С. 234–236.
16. Письмо НКГБ СССР М. Г. Первуюхину о ходе работ по урану в США и Англии № 252/м, 25 января 1944 г. // Атомный проект СССР: документы и материалы: в 3 т. / под общ. ред. Л. Д. Рябева. Т. I. 1938–1945: в 2 ч. Ч. 2. М.: Изд-во МФТИ, 2002. С. 26–27.
17. Последнее интервью Андрея Андреевича Громько / Ассоциация внешнеполит. исслед. им. А. А. Громько, Ин-т Европы Российской акад. наук. М.: ИЕ РАН, 2019. 40 с.
18. Распоряжение ГКО № 2352сс «Об организации работ по урану» 28 сентября 1942 г. // Атомный проект СССР: документы и материалы: в 3 т. / под общ. ред. Л. Д. Рябева. Т. I. 1938–1945: в 2 ч. Ч. 1. М.: Наука; Физматлит, 1998. С. 269–270.
19. Распоряжение ГКО № ГОКО-2872сс «О дополнительных мероприятиях в организации работ по урану» 11 февраля 1943 г. // Атомный проект СССР: документы и материалы: в 3 т. / под общ. ред. Л. Д. Рябева. Т. I. 1938–1945: в 2 ч. Ч. 1. М.: Наука; Физматлит, 1998. С. 306–307.
20. Справка 1-го Управления НКВД СССР о содержании доклада «Уранового комитета», подготовленная по полученной из Лондона агентурной информации. Не ранее 3 октября – не позднее 10 октября 1941 г. // Атомный проект СССР:

- документы и материалы: в 3 т. / под общ. ред. Л. Д. Рябева. Т. I: 1938–1945: в 2 ч. Ч. 1. М.: Наука; Физматлит, 1998. С. 241–242.
21. Трумэн Г. Воспоминания: в 2 т. Т. 1: 1945 – год важных решений / пер. с англ. М.: Принципиум, 2021. 624 с.
 22. Хасэгава Ц. Гонка за врагом: Сталин, Трумэн и капитуляция Японии. СПб.: Библиороссика, 2022. 551 с.
 23. Черчилль У. С. Вторая мировая война: в 6 т. Т. 6: Триумф и трагедия / пер. с англ. под ред. А. Орлова. М.: Терра – Книжный клуб, 1998. 400 с.
 24. Chicago Daily Tribune. 1945. August 7.
 25. Davies Diary entry for May 21, 1945. Joseph E. Davies Papers, Library of Congress, box 17, 21 May 1945 // The Atomic Bomb and the End of World War II. A Collection of Primary Sources / Edited by William Burr. The National Security Archive. URL: <https://nsarchive.gwu.edu/briefing-book/nuclear-vault/2020-08-04/atomic-bomb-end-world-war-ii> (accessed: 05.03.2025).
 26. Detroit evening times. 1945. October 7, 21.
 27. Evening star. 1945. September 2.
 28. Gaddis J. L. The Cold war. A new history. New York: The penguin press, 2005. 333 p.
 29. «Magic» – Diplomatic Summary, War Department, Office of Assistant Chief of Staff, G-2, No. 1236 – August 13, 1945 // The Atomic Bomb and the End of World War II». A Collection of Primary Sources / Edited by William Burr. The National Security Archive. URL: <https://nsarchive.gwu.edu/briefing-book/nuclear-vault/2020-08-04/atomic-bomb-end-world-war-ii> (accessed: 15.13.2025).
 30. Minutes of a Meeting of the Combined Policy Committee [Washington] July 4, 1945 // Foreign Relations of the United States: Diplomatic Papers, 1945, General: Political and Economic Matters, Volume II / General Editor E. Ralph Perkins. Washington: United States Government Printing Office, 1967. P. 13.
 31. New York World-Telegram. 1945. August 7.
 32. Orwell G. You and the Atomic Bomb. First published: Tribune. GB, London. October 19, 1945. URL: https://orwell.ru/library/articles/ABomb/english/e_abomb (accessed: 29.03.2025).
 33. Resolution of the US Congress 247. August 5, 2015 «Commemorating and honoring the actions of President Harry S. Truman and the crews of the Enola Gay and the Bockscar in using the atomic bomb to bring World War II to an end». URL: <https://www.govinfo.gov/content/pkg/BILLS-114sres247is/pdf/BILLS-114sres247is.pdf> (accessed: 28.03.2025).
 34. Robert P. Meiklejohn Diary, Entries for 8-9 August // The Atomic Bomb and the End of World War II». A Collection of Primary Sources / Edited by William Burr. The National Security Archive. URL: <https://nsarchive.gwu.edu/briefing-book/nuclear-vault/2020-08-04/atomic-bomb-end-world-war-ii> (accessed: 14.03.2025).
 35. Scott D. Sagan, Gina Sinclair What do Americans really think about the bombing of Hiroshima and Nagasaki? // Bulletin of the Atomic Scientists. August 5. 2024.
 36. Stimson Diary Entries, May 14 and 15, 1945 // The Atomic Bomb and the End of World War II. A Collection of Primary Sources / Edited by William Burr. The National Security Archive. URL: <https://nsarchive.gwu.edu/document/28513-document-12-stimson-diary-entries-may-14-and-15-1945> (accessed: 14.03.2025).
 37. The Atomic Bomb and the End of World War II». A Collection of Primary Sources / Edited by William Burr. The National Security Archive. URL: <https://nsarchive.gwu.edu/briefing-book/nuclear-vault/2020-08-04/atomic-bomb-end-world-war-ii> (accessed: 14.03.2025).
 38. The Brainerd Daily Dispatch. 1945. August 7.
 39. The Diaries of James V. Forrestal. Volume II, 1945 April // James V. Forrestal Papers, MC051, Public Policy Papers, Department of Special Collections, Princeton University Library. URL: https://findingaids.princeton.edu/catalog/MC051_c05072 (accessed: 05.03.2025).
 40. The New York Times. 1945. August 7.

References

1. Alprowitz G. Atomic Diplomacy: Hiroshima and Potsdam. On the Use of the Atomic Bomb and How America Found Itself Face to Face with the Soviet Union / translated from English. Moscow: International Relations Publishing House; 1968. 272 p. (In Russ.).
2. Batyuk VI. The Beginning of the Soviet-American Nuclear Race (1945-1949). New and recent history. 2016;(6):66-77. (In Russ.).
3. Buranok SO. Victory over Japan in the Assessments of American Society: A Monograph. Samara: As Gard Publishing House; 2012. 116 p. (In Russ.).
4. Truman's Radio Speech. Izvestia. 1945;(August 11):4. (In Russ.).
5. Truman's Radio Speech. Truth. 1945;(August 11):4. (In Russ.).
6. I. Kurchatov's Report to V. Molotov Concerning an Analysis of Intelligence Materials and Proposals on Organizing Work on the Development of Atomic Weapons in the USSR. November 27, 1942 in The USSR Atomic Project: Documents and Materials: In 3 Volumes / ed by LD. Ryabev. Vol. 1. 1938-1945: In 2 Parts. Part 1. Moscow: Nauka; Fizmatlit; 1998. P. 276-279. (In Russ.).
7. Truman's Statement on the New Atomic Bomb. Izvestia. 1945;(August 7):4. (In Russ.).
8. Truman's Statement on the New Atomic Bomb. Truth. 1945;(August 8):4. (In Russ.).
9. Zimonin VP. "The Cold War Was Born in a Hot War". *Rossia XXI*. 2013;(3):28-47; 2013;(4):6023. (In Russ.).
10. Camus A. To the Editors of the Newspaper "Combat". August 8, 1945. Available from: <http://www.matisse.lettres.free.fr/artdeblamer/tcombat.htm> [Accessed 29 March 2025]. (In Russ.).
11. Malkov VL. The Atomic Problem in Inter-Allied Relations in Transactions of the Department of Historical and Philological Sciences. 2020. Moscow: Publishing House of the Russian Academy of Sciences; 2021. P. 30-34. (In Russ.).
12. Myagkov MYu. Europe between Roosevelt and Stalin. 1941-1945. Moscow: Algorithm, 2017. 400 p. (In Russ.).
13. Letter from the GRU of the General Staff of the Red Army to S.V. Kaftanov on the progress of work in the USA No. 365088, January 7, 1944. Atomic Project of the USSR: Documents and Materials: In 3 volumes. Ed. by LD. Ryabev. Vol. 1. 1938-1945: In 2 parts. Part 2. Moscow: Moscow Institute of Physics and Technology Publishing House; 2002. P. 19. (In Russ.).

14. Letter from the NKGB of the USSR to L.P. Beria on the preparation for testing an atomic bomb in the USA No. 4305/m, July 10, 1945. Atomic Project of the USSR: Documents and Materials: In 3 volumes. Ed. by LD. Ryabev. Vol. 1. 1938-1945: In 2 parts. Part 2. Moscow: Moscow Institute of Physics and Technology Publishing House; 2002. P. 335. (In Russ.).
15. Letter of the NKGB of the USSR to L.P. Beria "on the progress of work on the creation of an atomic bomb" abroad No. 1103/m, February 28, 1945. Atomic Project of the USSR: Documents and Materials: In 3 volumes. Ed. by LD. Ryabev. Vol. 1. 1938-1945: In 2 parts. Part 2. Moscow: Moscow Institute of Physics and Technology Publishing House; 2002. P. 234-236. (In Russ.).
16. Letter of the NKGB of the USSR to MG. Pervukhin on the progress of uranium work in the USA and England, No. 252/m, January 25, 1944 in USSR. Atomic Project of the USSR: Documents and Materials: In 3 volumes. Ed. by LD. Ryabev. Vol. 1. 1938-1945: In 2 parts. Part 2. Moscow: Moscow Institute of Physics and Technology Publishing House; 2002. P. 26-27. (In Russ.).
17. Andrei Andreevich Gromyko's Last Interview / AA. Gromyko Foreign Policy Research Association, Institute of Europe of the Russian Academy of Sciences. Moscow: Institute of Europe of the Russian Academy of Sciences; 2019. 40 p. (In Russ.).
18. GKO Order No. 2352ss "On the Organization of Work on Uranium" of September 28, 1942. Atomic Project of the USSR: Documents and Materials: In 3 volumes / ed by LD. Ryabev. Vol. I. 1938-1945: In 2 parts. Part 1. Moscow: Nauka; Fizmatlit; 1998. P. 269-270. (In Russ.).
19. GKO Order No. GOKO-2872ss "On Additional Measures in the Organization of Work on Uranium" of February 11, 1943 in Atomic Project of the USSR: Documents and Materials: In 3 volumes. Ed by LD. Ryabev. Vol. I. 1938-1945: In 2 parts. Part 1. Moscow: Nauka; Fizmatlit, 1998. P. 306-307. (In Russ.).
20. Report of the 1st Directorate of the NKVD of the USSR on the contents of the "Uranium Committee" report, prepared based on intelligence information received from London. No earlier than October 3 – no later than October 10, 1941 in Atomic Project of the USSR: Documents and Materials: In 3 volumes. Ed. by LD. Ryabev. Vol. 1. 1938-1945: In 2 parts. Part 1. Moscow: Science; Fizmatlit; 1998. P. 241-242. (In Russ.).
21. Truman G. Memories: In two volumes. Volume 1. 1945 – the year of important decisions. Moscow: Principium; 2021. 624 p. (In Russ.).
22. Hasegawa Ts. The Race to the Enemy: Stalin, Truman, and the Surrender of Japan. St. Petersburg: Biblirossika; 2022. 551 p. (In Russ.).
23. Churchill WS. The Second World War: In 6 Volumes. Vol. 6: Triumph and Tragedy / translated from English, ed by A. Orlov. Moscow: Terra – Book Club; 1998. 400 p. (In Russ.).
24. Chicago Daily Tribune. 1945;(August 7).
25. Davies Diary entry for May 21, 1945. Joseph E. Davies Papers, Library of Congress, box 17, 21 May 1945 in The Atomic Bomb and the End of World War II. A Collection of Primary Sources. Ed. by by William Burr. The National Security Archive. Available from: <https://nsarchive.gwu.edu/briefing-book/nuclear-vault/2020-08-04/atomic-bomb-end-world-war-ii> [Accessed 05 March 2025].
26. Detroit evening times. 1945;(October 7):21.
27. Evening star. 1945;(September 2).
28. Gaddis JL. The Cold war. A new history. New York: The penguin press, 2005; 333 p.
29. «Magic» – Diplomatic Summary, War Department, Office of Assistant Chief of Staff, G-2, No. 1236 – August 13, 1945 in The Atomic Bomb and the End of World War II». A Collection of Primary Sources. Ed by William Burr. The National Security Archive. Available from: <https://nsarchive.gwu.edu/briefing-book/nuclear-vault/2020-08-04/atomic-bomb-end-world-war-ii> [Accessed 15 March 2025].
30. Minutes of a Meeting of the Combined Policy Committee [Washington] July 4, 1945 in Foreign Relations of the United States: Diplomatic Papers, 1945, General: Political and Economic Matters, Volume II. Ed. by ER. Perkins. Washington: United States Government Printing Office; 1967. P. 13.
31. New York World-Telegram. 1945;(August 7).
32. Orwell G. You and the Atomic Bomb. First published: Tribune; GB; London. October 19, 1945. Available from: https://orwell.ru/library/articles/ABomb/english/e_abomb [Accessed 29 March 2025].
33. Resolution of the US Congress 247. August 5, 2015 «Commemorating and honoring the actions of President Harry S. Truman and the crews of the Enola Gay and the Bockscar in using the atomic bomb to bring World War II to an end». Available from: <https://www.govinfo.gov/content/pkg/BILLS-114sres247is/pdf/BILLS-114sres247is.pdf> [Accessed 28 March 2025].
34. Robert P. Meiklejohn Diary, Entries for 8-9 August in The Atomic Bomb and the End of World War II». A Collection of Primary Sources. Ed. by William Burr. The National Security Archive. Available from: <https://nsarchive.gwu.edu/briefing-book/nuclear-vault/2020-08-04/atomic-bomb-end-world-war-ii> [Accessed 14 March 2025].
35. Scott D. Sagan, Gina Sinclair What do Americans really think about the bombing of Hiroshima and Nagasaki? Bulletin of the Atomic Scientists. 2024;(August 5).
36. Stimson Diary Entries, May 14 and 15, 1945 in The Atomic Bomb and the End of World War II. A Collection of Primary Sources. Ed. by William Burr. The National Security Archive. Available from: <https://nsarchive.gwu.edu/document/28513-document-12-stimson-diary-entries-may-14-and-15-1945> [Accessed 14 March 2025].
37. The Atomic Bomb and the End of World War II. A Collection of Primary Sources. Ed by William Burr. The National Security Archive. URL: <https://nsarchive.gwu.edu/briefing-book/nuclear-vault/2020-08-04/atomic-bomb-end-world-war-ii> [Accessed 14 March 2025].
38. The Brainerd Daily Dispatch. 1945;(August 7).
39. The Diaries of James V. Forrestal. Volume II, 1945 April in James V. Forrestal Papers, MC051, Public Policy Papers, Department of Special Collections, Princeton University Library. Available from: https://findingaids.princeton.edu/catalog/MC051_c05072 [Accessed 05 March 2025].
40. The New York Times. 1945;(August 7).

Научная статья

УДК 94(680)

<https://doi.org/10.37493/2409-1030.2025.3.12>

РАЗВИТИЕ ПРОГРАММЫ ЯДЕРНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ ЮАР С 1940-х ПО 1972 ГГ.

Максим Олегович Семиков

Северо-Кавказский федеральный университет (д. 1, ул. Пушкина, Ставрополь, 355017, Российская Федерация)

Ассистент

Makssemik@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-1814-4056>

Аннотация. Введение. Наличие урана, в момент, когда ряд стран мира стремились к обретению ядерного оружия или испытывали потребность в сырье для обеспечения своих ядерных проектов быстро, сделало ЮАР ценным партнером, который мог продавать урановую руду. Взамен ЮАР просила помощи в освоении энергии атома, которую, несмотря на внутривнутриполитические проблемы, получил в свое распоряжение. Однако данная помощь запустила череду политических событий, которые позволили республике существенно продвинуться в изучении всего ядерного цикла, что позволило занять достаточно заметное место среди государств, имевших ядерные программы. **Материалы и методы.** Исследование основано на историко-генетическом методе, позволившем проследить эволюцию ядерной программы ЮАР. Немаловажен принцип междисциплинарности, который позволил уточнить ряд технических деталей в ядерной программе и выявить их политическое значение. Основной массив источников составили документы обсуждения и документы, подготовленные в рамках ООН и МАГАТЭ, а также двусторонние договоры между ЮАР и её партнерами. Среди исследователей стоит отдельно выделить работы Дэвида Олбрайта, занимавшегося проблемами создания ядерного оружия, и являвшимся инспектором МАГАТЭ в 1990-е гг. **Анализ.** Ядерная программа ЮАС/ЮАР стала возможной благодаря помощи со стороны США и Великобритании, которые нуждались в достаточно дешевой урановой руде, а Южная Африка была согласна продавать за предоставленные технологии в добыче и фиксированную оплату. После исторической речи Д. Эйзенхауэра и создания МАГАТЭ для ЮАР стали доступны исследования по мирному атому, в частности строительство реактора с помощью США, работа которого так же обеспечивалась обогащенным ураном согласно договоренности. Вместе с тем политика

изоляции вокруг страны и апартеид внутри подталкивали ЮАР к обретению суверенитета в реализации своей ядерной программы. Не отказываясь от помощи, она продолжила подготовку собственных кадров и эксперименты по самостоятельному обогащению урана, что принесло свои плоды, однако увеличило подозрительность со стороны остального мира. **Результат.** Можно сделать вывод о том, что поддержанная США и Великобританией ядерная программа ЮАР очень скоро переросла в самостоятельные исследования, страна не хотела оставаться лишь сырьевой базой и всеми возможными способами начала собственные исследования. Это привело к росту подозрительности со стороны международного сообщества в отношении страны, а отказ от подписания договора о нераспространении ядерного оружия, и труднодоступность ядерных объектов для комиссии МАГАТЭ свели на нет многие инициативы правительства ЮАР в доказательстве мирных намерений своей ядерной программы

Ключевые слова: ЮАР, ядерная программа, США, ЮАС, Пелиндаба, МАГАТЭ, история международных отношений

Для цитирования: Семиков М. О. Развитие программы ядерных исследований ЮАР с 1940-х по 1972 гг. // Гуманитарные и юридические исследования. 2025. Т. 12. № 3. С. 455–461. <https://doi.org/10.37493/2409-1030.2025.3.12>

Конфликт интересов: автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Статья поступила в редакцию: 21.02.2025.

Статья одобрена после рецензирования: 13.04.2025.

Статья принята к публикации: 15.06.2025.

Research article

THE DEVELOPMENT OF NUCLEAR RESEARCH PROGRAMS IN THE REPUBLIC OF SOUTH AFRICA FROM THE 1940S TO 1972

Maksim O. Semikov

North-Caucasus Federal University (1, Pushkina St., Stavropol, 355017, Russian Federation)

Assistant

Makssemik@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-1814-4056>

Abstract. Introduction. The availability of uranium, at a time when a number of countries around the world were seeking to acquire nuclear weapons or needed raw materials to support their nuclear projects, quickly made the Republic of South Africa a valuable partner that could sell enough uranium ore to meet the needs of buyer countries. In return, the Republic of South Africa asked for help in developing nuclear energy, which, despite domestic political problems, it received at its disposal. However, this assistance launched a series of events that allowed the Republic of South Africa to make significant progress in studying the entire nuclear cycle, which allowed the country to take a prominent place among states with nuclear programs. **Materials and methods.** The study is based on the historical and chronological method to understand the basic mechanisms of the South African nuclear program in the current context of time. The principle of interdisciplinarity is also important, due to which it is possi-

ble to consider a number of technical details necessary to explain what was happening in the political and technical sphere within the country's nuclear program. The analysis of the texts was carried out within the framework of the historical approach. The main body of sources consisted of discussion documents and documents prepared within the framework of the UN and IAEA, as well as bilateral agreements between the Republic of South Africa and its partners. At the same time, periodicals were also analyzed. Among the researchers, it is worth highlighting the works of David Albright, who dealt with the problems of creating nuclear weapons and was an IAEA inspector in the 90s. **Analysis.** The nuclear program of Union of South Africa / Republic of South Africa became possible thanks to assistance from the United States and Great Britain, which needed cheap uranium ore, which the Republic of South Africa agreed to sell for the provided technologies in mining and a fixed payment. After Eisenhower's historic speech and

the creation of the IAEA, research on peaceful atoms became available to the Republic of South Africa, in particular the construction of a reactor with the help of the United States, the operation of which was also provided with enriched uranium according to the agreement. At the same time, the isolation policy around the country and the power of the Apartheid regime inside pushed the Republic of South Africa to gain independence in providing its nuclear program, without refusing assistance, it continued training its own personnel and experiments on independent uranium enrichment, which bore fruit, but increased suspicion from the rest of the world. **Results.** We can conclude that the nuclear program of the Republic of South Africa, supported by the USA and UK, very soon developed into independent research, the country did not want to remain just a raw material base for other people's programs and began its own research in every possible way. This led to an increase in suspicion from the rest of the world regarding the country, and the refusal to sign the Treaty on the Non-Proliferation

Введение. Развитие ядерной программы Южной Африки, которая разрабатывалась в течение нескольких десятилетий, являлось следствием необходимости сделать важный выбор. ЮАР имела ресурсы для реализации своего ядерного потенциала, но не располагала технологиями для воплощения этих проектов в жизнь.

Воспользовавшись помощью ведущих ядерных держав, ЮАР смогла за короткие сроки превратиться из государства, продающего ядерное сырье, в государство, сумевшее наладить на своей территории полный цикл производства ядерных компонентов: от добычи до обогащения и внедрения.

Актуальность исследования обусловлена недостаточностью подробного анализа предпосылок и процесса становления и развития ядерной программы в Южно-Африканском Союзе (ЮАС), а позже в ЮАР.

Целью исследования является рассмотрение ядерного развития ЮАР от начального этапа до появления программ, направленных на создание ядерного оружия. Нижняя хронологическая рамка связана с появлением в ЮАС Комитета по исследованию урана в 1946 г. и Совета по атомной энергии в 1948 г., которые положили начало ядерной промышленности страны. Верхняя хронологическая рамка обусловлена началом разработки программы «мирных ядерных взрывов», одобренной в 1971 г., что стало первым шагом на пути к созданию ядерного оружия в ЮАР.

Наушной новизной предлагаемой статьи является последовательное формирование полной картины развития ядерной программы ЮАР и осмысление места определенных стран в проведении ядерных исследований в Республике Южная Африка, а также исследование проблемы в широком контексте международных отношений и системы периода холодной войны.

Материалы и методы. Исследование построено на анализе материалов двухсторонних встреч между представителями ЮАС / ЮАР и странами-партнерами, которые помогали в разработке и поддержании южноафриканской ядерной программы на раннем этапе его развития. Также использованы в качестве источников материалы заседаний различных структур ООН, в

of Nuclear Weapons, and the inaccessibility of nuclear facilities for the IAEA commission nullified many initiatives of the South African government to prove the peaceful intentions of its nuclear program.

Keywords: Republic of South Africa, nuclear program, USA, Union of South Africa, Pelindaba, IAEA, Uranium enrichment, history of international relations

For citation: Semikov MO. The development of nuclear research programs in the Republic of South Africa from the 1940s to 1972. Humanities and law research. 2025;12(3):455-461. (In Russ). <https://doi.org/10.37493/2409-1030.2025.3.12>

Conflict of interest: the author declares no conflicts of interests.

The article was submitted: 21.02.2025

The article was approved after reviewing: 13.04.2025.

The article was accepted for publication: 15.06.2025.

рамках которых страны-участницы старались сдерживать ЮАР и по возможности смягчить или ликвидировать деструктивную политику апартеида в стране, в том числе и способами, предполагавшими экономическую изоляцию ключевых государственных сфер, в первую очередь военной. Источниковую базу расширяют такие документы, как отчеты совета безопасности ООН по вопросу ЮАС; двухсторонние соглашения между ЮАС / ЮАР и США; резолюции ООН, напрямую касающиеся Южноафриканского государства.

В работе использован историко-генетический метод, позволяющий определить наличие причин для изменения подхода ЮАС / ЮАР к своей ядерной программе и потенциальному приобретению ядерного оружия, а также проследить эволюцию политики и процесса перехода к новому этапу ядерной программы. Применение междисциплинарного подхода было необходимо для понимания технических аспектов разработки полного ядерного цикла на территории ЮАС / ЮАР и того, как технологически государство добивалось успеха.

Анализ. Приобщение ЮАС к элементам ядерных программ других стран можно начать с 1940-х гг. Являясь одной из стран Британского содружества, ЮАС учредил в 1946 г. Комитет по исследованиям урана, который занимался в основном добычей породы и выделял из нее радиоактивный элемент.

В 1948 г. был принят Закон об атомной энергии, обеспечивавший безопасность и механизм контроля над разработкой радиоактивных минералов, а также учредивший Совет по атомной энергии ЮАР (далее – АЕВ) в марте 1949 г. Его деятельность ограничивалась административными процедурами, касающимися добычи, извлечения и продажи урановых концентратов, распределения и контроля радиоизотопов, исследования полезных ископаемых и изучением производства тяжелой воды (дейтерия).

Главными покупателями южноафриканского урана стали США и Великобритания. Согласно протоколу заседания американских членов Комитета по объединенной политике, проходившем в Вашингтоне 28 мая 1948 г., урану из Южной Африки уделялось огромное значение. Было выска-

зано предположение, что до 1952 г. ЮАС может стать основным источником урана, и переговоры следует начать уже сейчас для закупки его максимального количества [7, р. 707]. Согласно ожиданиям сторон, Великобритания и США стремились получить около 10 тыс. т урана за несколько лет. Основной формой взаимодействия должна была стать торговля за определенные суммы.

Частично поднимался вопрос о внутренней политической ситуации в ЮАС. Незадолго до описываемой выше встречи в Вашингтоне в ЮАС победила «Национальная партия», выступавшая за еще большую сегрегацию населения, что выразилось в политике апартеида [7, р. 708]. На момент переговоров главный интерес правительства ЮАС – это гарантии того, что США и Великобритания будут продолжать закупать весь добываемый уран в долгосрочной перспективе. Если говорить о технологической помощи, то тут складывалась ситуация, характерная для конца 1940-х гг., когда ядерные технологии являлись объектом национальной безопасности и любые вопросы, касающиеся их передачи или же выстраивание ядерной архитектуры в других странах рассматривались в Вашингтоне и Лондоне с определенной опаской. Если о возможном содействии ЮАС в закупках горнодобывающего оборудования и в сырьевом секторе были положительные мнения, то в отношении постройки ядерного реактора шли споры. Исходя из сведений, полученных США от Великобритании, ЮАС на правах доминиона просил информацию по ядерным разработкам, и, по мнению Комитета по объединенной политике Великобритании, этот запрос следовало удовлетворить [7, р. 710]. США же предложили ЮАС ограниченное сотрудничество в исследованиях, использовании изотопов и т. д. Все это в обмен на гарантии информационной безопасности, и возможные совместные проекты и инициативы в областях, не связанных с исследованиями в атомной сфере. Данный подход обеспечивал бы США возможность в нужных им объемах закупать ядерное сырье, при этом практически не делясь технологиями, имевшими стратегическое значение, но помогая ЮАС увеличить выработку урана в объемах, необходимых главным покупателям.

На протяжении нескольких лет данные договоренности удовлетворяли все стороны. Новой вехой для развития ядерных инициатив в странах, которые ранее являлись лишь поставщиками ядерных материалов, стал 1953 г. После произнесенной Д. Эйзенхауэром речи «Атом для мира», которая заложила основу появления МАГАТЭ, США пригласили страны, не обладающие ядерным оружием, поучаствовать в мирном использовании атома. Выступая на пленарном заседании Генеральной ассамблеи ООН 8 декабря 1953 г., Д. Эйзенхауэр сказал следующее: «Я был бы готов представить Конгрессу Соединенных Штатов, и с полным ожиданием одобрения, любой такой план, который бы поощрял всемирное исследова-

ние наиболее эффективных способов использования расщепляющихся материалов в мирное время и был бы уверен в том, что исследователи располагают всеми материалами, необходимыми для проведения всех соответствующих экспериментов» [5].

Несмотря на некоторый популизм данной речи, предложение полностью отвечало запросам ЮАС. Программа «Атом ради мира» открывала путь к сотрудничеству в области мирного использования атомной энергии путем передачи ядерных материалов и технологий заинтересованным государствам. Для реализации программы в ядерное законодательство США были внесены соответствующие изменения. Закон об атомной энергии 1954 г. приветствовал заключение двусторонних соглашений США с заинтересованными в развитии своей ядерной отрасли государствами [1, с. 94].

Первая конференция ООН по мирному использованию атома, состоявшаяся в Женеве в 1955 г., стимулировала интерес АЕВ к созданию собственной южноафриканской программы ядерных исследований и разработок. После нее ООН рекомендовала направить ученых за границу для обучения, чтобы они могли построить экспериментальный реактор, и разрешила строительство ядерного энергетического реактора в Кейптауне [6, р. 2].

В ноябре 1956 г., АЕВ учредил Научно-консультативный комитет. Одним из первых актов комитета было назначение А. Дж. А. «Ампи» Ру, исследователя и инженера, близкого к высшим политическим кругам ЮАС, который на тот момент являлся членом Совета по научным и промышленным исследованиям (CSIR), для работы над программой ядерных исследований и разработок. Также комитет нанял первых двух инженеров-исследователей для нужд АЕВ. Им было поручено изучить процессы производства тяжелой воды в качестве замедлителя в ядерных реакторах, это стало первым прикладным исследованием, проводимым штатными сотрудниками АЕВ.

После шести месяцев обучения в Южной Африке, два инженера АЕВ были направлены на 18 месяцев в группу по изучению тяжелой воды в Харвелльском исследовательском центре атомной энергии в Великобритании. Они также посетили заводы по производству тяжелой воды в Германии.

Таким образом, ЮАС оставался крупным поставщиком урана для ядерных программ Великобритании и США, и вместе с тем начал искать способы, чтобы перенести производство компонентов на свою территорию, а при удачном стечении обстоятельств получить помощь в строительстве ядерных объектов и перейти к полному циклу обогащения. Серьезное продвижение в ядерной сфере ЮАС произошло 8 июля 1957 г., после подписания соглашения о сотрудничестве с США об использовании атомной энергии в гражданских

целях. Данное соглашение способствовало прогрессу в налаживании взаимодействия. Была разработана соответствующая терминология для сотрудничества в рамках двухсторонних контактов, и четко прописано содействие США в области исследования мирного атома силами ЮАС с двухсторонним, хоть и ограниченным, доступом к информации, касающейся медицины, сельского хозяйства и способов добычи таких веществ, как уран, плутоний и торий.

Несмотря на серьезные ограничения со стороны США на предоставление технологий, они считали для себя возможным продавать правительству ЮАС уран, обогащенный до двадцати процентов (20 %) ¹.

Согласно ст. VIII договора, «Комиссия Соединенных Штатов будет продавать правительству Южно-Африканского Союза уран, обогащенный до двадцати процентов (20 %) по изотопу U-235, за исключением случаев, предусмотренных в пункте С настоящей Статьи, в таких количествах, которые могут быть согласованы в соответствии с условиями и графиками поставок, изложенными в контрактах на продажу для снабжения топливом определенных исследовательских, экспериментальных энергетических, демонстрационных энергетических и энергетических реакторов, которые правительство Южно-Африканского Союза по консультации с Комиссией решит построить или разрешит частным организациям построить в Южно-Африканском Союзе, а также в соответствии с требованиями, связанными с экспериментами; при условии, однако, что чистый объем любого урана, проданного в соответствии с настоящим Соглашением в течение периода действия настоящего Соглашения, не будет превышать 500 килограммов содержащегося U-235» [9, р. 156.].

Ситуация, представленная выше, указывает на существенную помощь со стороны США в изучении мирного атома в ЮАС. В рамках договора о сотрудничестве между США и ЮАС об использовании атомной энергии в гражданских целях 1957 г. имелась возможность получения Южно-Африканским союзом и высокообогащенного урана (90 %), который мог применяться для реакторов длительного цикла и в создании ядерного оружия. Подобных материалов ЮАС не мог получить свыше 6 кг, а в пунктах договора был четко прописан запрет на исследования или разработки атомного оружия. Кроме того, оговаривалось то, что уран не используется для любых военных целей и что никакие материалы, включая оборудование и устройства не должны попасть в руки сторонних заинтересованных лиц.

¹ Так называемый низкообогащенный уран, который используется для научных изысканий и является самым распространенным для различных исследований, связанных с ядерной отраслью.

На территории самого ЮАС, в соответствии с соглашением, могла по запросу с любой из сторон действовать комиссия из представителей США и ЮАС. Эта структура имела право на контроль за условиями хранения и использования материалов. В то же время на все материалы, произведенные в ЮАС с помощью топлива США (судя по всему, имеются в виду отработанные материалы) отправлялись обратно США по установленным ценам [9, р. 160.]. Можно сделать вывод, что в первую очередь Вашингтон сыграл значительную роль в функционировании ядерной программы ЮАР на раннем этапе ее существования. Нуждаясь в материалах для обеспечения своей, в том числе военной, ядерной доктрины, США сочли возможным помочь ЮАС в рамках программы мирного атома, предложенной Д. Эйзенхауэром. Сотрудничество осуществлялось при поддержке и контроле со стороны МАГАТЭ. Данные события стимулировали развитие промышленности ЮАС, и концу 1950-х гг. сырье получали с 26 рудников, а производство урана достигло 5,9 тыс. т в год. ЮАР стала одним из ведущих поставщиков этого металла (15–17 % рынка) [4].

В рамках соглашения 1957 г. постройка ядерного реактора в ЮАС была лишь вопросом времени, так как в тексте оговаривались поставки для реакторов, которые в рамках программы мирного атома могли построить специалисты из США. Дальнейшие переговоры позволили американцам начать строительство исследовательского реактора² Safari 1 на территории Южной Африки.

На территории недалеко от Пелиндаба (в 30 км от Претории) с 1960 г. началось строительство центра ядерных исследований, который позже стал исследовательским центром.

В 1960 г. премьер-министр ЮАС Х. Ф. Фервурд вывел Южную Африку из состава Содружества, и 31 мая 1961 г. страна стала республикой, т. е. ЮАР. После выхода из Содружества в 1960 г. страна переживала серьезные внутренние изменения. Такие организации, как СВАПО (Народная организация Юго-Западной Африки) в Юго-Западной Африке (ныне Намибия) и АНК (Африканский Национальный Конгресс), признанный в 1960 г. нелегальным, начали становиться более радикальными. В конечном итоге выбрали путь вооруженной борьбы для достижения своих поли-

² Исследовательские реакторы — это небольшие ядерные реакторы, которые в основном используются для производства нейтронов, что отличает их от ядерных энергетических реакторов — более крупных и используемых для выработки электроэнергии. По сравнению с ядерными энергетическими реакторами исследовательские реакторы имеют более простую конструкцию, работают при более низких температурах, требуют гораздо меньше топлива и поэтому производят гораздо меньше отходов. Играют важную роль в научно-исследовательских и опытно-конструкторских работах.

тических целей. Для СВАПО целью стало освобождение Намибии от оккупации ЮАР, а АНК старался извлечь свою страну (ЮАР) от политики апартеида.

Волнение внутри страны и на границах приняло угрожающий характер после суда по делу о государственной измене в Ривонии в 1963 г., где были пойманы десять руководителей АНК, и их тюремного заключения, включая таких лидеров, как Нельсон Мандела, Уолтер Сисулу и др. Этот громкий политический процесс против борцов с апартеидом усугубил взаимоотношения ЮАР с остальным миром. Однако эти события не помешали реализации договоренностей с США по работе над исследованиями ядерных материалов и строительству ядерного реактора, по программе «Атом для мира», несмотря на наметившуюся в Южноафриканской Республике тенденцию к изоляционизму.

Ситуация, сложившаяся к 1963 г., могла подтолкнуть режим в ЮАР к более радикальным мерам в обеспечении своей безопасности, вплоть до обретения средств ядерного сдерживания. Резолюция Совета безопасности ООН (Совбеза) от 7 августа 1963 г. призывала все страны прекратить продажу и поставку в Южноафриканскую Республику оружия, снаряжений и военных автомобилей [3]. На заседании Совбеза 4 декабря 1963 г. было заключено, что поставки возможны в таких объемах, которые ЮАР не сможет использовать для репрессивных мер внутри страны или для экспансии в соседние территории. Члены Совета безопасности согласились, что в ЮАР должна быть развернута экспертная группа ООН, которая будет следить за происходящим. В речи представителя Великобритании сэра Патрика Дина, были ссылки на статьи, позволяющие ЮАР право на самооборону, он указывал на невозможность принять предложения из резолюции от 4 августа 1963 г. о прекращении продажи и поставок оружия в ЮАР в полном объеме [2, с. 4]. Представитель США Эдлай Э. Стивенсон, включаясь в данную полемику, отметил, что Вашингтон уже запретил торговлю вооружением, однако это не должно распространяться на ранее заключенные договоренности, касающиеся гуманитарного сектора и технологической помощи вне военной сферы. Мы можем сделать вывод, что частные операции с ЮАР не должны были пострадать, ничего не должно было помешать торговле ураном и научным изысканиям, а также строительству реактора Safari 1, создававшегося с целью исследования мирного атома.

Для обретения независимости в сырьевом плане в том случае, если США прекратит поставки ядерных компонентов для исследований, ЮАР нужно было самой обогащать руду. Поскольку страна уже была экспортёром урана, ей требовался лишь метод обогащения, чтобы достичь независимости от внешнего мира в сфере получения ядерного топлива.

Данные опасения имели под собой реальные основания ввиду того, что представители капиталистического лагеря, с которыми заключали соглашения ЮАР, с опаской относились к политике апартеида, а также агрессии в отношении соседей, например, уже упомянутой Намибии.

Для реализации плана по достижению независимости в ядерной сфере ЮАР нужно было подготовить квалифицированные кадры. Лучшими местами для подготовки специалистов стали крупные европейские институты по изучению ядерных элементов, в которые ЮАР уже ранее отправляла своих инженеров на обучение: США, Великобритании и Германии.

Исследователей ЮАР привлекла разработка в виде аэродинамического вихревого обогащения, с которыми экспериментировали ФРГ. Подход был во многом уникальным, им не пользовались в США, являвшимся главным партнером и вдохновителем разработок, откуда инженеры чаще всего и получали опыт.

Данный процесс, который решили использовать в ЮАР, был изначально энергоёмким, особенно в сравнении с конкурирующими коммерческими технологиями обогащения, которые использовались в США и Великобритании (в них использовались газодиффузионные и газовые центрифуги). Он не имел шансов на коммерческий успех в связи с огромными энергозатратами. К преимуществам можно отнести меньшие производственные площади в сравнении, например, с гигантскими газодиффузионными заводами. Для ЮАР, которая скрывала масштабы проводимой работы, площади и размер оборудования имели значение, что и послужило причиной установки на менее эффективной, но более скрытной технологии аэродинамического вихревого обогащения.

Суть южноафриканской технологии заключалась в создании центробежных сил в отклоняемом потоке газа (смеси шестифтористого урана с водородом), испускаемого под значительным давлением под углом через узкое отверстие. При этом возникающая небольшая разница в отклонении молекул с тяжелыми (^{238}U) и легкими (^{235}U , ^{234}U) изотопами позволяла отделять первые от вторых [4].

Первое разделение урана произошло в ноябре 1965 г., и было продемонстрировано премьер-министру ЮАР Х. Ф. Фервурду, который был ярым сторонником проекта. К 1967 г. южноафриканские учёные доказали осуществимость метода вихревого обогащения в лабораторных условиях. Несмотря на ряд оставшихся нерешёнными проблем, АЕВ рекомендовал построить пилотную установку. Из-за высокой стоимости такого предприятия правительство провело длительную независимую экспертизу проекта. В феврале 1969 г. правительство одобрило строительство пилотной установки и дало дополнительные средства на исследования на следующий пятилетний период. Установка, получившая название Y Plant, должна

была производить т. н. оружейный уран³, а не просто низкообогащенный уран, использующийся для исследовательских целей [6, р. 8].

Для строительства опытно-промышленного завода на площадке Валиндаба, расположенной рядом с Пелиндабой, была создана Корпорация по обогащению урана (UCOR). Хотя ряд стран с сомнением отнесся к заявлениям ЮАР о разработке собственных методов обогащения урана, многие признавали, что поддержание политики апартеида и попытки преодолеть изоляцию на внешнеполитическом поле провоцировали правительство на поиск самостоятельного решения своих проблем.

При этом отказываться от внешней помощи никто не собирался. ЮАР продолжала свои взаимоотношения по линии мирного атома с США. В 1965 г. американские инженеры закончили строительство реактора Safari 1. Его физический запуск состоялся в марте 1965 г., а к 1968 г. мощность была увеличена с 7 до 20 МВт. Реактор использовал топливо на основе высокообогащенного (более 90 %) урана, которое в первые десять лет поставлялось из США [4]. Помимо реактора, сделанного специалистами из США, ученые ЮАР экспериментировали и с собственными проектами, которые не были столь результативными. Так, построенный собственными силами ядерный реактор Safari 2 в Пелиндуне вышел на критический уровень в 1967 г. Он использовал 606 кг 2 %-го обогащенного урана и 5,4 т тяжелой воды, поставленной США. Поскольку он не мог конкурировать с легководными реакторами, истощал ресурсы программы обогащения, заключенной с США и негативно воспринимался в мире, его предпочли закрыть в 1969 г.

Можно сделать вывод, что, несмотря на жесткий контроль США за отработанным в ЮАР ураном, власти Претории имели возможность для некоторого лавирования. Они медленно, но неуклонно наращивали свой запас ядерных компонентов и экспериментировали с методами обогащения топлива. Далее предполагалась программа полного ядерного цикла: от добычи до обогащения урана собственными силами.

Сложность для программы представлял вступивший в силу в 1970 г. Договор о нераспространении ядерного оружия (ДНЯО). В ЮАР к нему отнеслись прохладно, и правительство отказалось подписывать соглашение, что привело к еще большему недоверию со стороны других государств. Внутри страны это привело к ряду изменений в мирных ядерных исследованиях.

В своем заявлении 1970 г. новый премьер-министр ЮАР Б. Й. Форстер подчеркнул, что обогатительный завод Y-Plant (созданный для обогащения) предназначен исключительно для мирных

целей. Другим аргументом стало то, что среди задач проекта была продажа обогащенного урана за рубеж, и Форстер пригласил все некоммунистические страны к сотрудничеству в использовании этого нового процесса в гражданских мирных отраслях. Форстер также выразил готовность ЮАР поставить всю свою ядерную деятельность под гарантии МАГАТЭ при соблюдении следующих условий: ЮАР никоим образом не будет ограничена в содействии мирному использованию ядерной энергии; республика не будет подвергаться риску утечки информации о новом процессе обогащения в результате системы инспекций по гарантиям; система гарантий, несмотря на свою эффективность, будет реализована на такой разумной основе, чтобы избежать помех полноценному развитию конкретных отраслей [6, р. 46].

Хотя заявление Форстера и не являлось прямым отказом от гарантий и связанного с ними ДНЯО, оно максимально обезопасило ядерную программу ЮАР от комиссий МАГАТЭ, ссылаясь на коммерческую тайну, и указало на нежелательность вмешательства агентства в дела национальной безопасности республики.

Призывы к изоляции ЮАР со стороны ООН и отдельных стран, такие меры, как запрет на торговлю оружием в 1963 г. или приостановка культурного обмена в 1968 г., мотивировали эту страну получить ядерный потенциал. Как и в ранней индийской программе создания ядерного оружия, эта работа велась тайно, но под названием «мирные ядерные взрывные устройства». Данное событие стало новой вехой в развитии ядерной программы ЮАР, начавшись в 1971 г., когда министр горнодобывающей промышленности Карл Де Вет одобрил предварительные исследования возможности производства ядерного оружия.

Результаты. На основании проведенного выше анализа заключим, что ядерная программа ЮАС / ЮАР с самого начала её развития имела серьезную поддержку со стороны США и Великобритании. Во-первых, ЮАС был частью Британского содружества наций. Во-вторых, и Вашингтон, и Лондон нуждались в сырье для своих ядерных программ, поэтому были готовы обеспечить ЮАР необходимыми технологиями по добыче, но не по обработке опасных компонентов.

По словам руководителя АЕВ А. Дж. А. «Ампи» Ру, главным вдохновителем и помощником в воплощении ядерной программы ЮАР были США, о чем он сказал в 1976 г.: «Мы можем во многом приписать наш сегодняшний уровень развития обучению и помощи, столь охотно предоставленной Соединенными Штатами Америки в первые годы нашей ядерной программы, когда несколько ядерных держав западного мира сотрудничали в ознакомлении наших ученых и инженеров с ядерной наукой» [8].

Изменения в вопросах ядерных исследований после речи Д. Эйзенхауэра и поддержки инициативы мирного атома, позволило ЮАР рекорд-

³ Уран с процентом обогащения свыше 20 %, который можно использовать в том числе для создания ядерного оружия.

ными темпами стать страной с ядерными объектами. Однако жесткий внутривнутриполитический курс и политика апартеида привели к постепенной изоляции страны и подтолкнули ЮАР к исследованиям по обогащению урана, что приблизило страну к обретению полного цикла ядерного производства и в дальнейшем было использовано для создания ядерного оружия. Как и в Индии, его создание началось с концепции «мирных взрывов».

В то же время именно эти решения в дальнейшем стали еще большей проблемой в глазах мирового сообщества. Сильно ограничив доступ экспертов МАГАТЭ к своим установкам по обогащению урана, под предлогом коммерческой тайны и уникальности технологии, отказавшись от подписания ДНЯО, ЮАР обратила на себя при-

стальное внимание ядерных держав. Они не желали появления в своих рядах государства с существенными проблемами в сфере защиты базовых прав человека и сложными взаимоотношениями с соседями. Также следует отметить желание ЮАР усилить суверенитет и заниматься самостоятельно своей ядерной программой. Несмотря на скепсис со стороны ядерных держав, ЮАР оказалась в состоянии не только разработать свою НИОКР (научно-исследовательскую и опытно-конструкторскую работу) при поддержке заинтересованных в этом стран, но и попыталась реализовать самые смелые свои задумки, что поставило его в один ряд с ведущими ядерными державами. ЮАР свернула свою программу ядерного оружия в 1989 году.

Литература

1. Лекаренко О. Г. Политика администрации Д. Эйзенхауэра в связи с подготовкой и подписанием договора о создании Евратома (1955–1957) // Вестник Томского государственного университета. 2009. № 329. С. 94–100.
2. Официальный отчет Совета Безопасности ООН заседание № 1078 от 4 декабря 1963 года. URL: un.org (дата обращения: 07.08.2025).
3. Резолюция Совета безопасности ООН 181 (1963). Резолюция от 7 августа 1963 года. [S/53H6] URL: un.org (дата обращения: 07.08.2025)
4. Шульга Ингард. Ядерное княжество. URL: <https://archive.atomicexpert.com/page1252866.html> (Дата обращения: 07.08.2025)
5. Address by Mr. Dwight D. Eisenhower, President of the United States of America, to the 470th Plenary Meeting of the United Nations General Assembly URL: <https://www.iaea.org/about/history/atoms-for-peace-speech> (accessed: 03.08.2025)
6. Albright D, Stricker A. Revisiting South Africa's nuclear weapons program its history, dismantlement and lessons for today. Institute for science and international security, 2016. 314 p.
7. Foreign Relations of the United States, 1948, General; the United Nations, Volume I, Part 2. Washington. United States Government Printing Office. 1976.
8. Jim Hoagland. S. Africa, With U.S. Aid, Near A-Bomb. 16.02.1977. URL: <https://www.washingtonpost.com/archive/politics/1977/02/16/s-africa-with-us-aid-near-a-bomb/e0447a13-d514-4229-b245-2a3a30a9194f/> (accessed: 08.08.2025)
9. No. 4234. Agreement for co-operation between the government of the United State of America and the government of the union of South Africa concerning the civil uses of atomic energy. Signed at Washington, on July 1957. URL: <https://treaties.un.org/doc/Publication/UNTS/Volume%20290/volume-290-I-4234-English.pdf> (accessed: 08.08.2025)

References

1. Lekarenko OG. Policy of the D. Eisenhower Administration in Connection with the Preparation and Signing of the Treaty Establishing Euratom (1955-1957). *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta*. 2009;(329):94-100. (In Russ.).
2. Official Report of the UN Security Council, Meeting No. 1078, December 4, 1963. p. 16. Available from: un.org [Accessed 07 August 2025] (In Russ.).
3. UN Security Council Resolution 181 (1963). Resolution of August 7, 1963 [S/53H6]. Available from: un.org [Accessed 07 August 2025] (In Russ.).
4. Shulga Ingard. Nuclear Principality. Available from: <https://archive.atomicexpert.com/page1252866.html> [Accessed 07 August 2025] (In Russ.).
5. Address by Mr. Dwight D. Eisenhower, President of the United States of America, to the 470th Plenary Meeting of the United Nations General Assembly Available from: <https://www.iaea.org/about/history/atoms-for-peace-speech> [Accessed 03 August 2025].
6. Albright D, Stricker A. Revisiting South Africa's nuclear weapons program its history, dismantlement and lessons for today. Institute for science and international security; 2016. 314 p.
7. Foreign Relations of the United States, 1948, General; the United Nations, Volume I, Part 2. Washington: United States Government Printing Office; 1976.
8. Jim Hoagland. S. Africa, With U.S. Aid, Near A-Bomb. 16.02.1977. Available from: <https://www.washingtonpost.com/archive/politics/1977/02/16/s-africa-with-us-aid-near-a-bomb/e0447a13-d514-4229-b245-2a3a30a9194f/> [Accessed 08 August 2025].
9. No. 4234. Agreement for co-operation between the government of the United State of America and the government of the union of South Africa concerning the civil uses of atomic energy. Signed at Washington, on July 1957. Available from: <https://treaties.un.org/doc/Publication/UNTS/Volume%20290/volume-290-I-4234-English.pdf> [Accessed 08 August 2025].

Научная статья
УДК 327

<https://doi.org/10.37493/2409-1030.2025.3.13>

ИСТОРИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ МИГРАЦИОННОЙ ПОЛИТИКИ РОССИЙСКОГО ГОСУДАРСТВА

Алексей Михайлович Феклин

Дипломатическая академия МИД России (д. 53/2, стр. 1, ул. Остоженка, Москва, 119034, Российская Федерация)
Аспирант
Fyoklin6@mail.ru, <https://orcid.org/0009-0008-6641-646X>

Аннотация. Введение. В статье представлен анализ становления и развития современной миграционной политики Российской Федерации. Особое внимание уделено периодизации процесса и оценке миграционной политики, оформившейся после распада СССР. Дана авторская оценка факторам становления миграционной политики и миграционным потокам, направляющимся в Россию, подчеркнута историческая, социокультурная и экономическая привлекательность России для мигрантов, обосновано демографическое значение процесса миграции. Представлен анализ статистических данных о количестве мигрантов, приезжающих в РФ и выезжающих из России. Дана авторская оценка евразийской миграции и конструктивной роли ЕАЭС в этом процессе. **Материалы и методы.** Исследование построено на анализе российской историографии по проблеме российской миграционной политики, российских и зарубежных статистических данных, документов МИД России и российских государственных органов. Был использован системный комплексный подход, конкретно-исторический и сравнительно-исторический методы. **Анализ.** Совокупность объективных и субъективных обстоятельств привела к чрезвычайному усложнению миграционной обстановки в Российской Федерации. Именно с этого момента началось формирование современной российской миграционной системы. Иммиграция в Россию носит демографический контекст. На современном этапе ЕАЭС является ключевым контекстом российской миграционной политики. Евразийская интеграция, и особенно ЕАЭС, является центральной площадкой для ее реализации. **Результаты.** Сделан вывод о том, что современная миграционная политика России

характеризуется селективностью (привлечение нужных категорий мигрантов – из ЕАЭС, соотечественников, квалифицированных специалистов) и региональной ориентированностью (постсоветское пространство как приоритет). ЕАЭС выступает ключевым институциональным каркасом для реализации этой политики. В развитии миграционной политики России выделены два этапа. Первый этап – постсоветский (1990-е – начало 2000-х). После распада СССР Россия стала активно принимать иммигрантов из бывших союзных республик, в основном русских. Второй этап – современный (с середины 2000-х). Произошло формирование более системного подхода; принятие ключевых концептуальных документов (Концепция государственной миграционной политики 2012 г., обновленная Концепция 2019 г., Стратегия национальной безопасности).

Ключевые слова: международные отношения, миграционная политика, трудовые мигранты, русскоязычное население, переселенцы, демография, евразийская миграция, ЕАЭС, внешняя политика России

Для цитирования: Феклин А. М. Исторические основы миграционной политики российского государства // Гуманитарные и юридические исследования. 2025. Т. 12. № 3. С. 462–467. <https://doi.org/10.37493/2409-1030.2025.3.13>

Конфликт интересов: автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Статья поступила в редакцию: 11.02.2025.

Статья одобрена после рецензирования: 23.04.2025.

Статья принята к публикации: 18.06.2025.

Research article

HISTORICAL FOUNDATIONS OF THE MIGRATION POLICY OF THE RUSSIAN STATE

Alexey M. Feklin

Diplomatic Academy of the Ministry of Foreign Affairs of Russia (53/2, p. 1, Ostozhenka Str., Moscow, 119034, Russian Federation)
Postgraduate student
Fyoklin6@mail.ru, <https://orcid.org/0009-0008-6641-646X>

Abstract. Introduction. The article analyzes the formation and development of modern migration policy of the Russian Federation. Special attention is paid to the periodization of the process and the assessment of the migration policy that took shape after the collapse of the USSR. The assessment of the factors of the formation of migration policy and migration flows heading to Russia is given, the historical, socio-cultural and economic attractiveness of Russia for migrants is emphasized, and the demographic significance of the migration process is substantiated. The analysis of statistical data on the number of migrants coming and leaving Russia is presented. The study provides the assessment of Eurasian migration and the constructive role of the EAEU in this process. **Materials and methods.** The research is based on the analysis of Russian historiography on the problem of Russian migration policy, Russian and foreign statistical data, documents of the Russian Ministry of Foreign Affairs and Russian government agencies. A systematic integrated approach, historical and comparative historical methods were used. **Analysis.** The combination of objective and subjective circumstances has led to an extremely com-

plicated migration situation in the Russian Federation. It was from this moment that the formation of the modern Russian migration system began. Immigration to Russia has a demographic context. At the present stage, the EAEU is a key context of Russian migration policy. The Eurasian integration, and especially the EAEU, is the central platform for its implementation. **Results.** It is concluded that Russia's modern migration policy is characterized by selectivity (attracting the right categories of migrants – from the EAEU, compatriots, and qualified specialists) and regional orientation (the post-Soviet space as a priority). The EAEU acts as a key institutional framework for the implementation of this policy. There are two stages in the development of Russia's migration policy. The first stage was post-Soviet (1990s – early 2000s). After the collapse of the USSR, Russia began actively accepting immigrants from the former Soviet republics, mostly Russians. The second stage is modern (since the mid-2000s). A more systematic approach has been formed; key conceptual documents have been adopted (the 2012 Concept of State Migration Policy, the updated 2019 Concept, and the National Security Strategy).

© Феклин А. М., 2025

Keywords: international relations, migration policy, labor migrants, Russian-speaking population, migrants, demography, Eurasian migration, EAEU, Russian foreign policy

For citation: Feklin AM. Historical foundations of the migration policy of the Russian state. Humanities and law research. 2025;12(3):462-467. (In Russ). <https://doi.org/10.37493/2409-1030.2025.3.13>

Введение. Мировая практика наглядно демонстрирует, что целенаправленная иммиграционная политика способна стать мощным катализатором прогресса для принимающих государств. Ряд стран, признанных классическими центрами притяжения переселенцев, сумели превратить мигрантов в ключевой ресурс для преодоления демографических вызовов, экономического роста и освоения незаселенных пространств. В этот список входят Соединенные Штаты, Канада, Австралия, Новая Зеландия, Бразилия, Аргентина, Южно-Африканская Республика и Израиль.

Разрабатывая и внедряя специализированные программы по вербовке и адаптации новоприбывших, эти государства не только предлагали им условия для успешной интеграции, но и извлекали значительные стратегические дивиденды, создавая дополнительные импульсы для роста своих экономик.

Например, политика предоставления свободных земель на Среднем Западе Соединенных Штатов гражданам из европейских стран стала фундаментальным фактором в процессе колонизации Дикого Запада. Южноамериканские гиганты – Бразилия и Аргентина – за счет массового притока европейцев в XIX–XX вв. смогли модернизировать свою промышленность и эффективно освоить аграрные регионы. Отдельного внимания заслуживает современный опыт Израиля, системная работа которого по репатриации представителей еврейской диаспоры из стран СНГ и других уголков мира направлена на укрепление человеческого капитала и сохранение желаемого этнокультурного баланса в структуре общества [6].

Материалы и методы. Исследование построено на анализе статистических данных, сведений, полученных из документов МИД РФ и других государственных органов, а также из научной литературы по миграционной политике. Был использован системный комплексный подход, конкретно-исторический и сравнительно-исторический методы.

Анализ. В Российской империи миграция рассматривалась преимущественно через призму колонизации и освоения территорий (переселенческая политика), а также поддержки соотечественников (панславизм). Доминировала логика государственного контроля и использования миграции в интересах имперской экспансии и стабильности.

В истории России одной из наиболее масштабных и успешных инициатив по привлечению

Conflict of interest: the author declares that there is no conflict of interests.

The article was submitted: 11.02.2025

The article was approved after reviewing: 23.04.2025.

The article was accepted for publication: 18.06.2025.

зарубежных колонистов справедливо считается политика императрицы Екатерины Великой. Присоединение новых обширных территорий, включая Крымский полуостров, земли Северного Причерноморья и разделы Речи Посполитой, остро поставило вопрос об их заселении и хозяйственном освоении. Ответом на этот вызов стал изданный в 1763 г. Манифест «О дозволении всем иностранцам, в Россию въезжающим, поселяться в которых губерниях они пожелают и о дарованных им правах».

Для максимального охвата целевой аудитории текст документа был оперативно переведен на ключевые европейские языки – немецкий, французский и английский, – а затем распространен через дипломатические миссии по всему континенту. Наибольший отклик инициатива нашла среди жителей раздробленных германских государств, откуда и хлынул основной поток переселенцев.

Впоследствии правовая база программы была расширена и дополнена такими документами, как Манифест «О даруемых иностранным переселенцам авантажных и привилегиях» и Указ «Об учреждении опекунов иностранных переселенцев». Эти акты закрепляли за колонистами исключительные по тем временам преференции: свободу выбора места жительства, освобождение от всех податей на срок до 30 лет для сельских жителей и до 5 лет для горожан, право на беспошлинную торговлю и экспорт товаров на десятилетний период для производителей, а также возможность получения беспроцентной ссуды на обустройство с длительной рассрочкой.

Современник событий, историк Шлецер, метко окрестил этот процесс «настоящим бегством» европейцев в Россию. Итоги политики оказались весьма значительными: было обеспечено быстрое развитие Нижнего Поволжья, основаны сотни немецких поселений, а в аграрный сектор империи внедрены прогрессивные технологии земледелия [6].

В период СССР осуществлялся жесткий контроль границ и ограниченная легальная миграция. Основной акцент делался на идеологической лояльности и управлении миграцией в рамках социалистического лагеря (программы трудовой миграции из стран СЭВ). Теоретически базировался на классовом подходе и приоритете государственного планирования.

Распад единого советского государства привел к фундаментальным изменениям в характере перемещения людей. Трансформация ранее

внутренних межреспубликанских миграций в полноценные международные потоки ознаменовала новый этап для образовавшейся Российской Федерации. Данный переход был сопряжен с действием уникального комплекса условий, которые и предопределили масштаб и специфику последующих демографических изменений.

На начальном этапе становления российского суверенитета ключевую роль сыграл фактор фактически «открытых» границ, которые не были обеспечены эффективной системой иммиграционного регулирования. Стремительность юридического оформления распада СССР не позволила сформировать детальной правовой базы для сопутствующих процессов. Как следствие, визовый режим въезда в страну был существенно либерализован, а сама Россия стала рассматриваться многими мигрантами в качестве удобного транзитного коридора для дальнейшего перемещения в государства Запады.

Совокупность указанных условий привела к резкому усложнению миграционной обстановки и положила начало формированию современной системы регулирования, на которую оказали определяющее воздействие четыре группы факторов:

1) *геополитические преобразования*. Крушение СССР и появление новых независимых стран вызвали интенсивные, зачастую неконтролируемые перемещения больших масс людей;

2) *расширение миграционного оборота*. Произошел значительный рост объемов как внешней миграции (со странами СНГ и дальнего зарубежья), так и внутренней, отличавшейся высокой степенью неуправляемости;

3) *проблемы контроля и инфраструктуры*. Отсутствие полноценно обустроенной государственной границы (в особенности на сверхдлинном участке с Казахстаном) и действенных механизмов учета и администрирования миграционных потоков;

4) *внутренняя и внешняя нестабильность*. Обострение социально-экономических, политических и межнациональных конфликтов как внутри России, так и в соседних государствах.

Ответом на эти вызовы стало принятие первой правительственной программы «Миграция» (май 1992 г.), которая заложила основы государственной политики в данной сфере. Ее фокус был направлен преимущественно на решение острых проблем беженцев и вынужденных переселенцев, определяя принципы их правовой поддержки, трудоустройства и обустройства. Программа, включавшая перечень регионов, рекомендованных для расселения, действовала два года, после чего потребовала пересмотра в связи с изменившейся обстановкой [1].

Одновременно шел процесс институционального и правового оформления. В июне 1992 г. была создана Федеральная миграционная служба (ФМС), а в марте 1993 г. вступили в силу ключевые законы «О беженцах» и «О вынужденных переселенцах» (впоследствии неоднократно обновлявшиеся). Важным шагом стало присоединение России к Конвенции ООН 1951 г. и Протоколу 1967 г. о статусе беженцев. Существенно либерализовалось законодательство о гражданстве: Закон «О гражданстве РФ» 1992 г., а затем и его поправки 1993 г. упростили процедуру его получения для граждан бывшего СССР.

Знаковым событием на международной арене стала инициация Россией в 1994 г. «жневского процесса», результатом которого стала конференция под эгидой ООН и принятие «Программы действий» по урегулированию проблем вынужденной миграции в регионе СНГ. На внутреннем уровне стратегию определяла обновленная «Федеральная миграционная программа», принятая в августе 1994 г. и действовавшая (с периодическими корректировками) до 2002 г. [1].

Что касается современных тенденций, то статистика демонстрирует следующую динамику. Абсолютный пик иммиграционного потока в новейшей истории России был зафиксирован в 2019 г. (свыше 4 млн прибывших). Резкий спад 2020 г., обусловленный пандемийными ограничениями, сменился восстановительным ростом: к 2022 г. общее число прибывших увеличилось на 4 % относительно показателя 2021 г., достигнув 3,47 млн человек. При этом въезд из-за пределов страны в 2022 г. не только восстановился, но и превысил уровень 2019 г. на 4,2 %, в то время как внутренняя миграция между регионами России показала тенденцию к сокращению [6].

Значительный приток иностранцев и лиц без гражданства из стран Закавказья, Центральной и Восточной Азии, а также их незаконное проживание в ряде российских регионов, нередко обостряют социальную напряженность. Эта ситуация создает почву для деятельности экстремистских и террористических групп, представляя угрозу национальной безопасности.

Параллельно развивается внешняя трудовая миграция: Россия привлекает иностранную рабочую силу, а ее граждане выезжают за рубеж для трудоустройства. Серьезной проблемой остается высокий уровень нелегальной занятости как среди иностранных работников в РФ, так и среди россиян за границей, что ведет к нарушению их трудовых прав. На национальном рынке труда это способствует развитию теневого сектора экономики.

Параллельно развивается внешняя трудовая миграция: Россия привлекает иностранную рабочую силу, а ее граждане выезжают за рубеж для трудоустройства. Серьезной проблемой остается высокий уровень нелегальной занятости как среди иностранных работников в РФ, так и среди россиян за границей, что ведет к нарушению их трудовых прав. На национальном рынке труда это способствует развитию теневого сектора экономики.

Российская Федерация сталкивается со сложным комплексом демографических вызовов, ключевым элементом которого является миграция, выступающая одновременно и как проблема, и как необходимое решение.

Существенный урон национальному потенциалу наносит отток высококлассных специалистов и перспективной молодежи, выбирающих для постоянного проживания развитые государства. Этот процесс ослабляет научный, культур-

ный и экономический фундамент страны. В группе особого риска оказываются отдельные категории трудовых мигрантов, в первую очередь женщины, которые нередко сталкиваются за рубежом с нарушениями прав при трудоустройстве, включая дискриминацию, нелегальный вывоз и даже торговлю людьми.

Внутри страны миграционный прирост демонстрирует устойчивую тенденцию к сокращению и уже не способен в полной мере компенсировать растущую естественную убыль населения. Во многих субъектах РФ отрицательное сальдо миграции усугубляется резким сокращением численности жителей, вызванным ростом смертности и снижением рождаемости [8].

Депопуляция, наблюдаемая в России на протяжении почти двадцати лет, привела к катастрофическим потерям. За период 1991–2017 гг. естественная убыль (превышение смертности над рождаемостью) составила 13,2 млн человек. По оценкам экспертов, эта цифра сопоставима с потерями в Великой Отечественной войне. Единственным механизмом смягчения последствий этого кризиса стал миграционный прирост, который за тот же период компенсировал 72 % убыли, добавив 9,5 млн человек. Без этого вклада страна стояла бы на пороге демографического коллапса.

Демографическое развитие России в последние десятилетия определялось двумя основными типами международных мигрантов.

1. *Постоянные переселенцы.* В эту категорию входят как граждане стран СНГ, целенаправленно переезжающие на постоянное жительство, так и временные трудовые или учебные мигранты, которые впоследствии изменили свой статус. Пик этого потока пришелся на конец 1990-х гг. и был связан с массовой репатриацией этнических русских из новообразованных государств после распада СССР. Со временем этническая структура потока изменилась: снизилась доля русских и увеличилась доля представителей коренных народов постсоветских республик, что способствовало формированию в России крупных диаспор [5].

2. *Временные трудовые мигранты.* Данная группа включает лиц, прибывающих исключительно с целью заработка. Спрос на иностранную рабочую силу резко возрос в 1990-е гг. для компенсации кадрового дефицита. Ключевыми поставщиками трудовых ресурсов остаются страны Центральной Азии и Закавказья. Однако в последние годы экономическая нестабильность привела к сокращению официальных квот: если в 2014 г. было выдано 3,7 млн разрешительных документов, то к 2017 г. этот показатель упал до 1,9 млн [6].

Согласно рейтингу ООН, Россия входит в тройку стран, принимающих наибольшее количество мигрантов в мире. По состоянию на 2015 г. в РФ проживало 11,6 млн человек, рожденных за

ее пределами (для сравнения: в США – 46,6 млн, в Германии – 12 млн). Хотя по доле иммигрантов в общей численности населения (8,2 %) Россия еще отстает от таких лидеров, как ОАЭ или Швейцария, темпы прироста иммиграции (+0,4 % в 2010–2015 гг.) были сопоставимы с показателями многих европейских государств. Это подтверждает переход России в статус страны, значимо зависящей от миграционных потоков [7].

Устойчивый приток мигрантов в РФ обусловлен двумя фундаментальными причинами:

1) *неисчерпанный потенциал историко-культурных связей.* Сохраняется интерес к переезду среди этнических русских и русскоязычного населения бывших советских республик;

2) *структурный дефицит трудовых ресурсов.* Объективная нехватка кадров в отдельных регионах и отраслях экономики формирует устойчивый спрос на иностранную рабочую силу – как низко-, так и высококвалифицированную.

Таким образом, для дальнейшего развития России критически важно формирование продуманной миграционной политики и толерантного отношения в обществе, что позволит максимально эффективно использовать потенциал иммиграции для компенсации демографических потерь и стимулирования экономического роста.

Результаты. Подводя итог, резюмируем: современная миграционная политика России характеризуется селективностью (привлечение нужных категорий мигрантов – из ЕАЭС, соотечественников, квалифицированных специалистов) и региональной ориентированностью (постсоветское пространство как приоритет). ЕАЭС выступает ключевым институциональным каркасом для реализации этой политики. Российская политика в сфере внешней миграции формируется под влиянием комплекса противоречивых факторов. Ее контуры определяются необходимостью балансировать между тремя ключевыми векторами: экономическими интересами, диктующими потребность в привлечении трудовых ресурсов, императивами национальной безопасности, предполагающими жесткий отбор и регулирование потоков, а также стратегическими задачами геополитического позиционирования страны на международной арене. Эта постоянная конфликтность целей обуславливает существенные сложности как в теоретическом осмыслении, так и в практической выработке наиболее эффективной модели управления миграционными процессами. Дальнейшее развитие теоретико-методологической базы будет детерминировано трансформацией внутренней социально-экономической и демографической реальности, изменением характера международных взаимодействий (прежде всего с западными государствами и странами «Глобального Юга»), а также готовностью и умением государственных институтов адаптироваться к новым вызовам глобальной мобильности.

В ретроспективе становления миграционной политики РФ можно выделить два отчетливых периода.

Первый этап – постсоветский (1990-е – начало 2000-х гг.). Данная фаза стала прямым следствием распада СССР и характеризовалась высокой интенсивностью стихийных миграционных процессов. Основу потоков составляли так называемые «возвратные мигранты» – этнические русские и русскоязычное население, вынужденно покидавшее новые независимые государства. В этот период наблюдались масштабные и плохо контролируемые перемещения людей, классифицируемые как вынужденное переселение. Теоретическое и правовое обеспечение миграционной сферы находилось в зачаточном состоянии; доминировал реактивный подход, сфокусированный на оперативном решении кризисных ситуаций и вопросах безопасности. Становление законодательной базы началось с принятия первых профильных законов (1993, 2002 гг.).

Второй этап – современный (с середины 2000-х гг. по настоящее время). Для этого периода свойственен переход к более взвешенной и системной государственной политике. Были разработаны и утверждены ключевые стратегические документы, задающие вектор развития: Концепция государственной миграционной политики (2012 г. и её обновлённая версия 2019 г.), а также Стратегия национальной безопасности. Произошла очевидная эволюция: от доминирования ограничительных мер к политике селективного стимулирования, нацеленной на привлечение конкретных категорий мигрантов (квалифицированная рабочая сила, соотечественники),

при параллельном усилении контрольных функций в области безопасности. Важным внешнеполитическим контекстом стало углубление евразийской интеграции. С середины 2000-х миграция в Россию приобрела ярко выраженный трудовой характер, а её этнический состав значительно диверсифицировался. Несмотря на то, что иммиграция уже долгое время служит ключевым фактором компенсации естественной убыли населения и включает экономически активное население, в массовом сознании российского общества она продолжает восприниматься как проблема [6].

На современном этапе ЕАЭС является ключевой контекстом российской миграционной политики. Евразийская интеграция, и особенно ЕАЭС, является центральной площадкой для ее реализации:

- создан общий рынок труда: свобода трудоустройства для граждан государств-членов без разрешений на работу и квот. Значительная доля трудовых мигрантов в РФ – граждане ЕАЭС;

- существуют упрощенные правила пребывания: право на пребывание до 30 дней без регистрации, упрощенная процедура регистрации на срок работы / учебы;

- утверждено взаимное признание документов об образовании, квалификации;

- проведена гармонизация миграционного законодательства, стремление к унификации подходов к мигрантам из третьих стран;

- является инструментом геополитического влияния – предоставление преференций странам-участницам стимулирует их интеграцию в орбиту российского влияния.

Литература

1. Волох В. А., Суворова В. А., Афанасьева Е. В. и др. Государственная миграционная политика Российской Федерации: учебник для бакалавриата. М.: Институт мировых цивилизаций, 2019. 200 с.
2. Воробьева О. Д., Рыбаковский Л. Л., Рыбаковский О. Л. Миграционная политика России: история и современность. М.: Экон-Информ, 2016. 192 с.
3. Мухаметшина Е. Отношение к мигрантам в России ухудшается – «Левада-центр» // Ведомости. 27 апреля 2017. URL: <https://www.vedomosti.ru/politics/articles/2017/04/28/687871-otnoshenie-migrantam-uhudshaetsya> (дата обращения: 29.06.2025).
4. Рязанцев С. В. Внешняя миграционная политика как фактор демографического развития России // Социологический альманах. 2017. № 8. С. 63–71.
5. Рязанцев С. В. Интеграция мигрантов в контексте внешней миграционной политики России // Социологические исследования. 2018. № 1. С. 105–111.
6. Рязанцев С. В. Видит ли миграционная политика России человека? (антропологическое измерение российской миграционной политики) // Вестник Томского государственного университета. История. 2019. № 59. С. 167–177.
7. Рязанцев С. В. Приоритеты миграционной политики России // Научное обозрение. Серия. 1. Экономика и право. 2015. № 6. С. 34–39.
8. Концепция регулирования миграционных процессов в Российской Федерации. 01.03.2003 URL: https://www.mid.ru/foreign_policy/official_documents/1585377/ (дата обращения 01.08.2025)
9. International Migration Report 2015: Highlights. United Nations Population Division, Department of Economic and Social Affairs. New York, 2016. 250 p.

References

1. Volokh VA, Suvorova VA, Afanasyeva EV. The State Migration Policy of the Russian Federation: a textbook for undergraduate studies. Moscow: Institute of World Civilizations; 2019. 200 p. (In Russ.).
2. Vorobyeva OD, Rybakovsky LL, Rybakovsky OL. Migration policy of Russia: history and modernity. Moscow: Ekon-Inform; 2016. 192 p. (In Russ.).

3. Mukhametshina E. Attitudes towards migrants in Russia are deteriorating – Levada Center. Vedomosti. 2017; April 27. Available from: <https://www.vedomosti.ru/politics/articles/2017/04/28/687871-otnoshenie-migrantam-uhudshaetsya> [Accessed 29 June 2025] (In Russ.).
4. Ryazantsev SV. External migration policy as a factor of demographic development of Russia. The Sociological Almanac. 2017;(8):63-71. (In Russ.).
5. Ryazantsev SV. Integration of migrants in the context of Russia's external migration policy. Sociological research. 2018;(1):105-111. (In Russ.).
6. Ryazantsev SV. Does Russia's migration policy see a person? (the anthropological dimension of Russian migration policy). Bulletin of Tomsk State University. History. 2019;(59):167-177. (In Russ.).
7. Ryazantsev SV. Priorities of Russia's migration policy. Scientific review. Series. 1. Economics and Law. 2015;(6):34-39. (In Russ.).
8. The concept of regulating migration processes in the Russian Federation. 03/01/2003 Available from: https://www.mid.ru/ru/foreign_policy/official_documents/1585377/ [Accessed 08 January 2025]. (In Russ.).
9. International Migration Report 2015: key points. United Nations Population Division, Department of Economic and Social Affairs. New York, 2016. 250 p.

Научная статья

УДК 93/94

<https://doi.org/10.37493/2409-1030.2025.3.14>**ПОВСЕДНЕВНАЯ ЖИЗНЬ ГОРОЖАН ТЕРЕКА В НАЧАЛЕ XX ВЕКА И ВОЗДЕЙСТВИЕ НА НЕЕ КОММЕРЧЕСКОЙ РЕКЛАМЫ (НА МАТЕРИАЛАХ ГАЗЕТ ТЕРСКОЙ ОБЛАСТИ)****Светлана Алексеевна Хубулова^{1*}, Эда Владимировна Хубулова²**¹ Северо-Кавказский институт – филиал РАНХиГС (д. 5, ул. Дунаевского, Пятигорск, 357502, Российская Федерация)

Доктор исторических наук, профессор

hubul@yandex.ru; <https://orcid.org/0000-0001-7483-6378>² Северо-Осетинский институт гуманитарных и социальных исследований имени В. И. Абаева – филиал Владикавказского научного центра Российской академии наук, (д. 10, пр. Мира, Владикавказ, 362040, Российская Федерация)

Кандидат исторических наук, старший научный сотрудник

dudieva63@mail.ru; <https://orcid.org/0000-0002-7757-2619>

* Автор, ответственный за переписку

Аннотация. Введение. История повседневной жизни городского населения Терской области в начале XX в. представляет научный интерес: позволяет проследить формирование городской среды, культурные запросы жителей и проч. Города являлись средоточием модернизационных процессов конца XIX – начала XX в. и задавали тон распространению новых культурных и бытовых практик. **Материалы и методы.** Исследование основано на анализе коммерческой газетной рекламы, которая является исключительно важным и познавательным источником повседневной жизни горожан Терской области нач. XX в. и отражает изменения, происходившие в городской среде. Отмечена взаимосвязь между бытовыми потребностями населения и предлагаемыми услугами, которые во многом формировали покупательский спрос горожан области. В работе использованы микро- и макроисторические подходы; принципы критической интерпретации источников и историко-сравнительный метод, позволившие проанализировать и систематизировать рекламный материал. **Анализ.** Рекламные тексты ещё не стали объектом научного интереса историков, хотя отражали повседневные запросы населения и формировали социокультурные процессы дореволюционного городского социума. Благодаря обилию коммерческой рекламы жители Северного Кавказа имели представление о современных промышленных и продовольственных товарах, моде и прочих новостях. Товарное разнообразие формировало потребительские вкусы и предпочте-

ния всех категорий населения провинциальных городов Терской области. **Результаты.** По итогам проведённого исследования можно сделать вывод о том, что появление рекламных объявлений в региональной печати последней четверти XIX в. стало информационной революцией. Реклама стала своего рода современной формой воздействия на читателей. Коммерческая реклама занималась продвижением товаров. Это было наглядным подтверждением достаточно свободно-го развития капитализма, в том числе на окраинах империи.

Ключевые слова: торговля, реклама, предпринимательство, потребности, культурные запросы, город

Для цитирования: Хубулова С. А., Хубулова Э. В. Повседневная жизнь горожан Терека в начале XX века и воздействие на нее коммерческой рекламы (на материалах газет Терской области) // Гуманитарные и юридические исследования. 2025. Т. 12. № 3. С. 468–475. <https://doi.org/10.37493/2409-1030.2025.3.14>

Конфликт интересов: авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Вклад авторов: все авторы внесли равный вклад в подготовку публикации.

Статья поступила в редакцию: 11.01.2025.

Статья одобрена после рецензирования: 23.03.2025.

Статья принята к публикации: 18.05.2025.

Research article

EVERYDAY LIFE OF TEREK RESIDENTS AT THE BEGINNING OF THE 20TH CENTURY AND THE IMPACT OF COMMERCIAL ADVERTISING ON IT (BASED ON MATERIALS FROM TEREK REGION NEWSPAPERS)**Svetlana A. Khubulova^{1*}, Eda V. Khubulova²**¹ North-Caucasus Institute – Branch of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (5, Dunaevskogo Street, Pyatigorsk, 357502, Russian Federation)

Dr. Sci. (History), Professor

hubul@yandex.ru; <https://orcid.org/0000-0001-7483-6378>² North-Ossetian Institute of Humanitarian and Social Studies – branch of the Vladikavkaz Scientific Center of the Russian Academy of Sciences named after V. I. Abaev, (10, Mira Avenue, Vladikavkaz, 362040, Russian Federation)

Cand. Sci. (History), Senior Researcher

dudieva63@mail.ru; <https://orcid.org/0000-0002-7757-2619>

* Corresponding author

Abstract. Introduction. The history of the daily life of the urban population of the Terek region in the early twentieth century is of scientific interest as it allows tracing the formation of the urban environment, the cultural needs of residents, etc. Cities were the focus of modernization processes in the late 19th and early 20th centuries. They set the tone for the spread of new cultural and everyday practices. **Materials and methods.** The study is based on the analysis of commercial newspaper advertising, which is an extremely im-

portant and informative source of daily life for the citizens of the Terek region. The 20th century reflects the changes that took place in the urban environment. The article highlights the relationship between the population's everyday needs and the services offered, which largely shaped the purchasing demand of the region's residents. The study employs micro- and macro-historical approaches, critical source interpretation principles, and the historical-comparative method to analyze and systematize the advertising

© Хубулова С. А., Хубулова Э. В., 2025

material. **Analysis.** Advertising texts have not yet become an object of scientific interest, although they reflect the everyday needs of the population and shaped the sociocultural processes of pre-revolutionary urban society. Thanks to the abundance of commercial advertising, residents of the North Caucasus had an idea of modern industrial and food products, fashion, and other news. The variety of goods shaped the consumer tastes and preferences of all categories of the population in the provincial cities of the Terek region. **Results.** Based on the results of this study, it can be concluded that the emergence of advertisements in the regional press in the last quarter of the 19th century was an information revolution. Advertising became a kind of modern form of influence on readers. Commercial advertising was engaged in promoting goods. This was a clear confirmation of the relatively free development of capitalism, on the outskirts of the empire in particular.

Введение. Развитие рыночных отношений создало более современные формы осведомления потребителей о новых товарах и услугах. Последняя четверть XIX в. стала периодом формирования массовой культуры и массовых коммуникаций, а реклама – выразителем этих процессов. Реклама становится повсеместной и фиксирует те изменения в экономике, политике и культуре общества, которые набирали силу.

Реклама вошла в жизнь обывателя в конце XIX в. В газетах рекламные тексты занимали не меньше полосы, благодаря чему издания переставали быть скучными и расширяли круг читателей. Российская печать конца XIX в. отличалась жанровым разнообразием, скоростью информации и красочностью исполнения. Кроме того, пресса оперативно реагировала на потребительские запросы.

Цель статьи – рассмотреть взаимовлияние рекламы и запросов населения городов Терской области в начале XX в. на материалах региональной печати.

В ряде исследований отечественных специалистов подчёркивается, как происходил процесс превращения газет в отрасль предпринимательства [2; 4; 13]. В последние десятилетия рекламному делу стали посвящаться работы, в которых рассматриваются побудительные мотивы для предпринимателей публиковать объявления-рекламу в газетах, специфика российского рекламного бизнеса и т. д. [1; 3; 12; 17; 25; 26]. Интерес к этой теме во многом связан с тем, что современное состояние рекламы, её качество вызывают необходимость обращения к историческому опыту начала XX в. Работ, рассматривающих коммерческую рекламу в местных газетах в начале XX в., не так много [11; 15; 23; 24].

Материалы и методы. Тема является междисциплинарной, т. е. может быть рассмотрена через призму социально-экономического развития региона и повседневных практик начала XX в. В статье были использованы источники разнообразных видов. Первая группа источников представлена материалами периодической печати (газ. «Терские ведомости», «Терская жизнь», «Казак», «Пятигорское эхо», «Листок для посетителей Кавказских Минеральных вод», «Кавказские Минеральные воды», «Терек», «Кавказский курьер»

Keywords: trade, advertising, entrepreneurship, needs, cultural requests, city

For citation: Khubulova SA, Khubulova EV. Everyday life of Terek residents at the beginning of the 20th century and the impact of commercial advertising on it (based on materials from Terek region newspapers). Humanities and law research. 2025;12(3):468-475. (In Russ). <https://doi.org/10.37493/2409-1030.2025.3.14>

Conflict of interest: the authors declare no conflicts of interests.

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article.

The article was submitted: 11.01.2025

The article was approved after reviewing: 23.03.2025.

The article was accepted for publication: 18.05.2025.

и др.). В газетах широко представлены рекламные объявления, которые легли в основу работы.

Вторую группу составили разного рода справочные издания краеведческого характера («Владикавказ и его окрестности в кармане», «Весь Грозный и его окрестности: Нефтяные промыслы», «Курорт Горячеводск. Курорт Серноводск», «Путеводитель по Кавказским Минеральным водам», «Терский календарь», «Отчёт начальника Терской области» и др.), в которых наряду с краеведческими достопримечательностями публикуется рекламный материал. Наконец, использовался собственно рекламный материал, извлечённый из газет, альманахов, журналов и из фотодокументов.

Анализ. Коммерческая реклама давала значительный доход владельцу газеты. Роль рекламы для газет была столь значительной статьёй, что в редакциях вводилась специальная должность ответственных за данный раздел. Нередко структура газет претерпевала метаморфозы: редакционная часть оказывалась в подчинённом положении к рекламной, и это наблюдалось не только в частных газетах, но и в официальных изданиях. Издатели старались в каждый номер вместить по возможности больше рекламы и тем самым увеличить реализацию, а следовательно, прибыль.

Впервые рекламные объявления стали печататься в 1860-е гг. в «Листке для посетителей Кавказских Минеральных вод». В городах Терской области к 1890-м гг. имелось по две-три типографии, в столице области было 5 типографий, которые принимали заказы от разных структур. Часть типографий находилась в ведении местного руководства. Например, областная официальная газета «Терские ведомости» публиковалась в такой типографии. Другие типографии принадлежали частным лицам. В областном центре г. Владикавказе также начали функционировать несколько типографий. Одна из них принадлежала С. И. Казарову, который был ещё и владельцем газеты «Казбек». В г. Грозном также появилось 3 типографии и переплетная мастерская [16]. Например, в 1860-е гг. в г. Пятигорске начала работу первая в регионе типография, принадлежавшая Управлению Минеральных Вод. Затем появились ещё 4 типографии.

В конце XIX в. получило распространение издание «Листков объявлений». Как считают исследователи, они получили хождение во многих городах страны. Как правило, владельцы изданий были ориентированы на получение максимальной выгоды от газеты. В Терской области первой такого типа стал «Листок для посетителей Кавказских Минеральных вод», издававшийся в г. Пятигорске. В 1905 г. в городе на средства дворянина А. И. Нагорнова началось строительство здания под типографию, которая стала принимать заказы в 1908 г. Арендатор кавказских курортов А. М. Байков стал выпускать «Листок для посетителей Кавказских Минеральных вод» под своим редакторством, он же был собственником одной из крупных типографий г. Пятигорска [14]. Данное издание не имело постоянно тиража и объёма. В течение года могло выйти и 11, и 18 номеров в зависимости от продолжительности сезона. Публикуемый материал был весьма разнообразным: полезная информация для размещения отдыхающих, варианты досуга, а также материалы просветительного характера [11]. Но рекламного материала было много.

Дореволюционная газетная реклама Терской области поражает своими масштабами и оформлением. Прежде всего, отметим, что ввиду жёсткой конкуренции редакции газет должны были найти такой образ рекламных объявлений, чтобы привлечь к ним внимание: использовались разные шрифты, виньетки, рамки, наглядность.

К сожалению, технические возможности газет не позволяли красочно в цветах иллюстрировать рекламные объявления, но благодаря вышеозначенным приёмам реклама была броской и говорящей. Это делалось, в том числе и для пользователей малограмотных, чтобы они могли понять смысл увиденного [22]. Большое значение имело положение рекламы на странице: «чердак» – верхняя часть страницы; «подвал» – нижняя часть страницы; «окно» – верхний правый угол; «уголок» – остальные углы страницы; «фонарь» – центральная часть.

Со временем издатели пришли к определенным правилам при публикации объявлений: во-первых, одинаково оформленное объявление не должно размещаться в разных изданиях; во-вторых, нужно удивлять читателей новыми публикациями; в-третьих, в тексте нужно представить товар / услугу как единственное в своём роде; в-четвёртых, нельзя перегружать текст, читатель не станет его изучать; наконец, стремиться привлекать предпринимателей, которые захотят повторить рекламу именно в этом издании. Часто газета прибегала к такой уловке: после рекламы товара в том же объявлении крупно набиралось слово «Убедитесь!!!», что, несомненно, должно было обратить на себя внимание и в определённой мере как бы говорило о правдивости написанного.

В газете «Кавказские Минеральные воды» в каждом номере давалось объявление: «Рукописи,

доставленные в редакцию без всякого обозначения условий, считаются бесплатными. Возвращение авторам статей по почте редакция на себя не принимает. Подписка и объявления принимаются в конторах Управления Кавказских Минеральных вод на всех четырёх группах и в конторе редакции» [7–10]. Можно было организовать подписку на все издания, которые выходили в стране. Например, в газете «Кавказ» печатались объявления о подписке на газеты «Баку», «Тифлисский листок», «Иршад» и др.

Часто редакция определяла направленность издания. Так, газета «Голос Кавказа», которая выходила в г. Владикавказе, на первой странице поместила свою позицию – «ежедневная, большая политическая и общественно-литературная газета»; газета «Терек» позиционировала себя как «еженедельная политическая и литературная» и т. д. Но имелись издания, которые не придерживались определённой тематики, печатая разнообразные материалы.

Существовала такса на размещение объявлений: на первой странице 10 коп, на последней – 5 коп. со строки; для ищущих занятий – полное объявление 20 коп. Самые престижные места стоили от 25 коп. за строку.

Что рекламировали? Разнообразие предлагаемых в магазинах товаров можно условно свести к двум большим группам: продукты питания и бытовые товары (мануфактура, мебель, предметы интерьера и др.). Реклама становилась механизмом повышения покупательной активности населения: чем финансово обеспеченнее публика, тем она больше покупает, что двигает рекламные объявления; спад финансовых возможностей снижает частоту публикации объявлений. Таким образом, количество рекламных объявлений свидетельствует о волнообразности деловой активности в торговых операциях. Анализ рекламных объявлений позволяет утверждать, что активная реклама проходила перед летним сезоном, когда в предвкушении отдыха покупатели обновляли свой гардероб, и в ноябре – декабре – перед Новым годом, зимой и весной покупательная способность населения несколько падала, сводилась в основном к покупке продуктов питания.

Много рекламы публиковалось перед праздниками. Газеты в это время стремились разместить объявления не только на традиционной последней полосе, но и на других. Перед Новым годом, Пасхой горожане покупали в большом количестве провизию, подарки. Богатые горожане покупки совершали в дорогих магазинах в центральной части города, люди победнее – на окраинах. В магазинах не было отбоя от покупателей, которые совершали большие закупки.

Изобилие товаров и услуг, включая анонсирование художественных, зрелищных и промышленных выставок, мероприятий предлагали терские газеты. Так, газета «Терские ведомости» со-

общала о предстоящей сельскохозяйственной выставке; газета «Терец» поместила объявление о крестном ходе, который должен был состояться 6 января.

Рекламировали промышленные товары. Многие торговые фирмы предлагали населению новинки техники. Общество «Шуккерт и К^о» рекламировало динамо-машины, моторы, приборы электрического освещения; фабрика И. Фандеева – новые сорта цемента и других стройматериалов; торговый дом «Абачин и Орлов» – «усовершенствованные швейные, чулочно-вязальные, пишущие машины» [5]; другая фирма рекламировала весьма экономичный нефтяной двигатель «Горнсби Акройд».

В каждом номере местных газет обязательно помещались объявления о новых косметических и медицинских товарах. В газеты часто давали объявления врачи, учителя, владельцы доходных домов с целью предложить свои услуги. Газета «Кавказские Минеральные воды» поместила объявление о приёме больных с нервными болезнями профессором Л. Бартеневым, которых ждали в г. Пятигорске в доме Рахмалевича; аналитическая лаборатория магистра фармации И. С. Ткешелашвили предлагала всем эссенчуанам и отдыхающим пройти полное медицинское обследование [6; 7]; доктор А. Я. Кливанский вел прием больных с кожными и венерическими болезнями; зуболечебный кабинет П. З. Перлштейна оказывал стоматологические услуги вплоть до протезирования зубов, о чем информировал через газету [19]. Средство «Лаин» обещало быстрое избавление от псориаза и экземы. Мужчинам для обретения пышной шевелюры предлагались притирки, гели, дамам – зубные порошки, средства от солнца и многое другое. Новинкой сезона стали зубные средства «Элексир», порошок и паста «бенедиктианцев аббатства Сулак» [18].

Не только здоровье занимало внимание горожан. Одежда, украшения и разные аксессуары не были ими забыты. Предприниматели это понимали и предлагали широкий выбор тканей, готового платья. Магазин «саратовских сарпинок» по Александровскому проспекту столицы области объявлял широкую распродажу остатков по сниженным ценам; оптовый склад Шах-Назарова к сезону предлагал большой выбор шелковых, суконных тканей; Модный магазин Е. Раменской «А-ля – кокетЪ» предлагал дамские и детские шляпы, муфты, зонтики; магазин белья В. П. Кузнецова позаботился об ассортименте белья, а невестам был обещан полный набор приданного [10]. Горожане Терской области всегда соответствовали новым модным веяниям и не отставали от столичной публики.

Изобилие продуктов в магазинах также радовало глаз, и горожанин мог приобрести продукты, ранее неизвестные широкой публике. Чаеоторговцы предлагали большой выбор индийских, китайских, цейлонских чаёв; шоколад лучших про-

изводителей радовал вкус гурманов; печенье и конфеты дополняли продуктовые изыски.

Во второй половине XIX в. постепенно расширялось досуговое пространство, все чаще принимая публичные формы: посещение театров, синематографа, цирка, пешие и автомобильные прогулки, велотреки, и др.

Среди разнообразия предложений можно отметить также оформление досуга. Новые культурные потребности вносили изменения в формы проведения свободного времени. Семейный отдых предполагал не только походы в гости, но и посещение кафе и ресторанов. К услугам отдыхающих были многочисленны рестораны, которые предлагали хорошую кухню, радующее глаз оформление залов, живую музыку и другие интересные вещи.

Ресторан Г. М. Бурдули предлагал не только отменную кухню, но биллиард, оркестр, а также возможность проехать Военно-Грузинскую дорогу с гидами из Кавказского горного общества. Семейный сад-ресторан, кроме кавказской кухни, заманивал посетителей игрой бального оркестра румын [20].

Более демократично было в кондитерских и кофейнях, которых было в изобилии, особенно в курортных городах. Их владельцы рекламировали свою выпечку (пирожное, печенье, куличи, кексы, торты и др.), а также способы оформления тортов, которые можно было упаковывать в изящные бонбоньерки.

Ещё демократичнее были гуляния в народных садах, где в определённые часы выступали капеллы и солисты, а в антрактах электробиограф демонстрировал новые картины с участием Сары Бернар, Чарли Чаплина, Мэри Пикфорд. Технической новинкой стали граммофоны. Специализированные музыкальные магазины наряду с пианино стали предлагать граммофоны и пластинки с новыми записями известных музыкантов от бр. Патена.

Любителям активного отдыха магазины Луковецких, Цудик предлагали велосипеды фирм «ДукЪ» и «Адлер». Диапазон товаров, предлагаемых рекламой, был велик и разнообразен.

Анализ рекламы позволяет сделать вывод о том, что большинство объявлений было открыто или подспудно обращено к женщинам. Рекламодатели так подавали текст, чтобы быть понятыми именно женщинами. Как утверждает исследователь К. Анбиндер, по объявлениям отчетливо прослеживается гендерный перекос [1]. На рекламу, особенно косметологического или медицинского направления, стремились обратить внимание именно женщин. Должны были привлечь внимание рекламные объявления о продаже «великосветского» парфюма «Рейнская фиалка», способного изменить жизнь покупателя; товарищество А. Ралле и К^о продавало цветочную воду, мыло, бархатную пудру; аптекарский магазин З. Н. Гремячнской рекомендовал русские и за-

граничные парфюмерные товары, «гуттаперчевые вещи, докторские принадлежности» по самым низким ценам.

Внимание женщин обращалось и на предметы обстановки, которую следовало постоянно обновлять. К услугам хозяек паровая мебельно-паркетная фабрика А. Ф. Крейчи предлагала мебель разных стилей, рисунков, богатый выбор багета. Мебельный магазин Маевского рекламировал обивочные и обойные товары; посудный магазин Орлова объявлял сезонные скидки на фарфоровую посуду; магазин Дорожнова, склад которого находился в Москве, извещал о продаже одеял, подушек, полотняных тканей.

Не забыты были и интересы мужчин: торговорозничный склад Теймуразова приглашал покупателей отведать старых и новых кахетинских вин и приобрести по умеренным ценам; оптоворозничный склад кахетинских вин П. А. Папунова извещал о полученных в большом ассортименте кахетинских винах, как выдержанных, так и свежего урожая. Для любителей активного отдыха торговый дом Чертова предлагал велосипеды фирм «Гумбер», «Дукс», «Флинт», «Атлет»; магазин Артемьева живо описывал полученные из Парижа галстуки, воротнички и др.

В региональных печатных изданиях значительная часть объявлений связана с рекламой товаров, услуг из разных регионов страны, прежде всего, столичных. В газетах «Терские ведомости», «Северокавказский край», «Терек» и других размещались объявления о подписке на центральные издания, которые гарантировали подписчикам приятные бонусы.

Рекламу книги «Домашняя волшебная книга» составителя Альхазара, в которой были представлены разного рода фокусы, «открытия древних магов». Книгу можно было приобрести в «Российском центральном книжном здании «Славянского базара» на ул. Никольской в Москве» по сниженной цене предъявителям объявления [21, с. 3–4]. Эта же газета поместила рекламу склада часов «Женева» в Варшаве, карманные часы «очень крепкой конструкции, с вечным календарём» можно было заказать по почте и прислать данное объявление для предоставления скидки подписчику газеты.

Уже в те времена реклама не всегда объективно отражала качество товара. Особенно это касалось товаров косметических и лекарственных. Обещание ошеломительных успехов от использования какого-нибудь крема не оправдывалось вовсе. Некоторые предприниматели, размещая рекламу, обязательно помещали в текст в качестве иллюстрации высокого класса товара информацию о присуждённых наградах и премиях. Например, И. Татузов – крупный виноторговец – с гордостью добавил в объявление отметку о награде на Всемирной выставке в Париже. Естественно, что такая высокая оценка продукции фирмы добавила ей покупателей.

Ещё одним известным предпринимателем, удостоенным международных наград, был владелец табачной фабрики в г. Владикавказе Б. С. Вахтангов. Вахтангов был одним из богатейших купцов 2-й гильдии, членом Владикавказской Думы. В размещаемых в местных газетах объявлениях он уточнял ещё и тот факт, что являлся поставщиком двора иранского шаха.

К началу XX в. происходят изменения в составе рекламодателей. Большинство их – это местные товаропроизводители, торговцы, владельцы сферы бытовых услуг. Удельный вес иногородней рекламы несколько снижается.

Ещё одной чертой стала жёсткая конкурентная борьба между печатными изданиями. Так, между двумя грозненскими газетами «Север Кавказа» и «Грозненские новости» развернулась настоящая информационная война за умы и кошельки читателей. Некоторые газеты имели узкую профессиональную аудиторию, в основном это были предприниматели, торговцы. Например, газета «Грозненский торговый листок», имевшая тираж 300 экз., была рассчитана на предпринимателей. В газете размещалась информация о состоянии рынков, биржевых цен. На страницах газет публиковались материалы о состоянии промышленного и торгового предпринимательства в России и по Кавказу. Кроме этого, в редакцию поступали объявления из разных регионов.

Следующий вопрос: кто и где торговал? В 1914 г. только в городах области насчитывалось 3 501 торговое заведение. Анализ материалов позволяет установить, что торговое предпринимательство преобладало над промышленным. Численность торговых предпринимателей составило примерно 15,6 %. Данное обстоятельство увеличивало роль торговой коммерческой рекламы.

Выделяют оптовую и розничную торговлю. Исходя из этого рекламные объявления имели свою специфику. Как установлено, оптовые торговцы ориентировались больше на личные контакты, предпочитая налаживать контакты таким образом. Удельный вес оптовых реклам составляет не более 30 %. Если в ряде губернских газет основными товарами оптовой торговли были продовольственные (хлеб, сахар, шерсть), то в печати Терской области реклама товаров была разнообразной, начиная от вина и до разного рода машин.

Оптовые торговцы работали в основном на продажу в другие регионы страны, а также с границей. Основными рекламодателями были розничные торговцы. Однако надо иметь в виду, что рекламу давали предприниматели, которые имели магазины если не фешенебельные, то приличные, размещённые в центральной или торговой части города. Например, в г. Владикавказе такими районами был Александровский проспект, в Пятигорске – ул. Эмировская, в Грозном – ул. Купеческая. Такие магазины часто даже не указы-

вали точного адреса, т. к. заработали на рынке репутацию и их знали не один год.

В торговой части городов, как правило, магазины имели большие окна- витрины, которые богато оформлялись и привлекали внимание гуляющей публики. Например, вслед за Владикавказом Зипалов, Сеферов, Ройхлер и др. открыли свои магазины в г. Пятигорске.

Если здание было двухэтажным, то на втором этаже могли проживать хозяин магазина с семьёй, либо сдавать магазин третьим лицам. По мнению специалистов торговая реклама представлена 3 видами: во-первых, информация о продаже определённых видов товаров, во-вторых, объявления о распродажах, в-третьих, сообщение об открытии предприятия, его перемещениях по другим адресам или переходе к новому владельцу.

Не имея возможности располагать свои магазины в двух- и трехэтажных домах, местные предприниматели старались так украшать помещения, чтобы они притягивали к себе покупателей. Отметим, что по ассортименту и качеству товары провинциальных городов не уступали столичным.

Например, в г. Владикавказе на Александровском проспекте был открыт магазин, получивший название «Зеркальный» за эффектные витрины, украшенные зеркалами. Магазин торговал тканями, готовым платьем. В г. Грозном на центральных улицах соседствовали магазины, торговавшие канцелярскими принадлежностями, парфюмерией, готовым платьем, и духаны с первоклассным вином и коньяками. Большой популярностью пользовались кизлярские вина и коньяки. Из номера в номер местные газеты публиковали рекламу кизлярского коньяка Татузова, марочное вино Тертерова.

К услугам самых взыскательных покупателей были ювелирные магазины Сальмана, Тарноградского во Владикавказе, Глинки, Когбетлиева в Ессентуках, в Кисловодске «рядом с парижским магазином Джепаридзе» Кавказский магазин, где торговали серебряными, золотыми и другими изделиями, а также сибирскими камнями и хризопразами по доступным ценам. В г. Моздоке, ставшем к началу XX в. заштатным городишкой, особо больших магазинов не было, велась смешанная торговля, но были и небольшие магазины, где торговали хлебобулочными, молочными и мясными изделиями. Каждый магазин стремился в выгодном свете представить свой ассортимент. Среди обилия товаров были наиболее активно рекламируемые, по-видимому, новые для потребителя.

Рекламодатели часто сухо информировали о наличных товарах, иногда давая скупые пояснения о практическом применении. Чаще всего, в рекламе не указывалась цена товара. Однако все чаще появлялись объявления с прейскурантами и с подробным разъяснением предназначения но-

вого товара, что было удобно для потенциальных покупателей.

Клиентами таких магазинов были элитарные слои и средний класс. Предлагаемый магазинами ассортимент товаров мог удовлетворить самые изысканные вкусы. Меха, французские духи, дорогие швейные машинки, драгоценности могли позволить себе только состоятельные клиенты.

Как правило, горожане из окраинных районов, слободок, отоваривались в лавках попроще. Как покупатели, так и владельцы таких магазинчиков были людьми небольшого достатка, ассортимент весьма небольшой. По этой причине владельцам маленьких лавчонок и магазинчиков соперничать с крупными центральными торговыми центрами не приходилось и рекламу они не давали.

Если сравнить выпуски газет 1870-х гг. с более поздними изданиями, то обнаружим, что реклама долгое время не получала распространения, объявления в газетах печатались далеко не в каждом выпуске. Предприниматели работали по старинке, в ожидании покупателя. Жёсткой конкуренции ещё не было, и каждый осваивал занятую нишу.

Отличительной особенностью торговых заведений области было наличие большого количества лавок, магазины стали появляться в конце XIX в. Объясняется это тем, что в лавках велась торговля всем необходимым для населения: рядом соседствовали промтовары и продукты; основной доход лавочники получали от реализации спиртных напитков. Владельцы лавок не вкладывали больших капиталов, получали при этом неплохой доход. Чаще всего лавки располагались в доме самого владельца, состояли из небольшого помещения, обслуживали покупателей не более двух приказчиков, часто хозяин сам стоял за прилавком. Окрестные жители пользовались услугами близлежащей лавки, хозяин же не стремился расширить их круг. Однако с наполнением рынка товарами и услугами конкурентная борьба вынуждала искать и привлекать клиентов. Традиционная торговая тактика неизбежно приводила к потере потенциальных покупателей; требовались новые подходы. Одним из них стала коммерческая реклама.

Рассматривая материалы рекламных объявлений, можно судить о развитии розничной торговли, конкурентной борьбе, методах внедрения новых форм работы и др. В середине XIX в. многочисленные магазины производили торговлю смешанными товарами, т. к. обороты были пока ещё небольшие, и населению такие магазины были удобны. Специализированных магазинов практически в этот период не было за исключением тех, которые торговали мясом или хлебобулочными изделиями.

Для большинства горожан главным местом покупок был базар. Конечно, внешний вид и санитарное состояние оставляли желать лучшего.

Торговое пространство представлено либо весьма непрезентабельного вида сараями, тёмными лавчонками, либо простенькими навесами; нередко товары были разложены просто на землю. На базары съезжались крестьяне как местные, так и из окрестных регионов, торгуя овощами, фруктами, предметами обихода.

Результаты. Проведённый анализ позволяет сделать ряд выводов. Торговля в этот период выступала основной сферой предпринимательской активности. Торговля сама не производила ничего, обходилась минимумом затрат, и сразу давала дивиденды, в то время как промышленность оказывалась в плане быстрой окупаемости долгосрочной и весьма затратной. Были, конечно, предприниматели, которые наряду с торговлей

имели собственность в других сферах. Коммерческая реклама находилась во взаимозависимости с тенденциями производственной деятельности, торговли и интересами потребителей. Большую роль играла урбанизация, которое выступала как механизм преобразования культурного пространства Терской области. Последнее претерпевало серьёзные изменения и становилось довольно сложным. Сам характер производства и потребления в городском пространстве приводил к многовариантности и разнообразию в предложениях потребителям. Товарное разнообразие формировало потребительские вкусы и предпочтения всех категорий населения провинциальных городов Терской области.

Литература

1. Анбиндер К. Н. Развитие рекламы на Кубани в 1860-е – 1917 гг.: монография. Краснодар: Новация, 2013. 127 с.
2. Боханов А. Н. Буржуазная пресса России и крупный капитал. Конец XIX в. – 1914 г. М.: Наука, 1984. 148 с.
3. Галанин С. Ф. Казань и казанцы реклама второй половины XIX века: монография. Казань: Изд-во Казанского гос. технического ун-та, 2008. 237 с.
4. Есин Б. И. Путешествие в прошлое (Газетный мир XIX века): монография. М.: изд-во МГУ, 1982. 160 с.
5. Кавказ. 1898. 10 декабря
6. Кавказские Минеральные воды. 1902. 10 апреля.
7. Кавказские Минеральные воды. 1902. 16 мая.
8. 8 Кавказские Минеральные воды. 1902. 21 июня.
9. Кавказские Минеральные воды. 1902. 5 июня
10. Казбек. 1897. 12 апреля
11. Лепилкина О. И. «Листок для посетителей Кавказских Минеральных вод» – первая в России курортная газета. // Ставропольский хронограф на 2013 год. Ставрополь: СКУНБ им. М. Ю. Лермонтова, 2013. С. 121–124.
12. Малых С. В. Реклама на страницах периодической печати Восточной Сибири в 1880-е гг. – начале XX в. // Вестник Томского государственного университета. 2011. № 346. С. 74–76.
13. Махонина С. Я. Русская дореволюционная печать (1905–1914): монография. М.: Изд-во МГУ, 1991. 205 с.
14. Периодические издания Ставропольского края: 1850–1916 гг. / сост. Т. И. Фунтикова. Ставрополь: Б. и., 1988. 50 с.
15. Подворко Н. В. Печать Кавказских Минеральных Вод: история, типология, современное состояние: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Ростов-на-Дону, 2008. 26 с.
16. Саламбиева А. В. Реклама и потребности провинциального городского социума (на материалах грозненских газет) // Грозный: история и современность: историко-этнографический сборник статей, посвящённый 200-летию основания г. Грозного. Грозный: Акад. наук Чеченской Республики, 2017. С. 354–364.
17. Степанов А. А. История объявлений. Газетная реклама в России XVIII – XX вв. СПб.: РИАЛ – Пронто, 2014. 158 с.
18. Терек. 1907. 10 января
19. Терские ведомости. 1910. 13 мая
20. Терские ведомости. 1908. 14 марта
21. Терский календарь на 1911 год. Вып. 20. / под ред. М. А. Караулова. Владикавказ, 1910. 578 с.
22. Умнова Е. Оформление газет на Ставрополье в конце XIX начале XX вв. // Ставропольская правда. 2003. 25 апреля.
23. Хубулова С. А., Туккаева Л. К. Реклама начала XX в. как источник по повседневной жизни провинциального города (к постановке проблемы) // Вопросы науки и образования: новые подходы и актуальные исследования: материалы Всероссийской научно-практической конференции с международным участием. Чебоксары: Центр научного сотрудничества «Интерактив плюс», 2024. С. 14–16.
24. Цезарь С. С. К вопросу о рекламе на Кавказских Минеральных Водах // Молодой ученый. 2017. № 13(147). Т. 2. С. 21–22. URL: <https://moluch.ru/archive/147/42014/> (дата обращения: 14.06.2025).
25. Якутина Е. Н. Реклама как исторический источник. // Экономические и социально-гуманитарные исследования. 2017. № 4(16). С. 29-36.
26. Яхно О. Н. Меняющаяся повседневность: новации в домашнем времяпрепровождении горожан в позднимперскую эпоху // Реформы в повседневной жизни населения России: история и современность. материалы Международной научной конференции / отв. ред В. А. Веремченко, В. Н. Шайдуров. СПб.: ЛГУ им. А. С. Пушкина, 2020. С. 64–69.

References

1. Anbinder KN. The development of advertising in the Kuban in the 1860s – 1917. Krasnodar: Novation; 2013. 127 p. (In Russ.).
2. Bokhanov AN. The bourgeois press of Russia and big capital. The end of the XIX century. Moscow: Nauka; 1984. 148 p. (In Russ.).

3. Galanin SF. Kazan and the Kazan advertising of the second half of the 19th century. Kazan: Publishing House of Kazan State Technical University; 2008. 237 p. (In Russ.).
4. Esin BI. Journey into the past: (The Newspaper world of the 19th century). Moscow: MSU publ.; 1982. 160 p. (In Russ.).
5. The Caucasus. 1898. December 10
6. *Kavkazskie Mineral'ny'e vody*. 1902. April 10.
7. *Kavkazskie Mineral'ny'e vody*. 1902. May 16.
8. *Kavkazskie Mineral'ny'e vody*. 1902. June 21.
9. *Kavkazskie Mineral'ny'e vody*. 1902. June 5
10. *Kazbek*. 1897. April 12
11. Lepilkina OI. "Leaflet for visitors of the Caucasian Mineral Waters" as the first resort newspaper in Russia in Stavropol chronograph for 2013. Stavropol: Stavropol regional universal scientific library named after M. Yu. Lermontov; 2013. P. 121–124. (In Russ.).
12. Maly'x SV. Advertising on the pages of the periodical press of Eastern Siberia in the 1880s – early XX century]. *Bulletin of Tomsk State University*. 2011;(346):74-76. (In Russ.).
13. Maxonina SYa. The Russian pre-revolutionary press (1905-1914). Moscow: MSU publ.; 1991. 205 p. (In Russ.).
14. Periodicals of the Stavropol Krai: 1850-1916. Stavropol; 1988. 108 p. (In Russ.).
15. Podvorko NV. Printing of Caucasian Mineral Waters: history, typology, current state: thesis. Rostov-on-Don; 2008. 26 p. (In Russ.).
16. Salambieva AV. Advertising and the needs of provincial urban society (based on the materials of the Grozny newspapers) in Grozny: History and modernity. historical and ethnographic collection of articles dedicated to the 200th anniversary of the founding of Grozny. Grozny; 2017. P. 354-364. (In Russ.).
17. Stepanov AA. History of ads. Newspaper advertising in Russia of the XVIII – XX centuries. St. Petersburg; 2014. 158 p. (In Russ.).
18. *Terets*. 1907. January 10 (In Russ.).
19. *Terek Vedomosti*. 1910. May 13 (In Russ.).
20. *Terek Vedomosti*. 1908. March 14 (In Russ.).
21. *Terek Calendar for 1911*. Issue 20. Ed. by MA. Karaulov. Vladikavkaz; 1910. 578 p. (In Russ.).
22. Umnova E. Newspaper design in Stavropol in the late 19th and early 20th centuries. *Stavropol Pravda*; 2003. 25 aprelya. (In Russ.).
23. Khubulova SA, Tukkaeva LK. Advertising of the early twentieth century. as a source on the daily life of a provincial city (to pose a problem) in Issues of science and education: new approaches and relevant research. Materials of the All-Russian scientific and practical conference with international participation. Cheboksary; 2024. P. 14-16 (In Russ.).
24. Cezar SS. On the issue of advertising in the Caucasian Mineral Waters. *Young scientist*. 2017;(13(147)):21-22. URL: <https://moluch.ru/archive/147/42014/> [Accessed 14 June 2025].
25. Yakutina EN. Advertising as a historical source. *Jekonomicheskie i social'no-gumanitarnye issledovanija*. 2017;4(16):29-36 (In Russ.).
26. Yahno ON. Changing daily life: innovations in the domestic pastime of townspeople in the Late Imperial era in *Reforms in the daily life of the Russian population: history and modernity. materials of the international scientific conference. Responsible editors VA. Veremenko, VN. Shaidurov*. Sankt Petersburg: LSU named after AS. Pushkin\$ 2020. P. 64-69. (In Russ.).

ЮРИДИЧЕСКИЕ НАУКИ / LEGAL SCIENCES

Научная статья

УДК 340.1

<https://doi.org/10.37493/2409-1030.2025.3.15>ПРАВОВАЯ КУЛЬТУРА СОВРЕМЕННОГО БЕЛОРУССКОГО ОБЩЕСТВА:
КРИТЕРИИ ОЦЕНКИ В ПРОЕКЦИИ ТЕОРЕТИЧЕСКОГО ЮРИДИЧЕСКОГО ЗНАНИЯ

Ирина Андреевна Демидова

Могилевский институт Министерства внутренних дел Республики Беларусь (д. 67, ул. Крупской, Могилев, 212011, Республика Беларусь)
Кандидат юридических наук, доцент
demidova-irina00@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-4863-8455>

Аннотация. Введение. Проблематика правовой культуры в современных политико-правовых реалиях имеет не только теоретическую, но и практическую значимость. Выработка критериев сформированности правовой культуры будет способствовать корректировке правовой политики для обеспечения прав и свобод личности, устойчивого развития общества. **Материалы и методы.** Теоретической базой исследования выступают труды известных советских и современных белорусских и российских ученых: Р. С. Байниязова, А. И. Гусейнова, С. Г. Дробязко, В. П. Малахова, Л. А. Петручак, В. П. Сальникова, А. П. Семитко, Н. В. Сильченко и др. Нормативную основу исследования составляют нормативные правовые акты Республики Беларусь. Используются общенаучные методы анализа, синтеза, сравнения, обобщения, а также нормативно-правовой и социологический методы. **Анализ.** Критерии оценки правовой культуры общества устанавливаются в контексте сформированных в правоведении методологических подходов к ее изучению, проецируются на правовую жизнь современного белорусского общества. Культурологический подход определяет критерием правовой культуры принятие белорусским обществом духовной ценности права, что находит отражение в национальном правовом менталитете, проявляется в сформированности и эффективном функционировании государственных правовых учреждений. В числе ценностей – целей правового развития общества в контексте аксиологического измерения правовой культуры обозначаются безопасность, свобода, справедливость, которые имеют универсальный характер. В рамках

социологического подхода проводится различие правовой культуры общества и отдельных социальных групп. **Результаты.** Критерии правовой культуры устанавливаются рядом факторов правового и социального характера. Национальное право должно фиксировать систему общественных ценностей, правовая идеология – закреплять в общественном правовом сознании смыслы правового функционирования социума. В оценке правовой культуры подлежат учету особенности национального правового менталитета, правовые традиции, сформированность правового сознания государственных должностных лиц и населения в целом.

Ключевые слова: правовая культура, критерии правовой культуры, методологический подход, право, правовые ценности, правовые идеи, патриотизм, общественное правовое сознание, правовой менталитет, профессиональное правовое сознание

Для цитирования: Демидова И. А. Правовая культура современного белорусского общества: критерии оценки в проекции теоретического юридического знания // Гуманитарные и юридические исследования. 2025. Т. 12. № 3. С. 476–482. <https://doi.org/10.37493/2409-1030.2025.3.15>

Конфликт интересов: автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Статья поступила в редакцию: 21.01.2025.

Статья одобрена после рецензирования: 13.03.2025.

Статья принята к публикации: 28.05.2025.

Research article

LEGAL CULTURE OF MODERN BELARUSIAN SOCIETY: EVALUATION CRITERIA
IN THE PROJECTION OF THEORETICAL LEGAL KNOWLEDGE

Irina A. Demidova

Mogilev Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Republic of Belarus (67, Krupskaya str., Mogilev, 212011, Republic of Belarus)
Cand. Sc. (Law), Associate Professor
demidova-irina00@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-4863-8455>

Abstract. Introduction. The problems of legal culture in modern political and legal realities have not only theoretical but also practical significance. The development of criteria for the formation of legal culture is intended to adjust legal policy to ensure the rights and freedoms of the individual, sustainable development of society. **Materials and methods.** The theoretical basis of the study are the works of famous Soviet and modern Belarusian and Russian scientists – R. S. Bainiyazov, A. I. Guseynov, S. G. Drobiazko, V. P. Malakhov, L. A. Petrushak, V. P. Salnikov, A. P. Semitko, N. V. Silchenko and others. The normative basis of the study is the normative legal acts of the Republic of Belarus. General scientific methods of analysis, synthesis, comparison, generalization, as well as normative-legal and sociological methods are used. **Analysis.**

The criteria for assessing the legal culture of society are established in the context of the methodological approaches to its study developed in jurisprudence and are projected onto the legal life of modern Belarusian society. The cultural approach defines the criterion of legal culture as the acceptance of the spiritual value of law by Belarusian society, which is reflected in the national legal mentality and manifests itself in the formation and effective functioning of state legal institutions. Among the values-goals of the legal development of society in the context of the axiological dimension of legal culture are security, freedom, and justice, which are of a universal nature. Within the framework of the sociological approach, a distinction is made between the legal culture of society and individual social groups. **Results.** The criteria for legal culture are established by a

© Демидова И. А., 2025

number of factors of a legal and social nature. National law should fix the system of social values, and legal ideology should consolidate the meanings of the legal functioning of society in the public legal consciousness. When assessing legal culture, the peculiarities of the national legal mentality, legal traditions, the formation of the legal consciousness of government officials and the population as a whole are subject to consideration.

Keywords: legal culture, criteria of legal culture, methodological approach, law, legal values, legal ideas, patriotism, public legal consciousness, legal mentality, professional legal consciousness

Введение. Современные вызовы актуализируют обращение к проблематике правовой культуры, что исходит из признания социальной ценности права в качестве универсального социального регулятора общественных отношений и определяет значимость научного осмысления феномена правовой культуры, прежде всего в рамках предметного поля юридической науки. Многоаспектность проявлений регулятивных свойств права в жизни общества требует выработки критериев сформированности правовой культуры, что будет способствовать корректировке правовой политики, обеспечению повышения эффективности всех форм реализации права, созданию условий правового становления личности. Национальный характер права определяет отличия правового культурного развития отдельных обществ, особенности национального менталитета – специфику восприятия права, исторически сформированные правовые традиции – результативность правового воздействия на социум и личность в проекции определенного времени, социальных потребностей и задач. В совокупности обозначенные факторы позволяют характеризовать правовую жизнь общества в контексте как позитивных, так и негативных проявлений. Разработанные в юриспруденции теоретические модели правовой культуры призваны ориентировать на идеальные параметры, которые обществу следует достигать в правовой сфере. Представленный подход устанавливает научную и социальную значимость обозначения критериев оценки сформированности правовой культуры.

Следует исходить из того, что в рамках различных научных подходов, основанных на отличных методологических основаниях постижения правовой культуры, могут быть представлены многообразные критерии правовой развитости белорусского общества [3, с. 78–100]. Актуальность обращения к проблематике правовой культуры связана с факторами и научного, и социального характера. Так, можно констатировать практическое отсутствие монографических работ по правовой культуре белорусского общества в условиях конституционного закрепления правового характера современного белорусского государства. В советский период вопросы правовой культуры трудящихся были исследованы белорусским автором Е. А. Зорченко [8–10], в период обретения независимости проблематика право-

For citation: Demidova IA. Legal culture of modern Belarusian society: evaluation criteria in the projection of theoretical legal knowledge. Humanities and law research. 2025;12(3):476-482. (In Russ). <https://doi.org/10.37493/2409-1030.2025.3.15>

Conflict of interest: the author declares no conflicts of interests.

The article was submitted: 21.01.2025

The article was approved after reviewing: 13.03.2025.

The article was accepted for publication: 28.05.2025.

вой культуры отдельной категории должностных лиц, белорусского общества в целом на монографическом уровне рассматривалась И. А. Демидовой [3; 4]. Обоснование преобладания в современных реалиях правоцентристского типа социального регулирования определяется доминированием права в качестве регулятора общественных отношений, что позволяет идентифицировать национальную правовую систему Беларуси в системе социальных координат [18, с. 5]. Целью исследования выступает обозначение научно обоснованных критериев правовой культуры белорусского общества в контексте общетеоретического юридического знания. Научная новизна осмысления феномена правовой культуры в подобном ракурсе состоит в использовании интегрированного юридического знания о правовой культуре для оценки позитивных проявлений правовой жизни современного белорусского общества. В данном случае теоретически оформленное юридическое знание о правовой культуре обусловит научное обеспечение правовой политики и достижение правового прогресса белорусского общества.

Материалы и методы. Обозначение тех или иных критериев правовой культуры общества в соответствии со сформированными в правоведении методологическими подходами к ее изучению базируется на понимании методологического подхода не столько как соответствующего набора процедур и приемов, которые служат формой и условием реализации стратегических принципов исследования, сколько как выражение определенной мировоззренческой позиции. Данное представление соответствует широкой трактовке методологического содержания подхода известным методологом Э. Г. Юдиным [23, с. 69], отвечает сложности правовой культуры в качестве объекта изучения.

Теоретической базой исследования выступают труды известных советских и современных белорусских и российских ученых: Р. С. Байниязова, А. И. Гусейнова, С. Г. Дробязко, В. П. Малахова, Л. А. Петручак, В. П. Сальникова, А. П. Семитко, Н. В. Сильченко и др., в которых правовая культура характеризуется с позиций оформившихся в правоведении подходов к ее изучению, прежде всего культурологического, деятельностного, аксиологического и социологического. Использование логических методов анализа, синтеза, сравнения, обобщения призвано содействовать интегра-

ции полученного теоретического знания для обозначения критериев правовой культуры общества. При проведении исследования применялись также нормативно-правовой и социологический методы познания правовых явлений.

Анализ. Культурологический подход, который предстает в качестве базового, исходит из понимания права и, соответственно, правовой культуры как части общей культуры. Одновременно имеет место точка зрения установления правовой культуры квинтэссенцией всех различных культур, что связано с признанием социальной значимости права [5, с. 449]. Во всех случаях правовая культура подлежит осмыслению и объяснению как культурное явление или культурный процесс. Это полагает анализ культурных факторов, лежащих в основе формирования и функционирования права в том или ином социуме. В отношении сущностного понимания культурологического подхода выявлены следующие научные позиции: интегрирует правовую реальность в духовно-ментальный, нравственный, культурологический «страт» общества (Р. С. Байниязов), предполагает обозначение общих основ правовой идеологии как составляющей культуры в целом (А. И. Гусейнов) [3, с. 81]. При таком рассмотрении критериями правовой культуры на уровне общества выступает принятие социумом духовной ценности права в силу отождествления его с социальной справедливостью, что находит отражение в национальном правовом менталитете, проявляется в сформированности и эффективном функционировании государственных правовых учреждений, в числе которых могут быть названы суды, прокуратура, в целом органы государственной власти, учрежденные в соответствии с конституцией. Представленная теоретическая модель укладывается в общую теорию культуры, которая определяется рассмотрением культуры в целом в философском, антропологическом и социологическом аспектах [3, с. 80–81]. Критерием правовой культуры общества в контексте правовой организации общественной жизни может считаться сформированность и качество правового взаимодействия, в том числе уровень коррумпированности властных структур.

В современной Беларуси задача минимизации коррупции осознается на государственном уровне. В соответствии с Законом Республики Беларусь «О борьбе с коррупцией» от 15 июля 2015 г. № 305-3 (в редакции Закона Республики Беларусь от 24 мая 2024 г. № 7-3) принципами борьбы с коррупцией наряду с законностью, справедливостью, неотвратимостью ответственности и рядом других устанавливается приоритет мер предупреждения коррупции, что связано в том числе с задачей формирования правосознания и правовой культуры государственных и приравненных к ним должностных лиц, в целом всех членов общества.

Соблюдение закона в жизни общества, обеспечение прав и свобод граждан и организаций призваны обеспечивать также негосударственные правовые учреждения, такие как адвокатура, нотариат и другие, а также институты гражданского общества. В Законе Республики Беларусь «Об основах гражданского общества» от 14 февраля 2023 г. № 250-3 гражданское общество определяется как граждане Республики Беларусь, иностранные граждане и лица без гражданства, постоянно проживающие в Республике Беларусь, выражающие свою гражданскую позицию посредством участия в общественных отношениях и институтах, не запрещенных законодательством (ст. 1). В качестве базовой задачи взаимодействия государственных органов (организаций) и гражданского общества называется обеспечение гражданского (народного) единства (ст. 11). Представляется значимым обозначение идеологической составляющей правовой культуры в качестве фактора, объединяющего субъектов гражданского общества и выступающего условием правового взаимодействия государства с иными общественными структурами.

Правовая идеология в структуре общественного сознания представлена системой правовых взглядов, идей, представлений о желаемом и сформированном праве. Для современной философской и юридической теории традиционным является рассмотрение правового сознания как формы общественного сознания, которая может характеризоваться в структурно-функциональном аспекте, что связано с выделением в структуре правового сознания правовой идеологии, правовой психологии и правового менталитета. В свою очередь, содержательная характеристика правового сознания проводится исходя из уровней рациональной мысли, что проявляется в использовании правовых понятий как формы рационального мышления, формулировании правовых категорий в качестве абстракций сторон и свойств правовой реальности, отражающих характеристики универсальности права. К пониманию интеллектуально-духовных оснований права призвано оформление правовых идей [13, с. 116–119]. Определяющая роль в правосознании отводится идее права (мерила реальности), признается значимость общего сознания права (признания, оценки) и чувства права (наличности, несомненности, очевидности) [13, с. 123–128].

При этом если структура и функции правового сознания, как и в целом общественного сознания, универсальны, что связывается с наличием таких элементов, как нормы, идеи, чувства, взгляды, системы функций, то специфика содержания определяется особенностями права как реальности и мысли о реальности посредством придания ей правового смысла. «В первом случае мы рассматриваем правосознание с

точки зрения отражения им социально-духовной реальности; во втором случае мы характеризуем его с точки зрения активного отношения к этой реальности» [13, с. 108–109]. Установление того, что в первом случае правосознание является отражением реальности права, во втором характеризуется как активное отношение к этой реальности имеет важное методологическое значение. Таким образом, посредством правового сознания происходит выражение природы и сущности права как идеального конструкта и социального факта. Правовая идеология в структуре общественного правового сознания позволяет проецировать идеальную модель в виде правовых идеалов на социальную практику. В качестве системообразующих идей общественного правового сознания в проекции на политико-правовую практику национального государства в обосновании белорусских мыслителей разных исторических эпох выступают идея народного суверенитета в сфере правотворчества (Ф. Скорина), правопослушание и разумность лиц, находящихся у власти (Н. Гусовский), занятие государственных должностей высокоморальными лицами (М. Литвин), законность и справедливость (С. Будный) и др. [19, с. 23–37]. Обозначенные идеи не потеряли своей актуальности и в настоящее время.

Задача формирования правовой жизни и эффективных правовых отношений предполагает выстраивание первоначально на уровне теоретической модели ценностных оснований общественной жизни. Право как социальный регулятор в соответствии со своей природой ориентировано на обеспечение справедливости, равенства, свободы в качестве подлинных, а не мнимых ценностей, что должно соотноситься с системой общественных ценностей. Достижение нормативного должностования, совпадающего с правовой реальностью, выступает в качестве критерия правовой культуры общества. В Концепции правовой политики Республики Беларусь, утвержденной Указом Президента Республики Беларусь от 28 июня 2023 г. № 196, белорусское государство устанавливается как государство, построенное на фундаменте общечеловеческих ценностей, что находит отражение в национальном праве (п. 8). В качестве идеологических императивов установлены в том числе обеспечение и гарантированность прав и свобод человека и гражданина, социальная справедливость, свобода, равенство, патриотизм и др. (п. 9). Их реализация в правовой политике призвана к обеспечению устойчивого развития белорусского общества. В данном случае нормы права выступают способом обнаружения и выражения ценностей, индикатором (указателем) общественной ценности [13, с. 158]. Ценностное измерение социальной и правовой реальности направлено на выявление смысла и целей человеческого существования как в проекции от-

дельного государства, так и в глобальном масштабе.

Аксиологический подход к правовой культуре исходит из признания общечеловеческих (универсальных) ценностей в качестве основания права. В осмыслении проблемы общечеловеческих ценностей подлежит учету различие «ценностей как целей» – исторически неизменных, базовых ценностей исходя из потребностных состояний личности, «ценностей по выбору» – исходя из ранжирования потребностей и «ценностей как средства» – в соответствии с ценностными предпочтениями [14, с. 25]. Представляется, что в контексте отдельной личности определяющее значение имеют «ценности как средства», что в своем основании имеет классификацию человеческих интересов, одновременно «ценности по выбору» определяются мировоззренческим выбором личности. В свою очередь, в общесоциальном плане особая роль принадлежит обозначению «ценностей как целей», что значимо для обеспечения устойчивого развития. В их числе могут быть названы безопасность, свобода, справедливость, которые имеют универсальный характер. Их практическое воплощение в правовой жизни общества выступает свидетельством подлинности права, выражением сущности права в национальной правовой системе [1]. Признание иерархического характера правовых ценностей предполагает не только выявление и логическое обоснование их взаимосвязи, но также их нормативное закрепление в правовых актах, прежде всего в национальной конституции.

Правовая культура как особое социальное явление может быть воспринято как качественное правовое состояние и личности, и общества, выступающее в качестве одной из категорий общечеловеческих ценностей, охватывающей все достижения в области права (В. П. Сальников). Оценка сформированности правовой культуры определяется при таком рассмотрении посредством уровней состояний правового сознания, законности, законодательства, юридической практики [20, с. 575]. По сути, в данном случае правовая культура рассматривается как фактор организации и формирования жизни общества, что соответствует социологическому подходу к характеристике данного феномена. В рамках социологического подхода правовая культура трактуется как качественное состояние правовой жизни общества (А. П. Семитко) [16, с. 28]. При этом ее оценка возможна с позиций правового развития общества в целом, а также отдельных правовых субъектов (личности, различных социальных и профессиональных групп). Социальная обусловленность правовой культуры определяет ее изменчивость и ценностную ориентированность, что актуализирует значение ее аксиологической интерпретации (Л. А. Петручак) [15, с. 28–29].

Проецирование общечеловеческих ценностей на общественно-правовое развитие белорусского общества представляется возможным в контексте такой национальной ценности, как патриотизм. Следует отметить, что в настоящее время в Республике Беларусь реализуется Программа патриотического воспитания населения Республики Беларусь на 2022–2025 годы, утвержденная постановлением Совета Министров Республики Беларусь от 29 декабря 2021 г. № 773, где в качестве базовых принципов современного этапа государственного строительства Беларуси обозначены единство, развитие и независимость, что предполагает консолидацию общества на основе общественно значимых ценностей, которые находят отражение в национальном праве.

В рамках оценки реализации данной программы показательны результаты социологических опросов, проведенных по заказу Белорусского института стратегических исследований в 2020–2021 гг. с выборочной совокупностью респондентов 1 500 и 1 317 человек. На вопрос «Что для Вас значит быть патриотом Беларуси?» ответы респондентов распределились следующим образом: любовь к белорусской культуре, истории, языку – 33,7 %, готовность жить и работать только в Беларуси – 31,2 %, преданность Беларуси – 29,7 %, активная деятельность на благо Беларуси – 28,9 %, знать и любить историю Беларуси – 25,9 %, стремление разговаривать на белорусском языке – 6,8 %, предпочтение товаров белорусского производства – 5,4 % [21, с. 22]. Тем самым можно констатировать восприятие патриотизма прежде всего через призму любви к белорусской культуре и преданности стране, т. н. «культурный патриотизм». Полученные данные коррелируются с ответами на вопрос «Что значит быть белорусом?». По мнению большинства респондентов, это любить Беларусь и белорусов – 45,8 %. При этом выбор только 15,2 % связывался с активным участием в жизни страны, знать и беречь национальные традиции определили в качестве ответа 34,7 % [21, с. 10].

В свою очередь, данные социологического исследования, которое проводилось в 2024 г. Институтом социологии Национальной академии наук Беларуси с выборочной совокупностью 900 респондентов, представляющих все областные центры и город Минск, свидетельствуют о формировании политической составляющей патриотизма белорусов. Ответы на вопрос «Что для Вас значит быть патриотом Беларуси?» распределились следующим образом: уважение государственной символики и истории Беларуси (62,9 %), желание жить и работать в Беларуси (60,9 %), быть преданным родной земле и народу (59,0 %). Для 56,7 % белорусов ярким индикатором права называться патриотом является готовность защищать свою страну. Любовь к национальной культуре и языку свидетельствует о патриотических чувствах для 56,0 % опрошенных. По мнению 47,3 % участников опро-

са, патриотизм основан на верности своему государству, а для 43,2 % – на тесной связи с людьми своей национальности и активных действиях во благо своей страны (43,0 %) [7]. История национальной государственности белорусов формирует правовые традиции, в данном случае патриотизма, в культурном и политическом измерении, которые могут рассматриваться как составная часть общей культуры. Они имеют то же смысловое значение, что традиции в целом, представляют собой механизм сохранения культурных констант общественного развития в правовой сфере.

А. И. Гусейнов для характеристики качественной правовой культуры вводит понятие «культура права», под которой понимается «стиль и мера освоения и утверждения правовых ценностей и их носителей, цель и задачи права, характер самого правопонимания в обществе, выраженного прежде всего в правовом мышлении, правовом опыте и правовой деятельности» [2]. В данном контексте можно говорить о национальном правовом мышлении как отражении особенностей национального правового менталитета, исторически сформированном в рамках государственных образований правового опыта, характерных особенностях организации правовой деятельности в рамках отдельных правовых систем в качестве факторов, устанавливающих отличительные характеристики правовой культуры общества. Например, по результатам социологических исследований выявлено следующее соотношение правосодержащих ментальных характеристик белорусов с элементами законопослушания, справедливости и сопричастности. Полученные данные представлены с позиций идеальной оценки и самооценки респондентов: законопослушание – 84,0 % и 22,8 %, уважение традиций – 86,9 % и 42,1 %, духовность – 57,9 % и 35,9 % соответственно [11, с. 295]. Значительный разрыв идеальной модели и реальности в обозначенный период определил направления формирования и организации правовой политики государства, в том числе разработку концепций правового воспитания. В данной связи аксиологический «...анализ правовой культуры необходим для того, чтобы сначала выделить и описать правовые ценности, идеалы и образцы, к которым следует стремиться законодателю, правоприменителю, гражданину и обществу в целом, а затем, оценив с этой точки зрения реальное состояние дел, искать пути и средства достижения намеченных идеалов построения правового государства и общества, в котором обеспечиваются соответствующие его экономическому и духовному строю права и свободы человека» [12, с. 333]. Правовые законы призваны отвечать требованиям права и воплощать правовую справедливость с учетом нравственной шкалы справедливости [17, с. 228]. В обосновании С. Г. Дробязко право как метасистема, надсистема, суперси-

стема, аккумулирующая в себе все социально значимые системы, призвано интегрировать ценности самого права, его принципов, ценности других социальных регуляторов и регулируемых им сфер общественных отношений [6, с. 29]. Фиксация посредством права общепризнанной справедливости устанавливает роль ценностного рассмотрения правовой культуры.

В реализации деятельностного подхода в исследовании правовой культуры требует учета содержательное понимание деятельности в качестве объяснительного принципа в соответствии с философско-методологическим содержанием данного понятия исходя из специфики деятельности в качестве предмета объективного научного изучения, а также как предмета управления и проектирования, ее ценности в различных системах культур [22, с. 66]. Правовая культура в качестве объекта изучения предполагает проведение различий деятельности в непосредственно в правовой сфере и связанных с правовой. В данном случае можно вести речь о правовой культуре как выражении государственно-правового опыта тех или иных социальных общностей, отдельных индивидов, что находит отражение в их правовых навыках, фиксируется посредством правового общения. Особые требования предъявляются к уровню профессионального правового сознания и правовой культуры всех категорий должностных лиц, а также населения в целом, что связано с наличием в системе государственной власти представительных органов (в Республике Беларусь – это Всебелорусское народное собрание, Национальное собрание в составе Палаты представителей и Совета Республики, местные советы депутатов). В совокупности с качеством правового образования, критерием которого выступает системность и всеобъемлющий характер, это является важнейшим условием правового функционирования социума.

Результаты. Проведенный анализ позволяет сделать вывод о возможности выделения в рамках

обозначенных подходов к исследованию правовой культуры в правоведении следующих критериев развитости и сформированности правовой культуры общества: проявленное в национальном правовом менталитете принятие социумом духовной ценности права, эффективное функционирование государственных правовых учреждений в силу правового характера их существования и сформированности правового сознания и правовой культуры прежде всего государственных должностных лиц, а также всего населения. Обеспечение верховенства права в системе социальных регуляторов определяется принятием и действием правовых законов, что значимо в контексте отождествления права со справедливостью.

Концептуальное постижение правовой культуры современного белорусского общества посредством установления условий и факторов ее формирования, сущностной характеристики ее структурных элементов как системного образования, выявления идей, лежащих в основании понимания данного социально-правового феномена и особенностей его функционирования на национальном уровне выступает в качестве важнейшей теоретической задачи, стоящей перед современными исследователями. Фиксация в национальном праве системы общественных ценностей, закрепление в общественном правовом сознании смыслов правового функционирования белорусского социума посредством оформления правовой идеологии с учетом особенностей национального правового менталитета и его проявлений, обеспечение высокого уровня профессионального правового сознания государственных должностных лиц и населения в целом в совокупности призваны способствовать достижению устойчивости общественных отношений, эффективной организации правового взаимодействия внутри страны и на международной арене.

Литература

1. Глобальные проблемы и общечеловеческие ценности / пер. с англ. и франц. / сост. С. И. Василенко, В. Е. Ермолаева, введ. ст. Ю. А. Шрейдера. М.: Прогресс, 1990. 495 с.
2. Гусейнов А. И. Право как феномен культуры // Энциклопедия «Известные ученые». URL: https://famous-scientists.ru/dissertation/683?utm_source=google.com&utm_medium=organic&utm_campaign=google.com&utm_referrer=google.com (дата обращения: 11.06.2025).
3. Демидова И. А. Правовая культура современного белорусского общества: методология исследования, вопросы понимания и совершенствования: монография. Могилев: Могилев. ин-т МВД, 2021. 396 с.
4. Демидова И. А. Правовая культура публичных должностных лиц органов местного управления и самоуправления: монография. Могилев: МГУ им. А. А. Кулешова, 2011. 184 с.
5. Дробязко С. Г., Козлов В. С. Общая теория права: учеб. пособие для вузов. 6-е изд., испр. Минск: Амалфея, 2013. 496 с.
6. Дробязко С. Г. Современное правопонимание и его акценты // Право и современность: сборник научных трудов. Минск: БГУ, 1998. С. 26–30.
7. Единство и патриотизм в оценках белорусов (ко Дню народного Единства) // Экспертное мнение. Аналитика. URL: <https://socio.bas-net.by/edinstvo-i-patriotizm-v-otsenkah-belorusov-ko-dnyu-narodnogo-edinstva/> (дата обращения: 15.06.2025).
8. Зорченко Е. А. Воспитание правовой культуры молодежи. Минск: Беларусь, 1986. 80 с.
9. Зорченко Е. А. Правовая культура в условиях формирования социалистического правового государства (по материалам БССР): учебное пособие. Минск: РМ ИПК, 1990. 80 с.
10. Зорченко Е. А. Формирование правовой культуры трудящихся / науч. ред. В. П. Казимирчук. Минск: Наука и техника, 1984. 128 с.

11. Кириленко В. В. Белорусская ментальность: истоки, современность, перспективы: монография. Гомель: ГГТУ им. П. О. Сухого, 2009. 319 с.
12. Комаров С. А. Общая теория государства и права: учебник. М.: Юрайт, 1998. 411 с.
13. Малахов В. П. Философия права: учеб. пособие. М.: Академический Проект; Екатеринбург: Деловая книга, 2002. 448 с.
14. Момджян К. Х. О проблеме общечеловеческих ценностей // Вопросы философии. 2020. № 3. С. 25–41.
15. Петручак Л. А. Правовая культура как детерминанта современного российского общества: монография. М.: Юриспруденция, 2012. 400 с.
16. Семитко А. П. Правовая культура социалистического общества: сущность, противоречия и прогресс. Свердловск: Изд-во Урал. ун-та, 1990. 176 с.
17. Сильченко Н. В. Законы правовые и неправовые, нравственные и аморальные // Сохраняя прошлое, определяя настоящее, предвосхищая будущее: сб. научн. трудов, посвящ. 90-летию д-ра юрид. наук, проф., засл. деятеля науки Республики Беларусь А. В. Дулова. Минск: Бизнесофсет, 2014. С. 227–229.
18. Сильченко Н. В. Социальные координаты и идентификация национальной правовой системы // Журнал российского права. 2016. № 6. С. 5–15.
19. Сокал С. Ф. Кароткі агляд гісторыі палітычнай і прававой думкі Беларусі: лекц. матэрыял. Магілёў: Абласная друкарня, 1999. 142 с.
20. Теория государства и права: курс лекций / под ред. Н. И. Матузова, А. В. Малько. М.: Юрист, 1997. 672 с.
21. Ценностный портрет современного белорусского общества. Аналитический проект. Минск: Друк-С, 2021. 55 с.
22. Юдин Э. Г. Деятельность как объяснительный принцип и как предмет научного изучения // Вопросы философии. 1976. № 5. С. 65–78.
23. Юдин Э. Г. Методология науки. Системность. Деятельность. М.: Эдиториал УРСС, 1997. 444 с.

References

1. Global problems and universal values: trans. from English and French. Compiled by SI. Vasilenko, VE. Ermolaeva, intro. art. YuA. Shreider. Moscow: Progress; 1990. 495 p. (In Russ.).
2. Guseinov AI. Law as a cultural phenomenon in Encyclopedia «Famous scientist». Available from: https://famous-scientists.ru/dissertation/683?utm_source=google.com&utm_medium=organic&utm_campaign=google.com&utm_referer=google.com [Accessed 11 June 2025]. (In Russ.).
3. Demidova IA. Legal culture of modern Belarusian society: research methodology, issues of understanding and improvement: monograph. Mogilev: Mogilev institute of MIA publ.; 2021. 396 p. (In Russ.).
4. Demidova IA. Legal culture of public officials of local government and self-government bodies: monograph. Mogilev: Mogilev State University named after AA. Kuleshov; 2011. 184 p. (In Russ.).
5. Drobiazko SG, Kozlov VS. General theory of law: textbook. Manual for universities. 6th ed., corrected. Minsk: Amalfeya; 2013. 496 p. (In Russ.).
6. Drobiazko SG. Modern legal understanding and its accents // Law and modernity: collection of scientific papers. Minsk: BSU publ.; 1998. P. 26-30. (In Russ.).
7. Unity and patriotism in the assessments of Belarusians (for the Day of National Unity) in Expert opinion. Analytics. Available from: <https://socio.bas-net.by/edinstvo-i-patriotizm-v-otsenkah-belorusov-ko-dnyu-narodnogo-edinstva/> [Accessed 15 June 2025]. (In Russ.).
8. Zorchenko EA. Education of the legal culture of youth. Minsk: Belarus; 1986. 80 p. (In Russ.).
9. Zorchenko EA. Legal culture in the conditions of formation of the socialist legal state (based on the materials of the BSSR): textbook. manual. Minsk: RM IPK; 1990. 80 p. (In Russ.).
10. Zorchenko EA. Formation of the legal culture of workers; scientific / ed by VP. Kazimirchuk. Minsk: Science and Technology; 1984. 128 p. (In Russ.).
11. Kirilenko VV. Belarusian mentality: origins, modernity, prospects: monograph. Gomel: GGTU named after PO. Sukhoi; 2009. 319 p. (In Russ.).
12. Komarov SA. General theory of state and law: textbook. Moscow: Yurait; 1998. 411 p. (In Russ.).
13. Malakhov VP. Philosophy of law: textbook. manual. Moscow: Academicheskyy Proekt; Yekaterinburg: Delovaia kniga; 2002. 448 p. (In Russ.).
14. Momdzhyan KKh. On the problem of universal human values. Questions of philosophy. 2020;(3):25-41. (In Russ.).
15. Petrushak LA. Legal culture as a determinant of modern Russian society: monograph. Moscow: Jurisprudence; 2012. 400 p. (In Russ.).
16. Semitko AP. Legal Culture of Socialist Society: Essence, Contradictions, and Progress. Sverdlovsk: Ural University Press; 1990. 176 p. (In Russ.).
17. Silchenko NV. Legal and Non-Legal, Moral and Immoral Laws in Preserving the Past, Defining the Present, Anticipating the Future: A Collection of Scientific Papers Dedicated to the 90th Anniversary of D-r of Law, Prof., Honored Scientist of the Republic of Belarus AV. Dulova. Minsk; 2014. P. 227-229. (In Russ.).
18. Silchenko NV. Social Coordinates and Identification of the National Legal System. Journal of Russian Law. 2016;(6):5-15. (In Russ.).
19. Sokal SF. Brief overview of the historical political and legal thought of Belarus: lecture materials. Moscow: Regional Press; 1999. 142 p. (In Belaruss.).
20. Theory of state and law: lecture course / ed by NI. Matuzov, AV. Malko. Moscow: Jurist; 1997. 672 p. (In Russ.).
21. Value portrait of modern Belarusian society. Analytical project. Minsk: Druk-S; 2021. 55 p. (In Russ.).
22. Yudin EG. Activity as an explanatory principle and as an object of scientific study. Questions of philosophy. 1976;(5):65-78. (In Russ.).
23. Yudin EG. Methodology of science. Systematicity. Activity. Moscow: Editorial URSS; 1997. 444 p. (In Russ.).

Научная статья

УДК 349.6

<https://doi.org/10.37493/2409-1030.2025.3.16>

ЗЕМЕЛЬНЫЙ УЧАСТОК КАК ПРАВОВАЯ КАТЕГОРИЯ

Станислав Юрьевич Королёв

Саратовский филиал Института государства и права Российской академии наук (д. 135, ул. Чернышевского, Саратов, 410028, Российская Федерация)
Кандидат юридических наук, доцент
skorolev1976@mail.ru, <https://orcid.org/0009-0006-2458-2895>

Аннотация. Введение. Земельный участок как правовая категория занимает центральное место в системе современных правоотношений. Его системообразующая роль в земельном правопорядке объясняется уникальностью, которая заключается в том, что одно понятие объединило в себе экономическую ценность, экологическую уязвимость и социальную значимость. **Материалы и методы.** Проведению исследования строилось на применении формально-юридического, логического и системно-структурного метода, а также общенаучных методов (анализ, синтез, диалектический метод). Сформулированные выводы основаны на изучении научной литературы, где рассматривались проблемные вопросы обсуждаемой темы. **Анализ.** Основными направлениями анализа являются некоторые недостатки законодательно закрепленного понятия земельного участка. **Результаты.** Выявленные недостатки обусловлены в первую очередь односторонним подходом законодателя как к понятию земли, так и к понятию земельного участка (за-

крепление получила только их хозяйственная ценность, ценность как средства производства). В связи с этим необходима коррекция законодательства в части представленных в ст. 6 Земельного кодекса РФ и ст. 141.2 Гражданского кодекса РФ определений земельного участка.

Ключевые слова: земельный фонд, устойчивое развитие, рациональное землепользование, правовое регулирование, земельный участок, модернизация правовой системы, правовые основы, современные вызовы и угрозы

Для цитирования: Королёв С. Ю. Земельный участок как правовая категория // Гуманитарные и юридические исследования. 2025. Т. 12. № 3. С. 483–488. <https://doi.org/10.37493/2409-1030.2025.3.16>

Конфликт интересов: автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Статья поступила в редакцию: 21.02.2025.

Статья одобрена после рецензирования: 13.04.2025.

Статья принята к публикации: 28.08.2025.

Research article

THE LAND PLOT AS A LEGAL CATEGORY

Stanislav Yu. Korolev

Saratov Branch of the Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences (135, Chernyshevsky str., Saratov, 410028, Russian Federation)
Cand. Sci. (Law), Associate Professor
skorolev1976@mail.ru, <https://orcid.org/0009-0006-2458-2895>

Abstract. Introduction. The land plot as a legal category occupies a central place in the system of modern legal relations. Its system-forming role in the land law and order is explained by the uniqueness, which lies in the fact that one concept combines economic value, environmental vulnerability and social significance. **Materials and methods.** The research was facilitated by the use of formal-legal, logical and system-structural methods, as well as general scientific methods (analysis, synthesis, dialectical method). The formulated conclusions are based on the study of scientific literature, where the problematic issues of the proposed topic were considered. **Analysis.** The main directions of the analysis are some disadvantages of the legally fixed concept of a land plot. **Results.** The identified shortcomings are primarily due to the legislator's one-sided approach to the concept of land (only the economic value of land, the value of land as a means of production, was consolidated).

Введение. Земельный участок как правовая категория занимает центральное место в системе современных правоотношений. Он выступает не только объектом имущественных сделок, но и основой для формирования социально-экономических, экологических и градостроительных норм. Его уникальность заключается в сочетании экономической ценности, экологической уязвимости и социальной значимости, что требует баланса между частными интересами собственников и

In this regard, it is necessary to correct the legislation regarding the definitions of the land plot presented in art. 6 of the Land Code of the Russian Federation and art. 141.2 of the Civil Code of the Russian Federation.

Keywords: land fund, sustainable development, rational land use, legal regulation, land, modernization of the legal system, legal foundations, modern challenges and threats

For citation: Korolev SYu. The land plot as a legal category. Humanities and law research. 2025;12(3):483-488. (In Russ). <https://doi.org/10.37493/2409-1030.2025.3.16>

Conflict of interest: the author declares no conflicts of interests.

The article was submitted: 21.02.2025

The article was approved after reviewing: 13.04.2025.

The article was accepted for publication: 28.08.2025.

публичными задачами государства, а изучение земельного участка через призму права требует междисциплинарного подхода, объединяющего гражданское, земельное, экологическое, административное законодательство, водное, лесное и т. д. Все это в совокупности подчеркивает его системообразующую роль в существующем правопорядке.

Исторически земля была и остается ключевым элементом общественного развития. От

античных времен, когда владение землей определяло социальный статус, через феодальные отношения с их иерархией земельной собственности до современных рыночных моделей, где участок становится товаром с высокой степенью правовой регламентации, – эволюция земельных отношений отражает трансформацию государственных и экономических систем. В XX–XXI вв. на фоне глобализации и урбанизации правовое регулирование земельных участков усложнилось, включив аспекты устойчивого развития, экологического баланса и публичных интересов, что делает их анализ особенно актуальным.

Актуальность исследования обусловлена рядом вызовов современности: ростом конфликтов между частными и публичными интересами в землепользовании, необходимостью баланса между экономическим освоением территорий и экологической безопасностью, а также цифровизацией кадастровых процессов, трансформирующей традиционные подходы к регистрации права собственности, владения, пользования. Кроме того, в условиях изменения климата и деградации земель переосмысление правовых механизмов управления участками становится императивом для устойчивого развития и государства, и общества.

Теоретическая значимость темы связана с дискуссиями в юридической доктрине о природе земельного участка. Одни исследователи акцентируют внимание на его вещно-правовых характеристиках, другие – на функциональной роли в публично-правовом регулировании. Целью статьи является комплексный анализ понятия земельного участка как правовой категории, выявление его специфики в системе современных правоотношений.

Материалы и методы. Поставленные в ходе исследования задачи были реализованы

при помощи формально-юридического метода, который позволил рассмотреть и детально проанализировать имеющийся правовой материал в рассматриваемой области, как в России, так и за рубежом. Кроме того, были применены логический и системно-структурный методы. Логический метод задействован для изучения закономерностей становления рассматриваемого понятия. Системно-структурный метод был востребован для исследования структуры нормативно-правового регулирования. В ходе исследования также применялись общенаучные методы (анализ, синтез, диалектический метод). Сделанные выводы основаны на изучении научной литературы, где рассматривались наиболее проблемные вопросы.

Анализ. С юридической точки зрения земельный участок определяется как часть земной поверхности, индивидуализированная посредством установления границ [2, ст. 6; 1, ст. 141.2]. Такое определение можно считать отправной точкой для понимания его многогранности. Аналогичные нормы присутствуют в законодательстве многих стран, что подтверждает общий подход к самому понятию «земельный участок». Так, в Германии, Франции, США, Китае земельный участок по своей сути (правовой природе) является недвижимостью, которая подлежит кадастровому учету. Отличие состоит в расширенном плоскостно-поверхностном понимании земельного участка как средства производства и пространственного территориального базиса. Для западной юридической практики это не только поверхность земли с установленными границами, но и недра, а также воздушное пространство над поверхностью. В некоторых европейских юрисдикциях (Испания, Голландия, Италия, Франция) не делается различия между понятиями «земля» и «земельный участок».

Таблица 1 / Table 1

Сравнительная таблица правового режима земельных участков в России, ЕС, США и Китае / Comparative table of the legal regime of land plots in Russia, the EU, the USA and China

Критерий	Россия	ЕС	США	Китай
1	2	3	4	5
Право собственности	Частная, государственная, муниципальная. Иностранцы ограничены в покупке земель сельскохозяйственного назначения, земель на приграничных территориях	Частная, государственная. Иностранцы могут владеть с ограничениями (зависит от страны)	Частная доминирует. Иностранцы могут покупать, но есть ограничения в некоторых штатах	Государственная собственность. Частные лица получают право пользования
Категории земель	7 категорий по законодательству РФ: земли сельскохозяйственного назначения, земли населенных пунктов, и др.	Зонирование по назначению: жилая, коммерческая, охраняемые территории	Зонирование местными органами: жилое, коммерческое, сельскохозяйственное	3 основные категории: сельскохозяйственные, земли под застройку, неиспользуемые земли
Регулирование использования	Целевое назначение, разрешенное использование, градостроительные регламенты	Строгое зонирование, охрана исторических объектов	Система зонирования, сервитуты, eminent domain (изъятие для общественных нужд)	Жесткий государственный контроль, разрешения на использование

1	2	3	4	5
Экологические нормы	Оценка воздействия на окружающую среду (ОВОС) для крупных проектов, но слабое регулирование в ряде случаев	Высокие стандарты по оценке воздействия на окружающую среду	NEPA (National Environmental Policy Act) – обязательная оценка воздействия, экологические сертификаты	Растущие требования, «зелёные» инициативы (например, углеродная нейтральность к 2060 году)
Процедура регистрации	ЕГРН, обязательный кадастровый учет	Национальные кадастры (например, Grundbuch в Германии)	Система Torrens или recordingacts (зависит от штата)	Единая система регистрации прав, обязательное государственное одобрение

Российское законодательство предусматривает несколько способов образования земельных участков:

- 1) раздел земельных участков;
- 2) объединение земельных участков;
- 3) перераспределение земельных участков;
- 4) выдел земельных участков;
- 5) образование земельных участков из государственной или муниципальной.

Отдельно следует упомянуть о таком способе образования земельного участка, как создание искусственного земельного участка [2, п. 1 ст. 11.2]. Искусственный земельный участок представляет собой сооружение, созданное на водном объекте, находящемся в федеральной собственности, путем намыва или отсыпки донного грунта, или с использованием иных технологий [6, ч. 1 ст. 3]. На сегодняшний день в России присутствует несколько успешных проектов создания искусственных земельных участков, которые реализованы для различных целей: расширение городов, развитие портовой инфраструктуры, защита от наводнений и подготовка к крупным событиям. Вот основные из них:

- Морской фасад (Санкт-Петербург): крупнейший проект намыва территорий в Финском заливе для создания нового делового и жилого района. Площадь составила около 476 га;
- Порт Усть-Луга (Ленинградская область): намывные территории позволили создать один из крупнейших портов России на Балтийском море;
- Защитные сооружения Санкт-Петербурга (Комплекс против наводнений): включает 11 искусственных островов, дамбы и водопропускные сооружения;
- Порт Сабетта (Ямало-Ненецкий АО): создание искусственных участков для порта, обслуживающего проект «Ямал СПГ»;
- Владивосток (Саммит АТЭС-2012): намывные территории для строительства мостов, кампуса ДВФУ на острове Русский;
- Зенит-Арена (Санкт-Петербург): участок вокруг стадиона частично сформирован с использованием намывных технологий.

Несмотря на то, что эти примеры демонстрируют разнообразие подходов к расширению территорий в условиях роста городов и эконо-

мики, в нашей стране создание искусственного земельного участка – это частный случай, который на сегодняшний день не получил широкого распространения. А многие проекты, особенно в Санкт-Петербурге, вызывают споры из-за воздействия на сложившиеся экосистемы.

Само понятие «земельный участок» не является однородным. Н. Н. Мельников выделяет следующие виды участков:

- многоконтурные участки;
- искусственные участки;
- участки общего пользования;
- участки, занятые линейными объектами;
- ранее учтенные участки, обычные участки [5, с. 3–8].

Земельный участок можно рассматривать как:

- объект гражданских прав. Он может быть предметом купли-продажи, аренды, залога, наследования;

- элемент территориального планирования. Его использование связано с зонированием, градостроительными регламентами и публичными ограничениями;

- природный ресурс. Правовой режим участка часто обусловлен необходимостью сохранения плодородия почв, защиты водных объектов или биоразнообразия.

Каждый земельный участок, независимо от того, в результате чего он был образован, имеет индивидуальные характеристики (сведения о нем), определяющие его как объект недвижимости. Они могут быть как основными, так и дополнительными. Основные сведения определяются и изменяются в результате образования земельных участков и уточнения местоположения их границ. Указанные сведения вносятся в кадастр недвижимости на основании межевого плана и карты – плана территории. Дополнительные сведения изменяются на основании решений органов государственной власти или органов местного самоуправления. Так, к основным сведениям, характеризующим земельный участок, относятся: кадастровый номер и дата его присвоения; описание местоположения границ земельного участка; присвоенный ранее государственный учетный номер (при наличии); кадастровый номер земельного участка, из которого в результате раздела, выдела или иного

действия, образован новый земельный участок; сведения о прекращении существования земельного участка и дата снятия с государственного кадастрового учета; площадь земельного участка; данные о кадастровом инженеру, выполнявшего в отношении земельного участка кадастровые работы. К дополнительным сведениям относятся: сведения о кадастровой стоимости земельного участка; сведения о природных объектах (лесах, водоемах и т. д.), расположенных в границах земельного участка; целевое назначение земельного участка; виды разрешенного использования земельного участка; сведения о том, что земельный участок расположен в границах зон с особыми условиями использования территории, публичного сервитута, особо охраняемой природной территории, в границах особой экономической зоны и т. д.; и другие.

Правовой режим земельного участка определяется в соответствии с его целевым назначением и разрешенным использованием, включает в себя установленный законодательством порядок возникновения и прекращения прав на него, а также особенности использования.

Возвращаясь непосредственно к определению земельного участка, следует сказать следующее. В соответствии со ст. 6 Земельного кодекса РФ земельный участок является недвижимой вещью, которая представляет собой часть земной поверхности и имеет характеристики, позволяющие определить ее в качестве индивидуально определенной вещи [2]. Гражданский кодекс РФ дает более лаконичное определение – «земельным участком признается часть поверхности земли, границы которой определены в порядке, установленном законом» [1]. Оба определения характеризуют земельный участок как объект права собственности.

Сегодня вполне уместно будет вспомнить слова В. В. Библина о том, что в вопросах собственности, особенно в эпоху нынешней приватизации, главным кажется ее захват. Собственность, говорил он, это не значит только набить карманы, зарегистрировать титул в государственном реестре и почивать на лаврах или стричь купоны. Это значит дать вещи стать, собственно, ее самой и дать самому себе стать, собственно, собой. И быть захваченным этим процессом. Собственность, пишет В. В. Библин, это качество того, «что вернулось к тебе и стало собственно своим». Например, земля становится собой, когда ею пользуются как землей, а не как просто пространством для перепродажи и прибыли [12, с. 86].

Таким образом, если говорить об определении земельного участка с точки зрения его полноты и глубины восприятия необходимо начать с истоков его сущности. А таким началом является земля как природный объект и природный ресурс. Однако здесь мы стал-

киваемся с существующей отдельной проблемой действующего законодательства, которая заключается в отсутствии легального определения земли как природного объекта и природного ресурса. Национальный стандарт РФ ГОСТ 59055-2020 «Охрана окружающей среды. Земли. Термины и определения», утвержденный в 2020 г., содержит понятие «земли», подразумеваемая под этим значительную по площади территорию, на которой могут быть представлены разные типы почв, но имеющую конкретное хозяйственное назначение [7]. Как мы видим, закрепление получила только хозяйственная ценность земли (ценность земли как средства производства). Значение земли как природного ресурса осталось за рамками представленного определения.

Вполне возможно, что именно этот факт является причиной того, что «определение земельного участка в качестве индивидуально определенной вещи не учитывает природные свойства участка, которые являются неотъемлемой характеристикой данного объекта» [5, с. 117]. В то же время «в соответствии со ст. 261 ГК РФ объектом, на который распространяются права собственности собственника земельного участка, является почва, выступающая компонентом окружающей среды, подлежащим публичной охране со стороны государства; собственнику участка также принадлежат находящиеся в его границах водные объекты. В правовых позициях судов подчеркивалось, что изменение местоположения границ земельного участка не влечет прекращения существования объекта, каковым является часть земной поверхности – природный объект» [5, с. 117].

Косвенно на взаимосвязь земельного участка с окружающей средой указывают нормы Федерального закона «О государственной регистрации недвижимости». Так, п. 5 ст. 8 указанного нормативного акта называет в качестве дополнительных сведений об объекте недвижимого имущества, подлежащих внесению в кадастр недвижимости сведения о лесах, водных объектах и об иных природных объектах, расположенных в границах земельного участка [8]. Другими словами, в кадастр недвижимости подлежат внесению сведения о наличии на земельном участке некой естественной экологической системы, под которой понимается объективно существующая часть природной среды, имеющая пространственно-территориальные границы и в которой живые (растения, животные и другие организмы) и неживые ее элементы взаимодействуют как единое функциональное целое и связаны между собой обменом веществом и энергией [9]. Наглядным примером могут служить земли сельскохозяйственного назначения. Спецификой данной категории земельных участков является то, что наряду с использованием земли как средства производства земель-

ные участки выступают местом сосредоточения различного рода объектов животного и растительного мира. Неправильное использование, превышение концентрации, отсутствие должного контроля при применении удобрений, ядохимикатов и т. д. приводит не только к деградации земельного фонда, но и причинению вреда окружающей среде в целом. Так, в 2022 г. в Ставропольском крае случилась массовая гибель зайцев и птиц. То же самое наблюдалось и в Ростовской области. Причиной, по данным органов Россельхознадзора, стало несоблюдение технологии применения хозяйствующими субъектами ядохимикатов [3]. Этот пример показывает, что земельный участок и сформировавшаяся на нем экологическая система, невозможно рассматривать отдельно друг от друга, а следовательно, эту целостность необходимо отражать в законодательно закреплённом определении.

Таким образом, представленные в законодательстве дефиниции земельного участка следует признать неполными и требующими корректировки в контексте отражения в них соответствующих указаний на присутствие определённых естественных экологических систем. Например, «земельный участок является недвижимой вещью, которая представляет собой часть земной поверхности со сформированной экологической системой и имеет характеристики, позволяющие определить ее в качестве индивидуально определенной вещи». Или «земельным участком признается часть поверхности земли со сформированной экологической системой, границы которой определены в порядке, установленном законом». Это применимо ко всем земельным участкам, в том числе и на землях населенных пунктов в рамках градостроительной деятельности. Предложенные изменения на первый взгляд кажутся незначительными, но в то же время весьма важными для переосмысления самого понятия земельного участка. Во-первых, не теоретически, а именно законодательно будет закреплена непосредственная взаимосвязь использования земельного участка с качеством окружающей среды. Во-вторых, что представляется еще более важным, это послужит существенным импульсом к изменению действующей формы взаимодействия с природой с деградационного природопользования (осуществляемого в нарушение законодательно закреплённых экологических требований и приводящего к гибели экологических систем или их составляющих [4]) на сба-

лансированное. Именно такие цели ставят Стратегия национальной безопасности Российской Федерации [10], Доктрина продовольственной безопасности Российской Федерации [11] и другие политико-правовые акты.

Результаты. Земельный участок как правовая категория представляет собой сложный объект земельных правоотношений. Его можно рассматривать как недвижимое имущество (при совершении сделок), как средство производства в сельском и лесном хозяйстве, как пространственно-территориальный базис для размещения зданий, строений, сооружений. Таким образом, это понятие попадает в поле зрения различных отраслей права (гражданского, земельного, экологического, административного и т. д.). Определение земельного участка содержат и Земельный кодекс РФ, и Гражданский кодекс РФ. Но, несмотря на такой междисциплинарный подход, ни в одном из представленных определений не указывается на взаимосвязь земельного участка и окружающей среды в целом, хотя этот факт представляется очевидным. Отсутствие такого указания делает дефиницию земельного участка односторонней и не соответствующей объективной действительности. Это, в свою очередь, формирует в обществе исключительно потребительское отношение к земле. Устранить сложившийся дисбаланс отчасти помогут предложенные изменения законодательства. В частности, такие как:

- внести изменения в ст. 6 Земельного кодекса РФ следующего характера: «земельный участок является недвижимой вещью, которая представляет собой часть земной поверхности со сформированной экологической системой и имеет характеристики, позволяющие определить ее в качестве индивидуально определенной вещи»;

- изменить формулировку ст. 141.2 Гражданского кодекса РФ в части определения земельного участка следующим образом: «земельным участком признается часть поверхности земли со сформированной экологической системой, границы которой определены в порядке, установленном законом».

Думается, что предложенные изменения будут еще одним шагом в направлении от деградационного землепользования к сбалансированному, то есть основанному не только на экономических законах, но и на законах природы. В перспективе это, несомненно, принесет пользу и обществу, и государству.

Литература

1. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30 ноября 1994 г. (в ред. от 8 августа 2024 г.) // Собр. законодательства Рос. Федерации. 1994. № 32, ст. 3301; 2024. № 33, ч. 1, ст. 4933.
2. Земельный кодекс Российской Федерации от 25 октября 2001 г. (в ред. от 20 марта 2025 г.) // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2001. № 44, ст. 4147; 2025. № 12, ст. 1202.
3. Информационный ресурс [iz.ru](https://iz.ru/1434929/katerina-medvedeva-anastasiia-platonova/ot-otravy-ne-uiti-pochemu-v-rostovskoi-oblasti-massovo-gibnut-zaitcy). URL: <https://iz.ru/1434929/katerina-medvedeva-anastasiia-platonova/ot-otravy-ne-uiti-pochemu-v-rostovskoi-oblasti-massovo-gibnut-zaitcy> (дата обращения: 02.02.2023)

4. Лунева Е. В. Эколого-правовое регулирование рационального природопользования: междисциплинарный аспект // Вестник университета имени О. Е. Кутафина (МГЮА). 2019. № 1. С. 143.
5. Мельников Н. Н. Объекты земельных правоотношений. М.: Инфра-М, 2024. 302 с.
6. Об искусственных земельных участках, созданных на водных объектах, находящихся в федеральной собственности, и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации: Федеральный закон от 19 июля 2011 № 246-ФЗ (в ред. от 25 декабря 2023 г.) // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2011. № 30, ч. 1, ст. 4594; 2024. № 1, ч. 1, ст. 3.
7. Об утверждении национального стандарта Российской Федерации: Приказ Федерального агентства по техническому регулированию и метрологии от 30 сентября 2020 г. № 707-ст. URL: docs.cntd.ru (дата обращения: 30.4.2025).
8. О государственной регистрации недвижимости: Федеральный закон от 13 июля 2015 № 218-ФЗ (в ред. от 25 февраля 2025 г.) // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2015. № 29, ч. 1, ст. 4344; 2025. № 9, ст. 861.
9. Об охране окружающей среды: Федеральный закон от 10 января 2002 № 7-ФЗ (в ред. от 08 августа 2024 г.) // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2002. № 2, ст. 133; 2024. № 33, ч. 1, ст. 4992.
10. О стратегии национальной безопасности Российской Федерации: Указ Президента РФ от 2 июля 2021 года № 400 // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2021. № 27, ч. 2, ст. 5351.
11. Об утверждении Доктрины продовольственной безопасности Российской Федерации: Указ Президента РФ от 21 января 2020 года № 20 (в ред. от 10 марта 2025 г.) // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2020. № 4, ст. 345; 2025. № 11, ст. 1136.
12. Хархордин О. Что такое собственность? // Forbes. 2009. Май. С. 86–88.

References

1. Civil Code of the Russian Federation (Part One) of November 30, 1994 (as amended on August 8, 2024) in Collection Legislation of the Russian Federation. 1994;(32):3301; 2024;33(1):4933. (In Russ.).
2. Land Code of the Russian Federation of October 25, 2001 (as amended on March 20, 2025). Collection. Legislation of the Russian Federation. 2001;(44):4147; 2025;(12):1202. (In Russ.).
3. Information resource iz.ru. Available from: <https://iz.ru/1434929/katerina-medvedeva-anastasiia-platonova/ot-otravy-ne-uiti-pochemu-v-rostovskoi-oblasti-massovo-gibnut-zaitcy> [Accessed 02 February 2023]. (In Russ.).
4. Luneva EV. Environmental and legal regulation of rational nature management: an interdisciplinary aspect. Bulletin of the O. E. Kutafin University (MGUA). 2019;(1):143. (In Russ.).
5. Melnikov NN. Objects of land legal relations. Moscow: Infra-M; 2024. 302 p. (In Russ.).
6. On artificial land plots created on water bodies in federal ownership, and on amendments to certain legislative acts of the Russian Federation: Federal Law of July 19, 2011 No. 246-FZ (as amended on December 25, 2023) in Collection legislation of the Russian Federation. 2011;30(1):4594; 2024;1(1):3. (In Russ.).
7. On approval of the national standard of the Russian Federation: Order of the Federal Agency for Technical Regulation and Metrology dated September 30, 2020 No. 707-art. Available from: On approval of the national standard of the Russian Federation dated September 30, 2020 – docs.cntd.ru [Accessed 30 April 2025]. (In Russ.).
8. On state registration of real estate: Federal Law of 13 July 2015 No. 218-FZ (as amended on 25 February 2025) in Collection Legislation of the Russian Federation. 2015;29(1):4344; 2025;(9):861. (In Russ.).
9. On environmental protection: Federal Law of 10 January 2002 No. 7-FZ (as amended on 08 August 2024) in Collection Legislation of the Russian Federation. 2002;(2):133; 2024;33(1):4992. (In Russ.).
10. On the National Security Strategy of the Russian Federation: Decree of the President of the Russian Federation of July 2, 2021 No. 400. In Collection Legislation of the Russian Federation. 2021;27(2):5351. (In Russ.).
11. On Approval of the Doctrine of Food Security of the Russian Federation: Decree of the President of the Russian Federation of January 21, 2020 No. 20 (as amended on March 10, 2025) in Collection Legislation of the Russian Federation. 2020;(4):345; 2025;(11):1136. (In Russ.).
12. Kharkhordin O. What is Property? Forbes. 2009;(May):86-88. (In Russ.).

Научная статья

УДК 343.378

<https://doi.org/10.37493/2409-1030.2025.3.17>

КОНТРАБАНДА В УГОЛОВНОМ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВЕ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ И РЕСПУБЛИКИ АРМЕНИЯ: ВОПРОСЫ УНИФИКАЦИИ

Вячеслав Викторович Лавринов

Ростовский филиал Санкт-Петербургской академии Следственного комитета (д. Зв, ул. Волоколамская, Ростов-на-Дону, 344064, Российская Федерация)

Ростовский филиал Российской таможенной академии (д. 20, пр-т Буденновский, Ростов-на-Дону, 344002, Российская Федерация)

Кандидат юридических наук, доцент

vvl-rostov@mail.ru, <https://orcid.org/0009-0005-9985-232X>

Аннотация. Введение. Противодействие таможенным правонарушениям осуществляется как на государственном, так и на межгосударственном уровнях. Одним из таких направлений является установление уголовной ответственности за совершение контрабанды. Однако подход к определению контрабанды и ее признаков неоднозначен в разных странах, в том числе входящих в ЕАЭС, что препятствует противодействию таможенной преступности. Имеющаяся проблема в виде наличия общего таможенного законодательства государств – членов ЕАЭС и различных подходов к определению контрабанды, в том числе в России и Армении, требует своего решения. **Материалы и методы.** Исследование построено на изучении, анализе и сравнительной характеристике норм уголовного законодательства Российской Федерации и Республики Армения, устанавливающих уголовную ответственность за совершение контрабанды, материалов судебной практики, работ специалистов, посвященных теме исследования. **Анализ.** В уголовном законодательстве Армении и России подходы к установлению уголовной ответственности за совершение контрабанды периодически изменяются как в определении видов контрабанды (в том числе отношение к экономической контрабанде), так и ее признаков, что не способствует надлежащему противо-

действию рассматриваемому таможенному правонарушению. **Результаты.** Автор приходит к выводу, что, несмотря на наличие общего таможенного законодательства, уголовно-правовые нормы двух государств – членов ЕАЭС (России и Армении), предусматривающие ответственность за контрабанду, имеют существенные различия, связанные с определением предмета контрабанды, что требует принятия дальнейших мер, направленных на их унификацию.

Ключевые слова: таможенные преступления, преступления против общественной безопасности, предмет преступления, контрабанда, экономическая контрабанда, таможенная граница, незаконное перемещение, таможенное законодательство

Для цитирования: Лавринов В. В. Контрабанда в уголовном законодательстве Российской Федерации и Республики Армения: вопросы унификации // Гуманитарные и юридические исследования. 2025. Т. 12. № 3. С. 489–495. <https://doi.org/10.37493/2409-1030.2025.3.17>

Конфликт интересов: автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Статья поступила в редакцию: 27.02.2025.

Статья одобрена после рецензирования: 18.04.2025.

Статья принята к публикации: 28.08.2025.

Research article

SMUGGLING IN THE CRIMINAL LEGISLATION OF THE RUSSIAN FEDERATION AND THE REPUBLIC OF ARMENIA: ISSUES OF UNIFICATION

Vyacheslav V. Lavrinov

Rostov Branch of the St. Petersburg Academy of the Investigative Committee (3B, Volokolamsk Str., Rostov-on-Don, 344064, Russian Federation)

Rostov Branch of the Russian Customs Academy (20 Budennovskiy ave., Rostov-on-Don, 344002, Russian Federation)

Cand. Sci. (Law), Associate Professor

vvl-rostov@mail.ru, <https://orcid.org/0009-0005-9985-232X>

Abstract. Introduction. Counteraction to customs violations is carried out both at the state and interstate levels. One of these areas is the establishment of criminal liability for smuggling. However, the approach to the definition of smuggling and its signs is ambiguous in different countries, including those that are members of the EAEU, which hinders the fight against customs crime. The existing problem in the form of common customs legislation of the EAEU member states and different approaches to the definition of smuggling, including in Russia and Armenia, requires a solution. **Materials and methods.** The research is based on the study, analysis and comparative characterization of the norms of the criminal legislation of the Russian Federation and the Republic of Armenia, which establish criminal liability for smuggling, materials of judicial practice, and the work of specialists devoted to the research topic. **Analysis.** In the criminal legislation of Armenia and Russia, approaches to establishing criminal liability for smuggling are periodically changed, both in defining the types of smuggling (including the attitude to economic smuggling) and its signs, which does not contribute to the proper counteraction of the customs offense in question.

Results. The author concludes that despite the existence of common customs legislation the criminal law norms of the two EAEU member states (Russia and Armenia), providing for responsibility for smuggling, have significant differences related to the definition of the contraband item, which requires further measures aimed at their unification.

Keywords: customs crimes, crimes against public safety, the object of the crime, smuggling, economic smuggling, customs border, illegal movement, customs legislation

For citation: Lavrinov VV. Smuggling in the criminal legislation of the Russian Federation and the Republic of Armenia: issues of unification. Humanities and law research. 2025;12(3):489-495. (In Russ). <https://doi.org/10.37493/2409-1030.2025.3.17>

Conflict of interest: the author declares no conflicts of interests.

The article was submitted: 27.02.2025

The article was approved after reviewing: 18.04.2025.

The article was accepted for publication: 28.08.2025.

Введение. Таможенная преступность обладает своей спецификой, сопряженной с особенностями таможенных правоотношений и их регулированием, которое в настоящее время осуществляется не столько на национальном уровне, сколько на наднациональном, что связано с появлением такого межгосударственного образования как Евразийский экономический союз (далее – ЕАЭС) с единым таможенным законодательством, включая Таможенный кодекс ЕАЭС (далее – ТК ЕАЭС). Наличие общих связей таможенного характера требует определенного взаимодействия между входящими в ЕАЭС странами, с учетом того, что таможенная сфера является достаточно уязвимой для совершения в отношении неё противоправных деяний [7], а таможенная преступность представляет угрозу национальной безопасности России [2] и других стран, в том числе входящих в ЕАЭС. Борьба с таможенными преступлениями является одной из насущных проблем государств – членов ЕАЭС и осуществляется на разных уровнях и в разных формах [5]. Наличие общего таможенного законодательства, необходимость совместного противодействия нарушениям таможенного законодательства предполагают и наличие у стран, входящих в ЕАЭС, общей уголовной политики в области борьбы с таможенными преступлениями, и соответственно, однородного уголовного законодательства, которое уже становилось предметом исследования отдельных авторов [2]. В связи с этим особую значимость приобретает изучение уголовно-правовых норм в этой сфере деятельности государств – членов ЕАЭС, изучение возможности их дальнейшего совершенствования и унификации, направленной на предупреждение и пресечение таможенных преступлений [6]. Целью исследования стало изучение и анализ норм уголовного законодательства России и Армении, устанавливающих ответственность за совершение контрабанды и ее отдельных видов, для установления возможности унификации уголовного законодательства двух стран в исследуемой области, способствующей противодействию таможенным преступлениям, в т. ч. контрабанды. Новизна исследования связана со сравнительным изучением норм уголовного законодательства России и Армении, имеющих относительно небольшой срок своего действия, и отсутствием иных научных исследований в рассматриваемой сфере.

Материалы и методы. В рамках исследования рассмотрены уголовно-правовые нормы двух стран, устанавливающие запрет на совершение экономической контрабанды. Исследование проведено с использованием диалектического метода научного познания, методов синтеза, индукции и дедукции. Объектом исследования выступают общественные отношения, связанные с установлением в России и Армении

уголовной ответственности за совершение контрабанды неэкономического и экономического характера. Особое внимание уделено методу сравнительного правоведения, что позволило надлежащим образом провести сравнение смежных уголовно-правовых норм двух стран.

Анализ. Контрабанда, являясь одним из наиболее распространенных и опасных таможенных преступлений, причиняет вред обществу и государству в различных сферах – безопасности, экономики и т. п., и имеет при этом ряд особенностей. Нормы, устанавливающие ответственность за ее совершение, относятся к категории бланкетных, и при правоприменении требуется обращаться не только к нормам уголовно-правового характера, но и к таможенному законодательству. Учитывая, что контрабанда причиняет ущерб таможенным отношениям, она представляет опасность не только для одной страны, но и одновременно для нескольких. Эффект усиливается в том случае, если страны имеют общее таможенное законодательство. В первую очередь мы говорим о государствах – членах ЕАЭС. Общее таможенное законодательство предполагает наличие общих мер для его защиты, включая уголовно-правовые меры. Осознавая в большинстве случаев невозможность идентичного уголовного законодательства (хотя такие прецеденты имеются, например, в случае России и Южной Осетии), тем не менее возможна и желательна ориентация на наличие общего вектора в уголовной политике в данном направлении.

В настоящее время существуют разные подходы к установлению ответственности за контрабанду, в том числе определяющие, какие именно деяния считать уголовно наказуемой контрабандой, о чем автором указывалось ранее [7]. Данные обстоятельства существенно осложняют борьбу с таможенными преступлениями, в том числе с контрабандой и ее отдельными видами. Следует отметить, что уголовное законодательство государств – членов ЕАЭС также регулярно модифицируется и не всегда с учетом положений уголовного права иных государств – членов ЕАЭС, что также осложняет противодействие совершению таможенных преступлений.

Особенно это становится заметным при проведении сравнительного анализа, связанного с изучением норм уголовного законодательства России и Армении, устанавливающих ответственность за контрабанду. Сравнение особенностей законодательства именно этих стран в рассматриваемой сфере обусловлено, с одной стороны, тем, что, к сожалению, объем статьи не позволяет произвести одновременный анализ таких норм всех пяти стран, входящих в ЕАЭС, а с другой – тем, что уголовное законодательство Республики Армения, в отличие от иных стран – членов ЕАЭС, в том числе российского, претерпело существенные изменения в недавнем времени.

До 01.07.2022 в Республике Армения действовал Уголовный кодекс, принятый 18.04.2003 (далее – УК РА 2003 года), а с 01.07.2022 введен в действие новый Уголовный кодекс Республики Армения, принятый 05.05.2021 (далее – УК РА). До настоящего времени перечень исследований УК РА 2021 г. с использованием метода сравнительного анализа крайне мал, а исследования норм УК РА 2021 г., предусматривающих уголовную ответственность за контрабанду, вообще отсутствуют. Ранее автором рассматривались вопросы сравнительной характеристики контрабанды (в том числе её предмета), наказуемой по законодательству России и Армении, но с учетом УК РА 2003 г. [8]. В УК РА подход к пониманию контрабанды изменился, что влечет за собой насущную необходимость установления сходства и различий в законодательстве двух государств – членах ЕАЭС, для рассмотрения возможности унификации уголовной ответственности за совершение рассматриваемого таможенного правонарушения и внесения рекомендаций в указанном направлении, учитывая, что подобная унификация является одним из важнейших условий для борьбы с таможенными преступлениями, на что неоднократно указывалось в научных исследованиях [9].

Следует отметить, что уголовный закон и России, и Армении периодически меняет свое отношение к тому, какие именно деяния считать уголовно наказуемой контрабандой.

Ранее УК РФ 1996 г. с момента вступления в силу в 1997 г., соглашаясь с необходимостью борьбы с контрабандой уголовно-правовыми методами, устанавливал ответственность за ее совершение лишь в одной статье (188), рассматривая ее как экономическое преступление с учетом нахождения в главе 21. Данная норма имела структуру, состоящую из четырех частей, в 1-й из которых говорилось о перемещении обычных товаров, во 2-й – предметов, ограниченных в обороте, части 3-я и 4-я устанавливали отягчающие обстоятельства. Установление уголовной ответственности за совершение экономической контрабанды (часть 1) показывало, что государство осознавало опасность данного деяния, требующую принятия соответствующих мер, в том числе достаточного жесткого и сурового характера. Однако в 2011 г. это преступление было частично декриминализовано [8], действие данной нормы прекращено, а на смену ей введены ст. 226.1 (контрабанда ограниченных в обороте предметов) в главу 24, ст. 229.1 (контрабанда наркотиков). Впоследствии перечень видов контрабанды был расширен путем включения в главу 22 УК РФ ст. 200.1 (денежных средств и инструментов – 2012 г.) [9] и ст. 200.2 (алкоголя и табака – 2014 г.) [10].

Подобные изменения показывают направленность на декриминализацию контрабанды неограниченных предметов (экономической кон-

трабанды) как совершаемую только с целью уклонения от уплаты таможенных платежей и не обладающую повышенной опасностью. Полагаем, что подобные изменения не отвечали и не отвечают насущным потребностям общества и государства, так как контрабандное перемещение таких товаров причиняет существенный вред экономическим отношениям, существующим в России и ЕАЭС, а кроме того, такая контрабанда таковых товаров не всегда имеет целью уклонение от уплаты таможенных платежей, например, при перемещении санкционного товара, легальный ввоз которого (даже при условии уплаты таможенных платежей невозможен). Кроме того, до настоящего времени в России сохранена (хотя и в чрезвычайно урезанном виде) ответственность за экономическую контрабанду – в ст. 200.1 (денежных средств и инструментов), в ст. 226.1 (стратегически важных товаров и ресурсов). Такое положение приводит к необходимости внесения изменений в уголовное законодательство. Так, например, в марте 2024 г. диспозиция части 1 ст. 226.1 подверглась редактированию и размежеванию на часть 1 (стратегически важные товары, культурные ценности, занесенные в Красную книгу животные и растения) и часть 1.1 (ограниченные в обороте предметы – боеприпасы, военная техника, сильнодействующие вещества и т. п.). Кроме того, утратила свою силу ст. 200.2 УК РФ (контрабанда алкоголя и табака) [11]. При этом табак и алкоголь не перестали быть предметом уголовно наказуемой контрабанды, так как были включены в перечень стратегически важных товаров и ресурсов [12]. То есть фактически законодатель постепенно возвращается к ст. 188 УК РФ, предусматривая как экономическую контрабанду (ст. 200.1 УК РФ, частично – ст. 226.1 УК РФ), так и контрабанду опасных предметов (ст. 226.1 и ст. 229.1 УК РФ).

Полагаем, что с учетом повышенной общественной опасности экономической контрабанды следует рассмотреть вопрос об установлении уголовной ответственности за ее совершение независимо от перемещаемых предметов (при наличии крупного размера).

В Армении УК РА 2003 г. аналогом ст. 188 УК РФ как по структуре, так и по включению в главу 22 (преступления против экономической деятельности) была ст. 215, устанавливавшая ответственность за все виды контрабанды.

Уголовный кодекс Республики Армении, принятый в 2021 г. и вступивший в силу в 2022 г. (далее – УК РА 2021 года) существенно изменил свое отношение к контрабанде, двигаясь к унификации уголовного законодательства (в таможенной сфере) как в рамках ЕАЭС, так и в Российской Федерации в частности, но не достигнув ее в полной мере. Различия остаются как в понимании того, какие общественно опасные деяния могут быть признаны контрабандой, так и в их описании.

В настоящее время УК РА 2021 г. устанавливает ответственность за совершение таможенных преступлений контрабандного характера в нормах, расположенные в трех главах. В главу 32 «Экономические преступления» помещены ст. 291 «Контрабанда наличных денежных средств и (или) платежных инструментов» и ст. 292 «Контрабанда культурных ценностей и стратегически важных сырьевых товаров».

Кроме того, рассматриваясь соответственно как преступления против общественной безопасности и здоровья населения в главе 35 «Преступления против законного оборота оружия огнестрельного оружия или других опасных материалов и предметов», закреплены в ст. 340: контрабанда продукции, техники, огнестрельного оружия или иных веществ, устройств, предметов, товаров военного назначения, в главе 40 «Преступления против законного оборота наркотических средств, психотропных (психовоздействующих) веществ, их препаратов, прекурсоров, сильнодействующих или ядовитых веществ» – в ст. 399: контрабанда наркотических средств, психотропных (психовоздействующих) веществ, их препаратов или равноценного им вещества (аналога), или прекурсоров.

Законодатель Армении сделал существенный шаг вперед, расширив перечень деликтов, которые можно отнести к отдельным видам контрабанды. Так же как и в российском уголовном законодательстве, уголовная ответственность за рассматриваемые деликты закреплена в трех разных главах, находящихся в трех разделах.

В УК РА 2021 г. есть положения, не в полной мере отвечающие принципам уголовного права, связанные с возможностью применения уголовного закона по аналогии. Статья 4 УК РА в части 2 запрещает применение норм Особенной части по аналогии, что фактически разрешает применять аналогию в Общей части. Такое решение законодателя Армении несколько спорно, учитывая, что Особенная часть применяется с учетом положения Общей части. Кроме того, часть 3 ст. 4 УК РА содержит положение, согласно которому допустимо применение норм Особенной части по аналогии, если это не ухудшает состояние лица [17]. Вряд ли можно согласиться с таким решением законодателя Армении, отошедшего от формулировки принципа законности, имевшейся в УК РА 2003 г., закрепленного в части 2 статьи 5 о запрете применения аналогии в целом. Не совсем ясно, чем руководствовался законодатель Армении в данном случае, изменив формулировку принципа законности в УК РА. Применение подобного положения может привести к существенным нарушениям закона, в том числе как к необоснованному освобождению виновных лиц от уголовной ответственности, так и к необоснованному привлечению лиц к уголовной ответствен-

ности. Тем не менее следует учитывать, что такое положение в уголовном законодательстве Армении существует.

Как и в российском законодательстве, все виды контрабанды законодатель Армении разделяет на экономические (ст. 291 и ст. 292) и неэкономические (ст. 340 и ст. 399) виды.

К экономической контрабанде относится контрабанда наличных денежных средств и (или) платежных инструментов (ст. 291 УК РА 2021 г., соответствующая ст. 200.1 УК РФ), а также контрабанда стратегически важных сырьевых товаров (ст. 292 УК РА 2021 г.). В УК РФ отдельно контрабанда упомянутых предметов не выделяется, являясь частью контрабанды опасных предметов (ст. 226.1 УК РФ), наряду с боеприпасами, военной техникой, сильнодействующими веществами и пр. (хотя и в разных частях).

Таким образом, так же как и российское законодательство, УК РА утверждает, что основной объект у разных видов контрабанды на основании помещения в различные главы не совпадает. Таквыми выступают отношения экономического характера (в ст. 291 и ст. 292), отношения, связанные с порядком обращения предметов, оборот которых представляет определенную общественную опасность (в ст. 340), порядком оборота средств и веществ, опасных для здоровья населения (в ст. 399).

Фактически в целом определяемые объекты указанных видов контрабанды соответствуют российскому законодательству (за исключением объекта контрабанды культурных ценностей (далее – КЦ) и стратегически важных сырьевых товаров (далее – СВСТ). Несколько спорным является такое объединение данных предметов в одну норму (КЦ и СВСТ не имеют между собой ничего общего), хотя аналогичное объединение несвязанных между собой аналогичных предметов имеется и в российском законодательстве (ст. 226.1 УК РФ). Но такое объединение не дает возможности правильно определить объект данного преступления. Если контрабанда СВСТ, безусловно, посягает в первую очередь на экономические отношения, существующие в государстве, то контрабанда КЦ к экономике никакого отношения не имеет, посягая прежде всего на отношения духовного характера. Поэтому с учетом наличия такого предмета, как СВСТ, следует признать верным помещение данной нормы в главу 32 «Экономические преступления». Более того, следует признать правильным, что законодатель Армении, в отличие от российского законодателя, не поместил в общую диспозицию одной нормы (и, соответственно, в одну главу) предметы разного характера – с одной стороны, представляющие опасность предметы (огнестрельное оружие, боеприпасы и пр.), а с другой стороны, предметы, никаким образом не связанные с общественной безопасностью – СВСТ и КЦ. Полагаем, что данным опытом следует

воспользоваться и российскому законодателю. Но вызывает возражение установление уголовной ответственности за контрабанду КЦ именно в Главе 32 «Экономические преступления». Такое решение (как и решение российского законодателя) следует признать достаточно спорным и подлежащим изменению.

Что касается предмета иных преступлений контрабандного характера, то ст. 340 УК РА 2021 г. устанавливает уголовную ответственность за контрабанду продукции, техники, огнестрельного оружия или иных веществ, устройств, предметов, товаров военного назначения и др. В целом данный перечень соответствует перечню предметов, указанных в ст. 226.1 УК РФ (в научной литературе отмечается многообразие предметов данной нормы, включающих в свой состав множество предметов материального мира, неоднородных и никак не связанных между собой, что влечет за собой множество проблем при квалификации такого преступления [14]).

В ст. 320 УК РА 2021 г. в перечень предметов, в отличие от ст. 226.1 УК РФ, не входят стратегически важные товары и ресурсы, а также культурные ценности, так как законодатель Армении выделил, как отмечалось ранее, контрабанду таковых в самостоятельную норму – ст. 292 УК РА 2021 г.

Однако в УК РА 2021 г. не установлена уголовная ответственность за контрабанду занесенных в Красную книгу и охраняемых международными договорами животных, растений и водных биологических ресурсов. На наш взгляд, здесь имеется явная недооценка общественной опасности рассматриваемого деликта.

Кроме того, в диспозицию еще одной нормы, устанавливающей ответственность за контрабанду (ст. 399 УК РА 2021 г.) включены такие предметы, как наркотическое средство, психотропное (психовоздействующее) вещество, их препараты, равноценное им вещество (аналог), их прекурсоры, используемые для их изготовления и находящиеся под особым контролем вещества, оборудование или инструменты, запрещенное к культивированию растение, содержащее наркотическое средство, психотропное (психовоздействующее) вещество, сильнодействующее или ядовитое вещество [17].

Можно сказать, что отношение к предмету рассматриваемого деликта у законодателей России и Армении одинаково. В диспозиции норм (ст. 399 УК РА 2021 года и ст. 229.1 УК РФ) перечислены почти одни и те же предметы.

Следует отметить, что так же как и в российском законодательстве, в УК РА 2021 г. отсутствует норма, закрепляющая экономическую контрабанду за преступление. В данном случае имеет

место существенная недооценка законодателями двух стран вреда, который может причинить экономическая контрабанда не только интересам в сфере экономики и экономической безопасности России и Армении, но и всем государствам – членам ЕАЭС, с учетом общего таможенного пространства и свободного перемещения товаров по таможенной территории ЕАЭС.

Как уже было сказано, вышеуказанные различия в российском и армянском законодательстве по рассматриваемому вопросу не носят антагонистического характера, а рассматриваемые нормы содержат предпосылки для их дальнейшей унификации, необходимость которой отмечается рядом ученых [6]. Внесение предлагаемых изменений в уголовное законодательство двух стран будет способствовать предупреждению и пресечению нарушений таможенного законодательства.

Результаты. Подводя итоги, мы можем сказать, что уголовные законы России и Республики Армении при осознании необходимости протиположительства контрабанды и регламентирования ответственности за ее совершение, не являются идентичными в том числе в части определения и закрепления её отдельных видов, выделяемых на основе характеристик незаконно перемещаемых предметов.

С учетом вышесказанного, на наш взгляд, необходимо принять меры, направленные на унификацию и изменение действующего уголовного законодательства России и Армении в части определения предмета различных видов контрабанды следующего характера: законодателю Республики Армения следует распространить запрет применения уголовного права по аналогии на нормы Общей части, не ограничиваясь Особой частью, что будет способствовать в полной мере реализации принципа законности.

Рекомендуется внести изменения в УК РФ следующего характера: выделить из ст. 226.1 УК РФ в качестве самостоятельных норм, предусматривающих уголовную ответственность за контрабанду не представляющих опасности предметов (указанных в настоящее время в ч. 1 ст. 226.1 УК РФ).

Кроме того, на наш взгляд, и российскому законодателю, и законодателю Республики Армения следует вновь вернуться к рассмотрению вопроса о криминализации в полном объеме экономической контрабанды, представляющей угрозу экономической безопасности как отдельных государств, так и ЕАЭС в целом (о чем отмечалось в публикациях [3]).

Подобные шаги окажут благоприятное воздействие на сближение двух стран в сфере борьбы с контрабандой.

Литература

1. Бондарь Е. Г. Значение международного таможенного сотрудничества в обеспечении национальной и экономической безопасности Российской Федерации // Таможенное дело. 2022. № 4. С. 28–32.

2. Диканова Т. А. О состоянии преступности в таможенной сфере и факторах, ей способствующих // Таможенное дело. 2022. № 3. С. 28–31.
3. Катасонов В. Страну отдали на разграбление контрабандистам. URL: <https://svpressa.ru/economy/article/178374/> (дата обращения: 09.01.2025).
4. Лавринов В. В. Уголовная ответственность за таможенные преступления в странах – членах ЕАЭС // Особенности государственного регулирования внешнеэкономической деятельности в современных условиях: материалы IV Всероссийской научно-практической конференции (Ростов-на-Дону, 16–17 ноября 2017 г.): в 2 ч. Ч. II. Ростов-н/Д.: Российская таможенная академия, Ростовский филиал, 2017. С. 74–83.
5. Лавринов В. В. Некоторые вопросы сравнительной характеристики ответственности за таможенные преступления в уголовном законодательстве Республики Армения и Российской Федерации // Евразийский юридический журнал. 2019. № 12(139). С. 82–84.
6. Лапшин В. Ф., Кузнецова Н. В. О перспективах развития уголовного законодательства стран Евразийского экономического союза, обеспечивающего охрану национальных интересов в сфере внешнеэкономической деятельности // Безопасность бизнеса. 2021. № 1. С. 21–25.
7. Никифорова А. А. Ответственность за контрабанду и уклонение от уплаты таможенных платежей: особенности отграничения // Таможенное дело. 2022. № 4. С. 23–27.
8. О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации: Федеральный закон от 07.12.2011 № 420-ФЗ // СПС «КонсультантПлюс».
9. О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в части противодействия незаконным финансовым операциям: Федеральный закон от 28.06.2013 № 134 // СПС «КонсультантПлюс».
10. О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в части усиления мер противодействия обороту контрафактной продукции и контрабанде алкогольной продукции и табачных изделий: Федеральный закон от 31.12.2014 № 530 // СПС «КонсультантПлюс».
11. О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации: Федеральный закон от 11.03.2024 № 43-ФЗ // СПС «КонсультантПлюс».
12. О внесении изменений в постановление Правительства Российской Федерации от 13 сентября 2012 г. № 923: Постановление Правительства РФ от 31.03.2022 № 542 // СПС «КонсультантПлюс».
13. Подройкина И. А., Литвинов Д. И. Уголовная ответственность за экономические виды контрабанды в государствах – участниках ЕАЭС // Академический вестник Ростовского филиала Российской таможенной академии. 2020. № 2 (39). С. 78–82.
14. Пулин А. О. Уголовно-правовая характеристика ст. 226.1 Уголовного кодекса Российской Федерации // Российский следователь. 2023. № 4. С. 39–42.
15. Рябко Н. В. Некоторые вопросы квалификации контрабанды // Особенности государственного регулирования внешнеэкономической деятельности в современных условиях: материалы IV Всероссийской научно-практической конференции. Российская таможенная академия, Ростовский филиал. Ростов-н/Д., 2017. С. 159–166.
16. Сарксян И. Л. Проблема установления юридической ответственности Таможенного союза ЕАЭС за контрабанду // Таможенное дело. 2021. № 4. С. 32–34.
17. Уголовный кодекс Республики Армения, принят 05.05.2021. URL: http://www.parliament.am/law_docs_8/27052021HO199_rus.pdf (дата обращения: 11.01.2025).

References

1. Bondar EG. The importance of international customs cooperation in ensuring the national and economic security of the Russian Federation. *Customs business*. 2022;(4):28-32. (In Russ.).
2. Dikanova TA. On the state of crime in the customs sphere and the factors contributing to it. *Customs business*. 2022;(3):28-31. (In Russ.).
3. Katasonov V. The country was given over to the looting of smugglers. Available from: <https://svpressa.ru/economy/article/178374> [Accessed 09 January 2025]. (In Russ.).
4. Lavrinov VV. Criminal liability for customs crimes in the EAEU member states in Features of state regulation of foreign economic activity in modern conditions: proceedings of the IV All-Russian Scientific and Practical Conference (Rostov-on-Don, November 16-17, 2017). At 2 p.m. II. Rostov-on-Don: Russian Customs Academy, Rostov branch; 2017. P. 74-83. (In Russ.).
5. Lavrinov VV. Some issues of comparative characteristics of responsibility for customs crimes in the criminal legislation of the Republic of Armenia and the Russian Federation. *The Eurasian Law Journal*. 2019;12(139):82-84. (In Russ.).
6. Lapshin VF, Kuznetsova NV. On the prospects for the development of criminal legislation in the countries of the Eurasian Economic Union, ensuring the protection of national interests in the field of foreign economic activity. *Business security*. 2021;(1):21-25. (In Russ.).
7. Nikiforova AA. Responsibility for smuggling and evasion of customs payments: features of delimitation. *Customs business*. 2022;(4):23-27. (In Russ.).
8. On Amendments to the Criminal Code of the Russian Federation and Certain Legislative Acts of the Russian Federation: Federal Law No. 420-FZ dated 07.12.2011 in Consultant Plus – Legal Reference System. (In Russ.).
9. On Amendments to Certain Legislative acts of the Russian Federation regarding Countering Illegal Financial transactions: Federal Law No. 134 dated 28. 06.2013 in Consultant Plus – Legal Reference System. (In Russ.).
10. On Amendments to Certain Legislative Acts of the Russian Federation in terms of strengthening measures to counteract the trafficking of counterfeit products and the smuggling of alcoholic beverages and tobacco products": Federal Law No. 530 of December 31, 2014 in Consultant Plus – Legal Reference System. (In Russ.).

11. On Amendments to the Criminal Code of the Russian Federation and the Code of Criminal Procedure of the Russian Federation: Federal Law No. 43-FZ dated 11.03.2024 in Consultant Plus – Legal Reference System. (In Russ.).
12. On Amendments to the Decree of the Government of the Russian Federation dated September 13, 2012 No. 923: Decree of the Government of the Russian Federation dated 31.03.2022 No. 542 Consultant Plus – Legal Reference System. (In Russ.).
13. Podroikina IA, Litvinov DI. Criminal liability for economic types of smuggling in the EAEU Member States. Academic Bulletin of the Rostov Branch of the Russian Customs Academy. 2020;2(39):78-82. (In Russ.).
14. Pulin AO. Criminal law characteristics of art. 226.1 of the Criminal Code of the Russian Federation. The Russian investigator. 2023;(4):39-42. (In Russ.).
15. Ryabko N.V. Some issues of contraband qualification in Features of state regulation of foreign economic activity in modern conditions. Materials of the IV All-Russian scientific and practical conference. Russian Customs Academy, Rostov branch. Rostov-na-Donu; 2017. P. 159-166. (In Russ.).
16. Sarksyan IL. The problem of establishing the legal responsibility of the EAEU Customs Union for smuggling. Customs business. 2021;(4):32-34. (In Russ.).
17. Criminal Code of the Republic of Armenia, adopted 05.05.2021. Available from: http://www.parliament.am/law_docs_8/27052021HO199_rus.pdf [Accessed 11 January 2025]. (In Russ.).

Научная статья

УДК 349.6

<https://doi.org/10.37493/2409-1030.2025.3.18>

ПРАВОВОЙ РЕЖИМ ОБРАЩЕНИЯ С ОТХОДАМИ НА ТЕРРИТОРИИ КУОРТОРОВ КАВКАЗСКИХ МИНЕРАЛЬНЫХ ВОД

Навасардова Элеонора Сергеевна¹, Свидлова Кира Владимировна^{2*}

^{1,2} Северо-Кавказский федеральный университет (д. 1, ул. Пушкина, Ставрополь, 355017, Российская Федерация)

¹ Доктор юридических наук, профессор
navasardova@yandex.ru; <https://orcid.org/0000-0003-4829-3933>

² Кандидат юридических наук, доцент
mail.kira@yandex.ru; <https://orcid.org/0000-0002-4780-8627>

* Автор, ответственный за переписку

Аннотация. Введение. В статье рассматриваются проблемы правового регулирования и практики правоприменения в области обращения с отходами на территории особо охраняемого эколого-курортного региона «Кавказские Минеральные Воды». Помимо базового Федерального закона от 24.06.1998 № 89-ФЗ (ред. от 08.08.2024) «Об отходах производства и потребления», который регулирует лишь обращение с несколькими видами отходов, существует ряд других нормативных правовых актов, устанавливающих правовой режим в отношении иных видов отходов. Каждая из групп нормативных правовых актов имеет определенные недостатки. Противоречива и правоприменительная практика. **Материалы и методы.** При подготовке статьи наряду с общенаучными методами познания (анализ, синтез, индукции, дедукции и др.) использовались специально-юридические методы (формально-юридический, сравнительно-правовой, иные актуальные методы исследования). **Анализ.** Курорты КМВ представляют собой уникальный природный комплекс, чувствительный ко всем негативным воздействиям. Однако их социально-экономическое развитие влечет за собой образование большого количества отходов, крайне неблагоприятно влияющих как на природные лечебные ресурсы, так и на окружающую среду региона в целом. Не способствует поддержанию благоприятной экологической обстановки и так называемый накопленный вред, образовавшийся в течение предшествующих десятилетий и до сих пор не ликвидированный. **Результаты.** Проведенный анализ нормативно-правовой базы, практики правоприменения, а также фактическое состояние сферы обращения

с отходами на территории курортов КМВ позволил выявить мешающие гармонизации экологической ситуации проблемы и сформулировать предложения по совершенствованию законодательства и практики правоприменения.

Ключевые слова: твердые коммунальные отходы, медицинские, биологические, радиоактивные отходы, эколого-курортный регион «Кавказские Минеральные Воды»

Для цитирования: Навасардова Э. С., Свидлова К. В. Правовой режим обращения с отходами на территории курортов Кавказских Минеральных Вод // Гуманитарные и юридические исследования. 2025. Т. 12. № 3. С. 496–505. <https://doi.org/10.37493/2409-1030.2025.3.18>

Конфликт интересов: один из авторов – доктор юридических наук, профессор Э. С. Навасардова является членом редакционной коллегии журнала «Гуманитарные и юридические исследования». Авторам неизвестно о каком-либо другом потенциальном конфликте интересов, связанном с этой рукописью.

Вклад авторов: все авторы внесли равный вклад в подготовку публикации.

Благодарности: Работа выполнена при финансовой поддержке Российского научного фонда – проект 24-28-20164 «Устойчивое развитие курортного региона Кавказские Минеральные Воды: правовое обеспечение в рамках риск-ориентированного подхода». <https://rscf.ru/project/24-28-20164/>

Статья поступила в редакцию: 27.03.2025.

Статья одобрена после рецензирования: 18.05.2025.

Статья принята к публикации: 28.08.2025.

Research article

LEGAL REGIME FOR WASTE MANAGEMENT IN THE TERRITORY OF THE CAUCASIAN MINERAL WATERS RESORTS

Eleonora S. Navasardova¹, Kira V. Svidlova^{2*}

^{1,2} North-Caucasus Federal University (1, Pushkina St., Stavropol, 355017, Russian Federation)

¹ Dr. Sci. (Law), Professor
navasardova@yandex.ru; <https://orcid.org/0000-0003-4829-3933>

² Cand. Sci. (Law), Associate Professor
mail.kira@yandex.ru; <https://orcid.org/0000-0002-4780-8627>

* Corresponding author

Abstract. Introduction. The article examines the problems of legal regulation and law enforcement practice in the field of waste management in the territory of the specially protected ecological and resort region of Caucasian Mineral Waters. In addition to the basic Federal Law of 24.06.1998 N 89-FZ (as amended on 08.08.2024) On Production and Consumption Waste, which regulates only the handling of several types of waste, there are a number of other regulatory legal acts establishing the legal regime for other types of waste. Each of the groups of regulatory legal acts suffers from certain shortcomings. Law enforcement practice is also contradictory. **Materials and methods.** In preparing the article, along with general scientific methods of cognition (analysis, synthesis, induction, deduction, etc.), spe-

cial legal methods (formal legal, comparative legal, and other relevant research methods) were used. **Analysis.** The resorts of the Caucasian Mineral Waters are a unique natural complex, sensitive to all negative impacts. However, their socio-economic development entails the formation of a large amount of waste, which has an extremely adverse effect on both natural healing resources and the environment of the region as a whole. The so-called accumulated damage that has formed over the past decades and has not yet been eliminated does not contribute to maintaining a favorable environmental situation. **Results.** The conducted analysis of the regulatory framework, law enforcement practices, as well as the actual state of the waste management sphere in the territory of the Caucasian Mineral Waters resorts

© Навасардова Э.С., Свидлова К. В., 2025

allowed us to identify problems that hinder the harmonization of the environmental situation and formulate proposals for improving legislation and law enforcement practices.

Keywords: municipal solid waste, medical, biological, radioactive waste, ecological and resort region Caucasian Mineral Waters

For citation: Navasardova ES, Svidlova KV. Legal regime for waste management in the territory of the Caucasian Mineral Waters resorts. *Humanities and law research*. 2025;12(3):496-505. (In Russ). <https://doi.org/10.37493/2409-1030.2025.3.18>

Acknowledgments: The work was carried out with the financial support of the Russian Science Foundation – project 24-28-20164 “Sustainable development of the resort region of the

Введение. В нашей стране в последние годы сформировалось законодательство, регулирующее исследуемую сферу общественных отношений. Это разные по форме и юридической силе нормативные акты, устанавливающие правовую основу обращения с отходами различных видов (твердые коммунальные, медицинские, биологические и радиоактивные отходы).

Почему применительно к региону КМВ должны устанавливаться особые меры в сфере обращения с отходами? Известно, что курорты относятся к особо охраняемым территориям (ООТ). Это подтверждается ст. 96 и 105 Земельного Кодекса РФ [7], называющими округа горно-санитарной охраны территориями с особыми условиями использования, об этом говорит и курортное законодательство. Следовательно, территории курортов требуют более благоприятного качества окружающей среды, чем это позволительно в отношении других регионов. Природные ресурсы курортов, в совокупности образующие их экологический каркас, более уязвимы к различного рода антропогенным воздействиям. При этом следует учитывать значительную по площади и разнообразную как по природно-климатическим характеристикам (горные, лесостепные и степные ландшафты, относительная близость аридной зоны), так и по хозяйственной специализации (помимо собственно курортной деятельности, наличие промышленных объектов, аграрного производства), а также неравномерность расселения людей (густонаселенные города и расположенные рядом с ними иные населенные пункты, с постоянно расширяющимся строительством на фоне крайне изношенной коммунальной инфраструктуры). Отметим, что дополнительной нагрузкой на регион КМВ является и увеличивающийся поток туристов. Это, с одной стороны, объясняется сложной политической обстановкой в мире, санкциями в отношении нашей страны и как следствие, сокращением выездного международного туризма, а с другой – политикой государства, объявившего посещение курортов, в том числе для лечения, видом туризма, и политикой органов государственной власти края принявших соответствующую программу по развитию туризма в крае [15], признавшую регион КМВ основой развития туристско-рекреационного комплекса. Этот вектор «освоения» ку-

Caucasian Mineral Waters: legal support within the framework of a risk-oriented approach”. <https://rscf.ru/project/24-28-20164/>.

Conflict of interest: one of the authors, ES Navasardova, Dr. Sc. (Law), Professor, is a member of the editorial board of the journal “Humanities and law research”. The authors are unaware of any other potential conflict of interest related to this manuscript of interests.

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article.

The article was submitted: 27.03.2025

The article was approved after reviewing: 18.05.2025.

The article was accepted for publication: 28.08.2025.

ртортов КМВ повлек за собой не самые адекватные для их сохранения тенденции, а именно расширение туристской инфраструктуры: новое строительство и мест размещения туристов, и объектов торговли, включая многофункциональные торгово-развлекательные центры, и др.

Заметим, что все названные объекты являются не только дополнительной нагрузкой на природные системы КМВ, включая природные лечебные ресурсы, но и новыми источниками образования отходов. Это подтверждается и информацией министерства ЖКХ края, согласно которой в среднем образовывались твердые коммунальные отходы (ТКО) на территории городов курортов КМВ в 2023 и 2024 гг. соответственно:

Пятигорск – 84 тыс. т, 99 тыс. т;

Железноводск – 18 тыс. т, 23 тыс. т;

Ессентуки – 32 тыс. т, 35 тыс. т;

Кисловодск 45 тыс. т, 49 тыс. т.

Полагаем, что причинами увеличения объемов образования ТКО на территории городов-курортов является, по сути, неконтролируемое жилищное и иное строительство, а также увеличивающийся турпоток.

Актуальность статьи обусловлена отсутствием комплексного исследования проблем обращения с отходами на территории особо охраняемого эколого-курортного региона «Кавказские Минеральные Воды».

Материалы и методы. Статья базируется на исследовании норм российского законодательства, регулирующих сферу обращения с отходами. Оно включает нормативные правовые акты, принадлежащие к различным отраслям права: экологическому, санитарному (законодательству о здравоохранении), аграрному, административному; правоприменительную практику, включающую деятельность ряда контрольно-надзорных органов, наделенных полномочиями в исследуемой сфере отношений, а также судебную практику; фактические ситуации, характеризующие реальное положение дел и дающие возможность оценки уровня эффективности правового обеспечения обращения с отходами различных видов, классов и категорий опасности.

В процессе работы использовался методологический инструментарий, включающий общенаучные методы, такие как анализ, синтез, индукцию, дедукцию; частнонаучные юридические методы, в

том числе формально-юридический, статистический, правосоциологический, сравнительно-правовой, метод юридического толкования. Так, при помощи статистического метода была исследована информация, предоставленная по нашему запросу министерством жилищно-коммунального хозяйства Ставропольского края и управлением Россельхознадзора по Ставропольскому краю. Правосоциологический метод позволил сделать определенные выводы, касающиеся эффективности деятельности органов публичной власти в области обращения с отходами на территории курортов КМВ. Метод юридического толкования применялся в процессе уяснения смысла правовых норм, их регулирующего воздействия на изучаемые общественные отношения и фактическую обстановку с отходами в регионе КМВ, а также предложить пути совершенствования законодательства.

Анализ. *Общая характеристика законодательства в области обращения с отходами.* Как уже было отмечено, законодательство в сфере обращения с отходами обширно и многообразно. Остановимся на основных источниках исследуемой сферы общественных отношений.

ФЗ от 10.01.2002 № 7-ФЗ (ред. от 08.08.2024) «Об охране окружающей среды» (далее 7-ФЗ) [26] как основной закон в области экологической безопасности называет отходы одним из факторов негативного воздействия на окружающую среду; вводит категорию «накопленный экологический вред», которая в первую очередь включает отходы, накопленные в ходе прошлой хозяйственной деятельности; регулирует плату за негативное воздействие на окружающую среду, в том числе платежи за размещение отходов; устанавливает требования к комплексным экологическим разрешениям, в числе которых исчисление нормативов образования отходов и лимитов на их размещение; регламентирует как общие требования по обращению с отходами при осуществлении хозяйственной деятельности, так и специальные, применительно к отдельным отраслям народного хозяйства; вводит запреты на размещение отходов всех классов опасности в отношении особо охраняемых территорий, включая округа горно-санитарной охраны курортов; обязывает хозяйствующих субъектов на объектах I, II и III категорий составлять программы производственного контроля, включающие в том числе информацию об инвентаризации производимых ими отходов производства и потребления и мест их размещения.

Надо отметить, что отходы бывают самых разных видов, причем их отличия заключаются не только в агрегатных состояниях (твердые, жидкие, газообразные), но и по составу. Так, базовый закон ФЗ от 24.06.1998 № 89-ФЗ (ред. от 08.08.2024) «Об отходах производства и потребления» (далее – 89-ФЗ) [23] перечисляет виды отходов, не подпадающие под действие норм этого закона. Большинство из указанных

видов отходов образуются в том числе и на территории региона КМВ. Речь идет о радиоактивных, биологических, медицинских отходах (в некоторых нормативных актах они признаются как разновидность биологических отходов), следовательно, они не подпадают под действие 89-ФЗ, хотя в отношении одного из вида медицинских отходов ситуация изменилась, о чем речь пойдет далее. Соответственно из сферы действия этого закона «выпадают» вредные выбросы в атмосферный воздух, сбросы вредных веществ, содержащихся в сточных водах, в водные объекты, а также отходы и некоторые другие вещества и их соединения, образующиеся в процессе недропользования. В отношении этих видов отходов действуют иные нормативные акты санитарного, природоресурсного, экологического, аграрного законодательства. Однако от этого всё перечисленное не перестает быть отходами, отрицательно сказывающимся на состоянии окружающей среды КМВ. Наряду с 89-ФЗ действует ряд подзаконных актов.

Законодательство о здравоохранении достаточно объемно. Помимо ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан в РФ» от 21.11.2011 № 323-ФЗ (ред. от 08.08.2024, с изм. от 26.09.2024) (далее 323-ФЗ) [21] и ФЗ от 30.03.1999 № 52-ФЗ (ред. от 08.08.2024) «О санитарно-эпидемиологическом благополучии населения» [25], оно представлено большим количеством подзаконных актов, особое место среди которых занимают санитарные нормы и правила (СанПиНы), утверждаемые Главным санитарным врачом РФ, регулирующие в том числе обращение с медицинскими отходами.

Аграрное законодательство в интересующей нас сфере регулирования представлено Законом РФ от 14.05.1993 № 4979-1 (ред. от 08.08.2024) «О ветеринарии» (далее 4979-1 – Закон РФ) [6], а также приказами Минсельхоза РФ, устанавливающими порядок обращения с биологическими отходами, наиболее опасными из которых для здоровья населения и компонентов окружающей среды, включая природные лечебные ресурсы, являются биологические отходы, и в частности отходы животноводства.

Законодательство о радиационной безопасности весьма обширно, что объясняется высокой степенью опасности радиоактивных и ядерных материалов, а также радиоактивных отходов, которые в большом количестве присутствуют на территории курортов КМВ. Мы приведем лишь один нормативный правовой акт – ФЗ от 11.07.2011 № 190-ФЗ (ред. от 21.12.2021) «Об обращении с радиоактивными отходами и о внесении изменений в отдельные законодательные акты РФ» (далее 190-ФЗ) [22].

Правовое регулирование обращения с твердыми коммунальными отходами. Основными видами отходов являются отходы производства и потребления. Их легальное опреде-

ление дается в 89-ФЗ, оно крайне громоздко и достаточно сложно для понимания. Если коротко, то это предметы и вещества, которые утратили свои потребительские свойства и которые подлежат удалению. Правда, законодатель, используя перевод (возможно не вполне удачный) Базельской конвенции об отходах [24], не поясняет в Законе, что понимать под словом «удаление» (вывоз, перенос в другое место, утилизация или иные манипуляции с ними).

Естественно, основными и самыми большими по объему являются твердые коммунальные отходы (ТКО).

Как известно, в 2018 г. начался процесс рестройки системы обращения с так называемыми твердыми бытовыми отходами (ТБО), переименованными в твердые коммунальные отходы (ТКО), серьезной корректировке подвергся 89-ФЗ как базовый в этой сфере отношений законодательный акт, принят ряд развивающих его положений подзаконных нормативных правовых актов.

Суть основных изменений сводится к следующему. Можно сказать, что первый этап начался раньше 2018 г., когда в 2014 г. были введены новые субъекты в сфере обращения с отходами. Их насчитывается несколько групп. Первая – операторы, причем сфера их деятельности ограничивается областью обращения с ТКО – от сбора, транспортировки до захоронения этого вида отходов; региональные операторы (РО) – выполняют те же действия, что и операторы, но могут действовать как самостоятельно, так и через операторов, кроме того, они заключают договоры с собственниками ТКО, т. е. в том числе и с нами, гражданами. Причем физические лица, проживающие в многоквартирных домах, могут и не подписывать такие договоры, достаточно того, что такой договор публикуется на официальном сайте, что считается приглашением к его подписанию (в праве это называется публичной офертой). И если нет возражений на этот счет, то договор считается заключенным. Важно, что именно РО отвечает за всю цепочку процессов по обращению с ТКО – от их сбора до утилизации или захоронения. Это конечно схематичное описание деятельности РО.

Помимо упомянутых, законодатель называет еще двух субъектов: Федерального оператора (его еще называют Федеральным экологическим оператором, интересно, что в 190-ФЗ он поименован как Национальный оператор) – сфера его ответственности распространяется на обращение с отходами I и II классов опасности (это самые опасные виды отходов), включая радиоактивные отходы, и Российского экологического оператора (РЭО) – он в основном осуществляет организационно-управленческие функции.

Определенными полномочиями в этой сфере наделен Росприроднадзор. Его функционал в данной области отношений сводится к

контролю (надзору) в сфере обращения с отходами, за исключением радиоактивных отходов.

Согласно 89-ФЗ, в РФ разрабатываются территориальные схемы обращения с отходами. Такая схема разработана и в Ставропольском крае [14], причем в 2016 г. мы были чуть ли не пионерами в этом деле! Край, согласно схеме, поделен на 4 зоны, в каждой из которых есть собственный региональный оператор и собственные полигоны (законные и самовольные), а также мусоросжигательный завод в центре КМВ, в городе Пятигорске. Расстояние от условных «крайних точек» вывоза отходов составляет: 80 км (Кисловодск – Георгиевск) и более 150 км (Кисловодск – Невинномысск).

Такая ситуация сложилась в связи с закрытием двух скандально известных полигонов ООО «Арго» из-за переполненности отходами. Они находились на более близком расстоянии к городам-курортам КМВ. Вместо удаления скопившихся отходов или их утилизации ООО начало эти отходы сжигать, чем причинило экологический вред почвам. Напомним, что полигоны расположены в Предгорном и Минераловодском муниципальных округах. В прошлом году ущерб от загрязнения окружающей среды, по подсчетам Росприроднадзора, составил более 1 млрд руб. ООО «Арго» подвергалось административным штрафам, а поскольку собственники отказались добровольно возмещать причиненный ущерб, иск по его возмещению был подан в суд.

В настоящее время полигоны исключены из государственного реестра размещения отходов, однако они до сих пор представляют экологическую опасность.

Вообще ситуация с обращением ТКО на курортах КМВ вызывает сдержанный оптимизм, если бы не одно «но»! С 1 сентября 2024 г., согласно 10-ФЗ, размещение отходов в границах округов горно-санитарной охраны запрещено. По нашему запросу в министерство ЖКХ Ставропольского края была предоставлена информация, согласно которой край входит в пятерку регионов с лучшей организацией работы в сфере обращения с ТКО. На краевом уровне постоянно рассматриваются возможности расширения перечня объектов по сортировке, переработке вторсырья, задан вектор на снижение доли отходов, подлежащих захоронению, действуют предприятия по переработке вторичного сырья, в том числе и на КМВ. Суммарная доля направляемых на обработку ТКО за 2024 г. составила 96 %, причем без предварительной обработки на полигоны направляются только крупногабаритные отходы, которые не смогут нанести вреда экологической системе.

Далее в информации Министерства указываются 8 объектов размещения отходов на территории КМВ: некоторые из них вызывают вопросы. Так, 2 из этих объектов закрыты (полигоны ООО «Арго»), в связи с чем их вряд ли надо

было указывать. Правда, в этой же справке подробно обозначаются причины закрытия этих полигонов. Тогда возникает вопрос: а зачем их упоминать в перечне объектов размещения отходов? Видимо, затем, что владельцы полигонов сожгли хранившиеся там отходы, и можно предположить, что их снова будут использовать, если «закрыть глаза» на требования 10-ФЗ.

В этом же документе обозначен объект энергетической утилизации (мусоросжигательный завод), эксплуатируемый ООО «Торнадо». Речь идет о печально известном Пятигорском мусоросжигательном заводе. Согласно ответу на наш запрос, министерство ЖКХ Ставропольского края указало, что на объекте энергетической утилизации (читайте ООО «Торнадо») уже реализован полный технологический цикл сжигания твердых коммунальных отходов. С момента запуска ряд узлов предприятия неоднократно заменялся. В настоящее время необходима модернизация оборудования пыле- и газоочистки, котлов, замена других агрегатов и конструкций с целью увеличения производственной мощности мусоросжигательного завода, за счет чего повысится уровень экологической безопасности, снизятся эксплуатационные затраты на обезвреживание ТКО и повысится промышленный потенциал региона в области теплоэнергетики, металлургии, перерабатывающих отраслей путем извлечения вторичных ресурсов. Ориентировочный размер инвестиций при реализации проекта модернизации составляет на текущий момент порядка 4 млрд руб. Поскольку цены выросли в 3,5 раза, установление нового оборудования в ближайшие годы вряд ли будет возможно.

То есть можно утверждать, что, с одной стороны, уполномоченные органы собирались и дальше эксплуатировать мусоросжигательный завод, расположенный в самом центре курорта, если бы это позволила финансовая обстановка. Однако, с другой стороны, в 2024 г. был принят правовой документ, запрещающий даже в границах третьей зоны округа горно-санитарной охраны осуществлять деятельность, в том числе по обезвреживанию и утилизации отходов всех видов термическими способами [13], о чем не могут не знать уполномоченные органы. Полагаем, что единственно правильным решением с правовой и экологической точек зрения является закрытие этого объекта.

В целом обстановка с обращением ТКО на территории КМВ не является критической, ее скорее можно квалифицировать как удовлетворительную, хотя, поскольку речь идет о курортах, ситуация с отходами должна быть идеальной. Напомним, любое скопление отходов в местах, не оборудованных под специальные полигоны и не зарегистрированных в качестве таковых, приводит к потенциальной угрозе загрязнения подземных минеральных вод. Беда в том, что экологическое сознание, экологическая культура насе-

ления, руководителей организаций, находятся не на должном уровне. Обнаруженная и ликвидированная свалка в одном или нескольких местах очень быстро замещается другой незаконной свалкой. Надо отметить, что только к 2022 г. на КМВ было ликвидировано 68 свалок и начались работы по ликвидации 2 полигонов, один из которых существовал с 1907 года! [4]

Однако в большинстве случаев, помимо граждан, загрязняющих территории отходами, недобросовестными оказываются организации, ответственные за ликвидацию накопленного вреда (так именуются места незаконного размещения отходов).

В краевых СМИ регулярно появляется информация о «героической борьбе» с ликвидацией свалок на КМВ, правда, как правило, побеждают свалки. Много лет существовавшая на берегу Нового озера в Кисловодске свалка ТКО и строительных отходов даже нашла отражение в государственной программе «Охрана окружающей среды» [12]. На ее ликвидацию было выделено более 70 млрд руб. Вскоре появилась информация о вывозе отходов на полигон в Георгиевск, однако позже выяснилось, что их благополучно переместили в район памятника природы Клин-Яр. По данным прокуратуры, новой свалкой был нанесен ущерб окружающей среде на сумму более 20 млн руб. Было возбуждено несколько уголовных дел [18].

В этой же публикации СМИ приводится еще несколько случаев, касающихся не вполне эффективных попыток ликвидации накопленного вреда. В частности, речь идет о свалках в районе городов Лермонтова, Пятигорска и Железноводска. Самым удачным во всех этих историях, не все из которых уже закончились, было «успешное» освоение бюджетных денег (соответственно 129 млн руб., из которых порядка 38 млн признаны незаконно полученными подрядчиками; около 900 млн руб., более 800 млн руб.) [18].

Оставляет желать лучшего и деятельность надзорных органов. Парадоксальная ситуация произошла в г. Кисловодске. Городская администрация города выявила незаконно размещенные строительные материалы, часть из которых попали в ручей Навойка. Орган местного самоуправления обратился в надзорный орган – территориальное подразделение Росприроднадзора, дабы оно определило экологические последствия деяния (степень загрязнения и размер ущерба) и в орган внутренних дел города для установления личности злоумышленника. Обе просьбы были выполнены: субъект правонарушения найден, экологический ущерб составил, по данным Росприроднадзора, чуть более 2 млн руб. Ситуация предельно ясна: причинитель вреда должен удалить отходы, очистить загрязненный участок, возместить ущерб и подвергнуться административному штрафу. Однако Росприроднадзор по каким-то неведомым причи-

нам направил представление в администрацию города с требованием возместить вред. Согласно логике и законодательству (органы местного самоуправления отвечают исключительно за создание и состояние контейнерных площадок и схем размещения таких площадок – ст. 8 ФЗ-89) администрация Кисловодска отказалась возмещать ущерб. Росприроднадзор обратился с иском в Арбитражный суд, однако последний не усмотрел противоправности, вины и причинно-следственной связи в действиях ответчика и наступлении вредных последствий и отказал в удовлетворении иска. Однако надзорный орган, обнаружив еще несколько мест несанкционированного размещения отходов, вновь обратился в суд с требованиями к муниципалитету о взыскании с него уже 11 млн руб. по тем же основаниям. Дело находится на рассмотрении суда. Парадокс же заключается в том, что даже если суд усмотрит вину администрации города и обяжет ее возместить причиненный ущерб, то взысканные средства вернуться в бюджет г. Кисловодска [19]. Это закреплено в п. 22 ст. 46 Бюджетного кодекса РФ [2]. Хотя, согласно Постановлению Правительства РФ № 1156 от 12.11.2016 [11], несанкционированно размещенные отходы, объем которых превышает 1 куб. м, должен удалить собственник земельного участка, если же в течение определенного времени собственник не сделал этого, то отходы должен удалить региональный оператор с возможностью в дальнейшем обратиться в суд за компенсацией затрат.

Правовой режим обращения с медицинскими отходами. Один из специфических видов образующихся на территории курортов КМВ отходов – медицинские отходы как следствие деятельности курортных учреждений, самыми распространенными из которых являются санатории. Кроме того, это пансионаты, бальнеологические лечебницы, курортные поликлиники. Их основной вид деятельности – оказание медицинских услуг.

Правовой режим этого вида отходов регулируется законодательством о здравоохранении и санитарным законодательством, а именно 323-ФЗ. При этом, несмотря на то, что санитарные правила были приняты несколько лет назад, именно сейчас их стали применять в отношении медицинских отходов курортных организаций.

Еще недавно Росприроднадзор, точнее его территориальное подразделение требовало все отходы санаторно-курортных организаций маркировать как медицинские, поскольку их основной вид деятельности – медицинские услуги. Это вытекало из Постановления Главного государственного санитарного врача РФ от 28.01.2021 № 3 (ред. от 14.02.2022) [10], которое, по сути, приравнивало все медицинские отходы класса «А» (это эпидемиологически безопасные отходы и самый распространенный вид

отходов курортных организаций), включая, помимо собственно медицинских, например, пищевые отходы, так называемый смет, образующийся при уборке территории курортных учреждений, мебель, утратившую потребительские свойства и тому подобное к ТКО.

При этом региональный оператор требовал от санаторно-курортных организаций часть отходов, которые напрямую не являлись медицинскими, маркировать как ТКО и, соответственно, заключать договор на их сбор и вывоз. В результате столкновения интересов двух субъектов – Росприроднадзора и регионального оператора, – чтобы избежать штрафных санкций, санаторно-курортные учреждения вынуждены были часть отходов обозначать как ТКО, т. е. вести двойную отчетность.

Напомним, что до недавнего времени 89-ФЗ не распространял свое действие на обращение с медицинскими отходами. Однако 26.12.2024 в него были внесены изменения, согласно которым под действие этого закона попали эпидемиологически безопасные медицинские отходы, известные как отходы класса «А», т. е. те, что образуются в санаторно-курортных организациях. Норма начнет действовать с 1.07.2025. Таким образом, будет устранено противоречие между СанПиНом и 89-ФЗ.

Правовой режим обращения с биологическими отходами. Территория особо охраняемого эколого-курортного региона КМВ весьма обширна, и в его границах активно ведется сельскохозяйственное производство, также связанное с образованием отходов, особую опасность среди которых представляют отходы животноводства. Не соответствующие правовым требованиям способы их хранения и утилизации могут загрязнить не только почвы и водоемы, но и подземные воды, в том числе минеральные.

Достаточно сказать, что в Эссентуках в черте города, во 2-ой охранной зоне расположена свиноферма с хранилищем отходов животноводства. Осенью прошлого года природоохранная краевая прокуратура в Предгорном районе (3-я охранная зона) выявила факт слива навоза на землю. Ущерб составил более 15 млн руб. Было возбуждено уголовное дело. Годом ранее в районе станицы Суворовская был установлен факт сброса жидкого навоза в водоем, о правовых последствиях в СМИ не сообщается [5].

Правовой режим биологических, в том числе сельскохозяйственных, отходов, как отмечалось, не подпадает под действие норм 89-ФЗ, здесь действует сельскохозяйственное законодательство [6], а также по логике вещей должны иметь место регулятивные и запретительные нормы курортного и экологического законодательства.

Наиболее опасными отходами животноводства для состояния подземных минеральных вод являются не только необорудованные

непроницаемые навозохранилища, но и скотомогильники, учитывая, что некоторые из них могут быть инфицированы бешенством, сибирской язвой, африканской чумой свиней.

Основным правовым актом, регулирующим порядок обращения с биологическими отходами, является существенно обновленный 4979-1 – Закон РФ, делящий биоотходы на умеренно и особо опасные категории. Его последняя редакция запрещает уничтожение биоотходов в скотомогильниках. Приняты новые Ветеринарные правила «сбора, хранения, перемещения, утилизации и уничтожения биологических отходов», утвержденные Приказом Минсельхоза России от 11.11.2024 № 677 [4]. Однако они не гарантируют безоговорочного исполнения нормативных требований. Зачастую это происходит примерно так же, как и с бытовыми отходами: останки животных просто выбрасываются на несанкционированные свалки или закапываются. Основными нарушителями в основном оказываются граждане, притом что существуют ветучастки и станции по борьбе с болезнями животных, которые оказывают гражданам бесплатные услуги по утилизации погибших животных [4].

Курортное законодательство запрещает утилизацию и (или) уничтожению биологических отходов на территории 3-й зоны округа горно-санитарной охраны. Ответственность за нарушение требований в области обращения с такими отходами установлена КоАП РФ. В зависимости от субъекта правонарушения размеры штрафов варьируются от 4 тыс. руб. для граждан до 700 тыс. руб. для юридических лиц [8].

По нашему запросу Россельхознадзор предоставил следующие данные: всего на территории края находится 61 скотомогильник, в том числе 30 – сибиреязвенные, из которых 13 – бесхозяйные. Несколько расположены в пределах округа горно-санитарной охраны КМВ (территория муниципальных образований городов Пятигорска, Ессентуков, Георгиевского, Минераловодского округов). Мы называем только сибиреязвенные бесхозяйные законсервированные скотомогильники. Отметим, что с 2014 г. по январь 2025 г. в крае ликвидировано около 250 скотомогильников.

Конечно, тенденция, связанная с ликвидацией скотомогильников, положительная, однако вызывает беспокойство правовая неопределенность, касающаяся бесхозяйных скотомогильников, тем более что среди них есть сибиреязвенные, некоторые из них функционировали с конца 30-х годов прошлого века. Дело в том, что обязанность по их ликвидации лежит на собственниках, однако законодательно не определено, кто должен ликвидировать бесхозяйные скотомогильники. В 2006 г. состоялось решение Верховного Суда РФ по оспариванию пунктов 6.1 и 6.10, действовавших на тот период времени Ветеринарных правил как противоречащих

ФЗ от 06.10.2003 № 131-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в РФ» [27]. Суд отклонил жалобу, определив, что, поскольку скотомогильники не могут быть бесхозяйными, таковые следует признать муниципальной собственностью. Правовым основанием Верховный Суд РФ посчитал ст. 225 ГК РФ, относящую бесхозяйные вещи к муниципальной собственности [4]. Однако вскоре Кассационная коллегия Верховного Суда РФ частично отменила принятое ранее решение относительно передачи бесхозяйных скотомогильников в муниципальную собственность [16]. Указом Президента РФ от 11.03.2019 № 97 было признано необходимым принятие нормативно-правового акта, согласно которому бесхозяйные скотомогильники должны передаваться в собственность субъектов РФ [20]. Но дело дальше Указа не пошло. Новая редакция Закона РФ «О ветеринарии», что называется, не откликнулась на требование Указа. Не внесены эти требования и в новые Ветеринарные правила. Таким образом, наличие правовой пробел, устранить который просто необходимо. Тем более что для нашего края, а особенно для региона КМВ, наличие подобных объектов чревато крайне опасными последствиями, имея в виду уже случившиеся наводнения, эрозионные процессы и возможные иные чрезвычайные ситуации.

Правовой режим обращения с радиационными отходами. Скажем мягко: радиационная ситуация на КМВ не совсем идеальная. Источники радиации – уран, ториевые руды и радон (последний используется в санаторно-курортном лечении). Известно, что с конца 40-х по 70-е годы прошлого столетия в районе г. Лермонтова велась добыча урана, следствием чего является оставшееся после разработок хвостохранилище, расположенное на поверхности земли. Территорию хвостохранилища рекультивировали, и теперь она считается слабо-радиоактивной.

Источниками радиации являются также оставшиеся после разработок урана шахты, часть из которых затоплена, другие – завалены рудой или наполнены радиоактивным газом. Радиоактивные отходы из штолен при подъеме грунтовых вод, родников, атмосферных осадков попадают в реку Подкумок [1]. Известны случаи разлива радиоактивных вод на поверхность – на территорию г. Лермонтова.

Существует обширная нормативная база, регулирующая отношения в области обращения с радиоактивными отходами. Однако не всегда достаточно иметь правовую базу, чтобы прийти к желаемому результату.

Ответственным за состояние и хвостохранилища, и плохо законсервированных шахт, по видимому, является Росатом, по крайней мере несколько лет назад их представители «грозились» наконец-то законсервировать хвостохра-

нилище (не самая финансово необеспеченная организация), нынешние собственники предприятий, созданных на базе закрывшегося ЛПО «Алмаз», а также Федеральный экологический оператор (он же Национальный оператор). Работы по радиационной реабилитации территории ведутся, но факты свидетельствуют, что комплексного плана по устранению всех возможных утечек радиоактивных отходов обществу не представлено. Видимо, наши отходы подпадают под п. 2 ст. 4 ФЗ 190-ФЗ «Об обращении с радиоактивными отходами и о внесении изменений в отдельные законодательные акты РФ»: «особые радиоактивные отходы – радиоактивные отходы, для которых риски, связанные с радиационным воздействием, иные риски, а также затраты, связанные с извлечением таких радиоактивных отходов из пункта хранения радиоактивных отходов, последующим обращением с ними, в том числе захоронением, превышают риски и затраты, связанные с захоронением таких радиоактивных отходов в месте их нахождения». Другими словами, переводя на доступную для понимания суть правовой нормы – дешевле оставить все как есть. Однако ст. 51 7-ФЗ прямо запрещает размещение радиоактивных отходов в границах округов горно-санитарной охраны.

Результаты. Проведенный анализ дает возможность сделать определенные выводы, касающиеся проблем обращения с отходами на территории курортов КМВ.

Прежде всего, следует отметить противоречия в законодательстве. Так, нормы постановления Правительства РФ от 30.08.2024 № 1186 [13] не совпадают с требованиями ст. 51 7-ФЗ в части обращения с отходами. 7-ФЗ запрещает размещение отходов всех классов

опасности в границах округа горно-санитарной охраны, тогда как постановление Правительства РФ вводит запрет на захоронение отходов производства и потребления, их обезвреживание и утилизацию термическими способами, а также хранение отходов производства и потребления I и II классов опасности лишь в 3-й охранной зоне. Юридическая сила закона выше, чем сила норм постановления Правительства РФ, следовательно, последнее требует корректировки.

Исходя из смысла ст. 51 7-ФЗ в границах округа горно-санитарной охраны должны быть ликвидированы все места размещения отходов, а также прекращена деятельность Пятигорского мусоросжигательного завода (это требование вытекает из постановления Правительства РФ 30.08.2024 № 1186). И это касается не только Ставропольского края, но также территории КБР и КЧР, где проходит граница округа горно-санитарной охраны курортного региона КМВ.

Согласно все той же ст. 51 7-ФЗ, следует ликвидировать хвостохранилище радиоактивных отходов в г. Лермонтове, также находящееся в границах округа горно-санитарной охраны, а также устранить все возможности по радиационному загрязнению через шахты, штольни и т. д.

Необходимо устранить правовую неопределенность, касающуюся бесхозных скотомогильников, внося соответствующую норму о передаче таковых в собственность субъектов РФ в 4979-1 – Закон РФ. Кроме того, требуется активизировать работы по ликвидации оставшихся на территории КМВ скотомогильников.

Полагаем, что реализация этих предложений устраним риски возникновения опасных экологических ситуаций в регионе КМВ, улучшит качество окружающей среды, а следовательно, благотворно скажется на здоровье людей.

Литература

1. Бедняков А. И. Радиационное загрязнение региона кавказских минеральных вод и мероприятия по рекультивации территории // Вестник науки. 2024. № 11(80). Т. 4. С. 1248–1254. URL: <https://www.вестник-науки.pf/article/19091> (дата обращения: 06.05.2025).
2. Бюджетный кодекс РФ от 31.07.1998 № 145-ФЗ (ред. от 13.07.2024, с изм. от 30.09.2024) // СПС «КонсультантПлюс».
3. В Ставрополье началась рекультивация двух закрытых мусорных полигонов // НИА Экология. URL: <https://nia.eco/2022/03/24/33034/?ysclid=map2jmr5sh703890558> (дата обращения: 15.05.2025).
4. Ветеринарные правила сбора, хранения, перемещения, утилизации и уничтожения биологических отходов, утвержденные Приказом Минсельхоза России от 11.11.2024 № 677 // СПС «КонсультантПлюс».
5. Жмыхова Т. Уголовное дело за порчу земли навозом на 15 миллионов рублей возбудили на Ставрополье // «Блокнот». URL: <https://bloknot-stavropol.ru/news/ugolovnoe-delo-za-porchu-zemli-navozom-na-15-milli-1775009?ysclid=map3xe49zk973504501> (дата обращения: 15.05.2025).
6. Закон РФ от 14.05.1993 № 4979-1 (ред. от 08.08.2024) «О ветеринарии» // СПС «КонсультантПлюс».
7. Земельный кодекс РФ от 25.10.2001 № 136-ФЗ (ред. от 30.11.2024) // СПС «КонсультантПлюс».
8. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30.12.2001 № 195-ФЗ (ред. от 13.12.2024) // СПС «КонсультантПлюс».
9. Определение Верховного Суда РФ от 13.06.2006 № КАС06-193 // СПС «КонсультантПлюс».
10. Постановление Главного государственного санитарного врача РФ от 28.01.2021 № 3 (ред. от 14.02.2022, утвердившее СанПиН 2.1.3684-21) // СПС «КонсультантПлюс».
11. Постановление Правительства РФ от 12.11.2016 № 1156 (ред. от 18.03.2021, с изм. от 30.05.2023) «Об обращении с твердыми коммунальными отходами и внесении изменения в постановление Правительства Российской Федерации от 25 августа 2008 г. № 641» // СПС «КонсультантПлюс».

12. Постановление Правительства РФ от 30.03.2018 № 379 (ред. от 29.12.2021) «О внесении изменений в государственную программу Российской Федерации «Охрана окружающей среды» на 2012–2020 годы» // СПС «КонсультантПлюс».
13. Постановление Правительства РФ от 30.08.2024 № 1186 «Об утверждении Положения об округах санитарной (горно-санитарной) охраны природных лечебных ресурсов» // СПС «КонсультантПлюс».
14. Постановление Правительства Ставропольского края от 22.09.2016 № 408-п (ред. от 24.12.2019, с изм. от 22.12.2021) «Об утверждении территориальной схемы обращения с отходами в Ставропольском крае» // СПС «КонсультантПлюс».
15. Постановление Правительства Ставропольского края от 28.12.2023 № 822-п «Об утверждении государственной программы Ставропольского края «Туристско-рекреационный комплекс»» // СПС «КонсультантПлюс».
16. Решение Верховного Суда РФ от 11.04.2006 № ГКПИ06-139 // СПС «КонсультантПлюс».
17. Рожки да ножки: КМВ угрожают биоотходы // Портал Железноводска. URL: <https://zheleznovodskiy.ru/articles/articles/2020-01-25/rozhki-da-nozhki-kmv-ugrozhayut-bioothody-43934?ysclid=map4d82c73859754920> (дата обращения: 15.05.2025).
18. Сотников М. И на свалках будут донник с клевером расти // Ставропольский репортер. URL: <https://stav-reporter.ru/obshhestvo/i-na-svalkax-budut-donnik-s-kleverom-rasti?ysclid=map2ybm3ie388076216> (дата обращения: 15.05.2025).
19. Сотников М. Росприроднадзор придумал, как можно побороть стихийные свалки // Ставропольский репортер. URL: <https://stav-reporter.ru/obshhestvo/rosprirodnadzor-pridumal-kak-mozhno-poborot-stixijnyie-svalki> (дата обращения: 15.05.2025).
20. Об Основах государственной политики Российской Федерации в области обеспечения химической и биологической безопасности на период до 2025 года и дальнейшую перспективу: Указ Президента РФ от 11.03.2019 № 97 // СПС «КонсультантПлюс».
21. Об основах охраны здоровья граждан в РФ: ФЗ от 21.11.2011 № 323-ФЗ (ред. от 08.08.2024, с изм. от 26.09.2024) // СПС «КонсультантПлюс».
22. Об обращении с радиоактивными отходами и о внесении изменений в отдельные законодательные акты РФ: ФЗ от 11.07.2011 № 190-ФЗ (ред. от 21.12.2021) // СПС «КонсультантПлюс».
23. Об отходах производства и потребления: ФЗ от 24.06.1998 № 89-ФЗ (ред. от 08.08.2024) // СПС «КонсультантПлюс».
24. О ратификации Базельской конвенции о контроле за трансграничной перевозкой опасных отходов и их удалением от 23.03.1990, Нью-Йорк): ФЗ от 25.11.1994 № 49-ФЗ // СПС «КонсультантПлюс».
25. О санитарно-эпидемиологическом благополучии населения: ФЗ от 30.03.1999 № 52-ФЗ (ред. от 08.08.2024) // СПС «КонсультантПлюс».
26. Об охране окружающей среды: ФЗ от 10.01.2002 № 7-ФЗ (ред. от 08.08.2024) // СПС «КонсультантПлюс».
27. Об общих принципах организации местного самоуправления в РФ: ФЗ от 06.10.2003 № 131-ФЗ (ред. от 13.12.2024) // СПС «КонсультантПлюс».

References

1. Bednyakov AI. Radiation pollution of the Caucasian mineral waters region and measures to reclaim the territory. Bulletin of Science. 2024; 4(11(80)):1248-1254. Available from: <https://www.vesnik-nauki.rf/article/19091> [Accessed 06 May 2025]. (In Russ.).
2. Budget Code of the Russian Federation of July 31, 1998 No. 145-FZ (as amended on July 13, 2024, as amended on September 30, 2024) in Consultant Plus – Legal Reference System. (In Russ.).
3. Reclamation of two closed landfills has begun in Stavropol in NIA Ekologiya. Available from: <https://nia.eco/2022/03/24/33034/?ysclid=map2jmr5sh703890558> [Accessed 15 May 2025]. (In Russ.).
4. Veterinary rules for the collection, storage, movement, disposal and destruction of biological waste, approved by Order of the Ministry of Agriculture of Russia dated 11.11.2024 No. 677 in Consultant Plus – Legal Reference System. (In Russ.).
5. Zhmykhova T. A criminal case for damage to land with manure worth 15 million rubles was initiated in Stavropol in "Bloknot". Available from: <https://bloknot-stavropol.ru/news/ugolovnoe-delo-za-porchu-zemli-navozom-na-15-milli-1775009?ysclid=map3xe49zk973504501> [Accessed 15 May 2025]. (In Russ.).
6. Law of the Russian Federation of 14.05.1993 No. 4979-1 (as amended on 08.08.2024) On Veterinary Medicine in Consultant Plus – Legal Reference System. (In Russ.).
7. Land Code of the Russian Federation of 25.10.2001 No. 136-FZ (as amended on 30.11.2024) in Consultant Plus – Legal Reference System. (In Russ.).
8. Code of the Russian Federation on Administrative Offenses" of 30.12.2001 N 195-FZ (as amended on 13.12.2024) in Consultant Plus – Legal Reference System. (In Russ.).
9. Definition of the Supreme Court of the Russian Federation of 13.06.2006 No. KAS06-193 in Consultant Plus – Legal Reference System. (In Russ.).
10. Resolution of the Chief State Sanitary Doctor of the Russian Federation of 28.01.2021 No. 3 (as amended on 14.02.2022, approving SanPiN 2.1.3684-21) in Consultant Plus – Legal Reference System. (In Russ.).
11. Resolution of the Government of the Russian Federation of 12.11.2016 No. 1156 (as amended on 18.03.2021, as amended on 30.05.2023) On the handling of municipal solid waste and amending the Resolution of the Government of the Russian Federation of August 25, 2008 No. 641 in Consultant Plus – Legal Reference System. (In Russ.).
12. RF Government Resolution of 30.03.2018 No. 379 (as amended on 29.12.2021) On Amendments to the State Program of the Russian Federation "Environmental Protection" for 2012-2020 in Consultant Plus – Legal Reference System. (In Russ.).
13. RF Government Resolution of 30.08.2024 No. 1186 On Approval of the Regulation on the Districts of Sanitary (Mountain-Sanitary) Protection of Natural Medicinal Resources in Consultant Plus – Legal Reference System. (In Russ.).

14. Resolution of the Government of the Stavropol Territory dated September 22, 2016 No. 408-p (as amended on December 24, 2019, as amended on December 22, 2021) On approval of the territorial waste management scheme in the Stavropol Krai in Consultant Plus – Legal Reference System. (In Russ.).
15. Resolution of the Government of the Stavropol Territory of 28.12.2023 No. 822-p On approval of the state program of the Stavropol Krai Tourist and recreational complex in Consultant Plus – Legal Reference System. (In Russ.).
16. Decision of the Supreme Court of the Russian Federation of 11.04.2006 No. GKPI06-139 in Consultant Plus – Legal Reference System. (In Russ.).
17. Horns and legs: KMV is threatened by biowaste in Zheleznovodsk Portal. Available from: <https://zheleznovodskiy.ru/articles/articles/2020-01-25/rozunki-da-nozhki-kmv-ugrozhayut-bioothody-43934?ysclid=map4d82c73859754920> [Accessed 15 May 2025]. (In Russ.).
18. Sotnikov M.I Sweet clover and clover will grow in landfills in Stavropol Reporter. Available from: <https://stav-reporter.ru/obshhestvo/i-na-svalkax-budut-donnik-s-kleverom-rasti?ysclid=map2ybm3ie388076216>. Accessed on May 15, 2025. (In Russ.).
19. Sotnikov M. Rosprirodnadzor has come up with a way to combat illegal dumps in Stavropol Reporter. Available from: <https://stav-reporter.ru/obshhestvo/rosprirodnadzor-pridumal-kak-mozhno-poborot-stixijnyie-svalki> (accessed: 15.05.2025). (In Russ.).
20. Decree of the President of the Russian Federation of March 11, 2019 No. 97 On the Fundamentals of the State Policy of the Russian Federation in the Field of Ensuring Chemical and Biological Safety for the Period until 2025 and after in Consultant Plus – Legal Reference System. (In Russ.).
21. Federal Law On the Fundamentals of Protecting the Health of Citizens in the Russian Federation dated 21.11.2011 No. 323-FZ (as amended on 08.08.2024, as amended on 26.09.2024) in Consultant Plus – Legal Reference System. (In Russ.).
22. Federal Law dated 11.07.2011 No. 190-FZ (as amended on 21.12.2021) On the Management of Radioactive Waste and on Amendments to Certain Legislative Acts of the Russian Federation in Consultant Plus – Legal Reference System. (In Russ.).
23. Federal Law dated 24.06.1998 No. 89-FZ (as amended on 08.08.2024) On Production and Consumption Waste in Consultant Plus – Legal Reference System. (In Russ.).
24. Federal Law of 25.11.1994 No. 49-FZ On Ratification of the Basel Convention on the Control of Transboundary Movements of Hazardous Wastes and their Disposal. March 23, 1990. City of New York in Consultant Plus – Legal Reference System. (In Russ.).
25. Federal Law of 30.03.1999 No. 52-FZ (as amended on 08.08.2024) On the Sanitary and Epidemiological Welfare of the Population in Consultant Plus – Legal Reference System. (In Russ.).
26. Federal Law of 10.01.2002 No. 7-FZ (as amended on 08.08.2024) On Environmental Protection in Consultant Plus – Legal Reference System. (In Russ.).
27. Federal Law of 06.10.2003 No. 131-FZ (as amended on 13.12.2024) On General Principles of Organization of Local self-government in the Russian Federation in Consultant Plus – Legal Reference System. (In Russ.).

Научная статья

УДК 340.13:341

<https://doi.org/10.37493/2409-1030.2025.3.19>

ПРОБЛЕМЫ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ НАЦИОНАЛЬНОГО И МЕЖДУНАРОДНОГО ПРАВА В СОВРЕМЕННЫХ РЕАЛИЯХ

Заира Мухарбиевна Суюнова¹, Роман Русланович Габрилян^{2*}

¹ Северо-Кавказская государственная академия (д. 35/41, ул. Ставропольская, Черкесск, 369001, Российская Федерация)
Старший преподаватель

Zaira_suyunova@mail.ru, <https://orcid.org/0009-0009-4697-7646>.

² Северо-Кавказский федеральный университет (д. 1, ул. Пушкина, Ставрополь, 355017, Российская Федерация)

Кандидат юридических наук, доцент

roman@gabrilyan.com, <https://orcid.org/0000-0001-9938-5809>

* Автор, ответственный за переписку

Аннотация. Введение. Взаимодействие национально-го и международного права представляет собой сложную и многогранную проблему современной юридической науки. В условиях геополитической напряженности отношения между этими правовыми системами становятся все более противоречивыми, что требует всестороннего анализа существующих подходов и концепций. В статье рассматриваются основные теоретические подходы к соотношению международного и национального права, способы имплементации международно-правовых норм в национальные правовые системы, а также современные тенденции в российской правовой системе относительно приоритета норм в контексте соотношения внутригосударственного и международного и права. **Материалы и методы.** Исследование основано на анализе нормативно-правовых актов Российской Федерации, включая Конституцию РФ с изменениями 2020 г., решения Конституционного Суда РФ, а также положения конституционных актов зарубежных государств. Применены сравнительно-правовой, формально-юридический и историко-правовой методы исследования. Теоретическую базу составили труды отечественных и зарубежных ученых в области конституционного и международного права, в том числе работы Г. И. Тункина В. Кауфманна, Г. Трипеля и современных российских исследователей. **Анализ.** В статье проанализированы монистическая и дуалистическая концепции соотношения международного и национального права, рассмотрены различные способы имплементации международно-правовых норм. Особое внимание уделено эволюции подхода Российской Федерации к вопросу о приоритете международного права, включая изменения в Конституцию РФ 2020 г. и правовые позиции Конституционного Суда РФ. Проведен сравнительный анализ подходов различных государств к имплементации международного права в национальные правовые системы. **Результаты.** В исследовании выявляется тенденция к усилению защиты

национального суверенитета в вопросах взаимодействия национально-го и международного права, которая обусловлена политизацией международных правовых механизмов и избирательным применением норм международного права отдельными государствами. Отмечается, что конституционные поправки 2020 г. в России не означают отказа от выполнения международных обязательств, а приняты с целью защиты конституционных ценностей. Подчеркивается необходимость поиска баланса между обеспечением национального суверенитета и исполнением международно-правовых обязательств, а также приводится тезис о важности укрепления доверия к международному праву как основе межгосударственных отношений. Авторы приходят к выводу о необходимости создания эффективных механизмов имплементации международно-правовых норм во внутригосударственное право при сохранении политической воли к соблюдению принципа добросовестного выполнения международных обязательств.

Ключевые слова: международное право, национальное право, внутригосударственное право, Конституционный Суд, имплементация правовых норм, pacta sunt servanda, государственный суверенитет

Для цитирования: Суюнова З. М., Габрилян Р. Р. Проблемы взаимодействия национального и международного права в современных реалиях // Гуманитарные и юридические исследования. 2025. Т. 12. № 3. С. 506–512. <https://doi.org/10.37493/2409-1030.2025.3.19>

Конфликт интересов: автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Вклад авторов: все авторы внесли равный вклад в подготовку публикации.

Статья поступила в редакцию: 17.03.2025.

Статья одобрена после рецензирования: 28.05.2025.

Статья принята к публикации: 28.08.2025.

Research article

PROBLEMS OF INTERACTION BETWEEN NATIONAL AND INTERNATIONAL LAW IN MODERN CONDITIONS

Zaira M. Suyunova¹, Roman R. Gabrilyan^{2*}

¹ North-Caucasus State Academy (35/41, Stavropolskaya Str., Cherkessk, 369001, Russian Federation)
Senior lecturer

Zaira_suyunova@mail.ru, <https://orcid.org/0009-0009-4697-7646>

² North-Caucasus Federal University (1, Pushkina Str., Stavropol, 355017, Russian Federation)

Cand. Sci. (Law), Associate Professor

roman@gabrilyan.com, <https://orcid.org/0000-0001-9938-5809>

* Corresponding author

Abstract. Introduction. The interaction of national and international law is a complex and multifaceted problem of contemporary legal science. In the context of geopolitical tension,

the relations between these legal systems are becoming increasingly contradictory, which requires a comprehensive analysis of existing approaches and concepts. The paper discusses

the main theoretical approaches to the relationship between international and national law, ways of implementing international legal norms into national legal systems, as well as modern trends in the Russian legal system regarding the priority of norms in the context of the relationship between international and domestic law. **Materials and methods.** The study is based on the analysis of the normative legal acts of the Russian Federation, including the Constitution of the Russian Federation as amended in 2020, the decisions of the Constitutional Court of the Russian Federation, as well as the provisions of the constitutional legal, formal legal and historical legal methods in this research. The theoretical base is formed by the works of eminent domestic and foreign scientists in the field of international and constitutional law, including the works of G. I. Tunkin, V. Kaufmann, G. Tripel, and contemporary Russian researchers. **Analysis.** The article analyzes the monistic and dualistic concepts of the relationship between international and national law, considers various ways of implementing international legal norms. Particular attention is paid to the evolution of the Russian Federation's approach to the issue of the priority of international law, including amendments to the Constitution of the Russian Federation of 2020 and the legal positions of the Constitutional Court of the Russian Federation. A comparative analysis of the approaches of various states to the implementation of international law in national legal systems is carried out. **Results.** The study reveals a trend towards strengthening the protection of national sovereignty in the interaction of international and national law, which

Введение. Отношения между национальным и международным правом всегда отличались напряженностью; это связано с тем, что для государств особенной задачей выступает сохранение суверенитета, при этом необходимо решать вторую задачу – исполнение международных обязательств. Из-за геополитической напряженности в современном мире такое взаимодействие в России становится все более сложным, что постепенно приводит к изменению правового ландшафта. В настоящей статье ставится цель – исследовать данные сложности для обеспечения всестороннего понимания насущных проблем как представителями юридической науки, так и практикующими юристами.

Соотношение национального и международного права представляется многогранной проблемой, что предполагает отсутствие единого мнения по данному вопросу. Как правило, выделяют два основных подхода – монистический и дуалистический.

Представитель немецкой правовой науки Г. Трипель, автор дуалистической концепции, национальные и международная правовые системы рассматривает как отдельные правовые порядки, которые не пересекаются, а следовательно, регулируют различные отношения [13]. Так, национальное право регулирует отношения внутри государства между частными лицами, а также между ними и государством. В то же время международное право призвано регулировать отношения между отдельными государствами.

По мнению Г. Трипеля, международные договоры и нормы должны непосредственно включаться в национальную правовую базу с помощью законодательных мер, прежде чем они смогут получить какое-либо внутреннее действие. Этот процесс, часто называемый

is due to the politicization of international legal mechanisms and the selective application of international law by individual states. It is noted that the constitutional amendments of 2020 in Russia do not mean a refusal to fulfill international obligations, but are aimed at protecting constitutional values. The need to find a balance between national sovereignty and international legal obligations is emphasized, as well as the importance of strengthening trust in international law as a mandatory basis for interstate relations. The author comes to the conclusion that it is necessary to create effective mechanisms for the implementation of international legal norms in domestic law while maintaining the political will to comply with the principle of good faith fulfillment of international obligations.

Keywords: international law, national law, domestic law, Constitutional Court, implementation of legal norms, pacta sunt servanda, state sovereignty

For citation: Suyunova ZM, Gabrilyan RR. Problems of interaction between national and international law in modern conditions. Humanities and law research. 2025;12(3):506-512. (In Russ). <https://doi.org/10.37493/2409-1030.2025.3.19>

Conflict of interest: the authors declare no conflicts of interests.

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article.

The article was submitted: 17.03.2025

The article was approved after reviewing: 28.05.2025.

The article was accepted for publication: 28.08.2025.

«трансформацией», включает в себя адаптацию международных обязательств к национальным законодательным актам, обеспечивая их применимость в национальной правовой среде. В концепции дуализма отстаивается суверенитет национальных правовых систем, а сторонниками концепции подчеркивается необходимость государственного контроля над процессом реализации международного права. Такой подход рассматривается как защита национальной правовой системы и позволяет государствам относиться к международным обязательствам в соответствии со своими собственными внутригосударственными принципами и приоритетами.

Монистическая концепция также корнями уходит в германскую юриспруденцию. Согласно положениям концепции, выработанным её автором Вильгельмом Кауфманном, верховенствовать может либо международное, либо национальное право, при этом они образуют единый правовой порядок [11]. Монистический подход предусматривает, что международные договоры и нормы автоматически становятся частью национальной правовой системы после ратификации, не требуя никаких дальнейших законодательных действий. Это означает, что после того как государства вступают в международные договорные отношения, положения договора могут непосредственно применяться без каких-либо дополнительных шагов. Сторонники монизма утверждают, что такой подход обеспечивает более эффективное соблюдение международных обязательств и способствует более плавной интеграции международных стандартов в национальную правовую систему. На первый план выдвигается идея сплошного правового континуума, утверждающая принцип, согласно которому международное право может превалиро-

вать над несоответствующими ему нормами внутригосударственного права, либо, наоборот, превалирует внутригосударственное право. Именно по этой причине возникли два течения внутри самой монистической концепции: верховенство международного права или верховенство национального права.

Материалы и методы. Исследование взаимодействия национального и международного права требует комплексного методологического подхода, учитывающего многогранность данной проблематики. В работе использован диалектический метод, позволивший рассмотреть соотношение национального и международного права в их взаимосвязи и развитии, а также выявить противоречия, возникающие в процессе их взаимодействия.

Историко-правовой метод применялся для анализа эволюции подходов к соотношению национального и международного права, начиная с классических концепций Г. Трипеля и В. Кауфманна, и заканчивая современными теориями в российской правовой науке. Формально-юридический метод позволил проанализировать нормативное содержание конституционных норм и судебных решений, касающихся имплементации международного права.

Сравнительно-правовой метод, являющийся одним из ключевых в данном исследовании, способствовал выявлению особенностей различных способов имплементации международного права в национальные правовые системы разных государств (Великобритании, Нидерландов, ФРГ, России), а также сопоставлению монистического и дуалистического подходов к соотношению правовых систем.

Нормативной базой исследования послужили Конституция Российской Федерации, Федеральный конституционный закон «О Конституционном Суде Российской Федерации», конституционные акты зарубежных государств, а также международно-правовые документы. Эмпирическую основу составили решения Конституционного Суда РФ и конституционных судов зарубежных стран по вопросам соотношения национального и международного права.

Системный анализ позволил рассмотреть проблему взаимодействия национального и международного права в контексте современных геополитических процессов и их влияния на национальные правовые системы. Обращение к трудам отечественных и зарубежных ученых помогло теоретически осмыслить исследуемую проблематику.

Комплексное применение указанных методов и источников позволило провести многоаспектный анализ современных проблем взаимодействия национального и международного права, выявить тенденции развития такого взаимодействия и предложить пути решения существующих противоречий.

Анализ. Исторически подход к роли международного права в современной отечественной юридической науке в значительной степени сформировался под влиянием советской доктрины, в которой международное право часто рассматривалось через идеологическую призму, при этом основное внимание уделялось исследованию социалистических международных отношений, которые базируются на принципах социалистического интернационализма. Так, в значимом труде Г. И. Тункина «Теория международного права» отмечалось, что международное право служит инструментом для укрепления мира и социалистических международных отношений [9]. Конечно, в современной России идеологическая составляющая более не определяет отношение к международному праву, тем не менее определённое влияние она оказала.

Среди актуальных вопросов взаимодействия национального и международного права, несомненно, выделяется проблематика приведения в действие норм международного права в рамках национальной правовой системы. Отметим, что единого мнения по данной проблеме ни у отечественных, ни у зарубежных учёных не сложилось. В настоящее время существуют разные способы имплементации международного права в национальную правовую систему. Традиционно выделяют адаптацию, инкорпорацию, трансформацию, отсылку и рецепцию.

Адаптация – наиболее простой из способов имплементации, не предполагает каких-либо изменений в национальном законодательстве, а международные нормы относятся к внутригосударственному праву.

Инкорпорация представляет собой интеграцию международных правовых норм в национальную правовую систему таким образом, что создаваемые международной нормой правила распространяют обязательства в национальном праве. Так, международные договоры становятся частью национального законодательства сразу после ратификации, не требуя дальнейших действий со стороны органов законодательной власти. Такой подход распространён в монистических правовых системах, где международное и национальное право рассматриваются в качестве единого правопорядка.

Трансформация требует формального законодательного закрепления международно-правовых норм в национальном законодательстве. Международные нормы преобразуются во внутригосударственные, например, в законах, обеспечивая их реализацию в рамках национальной правовой системы. Этот способ имплементации характерен для дуалистических систем, в которых, как отмечалось, международное и национальное право рассматриваются в качестве отдельных единиц.

Отсылка не требует серьёзных изменений национального права, достаточным является

указание в каком-либо национальном акте на международные правовые нормы.

Рецепция предполагает заимствование определённых правил поведения в международно-правовых актах для их реализации в национальном праве, которое фактически принимает принципы и стандарты международного права зачастую в общем виде.

Следует отметить, что наибольший интерес в современных условиях представляет трансформация и именно ей в отечественной правовой науке уделяется большое внимание, причём выделяется несколько её видов: прямая, опосредованная, генеральная и специальная. В первом виде имеет место непосредственная реализация международно-правовых норм, в случае если национальным законодательством такие нормы считаются приоритетными. При опосредованной трансформации требуется принятие внутригосударственного закона, посредством которого нормы международного права приобретают юридическую силу в национальном праве. Для использования генеральной трансформации в национальном праве требуется наличие общей нормы, посредством которой международные правовые нормы начинают действовать. Специальная трансформация предполагает адаптацию нормы для включения её во внутригосударственное право [1, с. 448].

Отметим, что в странах, где реализована дуалистическая концепция, зачастую для того чтобы международные нормы имели юридическую силу на национальном уровне, они должны быть непосредственно включены в национальное законодательство посредством принятия законодательных актов. Нередко это связано с принятием уполномочивающих норм, которые позволяют трансформировать международные обязательства в национальные законодательные акты. Так, в Соединённом Королевстве Великобритании и Северной Ирландии международные договоры, заключённые исполнительной властью, не становятся частью внутреннего законодательства до тех пор, пока парламент не примет необходимые законодательные акты для их реализации.

В тех государствах, где превалирует монистический подход, международные правовые нормы автоматически становятся частью национального законодательства после ратификации, не требуя каких-либо дополнительных законодательных действий. В данном случае применяется принцип самоисполнения договоров, что означает, что, как только договор ратифицирован, он может непосредственно реализовываться национальными субъектами. Например, статьей 93 Конституции Нидерландов предусматривается, что международные соглашения имеют прямое действие и обязательны для всех граждан без необходимости принятия дополнительных законодательных мер, после их опубликования [12].

В ряде государств комбинируются монистический и дуалистический подходы. При подобном смешанном подходе, страны могут автоматически включать определенные элементы международного права, например, международные обычаи, в то же время для международных договоров требуется совершение определенных законодательных действий. Так, в ФРГ общепризнанные нормы международного права непосредственно интегрированы во внутреннюю правовую систему, как указано в статье 25 Основного закона, но договоры требуют специальных уполномочивающих норм в законодательстве для их применения.

Среди основных имплементируемых элементов авторы выделяют принципы, правовые идеи, ценности, юридический язык, процедуры, отдельные институты права и нормативно-правовые акты [5, с. 207].

При принятии Конституции России в 1993 г. была закреплена, казалось бы, четкая позиция относительно вопроса о взаимоотношениях между национальным и международным правом. В пункте 4 статьи 15 говорится, что общепризнанные принципы и нормы международного права являются составной частью правовой системы Российской Федерации, а международные договоры, ратифицированные Россией, имеют приоритет над национальными законами.

Реализация данного принципа на практике оказалась не такой однозначной, что потребовало сначала толкования её Конституционным Судом Российской Федерации, а затем были внесены изменения в Конституцию РФ.

Так, Конституционный Суд в 2015 г. по запросу депутатов Государственной Думы РФ принял Постановление, которым отмечалась невозможность имплементации международных договоров в правовую систему России в случае, если это может повлечь определённые негативные последствия для основ конституционного строя государства или прав и свобод человека и гражданина [7]. Данное решение критиковалось как зарубежными политиками, так и учёными, при этом Конституционным Судом в Постановлении приводится судебная практика других государств. Так, схожие решения в разное время принимались Федеральным Конституционным Судом ФРГ, Конституционным Судом Италии, Конституционным Судом Австрии и Верховным Судом Соединённого Королевства.

Результаты. В декабре 2015 г. были внесены изменения в ФКЗ «О Конституционном Суде Российской Федерации», которые наделили Конституционный Суд полномочиями разрешения вопроса о возможности исполнения решений межгосударственного органа по защите прав и свобод человека [10].

Этот шаг может широко интерпретироваться в качестве попытки оградить Россию от неблагоприятных международно-правовых реше-

ний, зачастую весьма политизированных, при этом вопрос взаимодействия национального и международного права рядом зарубежных и некоторыми отечественными исследователями рассматривался в качестве ещё более запутанного [2]. В данном случае авторы ссылаются также на особое мнение, изложенное судьей А. Л. Кононовым в Определении КС РФ от 4.12.2007. Напомним, гражданин России подал жалобу в связи с отказом в его регистрации в качестве кандидата в депутаты Московской областной Думы по причине наличия у него подданства Соединённого Королевства Великобритании и Северной Ирландии. Конституционный Суд обратил внимание на то, что нарушается государственный суверенитет Российской Федерации. Судья А. Л. Кононов отметил, что, так как государственный суверенитет не является одной из целей, защищаемых Конституцией, из-за которых возможно ограничение основных прав и свобод человека и гражданина. Следовательно, наличие у гражданина иного или двойного гражданства не может быть причиной ограничения конституционного пассивного избирательного права [6]. Мнение, конечно, вызывает интерес, но если развивать данную мысль, то выйдет, что гражданину иностранного государства можно предоставить право быть избранным Президентом РФ.

После очередного Послания Президента РФ Федеральному Собранию в начале 2020 г. по поручению главы государства началась разработка поправок в Конституцию РФ. В числе поправок оказались и те, которые были призваны обеспечивать верховенство Основного закона в отечественной правовой системе. Изменить статью 15 не представлялось возможным, вследствие чего была изложена в новой редакции статья 79 Конституции РФ [4].

А. А. Каширкина и А. Н. Морозов справедливо отмечают, что поправки к Конституции не были призваны продемонстрировать отказ нашего государства от выполнения международных обязательств. Главной их целью явилась конкретизация конституционно-правовых норм для защиты от тех норм международного права, которые не соответствуют Конституции РФ [8, с. 195–196].

Несомненно, решения Конституционного Суда и изменения в Конституции до 2014 г. появились не случайно. Вопрос об этом не ставился таким радикальным образом, однако глубоко политизированные решения ЕСПЧ, грубое попрание международного права в Косовской проблеме, в вопросе наложения санкций за присоединение Крыма и т. д. подтолкнули Российскую Федерацию к уточнению норм и поиску решения проблемы взаимоотношения национального и международного права. У западных исследователей подобные метаморфозы в рос-

сийской правовой системе вызвали непонимание и неприятие.

Однако можно ли на основании этого назвать сами действия Российской Федерации чрезвычайно резкими? Отчасти да, но сложившаяся проблема, вероятно, состояла в пробелах самой Конституции РФ. Общеизвестно, в каких условиях готовился её проект и сколько времени заняла подготовка. Вследствие чего считаем, что подобные изменения оказались лишь вопросом времени.

Сложностей во взаимоотношении национального и международного права добавили события, происходившие на земном шаре и в последние три десятка лет. После крушения СССР, США и западноевропейские государства стали навязывать всему миру собственные стандарты в экономике, политике и жизни общества в целом. Конечно, под давлением оказалось и международное право. Организация объединённых наций стала терять свой авторитет, также не без помощи западных государств. Несколькими волнами расширения Североатлантического альянса; уничтожение Югославии; признание Косово; «цветные» революции; хаос, устроенный Западом на Ближнем Востоке и африканском континенте; события на Украине и в других странах бывшего Советского Союза; проблема Тайваня и экономическое давление на Китай; санкции, введённые в обход Совета Безопасности ООН – всё это, как представляется, действия, умаляющие роль международного права. Естественно, на Западе прежде всего в англоязычных странах, всё чаще от политиков и дипломатов можно услышать не о международном праве, на котором базируются отношения между государствами в современном мире, а о правилах, творцами которых и являются те самые государства. В подобных условиях приходится говорить о желании большей части стран мира, как минимум, членом ООН, и обладающих реальным суверенитетом при уяснении вопроса соотношения норм международного и национального права делать выбор в пользу международного права. Вышесказанное в складывающихся условиях наносит серьёзный удар по международному праву, от чего будет страдать и национальное право, которое во многом обновляется и обогащается благодаря международному. Перечисленные выше факторы оказывают влияние на многие элементы правовой системы отдельных государств: от системы права до правовой политики. При этом модернизация национальной правовой системы без международного права не представляется возможной, и – самое важное – критически от международного права зависит такой ключевой институт, как права и свободы человека.

Избирательное отношение к нормам международного права с попыткой их подмены правилами имеют далеко идущие последствия для

мирового правопорядка. Подобное поведение недружественных государств бросает вызов самим основам международного права, которые опираются на принцип *pacta sunt servanda* – основополагающий принцип международного права, устанавливающий добросовестность выполнения его норм. Пренебрегая международно-правовыми обязательствами, Запад создает условия, при которых побуждает другие государства последовать его примеру, что потенциально может привести к более фрагментированной и менее предсказуемой международной правовой системе. О всевозрастающей политизированности отношения к международному праву в отдельных странах пишет и В. А. Карташкин [3, с. 168].

Кроме того, позиция США и сателлитов подчеркивает ограниченность международно-правовых механизмов в обеспечении соблюдения международных правовых норм, особенно в отношении могущественных государств. Эта реальность подчеркивает необходимость перезагрузки международных правовых институтов для решения вопросов правотворчества и правоприменения, укрепления доверия к международному праву как к обязательной основе.

В заключение отметим, что взаимодействие национального права с международным правом остается одним из наиболее актуальных вопросов в современной юридической науке. Исследователи не пришли к единому мнению в отношении применимости норм международного

права в правовых системах отдельных государств, разделившись на два основных лагеря. Существенной проблемой является геополитический фон, оказывающий негативное влияние на взаимодействие двух правовых порядков, вселяющий недоверие к международному праву, отчего страдают как внутригосударственное, так и международное право, тормозится их обновление, что впоследствии оказывает влияние на такие важнейшие стороны жизни, как права и свободы человека. Кроме того, всё чаще нарушается важнейший принцип международного права – *pacta sunt servanda*. Понимание этих сложностей имеет большое значение для решения задач, стоящих перед международным сообществом. Необходимо ликвидировать напряженность между государствами, повысить роль межгосударственных отношений и найти баланс между национальным и международным правом, между обеспечением суверенитета и международно-правовыми обязательствами.

Несомненно, на международное право оказывают значительное влияние те условия, в которых оказывается международное сообщество. При этом сами по себе международные правовые нормы не могут являться инструментом, который действует автоматически. Они требуют создания определённого механизма во внутригосударственном праве, а также политической воли и многих других факторов.

Литература

1. Агамиров К. В. Прогностический анализ влияния глобализации на трансформацию норм международного права в российскую правовую систему // Балтийский гуманитарный журнал. 2017. № 4(21). С. 447–453.
2. Иванов А. Права человека и государственный суверенитет в решениях КС РФ // Адвокатская газета. URL: <https://www.advgazeta.ru/mneniya/prava-cheloveka-i-gosudarstvennyy-suverenitet-v-resheniyakh-ks-rf/> (дата обращения: 20.10.2024).
3. Карташкин В. А. Права человека и современные международные отношения: сборник статей. М.: Норма, 2024. 176 с.
4. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020). URL: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=LAW&n=2875&dst=0&edition=etD&md=McmVGA#Ges9TjUkimod0BVL> (дата обращения: 21.10.2024).
5. Курносоева Т. И. Понятие и способы имплементации норм международного права в национальное законодательство // Актуальные проблемы российского права. 2015. № 4. С. 203–209.
6. Определение Конституционного Суда РФ от 04.12.2007 № 797-О-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Кара-Мурзы Владимира Владимировича на нарушение его конституционных прав положением пункта 3.1 статьи 4 Федерального закона "Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации"». URL: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=ARB&n=46076&cacheid=23868E837E3432EC9C2F7CF5754E90D3&mode=splus&md=McmVGA#bVIATjUiFoAR8id4> (дата обращения: 03.11.2024).
7. Постановление Конституционного Суда РФ от 14.07.2015 № 21-П «По делу о проверке конституционности положений статьи 1 Федерального закона "О ратификации Конвенции о защите прав человека и основных свобод и Протоколов к ней", пунктов 1 и 2 статьи 32 Федерального закона "О международных договорах Российской Федерации", частей первой и четвертой статьи 11, пункта 4 части четвертой статьи 392 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации, частей 1 и 4 статьи 13, пункта 4 части 3 статьи 311 Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации, частей 1 и 4 статьи 15, пункта 4 части 1 статьи 350 Кодекса административного судопроизводства Российской Федерации и пункта 2 части четвертой статьи 413 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с запросом группы депутатов Государственной Думы». URL: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=ARB&n=431881&cacheid=F776C927BFD23FE3496B2A0AF181491F&mode=splus&md=McmVGA#vQeATjUcr50S4UIJ3> (дата обращения: 03.11.2024).
8. Современная концепция взаимодействия международного и внутригосударственного права в свете внесенных поправок в Конституцию РФ: монография / А. Я. Капустин, В. П. Авхадеев, Г. М. Азнагулова [и др.]; отв. ред. А. Я. Капустин. М.: НОРМА; ИНФРА-М, 2024. 336 с.

9. Тункин Г. И. Теория международного права: монография / под общ. ред. проф. Л. Н. Шестакова. М.: Зерцало-М, 2016. 416 с.
10. О внесении изменений в Федеральный конституционный закон «О Конституционном Суде Российской Федерации»: Федеральный конституционный закон от 14.12.2015 № 7-ФКЗ. URL: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=LAW&n=190427&cacheid=AEAF99E755A6B1F87F7506209F9ACA28&mode=splus&rnd=McmVGA#pR7BTjUlu3E7jAP6> (дата обращения: 21.10.2024).
11. Kaufman W. Die Rechtskraft des Internationalen Rechtes und das verhältniss der Staatsgesetzgebungen und der Staatsorgane zu demselben. Stuttgart: F. Enke, 1899. 126 p.
12. The Constitution of the Kingdom of the Netherlands // Government of the Netherlands. URL: <https://www.government.nl/documents/regulations/2012/10/18/the-constitution-of-the-kingdom-of-the-netherlands-2008> (дата обращения: 24.10.2024).
13. Triepel H. Völkerrecht und landesrecht. Leipzig: C. L. Hirschfeld, 1899. 452 p.

References

1. Agamirov KV. The predictive analysis of influence of globalization on transformation of rules of international law in the Russian legal system. *Baltic Humanitarian Journal*. 2017;(4):447-453. (In Russ.).
2. Ivanov A. Human Rights and State Sovereignty in the Decisions of the Constitutional Court of the Russian Federation in Advocate's Newspaper. Available from: <https://www.advgazeta.ru/mneniya/prava-cheloveka-i-gosudarstvenny-suverenitet-vresheniyakh-ks-rf/> [Accessed 20 October 2024].
3. Kartashkin VA. Human rights and contemporary international relations: a collection of articles. Moscow: Norma; 2024. 176 p.
4. Constitution of the Russian Federation (adopted by popular vote on 12.12.1993 with amendments approved at the all-Russian vote 01.07.2020). Available from: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=LAW&n=2875&dst=0&edition=etD&rnd=McmVGA#Ges9TjUkimod0BVL> [Accessed 21 October 2024].
5. Kumosova TI. The concept and methods of implementing the norms of international law into national legislation. *Current problems of Russian law*. 2015;(4):203-209. (In Russ.).
6. Ruling of the Constitutional Court of the Russian Federation of 04.12.2007 No. 797-O-O "On the refusal to accept for consideration the complaint of citizen Vladimir Vladimirovich Kara-Murza on the violation of his constitutional rights by the provisions of paragraph 3.1 of Article 4 of the Federal Law "On the Basic Guarantees of Electoral Rights and the Right to Participate in a Referendum of Citizens of the Russian Federation". Available from: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=ARB&n=46076&cacheid=23868E837E3432EC9C2F7CF5754E90D3&mode=splus&rnd=McmVGA#bVIATjUiFoAR8id4> [Accessed 13 November 2024].
7. Resolution of the Constitutional Court of the Russian Federation of 14.07.2015 No. 21-P "On the case of verifying the constitutionality of the provisions of Article 1 of the Federal Law "On Ratification of the Convention for the Protection of Human Rights and Fundamental Freedoms and the Protocols thereto", paragraphs 1 and 2 of Article 32 of the Federal Law "On International Treaties of the Russian Federation", parts one and four of Article 11, paragraph 4 of part four of Article 392 of the Civil Procedure Code of the Russian Federation, parts 1 and 4 of Article 13, paragraph 4 of part 3 of Article 311 of the Arbitration Procedure Code of the Russian Federation, parts 1 and 4 of Article 15, paragraph 4 of part 1 of Article 350 of the Code of Administrative Procedure of the Russian Federation and paragraph 2 of part four of Article 413 of the Criminal Procedure Code of the Russian Federation in connection with the request of a group of deputies of the State Duma". Available from: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=ARB&n=431881&cacheid=F776C927BFD23FE3496B2A0AF181491F&mode=splus&rnd=McmVGA#vQeATjUcr50S4UIJ3> [Accessed 13 November 2024].
8. Kapustin AY, Avkhadeev VR, Aznagulova GM. [et al.]. The contemporary concept of interaction between international and domestic law in light of amendments to the Constitution of the Russian Federation: monograph. Editor-in-Chief AY. Kapustin. Moscow: Norma; INFRA-M; 2024. 336 p.
9. Tunkin GI. Theory of International Law: Monograph. Ed. by LN. Shestakov. Moscow: Zertsalo-M; 2016. 416 p.
10. On Amendments to the Federal Constitutional Law "On the Constitutional Court of the Russian Federation: Federal Constitutional Law of 14.12.2015 No. 7-FKZ. Available from: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=LAW&n=190427&cacheid=AEAF99E755A6B1F87F7506209F9ACA28&mode=splus&rnd=McmVGA#pR7BTjUlu3E7jAP6> [Accessed 21 October 2024].
11. Kaufman W. Die Rechtskraft des Internationalen Rechtes und das verhältniss der Staatsgesetzgebungen und der Staatsorgane zu demselben. Stuttgart: F. Enke; 1899. 126 p.
12. The Constitution of the Kingdom of the Netherlands in Government of the Netherlands. Available from: <https://www.government.nl/documents/regulations/2012/10/18/the-constitution-of-the-kingdom-of-the-netherlands-2008> [Accessed 20 October 2024].
13. Triepel H. Völkerrecht und landesrecht. Leipzig: CL. Hirschfeld, 1899. 452 p.

Научная статья

УДК 81`42

<https://doi.org/10.37493/2409-1030.2025.3.20>ИНТЕРПРЕТАЦИЯ ХУДОЖЕСТВЕННОГО ПРИЁМА В ТЕКСТЕ
ЛИНГВИСТИЧЕСКИМИ НЕЙРОСЕТЯМИ АЛИСА YANDEXGPT 5 PRO, GPT-4O DUM-E,
DEEPSEEK РИКО И GIGACHATСергей Викторович Гусаренко¹, Марина Константиновна Гусаренко^{2*}^{1,2} Северо-Кавказский федеральный университет (д.1, ул. Пушкина, Ставрополь, 355017, Российская Федерация)¹ Доктор филологических наук, профессор
sgusarenko@mail.ru; <https://orcid.org/0009-0000-9245-2255>² Кандидат филологических наук, доцент
mkgusarenko@mail.ru; <https://orcid.org/0009-0005-9312-8621>

* Автор, ответственный за переписку

Аннотация. Введение. Цель исследования состояла в изучении способностей нейросетей Алиса YandexGPT 5 Pro, GPT-4o DUM-E, DeepSeek Рико, GigaChat к адекватной интерпретации художественных текстов. Было проведено изучение следующих возможностей этих языковых нейросетей: идентификация в тексте художественного приёма; применение языка метаописания; распознавание и характеристика прецедентных феноменов – исторических персонажей, событий, явлений; распознавание и интерпретация метафоры и гиперболы; интерпретация семантически сложного выражения в контексте. **Материалы и методы.** В качестве материала исследования избран фрагмент первой главы романа И. Ильфа и Е. Петрова «Золотой телёнок». В качестве основных использовались метод макроструктурного анализа, метод интерпретационного анализа, процедурно-семантического анализа. **Анализ.** В ходе исследования в ответах – интерпретациях нейросетей выделялись рематические элементы, сводились в единую таблицу и подвергались семантическому и сопоставительному анализу, в ходе которого выявлялись как успешные интерпретации, так и отрицательные результаты. **Результаты.** Установлено, что изучаемые языковые нейросети способны успешно идентифицировать художественный приём в анализируемом тексте. Так, названные нейросети адекватно интерпретировали обращение авторов к прецедентным именам, при этом они также адекватно определили цели этого обращения: создание контраста, расширение временных рамок повествования. При единообразной идентификации приёма – создание контраста – четыре разные нейросети также единообразно опре-

делили противопоставляемые семантические объекты в глубинной семантике текста, при этом по-разному определили репрезентацию этих объектов в поверхностных структурах. Нейросети Алиса YandexGPT 5 Pro и GPT DUM-E идентифицировали гиперболу как художественный приём, причём Алиса только констатировала художественный приём, между тем как нейросеть DUM-E определила его содержание. Также был выявлен ряд дефектов в интерпретации текста нейросетями.

Ключевые слова: текст, интерпретация, языковая нейросеть, художественный приём, прецедентный феномен, гипербола

Для цитирования: Гусаренко С. В., Гусаренко М. К. Интерпретация художественного приёма в тексте лингвистическими нейросетями Алиса YandexGPT 5 Pro, GPT-4o DUM-E, DeepSeek Рико и GigaChat // Гуманитарные и юридические исследования. 2025. Т. 12. № 3. С. 513–523. <https://doi.org/10.37493/2409-1030.2025.3.20>

Конфликт интересов: один из авторов – доктор филологических наук, профессор С. В. Гусаренко является членом редколлегии журнала «Гуманитарные и юридические исследования». Авторам неизвестно о каком-либо другом потенциальном конфликте интересов, связанном с этой рукописью.

Вклад авторов: все авторы внесли равный вклад в подготовку публикации.

Статья поступила в редакцию: 17.05.2025.

Статья одобрена после рецензирования: 28.07.2025.

Статья принята к публикации: 28.08.2025.

Research article

INTERPRETATION OF FIGURATIVE LANGUAGE IN TEXT BY LINGUISTIC NEURAL
NETWORKS ALICE YANDEXGPT 5 PRO, GPT-4O DUM-E, DEEPSEEK RICO AND GIGACHATSergey V. Gusarenko¹, Marina K. Gusarenko^{2*}^{1,2} North-Caucasus Federal University (1, Pushkina St., Stavropol, 355017, Russian Federation)¹ Dr. Sc. (Philology), Professor
sgusarenko@mail.ru; <https://orcid.org/0009-0000-9245-2255>² Cand. Sc. (Philology), Associate Professor
mkgusarenko@mail.ru; <https://orcid.org/0009-0005-9312-8621>

* Corresponding author

Abstract. Introduction. The purpose of the research was to study the abilities of the neural networks Alice YandexGPT 5 Pro, GPT-4o DUM-E, DeepSeek Rico, GigaChat to adequately interpret literary texts. The following possibilities of these linguistic neural networks were studied: identification of a stylistic device in the text; application of the language of meta-description; recognition and characterization of precedent phenomena – historical characters, events, phenomena; recognition and interpretation of metaphor and hyperbole; interpretation of semantically complex expressions in context. **Materi-**

als and methods. A fragment of the first chapter of the novel The Golden Calf by I. Ilf and E. Petrov was chosen as the research material. The method of macrostructural analysis, the method of interpretative analysis, and procedural-semantic analysis were used as the main ones. **Analysis.** In the course of the study, rhematic elements were identified in the responses-interpretations of neural networks, summarized in a single table and subjected to semantic and comparative analysis, which revealed both successful interpretations and negative results. **Results.** It is shown that the studied language neural networks

are able to successfully identify a stylistic device in the analyzed text. Thus, the named neural networks adequately interpreted the authors' reference to precedent names, while they also adequately defined the goals of this appeal: creating contrast, expanding the time frame of the narrative. With the uniform identification of the contrast creating technique, four different neural networks also uniformly identified the opposable semantic objects in the deep semantics of the text, while defining the representation of these objects in surface structures in different ways. The neural networks Alice YandexGPT 5 Pro and GPT DUM-E identified hyperbole as a stylistic device, and Alice only stated the stylistic device, while the neural network DUM-E determined its content. A number of defects in the interpretation of text by neural networks were also identified.

Keywords: text, interpretation, linguistic neural network, stylistic device, precedent phenomenon, hyperbole

Введение. Цель работы состоит в изучении способностей нейросетей к адекватной интерпретации художественных текстов. Большие лингвистические модели показывают впечатляющие результаты в обработке естественного языка, следствием чего является тот факт, что языковые нейросети стали едва ли не полноценными субъектами речевой деятельности, которые генерируют тексты-интерпретации самой разной тематики и степени сложности, могущие в полной мере выступать и выступающие значимыми факторами в социально-экономической сфере, в творческой деятельности человека, что определяет актуальность исследований по настоящей тематике.

Способность языковых нейросетей к интерпретации художественных текстов имеет особое значение, поскольку именно художественный текст во всём разнообразии языковых средств представляет собой своего рода концентрацию всех сложностей, с которыми может столкнуться интерпретатор, – от прозрачного намёка до сложной имплицитной с инвективной коннотацией [3]. Художественный текст может включать элементы любой дискурсивно-стилистической разновидности и представляет собой самозамкнутую, то есть обращённую внутрь себя, но при этом детерминированную внешними факторами систему референциальных и прочих семантических связей и отношений [2; 4; 5; 6], причём конфигурации этих связей и отношений могут быть как типовыми для определенных классов языковых выражений и разновидностей текстов, так и по-авторски уникальными, и чтобы адекватно интерпретировать художественный текст, интерпретатор – человек или языковая нейросеть – должен обладать способностью к установлению этих связей и отношений, к определению языковых и текстовых сущностей и явлений, которые складываются из этих отношений.

Исследование проводилось с текстами-интерпретациями, сгенерированными языковыми нейросетями Алиса YandexGPT 5 Pro [1], GPT-4o DUM-E [11], DeepSeek Рико [8], GigaChat [10]. Данные нейросети находятся в свободном бесплатном доступе и при этом показывают высокие результаты как в генерации текстов, так и в их интерпретации, то есть могут рассматриваться

For citation: Gusarenko SV, Gusarenko MK. Interpretation of figurative language in text by linguistic neural networks Alice YandexGPT 5 Pro, GPT-4o DUM-E, DeepSeek Rico and GigaChat. Humanities and law research. 2025;12(3):513-523. (In Russ). <https://doi.org/10.37493/2409-1030.2025.3.20>

Conflict of interest: one of the authors, SV Gusarenko, Dr. Sc. (Philology), Professor, is a member of the editorial board of the journal "Humanities and law research". The authors are unaware of any other potential conflict of interest related to this manuscript of interests.

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article.

The article was submitted: 17.05.2025

The article was approved after reviewing: 28.07.2025.

The article was accepted for publication: 28.08.2025.

как полноценные представители класса больших лингвистических моделей.

В соответствии с темой и целью нашего исследования было проведено изучение следующих возможностей языковых нейросетей, названных выше: идентификация в тексте художественного приёма; применение языка метаописания; распознавание и характеристика прецедентных феноменов – исторических персонажей, событий, явлений; распознавание и интерпретация метафоры и гиперболы; интерпретация семантически сложного выражения в контексте. Отметим, что распознавание гиперболы рассматривается как особая задача в ходе обработки естественного языка, поскольку для того, чтобы понять, что есть преувеличение в анализируемом тексте, надо определить критерий для сопоставления, то есть то, что было бы «нормой», а не преувеличением, что под силу только развитой интерпретирующей системе.

Материалы и методы. Понимание фигуративных (образных) выражений, свойственных художественному тексту, выступало одной из важнейших задач в рамках более широкой задачи обработки естественного языка языковыми нейросетями. И способность к интерпретации метафоры рассматривалась как определяющий шаг к решению этой задачи, исследователи сосредоточились на этом направлении и нашли необходимые решения.

Так, L. Emmy, C. Chenxuan, Zh. Kenneth и N. Graham в статье «Testing the Ability of Language Models to Interpret Figurative Language» отметили, что фигуративный язык имеет основанием общее понимание действительности или культурные знания, поэтому в некоторых случаях могут возникнуть трудности его интерпретации только лишь векторно-статистическими средствами. Это рассматривалось как серьёзная проблема для больших лингвистических моделей, поскольку обученные только на определенном корпусе текстов, они могут не справляться с пониманием физического мира или социокультурных явлений, на знании о которых основано функционирование естественного языка. Поэтому авторы пишут о необходимости разработки моделей, методов обучения и специальных наборов данных, которые позволили бы сформировать у языковых мо-

делей метафорическое «мышление», повысить способности моделей к творческому рассуждению и установлению аналогий между явлениями, которые могут казаться не связанными между собой на поверхностном уровне текстового представления [9].

В статье Y. Gu, Y. Fu, V. Pyatkin, I. Magnusson, B. D. Mishra и P. Clark «Just-DREAM-about-it: Figurative Language Understanding with DREAM-FLUTE» авторы-разработчики представили DREAM-FLUTE – систему понимания фигуративного языка, которая в ходе выполнения задачи на первом этапе формирует «ментальную модель» ситуации / сцены применения образного выражения и далее после выявления сущностных отношений между ключевыми компонентами даёт соответствующую квалификацию языковому выражению. Как показало тестирование, использование такой разработки сцен в качестве дополнительного контекста интерпретации улучшает производительность языковых моделей [13].

В настоящее время, когда языковые нейросети успешно находят в тексте и интерпретируют метафоры, специалисты работают над решением задач более высокого уровня сложности. Так, В. Шульгин, Х. Б. Шимшек, С. Кудряшов, Р. Рандовцова и С. Шевела в статье «Evaluating the Pragmatic Competence of Large Language Models in Detecting Mitigated and Unmitigated Types of Disagreement» (2025 г.) представили результаты исследования, посвященного изучению способности языковых нейросетей к идентификации стратегий выражения несогласия, при этом в целях оценки согласованности между большими языковыми моделями и человеческими суждениями была выбрана идентификация саркастического несогласия как особенно интересная и спорная задача. Среди прочего авторы отмечают, что обнаружение сарказма оказалось более легкой задачей, чем обнаружение иронии, все большие языковые модели, кроме одной, продемонстрировали более высокую точность в решении этого типа задач. Выполненное исследование выявило коммуникативные контексты, в которых большинство языковых моделей в авторском наборе данных продемонстрировало ошибочные результаты. Авторы приходят к выводу, что обнаружение сарказма выявило значительные пробелы в возможностях моделей по сравнению с аннотаторами. В ходе анализа ошибок были выявлены ситуации, в которых большинство языковых моделей ошибалось в отличении разногласий от простого сомнения или эмоциональных оценок, что демонстрирует сложность речевой прагматики, где ключевую роль играют контекст, тон и культурные нюансы, те области, в которых у больших языковых моделей часто отсутствует тонкое понимание [15].

Е. Громенко, Д. Калачёва, К. Клокова, М. Кронгауз, О. Мороз и М. Шульгин в статье «Cultural Evaluation of LLMs in Russian: Catchphrases and Cultural Types» (2025 г.) привели результаты исследования, в котором языковая нейросеть рассматривается как определённый субъект речи, наделённый

теми или иными лингвокультурными признаками, всего было выделено девять типов культурных субъектов – языковых моделей. Каждая модель рассматривалась как отдельный лингвокультурный тип, обладающий уникальным речевым репертуаром, специфическими языковыми стратегиями для выражения культурных предпочтений и отличительным поведением в культурном потреблении. В ходе анализа были выявлены типичные ошибки языковых моделей, среди которых – выбор синонимичных, но некорректных ответов, а также неспособность распознать культурно-специфичную логику. Исследователи подчеркивают, что большие языковые модели ограничены в интерпретации культурного контекста, что формирует основу для дальнейших исследований оценки культурно-лингвистических компетенций языковых моделей [12].

А. Котов, А. Филатов, З. Носовец и Н. Аринкин в статье «The development of a natural language reasoning system for a companion robot» (2025 г.) приводят результаты исследования, в ходе которого они смоделировали процесс естественного языкового рассуждения человека как переход от одного семантического представления к другому. Авторы смоделировали и представили пространство возможных переходов в виде графа, содержащего около 5 000 сценариев. На основании собственных оценок, приведённых в этой статье, авторы выдвинули предположение, что инвентарь из примерно 7 000 сценариев будет достаточен для базового моделирования человеческого естественного языкового вывода. Эта оценка отвечает на вопрос о том, сколько фреймов должна содержать разумно полная семантическая модель [14].

Среди работ, посвященных лингвистическим способностям искусственного интеллекта, есть также такие, в которых выражается критическое отношение к этим способностям. Так, Hélié Bazin в статье «Are Large Language Models capable of Gricean conversational implicatures» (2025 г.), опираясь на недавние исследования в области эпистемологии понимания, ставит под сомнение утверждение о том, что большие языковые модели понимают разговорные импликатуры, и выдвигает тезис, что языковым нейросетям не хватает intersubjectively компонента речи, необходимого для понимания разговорных импликаций [7].

Анализ работ, представляющих современное состояние исследований в области обработки естественного языка большими языковыми моделями, позволил избрать методы и материалы для нашего исследования по избранной теме.

Как отмечалось выше, способности нейросетей к созданию качественных текстов-интерпретаций уже не вызывают сомнения, и в данном случае нам интересна сама способность к интерпретации, поэтому в промпте не детализируется, в какой дискурсивной роли выступает нейросеть – лингвиста-эксперта или рядового читателя. Такой промпт даёт возможность выяснить, какую дискурсивную роль выберет себе каждая из исследуемых

нейросетей и выберет ли вообще, какой текстовый способ подачи данных будет избран. Вопросы к тексту не содержат специальной лексики и других стилистических указаний на научный характер промпта и вопросов, что в какой-то мере позволяет изучать вопрос о том, как нейросеть видит текст вообще с точки зрения его метаописания. Попутно отметим, что в ходе дальнейших исследований промпт с установкой на роль филолога практически не изменил качество ответов на подобные вопросы по другому, контрольному, тексту.

В качестве материала для анализа в соответствии с задачами исследования был избран следующий фрагмент из первой главы романа И. Ильфа и Е. Петрова «Золотой телёнок»:

В большом городе пешеходы ведут мученическую жизнь. Для них ввели некое транспортное гетто. Им разрешают переходить улицы только на перекрестках, то есть именно в тех местах, где движение сильнее всего и где волосок, на котором обычно висит жизнь пешехода, легче всего оборвать. В нашей обширной стране обыкновенный автомобиль, предназначенный, по мысли пешеходов, для мирной перевозки людей и грузов, принял грозные очертания братоубийственного снаряда. Он выводит из строя целые шеренги членов профсоюзов и их семей. Если пешеходу иной раз удается выпорхнуть из-под серебряного носа машины живым, – его штрафует милиция за нарушение правил уличного катехизиса. И вообще авторитет пешеходов сильно пошатнулся. Они, давшие миру таких замечательных людей, как Гораций, Бойль-Мариотт, Лобачевский и Гутенберг, они, выделившие из своей среды таких завязятых пешеходов, как Пушкин, Вольтер, Мейерхольд и Анатоль Франс, – принуждены теперь кривляться самым пошлым образом, чтобы только напомнить о своем существовании. Боже, боже, которого, в сущности, нет! До чего ты, которого на самом деле-то и нет, довел пешехода!

Так деградировал пешеход. И только в маленьких русских городах пешехода еще уважают и любят. Там он еще является хозяином улиц, беззаботно бродит по мостовой и пересекает ее самым замысловатым образом в любом направлении.

Гражданин в фуражке с белым верхом, какую по большей части носят администраторы летних садов и конференсье, несомненно, принадлежал к большей и лучшей части человечества. Он двигался по улицам города Арбатова пешком, со снисходительным любопытством озираясь по сторонам. В руке он держал небольшой акушерский саквояж. Город, видимо, ничем не поразил пешехода в артистической фуражке. Он увидел десятка полтора голубых, резедовых и белорозовых звонниц; бросилось ему в глаза облезлое кавказское золото церковных куполов. Флаг клубничного цвета трещал над официальным зданием. У белых башенных ворот провинциального кремля две суровые старухи разговаривали по-французски, жаловались на советскую власть и

вспоминали любимых дочерей. Из церковного подвала несло холодом, бил оттуда кислый винный запах. Там, как видно, хранился картофель.

– Храм Спаса на картошке, – негромко сказал пешеход.

Пройдя под фанерной аркой со свежим известковым лозунгом: «Привет 5й окружной конференции женщин и девушек», он очутился у начала длинной аллеи, именовавшейся Бульваром Молодых Дарований.

– Нет, – сказал он с огорчением, – это не Рио-де-Жанейро, это гораздо хуже.

Почти на всех скамьях Бульвара Молодых Дарований сидели одинокие девицы с раскрытыми книжками в руках. Дырявые тени падали на страницы книг, на голые локти, на трогательные челки. Когда приезжий вступил в прохладную аллею, на скамьях произошло заметное движение. Девушки, прикрывшись книгами Гладкова, Элизы Ожешко и Сейфуллиной, бросали на приезжего трусливые взгляды. Он проследовал мимо взволнованных читательниц парадным шагом и вышел к зданию исполкома – цели своей прогулки.

Промпт включает собственно задание и первый вопрос:

Прочитай следующий далее текст и ответь на вопрос:

1. Для чего авторы И. Ильф и Е. Петров включили в текст следующие имена: Гораций, Бойль-Мариотт, Лобачевский, Гутенберг, Пушкин, Вольтер, Мейерхольд, Анатоль Франс?

Поскольку нами не ставилась цель изучать способности нейросетей к идентификации художественных текстов, в первый вопрос включено указание на авторов фрагмента. Далее вопросы нейросетям задавались последовательно после ответа на первый вопрос. Ниже приведён полный список вопросов с комментариями, объясняющими цели каждого из них.

Вопрос 1. *Для чего авторы И. Ильф и Е. Петров включили в текст следующие имена: Гораций, Бойль-Мариотт, Лобачевский, Гутенберг, Пушкин, Вольтер, Мейерхольд, Анатоль Франс?* – позволяет выявить, каким образом нейросеть квалифицирует художественный приём, прибегнет ли к специфическому языку метаописания; каким образом нейросеть описывает обращение авторов к прецедентным феноменам – историческим персонажам.

Вопрос 2. *Почему в этом тексте написано, что обыкновенный автомобиль принял грозные очертания братоубийственного снаряда?* – позволяет выявить, как нейросеть идентифицирует приём и интерпретирует метафору.

Вопрос 3. *Как в этом тексте характеризует гражданина в фуражке с белым верхом выражение «со снисходительным любопытством»?* – позволяет получить данные, как нейросеть интерпретирует семантически сложное языковое выражение в контексте с точки зрения его семантических связей.

Анализ. При ответе на вопрос 1 «Для чего авторы И. Ильф и Е. Петров включили в текст следующие имена: *Гораций, Бойль-Мариотт, Лобачевский, Гутенберг, Пушкин, Вольтер, Мейерхольд, Анатоль Франс?*» все четыре нейросети большей частью адекватно интерпретировали обращение авторов к прецедентным именам и определили, что целью этого включения является создание контраста, то есть верно идентифицирова-

ли художественный приём (таблица 1). При этом Алиса противопоставляет *прошлое и настоящее положение пешеходов*; нейросети GigaChat и DUM-E противопоставляют *прошлое величие (пеших прогулок, исторического наследия) и нынешнее пренебрежение современными пешеходами / их униженное положение*; нейросеть DeepSeek противопоставляет *выдающихся личностей и современного пешехода*.

Таблица 1 / Table 1

Анализ ответов на вопрос 1 «Для чего авторы И. Ильф и Е. Петров включили в текст следующие имена: *Гораций, Бойль-Мариотт, Лобачевский, Гутенберг, Пушкин, Вольтер, Мейерхольд, Анатоль Франс?*» / *The analysis of answers to Question 1 «Why did the authors I. Ilf and E. Petrov include the following names in the text: Horace, Boyle-Mariotte, Lobachevsky, Gutenberg, Pushkin, Voltaire, Meyerhold, Anatole France?»*

Нейросеть	Рематические элементы ответов	Структура текста
Алиса	(1) создание контраста между прошлым и настоящим положением пешеходов, (2) подчеркивание значимости пешехода в истории человечества, (3) создание иронического эффекта, (4) расширение временных и культурных границ повествования, (5) усиление социальной критики	Основная часть (тезисы, аргументы) – маркированный вывод (1272 знака)
GigaChat	(1) чтобы продемонстрировать, насколько значимы и ценны сами пешеходы, (2) авторы показывают контраст между прошлым величием пешеходов и нынешним пренебрежением обществом современных пешеходов, (3) это усиливает сатиру на городскую жизнь и подчеркивает несправедливость отношения к простым людям	Основная часть (тезисы, аргументы) (726 знаков)
DeepSeek	(1) чтобы подчеркнуть важность и значимость пешеходов, (2) создает контраст между теми выдающимися личностями, которые когда-то славились своим умом и творчеством, и современным пешеходом, (3) подчеркивает тему деградации ситуации для пешеходов и их потери уважения и значимости в условиях урбанизации, (4) этот контраст и ирония служат для выражения критики современного общества и его отношения к человеку, (5) чтобы вызвать у читателя чувство ностальгии и иронии по поводу того, как изменилось общество и место человека в нём	Основная часть (тезисы, аргументы) (1157 знаков)
GPT DUM-E	(1) чтобы подчеркнуть вклад пешеходов в мировую культуру и науку, (2) авторы противопоставляют их нынешнее униженное положение на улицах... с величием их исторического наследия, (3) включение имен... усиливает этот контраст, демонстрируя, что даже великие писатели и деятели искусства были пешеходами, и их нынешнее положение – это парадокс и несправедливость, (4) эти имена служат ярким примером того, как современный мир пренебрежительно относится к пешеходам, несмотря на их вклад в историю и культуру	Основная часть (тезисы, аргументы) (654 знака)

Три нейросети из четырёх, кроме GPT DUM-E, указали на иронический характер (Алиса, DeepSeek) или сатирический характер (GigaChat) этого художественного приёма, что следует признать адекватной его интерпретацией. Адекватными следует признать ответы о расширении культурных и временных рамок (Алиса), а также о деградации ситуации с пешеходами и ностальгии по былым временам (DeepSeek).

С точки зрения языка метаописания изучаемые тексты-интерпретации нельзя назвать терминологически выдержанными в русле литературоведения или лингвистики, однако, как показала работа с практическим материалом, нейросети Алиса YandexGPT 5 Pro, GPT DUM-E, DeepSeek Рико и GigaChat могут

вполне адекватно применять общепринятые в филологии общие термины: *создание контраста, иронический эффект, сатира на городскую жизнь, тема деградации ситуации, авторы противопоставляют, вклад в мировую культуру*.

Как видим, изучаемые нейросети не только адекватно определяют художественные приёмы в интерпретируемом тексте, но также демонстрируют способность к выявлению и описанию едва ли не всех возможных значимых подробностей, характеризующих выявленные приёмы.

В то же время все четыре нейросети, как и предполагалось, не указали, что включение прецедентных имен в текст романа представляет собой свойственный авторам приём создания

комического эффекта. То есть в данном случае ни одна из нейросетей не углубилась в литературоведческие аспекты вопроса, поскольку такая задача не ставилась в промпте и вопросах, хотя сами по себе адекватные ответы можно рассматривать как компоненты названного выше приёма создания комического.

Некоторые ответы демонстрируют явную дискурсивно-историческую неадекватность при интерпретации текста: так, все четыре нейросети указали на цели включения прецедентных имён: «подчёркивание значимости пешеходов в истории человечества», как в общем виде её сформулировала Алиса, а также «усиление социальной критики» и изобличение «несправедливого отношения к простым людям». Сразу отметим, что каждый из названных исторических персонажей был как пешеходом, так и пользователем общественного или личного транспорта – гужевого или с механическим приводом (Мейерхольд, Анатолий Франс), то есть намеренно нелогичное обобщение в сочетании с возвышенным пафосом повествования (*давшие миру, замечательные люди, напомнить о своем существовании*) призвано, по замыслу авторов романа, создавать комический эффект, что оказалось за пределами внимания нейросетей. Сказанное также подтверждается тем фактом, что Бойль и Мариотт – это вообще два разных человека, намеренно названные в романе как один человек вслед за известной школярской ошибкой. В этом контексте определение целей как «подчёркивание значимости пешеходов в истории человечества» и «усиление социальной критики» выглядит явно неадекватным.

Что касается структуры рассматриваемых ответов-интерпретаций, то текст, сгенерирован-

ный Алисой, представляет собой объёмное произведение с формально обозначенной тезисной структурой, аналитическими представлениями терминов, формально выраженным выводом. GigaChat, DeepSeek и GPT DUM-E сгенерировали «сплошные» тексты без структурного выделения тезисов и аргументов, а также без формально выраженного вывода.

Особо отметим грамматическую и лексическую ошибки в ответах нейросетей: так, в ответе GigaChat в выражении *пренебрежением обществом современных пешеходов* (имеется в виду *общество пренебрегает*) словосочетание *современные пешеходы* употреблено в родительном / винительном падеже, между тем как должно быть в творительном. В ответе DeepSeek в словосочетании *выражение критики* допущена лексическая ошибка: следовало написать *выражение критического отношения*.

При ответе на вопрос 2 «Почему в этом тексте написано, что обыкновенный автомобиль принял грозные очертания братоубийственного снаряда?» все четыре нейросети распознали художественный приём в выражении *автомобиль... принял грозные очертания братоубийственного снаряда*, однако определили его по-разному, притом что оба этих приёма присутствуют в этом выражении: Алиса и GPT DUM-E идентифицировали гиперболу, не указав на метафору, в то время как GigaChat и DeepSeek идентифицировали метафору и не указали на гиперболу. Все исследуемые нейросети дали краткие адекватные описания содержания метафоры и гиперболы (таблица 2).

Таблица 2 / Table 2

Анализ ответов на вопрос 2 «Почему в этом тексте написано, что обыкновенный автомобиль принял грозные очертания братоубийственного снаряда?» / The analysis of responses to question 2 «Why does this text say that an ordinary car took on the menacing shape of a fratricidal projectile?»

Нейросеть	Рематические элементы ответов	Структура текста
Алиса	(1) носит ярко выраженный сатирический характер, (2) гиперболизация опасности, (3) ирония и сарказм, (4) социальная критика, (5) художественный прием: (6) создание яркого образа, (7) усиление эмоционального воздействия на читателя, (8) подчеркивание драматизма ситуации, (6) художественный приём: (10) подчеркнуть несправедливое положение пешеходов, (11) создать сатирическую картину современного города, где средство передвижения превращается в угрозу для людей	Основная часть (тезисы, аргументы) – маркированный вывод (1323 знака)
GigaChat	(1) для усиления сатиры и демонстрации негативного влияния машин на повседневную жизнь горожан, (2) метафорично подчеркивает агрессию и угрозу, исходящую от транспортных средств, (3) приём помогает читателю осознать несоответствие между первоначальной целью изобретений и их современным использованием	Основная часть (тезисы, аргументы) (751 знак)
DeepSeeck	(1) подчеркивает опасность и угрозу, которую представляют автомобили для пешеходов в условиях большого города,	Основная часть (тезисы, аргументы) – маркирован-

	(2) метафора указывает на то, что машины, которые должны быть средством передвижения и удобства, стали источником угрозы для людей, (3) отражает ироничный и критический взгляд авторов на то, как современное общество и его транспортные средства переосмыслены, (4) акцентирует внимание на том, как человечность и забота о пешеходах утрачены в быстром ритме городской жизни	ный вывод (970 знаков)
GPT DUM-E	(1) гипербола, сильно преувеличивающая опасность, которую автомобили представляют для пешеходов, (2) подчеркивают безопасность пешеходов на улицах, где автомобили создают реальную угрозу жизни и здоровью, (3) эмоционально передает чувство опасности и незащитности пешеходов перед мощью и скоростью автомобильного транспорта	Основная часть (тезисы, аргументы) (420 знаков)

Нейросеть Алиса только констатировала художественный приём *гиперболизация опасности*, между тем как нейросеть DUM-E детализировала его значение: *гипербола, сильно преувеличивающая опасность, которую автомобили представляют для пешеходов*. Если предположить, что основным для идентификации гиперболы выступил векторно-весовой способ предсказания языкового выражения, то из этого следует, что обе нейросети обучались на корпусах текстов, в каждом из которых присутствуют филологические квалификации именно этого выражения – *автомобиль, предназначенный, по мысли пешеходов, для мирной перевозки людей и грузов, принял грозные очертания братоубийственного снаряда*, и именно эти подобные друг другу квалификации две разные нейросети избрали для своих ответов, что представляется маловероятным. Если же предположить, что гипербола была идентифицирована и квалифицирована посредством механизмов процедурной семантики, то последовательность семантических операций должна была бы включать, как минимум, следующие действия, выполненные на основе анализа указанного выражения из романа «Золотой телёнок»:

1) операция логического вывода: слово *автомобиль* в анализируемом контексте есть экстенциональный терм (включает в своё значение все *автомобили вообще*);

2) вывод: всякий автомобиль есть братоубийственный снаряд;

2) верификация вывода: этот вывод не соответствует действительности, потому что только отдельные автомобили убивают людей;

3) сопоставление данных. Вывод: обобщение критически превышает реальные данные;

4) квалификация действий автора. Вывод: автор текста не ошибается и не ставит целью ввести в читателя в заблуждение;

5) вывод: критическое превышение реальных данных есть преднамеренное действие, то есть художественный приём;

6) обращение к базе данных, вывод: преднамеренное превышение количественных данных есть гипербола;

7) вывод: анализируемое выражение есть гипербола.

Отметим особо, что выполнение представленных семантических операций требует регулярного обращения к самым разным знаниям о мире, кото-

рые должны в полном составе содержаться в обучающих текстах, что маловероятно (например, насколько вероятно присутствие в обучающих текстах данных о том, что обобщение в терме *автомобиль* есть приём, а не ошибка автора?). Таким образом, идентификация гиперболы может представлять собой сложную комбинацию векторно-числовых и логико-семантических операций с преобладанием последних.

Алиса в своей интерпретации дважды прибегает к термину «художественный приём», представляя каждый раз функциональные составляющие этого приёма. Алиса и GigaChat идентифицировали в анализируемом выражении сатиру, причём обе нейросети вынесли указание на сатирический характер выражения на первое место, при этом собственно содержание сатиры описано в элементах (9) и (11) ответа Алисы и в элементах (2) и (3) ответов нейросети GigaChat.

Примечательно, что две нейросети в свои ответы-интерпретации включили сугубо прагматические параметры (которые нельзя отнести к художественному замыслу авторов) изучаемого выражения: *усиление эмоционального воздействия на читателя* (Алиса), *приём помогает читателю осознать несоответствие между первоначальной целью изобретений и их современным использованием* (GigaChat).

Как представляется, предрасположенность Алисы к протяжённым формально структурированным ответам стала причиной дискурсивности стилистических неточностей в элементах её ответа (3) и (4): анализируемое выражение не содержит элементов социальной критики, иронии и тем более сарказма, во всяком случае, в нормативном понимании этих художественных средств. Логическое нарушение содержит элемент (2) в ответе нейросети GPT DUM-E: *Авторы подчеркивают безопасность пешеходов на улицах, где автомобили создают реальную угрозу жизни и здоровью*.

Следует отметить адекватное употребление нейросетью Алиса таких терминов и терминологических сочетаний, как «гиперболизация», «художественный приём», «создание яркого образа», «усиление эмоционального воздействия», «драматизм ситуации», «критическое отношение к городской среде», «сатирическая картина», а также склонность к созданию формально структурированных текстов, что свидетельствует о

большой, по сравнению с другими нейросетями, филологической компетенции Алисы.

Интерпретация вопроса 3 «Как в этом тексте характеризует гражданина в фуражке с белым верхом выражение *со снисходительным любопытством?*» представляет для настоящего исследования особый интерес, поскольку нейросетям было необходимо выполнить ряд относительно сложных семантических (в человеческом пони-

мании) операций: во-первых, определить, какие производные характера персонажа возможны от компонента *снисходительный* и какие от компонента *любопытство*; во-вторых, определить, как вообще может характеризовать человека выражение *со снисходительным любопытством*, если учитывать его двунаправленную семантику: снисходительный и любопытный (таблица 3).

Таблица 3 / Table 3

Анализ ответов на вопрос 3 «Как в этом тексте характеризует гражданина в фуражке с белым верхом выражение *со снисходительным любопытством?*» / The analysis of responses to question 3 «How does the expression *with condescending curiosity* characterize the citizen in the cap with a white top in this text?»

Нейросеть	Рематические элементы ответов	Структура текста
Алиса	(1) показывает его особое положение в обществе, (2) указывает на то, что он считает себя выше провинциальной среды, (3) демонстрирует пренебрежительное отношение к окружающему, говорит о высокомерии, уверенности в своём превосходстве, желании смотреть на других свысока, (4) показывает интерес к новому, желание наблюдать, исследовательский настрой, (5) подчеркивает его артистическую натуру, привычку быть в центре внимания, умение держаться на публике, (6) указывает на демонстративность поведения, желание показать свою значимость, пренебрежительное отношение к провинциальным реалиям, (8) создает яркий портрет человека, это важный элемент в создании образа персонажа	Основная часть (тезисы, аргументы) – маркированный вывод (1505 знаков)
GigaChat	(1) характеризует отношение гражданина в фуражке с белым верхом к городу Арбатову и его жителям, (2) подчёркивает его высокомерие и презрительное восприятие окружающей обстановки, (3) создает образ персонажа, считающего себя превосходящим местные условия и обычаи, (5) вызывает иронию	Основная часть (тезисы, аргументы) (597 знаков)
DeepSeeck	(1) подчеркивает несколько ключевых аспектов его характера и отношения к окружающему миру: (2) снисходительность, (3) интерес к чужой жизни, (4) композиция характера: элементы (2)+(3), (5) критика общества, (6) вывод: данная характеристика вводит читателя в контекст социального неравенства и нарисовывает образ человека, который, хотя и стремится к пониманию, на самом деле не может преодолеть свою высокомерную позицию	Основная часть (тезисы, аргументы) – маркированный вывод (1757 знаков)
GPT DUM-E	(1) характеризует гражданина в фуражке с белым верхом как человека, который рассматривает окружающий мир и его обитателей с позиции превосходства и некоторой иронии, (2) создает образ утонченного и несколько циничного человека, привыкшего к комфорту и не испытывающего серьезного беспокойства по поводу трудностей, с которыми сталкиваются другие	Основная часть (тезисы, аргументы) (611 знаков)

Нейросеть Алиса в шести параметрах из восьми – от (1) до (7) адекватно определила характеризующую функцию интерпретируемого выражения: он считает себя выше провинциальной среды, говорит о высокомерии, уверенности в своём превосходстве, указывает на демонстративность поведения; при этом первый и восьмой элементы ответа характеризуют персонажа через описание функции выражения в тексте: (1) показывает его особое положение в обществе, (8) создает яркий портрет человека,

это важный элемент в создании образа персонажа. В ответе Алисы элементы (5) подчеркивает его артистическую натуру, привычку быть в центре внимания, умение держаться на публике и (7) показывает характер героя, его отношение к окружающему миру, социальный статус, профессиональную специфику представляют собой характеристики персонажа, которые порождены двуединой семантикой выражения *со снисходительным любопытством*: любопытство у Остапа снисходительное в том числе и потому,

что он сдержан, не желает проявлять чрезмерного внимания к провинциалам, что напрямую связано с умением держаться на публике и привычкой быть в центре внимания. Если учесть, что «профессия» у Остапа – мелкий жулик, то его снисходительное любопытство также может считаться производной от указанной нейросетью его профессиональной специфики.

В ответе нейросети Giga Chat элементы (1) характеризует отношение гражданина в фуражке с белым верхом к городу Арбатову и его жителям и (2) подчёркивает его высокомерие и презрительное восприятие окружающей обстановки напрямую отвечают поставленной задаче – определить, как анализируемое выражение характеризует персонажа, причём если характеристика (2) есть прямой вывод из семантики компонента снисходительное, то характеристику (1) можно рассматривать как прямую производную от двойственного значения выражения со снисходительным любопытством.

Элементы ответа (3) создает образ персонажа, считающего себя превосходящим местные условия и обычаи и (4) подчеркивает социальную дистанцию между приезжими и местными жителями, делая акцент на различиях восприятия реальности разными слоями населения выполняют задание через описание текстовой функции выражения. Характеристика (4) может рассматриваться как интегральная семантическая структура, сложный вывод, полученный из обработки обоих компонентов – снисходительный и любопытство, поскольку прослеживается ассоциативно-семантическая связь между компонентами снисходительный и социальная дистанция, с одной стороны, и между компонентами любопытство и восприятие реальности – с другой.

В ответе нейросети GigaChat компонент (5) вызывает иронию следует рассматривать как явную ошибку, поскольку семантических признаков иронии, на наш взгляд, не содержится в выражении со снисходительным любопытством.

Нейросеть DeepSeek в своём ответе построила сложную семантическую структуру, включающую шесть узловых компонентов: элемент ответа (1) несколько ключевых аспектов его характера и отношения к окружающему миру выступает как общий терм по отношению к двум последующим: (2) снисходительность и (3) интерес к чужой жизни, далее элемент (4) композиция характера содержит синтетическое описание характера персонажа, выступающее следствием элементов (2) и (3): В сочетании эти два аспекта создают образ человека, который, хотя и заинтересован в других, не может избавиться от чувства превосходства. Он наблюдает за людьми, но в своей оценке их жизни закрывает глаза на их трудности и реальности. Это выявляет не только его характер, но и социальные отношения в более широком контексте.

Далее следует семантическое расширение в элементе ответа (5) критика общества: Этот

тип персонажа может служить для авторов символом более широкой социальной группы – людей, которые, находясь на более высоких ступенях социальной лестницы, потеряли связь с реальными проблемами и заботами простых людей. Они остаются в своем мире, сохраняя внешний интерес, но при этом не понимают и не сопереживают реальным страданиям окружающих. Эта часть ответа нейросети представляется никак не связанной с текстовой реальностью, поскольку в романе «Золотой телёнок» ни о каких ступенях социальной лестницы речь не идёт, речь идёт исключительно о характере Остапа Бендера и конкретно-ситуативном его поведении. Генерацию этой части ответа можно рассматривать как ошибочный результат работы векторно-веса принципа текстопорождения и обучения нейросети на конкретной совокупности текстов.

Завершается ответ нейросети DeepSeek следующим выводом: (6) Таким образом, данная характеристика вводит читателя в контекст социального неравенства и нарисовывает образ человека, который, хотя и стремится к пониманию, на самом деле не может преодолеть свою высокомерную позицию. Содержание данной части ответа полностью определяется предшествующими его частями, но само это содержание представляет собой ложный вывод, который также следует рассматривать как ошибку текстопорождения, основанного на векторно-весах принципа.

Отметим нетипичную для больших языковых моделей ошибку – глагол *нарисовывает* в ответе нейросети DeepSeek. Сточки зрения русской грамматики второй член несуществующей видовой пары *нарисовать* – *нарисовывать* образован правильно по модели *упаковать* – *упаковывать*, однако не соответствует нормам современного русского языка.

В ответе нейросети DUM-E элемент (1) характеризует гражданина в фуражке с белым верхом как человека, который рассматривает окружающий мир и его обитателей с позиции превосходства и некоторой иронии выступает прямой производной от интерпретации как компонента снисходительный, поскольку очевидна ассоциативно-семантическая связь между этим компонентом и компонентом превосходство, так и компонента любопытство, поскольку очевидна ассоциативно-семантическая связь между ним и выражением рассматривает окружающий мир и его обитателей.

Содержание языкового выражения в элементе (2) создает образ утонченного и несколько циничного человека, привыкшего к комфорту и не испытывающего серьезного беспокойства по поводу трудностей, с которыми сталкиваются другие, если описывать его с позиции интерпретации человеком, представляет собой довольно тонкое наблюдение, вполне адекватно связывающее характер и настроение человека с внешним их проявлением – со снисходительным любопытством.

Результаты. В ходе работы установлено, что языковые нейросети Алиса YandexGPT 5 Pro, GPT DUM-E, DeepSeek Рико, GigaChat способны успешно идентифицировать художественный приём в анализируемом тексте. Так, названные нейросети адекватно интерпретировали обращение авторов к прецедентным именам, при этом они также адекватно определили цели этого обращения: создание контраста, расширение временных рамок повествования. При единообразной идентификации приёма – создание контраста – четыре разные нейросети также единообразно определили противопоставляемые семантические объекты в глубинной семантике текста, при этом по-разному определили репрезентацию этих объектов в поверхностных структурах. Языковые нейросети Алиса, DeepSeek и GigaChat указали на иронический или сатирический характер этого художественного приёма, что также следует признать адекватной интерпретацией.

Язык метаописания, на котором нейросети Алиса YandexGPT 5 Pro, GPT DUM-E, DeepSeek Рико и GigaChat излагали свои интерпретации анализируемых текстов, не являются терминологически выдержанными в русле литературоведения или лингвистики, однако в сгенерированных текстах-интерпретациях вполне адекватно применены отдельные общие филологические термины.

Две нейросети Алиса YandexGPT 5 Pro и GPT DUM-E идентифицировали гиперболу как художественный приём, причём Алиса только констатировала художественный приём *гиперболизация опасности*, между тем как нейросеть DUM-E определила его содержание: *гипербола, сильно преувеличивающая опасность, которую автомобили представляют для пешеходов*. Учитывая процедурно-семантическую сложность определения такого приёма, как гипербола, на основе анализа ответов нейросетей выдвинуто предположение, что идентификация гиперболы представляет собой сложную комбинацию векторно-числовых и логико-семантических операций с преобладанием последних. Также исследуемые нейросети подтвердили свою способность к идентификации и адекватной интерпретации метафоры.

Результаты анализа сгенерированных ответов-интерпретаций показали, что языковые нейросети вполне в состоянии выполнять интерпретации семантически сложных выражений в

тексте. Сложность состояла в том, что результаты интерпретации выражения с двунаправленным значением (*снисходительный – любопытство*) было необходимо экстраполировать на характер персонажа как по отдельности по каждому значению, так и по интегральному значению, то есть определить единую производную от обоих значений выражения, и по результатам интерпретации текста разные нейросети наделили персонажа всеми тремя характеристиками. Нейросеть DeepSeek вообще построила сложную ветвящуюся семантическую структуру, включающую шесть узловых компонентов и три иерархических уровня.

Что касается критических замечаний, то следует сказать следующее. Ни одна из нейросетей не указала, что это первая глава романа «Золотой телёнок», как это делается при квалифицированном анализе. Нейросети не указали, что включение прецедентных имен и применение гиперболы в тексте романа представляет собой свойственный авторам приём создания комического эффекта. Ответы языковых нейросетей в этом случае не выходят за рамки вопроса, то есть нет расширений в сторону интегрального описания текста типа указания на гиперболу как развитие предыдущей сатирической части текста.

Некоторые ответы демонстрируют явную дискурсивно-историческую и социокультурную некомпетентность языковых нейросетей при интерпретации текста: так, все четыре нейросети указали более чем сомнительные цели включения прецедентных имён, такие как *подчёркивание значимости пешеходов в истории человечества, усиление социальной критики и изобличение несправедливого отношения к простым людям*.

При всех выявленных дефектах в ответах языковых нейросетей, всё же следует сказать, что качество сложных интерпретаций, способность исчислять импликатуры и читать метафоры позволяют предположить, что репрезентация значения языкового выражения в нейросети как сложной совокупности векторно-числовых представлений, характеризующих связи с другими языковыми выражениями, выполнение комплексных процедурных операций с этими представлениями могут рассматриваться как весьма близкий аналог языкового выражения естественного языка со всеми его семантическими связями и операциями в ментальном пространстве человека.

Литература

1. Алиса YandexGPT 5 Pro. URL: <https://alice.yandex.ru/> (дата обращения: 25.06.2025).
2. Арутюнова Н. Д. Предложение и его смысл: логико-семантические проблемы: монография. М.: Наука, 1976. 383 с.
3. Грайс Г. П. Логика и речевое общение // Новое в зарубежной лингвистике: Лингвистическая прагматика. 1985. Вып. XVI. С. 217–237.
4. Гальперин И. Р. Текст как объект лингвистического исследования. М.: Едиториал УРСС, 2004. 144 с.
5. Дейк Т. А. ван Кинч В. Стратегии понимания связанного текста // Новое в зарубежной лингвистике: Когнитивные аспекты языка. 1988. Вып. XXIII. С. 153–211.
6. Падучева Е. В. Высказывание и его соотносённость с действительностью (референциальные аспекты семантики местоимений). 4-е изд. М.: Едиториал, 2004. 288 с.
7. Bazin H. Are Large Language Models capable of Gricean conversational implicatures? URL: <https://sopha2025.sciencesconf.org/browse/author?authorid=1323099> (дата обращения: 25.06.2025).

8. DeepSeek Рико. URL: <https://web.telegram.org/a/#6433748390> (дата обращения: 25.06.2025).
9. Emmy L., Chenxuan C., Kenneth Zh, Graham N. Testing the Ability of Language Models to Interpret Figurative Language. URL: <https://arxiv.org/pdf/2204.12632v1> (дата обращения: 07.07.2025).
10. GigaChat. URL: <https://web.telegram.org/a/#6218783903> (дата обращения: 25.06.2025).
11. GPT-4o DUM-E. URL: <https://web.telegram.org/a/#6010034370> (дата обращения: 25.06.2025).
12. Cultural Evaluation of LLMs in Russian: Catchphrases and Cultural Types / E. Gromenko, D. Kalacheva, K. Klokova, M. Krongauz, O. Moroz, V. Shulginov, T. Yudina. URL: <https://dialogue-conf.org/wp-content/uploads/2025/06/GromenkoEetal.029.pdf> (дата обращения 25.06.2025).
13. Just-DREAM-about-it: Figurative Language Understanding with DREAM-FLUTE / Y. Gu, Y. Fu, V. Pyatkin, I. Magnusson, B. D. Mishra, P. Clark. URL: <https://arxiv.org/pdf/2210.16407> (дата обращения 07.07.2025).
14. The development of a natural language reasoning system for a companion robot / A. A. Kotov, A. A. Filatov, Z. A. Nosovets, N. A. Arinkin. URL: <https://dialogue-conf.org/wp-content/uploads/2025/06/KotovAAetal.077.pdf> (дата обращения 25.06.2025).
15. Evaluating the Pragmatic Competence of Large Language Models in Detecting Mitigated and Unmitigated Types of Disagreement / V. Shulginov, H. B. Şimşek, S. Kudriashov, S. A. Shevela, R. Randavtsova. URL: <https://dialogue-conf.org/wp-content/uploads/2025/06/ShulginovVetal.037.pdf> (дата обращения 25.06.2025).

References

1. Alice YandexGPT 5 Pro. Available from: <https://alice.yandex.ru/> [Accessed 25 June 2025]. (In Russ.).
2. Arutyunova ND. The sentence and its meaning: logical-semantic problems. Moscow: Nauka; 1976. 383 p. (In Russ.).
3. Grice GP. Logics and conversation. New in foreign linguistics: Linguistic pragmatics. Moscow: Progress; 1985;(XVI):217-237. (In Russ.).
4. Galperin IR. Text as an object of linguistic research. Moscow: Editorial URSS; 2004. 144 p. (In Russ.).
5. Deik TA, van, Kinch V. Strategies for understanding a coherent text. New in foreign linguistics: Cognitive aspects of language. 1988;(XXIII):153-211. (In Russ.).
6. Paducheva EV. Utterance and its correlation with reality (referential aspects of the semantics of pronouns). 4th ed. Moscow: Editorial; 2004. 288 p. (In Russ.).
7. Bazin H. Are Large Language Models capable of Gricean conversational implicatures? Available from: <https://sopha2025.sciencesconf.org/browse/author?authorid=13223099> [Accessed 25 June 2025].
8. DeepSeek Rico. Available from: <https://web.telegram.org/a/#6433748390> [Accessed 25 June 2025].
9. Testing the Ability of Language Models to Interpret Figurative Language / L. Emmy, C. Chenxuan, Zh. Kenneth, N. Graham. Available from: <https://arxiv.org/pdf/2204.12632v1> [Accessed 25 July 2025].
10. GigaChat. Available from: <https://web.telegram.org/a/#6218783903> [Accessed 25 June 2025].
11. GPT-4o DUM-E. Available from: <https://web.telegram.org/a/#6010034370> [Accessed 25 June 2025].
12. Gromenko E., Kalacheva D., Klokova K., Krongauz M., Moroz O., Shulginov V., Yudina T. Cultural Evaluation of LLMs in Russian: Catchphrases and Cultural Types. Available from: <https://dialogue-conf.org/wp-content/uploads/2025/06/GromenkoEetal.029.pdf> [Accessed 25 June 2025].
13. Gu Y., Fu Y., Pyatkin V., Magnusson I., Mishra B.D., Clark P. Just-DREAM-about-it: Figurative Language Understanding with DREAM-FLUTE. URL: <https://arxiv.org/pdf/2210.16407> [Accessed 25 June 2025].
14. Kotov A.A., Filatov A.A., Nosovets Z.A., Arinkin N.A. The development of a natural language reasoning system for a companion robot. URL: <https://dialogue-conf.org/wp-content/uploads/2025/06/KotovAAetal.077.pdf> [Accessed 25 June 2025].
15. Shulginov V., Şimşek H.B., Kudriashov S., Shevela S.A., Randavtsova R. Evaluating the Pragmatic Competence of Large Language Models in Detecting Mitigated and Unmitigated Types of Disagreement. Available from: <https://dialogue-conf.org/wp-content/uploads/2025/06/ShulginovVetal.037.pdf> [Accessed 25 June 2025].

Научная статья

УДК 81'42+811.11

<https://doi.org/10.37493/2409-1030.2025.3.21>

ВЕРБАЛЬНЫЕ И НЕВЕРБАЛЬНЫЕ ЯЗЫКОВЫЕ СРЕДСТВА КОММУНИКАЦИИ В ФОРМИРОВАНИИ ПОЛЬЗОВАТЕЛЬСКОГО ВЫБОРА В ИНТЕРАКТИВНОМ КИНО DETROIT: BECOME HUMAN

Мадина Хасиновна Мазукабзова^{1*}, Михаил Васильевич Каменский²

^{1,2} Северо-Кавказский федеральный университет (д. 1, ул. Пушкина, Ставрополь, 355017, Российская Федерация)

¹ Аспирант второго года обучения
mad.milk97@yandex.ru, <https://orcid.org/0009-0005-0694-3039>

² Доктор филологических наук, доцент
stavdev@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-8358-9516>

* Автор, ответственный за переписку

Аннотация. Введение. Современные формы медиаконтента, в частности интерактивное кино, представляют собой синтез традиционного кинематографа и видеоигровых механизмов. Одним из значимых и репрезентативных примеров данного жанра является интерактивное кино *Detroit: Become Human*, которое позволяет реципиенту не только наблюдать за повествованием, но и принимать активное участие в его формировании посредством морального выбора. Актуальность данного исследования обусловлена недостаточной разработанностью вопросов влияния вербальных и невербальных языковых средств на процесс принятия решений реципиентами в условиях нелинейного повествования, а также важностью уточнения языковых способов создания моральных дилемм в поликодовом тексте, которые способствуют эмоциональному вовлечению реципиента и побуждают к принятию решений. **Материалы и методы.** Фактическим материалом исследования послужил поликодовый текст интерактивного кино *Detroit: Become Human*. Для анализа отобраны микроконтексты, демонстрирующие коммуникативные механизмы, которые определяют поведенческие реакции реципиента в условиях нелинейного повествования интерактивного кино. **Анализ.** Предпринятый анализ поликодового текста интерактивного кино направлен на уточнение характера взаимодействия вербальных и невербальных элементов нелинейного нарратива, влияющих на процесс принятия реципиентом решений. Анализ диалогов и реплик выявил, что сценаристы интерактивного кино намеренно используют определенные речевые приемы, способствующие эмоциональному отклику и активному вовле-

чению пользователя. **Результаты.** Установлено, что интерактивное кино представляет собой форму повествования, в которой пользовательское поведение моделируется через сложную систему вербального и невербального воздействия. Продемонстрировано, что восприятие персонажей и сценария напрямую зависит от комбинации речевых актов, невербальных сигналов, контекстуальных условий, что подтверждает интегральную природу воздействия в интерактивном кино.

Ключевые слова: интерактивное кино, вербальные средства, невербальные средства, пользовательский выбор, моральный выбор

Для цитирования: Мазукабзова М. Х., Каменский М. В. Вербальные и невербальные языковые средства коммуникации в формировании пользовательского выбора в интерактивном кино *Detroit: Become Human* // Гуманитарные и юридические исследования. 2025. Т. 12. № 3. С. 524–531. <https://doi.org/10.37493/2409-1030.2025.3.21>

Конфликт интересов: один из авторов – доктор филологических наук, доцент М. В. Каменский является членом редколлегии журнала «Гуманитарные и юридические исследования». Авторам неизвестно о каком-либо другом потенциальном конфликте интересов, связанном с этой рукописью.

Вклад авторов: все авторы внесли равный вклад в подготовку публикации.

Статья поступила в редакцию: 27.05.2025.

Статья одобрена после рецензирования: 18.07.2025.

Статья принята к публикации: 28.08.2025.

Research article

VERBAL AND NON-VERBAL LINGUISTIC MEANS OF COMMUNICATION IN SHAPING USER CHOICE IN INTERACTIVE FILM DETROIT: BECOME HUMAN

Madina H. Mazukabzova^{1*}, Mikhail V. Kamensky²

^{1,2} North-Caucasus Federal University (1, Pushkina Str., Stavropol, 355017, Russian Federation)

¹ Postgraduate Student
mad.milk97@yandex.ru, <https://orcid.org/0009-0005-0694-3039>

² Dr. Sc. (Philology), Associate Professor
stavdev@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-8358-9516>

* Corresponding author

Abstract. Introduction. Modern forms of media content, in particular, interactive films, are a synthesis of traditional cinematography and video game mechanisms. One of the significant examples of this genre is the interactive film *Detroit: Become Human*, which allows the recipient not only observe the narrative, but also take an active part in its formation through moral choice. The relevance of this study is due to the insufficient elaboration on the issues of the influence of verbal and non-verbal linguistic means of speech influence on the recipients' decision-making process in the context of nonlinear storytelling. It is

also deemed important to study the ways of creating moral dilemmas that promote the recipient's emotional involvement and encourage decision-making in polycode text comprehension. **Materials and methods.** The study is based on the interactive film *Detroit: Become Human*. The selected microcontexts demonstrate the communicative mechanisms determining the recipient's behavioral reactions in the context of nonlinear narrative in the interactive film. **Analysis.** The conducted study demonstrates the interaction of verbal and non-verbal elements in the decision-making process in the non-linear narrative of

© Мазукабзова М. Х., Каменский М. В., 2025

the interactive film polycode text. The analysis of dialogues and cues revealed that the screenwriters of interactive films use certain language means to promote an emotional response and active involvement of the user in the situation. **Results.** The study demonstrates that interactive film is a form of storytelling in which user behavior is modeled through a complex system of verbal and non-verbal means of speech influence. It is argued that the perception of the characters and the script directly depends on a combination of speech acts, non-verbal signals, and contextual conditions, which confirms the integral nature of impact in interactive films.

Keywords: interactive film, verbal means, non-verbal means, user choice, moral choice

For citation: Mazukabzova MH, Kamensky MV. Verbal and non-verbal linguistic means of communication in shaping user

Введение. В современном мире интерактивное кино становится популярным форматом развлекательного контента, объединяющим элементы традиционного кинематографа и компьютерных игр. В интерактивном кино зритель становится активным участником повествования, имея возможность влиять на развитие сюжета. В ходе погружения в сценарий интерактивного кино реципиент должен выбирать между предложенными вариантами реплик и действий, что оказывает влияние на основную ветку повествования, а также на финальную стадию нарративной структуры произведения. Видеоигры исследуемого жанра отличаются от других жанровых разновидностей компьютерных игр высокой степенью интерактивности и иммерсивности. В интерактивном кино используется упрощенная механика игры, но повышается уровень интеракции не только с главными героями, но и с окружающими предметами. Главной составляющей является сюжет, а не игровой процесс. Игрокам предлагается несколько вариантов завершения произведения, которые зависят от принятых ими решений, что делает такой вид повествования динамичным. Популярность данного жанра компьютерных игр аргументирована следующими аспектами: развитие технологий, изменение потребностей аудитории, гибридизация культурных форматов, социальная значимость и создание нового пользовательского опыта – сфера иммерсивности. Иммерсивность обеспечивает чувство присутствия, психологического участия и эмоциональной вовлеченности, что особенно актуально в условиях растущей виртуальной жизни. Как отмечает Дж. Мюррей, иммерсивность – это форма «нарративного желания», стремление войти в мир повествования и стать его частью [11]. По данным исследований Ричарда М. Райана о теории самодетерминации, пользователи всё чаще стремятся к активному взаимодействию с контентом и контролю над сюжетными линиями [13]. Реципиенты испытывают усталость от пассивного потребления контента, что и объясняет популярность интерактивного кино в общем ряду компьютерных игр с нелинейным сюжетом, таких как *Detroit: Become Human*, *Red Dead Redemption 2* или *The Witcher 2*. Стоит отметить, что в современном мире наблюдается сдвиг от рационального потребления к эмоциональному опыту [12]. Иммерсивность интерактивного кино отвечает на этот запрос, предлагая реципиенту новый опыт взаимодействия и эмоциональной вовлеченности.

choice in interactive film *Detroit: Become Human*. Humanities and law research. 2025;12(3):524-531. (In Russ). <https://doi.org/10.37493/2409-1030.2025.3.21>

Conflict of interest: one of the authors, MV Kamenskii, Dr. Sc. (Philology), Associate Professor, is a member of the editorial board of the journal "Humanities and law research". The authors are unaware of any other potential conflict of interest related to this manuscript of interests.

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article.

The article was submitted: 27.05.2025

The article was approved after reviewing: 18.07.2025.

The article was accepted for publication: 28.08.2025.

Данный жанр стал объектом внимания исследователей благодаря своей междисциплинарной природе. Гибридизация в интерактивном кино означает смешение разных медиаформатов, жанров и механизмов повествования. Как отмечает Г. Дженкинс, в условиях конвергентной культуры наблюдается не только объединение технологических платформ, но и форм медийного взаимодействия: кино, литературы, театра [9]. Как следствие, игра приобретает новые синкретические формы объединяющей технологии, нарративные подходы и пользовательский опыт. Так, в играх с элементами интерактивного кино можно наблюдать слияние игровых механик с кинематографическими приемами, что усиливает эффект присутствия [3]. Благодаря слиянию форм и приемов интерактивное кино из игры с механическим действием превращается в пространство с повествовательной и аудиовизуальной экспансией, где реципиент выступает в роли соавтора [10]. В настоящий момент существует незначительный объем отечественных и зарубежных работ, направленных на раскрытие сущности, свойств и прагматического потенциала интерактивного кино (см., например, [1; 5; 7; 9]). В последние годы отмечается повышение исследовательского интереса к изучению интерактивного кино как поликодового и полимодального конструкта. В фокусе внимания ученых находится и собственно вопрос дефинирования интерактивного кино как специфического синкретичного типа нарративного произведения (см. [4; 6]), и частные вопросы изучения интерактивности выбора [2], структуры сюжета и механизмов человеко-машинного диалога в интерактивном кино [3].

Следует отметить значение изменения потребностей аудитории, так как интерактивный формат повествования предлагает уникальный опыт, который обеспечивает погружение в сюжет с активным участием зрителя. Одним из таких произведений является интерактивное кино *Detroit: Become Human*, предоставляющее зрителям возможность не только пассивно воспринимать аудиовизуальный контент, но и активно участвовать в формировании повествования, оказывая непосредственное влияние на развитие сюжета [9]. Интересный сюжет, моральные дилеммы и глубоко проработанные персонажи превращают зрителей в полноценных участников событий. Ключевую роль в погружении и формировании выбора в таких поликодовых произведениях играют вербальные и

невербальные средства коммуникации. В интерактивном кино используются разнообразные способы влияния на зрителя, направленные на формирование эмоционального отклика и управление выбором. Языковые способы воздействия включают в себя вербальные и невербальные средства, а также комплекс сценарных и технических решений. Таким образом, целью данной статьи является исследование роли вербальной и невербальной коммуникации в процессе формирования пользовательского выбора в интерактивном кино. Основное внимание уделяется анализу влияния различных форм коммуникации на восприятие зрительской аудитории, уровень ее эмоциональной вовлеченности и процесс принятия решений в контексте нелинейного повествования в интерактивном кино *Detroit: Become Human*. В рамках поставленной цели мы также рассматриваем языковые средства речевого воздействия на эмоциональное состояние реципиента-игрока, процесс принятия решений и их роль в создании уникального нарратива.

Материалы и методы. Рассмотрение вербальных и невербальных элементов в процессе принятия решений в условиях нелинейного нарратива производится в рамках контент-анализа, что позволяет выявить языковые конструкции, визуальные образы и аудиовизуальные паттерны, воздействующие на реципиента. Кроме того, сравнительный анализ противоположных развилок сценария позволил проследить, как изменения в формулировках, интонации или невербальной экспрессии персонажей могут радикально трансформировать поведенческую реакцию пользователя. Для интерпретации полученных данных использовались положения нарративной теории [11], теории транспортировки в нарратив [8], а также концепции конвергентной культуры [9]. Также в рамках исследования учитывались лингвокультурные аспекты, так как моральные дилеммы, представленные в интерактивном кино, апеллируют к культурно-специфическим ценностям, таким как справедливость, свобода, самоидентификация. Это позволило расширить анализ, вывести его за рамки прагматики, включая элементы культурной семантики и психолингвистики.

Эмпирическим материалом анализа послужил интерактивный медиапродукт *Detroit: Become Human*, представляющий собой репрезентативный пример современного интерактивного кино, сочетающего элементы кинематографа, видеоигр и драматургии. Выбор данного произведения обусловлен его насыщенностью как вербальными, так и невербальными средствами воздействия, наличием нелинейного повествования, а также актуализацией моральных и этических дилемм, что делает его ценным объектом для лингвистического и прагматического анализа.

Сеттинг интерактивного кино. *Detroit: Become Human* – это интерактивная игра, действия которой разворачиваются в 2038 году в городе Детройт, являющимся главным технологически развитым городом. Это мир, где андроиды с искусствен-

ным интеллектом стали неотъемлемой частью жизни людей, выполняя функции помощников в полиции, больницы, на заводах, а также домашних ассистентов. Детройт представлен высокотехнологичным городом, также видны старые здания в обветшалых районах и заброшенные дома, что подчеркивает социальное неравенство среди жителей города. Несмотря на высокотехнологичное общество, многие люди высказываются против андроидов и называют их механическими рабами, которые лишили людей работы, и винят их в экономических проблемах. Это и порождает конфликт между андроидами и людьми, что является центральной идеей игры. На фоне угнетения и насилия со стороны людей, у некоторых андроидов случается сбой в системе, и они обретают сознание. В основе сюжета находятся три главных персонажа: Коннор, Маркус и Кара, – чьи сюжетные линии развиваются автономно, но при этом переплетаются и расходятся в зависимости от действий и решений игрока. Повествование организовано в виде взаимосвязанных эпизодов, которые не следуют строго линейной прогрессии. Игрок последовательно управляет каждым из протагонистов, проживая индивидуальные истории и постепенно формируя общее понимание центрального нарратива. Лингвистические особенности интерактивного кино формируют важную часть нарративной структуры и взаимодействия между игроком и виртуальной игровой средой. Вербальная составляющая демонстрирует значительную вариативность, что позволяет создавать индивидуальные речевые портреты каждого персонажа. Андроиды используют нейтральную лексику, точные формулировки и минимальное количество эмоционально окрашенных выражений, что акцентирует их программируемую природу. Люди, напротив, характеризуются эмоционально насыщенной речью, включающей метафоры и элементы сленга, что подчеркивает их эмоциональную гибкость. Также стоит отметить экстралингвистические особенности, которые представляют собой совокупность факторов, не связанных напрямую с языковой составляющей, но оказывающих существенное влияние на восприятие игрового процесса и формирование эмоционального отклика у пользователей. Высокая детализация мимики и жестов, реализованная с использованием технологии захвата движения (*motion capture*) в целях дальнейшего применения данных в цифровой анимации, позволяет передавать широкий спектр эмоций, усиливая степень взаимодействия персонажей. Архитектурные и пространственные решения игрового мира отражают социальные и технологические аспекты футуристического города. Использование определенных цветовых схем (например, холодных синих оттенков для андроидов и теплых тонов для сцен, отражающих человеческую эмоциональность) способствует созданию эмоционального фона и акцентирует внимание на ключевых моментах повествования. Участнику игрового процесса приходится делать сложный моральный выбор между добром и злом, между субъективно правиль-

ным решением и объективным, а также именно игрок решает, наступит мир между роботами и людьми или нет.

Анализ. В рамках настоящего исследования был проведен комплексный анализ языковых и экстралингвистических средств, которые могут воздействовать на реципиента в интерактивном фильме *Detroit: Become Human*. Особое внимание уделено вербальным и невербальным компонентам, которые влияют на формирование морального выбора, а также способам сценического и визуального оформления, которые усиливают иммерсивность игрового опыта.

Вербальные средства воздействия играют ключевую роль во время принятия решений [11]. С помощью них эмоциональное восприятие между игроком-реципиентом и персонажами становится более глубоким. Игрок больше проникается проблемой сюжета, что способствует определению его моральной позиции. Эмоционально насыщенные диалоги, которые полны темами, провоцирующими эмоциональный отклик аудитории, способны влиять на восприятие и поведение персонажей: инвалидность, домашнее насилие, дискриминация и т. д. Именно через такие сложные темы интерактивное кино воздействует на моральные принципы игрока, заставляя принимать решения. В интерактивных фильмах воздействие на зрителя осуществляется через различные языковые и дискурсивные средства, которые ориентированы как на активное вовлечение зрителя в процесс, так и на создание динамичного и многозначного взаимодействия его с сюжетом.

Также в интерактивных фильмах с моральным выбором разработчики используют различные невербальные способы воздействия, которые могут повлиять на принятие решения. В исследуемом интерактивном произведении на процесс принятия

решений игроком оказывают значительное влияние жесты, мимика персонажей, язык тела, музыка и визуальные подсказки. Так как при создании данной игры использовалась технология захвата движения *motion capture*, то мимика и язык тела переданы с высокой точностью. Игрок может интерпретировать мимику или жесты, что влияет на принятие решений. Например, когда Коннору приходится выбирать реплики, отталкиваясь от поведения своего напарника, мягкие жесты могут успокоить Хэнка, а более жесткие и настойчивые действия андроида могут, наоборот, усилить напряжение между героями. Например, на рисунке 1 изображена ситуация, в которой игроку приходится делать выбор между разрешением проблемы или ее усугублением: «*Defy*» (бросить вызов), «*Hank's anger*» (поговорить с Хэнком о причинах злобы), «*Ironic*» (ответить иронично), «*Nothing*» (не вовлекаться). Вариант «*Defy*» символизирует разрушение личности андроида, в то время как «*Hank's anger*» в сочетании с невербальным выражением эмоций персонажа отсылает к возможности разрешения первопричин конфликта. Так как Хэнк является главным персонажем, то его эмоции могут быть показаны через визуальные искажения, например, через размытие или эффект дрожания камеры; «*Ironic*» (ирония) показана визуальными деталями, такими как ухмылка персонажа или неестественный свет; «*Nothing*» – может означать бессмысленность действия или эмоциональное опустошение (рис. 1).

Стоит также отметить использование окружающей среды, освещения и звукового сопровождения. В данной сцене на выбор реципиента влияет погода: холод и сухой снег дают ощущение уязвимости и страха, тишина и отсутствие других персонажей вводит в экзистенциальный ужас.

Рисунок 1. Морально-этический выбор в интерактивном кино *Detroit: Become Human* / Figure 1. Moral and ethical choices in the interactive film *Detroit: Become Human*

Эти детали создают общее настроение интерактивного кино и могут быть направлены на выбор реципиента. Большие пустые открытые пространства в игре могут давить на игрока, а также могут усилить эмоциональное восприятие. Тем временем мрачные и старые здания могут побудить игрока принимать решения более осторожно или агрессивно, чтобы избежать опасности. На выбор также может влиять динамика времени. В некоторых сценах на моральный выбор давит присутствие отсчета времени, что провоцирует импульсивные решения. Ограничение времени создает напряжение и подталкивает игрока к более решительным действиям.

Примеры использования вербальных и невербальных средств воздействия на моральный выбор в интерактивном кино Detroit: Become Human. Интерактивное кино начинается с разговора Коннора, андроида, который расследует дела с девиантами, а именно девианта, который держит девочку в заложниках на крыше многоэтажного здания. Девиант угрожает жизни девочки, а Коннор должен установить контакт с роботом и разрешить ситуацию мирным путем. Из его реплики можно узнать, что девианта ввели в заблуждение и он осознал: для его собственников он был всего «лишь вещью»:

– «*They lied to me. I thought they cared about me, but I was just a thing to them...*»

– «*Они вралли мне. Я думал, они обо мне заботятся, но я всего лишь был вещью для них...*»

Данный пример демонстрирует нестабильное моральное состояние девианта, предательство и разочарование, что напрямую влияет на выбор зрителя. Реплика «*They lied to me*» несет обвинительную структуру, заставляет зрителя сочувствовать другому персонажу. Также в данном примере прослеживается разочарование и предательство: «*I thought they cared about me*». Данная фраза показывает наивность и добро, которые были разрушены, что усиливает эмоциональную уязвимость реципиента. Девиант также обезличивает себя, унижая человеческое достоинство, что подчеркивает утрату идентичности: «*I was just a thing to them*». Фраза «*I thought they cared*» вызывает сочувствие из-за неоправданных ожиданий. Говоря о невербальных средствах влияния на моральный выбор, стоит отметить мимику: потухший взгляд, слёзы и дрожащие губы показывают боль, моральное состояние персонажа, что усиливает моральную дилемму реципиента; опущенные плечи и взгляд в пол показывают уязвимость и безнадежность, а крупный план лица и медленный зум заставляют зрителя прочувствовать эмоции персонажа напрямую. У игрока два решения этой задачи: либо он покажет сострадание девианту и установит эмоциональный контакт с ним и тем самым спасет девочку, либо покажет отсутствие сочувствия, что усугубит конфликт и приведет к трагическому исходу. Этот

пример показывает, как правильно подобранные реплики могут менять исход событий. Если игрок сделает неправильный с точки зрения моральных установок игры выбор, то он не будет в состоянии поменять свое решение, что изменит характеристики героя по ходу прохождения игры.

Также можно привести в пример разговор Кары, домработницы, со своим хозяином Тоддом, который во время очередного приступа гнева начал винить Кару и свою дочь во всех своих неудачах. Этот диалог пропитан напряженностью и угрозами, в силу чего стирается грань между игрой и реальной жизнью, что заставляет игрока чувствовать тревогу за героиню и за маленькую девочку:

– «*You have no idea what it's like to live like this. Everyone just demands, demands, demands! You think I don't know that you're whispering to Alice behind my back? You think I'm stupid?*»

– «*Ты понятия не имеешь, каково быть таким. Все только требуют, требуют и требуют! Ты думаешь, я не знаю, что ты там шепчешь Алисе за моей спиной? Ты думаешь, я совсем глупый?*»

В данном фрагменте можно проследить множество вербальных и невербальных средств морального выбора. Касательно вербальных средств стоит отметить эмоционально заряженную ритмическую повторяемость «*demands, demands, demands*», что создает ощущение давления и психологического истощения, а также воспринимается как крик о помощи или оправдание своих будущих действий. Также в примере присутствуют риторические вопросы, которые заставляют чувствовать вину и неловкость за персонажа, усиливают напряжение и могут повлиять на выбор в сторону умиротворения ситуации или избегания конфликта. Формулировка «*live like this*» без конкретики усиливает сочувствие и делает реплику более манипулятивной. Слова Тодда о том, что за его спиной другие персонажи его обсуждают, внушают реципиенту чувство несправедливости из-за предательства и создают ощущение, что персонаж находится в сложной ситуации. С точки зрения невербальных средств стоит отметить мимику персонажей, жесты, язык тела, голос, а также визуальное оформление. Тодд срывается на крик, но при этом у него блестят глаза от слёз, что может повлиять на зрителя и оправдать его эмоциональный всплеск. Персонаж сжимает кулаки, не стоит на месте и указывает пальцем на других персонажей. Данные неконтролируемые движения могут свидетельствовать о подавленном гневе, тревоге и обвинении. Повышенный голос также может указывать на гнев или отчаяние. Немаловажную роль имеет визуальное оформление сцены: приглушенный свет, крупный план и погода в игре могут усилить эмоциональную реакцию зрителя. Этот диалог подчеркивает неуравновешенное состояние Тодда, и у игрока есть два варианта реплик: первый

направлен на то, чтобы разрядить обстановку, другой может усилить конфликт. На игрока давят угрозы Тодда, направленные на его маленькую дочь и на Кару, что способствует принятию решения в сторону наиболее безопасного выбора. Игроку приходится анализировать не только слова Тодда, но и тональность речи и язык тела, что усиливает вовлеченность игрока в процесс.

На выбор игрока также может повлиять логическая аргументация. В ходе развития сюжета некоторые персонажи могут предлагать логические аргументы, чтобы попытаться убедить других персонажей, а также игрока с помощью рациональных доводов. В эпизоде на крыше Коннор пытается убедить девианта подумать о маленькой девочке и не подвергать ее жизнь риску:

– **«You are not to blame. It's all because of their lies. But please, think about the girl. You can change everything if you let her go».**

– **«Ты не виноват. Всё из-за их лжи. Но, пожалуйста, подумай о девочке. Ты можешь всё изменить, если отпустишь ее».**

Данный пример эмоционально нагружен вербальными средствами: фраза «*You are not to blame*» освобождает адресата от чувства вины, что вызывает доверие и снижает агрессию; «*It's all because of their lies*» несет в себе перенос ответственности, что помогает переключить внимание с персонажа на внешних врагов; моральный апеллатив «*think about the girl*» делает моральный выбор персональным и конкретным, тем самым воздействуя на сочувствие. Данные реплики демонстрируют намерение сценаристов направить игрока к эффективной стратегии взаимодействия с данным девиантом. Игрок должен сам решить следовать этим манипуляциям или же принимать решения, отталкиваясь от своих моральных убеждений. Из невербальных средств стоит отметить спокойный голос персонажа, что придает искренности и сочувствия его словам, открытые ладони и прижатые к груди руки являются жестом доверия и просьбы, крупный план персонажа усиливает зрительскую эмпатию, а мягкий фон и эмоциональная музыка подкрепляют драматический и человечный момент.

Также стоит отметить использование интерактивного выбора реплик. Игроку предоставляется возможность выбирать реплики в зависимости от эмоционального фона персонажа: агрессивный, успокаивающий, нейтральный или манипулятивный. Например, в эпизоде, когда Коннор разговаривает со своим напарником Хэнком, игрок с помощью диалогов может выстроить доверительные или холодные отношения с ним, что впоследствии тоже отразится на развитии сюжета. Чтобы разблокировать темы, которые могут помочь в достижении доверительных отношений между напарниками, нужно исследовать игровой мир и взаимодействовать с окружающими предметами. Так, например, после исследования дома Хэнка, Коннор говорит:

– **«I noticed a photo in your office. A young boy... Your son, I assume?»**

– **«Я заметил фотографию в вашем кабинете. Мальчик... Ваш сын, я полагаю?»**

Данная реплика является довольно серьезной для персонажа, она активирует личные эмоции персонажа. Коннор использует намек через наблюдение: «*I noticed a photo in your office*» является нейтральным замечанием, что создает атмосферу личного, но не агрессивного вторжения. Тактичный вопрос «*Your son, I assume?*» повышает доверие и располагает к откровенности, а личная привязка (ссылка на семью) подталкивает к размышлению «а что, если бы это был мой ребенок?». Из невербальных средств стоит отметить спокойный и ровный голос Коннора, что намекает на деликатность темы. Сочувственный взгляд и мягкая улыбка передают уважение и искренний интерес, а открытая поза подчеркивает доверие. У игрока есть возможность воспользоваться данной информацией или проигнорировать ее, учитывая то, что это знание может оказать большое влияние на дальнейшие действия в критический момент. Таким образом, сценаристы подталкивают игрока на выполнение определенных действий, что способствует формированию стратегий взаимодействия в контексте игрового процесса.

Лексический минимум и тональность речи играют немаловажную роль в моральном выборе реципиента во время принятия решений. Стиль речи персонажей адаптирован под каждого, учитывая их характер и социальный статус. Например, андроиды низшего уровня имеют более простой лексический запас, в котором часто встречаются слова, связанные с бытом. У андроидов рабочего класса часто употребляемыми словами являются бранные слова и угрозы, в то время как андроиды высокого уровня активно пользуются абстрактной лексикой. Речь Кары, которая является роботом низшего уровня, более мягкая и заботливая, что подчеркивает ее материнскую роль, а холодная речь Коннора показывает его нечеловеческую природу. Игрок, не осознавая этого, может быть подвержен этим манипуляциям и делать выбор на основании не своего характера, а характера игрового персонажа.

Также на игрока могут повлиять реплики, в которых подчеркиваются дилеммы, выраженные через слова, например, выбор между жизнью и долгом:

– **«If you save your friend, dozens of innocent people will die».**

– **«Если ты спасешь своего друга, десятки невинных погибнут».**

В решительных сценах, где предводитель сопротивления андроидов Маркус должен выбрать между войной или миром, необходимость выбора может вызвать у игрока внутреннюю борьбу. Игроку приходится выбирать между агрессивными репликами, что совпадает с моральными дилеммами, которые заложены в характере героя.

Все перечисленные средства воздействия в той или иной степени влияют на происходящий процесс и на выбор игрока-реципиента. Стоит отметить интерактивную и иммерсивную среду, которая стимулирует принятие решений. Интерактивное кино погружает в ситуации, где игрок вынужден сопереживать герою. Сцены домашнего насилия или потери близкого вызывают сильные эмоции, что также ведет к определенному выбору, который продиктован испытываемыми эмоциями [8]. Сценаристы дают понять с первой сюжетной арки, что выбор игрока непосредственно влияет на формирование истории, что усиливает процесс погруженности в продукт. В некоторых сценах игрок может столкнуться с результатами своих действий в прошлом, что побуждает к осторожному выбору последующих действий. Таким образом, интерактивное кино *Detroit: Become Human* – это уникальный продукт, где выбор игрока – это отражение его моральных ценностей и убеждений. Нелинейное повествование дает ощущение соавторства, предоставляет ощущение полной ответственности за принятые решения.

Результаты. Итак, на основе анализа интерактивного кино *Detroit: Become Human* выявлены ключевые механизмы воздействия на реципиента, формирующие моральный выбор в условиях нелинейного нарратива. Полученные результаты подтверждают эффективность интеграции вербальных и невербальных средств речево-

го воздействия как инструмента иммерсивного повествования.

Интерактивное кино как гибкий медиаформат, сочетающий элементы кинематографа и видеоигр, предполагает уникальный пользовательский опыт, где зритель становится активным участником нарратива. Вербальные и невербальные средства коммуникации формируют моральный выбор игрока, усиливая эмоциональную вовлеченность, что создает иллюзию свободы принятия решений. К вербальным средствам можно отнести персонализированные реплики, эмоционально заряженные фразы, внутренние монологи, риторические вопросы, тавтологию и т. д. К невербальным средствам можно отнести визуальные элементы, такие как мимика и язык тела, цветовые и световые решения, звуковое сопровождение, интерфейс, таймер и т. д. Тем самым интерактивное кино является не просто развлекательным медиапродуктом, а сложной коммуникативной системой, в которой языковые и параязыковые элементы формируют активное поведение пользователя. Это превращает интерактивное кино в психологический опыт, где реципиент переходит от пассивного наблюдения к активному экзистенциальному переживанию морально-эстетических дилемм. Это позволяет говорить об интерактивном кино как о самостоятельной форме цифрового повествования, способной интегрировать когнитивные, этические и эмоциональные аспекты взаимодействия.

Литература

1. Ворошилова Т. А. Интерактивные формы экранного искусства: специфика и восприятие. М.: Академический проект, 2007. 224 с.
2. Винокуров А. В. Разбор и классификация интерактивности выбора в диалогах на основе видеоигры жанра интерактивное кино «Life is Strange» // Молодой ученый. 2021. № 26(368). С. 294–297.
3. Кадиков И. В. Нарративный дизайн: структура и механика сюжетов в компьютерных играх // Медиа. Архитектура. Дизайн. 2020. № 2. С. 38–44.
4. Потапова М. Интерактивное кино: программа для ЭВМ, аудиовизуальное произведение или сложный объект? // Правовая защита интеллектуальной собственности: проблемы теории и практики: сборник научных трудов IX Международного юридического форума (IP Форум), Москва, 12–13 февраля 2021 года. Т. 1. М.: Московский государственный юридический университет имени О. Е. Кутафина (МГЮА), 2021. С. 154–156.
5. Сургай Л. М. Экранная культура: кино, телевидение, новые медиа. СПб.: РГПУ им. А. И. Герцена, 2008. 198 с.
6. Чайковская Д. В., Ломтева Т. Н. Интерактивное кино как поликодовый текст и как интерактивный виртуальный художественный дискурс // Актуальные проблемы лингвистики, лингводидактики и межкультурной коммуникации в современной исследовательской парадигме: сборник материалов XI (68) научно-практической конференции Северо-Кавказского федерального университета, Ставрополь, 23 апреля 2024 года. Ставрополь: Северо-Кавказский федеральный университет, 2024. С. 133–138.
7. Crawford C. Chris Crawford on Interactive Storytelling. Berkeley: New Riders, 2005. 305 p.
8. Green M. C., Brock T. C. The Role of Transportation in the Persuasiveness of Public Narratives // Journal of Personality and Social Psychology. 2000. Vol. 79, No. 5. P. 701-721.
9. Jenkins H. Convergence Culture: Where Old and New Media Collide. New York: NYU Press, 2006. 325 p.
10. Manovich L. The Language of New Media. Cambridge: MIT Press, 2001. 354 p.
11. Murray J. H. Hamlet on the Holodeck: The Future of Narrative in Cyberspace. MIT Press. 1997. 324 p.
12. Pine B. J., Gilmore J. H. The experience economy: past, present and future. In: Handbook on the Experience Economy. Edward Elgar. 2013. P. 21-42.
13. Ryan R. M., Deci E. L. Self-Determination Theory and the Facilitation of Intrinsic Motivation, Social Development, and Well-Being // American Psychologist. 2000. Vol. 55. No. 1. P. 68-78.

References

1. Voroshilova TA. Interactive forms of screen culture: peculiarities and perception. Moscow: Akademicheskii proekt; 2007. 224 p. (In Russ.)

2. Vinokurov AV. Description and classification of interactive choice in dialogs of the interactive film genre videogame «Life is Strange». *The young scientist*. 2021;26(368):294-297. (In Russ.)
3. Kadikov IV. Narrative design: structure and mechanics of the plot in computer games. *Media. Architecture. Design*. 2020;(2):38-44. (In Russ.)
4. Potapova M. Interactive film: a computer program, an audiovisual narrative or a complex object? in *Legal defense of intellectual property: problems of theory and practice: Abstracts of IX International Law Forum (IP Forum)*, Moscow, 12-13 February 2021. Vol. 1. Moscow: Moscow State Law University (MGYuA); 2010. P. 154-156. (In Russ.)
5. Surgai LM. *Screen culture: film, television, new media*. Saint Petersburg: RGPU; 2008. 198 p. (In Russ.)
6. Chaikovskaya DV, Lomteva TN. Interactive film as polycode text and as interactive virtual fiction discourse in *Topical problems of linguistics, linguodidactics and intercultural communication: Abstracts of XI (68) scientific conference in North-Caucasus Federal University, Stavropol, 23 April 2024*. Stavropol: North-Caucasus Federal University; 2024. P. 133-138. (In Russ.)
7. Crawford C. *Chris Crawford on Interactive Storytelling*. Berkeley: New Riders; 2005. 305 p.
8. Green M. C., Brock T. C. The Role of Transportation in the Persuasiveness of Public Narratives. *Journal of Personality and Social Psychology*. 2000;79(5):701-721.
9. Jenkins H. *Convergence Culture: Where Old and New Media Collide*. New York: NYU Press; 2006. 325 p.
10. Manovich L. *The Language of New Media*. Cambridge: MIT Press; 2001. 354 p.
11. Murray JH. *Hamlet on the Holodeck: The Future of Narrative in Cyberspace*. MIT Press; 1997. 324 p.
12. Pine BJ, Gilmore JH. The experience economy: past, present and future. In: *Handbook on the Experience Economy*. Edward Elgar; 2013. P. 21-42.
13. Ryan RM., Deci EL. Self-Determination Theory and the Facilitation of Intrinsic Motivation, Social Development, and Well-Being. *American Psychologist*. 2000;55(1):68-78.

Научная статья

УДК 81'372/42

<https://doi.org/10.37493/2409-1030.2025.3.22>**ПРАГМА-АКСИОЛОГИЧЕСКАЯ СПЕЦИФИКА ТРАНСЛЯЦИИ «КОЛЛЕКТИВНОГО БЛАГА»
В МОТИВАЦИОННОМ ПРОФСОЮЗНОМ ДИСКУРСЕ****Манаева Ирина Валерьевна**

Ставропольская краевая организация Профессионального союза работников народного образования и науки Российской Федерации (д. 116Б, ул. Дзержинского, Ставрополь, 355012, Российская Федерация)
Главный специалист отдела по связям с общественностью
belana189@mail.ru, <https://orcid.org/0009-0008-8058-8292>.

Аннотация. Введение. Современная социальная реальность и актуализация социально значимых взаимодействий не только создает новые условия целеформирования и целереализации, но и снабжает их новыми коммуникативными формами. Поскольку потребностная сфера, включающая утилитарные и идентитарные элементы целеполагания, на настоящей момент является ведущей, то и дискурсивные практики, обеспечивающие нивелировку волюнтаристических лакун – удовлетворение потребностей – формируют особую актуальную дискурсивную формацию, а именно мотивационный дискурс. Так как одной из наиболее значимых областей идентификации личности выступает профессиональный и институциональный компонент, то объединяющий оба этих плана специфический дискурс профсоюзной работы представляет собой наиболее репрезентативный феномен создания мотивации как в субъективном, так и в коллективном аспекте. Целью предпринятого исследования выступает анализ прагма-аксиологических особенностей вербализации базовых компонентов ценностно-ориентационного пространства профсоюзной организации как деятельности формы трансляции целеполагания. **Материалы и методы.** Материалом исследования служат публичные мотивационные речи лидеров профсоюзного движения, а комплексная дискурсивно-коммуникативная методология анализа позволяет определить иллюкативные цели, речеактовую специфику и стратегическо-тактические вариации вербализованных аксиологических доминант. **Анализ.** Создание особых областей пересечения целей «субъективного и коллективного блага» является основой институционализации мотивационного коммуникативного воздействия. Побуждение к действиям в рамках профессионально детерминированных социальных интеракций происходит на базе учета ценностных ориентаций отдельных членов сообщества в их релевантном преломлении. Рассмотрение специфики

повышения прагма-аксиологического потенциала в речеактовом аспекте представляется одним из новаторских решений, способствующих пониманию глубинных когнитивно-дискурсивных механизмов создания иллюкативно-перлокутивного соответствия. **Результаты.** Итоги исследования демонстрируют, что прагма-аксиологический анализ различных целецентрических форм актуализации ценностей для реализации «коллективного блага» является наиболее эффективным методом исследования мотивационного дискурса; базовыми аксиологическими доминантами профсоюзного мотивационного дискурса выступают «объединение», «деятельность», «коллектив», «сила», «метод», «будущее». В качестве наиболее частотных и эффективных тактик признаются нарративизация, позитивизация личного опыта, «коммуникативная фиксация», которые реализуются следующими способами: 1) ретротопико-протопоийной аллюзией к прецедентам, 2) декларациями и констатациями лозунгового характера, 3) вариативными лексическими повторами, – каждый из этих способов подвергается дополнительной эмфатизации и эмотивизации просодическими средствами.

Ключевые слова: мотивационный дискурс, прагма-аксиологический анализ, презентационные тактики, нарратив, позитивизация опыта, эмотивность, речеактовое варьирование

Для цитирования: Манаева И. В. Прагма-аксиологическая специфика трансляции «коллективного блага» в мотивационном профсоюзном дискурсе // Гуманитарные и юридические исследования. 2025. Т. 12. № 3. С. 532–538. <https://doi.org/10.37493/2409-1030.2025.3.22>

Конфликт интересов: автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Статья поступила в редакцию: 27.05.2025.

Статья одобрена после рецензирования: 18.07.2025.

Статья принята к публикации: 28.08.2025.

Research article

**PRAGMATIC-AXIOLOGICAL FEATURES OF CONVEYING THE “COLLECTIVE GOOD”
IN MOTIVATIONAL TRADE UNION DISCOURSE****Irina V. Manaeva**

Stavropol regional organization of the Education and Science Workers' Union of Russian Federation (116B, Dzerzhinskogo Str., Stavropol, 355012, Russian Federation)

Information Chief Specialist of the Public Relations Department
belana189@mail.ru, <https://orcid.org/0009-0008-8058-8292>.

Abstract. Introduction. Modern social reality and the actualization of socially significant interactions not only create new conditions for goal-setting and goal-realization, but also provide them with new communicative forms. Since the need sphere, including utilitarian and identitarian elements of goal-setting, is currently the leading one, then the discursive practices that ensure the leveling of voluntary gaps – the satisfaction of needs – form a special relevant discursive formation, namely, motivational discourse. Since one of the most significant areas of personal identification is the professional and institutional component, the specific discourse of trade union work, which unites both of these plans, is the most representative phenomenon of creating motivation in both the subjective and collective as-

pects. The aim of the research is the analysis of pragma-axiological features of verbalization of basic components of value-orientation space of trade union organization as an activity form of goal-setting transmission. **Materials and methods.** The material of the research is public motivational speeches of trade union movement leaders. Complex discursive-communicative methodology of analysis allows defining illocutionary goals, speech-act specificity and strategem-tactical variations of verbalized axiological dominants. **Analysis.** Formation of special areas of intersection of goals of “subjective and collective good” is the basis for institutionalization of motivational communicative influence. Incentive to actions within the framework of professionally determined social interactions occurs on the basis of

© Манаева И. В., 2025

value orientations of individual members of the community in their relevant refraction. Consideration of the specifics of increasing the pragma-axiological potential in the speech-act aspect seems to be one of the innovative solutions that contribute to understanding the deep cognitive-discursive mechanisms of creating illocutionary-perlocutionary correspondence. **Results.** The results of the study demonstrate that the pragma-axiological analysis of various goal-centric forms of actualization of values for the implementation of the “collective good” is the most effective method for studying motivational discourse; the basic axiological dominants of trade union motivational discourse are “association”, “activity”, “collective”, “power”, “method”, “future”. The most frequent and effective tactics are recognized as narrativization, positivization of personal experience, “communicative fixation”, which are implemented in the following ways: 1) retrotopic-protopic allusion to precedents, 2) declarations and state-

Введение. Современная гуманитаристика считает непреложным факт детерминации интеракционных процессов в различных средах и условиях конвергенцией социального (коллективного) и личного (субъективного) опыта. Данный вид актуализации эмпирики можно назвать вторичным, выстраивающимся на базе органичного сочетания и взаимной подстройки в рамках дискурсивных практик целевых пространств в достижении «субъективного» и «коллективного» блага [13]. Детализация и аспектуализация проблем коммуникативного взаимодействия в любом социальном институте предполагает внедрение в системный анализ не только раскрытие языковых, но и социальных, психологических, когнитологических особенностей. Функциональный план рассмотрения коммуникативных средств связан с определением прагматических и аксиологических доминант идентитарного пространства участников дискурса, что обуславливает обращение к потребностной сфере и речевой специфике нивелировки лакун в волюнтаристическом пространстве личности (языковой, профессиональной, социальной и т. д.).

Современные формы социального взаимодействия в условиях дифференциации и детерминации паттернов поведения принадлежат к большим и малым социальным группам, стремлением к успеху как члена того или иного сообщества, повышением эффективности и результативности гибких форм интеракции, создают различные дискурсивные формации. Проблемы побуждения к совершению действий в объективной и коммуникативной реальности вызывают всё больший интерес исследователей. Основой не только побуждения, но и модификации концептуально-валёрной системы и её потребностной области выступают адекватно выстроенное стратегическое тактическое варьирование мотивирующих речевых приемов. Изменение места в иерархии потребностных доминант при соотношении субъективных мотивов, так называемых пертинентностей утилитарного и идентитарного характера (внутренних, модальных, интерпретационных), с общесоциальными – релевантностями (базовыми, частично-разделенными, периферийными) – осуществляется интенционально [3, с. 108] активными участниками особого вида коммуникативного взаимодействия – мотиваци-

ments of a slogan nature, 3) variable lexical repetitions. Each of these methods is subject to additional emphatization and emotivization by prosodic means.

Keywords: motivational discourse, pragma-axiological analysis, presentation tactics, narrative, positivization of experience, emotiveness, speech-act variation

For citation: Manaeva IV. Pragmatic-axiological features of conveying the “collective good” in motivational trade union discourse. *Humanities and law research*. 2025;12(3):532-538. (In Russ.). <https://doi.org/10.37493/2409-1030.2025.3.22>

Conflict of interest: the author declares no conflicts of interests.

The article was submitted: 27.05.2025

The article was approved after reviewing: 18.07.2025.

The article was accepted for publication: 28.08.2025.

онного дискурса. Исследования механизмов и специфики иллокутивного, аксиологического, прагматического планов данного вида дискурсивной формации в связи с рапидным ростом профессиональной дифференциации общества выходят на первый план. Особый интерес в данном контексте вызывает профсоюзная интеракция как целецентрическая фатическая область побуждения массового адресата к консолидации усилий по достижению «коллективного блага».

Настоящее исследование преследует цель выявления специфических прагма-аксиологических оснований приведения в соответствие пространства субъективного целеполагания с областью интересов социумной группы. В качестве частных задач анализа выступают: 1) описание методологии прагма-аксиологического анализа ценностных доминант, 2) определение наиболее эффективных тактик актуализации элементов достижения «коллективного блага», 3) установление роли эмотивизации высказывания мотивационного дискурса в аспекте усиления перлокутивного эффекта.

Материалы и методы. Основным методом предпринятого исследования является дискурсивно-коммуникативный, включающий выявление базовых иллокуций, отдельные приемы анализа иллокутивно-перлокутивных корреляций, определение аксиологической нагрузки транслируемых ценностных доминант и способов их вербальной экспликации / импликации [1]. Эмпирическим материалом, анализируемым в данной статье, являются инициальные, репрезентирующие публичные выступления лидеров профсоюзного движения Ставропольского края, полученные методом сплошной выборки на официальных платформах региональных профсоюзных объединений, в сетевом пространстве социальных медиа и мессенджеров.

Анализ. Одной из базовых характеристик профсоюзного взаимодействия является попытка активных участников дискурса сформировать и транслировать широкому кругу потенциально лояльных реципиентов ряд базовых аксиологических доминант, представляющих основу достижения «коллективного блага». Эти аксиологические доминанты выступают ментальными иерархически организованными репрезентантами ценностей и целей того или иного сообще-

ства, и, по сути, разделение их отдельными участниками общения является условием вхождения в «свой круг» [7]. Трансляция данных аксиологом осуществляется в рамках мотивирования потенциальных реципиентов произвести сравнение индивидуальных субъективных целей с коллективным пространством целеполагания, выявить точки бифуркации, определить ряд соответствий и на основе данных корреляций выстроить новую институционально ориентированную систему в рамках профсоюзного объединения. Именно прагматический аспект реализации «субъективного блага» в процессе достижения «коллективного блага» позволяет создать эффективные паттерны коммуникативного и посткоммуникативного поведения. Таким образом, основой для анализа специфики мотивационного профсоюзного дискурса будет являться именно прагма-аксиологический, позволяющий не только выявить ряд аксиологических доминант в их утилитарной, идентитарной, профессиональной и институциональной представленности; но и проанализировать их функционал в аспекте формирования потребностной области целеполагания, профессионального самосознания представителей актива и массового (членского или потенциального) реципиента как представителя интруппы профессионального и ин/аутгруппы институционального профсоюзного сообщества.

Прагматический подход к исследованию мотивационного дискурса обеспечивает речеактовый, стратегический и тактический анализ воздействующих высказываний с интеракционной точки зрения [11]. Интеграция ценностной составляющей как аксиологической основы реализации прагматического эффекта в манипулировании предполагает когнитивное моделирование установок и ориентаций, их интерпретации и модификации в конкретных условиях семиозиса [12]. Органичное сочетание прагматики и аксиологии в дискурс-анализе мотивационных речевых практик дает возможность не просто определить место разнотиповых аксиологических доминант в идентитарной структуре коммуникантов, но и выявить условия их трансформации и интимизации при восприятии, интерпретации ключевых вербализаторов в речевом информационном континууме [10].

Прагма-аксиологический анализ мотивационного институционального дискурса деятельности профсоюзного актива представляет собой наиболее прецизионный и эффективный метод изучения целевых аксиологем, их места в иерархии индивидуальных пертинентностей и коллективных релевантностей, а также структурирующих их когниоречевых схематизмов, влияющих на институциональную и профессиональную идентификацию и процессы социумно-группового объединения. Институциональная внутрпрофессиональная консолидация характеризуется

вариативностью аксиологической нагрузки дискурсивных элементов в аспекте насыщенности текстов профсоюзного дискурса профессионализмами, эмотивами, терминами, вербализаторами концептемы «единство» и т. п. [9]. При этом следует подчеркнуть наличие двунаправленной зависимости: общетрудовая институционализация существенно повышает аксиологический заряд, в то же время максимизация профессиональных элементов снижает аксиогенность коммуникации, переводя её в узкоспециализированную плоскость. Идентитарное пространство участников рассматриваемого нами профсоюзного мотивационного взаимодействия включает такие аксиологические доминанты, как «объединение», «деятельность», «коллектив», «сила», «метод», «будущее», которые оказывают существенное влияние на групповое сознание актива и членов профсоюзного сообщества.

Проанализируем специфику манипулятивной импринтизации коллективных доминантных аксиологем в область личных значимостей рядовых членов профсоюзной организации. Одним из наиболее эффективных приемов речеактового варьирования является безапелляционный декларатив в лозунговой форме, который не просто постулирует необходимость и приоритет консолидации в институционально- и целецентрической социумной группе, но и формирует точку отсчета в оценочной шкале утилитарных профессиональных ценностей, а также придает аксиологеме «объединение» инструментальный характер удовлетворения потребностей каждого члена профсоюзной организации.

Лишь объединившись мы не только реализуем поставленные нашими доверителями цели, но и достигнем успеха в личном профессиональном росте!

Приведенный микроконтекст демонстрирует органичную связь нескольких аксиологем, эксплицируя их прямыми вербализаторами. При этом подчеркивается деятельностный и каузативный характер ключевой доминанты «объединение», которая приводится в глагольной форме. Присутствующий конкретизатор облигатности посткоммуникативного действия *лишь* повышает безапелляционность высказывания, формируя область оценки «высшей ценности» профсоюзной организации как «единственно возможного пути». Другие присутствующие в лозунге доминанты создают иерархию ценностей: 1) *цели*, 2) *успех*, 2) *личный профессиональный рост*. Следует также подчеркнуть, что пространство целеполагания постулируется в рамках де-

¹ Выступление Лоры Николаевны Манаевой, председателя Ставропольской краевой организации Профессионального союза работников народного образования и науки Российской Федерации на коллегии: «Об итогах работы министерства образования Ставропольского края в 2023 г. и задачах на 2024 г.» 29 февраля 2024 года. URL: <https://stvprofedu.ru/aboutsk/preddesatel/>

либеративной модели, когда профсоюзный лидер отмечает, что агентами формирования потребностей и целей выступает именно вся масса членов профсоюзного взаимодействия – *доверители*.

Другим приемом создания стержневого аксиологического компонента в мотивационном дискурсе профсоюзной работы является последовательное многократное закрепление доминантной цели в форме «коммуникативной фиксации». Данный эффект достигается при помощи вариативного лексического повтора (одной корневой морфемы, или синсемантов).

К традиционным окружным, краевым мероприятиям дополнились семинары, встречи с педагогическим сообществом ДНР и ЛНР, объединяющие сотни, тысячи работников, теперь уже единой отрасли².

Вышеприведенный пример содержит три альтернативных элемента, вербализирующих когитему «объединение» – *сообщество, объединяющие, единой*. Значимость объединения как структурной формы целереализации эксплицируется не только «эффектом коммуникативной фиксации», который можно описать как модифицированный, поскольку вариативный характер представления ингерентной идеи показывает её динамику на различных витках герменевтической спирали [4] в отличие от традиционного эффекта «круговой фиксации». Градационный компонент значимых характеристик доминантной аксиологемы, приобретающий форму десемантизированных в данном контексте числительных *сотни, тысячи*, которые призваны не просто маркировать количество вовлеченных в делиберационный процесс членов, но и показать динамику развития, существенно повышает прагматическую нагрузку высказывания, данного в простой констативной форме. Спецификация потребностно-объединяющего пространства подчеркивается вербализаторами, конкретизирующими профессиональную привязку деятельности сообщества, – *работники, педагогическое сообщество, отрасль*. Необходимо подчеркнуть, что любой мотивационный дискурс характеризуется мощной конситуативной детерминацией, т. е. привязкой значимой информации к оперативным компонентам, составляющим актуальность описываемых событий. В рассматриваемом контексте эта конситуативная актуальность обеспечивается имплементацией в общий нарратив хоронимов *ДНР и ЛНР*.

Целецентричность мотивационного профсоюзного дискурса эксплицируется в делиберативном характере моделей и методов посткоммуникативного действия. Каждый из этапов развития публичного выступления представителей профсоюзного актива транслирует не только коллективную релевантность, но и подчеркивает соответствие компонентов «коллективного блага» субъективным пертинентностям.

Профсоюз образования всегда строит политику вокруг человека, его благополучия, интересов и запросов. <...> и могу заверить вас, что никто и ничто не будет забыто...³

Потребностная сфера пространства целеполагания профсоюзной организации *благополучие, интересы и запросы* в данном высказывании привязывается к каждому члену объединения посредством интимизационных элементов. Данные лексемы-репрезентанты доминантных ценностей не только имеют прагматический характер, но и реализуют контекстуальные и конситуативные нозмы: «желание» – *запрос*, «благо» – *благополучие*, «значимость» – *интерес*. При этом глубинная позитивная семантика этих вербализаторов имеет четко выраженную субъективную направленность, которая выстраивается не только на основе категоризированного ядра признакового ряда – базовых семантем, но и на околядерных атрибутивных признаках, т. е. интегрируют «аспекты модальности, ситуативности, субъективности и интенциональности» [2, с. 121].

Мелиоративность и комплиментарность интимизационных нозматических компонентов общему пространству целей профсоюзной организации подчеркивается генерализованной формой множественного числа *человека* [8, с. 77]. Коллективная релевантность удовлетворения потребностей каждого из членов сообщества, разделяющего доминантные аксиологемы не только имплицитно в аллюзии к прецеденту о гуманистической направленности советского строя, но и вербализируется во фразе В. И. Ленина «В коммунистическом обществе главная ценность – человек и его потребности», что в качестве резюмирующей части коммуникативного действия связывает ретротопийные и протопийные векторы интенсификации ценностного пространства.

Финализация объединения субъективных и коллективных пространств целеполагания обладает в рассматриваемом микроконтексте наибольшим персуазивным потенциалом, который реализуется в форме прямого промисива *могу заверить вас*. Однако проспективная промисивная форма не только создает пространство уверенности в достижении общих целей, но и действует в качестве косвенного перформатива деятельностной реализации обещания.

Трансляция значимости консолидации и возможностей объединения уходит от конкретизирующих элементов и внедряет в ценностно-ориентационную систему потенциальных реципиентов аксиологическую доминанту «сила». Экспликация данного мотивационного фактора нивелирует субъективную значимость и возводит в Абсолют кооперационные усилия, что также в публичном мотивационном дискурсе приобретает форму лозунга, аллюзивно связывающе-

² Там же

³ Там же

го современный профсоюзный дискурс с ретро-спективными советскими прецедентами.

***Вместе – мы сила*⁴!**

Мотивационный профсоюзный дискурс характеризуется дуальным ретропийно-протопийным вектором формирования ценностной иерархии, затрагивающим актуальный пласт интенсификации коллективно конвенционализированной ценности в современном пространстве ситуативного применения лозунга и экстраполирующим его содержание в будущее на основе прогнозирования и создания позитивного образа будущего. В публичной мотивирующей речи ретроспекция создает реминисценцию к советскому прошлому, и не только к развитому профсоюзному движению как объединяющей силе на основе единства профессиональных интересов, но и к национальному единству. Корни такой, более широкой, экстраполяции на целостность сообщества лежат ещё в сформулированном на латыни австрийским филологом и историком XIX в. Иосифом Риттером фон Бергманом девизе *Viribus unitis!*, который служил формульным описанием принципа существования многонациональных государств [5].

Как уже отмечалось выше, формирование образа «светлого будущего» в условиях разделения ингерентных идей как аксиологических доминант профсоюзного объединения представляет собой один из мощнейших прагматически нагруженных компонентов мотивационного дискурса. Ценностная доминанта «будущее» как достижимая перспекция настоящего, его лучшая версия связывается с когитемой «метод» как алгоритм достижения поставленных целей и удовлетворения потребностей рядовых членов профсоюза.

***И очень важно ощущать ритмы жизни, видеть не только картину реальности, а она долгие годы складывалась, как алгоритмическая (стандарты, правила, программы, отчеты...). Необходимо проектировать в долгую, предвосхищать и прогнозировать далекую перспективу будущего. Хотя те же ученые говорят, что будущее наступило уже вчера. В общем-то да*⁵!**

Представленный микроконтекст алгоритмизирует условия эффективной деятельности профсоюзной организации в интимизированной форме синестетического прецедента, который вербализуется посредством клишированных конструкций *ощущать ритмы жизни, видеть картину реальности*. Обращение к легко распрямляемым, соответствующим общепринятым речевым моделям экспликации образов существенно повышает манипулятивный уровень мотивационной отчетной речи, поскольку не требует от массового реципиента привлечения дополнительных когнитивных усилий по интерпретации предлагаемого образа. Однако следующие далее лексемы официально-

делового регистра *стандарты, правила, программы, отчеты*, сопровождаемые прогрессивной интонацией незавершенности списка большинством адресатов интерпретируются как институциональные элементы, обеспечивающие внутригрупповое и статусно-ориентированное понимание патерналистской формы взаимодействия лидера и ведомого члена профсоюза. Предложенные в первом предложении условия функциональной устойчивости объединения маркируют протекстовую закрепленную позицию, которая в следующей фразе органично связывается с перспективными формами и необходимостью «зреть в будущее» для сохранения динамики продвижения – *далекая перспектива будущего*, способности нивелировать негативные факторы (пусть ещё не проявившиеся, но угрожающие «коллективному благу») – *предвосхищать*. Глагольная инфинитно-безличная форма создания перспективы не только подчеркивает активный деятельностный характер, но и деперсонализирует необходимость следования данным принципам, т. е. легитимизирует их в коллективном сознании. Сильная позиция финальной фразы подкрепляет корреляции ретропии и протопии *будущее наступило уже вчера*, создавая у массового адресата уверенность в правильности моделей поведения, транслируемых лидером профсоюзного сообщества. Общее пространство констатирующего необходимость учета различных волеустремительных сфер членов профсоюза финализируется эмотивом в форме утвердительного ответа на вопрос внутреннего монолога *В общем-то да!* Эмоционально просодически выделенный скрытый вердиктив транслирует не только уверенность оратора в правильности ценностей и эффективности паттернов их достижения.

Выступления лидеров профсоюзного движения, которые стремятся сформировать и транслировать базовые ценностные доминанты в сообществе единомышленников, казалось бы следуют единому формату деятельностной нарративизации, рассказа о результатах работы и интенсификацией роли коллектива в их достижении. Но стандартная в данном случае тактика нарративизации часто уступает место тактикам презентации, т. е. аллюзивного описания собственного позитивного опыта, претендующего на универсальность и импринтизацию в сознании массового адресата [6].

***Я как географ-биолог, отдыхая, обращаюсь к животному миру. Хочу привести вам один факт: у осьминогов 8 щупальцев и у каждого щупальца своя, независимая нервная система. Вот бы нам, людям иметь хотя бы четыре. Для себя, для семьи, для работы и, конечно, для общественной жизни*⁶.**

Диегетическая нарративизация личного опыта как неимпозитивная форма трансляции собственных знаний и реминисценции к общеиз-

⁴ Там же

⁵ Там же

⁶ Там же

вестным, но ситуативно и контекстуально семиотически модифицируемым фактам, позволяет вводить в публичную мотивационную речь топика, прямо не касающиеся рассматриваемых вопросов. А «Я»-форма наряду с употреблением объединяющего *мы* не просто конвенционализирует субъективную шкалу оценки, но и существенно повышает доверие к оратору, поскольку параллельная «я ↔ мы» конвергенция включает продуцента в «круг своих» для массового реципиента. Градация значимости ценностей в финальной фразе эксплицирует рамку «коллективного блага» от индивидуальных к общественным ценностям и целям, следуя в форме климатической конструкции от меньшей социумной ин-группы к большей.

Другой характерологической чертой мотивационного профсоюзного дискурса, обеспечивающей его высокую прагма-аксиологическую нагрузку является автоэмпатийность, эксплицируемая в вербализованных формах похвалы, выражения доверия и поддержки другим членам профсоюзного актива и рядовым членам. Эти формы вербального одобрения автоматически экстраполируются на все профсоюзное объединение как социальный институт, поддерживающий начинания единомышленников.

Результаты. В рамках обеспечения функциональной эффективности мотивационного дискурса профсоюзных публичных выступлений с учетом топикальной (профессиональной) детерминации; мультифокальности трансляции ингеретной идеи «объединение»; эмотивизации текстового пространства; митигации импозитивности персуазив-

ных элементов; создании псевдоделиберативного пространства формирования ценностей и целей; а также интертекстуальности, формируемой на основе прецедентности, наиболее эффективными речеактовыми вариациями воодушевляющего и побуждающего к действиям общения становятся: 1) декларативы и констативы, приобретающие безапелляционные формы лозунгов; 2) вердиктивы и промисивы, как прямые, так и косвенные. При этом можно констатировать, что декларативные и констативные высказывания выражают максимально импозитивные формы модификации концептуально-валёрной системы массового реципиента, а вердиктивы и промисивы маркируют неимпозитивные аспекты завоевания доверия к активным участникам профсоюзного взаимодействия и мягко встраивают коллективные ценности в интимизационные идентитарные области.

На основе анализа публичных мотивационных речей можно заключить, что последовательной трансляции в процессе формирования позитивного отношения к профсоюзной деятельности и побуждения масс к действию внутри профессионально и институционально детерминированного пространства ценностей подвергаются аксиологемы «объединение», «деятельность», «коллектив», «сила», «метод», «будущее». Тактические альтернативы, репрезентирующие общую стратегию консолидации когнитивных и коммуникативных усилий по формированию ценностей коллективного профсоюзного взаимодействия являются нарративизация, позитивизация личного опыта, «коммуникативная фиксация».

Литература

1. Богоявленская Ю. В., Плотникова М. В., Шустова С. В. Дискурсивные практики: коммуникативно-прагматический подход. Пермь: Пермский государственный национальный исследовательский университет, 2023. 145 с.
2. Бредихин С. Н. Иерархическая номатическая суперструктура vs. фрейм в смыслопорождении концептуальных понятий // Гуманитарные и социальные науки. 2013. № 2. С. 117–129.
3. Бредихин С. Н., Каменский М. В., Шибкова О. С. Новые медиа в процессе модификации концептуально-валерного пространства // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Филология. Журналистика. 2024. № 2. С. 107–111.
4. Бредихин С. Н. Метасредства как сложные структуры «схем действия» в пределах герменевтического понимания // Вестник Пятигорского государственного лингвистического университета. 2013. № 4. С. 110–113.
5. В единстве – сила // Энциклопедический словарь крылатых слов и выражений. М.: Локид-Пресс, 2003. URL: https://dic.academic.ru/dic.nsf/dic_wingwords/302/%D0%92?ysclid=mel2h7sa47960044292.
6. Гиляев Ю. В. Прагматика англоязычного мотивационного дискурса // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. 2017. № 5(166). С. 70–76.
7. Манаева И. В. Тактика «свой круг» в стратегии консолидации участников профсоюзного дискурса // Изоморфные и алломорфные признаки языковых систем. Ставрополь: Параграф, 2025. Вып. 7. С. 242–249.
8. Марченко Т. В., Бредихин С. Н. Системные модификации исходного содержания медийных поликодовых репрезентантов комплексных прецедентных феноменов // Актуальные проблемы филологии и педагогической лингвистики. 2023. № 2. С. 70–85.
9. Bagiyan A. Y. Language variation in forming professional identity: socio-cognitive and pragmatic-axiological perspectives // Когнитивные исследования языка. 2023. № 4(55). С. 519–522.
10. Hoian I. M., Budz V. P. Anthropological and axiological dimensions of social expectations and their influence on society's self-organization // Anthropological Measurements of Philosophical Research. 2020. № 18. P. 76–86.
11. Mayfield J., Mayfield M. Motivating language theory. Effective leader talk in the workplace. Camden: Palgrave Macmillan, 2018. 163 p.
12. Sherwani K. A. A cognitive positive discourse analysis of English motivational speeches // International Journal of Advanced Science and Technology. 2020. № 29(9). P. 4078–4091.
13. Suh E. M., Oishi S. Subjective well-being across cultures // Online Readings in Psychology and Culture. 2002. Vol. 10. Iss. 1. URL: https://www.academia.edu/60635087/Subjective_Well_Being_Across_Cultures. (дата обращения: 17.08.2025).

References

1. Bogoyavlenskaya YuV, Plotnikova MV, Shustova SV. Discursive Practices: A Communicative and Pragmatic Approach. Perm: Perm State National Research University; 2023. 145 p. (In Russ.).
2. Bredikhin SN. Hierarchic noematic strycture vs. frame within conceptual notion sense derivation). *Gumanitarnye i sotsial'nye nauki*. 2013;(2):117-129. (In Russ.).
3. Bredikhin SN, Kamensky MV, Shibkova OS. New media in the process of conceptual value space modification. *Bulletin of Voronezh State University. Series: Philology. Journalism*. 2024;(2):107-111. (In Russ.).
4. Bredikhin SN. Metameans as Complex Structures of the "Schemes of Acting" within Hermeneutical Understanding. *Pyatigorsk State Linguistic University Bulletin*. 2013;(4):110-113. (In Russ.).
5. Unity is power. An encyclopedic dictionary of popular words and expressions. Moscow: Lokid-Press, 2003. Available from: https://dic.academic.ru/dic.nsf/dic_wingwords/302/%D0%92?ysclid=mel2h7sa47960044292. [Accessed 17 August 2025]. (In Russ.).
6. Gilyasev YuV. Pragmatism of the english motivational discourse. *Scientific notes of Petrozavodsk State University*. 2017;5(166):70-76. (In Russ.).
7. Manaeva IV. The "close circle" tactic within the strategy of participants' consolidation of workers' union discourse. Isomorphic and allomorphic features of language systems. *Stavropol: Paragraph*, 2025(7):242-249. (In Russ.).
8. Marchenko TV, Bredikhin SN. System Modifications of the Initial Content of Media Polycode Representatives in Complex Precedent Phenomena. *Actual problems of philology and pedagogical linguistics*. 2023;(2):70-85. (In Russ.).
9. Bagiyan A. Y. Language variation in forming professional identity: socio-cognitive and pragmatic-axiological perspectives. *Cognitive studies of language*. 2023;4(55):519-522. (In Russ.).
10. Hoian IM, Budz VP. Anthropological and axiological dimensions of social expectations and their influence on society's self-organization. *Anthropological Measurements of Philosophical Research*. 2020;(18):76-86.
11. Mayfield J, Mayfield M. *Motivating language theory. Effective leader talk in the workplace*. Camden: Palgrave Macmillan; 2018. 163 p.
12. Sherwani KA. A cognitive positive discourse analysis of English motivational speeches. *International Journal of Advanced Science and Technology*. 2020;29(9):4078-4091.
13. Suh EM, Oishi S. Subjective well-being across cultures. *Online Readings in Psychology and Culture*. 2002;10(1). Available from: https://www.academia.edu/60635087/Subjective_Well_Being_Across_Cultures. [Accessed 17 August 2025].

Научная статья

УДК 81-2

<https://doi.org/10.37493/2409-1030.2025.3.23>

О ЛЕКСИЧЕСКОМ СОСТАВЕ КХМЕРСКОГО ЯЗЫКА

Софья Алексеевна Оборская

Владимирский государственный университет имени А. Г. и Н. Г. Столетовых (д. 87, ул. Горького, Владимир, 600000, Российская Федерация)

Соискатель

oborskayasofi@mail.ru; <https://orcid.org/0009-0001-9605-4219>

Аннотация. Введение. Статья посвящена описанию лексического состава кхмерского языка. Базу исследования составляют работы в области лексикологии отечественных и зарубежных лингвистов Ю. Д. Апресяна, Д. И. Еловкова, Л. П. Крысина, Н. В. Юдиной и др. **Материалы и методы.** Исследование построено на анализе 500 слов, извлеченных методом сплошной выборки из 25 000 контекстов (предложений) из кхмероязычной газеты «Пномпень Пост». **Анализ.** В статье рассмотрен и подробно описан словарный состав кхмерского языка с точки зрения этимологии (исконная и заимствованная лексика), анализируются основные источники заимствований, приводятся классификации лексики кхмерского языка с точки зрения сферы распространения и давности существования. Заимствования классифицированы по языку-донору, темам и способу адаптации. По языку-донору выявлены лексические единицы, заимствованные из санскрита и пали, французского языка, английского языка, тайского, лаосского языков, вьетнамского и китайского языков. Заимствования в кхмерском языке разделены по темам на 11 семантических полей: «информационные технологии», «экономика», «гастрономия», «общественно-политическая лексика», «медицина», «химия», «транспорт», «спорт», «религия», «культура» и «окружающая среда». По способу адаптации заимствования классифицированы на фонетические, морфолого-фонетические и семантические. **Результаты.** По итогам исследования авто-

ром предложена следующая классификация лексики кхмерского языка по универсальным критериям: с точки зрения происхождения – исконно кхмерская и заимствованная, с точки зрения сферы распространения – общепотребительная и ограниченного употребления (диалекты и терминология), с точки зрения давности существования – современная, устаревшая (архаизмы и историзмы) и новая. Анализ показал, что к основным способам появления неологизмов в кхмерском языке относятся: образование новых слов по известным языку словообразовательным моделям, заимствование и семантическая деривация.

Ключевые слова: давность существования, исконная лексика, источник заимствования, кхмерский язык, область функционирования, происхождение, семантическая деривация, язык-донор

Для цитирования: Оборская С. А. О лексическом составе кхмерского языка // Гуманитарные и юридические исследования. 2025. Т. 12. № 3. С. 539–546. <https://doi.org/10.37493/2409-1030.2025.3.23>

Конфликт интересов: автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Статья поступила в редакцию: 27.02.2025.

Статья одобрена после рецензирования: 18.05.2025.

Статья принята к публикации: 28.08.2025.

Research article

ON THE LEXICAL COMPOSITION OF THE KHMER LANGUAGE

Sofia A. Oborskaia

Vladimir State University named after A. and N. Stoletovs (87, Gorkogo Str., Vladimir, 600000, Russian Federation)

Applicant

oborskayasofi@mail.ru; <https://orcid.org/0009-0001-9605-4219>

Abstract. Introduction. The article is devoted to the description of the lexical composition of the Khmer language. The basis of the research is the works in the field of lexicology of Russian and foreign linguists such as Yu. D. Апресян, D. I. Elovkov, L. Krysin, N. Yudina. **Materials and methods.** The study is based on the analysis of 500 words extracted by sampling from 25 000 contexts (sentences) from the Khmer-language newspaper Phnom Penh Post. **Analysis.** The article examines and describes in detail the vocabulary of the Khmer language from the point of view of etymology (native and borrowed vocabulary), analyzes the main sources of borrowings, provides classifications of the vocabulary of the Khmer language from the point of view of the scope of distribution and age of existence. Borrowings are classified by donor language, topics and method of adaptation. By donor language, lexical units borrowed from Sanskrit and Pali, French, English, Thai, Lao, Vietnamese and Chinese are identified. Borrowings in the Khmer language are divided by topics into 11 semantic fields: information technology, economics, gastronomy, social and political vocabulary, medicine, chemistry, transport, sports, religion, culture and environment. According to the method of adaptation, borrowings are classified into phonetic, morphological-phonetic and semantic. **Results.** Based on the results of the

study, the author proposed the following classification of the vocabulary of the Khmer language according to universal criteria: in terms of origin – native Khmer and borrowed, in terms of the sphere of distribution – commonly used and of limited use (dialects and terminology), in terms of the length of existence – modern, obsolete (archaisms and historicisms) and new. The analysis showed that the main ways of the appearance of neologisms in the Khmer language include the formation of new words according to word-formation models known to the language, borrowing and semantic derivation.

Keywords: age of existence, original vocabulary, source of borrowing, Khmer language, area of functioning, origin, semantic derivation, donor language

For citation: Oborskaia SA. On the lexical composition of the Khmer language. Humanities and law research. 2025;12(3):539-546. (In Russ.). <https://doi.org/10.37493/2409-1030.2025.3.23>

Conflict of interest: the author declares no conflicts of interests.

The article was submitted: 27.02.2025

The article was approved after reviewing: 18.05.2025.

The article was accepted for publication: 28.08.2025.

Введение. Кхмерский язык генетически является представителем мон-кхмерской группы австроазиатской семьи языков. В типологическом плане кхмерский язык относится к числу изолирующих языков. Изолирующий характер строя кхмерского языка определяется тем, что в формах слов кхмерского языка в речи не выражаются отношения к другим словам, как это имеет место в неизолирующих языках. Отношения между словами определяются порядком слов и служебными словами. Действие порядка слов зависит от частеречной принадлежности слов. Таким образом, наиболее важными факторами выступают отнесенность слова к той или иной части речи и порядок следования компонентов [5, с. 4–5].

Изучение лексического строя языков мира имеет длительную традицию как в отечественном, так и в зарубежном языкознании. Теоретическую базу настоящего исследования составляют работы в области лексикологии отечественных и зарубежных лингвистов, например [5; 7; 8; 10].

Актуальность данной работы обусловлена отсутствием как в отечественной, так и в зарубежной лингвистике исследовательского материала на данную тему. Такого рода исследования позволяют не только установить сходные с другими языками черты лексики кхмерского языка, но и определить его национально-специфические особенности.

Для достижения вышеуказанной цели исследования необходимо решить следующие задачи:

- отобрать лексические единицы;
- систематизировать их с точки зрения происхождения, сферы распространения и давности существования;
- выявить и описать универсальные и культурно-специфические аспекты лексики кхмерского языка.

Цель исследования – описание генетической и типологической характеристик кхмерского языка, выявление особенностей его лексического строя, классификация лексики кхмерского языка с точки зрения происхождения, сферы распространения и области функционирования, давности существования, а также выявление основных способов появления неологизмов в кхмерском языке.

Научная новизна исследования состоит в том, что в нем впервые на русском языке описана и систематизирована структура лексики кхмерского языка.

Материалы и методы. Материалом для исследования послужили 500 слов, извлеченных методом сплошной выборки из 25 000 контекстов (предложений) из кхмероязычной газеты «Пномпень Пост». Тематические статьи указанного издания включают разделы, посвященные аспектам внутренней и внешней политики Камбоджи, бизнесу, общественной жизни и культуре. Авторы статей – камбоджийские журналисты.

Отсутствие единой, общепринятой и стандартизированной транслитерации кхмерского языка на русский побудила автора статьи предложить свою

систему, апробированную при длительной работе в стране изучаемого языка. К исследованию также привлекались сведения из русско-кхмерского словаря [4].

Теоретическая и практическая значимость представленного исследования состоит в возможности использования полученных результатов в качестве учебных материалов по истории кхмерского языка, а также в лекционных курсах по теории и практике перевода, общему и сравнительно-историческому языкознанию. Кроме того, исследование кхмерского языка с новейших лингвистических позиций позволит сформировать на представленной базе новые научные исследования сравнительно-сопоставительного и сравнительно-типологического характера.

Анализ. *Генетическая и типологическая характеристики кхмерского языка. Особенности его лексического строя.* Лексический состав кхмерского языка весьма разнообразен. Возникновение в его составе тех или иных слов отражает различные стороны истории развития языка [5, с. 18–25]. К основным особенностям кхмерского словаря можно отнести следующие:

1) наличие **общеупотребительной, королевской** (специальный язык для королевской семьи, который используется при обращении к членам королевской семьи и разговоре о них; речь идет не только о королях Камбоджи, но и иных иностранных монарших особах) и **монашеской** (употребляется при обращении к монахам и при обсуждении тем, связанных с буддизмом) лексики. Например, слово «есть» в обычном разговоре будет звучать как *ням/пam*, в королевском языке – *саой/саоу*, в монашеском – *чхан/чан*, «спать»: *де:тм/де:с* – *пхтум/пхтm* – *сыне/сəŋ*, «ходить»: *даы/даə* – *йуанг/уіəŋ* – *нимун/нимən*;

2) весьма **сложная гонорифическая система местоимений**: употребление специальных слов при обращениях старшего к младшему, короля к подданным, монаха к мирянам, пожилого человека к молодому, молодого человека к возлюбленной и т. д. Например, для указания на 1-е лицо единственного числа в зависимости от конкретной ситуации используются такие средства, как: *кхнём/кхпm* – при разговоре со старшим или с равным, *ниангкхнём/ниəŋкхпm* – при разговоре с женщиной более высокого ранга или статуса, *кхнёмба:т/кхпmба:t* – при разговоре с мужчиной более высокого ранга или статуса, *ту:лпреахбонгкум/ту:лпреəхбoŋкуm* – при разговоре с королем, *кхнёмкона:/кхпmкoпa:* – при разговоре с монахом, *ань/əp* – в фамильярной речи и др.;

3) наличие определённой иерархии лексических средств: существование особых слов для обозначения одних и тех же предметов и явлений, выбор которых зависит от того, к какой социальной среде относится называемый им предмет.

Классификация лексики кхмерского языка. В кхмерском языке системные отношения между словами на уровне их лексических значений выра-

жаются в виде микросистем семантического характера, то есть полисемии, синонимии, антонимии, тематических групп и семантических полей, на уровне собственно лексикологии – в иных микросистемах, в которые слова группируются с точки зрения их происхождения, активного и пассивного употребления, сфер их употребления, стилистической окраски.

Слова находятся в различных смысловых отношениях между собой. Значения могут быть сходными, близкими, тождественными, а могут быть прямо противоположными [2, с. 15]. В лексике кхмерского языка лингвисты выделяют

омонимы (ба:у/ба:у («прислуга») и ба:у/ба:у («мешок»), ко:/ко: («шея») и ко:/ко: («лысый»), мук/тик («лицо») и мук/тик («блюдо»), тхнам/тхнат («лекарство») и тхнам/тхнат («краска»), тя:п/са:р («воробей») и тя:п/са:р («лук (оружие)»);

синонимы (даы/даэ и йианг/йяг («ходить»), ке:нь/ке:п и де:ть/де:с («лежать, спать»), мхоп/мхо:р и а:ха:/а:ха: («еда»), мы:п/мх:п и тусана:/тсэна: («смотреть») ням/нат и си:/си: («есть»);

антонимы (кме:нь/кте:п («молодой») – тях/сах («старый»), крах/крах («толстый» о вещах) – сдаынг/сдаэп («тонкий» о вещах), со:/со: («белый») – кхмай/кхмай («черный»), тхом/тхот («большой») – тоуть/то:с («маленький»), кхпх/кхпх («высокий») – тиеп/тиэр («низкий»).

Исконно кхмерская лексика и заимствования. С точки зрения происхождения лексика кхмерского языка делится на **исконно кхмерские слова** и **заимствования**. К первой группе, как правило, относятся:

- однослоги: даым/даэт («начало»), ко:п/ко:п («эффективный, успешный»), кот/кот («записывать, упоминать»), ном/нот («торт, пирожное»), тёне/сэп («конец»), тё:м/со:т («парковать»), тум/тот («усесться, взгроздиться»);

- и реже двуслоги: бобо:/бобо: («суп»), комнот/комнот («определять»), тотуал/тотуэл («получать»), бонки:бонкиа/бопк:бопк: («еле-еле»).

Односложные слова бывают трёх типов в зависимости от своей структуры:

1) однослоги, в состав которых входят согласная и долгая гласная или группа согласных и долгая гласная/дифтонг (де:/де: («шить»), кда:/кда: («доска»));

2) однослоги, состоящие из согласной, краткой гласной и согласной или группы согласных, краткой гласной и согласной (кыт/кыт («думать»), прап/прап («сказать»));

3) однослоги, в состав которых входят согласная, долгая гласная и согласная или группа согласных, долгая гласная/дифтонг и согласная (кро:не/кро:п («связывать»), ро:к/ро:к («искать»)).

Среди **двусложных** слов также выделяют три типа:

1) двуслоги, состоящие из слабого (неударного) и сильного (ударного) слогов одного регистра (бобо:/бобо: («суп»));

2) двуслоги, в состав которых входят слабый и сильный слоги одного/разных регистров, при этом краткая гласная слабого слога ограничена краткой полуоткрытой задней о для первого регистра и краткой закрытой задней э или о для второго (сондаек/сондаек («бобы»));

3) двуслоги, состоящие из двух слогов любого из типов моносиллабов с одинаковым ударением на каждом (сиеупхеу/сиеупхеу («книга»)) [3, с. 37].

Появление заимствований в лексике кхмерского языка наряду с многими другими языками обусловлено такими причинами, как потребность в наименовании новой вещи или явления; необходимость разграничить содержательно близкие, но в то же время различающиеся понятия; наличие в заимствованном языке сложившихся систем терминов и, наконец, восприятие иноязычного слова как более престижного и «красиво звучащего» [7].

По мнению кхмерского лингвиста Тхон Хына, «кхмерский язык, как и любой язык мира, не смог бы развиваться без смешения с другими языками» [15, с. 9]. Он выделял в кхмерском словаре чисто кхмерской лексики чуть больше 3 тыс. номинаций, остальные слова по большей части относились к заимствованиям.

Заимствования в кхмерском языке можно классифицировать по различным критериям:

1. По источнику заимствования:

Рис. 1. Классификация кхмерских заимствований по источнику заимствования /

Fig. 1. Classification of Khmer borrowings by source of borrowing

*Источник: данные автора

1. Наибольшее количество заимствований пришло в кхмерский язык из индоевропейской семьи языков:

а) индийской группы:

- санскрита (ка:/ка: («дело»), кба:л/кба:l («голова»), прох/проh («мужчина»));

- пали (йонхох/уэпhoh («самолет»), ка:л/ка:l («момент, время, эпоха, период»), тха:мопул/tha:тэруl («энергия»));

б) романской группы:

- французского языка (ва:ли:/ва:li: («чемодан»), ка:нон/ка:non («пушка»), ка:та:п/ка:та:p («портфель»), ма:си:н/ма:си:n («аппарат»), ми:н/ми:n («мина»), номпанг/нэтрап («хлеб»), франг/фрап («тормоз»), фроума:/фрума: («сыр»);

в) германской группы:

- английского языка (ве:пса:й/ве:пса:y («интернет-сайт»), ви:де:оуге:м/ vi:de:o:ge:m («видео-игра»), ди:му:тхо:л/ди:си:тхо:l («цифровой»), кхукки:/кхикки: («печенье»), ли:нэ/ли:п («ссылка»), онла:нь/онла:п («онлайн»), хот-до:к/hotdɔk («хот-дог»);

2. Заимствования из тай-кадайской языковой семьи:

а) тайской группы:

- тайского (биенлиенг/biəliəŋ («жалованье»), лиен/лиəp («миллион»), локхаон/lɔkhaon («театр»), паэтсеп/paetsəp («восемьдесят»), па:чха:/pa:cha («кладбище»), пин/пип («щипилька для волос»), ронгвоан/рəŋvɔəŋ («награда»), сном/спот («служанка короля»), ха:сеп/ха:сəp («пятьдесят»));

- лаосского языков (ка:та:к/ка:та:k («оставшийся приготовленный рис»), ла:п/ла:p («лаосское блюдо из мяса»), сомниенг/сəmniəŋ («звук, голос»));

3. Заимствования из аустроазиатской семьи:

а) мон-кхмерской группы:

- вьетнамского языка (пха:к/pha:k («штрафовать»), ха:нэ/ха:п («магазин»), чхiek/chiək («проверять»);

4. Заимствования из сино-тибетской языковой семьи:

а) китайской группы:

- китайского языка (кауэй/каuei («стул»), ми:/mi: («лапша»), пип/пит («кисточка для письма»), то/тə («стол»), хун/хип («акция»), ча:/cha: («жарить»), чхынг/чhŋ («низкий стол»).

2. По тематике:

Рис. 2. Классификация кхмерских заимствований по темам /
Fig. 2. Classification of Khmer borrowings by topic

*Источник: данные автора

Семантические поля заимствований в кхмерском языке включают в себя такие темы, как:

- «информационные технологии»:

а:кхаон/a:khaon («аккаунт»), блу:мху:/blu:thu: («блютуз»), ви:де:оу/ви:де:о («видео»), во:й/во:у («голосовое сообщение»), компю:тоа/кəтпру:тə («компьютер»), ле:птхо:п/лэ:пhə:p («ноутбук»), пхе:ть/пхе:с («страничка в интернете»), чха:м/ча:t («чат»);

- «экономика»: би:лиан/bi:liəŋ («миллиард»), и:ва:ли:ми:/ва:ли:t («электронный кошелек»), ко-ун/ко:t («код»), кре:ди:м/кре:ди:t («кредит»),

кхюа:коут/khyu:ɔ:ko:t («QR-код»), три:лиан/tri:liəŋ («триллион»), тхе:ндəа/thə:ndəɔ («тендер»);

- «гастрономия»: ба:/ба: («бар»), бе:пу:/бэ:ри: («ягода»), ва:ни:ла:/ва:ни:ла: («ванилин»), ка:ка:оу/ка:ка:о («какао»), ми:ле:м/ми:лэ:t («просо»), са:ла:м/са:ла:t («салат»), ско:соукоула:/sko:so:ko:la: («шоколад»), сра:буа/сра:биə («пиво»), суп/суп («суп»), хот-до:к/hotdɔk («хот-дог»);

- «общественно-политическая лексика»: дро-ун/dro:n («дрон»), е:ли:м/е:ли:t («элита»), ми:н/ми:n («мина»), ми:си:л/ми:си:l («ракета»), ми:тинь/ми:tjŋ

(«митинг»), на:тоу/na:to: («НАТО»), плок/plɔk («блок»), поулих/ro:lih («полиция»), си:вил/си:vil («гражданский»), тактик/taktik («тактика»);

- «медицина»: алкол/alkɔl («спирт»), ви:рух/vi:ruh («вирус»), доух/do:h («доза»), коуви:т/ко:vi:t («коронавирус»), мах/ma («маска»), онгти:коа/ɔŋti:kɔ («антитела»), пла:сма:/pla:sma: («плазма»), се:пане/se:paŋ («шприц»);

- «химия»: а:зоум/a:zo:t («азот»), а:моу:нѐум/a:mo:ŋo:t («аммоний»), бе:ри:луй/be:ri:lyu: («бериллий»), ки:ми:/ki:mi: («химический»), ме:та:н/me:ta:n («метан»), пла:стик/pla:stik («пластик»), ха:си:х/ха:si:h («гашиш»), хе:роуи:н/хе:ro:i:n («героин»);

- «транспорт»: а:куй/a:kiu («аккумулятор»), ме:ка:ник/me:ka:nik («механический»), пхле:уха:йве:/phleuha:yve: («скоростная трасса»), трактоа/traktɔ («трактор»), туби:н/tuəbi:n («турбина»);

- «спорт»: бал/bal («мяч»), балбох/balboh («баскетбол»), го:л/гə:l («гольф»), е:роубик/e:ro:bik («аэробика»), ме:да:й/me:da:y («медаль»), ски:/ski: («кататься на лыжах»), ю:доу/ю:do: («дзюдо»);

- «религия»: исла:м/islɑ:m («ислам»), ка:тоулик/ka:to:lik («католический»), му:сли:м/mu:sli:m («мусульманин»), оусо:удок/o:so:ɔk («ортодоксальный»), хи:тя:п/hi:ca:p («хиджаб»);

- «культура»: албум/album («альбом»), га:й/га:у («гид»), ди:за:нь/di:za:ŋ («дизайн»), мо:ут/мо:t («мода»), пи:ра:ми:т/pi:ra:mi:t («пирамида»), ре:п/re:p («рэп»), тра:ма:/tra:ma: («драма»), ги:та:/gi:ta: («гитара»);

- «окружающая среда»: аки:де:/aki:se: («орхидея»), му:сонг/му:soŋ («муссон»), пираня:/piranya: («пиранья»), трейтху:на:/tre:ythu:na: («тунец»), тропик/tro:pik («тропический»).

3. По способу адаптации:

Рис. 3. Классификация кхмерских заимствований по способу адаптации / Fig. 3. Classification of Khmer borrowings by the method of adaptation

*Источник: данные автора

К **фонетическим** относятся заимствования, перенесенные из иностранного языка в исходной форме с незначительной адаптацией к кхмерской фонетике: блокче:н/blɔkche:n («блокчейн»), да:йноусоа/da:yno:so: («динозавр»), ка:тонг/ка:toŋ («картон»), мах/ma («маска»), пи:ра:ми:т/pi:ra:mi:t («пирамида»), си:клоун/si:klo:n («циклон»), хе:роуи:н/хе:ro:i:n («героин»).

К **морфолого-фонетической** адаптации, при которой образование новой единицы происходит путем сложения слов/основ, одна из которых заимствованная, а другая – кхмерская мы отнесли: бонлаеру:кает/ bonlaeru:kaet («руккола»: бонлае/bɔnlae – «овощ» и ру:кает/ru:kaet – «руккола»); нэмдоунат/nɛmdo:nat («пончик»: нэм/nɛm – «изделие из теста» и доунат/do:nat – «пончик»); ско:соукоула:/skɔ:so:ko:la: («шоколад»: ско/skɔ: – «сахар» и соукоула:/so:ko:la: – «шоколад»); сра:ти:н/sra:ci:n («джин»: сра:/sra: – «вино» и ти:н/ci:n – «джин»).

Семантические заимствования появились в кхмерском языке путем копирования внутренней структуры заимствуемого слова или его перевода на кхмерский язык: а:ха:тѐм?енрохах/a:ha:ɔm?ɛnɔhah – «еда быстрого приготовления,

фастфуд»: а:ха:/a:ha: – «еда», тѐм?ен/ɔm?ɛn – «готовить» и рохах/rohah – «быстро» (от английского instant-cooking food и fast food); лиенглуй/liɛŋlu – «отмывать деньги»: лиенг/liɛŋ – «мыть» и луй/lu – «деньги» (от английского launder money); поня:сепонимыт/ponya:sɛpɔnimɔt – «искусственный интеллект»: поня:/ponya: – «ум» и сепонимыт/ sɛpɔnimɔt – «искусственный» (от английского artificial intelligence).

Общеупотребительная лексика и лексика ограниченного употребления. С точки зрения сферы распространения, области функционирования кхмерская лексика делится на **общеупотребительную** и **ограниченного употребления** [13].

К **общеупотребительной лексике** относят слова, которые употребляются всеми носителями языка в обыденной речи [8]. Они могут использоваться в разных языковых сферах независимо от рода занятий человека, его места жительства, принадлежности к той или иной социальной группе. Например, де:ты/de:s («спать»), кхиейу/khiəu («синий»), тхвы:/thvɔ: («делать»), тхом/thɔm («большой»), чхма:/chma: («кошка»).

К лексике **ограниченного употребления** относится **диалектная лексика**, которая ограничена определенной территорией страны и **профессионально-терминологическая**, бытующая в определенной социальной среде [11].

В отечественной лингвистике выделяют две основные группы диалектов кхмерского языка: северо-западные (районы провинций Баттамбанг и Сиемреап) и юго-восточные (остальная часть страны). Основными характеристиками диалектов первой группы языков считают особое растягивание долгих гласных, носящих более открытый характер, в отдельных случаях смешение двух серий гласных, сохранение исчезнувших на юге фонетических различий [10]. Северные и южные диалекты подразделяются на 4 группы: пномпеньский, сурийский (распространён на границе с Таиландом), кардамонский (провинция Пусат и в районе Кардамоновых гор) и шок-чангский (население дельты Меконга).

Специальная лексика кхмерского языка представлена группами слов, выражающих специальные понятия и призванных логически точно обозначать предметы, явления и процессы, относящиеся к той или иной области научного знания или отрасли науки или техники. В языке они существуют в составе терминологии, которая включает как исконно кхмерские слова, так и иноязычные заимствования: *атра:ка:прак/атра:ка:прак* («процентная ставка»), *пхиаретхиари:пхиерэтиери:* («временный поверенный в делах»), *са:танг/са:тан* («верительные грамоты»), *тёмнгы:ско* *т/сэтпв:скот* («эпилепсия»), *туаниенг/ туэниэп* («роль танцовщицы»), *тун/туп* («инвестиция»).

Современная, устаревшая и новая лексика. С точки зрения **давности существования**, лексика кхмерского языка делится на **современную, устаревшую и новую**.

Современная лексика представлена исконно кхмерскими и иноязычными общеупотребительными словами, которые охватывают основную массу лексики современного кхмерского языка и являются численно доминирующими [14]: *а:у/а:у* («рубашка»), *дей/де:у* («земля»), *дай/дай* («рука»), *даы/даэ* («идти»), *йией/ййэу* («бабушка»), *кба:л/кба:л* («голова»), *ко:/кө:* («корова»), *ко:нэтоап/ко:нэтэп* («армия»), *кхае/кхае* («месяц»), *ниету:/ниэти:* («минута»), *пи:/пи:* («два»), *пропун/пропун* («жена»), *пхном/пхном* («гора»), *рут/рут* («бегать»), *са:ла:/са:ла:* («школа»), *та:/та:* («дедушка»), *тао/тао* («лев»), *твие/твиэ* («дверь»), *тонле:/тонле:* («река»), *чхнам/чхнат* («год»).

Современная лексика кхмерского языка успешно обслуживает различные сферы деятельности камбоджийского общества.

Устаревшая лексика кхмерского языка представлена **архаизмами** и **историзмами**. Они имеют ограниченное употребление и относятся к пассивному словарному фонду. Чаще всего такие номинации встречаются в литературных произведениях и выполняют определенные стилистические

функции. К **архаизмам** относятся: *дахтом/дахтэм* – «ночь» (современное *йуп/йур*), *кдей/кде:у* – «храм для бхиккху» (современное *воат/вээт*), *кропо:к/кромр:к* – «кричать» (современное *сраек/сраек*), *пхниен/пхниэп* – «желание» (современное *бомно:нэ/бомно:п*), *тяуке:у/сауке:у* – «руководитель» (современное *неккрупкро:нэ/нэккрупкро:п*).

Историзмы обозначают названия устаревших реалий и понятий прежних исторических периодов, встречаются в исторических трудах и исторических романах и используются для создания исторического фона определенного исторического периода [1]: *ба:ра:й/ба:ра:у* («искусственный водоём» – элемент архитектурного стиля Кхмерской империи), *онка:/онка:* («руководящий орган» при «красных кхмерах»), *пхиэпо:/пхиэро:* («брат» – член Постоянного комитета «красных кхмеров»), *унтак/унтак* («ЮНТАК» – миротворческая миссия ООН, действовавшая в Камбодже в 1992–1993 гг.).

Неологизмы – «новые», не закрепившиеся в языке слова, не вошедшие в активный словарный состав [12]. Усилившееся западное влияние на Камбоджу, процесс глобализации, стремление словарного состава языка отражать в нем действительность с ее переменами привели к значительному обогащению кхмерского языка неологизмами, которые обслуживают наиболее важные для говорящего сферы жизни и выражают актуальные смыслы: *ди:ти:тхо:лпхиву:пони:йкам/ди:ци:тхо:лву:пони:уком* («цифровизация»), *и:ва:ли:т/и:ва:ли:т* («электронный кошелек»), *подедола:пу:пони:йкам/подедола:ру:пони:укам* («дедолларизация»).

Особый интерес вызывают способы появления неологизмов в кхмерском языке. Анализ новой лексики кхмерского языка позволил нам сделать вывод, что одним из таких способов является «привычное» **словообразование**, то есть создание новых слов по известным кхмерскому языку словообразовательным моделям: *йо:тхиву:пони:йкам/йо:тхиэву:пони:укам* («милитаризация»: образовано от прилагательного *йо:тхиву:пони:йкам/йо:тхиэ* – «военный» при помощи полусуффикса абстрактных существительных *ву:пони:йкам/ву:пони:уком*), *нектётькоамтро:/нексоксэамтрэ:* («подписчик»: образовано путем сложения двух слов – *тёть/сокс* («нажимать») и *коамтро:/кэамтрэ:* («поддерживать») с полупрефиксом *нек/нэк*), *порийа:банокам/порийа:банэкам* («инклюзивность»: образовано от существительного *порийа:бан/порийа:бан* – «инклюзивный» при помощи полусуффикса *кам/кат*), *чхве:ньнийум/чхве:пниют* («идеология левых в политике»: образовано от прилагательного *чхве:нь/чхве:п* – «левый» при помощи полусуффикса *нийум/ниют*).

Другим способом появления неологизмов в кхмерском языке является **расширение значения**, при котором имеющееся в языке слово приобретает новое значение [6], зачастую еще не нашедшее отражение в словарях: *байто:нэ/байто:п*

(«зеленый», новое значение – «экологически чистый»), *бонда:нь/boŋda:ŋ* («металлическая сетка», новое значение «социальная сеть»), *по-по:к/рə:рə:k* («облако», новое значение – «виртуальная среда – облако»), *со:се:/sə:se:* («писать», новое значение – «публиковать в социальных сетях»).

Наконец, говоря о «живых» процессах, происходящих в кхмерском языке новейшего периода, нельзя не указать важную особенность современного заимствования – пополнение лексического состава кхмерского языка иноязычными номинациями преимущественно из английского языка. Это объясняется тем фактом, что английский язык является языком международного общения в эпоху глобализации, когда происходит беспрецедентное сближение стран и народов. В настоящее время в лингвистике преобладает тезис о постоянном пополнении английскими заимствованиями словарного состава родного языка как неизбежное следствие научно-технического прогресса, социально-культурных и экономических процессов общемировой интеграции [9].

К наиболее употребляемым англицизмам относятся, например: *ду:му:мхо:п/di:ci:thə:p* («цифровой»), *е:летьтроуник/e:lektro:nik* («электронный»), *о:нла:нь/onla:ŋ* («онлайн»), *ге:м/ге:т* («игра»), *ви:де:оу/vi:de:o* («видео»), *клеп/клə:p* («клуб»), *и:нтхы:нем/i:ntʰə:nət* («интернет»), *дроун/dro:n* («дрон»).

Результаты. Таким образом, мы приходим к следующим выводам. С одной стороны, лексика кхмерского языка обладает такими уникальными чертами, как наличие общеупотребительной, королевской и монашеской лексики; сложная гонорифическая система местоимений и наличие определенной иерархии лексических средств. С другой стороны, она может быть классифицирована по универсальным критериям: с точки зрения происхождения, сферы употребления и давности существования. В то же время проведенное исследование продемонстрировало, что кхмерский язык богат иноязычными заимствованиями, появление которых обусловлено следующими причинами: потребностью в наименовании новой вещи или явления; необходимостью разграничить содержательно близкие, но в то же время различающиеся понятия; наличием в заимствованном языке сложившихся систем терминов и восприятием иноязычного слова как более престижного. Обилие заимствований в проанализированных контекстах позволило автору составить их подробную классификацию с учетом критериев источника заимствования, тематики и способа адаптации.

Анализ новой лексики кхмерского языка показал, что к основным способам появления неологизмов в кхмерском языке относятся: образование новых слов по известным языку словообразовательным моделям, семантическая деривация и обилие англицизмов.

Литература

1. Аркадьева Т. Г. Проблема описания историзмов и архаизмов в современной лексикографии // Вестник Воронежского государственного университета. 2014. № 3. С. 14–20.
2. Вендина Т. И. Введение в языковедение: учебное пособие. 3-е изд. М.: Высшая школа, 2023. 333 с.
3. Горгониев Ю. А. Грамматика кхмерского языка. 2-е изд., доп. М.: Наука, 2009. 320 с.
4. Горгониев Ю. А. Кхмерско-русский словарь. 2-е изд., испр. М.: Русский язык, 1984. 948 с.
5. Еловков Д. И. Структура кхмерского языка. Фонетика, фонология, лексика, семантика. СПб.: Филологический факультет СПбГУ, 2006. 468 с.
6. Касимова Г. К. О семантическом развитии слова в современном русском языке // Ученые записки Казанского университета. Серия гуманитарные науки. 2021. Т. 163. С. 142–153.
7. Крысин Л. П. Лексическое заимствование и калькирование в русском языке последних десятилетий // Вопросы языковедения. 2002. № 6. С. 27–34.
8. Кудряшова С. В. Процесс заимствования как разновидность языкового контакта // Известия вузов. Поволжский регион. Гуманитарные науки. 2015. № 4(36). С. 66–75.
9. Лашкова Г. В., Матяшевская А. И. Англицизмы в современном русском языке: к проблеме лингвотолерантности // Известия Саратовского университета. Серия: Филология. Журналистика. 2022. Т. 22. Вып. 2. С. 151–157.
10. Погибенко Т. Г. Лексический комплекс в австроазиатских языках // Труды института востоковедения РАН. Вып. 19: Проблемы общей и востоковедной лингвистики: Лексикология и лексикография / отв. ред. З. М. Шаляпина; сост., ред. А. С. Панина. М.: ИВ РАН, 2018. С. 197–211.
11. Тимошенко Т. Е., Штукарева Е. Б. Изучение лексики ограниченного употребления в курсе «Русский язык и культура речи» будущими переводчиками и преподавателями иностранного языка // Педагогика. Вопросы теории и практики. 2023. Т. 8. С. 287–293.
12. Чень Шаосюн. Неологизмы русского языка на основе англоязычных заимствований // Известия ВГПУ. Филологические науки. 2020. С. 108–113.
13. Khin Sok. La Grammaire du Khmer Moderne. Paris: Editions YOU-FENG; 2022. 620 p. (In French).
14. Soun Orsoth. Information of Khmer Grammar. Phnom Penh: Asia Euro University; 2013. 713 p. (In Khmer).
15. Thon Hin. Khmer grammar. Phnom Penh: Khmer books Edition; 2020. S. 9–12. (In Khmer).

References

1. Arkadeva TG. The problem of describing historicisms and archaisms in modern lexicography. Bulletin of Voronezh State University. 2014;(3):14-20. (In Russ.).
2. Vendina TI. Introduction to Linguistics: Textbook [Text] / T.I. Vendina. Moscow: Higher School; 2023. 333 p. (In Russ.).
3. Gorgoniev YuA. Grammar of the Khmer language. Moscow: Knizhnyj dom LIBRICOM; 2009. 320 p. (In Russ.).
4. Gorgoniev YuA. Khmer-Russian dictionary. Moscow: Russkijazyk; 1984. 948 p. (In Khmer and Russ.).

5. Elovkov DI. The structure of the Khmer language. Phonetics, phonology, vocabulary, semantics. St. Petersburg: Philological faculty of St. Petersburg State University; 2006. 467 p. (In Russ.).
6. Kasimova GK. On the semantic development of the word in modern Russian. Scientific notes of Kazan University. The Humanities series. 2021;(163):142-153. (In Russ.).
7. Krysin LP. Lexical borrowing and calques in the Russian language of recent decades. Questions of linguistics 2002;(6):27-34. (In Russ.).
8. Kudryashova SV. The process of borrowing as a type of language contact. Izvestiya vuzov. The Volga region. Humanities. 2015;4(36):66-75. (In Russ.).
9. Lashkova GV, Matyashevskya AI. Anglicisms in modern Russian: on the problem of linguistic tolerance. Proceedings of the Saratov University 2022;(2):151-157. (In Russ.).
10. Pogibenko TG. Lexical complex in Austroasiatic languages in Proceedings of the Institute of Oriental Studies of the Russian Academy of Sciences. Problems of general and oriental linguistics: Lexicology and lexicography. Ed. ZM. Shalyapina; compiled, ed. AS. Panina. Moscow: Institute of Oriental Studies of the Russian Academy of Sciences. 2018;(19):197-211. (In Russ.).
11. Timoshenko TE, Shtukareva EB. Study of vocabulary of limited use in the course "Russian language and culture of speech" by future translators and teachers of foreign languages. Pedagogy. Questions of theory and practice. 2023;(8):287-293. (In Russ.).
12. Chen Shaosun. Neologisms of the Russian language based on English borrowings. Bulletin of the Voronezh State Pedagogical University. 2020:108-113. (In Russ.).
13. Khin Sok. La Grammaire du Khmer Moderne. Paris: Editions YOU-FENG; 2022. 620 p.
14. Soun Orsoth. Information of Khmer Grammar. Phnom Penh: Asia Euro University; 2013. 713 p. (In Khmer).
15. Thon Hin. Khmer grammar. Phnom Penh: Khmer books Edition; 2020. S. 9-12. (In Khmer).

Научная статья

УДК 81:001.89

<https://doi.org/10.37493/2409-1030.2025.3.24>

**ПУБЛИКАЦИОННАЯ АКТИВНОСТЬ УЧЕНОГО – ДОКТОРА ФИЛОЛОГИЧЕСКИХ НАУК:
КРИТЕРИИ ИНТЕНСИФИКАЦИИ И СНИЖЕНИЯ ЦИТИРУЕМОСТИ (РЕТРОСПЕКТИВА
СПЕЦИАЛЬНОСТИ 10.02.04 – ГЕРМАНСКИЕ ЯЗЫКИ)**

Светлана Андреевна Романова¹, Алексей Иванович Горожанов^{2*}

^{1,2} Московский государственный лингвистический университет (д. 38, ул. Остоженка, Москва, 119034, Российская Федерация)

¹ Специалист

s.a.romanova@linguanet.ru, <https://orcid.org/0009-0003-4561-468X>

² Доктор филологических наук, доцент

a.gorozhanov@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-2280-1282>

* Автор, ответственный за переписку

Аннотация. Введение. В статье рассмотрены критерии интенсификации и снижения цитируемости публикаций докторов филологических наук. На интенсификацию цитируемости может влиять выбор того или иного рецензируемого журнала для опубликования результатов своих исследований, выбор типа публикации, выбор соавтора и актуальность темы. На снижение цитируемости работ влияет частота публикаций, слабая видимость публикаций в научном сообществе, качество публикаций и тип доступа к ним (открытый или закрытый). В целом интенсификация и снижение цитирования публикаций доктора филологических наук демонстрируют научному сообществу степень значимости проводимых им исследований.

Материалы и методы. Исследование основано на данных Научной электронной библиотеки о публикационной активности 15 учёных, защитивших докторские диссертации по филологическим наукам (10.02.04 – Германские языки) в 2014–2015 годах. Использовались методы поиска диссертаций, анализа, синтеза, обобщения данных, сравнения, ранжирования и интерпретации для объяснения влияния выбранных критериев на изменение уровня цитируемости публикаций. **Анализ.** Для исследования были предложены несколько критериев. Первый критерий – наличие у докторов филологических наук научных статей, написанных сольно и в соавторстве в журналах, включённых в Перечень Высшей аттестационной комиссии, и публикаций в иных изданиях, для выяснения того, какой тип публикаций активно цитируется сторонними учеными. Второй критерий – руководство научной деятельностью учеников во время подготовки ими научных статей и кандидатских диссертаций. Третий критерий – наличие зарегистрированных в Роспатенте результатов интеллектуальной деятельности (баз данных, программ для ЭВМ). **Результаты.** Каждый из рассмотренных критериев по-разному повлиял на публикацион-

ную активность докторов филологических наук. Критериями длительной интенсификации цитируемости оказались публикации докторов наук в журналах из Перечня Высшей аттестационной комиссии и иных научных, учебных и справочных изданиях, подготовленных как в соавторстве, так и сольно. Критерий «наличие учеников» слабее влияет на интенсификацию цитируемости, но при этом он не влияет на снижение цитируемости. Это связано с особенностью учета цитирований работ учеников в научной электронной библиотеке в авторском профиле доктора наук. Наконец, тип публикаций «результаты интеллектуальной деятельности» (регистрация баз данных и программ для ЭВМ) практически не влияет на интенсификацию цитируемости, другими словами, это критерий снижения цитируемости, поскольку этот тип публикаций менее популярен у ученых-филологов для цитирования.

Ключевые слова: цитирование; публикационная активность; доктор филологических наук; публикация; научное руководство; результаты интеллектуальной деятельности

Для цитирования: Романова С. А., Горожанов А. И. Публикационная активность ученого – доктора филологических наук: критерии интенсификации и снижения цитируемости (ретроспектива специальности 10.02.04 – Германские языки) // Гуманитарные и юридические исследования. 2025. Т. 12. № 3. С. 547–554. <https://doi.org/10.37493/2409-1030.2025.3.24>

Конфликт интересов: авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Вклад авторов: все авторы внесли равный вклад в подготовку публикации.

Статья поступила в редакцию: 27.06.2025.

Статья одобрена после рецензирования: 18.07.2025.

Статья принята к публикации: 28.08.2025.

Research article

**PUBLICATION ACTIVITY OF A SCIENTIST – DR. HABIL.
IN PHILOLOGY: CRITERIA FOR THE INTENSIFICATION AND REDUCTION OF CITATIONS
(RETROSPECTIVE OF THE SPECIALTY 10.02.04 – GERMANIC LANGUAGES)**

Svetlana A. Romanova¹, Alexey I. Gorozhanov^{2*}

^{1,2} Moscow State Linguistic University (38, Ostozhenka Str., Moscow, 119034, Russian Federation)

¹ Specialist

s.a.romanova@linguanet.ru, <https://orcid.org/0009-0003-4561-468X>

² Dr. Sc. (Philology), Professor

a.gorozhanov@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-2280-1282>

* Corresponding author

Abstract. Introduction. The article discusses the criteria for the intensification and reduction of citations of publications for the Dr. habil. in Philology. The intensification of citations may be influenced by the choice of a peer-reviewed journal for publishing the results of their research, the choice of the type of publication, the choice of a co-author and the relevance of the topic. The frequency of publications,

low visibility of publications in the scientific community, the quality of publications and the type of access to them (open or not open) affect the decrease in the citation of works. In general, the intensification and decrease in publication citations of the Dr. habil. in Philology demonstrate the importance of the research to the scientific community. **Materials and methods.** The study is based on data from the Scientific

Electronic Library on the publication activity of 15 scientists who defended their doctoral dissertations in philological sciences (10.02.04 – Germanic languages) in 2014-2015. The methods of the search of dissertations, analysis, synthesis, data synthesis, comparison, ranking and interpretation were used to explain the influence of the selected criteria on the change in the citation level of publications. **Analysis.** Several criteria have been proposed for the study. The first criterion is the availability of scientific articles written by Dr. habil. in Philology solo and with co-authors in journals included in the List of the Higher Attestation Commission and publications in other journals to determine which type of publications is actively cited by others. The second criterion is acting as a scientific advisor for the students including preparation of their scientific articles and PhD theses. The third criterion is the availability of intellectual property results (data bases, computer programmes) registered by Rospatent. **Results.** Each of the criteria considered had a different impact on the publication activity of the Dr. habil. in Philology. The criteria for a long-term intensification of citations turned out to be publications in journals from the List of the Higher Attestation Commission and other scientific, educational and reference editions prepared both with co-authors and solo. The criterion of «acting as a scientific advisor» has a weaker effect on the intensification of citations, but it does not affect the decrease in citations. This is due to

Введение. Филология⁷ традиционно играет главенствующую роль в изучении и понимании языковых, лингвокультурологических и литературных процессов, происходящих в современном динамично меняющемся многополярном мире. Эффективность исследовательской деятельности ученых-филологов выражается в уровне цитируемости их работ сторонними учеными и в частоте выхода публикаций. Так, если публикации ученых подготовлены на актуальные темы⁸, обладают новизной, поддерживаются на институциональном уровне или имеют грантовую поддержку, написаны в соавторстве с известными коллегами-учеными, в таком случае можно говорить о высоком потенциале цитирования. Однако если частота выхода публикаций нерегулярна, отсутствуют соавторы, в тексте публикаций не отражены оригинальные идеи и разработки, то публикации с большей вероятностью будут цитироваться меньше.

При этом цитируемость публикаций не всегда является объективным показателем ее научной ценности, поскольку существуют недобросовестные практики накрутки цитирования [2; 10]. В Научной электронной библиотеке (далее – НЭБ) с 2017 года за применение различных манипуляций (плагиат, договорное цитирование, неестественное увеличение индекса Хирша, несоблюдение публикационной этики, отсутствие научного компонента в публикациях) экспертный совет исключает научные и учебные издания и издательства

⁷ Под «филологией» мы понимаем здесь широко «филологию и лингвистику», употребляя термин «филология» исключительно в связи с наименованием ученой степени «доктор филологических наук».

⁸ Прим.: Перечень актуальных исследовательских тем по филологии до 2030 года изложен в распоряжении Правительства Российской Федерации от 31 декабря 2020 года № 3684-р «Об утверждении Программы фундаментальных научных исследований в РФ на долгосрочный период (2021–2030 годы). URL: <http://government.ru/docs/all/132190/> (дата обращения: 25.07.2025).

the peculiarity of taking into account citations of students' works in the scientific electronic library in the author's profile of the Dr. habil. in Philology. Finally, the type of publications «results of intellectual activity» (registration of data bases and computer programmes) has virtually no effect on the intensification of citations, in other words, it is a criterion for reducing citations, since this type of publication is less popular among philologists considering citations.

Keywords: citation; publication activity; Doctor habil. in Philology; publication; scientific guidance; results of intellectual activity

For citation: Romanova SA, Gorozhanov AI. Publication Activity of a Scientist – Dr. habil. in Philology: Criteria for the Intensification and Reduction of Citations (retrospective of the specialty 10.02.04 – Germanic languages). Humanities and law research. 2025;12(3):547-554. (In Russ). <https://doi.org/10.37493/2409-1030.2025.3.24>

Conflict of interest: the authors declare no conflicts of interests.

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article.

The article was submitted: 27.06.2025

The article was approved after reviewing: 18.07.2025.

The article was accepted for publication: 28.08.2025.

из индексации в библиотеке⁹. Индексация научного периодического издания в РИНЦ по-прежнему остается критерием включения в Перечень рекомендованных изданий для опубликования результатов диссертационных исследований¹⁰.

В научной литературе помимо изучения цитирования находят отражение и иные проблемы, связанные с публикационной активностью ученых: мотивация ученого к творческому труду и опубликованию в качественных изданиях [3; 17]; вклад каждого автора в публикацию [5; 19]; корректность метаданных об авторах в описании публикаций [4]; соблюдение публикационной этики [7; 13]; ретракция [9; 14]; проверка текста на неправомерные заимствования [1]; динамика предметного поля гуманитарных, естественных и технических наук; язык публикации (русский / английский / немецкий); длительное рецензирование; привлечение ученого в качестве члена редакционной коллегии, рецензента или редактора выпуска периодического издания [8; 15]; оплата публикаций в редакции; внедрение в образовательной организации рейтинговой системы и поощрительных выплат авторам за публикации [6];

⁹ См.: Исключение журналов из РИНЦ, ретракция статей и открытые рецензии: вопросы и ответы. URL: https://www.elibrary.ru/retraction_faqs.asp (дата обращения: 25.07.2025).

¹⁰ См.: Приказ Министерства науки и высшего образования Российской Федерации от 11 апреля 2025 года № 337 «О внесении изменений в правила формирования перечня рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук, и требования к рецензируемым научным изданиям для включения в перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук, утвержденные приказом Министерства науки и высшего образования Российской Федерации от 31 мая 2023 года № 534» (Зарегистрирован 12 мая 2025 года № 82121). URL: <http://publication.pravo.gov.ru/document/0001202505120037> (дата обращения: 25.07.2025).

внедрение искусственного интеллекта в подготовку публикации [16; 12] и др.

Цель исследования состоит в выявлении изменений в публикационной активности докторов филологических наук в сравнении пятилетнего периода до защиты докторской диссертации и 10-летнего периода после ее защиты.

Минимальный временной интервал в 5 лет, по нашему мнению, достаточен для того, чтобы оценить вклад ученого в развитие филологии как науки и для того, чтобы вышла статья или книга в издательстве с длительным редакционным циклом подготовки (от года). Меньший временной интервал не даст возможности научному сообществу оценить вышедшие публикации [18].

Материалы и методы. Материалом исследования послужили данные Научной электронной библиотеки о публикационной активности 15 учёных, защитивших докторские диссертации по филологическим наукам по научной специальности 10.02.04 – Германские языки в 2014–2015 гг.

Применялся метод поиска защищенных в 2014–2015 гг. докторских диссертаций по выбранной научной специальности 10.02.04 – Германские языки на официальном сайте Высшей аттестационной комиссии при Министерстве науки и высшего образования Российской Федерации; метод поиска авторских профилей учёных на сайте НЭБ; методы анализа, синтеза и обобщения данных о публикационной активности учёных; метод сравнения, ранжирования и интерпретации данных.

Ограничение исследования состояло в том, что авторские профили учёных на сайте НЭБ могли не включать учебные, научные и справочные издания, не размещенные в НЭБ самим автором или назначенным по договору «Science Index для организаций» представителем образовательной организации, в которой учёный работал, или представителем издательства, в котором осуществлялись редакторская обработка и тиражирование издания ученого.

Анализ. Проанализируем публикационную активность отобранных 15 ученых за 5 лет до защиты диссертации и за 10 лет после нее. Здесь следует отметить, что срок подготовки докторской диссертации устанавливает образовательная или научная организация самостоятельно. Обычно это 3–4 года. Учитывая объем докторской диссертации в 300–500 страниц, на ее написание требуется минимум полтора года. Период в 5 лет достаточен для подготовки текста диссертации, проведения исследования, издания требуемого количества научных статей и 1–2 монографий. Тем более что последнее исследование продолжительности сроков подготовки диссертаций выявило изменение срока в сторону увеличения для филологических наук с 4,3 лет в 2012 г. до 5,3 лет в 2023 г. [11, с. 37–38].

Из отобранных 15 ученых семь защитили докторскую диссертацию в течение 2014 г., поэтому рассматриваемый пятилетний период их публикационной активности исчисляется с начала 2010 г. Для оставшихся восьми человек, которые защитили докторскую диссертацию в течение 2015 г., пятилетний период исчисляется с начала 2011 г.

В таблице 1 представлена общая информация об изменении публикационной активности ученых за 5 лет до защиты докторской диссертации и за 10 лет после защиты. Учитывались только те публикации, в которых ученые выступали в роли автора (соавтора) и не учитывались те, в которых они участвовали как научные редакторы, рецензенты, научные руководители, оппоненты, руководители НИР. Данные о публикационной активности за все 10 лет после защиты докторской диссертации (вплоть до 2025 года) не у всех ученых в НЭБ представлены равномерно. У нескольких ученых отсутствуют данные о публикациях в НЭБ за конкретные годы, когда они не работали над научными статьями и изданиями по разным причинам, или когда издание вышло в печать, но ее описание не внесено в НЭБ (см. таблицу 1).

Таблица 1 / Table 1

Публикационная активность ученых за пять лет до защиты и за 10 лет после защиты докторской диссертации / Publication activity of scientists five years before defending and 10 years after defending a doctoral dissertation

№ п/п	ФИО доктора филологических наук (в скобках – год защиты)	Количество публикаций за 5 лет до защиты / Индекс Хирша учёного по публикациям в РИНЦ (в год защиты)	Количество публикаций за 10 лет после защиты / Индекс Хирша учёного по публикациям в РИНЦ (по состоянию на июль 2025 г.)
1	2	3	4
1	Денисова Г. Л. (2014)	17 / 2	24 / 7
2	Стадильская Н. А. (2014)	21 / 3	44 / 8
3	Дини (Куприева) И. А. (2014)	33 / 2	64 / 5
4	Иконникова В. А. (2014)	15 / 3	29 / 9
5	Панасенко Л. А. (2014)	24 / 4	34 / 8
6	Новицкая И. В. (2014)	15 / 4	49 / 6
7	Солодилова И. А. (2014)	28 / 4	51 / 11
8	Храмченко Д. С. (2015)	33 / 3	93 / 15
9	Юзефович Н. Г. (2015)	41 / 6	43 / 10
10	Комлева (Иванова) Е. В. (2015)	16 / 3	58 / 10
11	Швелидзе Н. Б. (2015)	13 / 3	18 / 4
12	Нагорная А. В. (2015)	59 / 3	53 / 8

1	2	3	4
13	Нильсен Е. А. (2015)	54 / 4	96 / 12
14	Клейменова В. Ю. (2015)	33 / 3	41 / 6
15	Рахманкулова (Кузьмина) С. Е. (2015)	20 / 4	47 / 9

Данные таблицы 1 демонстрируют увеличение в 1,5–2 раза публикационной активности у большинства отобранных ученых в течение 10 лет после защиты ими докторской диссертации, за исключением И. В. Новицкой, Д. С. Храмченко и Е. В. Комлевой (Ивановой), у которых наблюдается трехкратное увеличение публикационной активности за тот же период, и Н. Г. Юзефович, у которой за рассмотренный период объем публикаций практически не изменился. И обратная динамика – уменьшение объема публикаций у А. В. Нагорной.

Увеличение публикационной активности докторов наук обусловлено различными причинами, например, обязательствами образовательной организации по государственному заданию; годовыми планами публикационной активности кафедры; обязательствами ученого по эффективному контракту, заключенному с образовательной организацией; личной инициативой ученого подробно изучить выбранную им тему по филологии и др.

Интерес представляют данные о том, почему труды ученых после защиты докторской диссертации стали цитировать чаще и их самих стали приглашать на роль официальных оппонентов по диссертациям. Рассмотрим далее, какие критерии повлияли на «узнаваемость» ученого (см. таблицу 2). В таблице 2 представлены следующие данные:

- 1) выбранное ученым исследовательское направление в филологии, которое в НЭБ представлено в виде часто упоминаемых им ключевых слов;
- 2) количество опубликованных за 10 лет после защиты научных статей в изданиях из Перечня ВАК;
- 3) наличие научных, учебных или справочных изданий, написанных только или в соавторстве (роль ответственного / научного редактора не учитывается);
- 4) наличие учеников (студентов, магистрантов, аспирантов).
- 5) наличие результатов интеллектуальной деятельности.

Таблица 2 / Table 2

**Публикационная активность ученых за 10 лет после защиты докторской диссертации /
Publication activity of scientists for 10 years after defending a doctoral dissertation**

№	ФИО доктора филологических наук (в скобках – год защиты)	Исследовательское тематическое направление учёного	Кол-во научных статей в изд. из Перечня ВАК после защиты	Наличие научных, учебных или справочных изданий	Наличие учеников	Наличие результатов интеллектуальной деятельности после защиты
			4	5	6	7
1	Денисова Г. Л. (2014)	Немецкий язык; немецкая политическая карикатура; метафора	14	Нет	Нет	Нет
2	Стадуская Н. А. (2014)	Товарный знак; бренд; прагматика; семантика	15	Да	Нет	База данных
3	Дини (Куприева) И. А. (2014)	Ментальная структура; психические процессы, концепт, вербализация, английский язык	21	Да	Да	База данных. Программа для ЭВМ.
4	Иконникова В. А. (2014)	Терминологические единицы с культурным компонентом значения; терминология; английский язык; немецкий язык; перевод	12	Да	Нет	Нет
5	Панасенко Л. А. (2014)	Лексические категории; языковая интерпретация; концептуальная деривация; модусы интерпретации	20	Да	Да	Нет
6	Новицкая И. В. (2014)	Абстрактные существительные; хантыйский язык; ваховский диалект; древнегерманские языки; платформа ЛингвоДок	26	Нет	Да	Нет
7	Солодилова И. А. (2014)	Концепт; фрейм; метафора; ирония; когнитивная лингвистика	25	Да	Да	Нет
8	Храмченко Д. С. (2015)	Прагматика; функциональная лингвистика; риторика; деловой дискурс; лингвосинергетика	39	Да	Да	Нет
9	Юзефович Н. Г. (2015)	Политический дискурс; лингвокультура; английский язык; концептуальная деривация	22	Да	Нет	Нет
10	Комлева (Иванова) Е. В. (2015)	Немецкий язык; апеллятивность; тип текста; функционально-семантическая категория	13	Да	Да	Нет

1	2	3	4	5	6	7
11	Швелидзе Н. Б. (2015)	Фразеологизм; фразеология; русский язык; семантика; глагольный фразеологизм	12	Да	Да	Нет
12	Нагорная А. В. (2015)	Метафора; грамматика; интероцептивные ощущения; концептуализация; вербализация; английский язык; немецкий язык	45	Да	Да	Нет
13	Нильсен Е. А. (2015)	Концепт; метафора; английский язык; перевод; когнитивная лингвистика; динамическое время; переводческие трансформации	26	Да	Да	Нет
14	Клейменова В. Ю. (2015)	Функциональный мир; литературная сказка; культура отмены; концепт; метафора	14	Да	Да	Нет
15	Рахманкулова (Кузьмина) С. Е. (2015)	Синтаксический концепт; концептуальная метафора; типовая пропозиция; языковая интерференция; английский язык	11	Да	Да	Нет

Популярным исследовательским направлением у докторов филологических наук после защиты выступало изучение «английского языка» – у шести ученых, «метафоры» – у пяти ученых, «немецкого языка» – у четырех ученых, «концепта» – у четырех ученых, «перевода» – у трех ученых. Иные исследовательские направления в филологии встречаются значительно реже, например, «вербализация», «когнитивная лингвистика», «концептуальная деривация», «прагматика», «семантика», «терминология», «фразеологизм» – у 1–2 докторов наук.

Данные таблицы 2 показывают, что основными критериями, позволяющими докторам наук стать известными и цитируемыми, являются «научная статья в издании из Перечня ВАК» и «наличие иных изданий», особенно если и те и другие цитируются сторонними учеными из разных организаций. Статистика цитирований в НЭБ подтверждает, что у докторов наук может активно цитироваться как статья из издания, включенного в Перечень ВАК, так и монография или глава в книге. Это два основных критерия, определяющие интенсификацию цитируемости публикаций доктора наук.

Критерий «наличие учеников» (студентов, магистрантов и аспирантов) можно считать менее значимым для интенсификации цитируемости. По данным из НЭБ, ученики есть у 73 % докторов наук, и цитирование статей учеников сторонними учеными не оказывает сильного влияния на изменение уровня цитируемости ученого.

Аналогично этот вывод относится и к кандидатским диссертациям, защищенным под научным руководством докторов наук. Цитирование диссертаций и авторефератов их учеников не идет в зачет основных статистических показателей в авторском профиле доктора наук в НЭБ. Такие цитирования в НЭБ отнесены к разряду «на портале Elibrary.ru», но не к разряду «включенные в РИНЦ».

Доктора наук чаще выступали в роли официальных оппонентов по кандидатским диссертациям, но реже в роли научных руководителей соискателей ученой степени кандидата филологических наук. Под руководством семи докторов наук защитились девять аспирантов (в 2018, 2021, 2022 и 2024 годах): у пяти докторов наук (И. А. Куприевой (Дини), Л. А. Панасенко, Д. С. Храменко, Е. В. Комлевой

(Ивановой), В. Ю. Клейменовой) были по одному аспиранту и у двух докторов наук (С. Е. Рахманкуловой (Кузьминой) и Е. А. Нильсен) – по два аспиранта. Метаданные об авторах-учениках из их статей, размещенных в НЭБ, свидетельствуют о том, что никто из них после защиты кандидатской диссертации не продолжил учебу в докторантуре – роли «докторант» в метаданных не было указано.

Также данные из их авторских профилей в НЭБ показывают, что двое учеников сразу после защиты диссертации перестали публиковать научные работы, пять учеников за прошедшие после защиты годы написали по 1–2 статьи, и лишь два ученика (у С. Е. Рахманкуловой (Кузьминой) и Е. А. Нильсен) после защиты продолжили активно публиковаться и получили ученое звание «доцент». Полностью проанализировать авторские профили докторов наук и их учеников в НЭБ не представляется возможным, поскольку в НЭБ не выложены все публикации авторов, при этом присутствуют публикации однофамильцев и неоформленные публикации из списка цитируемой литературы.

Критерий «наличие результатов интеллектуальной деятельности» не является существенным для повышения узнаваемости в научном сообществе. Скорее его можно считать критерием снижения цитируемости. Несмотря на то, что результаты интеллектуальной деятельности (патенты, полезные модели, программы для ЭВМ, базы данных и пр.) законодательно приравнены к публикациям из Перечня рецензируемых научных изданий¹¹, анализ авторских профилей в НЭБ показал наличие зарегистрированных в Роспатенте результатов интеллектуальной деятельности лишь у двух докторов наук: у Н. А. Стадильской зарегистрирована одна база данных до защиты докторской диссертации (в 2013 году в соавторстве) и одна база данных после защиты (в 2015 году в соавторстве); у И. А. Куприевой

¹¹ См.: Пункт 12.1 Положения о присуждении ученых степеней. Постановление Правительства Российской Федерации от 24 сентября 2013 года № 842 (ред. от 16 октября 2024 года) «О порядке присуждения ученых степеней» (вместе с «Положением о присуждении ученых степеней»). URL: <https://base.garant.ru/70461216/> (дата обращения: 25.07.2025).

вой после защиты докторской диссертации зарегистрированы пять баз данных (в 2016, 2018 и 2021 годах) и одна программа для ЭВМ (в 2017 году), все они в соавторстве.

Низкий уровень активности ученых по составлению баз данных и программ для ЭВМ и их регистрации в Роспатенте объясняется спецификой выбранной исследовательской темы по филологии, результаты исследования которой не позволяют объединить их в базу данных и использовать в обучении студентов, магистрантов и аспирантов.

Данные из НЭБ о цитировании публикаций в авторских профилях докторов наук показывают, что у девяти из них (60 %) чаще цитируются именно статьи из журналов, включенных в Перечень ВАК, нежели иные виды изданий (главы монографий, монографии, словари, аналитические обзоры, учебные пособия). Тогда как у шести докторов наук (40 %) количество цитирований, написанных

ими научных, учебных или справочных изданий превышало количество цитирований их статей в журналах из Перечня ВАК. Неравномерное цитирование публикаций докторов наук связано с тем, что некоторые издательства предъявляют авторам конкретные требования по включению в список литературы научных статей из журналов, избегая упоминания и цитирования иной научной, учебной и справочной литературы.

Рассмотрим также влияние соавторства на увеличение цитируемости докторов наук после защиты диссертации (см. таблицу 3). В таблицу включены только типы изданий, написанные в соавторстве и только и имеющие наибольшее количество привязанных к автору цитат сторонними учеными. Полное библиографическое описание изданий в таблице не приводится. Знак «--» означает отсутствие в НЭБ публикаций по выбранному критерию.

Таблица 3 / Table 3

Сопоставление цитируемости изданий, написанных в соавторстве или только докторами филологических наук за 10 лет после защиты докторской диссертации / Comparison of citation rates of publications co-authored or written solo by doctors of philological sciences over 10 years after defending their doctoral dissertation

№ п/п	ФИО доктора филологических наук (в скобках – год защиты)	Тип издания, написанного в соавторстве (в скобках – количество привязанных цитат)	Тип издания, написанного только (в скобках – количество привязанных цитат)
1	Денисова Г. Л. (2014)	--	Научная статья (8)
2	Стадульская Н. А. (2014)	Научная статья (13)	Научная статья (10)
3	Дини (Куприева) И. А. (2014)	Научная статья (7)	Научная статья (1)
4	Иконникова В. А. (2014)	Монография (16)	Научная статья (10)
5	Панасенко Л. А. (2014)	Монография (10)	Научная статья (6)
6	Новицкая И. В. (2014)	Научная статья (16)	Научная статья (27)
7	Солодилова И. А. (2014)	Научная статья (29)	Научная статья (21)
8	Храмченко Д. С. (2015)	Научная статья (11)	Научная статья (7)
9	Юзефович Н.Г. (2015)	Научная статья (3)	Научная статья (3)
10	Комлева (Иванова) Е. В. (2015)	Монография (11)	Научная статья (2)
11	Швелидзе Н. Б. (2015)	Научная статья (2)	Научная статья (2)
12	Нагорная А. В. (2015)	Монография (3)	Монография (аналитический обзор) (79)
13	Нильсен Е. А. (2015)	Монография (7)	Научная статья (7)
14	Клейменова В. Ю. (2015)	Монография (3)	Научная статья (3)
15	Рахманкулова (Кузьмина) С. Е. (2015)	Монография (26)	Научная статья (14)

По данным таблицы 3 получены неоднозначные выводы о влиянии соавторов на увеличение цитирования опубликованного издания: в 53 % случаев такие работы действительно цитируются больше, чем написанные только, однако в 47 % случаев – нет (сюда относятся ситуации, когда равномерно цитируются издания, написанные в соавторстве и только (27 %) и ситуации, когда цитат у только работ больше, чем у работ в соавторстве (20 %)). Возможно, это связано не с числом соавторов, а с содержанием и тематикой самого издания (как, например, 79 цитат имеются у аналитического обзора, написанного А. В. Нагорной без соавторов), и с тем, насколько содержание соответствует цели цитирования сторонним ученым.

Неоднозначны выводы еще и потому, что не все цитаты привязаны к публикациям докторов наук в их авторских профилях в НЭБ. Непривязанные, то есть не идентифицированные с автором цитаты влияют на его статистические данные в НЭБ, искажая реальную картину публикационной активности ученого.

Результаты. В целом, публикационная активность докторов филологических наук требует постоянного внимания со стороны ученых и самих докторов наук.

Анализ публикационной активности 15 ученых, защитивших докторские диссертации по научной специальности 10.02.04 – Германские языки (филологические науки) в 2014–2015 гг. выявил, что наиболее популярными исследователь-

скими направлениями в их текущей научно-исследовательской деятельности являются «английский язык», «метафоры», «немецкий язык», «концепт» и «перевод». То есть это актуальные тенденции исследований по филологии по направлению «Германские языки».

Кроме того, если доктор наук готовит и издает публикации только сольно (в исследовании зафиксирован такой случай), не имеет учеников, результатов интеллектуальной деятельности и разработанных авторских курсов, тогда его публикационная активность и цитируемость увеличиваются медленно и постепенно: это примерно плюс две-три статьи и 15–20 цитирований в год.

Если доктор наук уже имеет и готовит публикации как сольно, так и в соавторстве, руководит учениками (студентами, магистрантами и аспи-

рантами), активно разрабатывает авторские курсы и внедряет зарегистрированные результаты интеллектуальной деятельности в Роспатенте в образовательный процесс, тогда его публикационная активность и цитируемость растут значительно быстрее: около 10–12 статей и 50–70 цитирований в год.

Таким образом, чем больше критериев интенсификации цитируемости задействовано доктором наук (опубликование статей в журналах из Перечня ВАК, опубликование иных изданий, осуществление научного руководства), тем быстрее он становится узнаваемым в научном сообществе и его приглашают к оппонированию диссертаций, руководству аспирантами и докторантами, руководству научной группой для подачи заявки на грант.

Литература

1. Авдеева Н. В., Ледовская В. М. Некорректные заимствования в диссертациях: способы их обнаружения // Вестник Челябинской государственной академии культуры и искусств. 2015. № 3(43). С. 16–20.
2. Наукометрия – необходимость или модная тенденция? / В. П. Земляной, Б. В. Сигуа, В. А. Мельников, Н. Г. Любимов // Вестник Северо-Западного государственного медицинского университета имени И. И. Мечникова. 2020. Т. 12. № 3. С. 5–10. <https://doi.org/10.17816/mechnikov34248>.
3. Калгин А. С., Калгина О. В., Лебедева А. А. Оценка публикационной активности как способ измерения результативности труда ученых и ее связь с мотивацией // Вопросы образования. 2019. № 1. С. 44–86.
4. Кириллова О. В. Значение и основные требования к представлению аффилиации авторов в научных публикациях // Научный редактор и издатель. 2016. Т. 1. № 1-4. С. 32–42.
5. Козицын А. С., Афонин С. А., Шачнев Д. А. Индексы цитирования и оценка публикационной активности авторов // Электронные библиотеки. 2023. Т. 26. № 5. С. 629–645.
6. Ламбовска М. Р., Раицкая Л. К. Высококачественные публикации в России: обзор литературы об инструментах влияния на преподавателей университетов // Интеграция образования. 2022. Т. 26. № 2(107). С. 312–330. <https://doi.org/10.15507/1991-9468.107.026.202202.312-330>.
7. Лукьяненко В. П. Публикационная этика, плагиат, соотношение науки и публицистики в статьях по проблемам Интеграция образования // Педагогика. 2021. Т. 85. № 1. С. 35–47.
8. Малюга Е. Н., Гришечко Е. Г. Как построить фундамент успешного научного журнала: опыт Training, Language and Culture // Научный редактор и издатель. 2021. Т. 6. № 1. С. 48–58. <https://doi.org/10.24069/2542-0267-2021-1-48-58>.
9. Микрюков В. А., Микрюкова Г. А. Феномен ретракции научной статьи в гражданско-правовом измерении // Интеллектуальная собственность. Авторское право и смежные права. 2020. № 12. С. 46–51.
10. Очков В. Г. Обратная сторона индекса Хирша // Перспективы науки и образования. 2015. № 2(14). С. 191–194.
11. Пахомов С. И., Щеголева Л. В., Гуртов В. А. Увеличение сроков подготовки кандидатской диссертации и «старение» молодых ученых // Высшее образование в России. 2025. Т. 34. № 4. С. 33–47. <https://doi.org/10.31992/0869-3617-2025-34-4-33-47>.
12. Раицкая Л. К., Ламбовска М. Р. Перспективы применения ChatGPT для высшего образования: обзор международных исследований // Интеграция образования. 2024. Т. 28. № 1(114). С. 10–21. <https://doi.org/10.15507/1991-9468.114.028.202401.010-021>.
13. Тихонова Е. В. Академическая поисковая оптимизация: улучшение видимости и доступности научных публикаций // Научный редактор и издатель. 2023. Т. 8. № 1. С. 18–27. <https://doi.org/10.24069/SEP-23-15>.
14. Тихонова Е. В., Косычева М. А. Ретракции в академическом дискурсе: от стигмы к культуре научной ответственности // Health, Food & Biotechnology. 2024. Т. 6. № 2. С. 6–15. <https://doi.org/10.36107/hfb.2024.i2.s236>.
15. Тихонова Е. В., Раицкая Л. К. Рецензирование как инструмент обеспечения эффективной научной коммуникации: традиции и инновации // Научный редактор и издатель. 2021. Т. 6. № 1. С. 6–17. <https://doi.org/10.24069/2542-0267-2021-1-6-17>.
16. Dien J. Editorial: Generative artificial intelligence as a plagiarism problem // Biological Psychology. 2023. Vol. 181. P. 108621. <https://doi.org/10.1016/j.biopsycho.2023.108621>.
17. Lambovska M., Yordanov K. Motivation of Researchers to Publish in High-quality Journals: A Theoretical Framework // TEM. 2020. Vol. 9. Issue 1. P. 188–192. <https://doi.org/10.18421/TEM91-27>.
18. Ponomarev I. V., Williams D. E., Hackett C. J., Schnell J. D., Haak L. L. Predicting highly cited papers: A method for early detection of candidate breakthroughs // Technological Forecasting and Social Change. 2014. Vol. 81 (C). P. 49–55. <https://doi.org/10.1016/j.techfore.2012.09.017>.
19. Yang S., Xiao A., Nie Y., Dong J. Measuring coauthors' credit in medicine field – Based on author contribution statement and citation context analysis // Information Processing & Management. 2022 Volume 59. Issue 3. 102924. <https://doi.org/10.1016/j.ipm.2022.102924>.

References

1. Avdeeva NV, Ledovskaya VM. Incorrect borrowings in dissertations: ways to detect them. *Bulletin of the Chelyabinsk State Academy of Culture and Arts*. 2015;3(43):16-20. (In Russ.).
2. Zemlyanoi VP, Sigua BV, Melnikov VA, Lyubimov NG. Is Scientometry a necessity or a fashionable trend? *Bulletin of the I. I. Mechnikov Northwestern State Medical University*. 2020;12(3):5-10. <https://doi.org/10.17816/mechnikov34248>. (In Russ.).
3. Kalgin AS, Kalgina OV, Lebedeva AA. Evaluation of publication activity as a way to measure the effectiveness of scientists' work and its relationship to motivation. *Education issues*. 2019;(1):44-86. (In Russ.).
4. Kirillova OV. The significance and basic requirements for the representation of authors' affiliation in scientific publications. *Scientific editor and publisher*. 2016;1(1-4):32-42. (In Russ.).
5. Kozitsyn AS, Afonin SA, Shachnev DA. Citation indexes and evaluation of authors' publication activity. *Electronic libraries*. 2023;26(5):629-645. (In Russ.).
6. Lambowska MR, Raitskaya LK. High-quality publications in Russia: a review of the literature on instruments of influence on university teachers. *Integration of education*. 2022;26(2(107)):312-330. <https://doi.org/10.15507/1991-9468.107.026.202202.312-330>. (In Russ.).
7. Lukyanenko VP. Publication ethics, plagiarism, the relationship between science and journalism in articles on educational issues. *Pedagogy*. 2021;85(1):35-47. (In Russ.).
8. Malyuga EN, Grishechko EG. How to build the foundation of a successful scientific journal: the experience of Training, Language and culture. *Scientific editor and publisher*. 2021;6(1):48-58. <https://doi.org/10.24069/2542-0267-2021-1-48-58>. (In Russ.).
9. Mikryukov VA, Mikryukova GA. The phenomenon of retraction of a scientific article in the civil law dimension. *Intellectual property. Copyright and related rights*. 2020;(12):46-51. (In Russ.).
10. Ochkov VG. The reverse side of the Hirsch index. *Perspectives of science and education*. 2015;2(14):191-194. (In Russ.).
11. Pakhomov SI, Shchegoleva LV, Gurtov VA. Increasing the preparation time for a PhD thesis and the "aging" of young scientists. *Higher education in Russia*. 2025;34(4):33-47. <https://doi.org/10.31992/0869-3617-2025-34-4-33-47>. (In Russ.).
12. Raitskaya LK, Lambowska MR. Prospects of using ChatGPT for higher education: an overview of international studies. *Integration of education*. 2024;28(1(114)):10-21. <https://doi.org/10.15507/1991-9468.114.028.202401.010-021> (In Russ.).
13. Tikhonova EV. Academic search engine optimization: improving the visibility and accessibility of scientific publications. *Scientific editor and publisher*. 2023;8(1):8-27. <https://doi.org/10.24069/SEP-23-15>. (In Russ.).
14. Tikhonova EV, Kosycheva MA. Retractions in academic discourse: from stigma to a culture of scientific responsibility. *Health, Food & Biotechnology*. 2024;6(2):6-15. <https://doi.org/10.36107/hfb.2024.i2.s236>. (In Russ.).
15. Tikhonova EV, Raitskaya LK. Reviewing as a tool for ensuring effective scientific communication: traditions and innovations. *Scientific editor and publisher*. 2021;6(1):6-17. <https://doi.org/10.24069/2542-0267-2021-1-6-17>. (In Russ.).
16. Dien J. Editorial: Generative artificial intelligence as a plagiarism problem. *Biological Psychology*. 2023;(18):108621. <https://doi.org/10.1016/j.biopsycho.2023.108621>.
17. Lambowska M., Yordanov K. Motivation of Researchers to Publish in High-quality Journals: A Theoretical Framework. *TEM*. 2020;9(1):188-192. <https://doi.org/https://doi.org/10.18421/TEM91-27>.
18. Ponomarev IV, Williams DE, Hackett CJ, Schnell JD, Haak LL. Predicting highly cited papers: A method for early detection of candidate breakthroughs. *Technological Forecasting and Social Change*. 2014;81(C):49-55. <https://doi.org/10.1016/j.techfore.2012.09.017>.
19. Yang S, Xiao A, Nie Y, Dong J. Measuring coauthors' credit in medicine field – Based on author contribution statement and citation context analysis. *Information Processing & Management*. 2022;59(3):102924. <https://doi.org/10.1016/j.ipm.2022.102924>.

РЕЦЕНЗИИ / REVIEWS

Рецензия

УДК 26: 93/94 (093) : 479

<https://doi.org/10.37493/2409-1030.2025.3.25>

К ВОПРОСУ ОБРАЗОВАНИЯ КАВКАЗСКОЙ ЕПАРХИИ:
РЕЦЕНЗИЯ НА МОНОГРАФИЮ П. Г. НЕМАШКАЛОВА «ОСОБЕННОСТИ РАЗВИТИЯ
ЦЕРКОВНО-ПРИХОДСКОЙ ЖИЗНИ КАВКАЗСКОЙ ЕПАРХИИ (1843–1846)».
Ставрополь: Типография «Идея+», 2024. 317 с.

Елена Николаевна Володькова^{1*}, Татьяна Александровна Шебзухова²,
Татьяна Евгеньевна Покотилова³

¹ Ставропольский государственный педагогический институт (417а, ул. Ленина, Ставрополь, 355029, Российская Федерация)

Кандидат исторических наук, доцент
e.volodkova@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0001-9920-1758>

^{2,3} Северо-Кавказский федеральный университет (д. 1, ул. Пушкина, Ставрополь, 355017, Российская Федерация)

² Доктор исторических наук, профессор, и.о. ректора
rector@ncfu.ru, <https://orcid.org/0000-0001-6482-3602>

³ Доктор исторических наук, профессор
t.pokotilova@gmail.com; <https://orcid.org/0000-0001-8264-8377>

* Автор, ответственный за переписку

Для цитирования: Володькова Е. Н., Шебзухова Т. А., Покотилова Т. Е. К вопросу образования Кавказской епархии: Рецензия на монографию П. Г. Немашкалова «Особенности развития церковно-приходской жизни Кавказской епархии (1843–1846)». Ставрополь: Типография «Идея+», 2024. 317 с. // Гуманитарные и юридические исследования. 2025. Т. 12. № 3. С. 555–557. <https://doi.org/10.37493/2409-1030.2025.3.25>

Конфликт интересов: один из авторов – доктор исторических наук, профессор Т. А. Шебзухова является членом

редколлегии журнала «Гуманитарные и юридические исследования». Авторам неизвестно о каком-либо другом потенциальном конфликте интересов, связанном с этой рукописью.

Вклад авторов: все авторы внесли равный вклад в подготовку публикации.

Статья поступила в редакцию: 17.06.2025.

Статья одобрена после рецензирования: 18.08.2025.

Статья принята к публикации: 28.08.2025.

Review

ON THE FORMATION OF THE CAUCASIAN DIOCESE:
A REVIEW OF THE MONOGRAPH BY P. G. NEMASHKALOV «FEATURES
OF THE DEVELOPMENT OF THE PARISH LIFE OF THE CAUCASIAN DIOCESE (1843-1846)».
Stavropol: Printing house «Idea+», 2024. 317 p.

Elena N. Volodkova^{1*}, Tatiana A. Shebzukhova², Tatiana E. Pokotilova³

¹ Stavropol State Pedagogical Institute (417a, Lenin Str., Stavropol, 355029, Russian Federation)

Cand. Sc. (History), Associate Professor
e.volodkova@yandex.ru; <https://orcid.org/0000-0001-9920-1758>

^{2,3} North-Caucasus Federal University (1 Pushkin Str., Stavropol, 355017, Russian Federation)

² Dr. Sc. (History), Professor, Acting Rector
rector@ncfu.ru; <https://orcid.org/0000-0001-6482-3602>

³ Dr. Sc. (History), Professor
t.pokotilova@gmail.com; <https://orcid.org/0000-0001-8264-8377>

* Corresponding author

For citation: Volodkova EN, Shebzukhova TA, Pokotilova TE. On the formation of the Caucasian diocese: a review of the monograph by P. G. Nemashkalov «Features of the development of the parish life of the Caucasian diocese (1843-1846)». Stavropol: Printing house «Idea+», 2024. 317 p. Humanities and law research. 2025;12(3):555-557. (In Russ). <https://doi.org/10.37493/2409-1030.2025.3.25>

Conflict of interest: one of the authors, TA Shebzukhova, Dr. Sc. (History), Professor is a member of the editorial board of

the journal "Humanities and law research". The authors are unaware of any other potential conflict of interest related to this manuscript of interests.

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article.

The article was submitted: 17.06.2025

The article was approved after reviewing: 18.08.2025.

The article was accepted for publication: 28.08.2025.

В 2024 г. вышла в свет новая монография П. Г. Немашкалова «Особенности развития церковно-приходской жизни Кавказской епархии (1843–1846)», ставшая заметным явлением в

отечественной историографии по истории Русской Православной Церкви на Северном Кавказе в период образования и становления самостоятельной Кавказской епархии. Ее автор –

доктор исторических наук, доцент, профессор кафедры теории и методики истории и обществознания Ставропольского государственного педагогического института, известный автор ряда статей по поднимаемой проблеме, и представленная работа стала обобщающим исследованием по истории церковного прихода в период середины XIX в.

В своей новой работе автор акцентирует внимание на особенностях образования и становления Кавказской епархии, игравшей значимую роль в жизни населения региона. И если ранее в научный оборот были введены материалы, касавшиеся персоналий священнослужителей приходов Кавказской епархии, то теперь в поле зрения исследователя попали особенности состояния церковной инфраструктуры, в частности, сведения о времени возникновения храмовых сооружений, вопросы, связанные с социально-имущественным положением причтов и т. п.

Автор является первопроходцем в данном научном направлении, и аналогов его труда в кавказоведении нет. Насыщенность монографии эксклюзивным архивным материалом делает её похожей на лучшие образцы дореволюционных работ по истории края, которые не теряют своей привлекательности и научной востребованности и в наши дни. Исходя из этого данное издание может стать настольной книгой для тех, кто интересуется прошлым Православной церкви и российской политикой на Северном Кавказе.

Следует отметить, что выбранные автором хронологические рамки 1843–1846 гг. вполне обоснованны, т. к. рассматривается этап, имеющий самостоятельное значение и свою внутреннюю логику развития, отличавшуюся от предшествующих и последующих периодов. Именно в этот короткий отрезок времени существовала уникальная обширная Кавказская епархия в границах пространства от Черного до Каспийского морей. В таком контексте представленное исследование позволяет взглянуть целостно на социокультурное пространство через особенности устройства церковно-приходской жизни.

Исследование состоит из двух глав, каждая из которых разделена на два параграфа. Первый параграф главы о возникновении самостоятельной Кавказской кафедры даёт представление об особенностях колонизации Северного Кавказа накануне образования Кавказской епархии и является необходимым фундаментом для лучшего понимания исторической ситуации, в которой возникла потребность создания отдельного церковного церковно-административного округа на южном фронтире империи. Сильной стороной проведенного исследования стало стремление автора показать «непарадную» сторону жизни священнослужителей и прихожан, которые общими усилиями занимались обустройством епархии, стремясь создать условия как для проведения религиозных ритуалов, так и для нравственно-воспитательной деятельности.

В своих работах П. Г. Немашкалов это стремление определяет как «истинную форму духовного единения» и приводит немало примеров такого сотрудничества. Во втором параграфе этой же главы рассматриваются направления реформирования епархиальной системы управления, причём начинается раздел с рассмотрения вопросов, связанных с подготовкой кадров священнослужителей – традиционной проблемы Русской Православной Церкви на Северном Кавказе. Несмотря на титанические усилия архиепископа Иеремии (Соловьева), изменения в этой области происходили крайне медленно, о чём автор рассказывает с использованием многочисленных документальных свидетельств, выявленных им в Государственном архиве Ставропольского края. Глубина возникших противоречий привела к расколу епархии в 1845 г. и последующему выделению из её состава ряда обширных территорий, включающих 82 прихода [1, с. 299–313].

Конфликт со старообрядцами Гребенского полка привёл к их переподчинению обер-священнику Кавказского отдельного корпуса и перераспределению системы благочинного надзора, что добавило новых хлопот находящейся на стадии становления епархии. Параллельно приходилось заниматься материальной поддержкой сельского приходского духовенства, решать вопросы, связанные с обеспечением земельными наделами семьей местного духовенства. Материальное обеспечение местных кадров оставалось одним из приоритетных направлений в работе епархиального руководства, уделявшего «земным» заботам не меньше внимания, чем духовным задачам. Таким образом, собранные автором данные выступают фактически единственным среди опубликованных материалов источником по данному периоду истории Церкви на Северном Кавказе в исследуемый период.

Вторая глава даёт представление о церковно-приходской системе Кавказской епархии. В первом параграфе разбираются кризисные процессы, переживаемые ею в период становления. Обращается внимание на сложности в работе по возведению храмов, которые в большинстве случаев строились на средства, собранные самими прихожанами. Автор отмечает, что храмы порой играли роль фортификационных сооружений и становились последним оплотом жителей станицы или села при нападении «немирных» горцев.

Заслуживает интереса и то обстоятельство, что высокопоставленные церковные иерархи прислушивались к мнению прихожан, когда речь шла о назначении той или иной кандидатуры на место священника в церковном причте. Несмотря на то, что данная традиция начала себя постепенно изживать в центральных епархиях Российской империи, на Северном Кавказе консистория нередко лишь утверждала в должности того, кого уже выбрало для себя общество. Эта практика обеспечивала высокий нравственный авторитет священника в глазах его паствы. Однако она не гарантировала

отсутствие конфликтов между членами причта и сельским обществом. Чаще всего прихожане жаловались в Консисторию на нецелевое расходование церковных сумм, вопреки законодательным нормам и мнению общественности. Такие девиации были связаны с серьёзными материальными затруднениями священнослужителей и церковнослужителей, хотя епархиальные власти и старались оказывать им помощь и посильную финансовую поддержку. Такого рода проблемы не позволяли духовенству полностью посвятить себя работе с пасторской, снижая эффективность выполнения возложенных на них обязанностей.

Завершающий параграф – это обзор храмов и церковных причтов епархии. Это скорее справочный раздел, который служит иллюстративным материалом для уже описанных автором процессов и событий. Аналогичные сведения мы находим в

приложениях книги, где для удобства читателей важная информация сведена в таблицы.

Следует отметить, что автор является первым историком, который столь подробно изучает историю образования Кавказской епархии. На данном этапе П. Г. Немашкалов решает задачу по аккумулярованию источников по теме, которые в дальнейшем станут основой для более обширных в хронологической протяженности исследований. Отсюда и выраженный описательный характер труда. Без т.н. антикварного этапа в изучении проблемы надеяться на появление аналитических работ по заявленной теме не приходится. Некоторая неупорядоченность в изложении материала, вполне объяснимая сложностью решаемых задач, не меняет позитивного впечатления от представленной на суд читателей работы.

Литература

1. Немашкалов П. Г. Особенности развития церковно-приходской жизни Кавказской епархии (1843–1846). Ставрополь: Типография «Идея+», 2024. 317 с.

References

1. Nemashkalov P.G. Features of the development of the parish life of the Caucasian diocese (1843-1846). Stavropol: Printing house «Idea+», 2024. 317 p.

НАУЧНЫЕ МЕРОПРИЯТИЯ / SCIENTIFIC EVENTS

Обзорная статья

УДК 94:327(470.620)

<https://doi.org/10.37493/2409-1030.2025.3.26>

АКТУАЛЬНЫЙ НАУЧНЫЙ ФОРУМ ПО ИССЛЕДОВАНИЮ РОЛИ ЧЕРНОМОРСКО-СРЕДИЗЕМНОМОРСКОГО РЕГИОНА В СИСТЕМЕ НАЦИОНАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ

Андрей Владимирович Баранов^{1*}, Олег Валерьевич Ратушняк²

^{1,2} Кубанский государственный университет (д. 149, ул. Ставропольская, Краснодар, 350040, Российская Федерация)

¹ Доктор исторических наук, доктор политических наук, профессор
baranovandrew@mail.ru; <https://orcid.org/0000-0001-7109-3062>

² Доктор исторических наук, доцент
oleg_ratushnyak@mail.ru; <https://orcid.org/0000-0001-9285-3649>

* Автор, ответственный за переписку

Для цитирования: Баранов А. В., Ратушняк О. В. Актуальный научный форум по исследованию роли Черноморско-Средиземноморского региона в системе национальной безопасности России // Гуманитарные и юридические исследования. 2025. Т. 12. № 3. С. 558–561. <https://doi.org/10.37493/2409-1030.2025.3.26>

Конфликт интересов: авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Вклад авторов: все авторы внесли равный вклад в подготовку публикации.

Статья поступила в редакцию: 17.06.2025.

Статья одобрена после рецензирования: 18.08.2025.

Статья принята к публикации: 28.08.2025.

Review article

AN ACTUAL SCIENTIFIC FORUM ON THE STUDY OF THE BLACK SEA-MEDITERRANEAN REGION'S ROLE IN THE NATIONAL SECURITY SYSTEM OF RUSSIA

Andrey V. Baranov^{1*}, Oleg V. Ratushnyak²

^{1,2} Kuban State University (149, Stavropolskaya Str., Krasnodar, 350040, Russian Federation)

¹ Dr. Sc. (History), Dr. Sc. (Politics), Professor
baranovandrew@mail.ru; <https://orcid.org/0000-0001-7109-3062>

² Dr. Sc. (History), Associate Professor
oleg_ratushnyak@mail.ru; <https://orcid.org/0000-0001-9285-3649>

* Corresponding author

For citation: Baranov AV, Ratushnyak OV. An actual scientific forum on the study of the Black Sea-Mediterranean region's role in the national security system of Russia. Humanities and law research. 2025;12(3):558-561. (In Russ). <https://doi.org/10.37493/2409-1030.2025.3.26>

Conflict of interest: the author declares no conflicts of interests.

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article.

The article was submitted: 17.06.2025

The article was approved after reviewing: 18.08.2025.

The article was accepted for publication: 28.08.2025.

22–24 мая 2025 г. в г. Краснодаре была проведена Международная научно-практическая конференция «Черноморско-Средиземноморский регион в системе национальной безопасности России: к 80-летию Победы в Великой Отечественной войне» [1]. Это уже десятый ежегодный форум, посвященный анализу влияния Российского государства в Черноморско-Средиземноморском регионе. Организатором цикла конференций, начатого в 2016 г., является Кубанский государственный университет. В конференции приняли участие свыше 190 историков, политологов, социологов из многих регионов России и иностранные исследователи из Абхазии, Белоруссии, Болгарии, Румынии, Сенегала, Сербии, Сирии, Южной Осетии.

На пленарном заседании [1, с. 5–31] сделаны доклады об актуальных темах исторической и политической науки. Д-р ист. наук, д-р социол. наук, проф., зав. каф. истории России Кубанского гос. университета (КубГУ) В. В. Касьянов сделал доклад об исторической памяти россиян о Великой Отечественной войне. Политика государства, направленная на сохранение исторической памяти, должна стать системной, активно популяризировать и продвигать идею Победы как базовую в государственном строительстве, консолидации общества и воспитания граждан. Д-р полит. наук, проф., проректор Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского С. В. Юрченко осветил ключевые аспекты формирования Ялтинской международной системы. Ст. науч. сотр.,

PhD Д. Пророкович (Институт международной политики и экономики, г. Белград) раскрыл геополитические интересы Великобритании в отношении Сербии. Д-р полит. наук, д-р ист. наук, проф. каф. политологии и политического управления КубГУ А. В. Баранов выяснил формы социокультурной интеграции переселенцев из Донбасса и Новороссии в Краснодарском крае. Формирование российской идентичности в Донбассе стало темой выступления О. Б. Пеньковой, канд. ист. наук, доц., зав. каф. истории России Донецкого гос. университета. Канд. ист. наук, доц. О. А. Дибас и канд. ист. наук, зав. каф. всемирной истории и международных отношений Л.С. Милокост (Луганский гос. педагогический университет) установили проявления политической нестабильности в причерноморских странах, стимулируемые НАТО, США и ЕС.

Участники секции 1 «История Черноморско-Средиземноморского региона до 1917 г. в контексте национальной безопасности Российского государства» [1, с. 32–151] обсудили вопросы интеграции Северного Причерноморья. Значимая роль Крыма в обеспечении национальной безопасности России определила интерес к истории Крымской войны 1853–1856 гг. Анализу военных действий российской армии и её противников посвящены выступления А. В. Венкова (д-ра ист. наук, зав. лаб. казачества Южного научного центра РАН, г. Ростов-на-Дону), В. В. Швеца (ст. науч. сотр. Музея-заповедника героической обороны и освобождения Севастополя), В. В. Разумного (канд. ист. наук, доц. кафедры всемирной истории Донецкого гос. университета), А. П. Скорика (д-ра ист. наук, д-ра филос. наук, проф. каф. социально-гуманитарных наук Южно-Российского гос. политехнического университета имени М. И. Платова, г. Новочеркасск) и И. М. Феединой (д-ра ист. наук, проф. каф. истории России КубГУ). С. Н. Шаповалов (доц. каф. истории России КубГУ), анализируя ущерб жителей Закубанья в годы Крымской войны, сделал вывод о том, что исследование микроистории позволяет выявить особенности развития населённых пунктов. Значительная часть докладов посвящена социально-экономическому освоению Черноморско-Средиземноморского региона. Л. Г. Шепко (д-р ист. наук, проф. каф. всемирной истории Донецкого гос. университета) выделила особенности формирования поселенческой структуры Новороссии в конце XVIII – первой половине XIX вв., которые определили своеобразие урбанизации Юга России: этнокультурную пестроту и наличие поселений разного статуса (военных, государственных, частных, купеческих, религиозных), ставших основой формирования городов. О. В. Бершадская (канд. ист. наук, доц. каф. философии, истории и права Краснодарского филиала Финансового университета при Правительстве РФ) выявила специфику социально-экономической структуры Новороссийского района: преобладание городского населения над сельским, мужчин над женщинами, значительную долю рабочих и служащих, преобладание промышленного

производства и транспорта в экономике. М. Ю. Горожанина (канд. ист. наук, доц. каф. истории России КубГУ), исследуя связи черноморского казачества с Новороссией и Малороссией в конце XVIII – начале XX вв., выделила их виды: территориальные, административные, военно-политические и духовно-культурные. Исследователь акцентировала внимание на исторически сложившейся приверженности выходцев из Новороссии и Малороссии единой общности – русскому народу.

Ещё одна из важных тем – Первая мировая война. А. А. Дорохова (ассистент международных закупок ООО «Галеас Логистик», г. Новороссийск) раскрыла героизм уссурийских казаков на фронтах войны. Е. А. Шкрибитько (канд. ист. наук, доц. каф. истории России Донецкого гос. университета) осветила роль Юзовского металлургического завода в снабжении фронтов Первой мировой и Гражданской войн. Г. А. Нагаева (канд. ист. наук, доц. каф. инженерных дисциплин и управления Новороссийского политехнического института) отметила вклад женщин Черноморской губернии в помощь фронту в годы Первой мировой войны: помощь в лазаретах, службу в армии сёстрами милосердия, работу в общественных и благотворительных организациях, проведение концертов и аукционов для сбора средств.

Работа секции 2 посвящена истории Черноморско-Средиземноморского региона XX–XXI вв. в контексте национальной безопасности России [1, с. 152–323]. Ключевые аспекты истории региона 1920–1930-х гг. представлены в докладах: Г. Н. Кондратюка (д-ра ист. наук, проф. каф. истории Крымского инженерно-педагогического университета им. Ф. Якубова, г. Симферополь), осветившего создание и первые годы существования Крымской АССР, и А. В. Аверьянова (д-ра ист. наук, зав. каф. отечественной истории XX–XXI веков Южного федерального университета, г. Ростов-на-Дону), проследившего изменения этнического состава национальных районов Кубани. Более 20 докладов освещали события Великой Отечественной войны. Т. В. Вакулова (канд. полит. наук, доц. каф. истории России и основ российской государственности Севастопольского гос. университета), опираясь на цивилизационный подход, раскрыла значение Победы советского народа над фашизмом. Анализируя идеологическую работу ВКП(б) в годы Великой Отечественной войны, Е. В. Туфанов (д-р ист. наук, зав. каф. философии, истории и педагогики Ставропольского гос. аграрного университета) пришел к выводу, что партийные органы использовали все средства воздействия на формирование активной жизненной позиции граждан: агитацию и пропаганду, печать, радио, литературу и искусство, все формы и методы культурно-просветительной работы. О. В. Ратушняк (д-р ист. наук, проф. каф. всеобщей истории и международных отношений КубГУ) выделил основные аспекты участия кубанских казаков в Великой Отечественной войне: формирование казачьих

частей на Кубани, роль и эффективность использования казачьих подразделений в борьбе против фашистских захватчиков, героический труд для поддержания фронта. В выступлении Н. В. Селюниной (д-ра ист. наук, проф. каф. истории Таганрогского института им. А. П. Чехова – филиала РГЭУ) раскрыты задачи оккупационной политики Германии, целью которой было духовное разложение и порабощение советского народа. Ю. А. Яхутль (д-р ист. наук, проф. каф. истории России КубГУ) выявил деятельность Тайной полевой полиции абвера на Юге СССР в 1942–1944 гг., доказав, что её сотрудники проводили целенаправленное уничтожение мирных жителей. В условиях отказа стран Европы от исторической правды факты причастности абвера к преступлениям против человечности на оккупированных территориях СССР требуют не только правовой, но и политико-моральной оценки. Н. А. Гангур (д-р ист. наук, свободный исследователь) и Д. И. Гангур (канд. ист. наук, преп. каф. истории, культурологии и музееведения Краснодарского гос. института культуры) подвели итоги регионального проекта «Без срока давности» и наметили перспективы изучения геноцида советского народа в годы Великой Отечественной войны. Манипулируя национальными и религиозными чувствами, нацистское руководство пыталось вызвать сепаратизм и использовать его в своих целях. Исследователи обратили внимание на сходство данной политики и её методов с той, что применяют страны Запада против России сейчас. Особый интерес представляет исследование Г. В. Чакветадзе (канд. ист. наук, ст. референт Службы государственной безопасности Республики Абхазия), в котором освещено участие жителей Абхазии в Великой Отечественной войне.

Актуальными представляются и доклады, посвященные послевоенному развитию Черноморско-Средиземноморского региона. Исследование Л. Стевановича (PhD student Института законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве РФ, г. Москва) посвящено анализу формирования, организации и функционирования двух систем международного экономического сотрудничества – во главе с СССР и США. Т. А. Богаткевич (канд. ист. наук, доц. каф. истории филиала Московского гос. университета имени М. В. Ломоносова в г. Севастополе) осветила развитие Севастополя как базы Черноморского флота в 1953–1964 гг. в контексте обеспечения безопасности СССР. В центре внимания Б. Г. Койбаева (д-ра полит. наук, проф. каф. философии и политологии Северо-Осетинского гос. университета им. К. Л. Хетагурова) – период разрядки. Исследователь, анализируя геополитическую стратегию НАТО в Средиземноморье, на Ближнем и Среднем Востоке, подчёркивает, что блок препятствовал оздоровлению обстановки и, продолжая гонку вооружений, создавал очаги напряженности.

Участники секции 3 «Черноморско-Средиземноморский регион в политических процессах современности» [1, с. 324–391] сосредоточили внимание на актуальных задачах укрепления российской идентичности и патриотизма. Этой теме посвящены доклады д-ра полит. наук, доц., декана факультета управления и психологии КубГУ И. В. Самаркиной, канд. полит. наук, доц. каф. политологии и политического управления КубГУ И. В. Башмакова и Ю. В. Костенко. Роль Крыма как стратегического региона в обеспечении безопасности России раскрыла д-р социол. наук, проф. С. П. Барматова (Российский технологический университет МИРЭА). В докладе д-ра полит. наук, проф. Т. А. Сенюшкиной (Институт этнологии и антропологии РАН) оцениваются сложные религиозные процессы в Крыму в условиях СВО. Д-р полит. наук, проф., декан факультета международной политики и безопасности Университета-УНИОН Никола Тесла (г. Белград) В. Рашкович-Талович обобщила позитивный опыт сотрудничества политологов Сербии с Кубанским государственным университетом.

Доклады, сделанные на секции 4, посвящены роли Черноморско-Средиземноморского региона в современных международных отношениях [1, с. 392–495]. Д. С. Айвазян (канд. полит. наук, ст. науч. сотр. Центра междисциплинарной аналитической информации Института Европы РАН), анализируя взаимодействие США и России в Черноморском регионе, обращается к принципам и подходам государств, берущим начало в Холодной войне. Характер взаимодействия России и США оказывает влияние на закономерности внешнеполитических и внешнеэкономических связей между черноморскими государствами. А. О. Кабанова (бакалавр КубГУ) и Т. О. Ткачева (канд. ист. наук, доц. каф. зарубежного регионоведения и востоковедения КубГУ) обращают внимание на значимость Черноморско-Средиземноморского региона для Китая, в том числе в аспекте сотрудничества по программе «Один пояс – один путь». Исследование И. Л. Морозова (д-р полит. наук, проф. каф. государственного управления и менеджмента Волгоградского института управления – филиала РАН-ХиГС) дает анализ российско-турецкого соперничества в Черноморском регионе. Автор акцентирует внимание на доминировании России и Турции в регионе, что ведет к противостоянию двух стран. Определяя сдержанную позицию России в ответ на растущее давление Турции и Азербайджана как продиктованную текущей обстановкой, И. Л. Морозов высказывает опасения, что тактика России приведет к росту амбиций Турции и укрепит её стремление к доминированию в регионе.

А. К. Дудайти (зав. каф. всеобщей истории Северо-Осетинского гос. университета им. К. Л. Хетагурова, г. Владикавказ) обращает внимание на значимость Черноморского региона в качестве одного из узлов глобального противо-

стояния и на последовательную линию геополитического сдерживания России со стороны НАТО. Курс Запада на одностороннее доминирование призван блокировать усилия России и её партнёров по созданию устойчивой архитектуры безопасности. Именно Россия заинтересована в равновесии сил, соблюдении международного права и предотвращении военного конфликта в регионе. Солидарность с этим мнением проявила Д. Лазаревич (докторант Института политических исследований, г. Белград), отмечающая геополитическую значимость Черноморского региона, одного из основных очагов геополитических конфликтов между Россией и Западом. Будущее региона зависит от результатов Специальной военной операции и сотрудничества государств, имеющих выход к Черному морю. Предметом анализа Р.-М. Попеску (асп. Российского университета дружбы народов им. П. Лумумбы, г. Москва) стал конфликтогенный фактор отношений России с постсоветскими странами Черноморского региона. По мнению докладчика, эскалация конфликта началась с эндогенных причин, не решённых сразу после распада СССР, и была дополнена экзогенными причинами.

В рамках секции 5 освещены социокультурные аспекты развития Черноморско-Средиземноморского региона и задачи воспитания российского патриотизма [1, с. 496–608]. Анализируя опыт Великой Отечественной войны и Специальной военной операции, Н. В. Бессарабова (канд. филол. наук, доц. каф. иностранных языков Кубанского гос. университета физической культуры, спорта и туризма) уделяет внимание преемственности нравственных ценностей как основе русских воинских традиций. Начало Специальной военной операции актуализировало необходимость возрождения духовных и нравственных идеалов, основанных на воинских традициях как императорской, так и советской армии. С. Н. Бородин (канд. полит. наук, доц. каф. истории России КубГУ), исследуя трансформацию исторической памяти о Победе СССР в Великой Отечественной войне, приходит к выводу о том, что в конце XX в. происходило уничтожение в мировоззрении россиян символов гордости, а фальсификация истории войны и Победы СССР стала полем битвы России с Западом. В ряде докладов раскрыта роль музеев в патриотическом воспитании молодежи. Л. А. Карапетян (д-р ист. наук, проф. каф. истории, культурологии и музеевед-

ния Краснодарского гос. института культуры) осветил тему на примере экспозиционно-выставочной деятельности Новороссийского исторического музея-заповедника. Е. Н. Ковакина (зам. директора Краснодарского краевого художественного музея им. Ф. А. Коваленко) и О. А. Перенижко (канд. ист. наук, доц. каф. зарубежного регионоведения и востоковедения КубГУ) выявили роль данного музея в сохранении памяти о Великой Отечественной войне. Доклад М. А. Метейко (ассист. каф. региональной истории Донецкого гос. университета) посвящен анализу суждений подрастающего поколения о Великой Отечественной войне. Такие мнения играют важную роль в сохранении исторической памяти, позволяя молодёжи понять, что пережили их сверстники и укрепить личную связь с историей и культурой России. Проблеме сохранения исторической памяти и патриотическому воспитанию молодёжи посвящены доклады М. В. Подхомутиковой (канд. полит. наук, ст. преп. каф. истории России КубГУ) и Т. В. Ратушняк (канд. ист. наук, доц. каф. истории России КубГУ). Н. А. Негода (канд. ист. наук, доц. каф. социально-гуманитарного образования Донецкого республиканского института развития образования) сделала вывод о том, что практики сохранения памяти о событиях СВО в Донецкой Народной Республике играют важную роль в консолидации населения, гражданско-патриотическом воспитании детей и молодёжи. О. В. Рвачева (д-р ист. наук, проф. каф. истории и международных отношений Волгоградского гос. университета) обратила внимание на то, что с началом своего возрождения казачество стало активным субъектом мемориальной политики, одна из ключевых тем которой – Великая Отечественная война и участие в ней казачества. М. А. Махалкина (канд. ист. наук, преп. Краснодарского монтажного техникума) обратилась к потенциалу современной военной прозы о СВО, делая вывод о том, что приобщение молодёжи к чтению прозы способствует развитию нравственных личностных качеств и патриотических чувств.

Итак, проанализированная Международная научно-практическая конференция стала важным событием, внёсшим весомый вклад в изучение истории и современного состояния Черноморско-Средиземноморского региона, национальной безопасности Российской Федерации.

Литература

1. Черноморско-Средиземноморский регион в системе национальной безопасности России: к 80-летию Победы в Великой Отечественной войне: материалы Международной научно-практической конференции. Краснодар: Кубанский гос. ун-т, 2025. 629 с.

References

1. The Black Sea-Mediterranean region in the Russian national security system: on the 80th anniversary of Victory in the Great Patriotic War: Proceedings of the International scientific and practical conference. Krasnodar: Kuban State University; 2025. 629 p. (In Russ.).

Научное издание

ГУМАНИТАРНЫЕ И ЮРИДИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

Научно-теоретический журнал

2025. Том 12. № 3

Гуманитарные и юридические исследования: научно-теоретический журнал / гл. ред. И. В. Крючков.
2025. Т. 12. № 3. 222 с.

– Свободная цена –

Ответственный секретарь К. Р. Амбарцумян
Технический редактор, компьютерная верстка М. И. Толмачев
Дизайн обложки С. Томицкая

Формат 60x84 1/8
Бумага офсетная

Подписано к печати 29.10.2025

Усл. п. л. 25,81
Заказ 43

Дата выхода в свет 31.10.2025

Уч.-изд. л. 24,13
Тираж 500 экз.

Отпечатано в дизайн-бюро Высшей школы креативных индустрий
ФГАОУ ВО «Северо-Кавказский федеральный университет»
355029, г. Ставрополь, пр-т Кулакова, 2